

Любовь нечаянно нагрывает...

**(О психологии личности при
тоталитарных и авторитарных режимах).**

2010

Книга-хрестоматия.

Автор и составитель Михаил Архангородский.

В книге представлен обширный материал о разрушительном влиянии на личность человека тоталитарных и авторитарных политических режимов и тоталитарных групп, психологии толпы, социально-психологических «эпидемий», с точки зрения новой психоисторической науки, мнений широкого круга известных исследователей этих вопросов. Книга помогает читателю понять глубинные причины роста в России ксенофобии, антисемитизма, негативных психологических последствий усиления авторитаризма власти, на примере германского нацизма и сталинского тоталитаризма, феномен сохранения тоталитарного стиля сознания и поведения у значительной массы людей в отсутствии тоталитарного политического режима, что делает ее особенно актуальной в наше время, помогающей найти пути выхода из социальных кризисов с точки зрения социальной психологии, сформировать гуманистическое мировоззрение, особенно у молодежи.

«Несомненно, что и новая идея подвергнется, в конце концов, участи идеи, которую ей удалось заместить. Эта идея состарится и придет в упадок; но прежде, чем стать совершенно негодной, ей придется испытать целый ряд регрессивных изменений и странных искажений, для осуществления которых потребуется много поколений. Прежде чем окончательно умереть, она будет долгое время составлять часть старых наследственных идей, которые называют предрассудками, но которые мы, однако, уважаем. Старая идея даже тогда, когда она не более, как слово, звук, мираж, облачат магической властью, способной еще подчинять нас своему влиянию.

Так держится это старое наследие отживших идей, мнений, условностей, которые мы благоговейно принимаем, хотя они не выдержали бы малейшего прикосновения критики, если бы нам вздумалось исследовать их. Но много ли людей, способных разобраться в своих собственных мнениях, и много ли найдется таких мнений, которые могли бы устоять даже после самого поверхностного исследования?

Душевный склад существ не может избежать физиологических законов. Мозговая клеточка, которая не упражняется, в свою очередь перестает функционировать, и психические качества, требовавшие века для своего образования, могут быть быстро потеряны. Храбрость, инициатива, энергия, дух предприимчивости и различные качества характера, очень медленно приобретаемые, могут изгладиться довольно быстро, раз им не представляется больше повода упражняться. Этим объясняется тот факт, что какому-нибудь народу всегда нужно очень долгое время, чтобы подняться на высокую ступень культуры, и иногда очень короткое время, чтобы упасть в пропасть вырождения».

Гюстав Лебон «Психология народов и масс»

Народ наш забитый в отечестве темном,
Для мракобесов - надежный оплот,
Если объявят, что двух будут вешать,
Третий с веревкой своею придет!
(На мотив гимна СССР)

М. Нахаловский

Предисловие.

Автор и составитель этой книги не является профессиональным историком, социологом, культурологом или политологом, поэтому позиционирует эту работу, как научно-популярное издание. В тоже время, имея большой опыт, как психотерапевт и психолог, работавший с тысячами людей, автор обратил внимание на некоторые негативные личностные изменения, происходящие с людьми которые сами пережили тоталитарные режимы, а так же у их потомков. С другой стороны автор не мог не замечать, что за последнее десятилетие в российском обществе неуклонно увеличивается число лиц с тоталитарным, авторитарным, экстремистским и откровенно фашистским менталитетом (по данным некоторых социологических опросов такое мировоззрение отмечается у 30%-40%). Все это происходит на фоне реставрации авторитарного стиля власти, эрозии многих социальных институтов, отсутствия тенденции к развитию гражданского общества. Предлагаемая информация известна узкому кругу профессионалов и почти совершенно неизвестна широкому кругу читателей. Широко представленные в книге мнения авторитетных ученых – историков, политологов, социологов, философов, врачей, психологов, возможно помогут сформировать адекватные взгляды на жизнь современного общества, особенно у молодежи, формирующей свое мировоззрение, а значит, буду надеяться, профилактике экстремизма, ксенофобии, фашизма. Не без некоторых колебаний автор включил в книгу и фрагменты книги «моя борьба» главного людоеда мировой истории – Гитлера. Сравнив некоторые идеи современных политиков, ученых, лидеров националистических движений с «первоисточником», можно, на мой взгляд, точнее идентифицировать их взгляды, поскольку у нас ряд простых граждан, представителей власти и судей не очень хорошо представляют (или не хотят представлять?) что такое фашистская идеология, что затрудняет борьбу с ней. Необычность названия объясняется удивительным явлением любви значительной массы народа к авторитарному или тоталитарному лидеру, что очень весомо поддерживает такой режим «снизу». Несмотря на то, что данное издание рассчитано на широкого читателя, автор полагает, что оно может быть элементом самообразования студентов и преподавателей гуманитарных факультетов университетов и других учебных заведений.

Прежде, чем рассмотреть основной вопрос нашей работы – формирование психологических особенностей личностей под влиянием тоталитарных и авторитарных режимов и об обратном процессе поддержания тоталитарных режимов психологическим влиянием масс, мы обратим внимание читателя на малоизвестную неспециалистам науку, имеющую прямое отношение к теме нашей книги – **историческую психологию**.

Осмысление исторических перемен нашего времени, стремление объяснить развитие русской истории и особенно трагической истории 20в., стимулирует внимание людей к вопросам о роли и месте личности в истории, о влиянии исторических событий на жизнь современника. Возникший в настоящее время интерес к вопросу о роли личности в истории, о взаимосвязях исторических и психологических феноменов свидетельствует о распространении в научном и обыденном сознании гуманистического восприятия истории.

К настоящему времени имеется множество вариантов понимания исторической психологии и идеологии этой дисциплины. В соответствии с современными представлениями об "истории" как о процессе развития природы и общества мы **определяем историческую психологию как науку, изучающую**

психику человека в зависимости от исторической эпохи. Историческая психология изучает психологические характеристики человека в зависимости от характеристик исторической эпохи: психологические особенности человека как субъекта познания и деятельности в зависимости от исторических условий, историческое своеобразие личности в данную историческую эпоху.

В основе представления о взаимодействии истории и психики человека находится **идея об активной роли человека в историческом процессе**, представление о человеке как об историческом деятеле - как носителе творческого, созидającego историческую ситуацию начала. **Историческая психология реализует антропоцентристский и гуманитарный подход к истории, сущность которого заключается в следующем: человек является главным действующим лицом в истории, и для адекватного понимания исторического процесса следует изучать психику человека, с другой стороны - социальные, политические, экономические и культурные особенности исторического периода являются факторами, влияющими на процесс формирования личности.** Гуманистическое восприятие исторического процесса, идея исторической изменчивости человеческой психики объединяет разрозненные исследования в рамки исторической психологии.

- 1 -

Возникновение исторической психологии как самостоятельной научной дисциплины связано с формированием и распространением в общественном и научном сознании **гуманистического восприятия истории, идеи социокультурной обусловленности психических процессов и свойств, культурно-исторического своеобразия личности, а также с идеей исторического измерения психологических явлений.** Перечисленные мировоззренческие предпосылки исторической психологии сложились в результате развития в гуманитарных науках XIX в. определенных философских и научных тенденций.

1. В научном сознании XIX в. прочно утверждается представление об истории как о процессе общественного развития. Это представление связано с развитием историко-генетического метода как общенаучного метода анализа природных и социальных явлений. Важнейшим в исторической науке становится вопрос о законах исторического процесса, для чего выявляются биологические, климатические, географические и психологические факторы исторического процесса. Для психологической науки 19 века введение исторического измерения означало выход за пределы непосредственного опыта, использование косвенного метода наблюдения. В психологические исследования включаются явления культуры, политики, что является вполне типичным для гуманитарных наук XIX века.

2. К середине XIX в. изменяется объект социально-исторических исследований. В значительной мере под влиянием Великой Французской революции сфера интересов историков и социологов смещается в область массовых движений. Проблемы, связанные с проявлением активности народных масс, изучаются историками, психологами, медиками, социологами на протяжении всего XIX в. Философскую традицию эпохи Просвещения, согласно которой субъектом исторического процесса признавалась отдельная личность, сменяет **представление о народе как об историческом индивидууме**, который порождает язык, нравы и право и является аналогом личности. **Массовидные социальные явления предпочитают индивидуальным, отдельная личность рассматривается как частица "коллективного индивида", как носитель его свойств, история**

отдельных стран изучается как история народной жизни. Этот принцип ярко выражен в философии истории Г.Спенсера, О.Конта, в историко-философских рассуждениях Л.Н.Толстого (в романе "Война и мир").

3. Представление об истории как о результате исторических действий героев и масс, **представление о психической деятельности человека как об определяющем факторе общественного развития** обуславливает психологизацию социальной науки. Вопросы о психологических причинах массовых действий, о соотношении стихийности и сознательности в поведении героев и масс, о влиянии психологических особенностей исторических деятелей на ход исторического процесса и о влиянии массовых действий на ход истории становятся центральными проблемами исторических и социальных исследований.

4. Анализ первобытных культур, открытых археологией и этнографией в XIX в., изучение обычаев, культуры, языка, искусства различных народов и эпох, использование исторического метода для исследования социальных и психических явлений закрепляет в научном и обыденном сознании идею культурно-исторических и психических различий людей и обществ в различные исторические эпохи.

Реализация идеи психологизации истории начинается с поиска естественных проявлений человеческой природы в исторических событиях, с поиска проявлений "народного духа" в историческом процессе, что порождает представление об истории как психологическом явлении. "Мировая история для нас является историей человечества, а в еще более тесном смысле она даже является, в конечном счете, историей человеческого духа, - напишет В.Вундт в переведенной на русский язык в 1912 г монографии "Элементы психологии народов", - **поэтому существенным содержанием истории являются события, вытекающие из духовных мотивов человеческого поведения; и это содержание, в то же время сообщает во взаимной связи и в изменении мотивов этим событиям ту внутреннюю непрерывность, которую мы требуем для всякой истории"**.

Акцент на процессуальности как атрибуте истории (исторический процесс представляется подобно эволюционным моделям органической природы, как, главным образом, процесс развития человеческих достижений, культуры, мифотворчества, обычаев, науки, искусства) серьезно повлиял на содержание первых историко-психологических объяснительных моделей. В рамках представления о психике как о некотором множестве психических процессов и в пределах общепсихологической теории создается специальный понятийный аппарат. Для обозначения множества "духовных" исторических явлений используются названия отдельных психических процессов, "соответствующих" специфике выделенных элементов, а по аналогии с интегральной психологической категорией "психика" разрабатывается новая категория - **"народный дух"**.

Научная традиция психологической интерпретации исторического процесса и включения в психологическое исследование исторических материалов, характеризующих развитие культуры, языка, образа жизни отдельных народов, для объяснения и понимания их истории была заложена первыми историко-психологическими исследованиями, проведенными в рамках народной психологии, основанной в 50-х гг. 19 века в Германии Х.Штейнталем и М.Лацарусом. По мнению основателей новой науки целью "народной психологии" является изучение методами психологической, филологической, исторической и философской наук феномена "народного духа". **"Народный дух" рассматривался как особый склад мыслей и чувств, свойственный данному народу, и проявляющийся в народной жизни в совместных действиях людей, составляющих данную общность.** Объектами "народной психологии" считались мифология, религия, культура, наука,

народное творчество и обычаи, для изучения которых проводились аналогии с психическими процессами. Понятием "народный дух" обозначается сходство, одинаковость сознания множества людей, которое возникает "вначале из многих внешних условий одинакового происхождения и близости места жительства. Но еще важнее, - считают создатели народной психологии, - что через одинаковость рождения судьбы должны быть одинаковы".

Включение в психологическое исследование материалов историко-этнографического характера, попытка выйти за пределы непосредственно наблюдаемых явлений, попытка описать и объяснить массовые и обыденные представления, предпринятая немецкими учеными являлась, безусловно, революционной и открыла большие перспективы для психологической науки. Однако, это направление получило весьма одностороннее развитие: исследование языка, культуры, религии, мифологии в историческом и психологическом плане становится в основном прерогативой этнографов и языковедов, как например, исследования русского языковеда А.А.Потебни. Вместе с тем приводимые, к примеру, советские пословицы и поговорки наглядно демонстрируют рельефный портрет психологии «советского человека, каким его «лепит» тоталитарный режим:

Артель дружбой крепка

Американец рядом - бей его прикладом!

Без актива нет коллектива.

Без удобрений не будет растений

Большой говорун — плохой работун.

Бумаг поток, а дело не идет.

Была коптилка да свеча - теперь лампа Ильича

Была Россия царская - стала пролетарская

Бюрократ — саботажнику брат.

Бюрократ любой бумажке рад.

В хорошей артели всяк при деле.

Велик день для лодыря, а для ударника мал.

Верблюд походкой не щеголяет, да шагист.

Видна из Кремля вся советская земля.

Видом внушительный, да в работе нерешительный.

Воля и труд дивные всходы дают.

Гвардейский миномет везде врага найдет.

Где бумажное царство, там волокита — король.

Где делом не руководят, там бумаги верховодят.

Где много говорят, там машины стоят.

Где работа, там и густо, а в ленивом доме пусто.

Два коммуниста ведут беспартийных триста

День гуляет, два больной, а на третий выходной.

Жди не дождя и грома, а жди агронома

За богом пойдешь - ничего не найдешь

Завод красен не планом, а выполнением.

И один в поле воин, если он советский воин

Ковал детали, а выковал медали.

Колхоз богат - колхозник рад

Колхоз пашет, а он руками машет.

Кремлевские звезды видишь - смелее вперед идешь

Кто в труде впереди, у того орден на груди.
Кто первый в труде, тому слава везде.
Кто труд любит, долго спать не будет.
Кудри завивай, да про дела не забывай.
Лицо лодыря видней при подсчете трудодней.
Лодыри и нытики не выносят критики.
Лодырь в цехе, что трус в бою.
Лодырю в колхозе, что волку на морозе.
Мечтой план не выполнишь.
На безделье и лень велик и один день, а на хорошие дела — и пятилетка мала.
На нашем заводе брак не в моде.
Не велик кооператив, а сколотил актив.
Не жалеи спины — будут трудодни.
Не красен цех плакатами, а красен результатами.
Не тот ударник, кто языком болтает, а тот, кто план выполняет.
Нынче и пастухи в почете живут.
От ленинской науки крепнут разум и руки
Партийный - человек активный
Плохой работник всегда жалуется на свой инструмент.
Правда Ленина по всему свету шагает.
Прогульные дни воровству сродни.
Прогульщик на заводе, что дезертир на фронте.
Проснулась Ульяна ни поздно, ни рано, все с работы идут, а она тут как тут.
Раньше жили - слезу лили, а теперь живем - счастье куем
Раньше церковь да вино - а теперь клуб да кино
С кружки по капле - буфетчице дом.
Сам не скажет — трудодни покажут.
Сей кукурузу - получишь сало.
Советский народ смотрит всегда вперед.
Советский народ тверже каменных пород.
Спать долго — жить долгом.
СССР - всему миру пример.
Тот не член артели, кто прячется от работы во все щели.
У лентяя закон простой: работай час, полсмены стой.
Ударнику уваженье, лодырю презренье.
Хозрасчетная бригада потерям преграда.
Хорош бригадир — хороша и бригада.

Другими словами работающий, любящий себе подобных и ненавидящий иностранцев, бескорыстный, партийный, безбожный, с большим самомнением, обезличенный, пролетарского происхождения, любитель клубов и кино, борец с саботажниками и врагами, бездуховный, бездумный, счастливый от света кремлевских звезд и правды Ленина олигофрен – это «пример всему миру».

Следующий важнейший опыт теоретического описания "психологии народов" предпринял известный немецкий психолог В.Вундт, который разработал обширную программу исследований в этой области. В фундаментальном 10-томном труде

"Психология народов. Исследование закона развития языка, мифов и обычаев" (1900 - 1920) В.Вундт развивает идею своих предшественников о психологическом исследовании явлений народной культуры как продукта духовной деятельности народа, как проявления "народной души". Рассматривая психологию народов, как часть психологии В.Вундт распространяет на исследования в этой области методы индивидуальной психологии. В каждом классе духовных и материальных явлений он ищет объективацию определенной психической функции: "язык содержит в себе особую форму живущих в духе народа представлений и законы их связи. Миф таит в себе первоначальное содержание этих представлений в их обусловленности чувствами и влечениями. Обычаи представляют собой возникшие из их представлений и влечений общие направления воли". Уже в 1863 году в "Лекции о душе человека и животных" В.Вундт обосновывает необходимость, наряду с экспериментальной, культурно-исторической психологии, поскольку именно психология народов может разрешить "проблемы психогенезиса": "психология народов ведет нас по пути истинного психогенезиса, изучая различные ступени духовного развития, на которых еще и теперь находится человечество. Она показывает здесь нам замкнутое первобытное состояние, от которого, благодаря почти непрерывному ряду промежуточных ступеней, можно перебросить мост к более сложным и более высоким культурам. Таким образом, психология народов есть в полном смысле слова психология развития".

Исторический метод, лишь обозначенный у предшественников, является для В.Вундта основным методом исследования в рамках народной психологии. В.Вундт считает, что для решения проблемы развития психики, для обнаружения законов психического развития существует два пути: 1 - "брать одно за другим отдельные важные явления общественной жизни и рассматривать их в их развитии, подобно тому, как это обычно делает общая психология при анализе индивидуального сознания"; 2- "употребляя прежнее сравнение, проводить не продольные, а поперечные разрезы, причем мы будем рассматривать одну за другой плавные ступени народно-психологического развития и каждую из них во всей взаимной связи ее явлений".

Идея исторического своеобразия человека, то есть психологических различий людей в разные периоды мировой истории человечества была выражена В.Вундтом как историческая периодизация "народно-психологических явлений" по аналогии с развитием индивидуального сознания ("поскольку эволюция сознания основана на психологических законах, постольку "все возникающее из общности духовной жизни процессы эволюции становятся проблемами самостоятельного психологического исследования"). Аналогия между этапом психологического развития человечества и онтогенеза восходит к эволюционной теории Г.Спенсера, который расценивает доисторическое и цивилизованное состояние общества в качестве ступеней онтогенетического развития - как детство и зрелость человека. В. Вундт выделяет 4 ступени развития народов, специфика которых определяется "преобладанием одного из психологических качеств"

(представления, чувства и мотивы поведения), около которых группируются народно-психологические явления.

Следующим шагом в изучении историко-психологических закономерностей становится исторический подход к психологическому изучению мышления, памяти, представления, личности французскими психологами Л.Леви-Брюлем, П.Жане.

Активный научный интерес к историческому изменению обыденных представлений начинается с популярных в 20-е годы работ Л.Леви-Брюля, посвященных психологии первобытного человека: "Умственные функции в низших обществах"(1910), "Первобытное мышление" (1922), "Первобытная душа" (1927). С работами Л.Леви-Брюля связано распространение понятия "**ментальность**".

Именно здесь впервые слово *mentalit * употребляется не только как традиционное для французской психологии обозначение мышления, но как система коллективных представлений, как определенная направленность мыслей.

Объектом исследований для Л.Леви-Брюля выступают "коллективные представления" (традиции изучения коллективных представлений как самостоятельных психических явлений восходят к социологии Э.Дюркгейма). По мнению Л.Леви-Брюля "коллективные представления имеют свои собственные законы, которые не могут быть обнаружены изучением взрослого и цивилизованного человека. Лишь изучение коллективных представлений и их связей и сочетаний в низших обществах сможет пролить свет на генезис наших категорий и логических принципов". Мировоззренческие истоки этого утверждения восходят к позитивистской философии О.Конта, согласно которой "не человечество следует определять исходя из человека, а напротив - человека исходя из человечества", и, следовательно, различным типам общества соответствуют различные формы мышления. Сравнительное изучение разных типов обществ неотделимо от сравнительного изучения коллективных представлений, господствующих в этих обществах .

В своих работах Л. Леви-Брюль излагает теорию "**пралогического мышления**", характерного для "**архаической психики**". Явления "архаической психики", по мнению Л.Леви-Брюля, свойственно не только первобытному человеку, или "отсталым" народам современности, но и цивилизованному человеку в некоторых индивидуальных и коллективных проявлениях (поведение в ситуации неопределенности, угрозы, в религиозных обрядах, в ситуации толпы). "Пралогическое мышление" отличается от логического "современного" мышления специфическим характером связи между представлениями, управляемой законом **партиципации** (сопричастия): ассоциация мыслительных элементов происходит путем приписывания предметам и явлениям мистических свойств, при этом несколько различных предметов мыслятся как идентичные. **Особая форма категоризации обуславливает такие свойства "пралогического мышления" как нечувствительность к противоречиям, непроницаемость для опыта, мистичность содержания (мистицизм).**

Исследования Л.Леви-Брюля явились стимулом для изучения психологии первобытного человека, для сравнительно-исторических исследований мышления. Историческое развитие отдельных психических функций и личности исследовал П.Жане. По мнению французского психолога усложнение и совершенствование психических функций, появление новых форм психической деятельности людей происходит в процессе совместной деятельности. В работе "Развитие памяти и представления о времени" (1928) мнемические действия рассматриваются как произвольные, социально регулируемые операции запоминания и воспроизведения информации, значимой в процессе социального взаимодействия. Исторически развитие памяти связано с необходимостью передачи друг другу сведений о наблюдаемых явлениях, с потребностью сотрудничать в условиях пространственного удаления друг от друга. Совершенствование и своеобразие "культурных орудий" (составление, сохранение и воспроизведение рассказа о важнейших событиях в племени, техника запоминания и воспроизведения информации с помощью камешков, узелков и других подручных средств, появление письменности) определило, по мнению П.Жане этапы исторического развития памяти.

П.Жане одним из первых ставит вопрос о проведении генетического исследования личности для улучшения понимания характеристик ее структуры. В рамках историко-генетического понимания П.Жане личность трактуется как формирующийся в ходе истории человеческого общества в целях, необходимых для

этого общества, психологический механизм: **"Личность представляется нам как конструкция, человеческое изобретение; как многие вещи, она была создана людьми, которые конструируют как придется, более или менее плохо. Вопрос о том, чтобы определить, как, в какую эпоху, посредством каких переходов могла создаваться эта конструкция"**. В монографии "Психологическое развитие личности" (1929), описывая процесс становления личности, П. Жане выделяет несколько уровней индивидуального развития личности, соответствующих стадиям развития личности в истории человечества: 1 - **личность как "персонаж"** (усвоение и принятие индивидом определенной роли в семье и профессиональной группе); 2 - **личность как "субъект"** (образование системы внутренних побуждений к активной социальной деятельности); 3 - **личность как "Я"** (надстройка к системе внутренних побуждений системы интересов, определяющих поведение человека); 4 - **личность как "индивидуальность"** (появление у человека чувства личной ответственности, оригинальности поведения, прогрессивных тенденций, выражающихся в стремлении содействовать социальному прогрессу).

Сформировавшаяся к началу XX в. общенаучная тенденция антропологизации определила становление множества новых научных дисциплин: культурантропология, этнопсихология, историческая и социальная антропология, этнология, психосоциология. В середине XX в. появляются специальные научные дисциплины, в рамках которых изучается изменчивость человеческой психики в процессе общественного развития, осуществляется психологический подход к историческому процессу: историческая психология во Франции, психоистория в США.

Исходной философской предпосылкой для историко-психологических исследований является признание исторической значимости социальных действий как отдельных личностей, так и социальных групп, изменение социальной действительности рассматривается как результат прежде всего человеческой активности. **Использование психологических моделей для изучения исторических событий в значительной мере связано с распространением психоаналитических и бихевиористских теорий.** Формированию гуманистического восприятия истории способствовали следующие теоретические положения, непосредственно связанные с психоанализом и бихевиоризмом:

- **прошлое человеческое поведение может быть изучено научно;**
- **исторический процесс может быть исследован через понимание законов человеческого поведения;**
- **для понимания исторической действительности необходимо изучать проявления сферы бессознательного в поведении исторических личностей и народных масс.**

В 1948 г. французский психолог И.Мейерсон предлагает термин **"историческая психология"** для обозначения специальной научной дисциплины, изучающей психику человека в конкретно-исторических условиях, изменение психического склада личности в процессе социального развития. Конкретные историко-психологические исследования французских психологов и историков Ж. Вернана, М.Детьена, П.Франкастеля, Л.Февра, Р. Мандру, Ж. ЛеГоффа, Ж. Дюби посвящены реконструкции мировоззрения, индивидуального и коллективного сознания людей различных эпох, выявлению исторического своеобразия личности, истории чувств и ментальности.

В 60-х годах в США формируется **психоистория** - научная дисциплина, в рамках которой осуществляется психологический подход к истории (для объяснения исторических событий и деятелей используются психологические модели), изучаются взаимосвязи между историческими и психологическими феноменами. Американские психоисторики Л. де Моз, Б. Мэзлиш, Дж. Ковел, Дж. Плэтт,

Э.Эриксон и другие в своих исследованиях рассматривают такие проблемы, как влияние психологических особенностей исторических деятелей на исторические события, проблемы психологических истоков распространения различных идеологий, психологических причин социальных революций, национально-освободительных движений.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ВО ФРАНЦИИ.

В 1948 году в Париже опубликована программная работа И. Мейерсона "Психические функции и творения", в которой определяются задачи и методы исторической психологии. Тогда же под его руководством создается Центр исследований по сравнительной исторической психологии, объединивший его учеников и последователей Ж.П. Вернана, Ф. Мальрие, М. Детьена, П.Франкастеля и других французских психологов.

Исходной теоретической позицией концепции И.Мейерсона явилось признание изменчивости психики человека в зависимости от исторически изменяющихся форм созидательной деятельности. Предметом исторической психологии, по мнению Мейерсона, является процесс развития отдельных психических функций (восприятия, памяти, мышления, личности) в изменяющихся конкретно-исторических условиях человеческой деятельности. Теоретической основой данного научного направления является общепсихологическая концепция, согласно которой психика всегда направлена на объект, создает объект и выражается в нем, и **"ключ" к раскрытию своеобразия человека заложен в созидательной деятельности, поскольку единственным способом существования человека является существование в качестве творца.**

Французские исторические психологи выступили преемниками основателей "народной психологии". Изучение истории языка, искусства, науки, мифологии как явлений, имеющих психологическое содержание; изучение эволюции человеческой психики на основе исследования продуктов психической деятельности (социальные и культурные явления), - эти идеи, заложенные основателями "народной психологии", реализуются в методике историко-психологических исследований.

Как считает И.Мейерсон, **психика возникает, когда человеческое действие превращается в определенную внешнюю реальность (продукт, социальный факт), и, возникнув, психика существует как предмет, подчиняющийся законам предметного мира, и ее анализ не может быть чисто психологическим.** По мнению И. Мейерсона **человеческая личность всегда в чем-то объективирована: в психических реакциях, в поступках, в социальных иерархиях, творениях искусства, орудиях труда.** Для обозначения продуктов человеческой деятельности (продуктов труда), в которых человек реализует свое психическое своеобразие и которые, в свою очередь, становятся инструментом для развития, как психических функций, так и всей личности И.Мейерсон использует категорию "творения": "Все человеческое объективируется и проецируется в творениях, весь физический и социальный опыт и все то, что в этом опыте и через этот опыт выступает как состояние или функция: аспекты анализа реальности, аспекты мысли, желания, чувства, личность - наиболее абстрактные идеи и наиболее интимные чувства". Понятие "творения" охватывает все аспекты жизни общества: общественные институты, науку, искусство, религию, язык, технологии, знаковые системы.

Анализ исторического развития значений составил основу историко-психологического исследования. Создание психики в представлении И. Мейерсона -

это грандиозный необратимый процесс перехода чувственных образов, эмоций в знаки.

Одной из центральных проблем историко-психологических исследований во Франции является изучение исторического персонотенеза. Исторический персонотенез - процесс исторического формирования личности под влиянием внешних и внутренних факторов психологической организации личности в ту или иную эпоху (например, личностных концептов - представлений о личности, внешних культурных атрибутов конституирования личности - произведений искусства и быта).

По мнению И. Мейерсона исторический метод изучения человека "устраняет допущение вечных категорий, и, в то же время, делает акцент на проблемах движения, изменений и прогресса".

Как считают французские исторические психологи, представление каждой эпохи о личности отличается от простого отражения реальности, оно входит в число ее составляющих и является правилом ее построения, нормой, ибо оно соткано из идеологии, которая определяет мероприятия этой эпохи. **Обращение к эпохам духовного, политического и экономического кризисов, смены общественных формаций, является принципиальным для этой школы, поскольку, именно в переломные периоды истории проявляются психические сдвиги в личностной сфере человека. По определению И. Мейерсона "личность - это ощущение своей непрерывности, отождествление себя с источником действия, ощущение и понятие о себе как о существе, качественно отличающемся от других, единственном, оригинальном".**

Проблема психологического эффекта исторических изменений в обществе в исследованиях французских ученых трансформируется в проблему возникновения и изменения представлений о личности и ее месте в мире, отразившихся в материальных и идеальных продуктах человеческой деятельности. Таким образом, воздействие истории на личность опосредуется системой представлений о человеке и мире, о времени и пространстве, которые рассматриваются в качестве факторов развития личности.

В анализе личностных концептов, характерных для того или иного исторического периода, выделяются следующие аспекты, которые, по мнению французских ученых, подвержены историческому изменению, которые являются своеобразными творениями, в которых проявляются и формируются структуры создающих эти творения личностей:

1. В какой степени агент-индивид отличает самого себя от мира, в котором он действует?
2. В каких отношениях он со своим телом?
3. Как он рассматривает свою исключительность?
4. Как он рассматривает зависимость своей активности от себя самого и самого себя от своих актов?
5. Какой тип идентичности признает он для себя?
6. В какой степени он чувствует свою зависимость от окружающих, богов, мертвых и живых, грядущих поколений, и какую зависимость он предпочитает?

В соответствии с пониманием закономерности персонотенеза и с представлением о личности как одной из функций человеческой психики исследование исторического персонотенеза и своеобразия личности в различные исторические эпохи сводятся в основном к изучению отдельных личностных свойств и проявлений:

- изучение мотивационно - волевой сферы личности (Ж.П. Вернан);
- изучение и развитие самосознания личности, исторической динамики "Я-концепции"(И.Мейерсон, Г. Ле Бра, Ф. Дрейфус);

- исследование мировоззрения, представлений о времени и пространстве (Д. Кохэн);
- изучение поведения через отношения личности к своим действиям (Э. Сурье, Д. Феше);
- представления о собственном теле (Х. Хекон)
- исследование развития терминов, обозначающих личность (И.Мейерсон);
- исследование культурно-исторического содержания этапов индивидуального и исторического персонификации (Ф. Ариес, Ф. Мальрие).

Одним из приоритетов французских исторических психологов является сравнительно-историческое исследование обыденного сознания, ментальности. По мнению отечественного историка А.Я.Гуревича, работающего в рамках междисциплинарного подхода к изучению человека и развивающего традиции французских историков, **"ментальность"** - это **социально-психологические установки, способы восприятия, манера чувствовать и думать**. Ментальность выражает повседневный облик коллективного сознания, не отрефлектированного и не систематизированного посредством целенаправленных умственных усилий мыслителей теоретиков. **Важным признаком ментальности является неосознанность**. Современные исследования в области "истории ментальности", по мнению А.Я.Гуревича, включают множество явлений, обозначаемых понятием **"ментальность"**:

- отношение членов данного общества и входящих в него классов к труду, собственности, богатству и бедности;
- образ социального целого и оценка разных групп, разрядов, классов и сословий;
- понимание природы права и обычая, значимости права как социального регулятора;
- образ природы и ее познание, способы воздействия на нее - от технических и трудовых - до магических;
- понимание места человека в общей структуре мироздания;
- оценка возрастов жизни, в частности, детства и старости, восприятие смерти, болезней, отношение к женщине, роль брака и семьи , сексуальная мораль и практика;
- отношение мира земного и мира трансцендентного, связь между ними и понимание роли потусторонних сил в жизни индивидов и коллективов;
- трактовка пространства и времени;
- восприятие истории и ее направленности (прогресс или регресс, повторение или развитие), при том не одно осмысление истории профессионалами, хронистами, теологами, схоластами, но и более непосредственное переживание ее обыденным сознанием;
- форма религиозности, присущая "верхам" и "низам", образованным и неграмотным;
- психология "людей книги" и психология людей, живущих в условиях господства устного слова;
- социальные фобии и иные негативные эмоции, коллективные психозы и напряженные социально-психологические состояния;
- соотношение "культуры вины" и "культуры стыда", то есть психологическая ориентация на внутренний мир или на социум;
- история праздников, календарных обычаев, ритмизирующих жизнь коллективов;
- осознание национальной, племенной, государственной идентичности, национальные противоречия и заложенные в них стереотипы.

Французские историки, разделяющие представление об истории человечества как об истории человеческих чувств и представлений, а не только как о политической и социальной истории, объединились вокруг журнала "Анналы", основанного в 1929 году М.Блоком, ориентируясь на концепцию "живой истории", сформулированную историком Л. Февром в конце 30-гг. В статье "История и психология", опубликованной в 1938 году Л.Февр говорит о необходимости исследовать психологические феномены прошлого, эмоции и мысли, чувства и желания прошлых эпох. Вместо традиционных для историка фактов, характеризующих действия субъектов социальных преобразований Л.Февр призывает историков изучать данные о духовной жизни прошлого, представления о мире, жизни, религии и политике "исторических коллективов", воссоздать психологическую атмосферу прошлых эпох. Эта идея показалась заманчивой многим историкам, которые занялись "историей ментальностей", воссозданием психологической атмосферы Античности, Средневековья, Возрождения, Нового времени (Р.Мандру, Л.Февр, Ж. Легофф, Ж.Дюби, А.Дюпон). В своих исследованиях французские историки реализуют следующие методические принципы:

1. Тщательного исследования заслуживают феномены обыденного сознания (системы представлений о мире, стиль мышления, особенности мировоззрения, характерные для людей прошлого), которые подвержены исторической изменчивости, наиболее ярко выражают историческое своеобразие личности и во многом определяют поведение людей в конкретную эпоху. Французские историки используют для изучения психологического уровня обыденного сознания оригинальную систему понятий, например:

- "духовный универсум" (Л.Февр) - эстетические, этические, правовые нормы, эмоциональные состояния, типичные для исторической эпохи, особенности психического склада людей данной эпохи;

- "видение мира" (Р.Мандру) - мироощущение, мировосприятие, мировоззрение, система отношений к действительности, определяющая позиции людей в частной и социальной жизни, в труде;

- "ментальность" (Л.Февр) - способ преломления интеллектуальной обработки впечатлений;

- "ментальность" (А.Дюпон) - состояние духовности, манера думать, воспринимать мир, система символов и ценностей.

2. Психологические феномены, характерные для определенной эпохи, исследуются в связи с социальными, экономическими, политическими, географическими и др. явлениями. Например, общественное сознание исследуется в непрерывной связи с состоянием общества и всей его истории.

3. Особенности коллективной психологии изучаются, главным образом, через реконструкцию знаковых систем, характерных для данной эпохи. Семантические и семиотические системы, созданные обществом в процессе его жизнедеятельности, рассматриваются как основное средство воздействия "исторического коллектива" на личность, обуславливающее историческое своеобразие личности.

4. Для воссоздания целостного облика эпохи используется герменевтический принцип "вживания в эпоху", то есть, понимание эпохи из нее самой. По мнению французских историков, эпоху возможно понять через реконструкцию ментальности, через раскрытие повседневной жизни представителей различных социальных и возрастных групп, особенности духовной и аффективной жизни человека через изучение мотивов индивидуального и коллективного поведения, через исследование коллективных действий и коллективных эмоций.

Ярким примером воссоздания целостной историко-психологической картины эпохи является работа Й. Хейзинги "Осень Средневековья" (1919), опубликованная на русском языке в 1990г., и положившая начало серии блистательных исследований в области исторической психологии Средневековья: Ж. Дюби, Ф.Ариас, Ж. Ле Гофф, А.Я.Гуревич .

АМЕРИКАНСКАЯ ПСИХОИСТОРИЯ.

В годы второй мировой войны в Соединенных Штатах Америки начинается проведение исследований, осуществляющих психологический анализ исторических событий. Речь идет о первых исследованиях по психологии нацизма, выявляющих психологические предпосылки и возможные последствия тоталитарного режима (В. Лэнгер, Э.Эриксон, Ф.Нойман). В американской науке накоплен богатый опыт психологического изучения исторических деятелей. Развитие данной традиции восходит к работам З.Фрейда "Леонардо да Винчи" (1910), "Томас Вудро Вильсон. 28 президент США: Психологическое исследование" (1932) совместно с У.Буллитом, в которых психоаналитический метод был применен в качестве способа интерпретации и понимания личности исторического деятеля.

В дальнейшем, в 60-е гг., исследования, посвященные психологическому описанию и объяснению исторических личностей и социальных групп, психологической интерпретации исторических событий и периодов в истории различных народов обозначаются как "психоисторические" исследования. Начиная с 60-х годов психоистория существует как университетская дисциплина: если в 1963 Б. Мэзлишем организован первый психоисторический семинар под названием "История и психоанализ", то к концу 70-х годов в американских университетах читается около 200 лекционных курсов, посвященных проблемам психоистории.

Самой распространенной психологической концепцией, используемой для интерпретации группового и индивидуального поведения в психоисторических исследованиях является психоанализ в его классическом и модернистском вариантах. Некоторые теоретики психоистории определяют психоисторию как область применения психоанализа для интерпретации истории (Б.Мэзлиш, П.Левенберг, Э.Эриксон, Р.Бинион). Эти ученые считают, что у психоанализа и истории единый предмет исследования: история изучает прошлые человеческие действия, мысли и мотивы, а это тоже, что психоаналитики изучают у своих пациентов.

В ряде работ, начиная с 1912 года, З.Фрейд последовательно экстраполирует психологические наблюдения и теоретические положения на исторический материал, выстраивая психологическую концепцию, объясняющую исторические явления и применяя метод психоанализа к истории. Идеологические и процедурные основы психоаналитического подхода к историческому процессу изложены в работах З.Фрейда: "Тотем и табу"(1912), "Психология группы и анализ Эго" (1921), "Будущее одно иллюзии" (1927), "Болезнь цивилизации" (1930), "Моисей и монотеизм" (1939).

Основой историко-психологической концепции З.Фрейда выступает аналогия между психическими и историческими феноменами: в психологической истории человечества, так же как и в душевной жизни нечто, раз возникнув, не исчезает, все каким-то образом сохраняется и при известных условиях, например, в случае далеко зашедшего регресса, может вновь всплыть на поверхность. Влияние на формирование историко-психологических представлений З.Фрейда оказала собственно психоаналитическая теория личности и терапевтический метод психоанализа, который является по существу историческим методом.

Психоанализ, предполагающий обязательное изучение истории жизни личности для понимания ее актуального поведения, является такой психологической концепцией личности, которая базируется на историческом методе, что и дает возможность соотносить исторический процесс и процесс развития личности.

Осевая аналогия, на которой строится историко-психологическая концепция З.Фрейда заключается в соотнесении истории социальной общности (человечества, социальной группы, или нации) с развитием личности. **Так, например, роль великой личности в истории народа рассматривается по аналогии с ролью личности значимого другого в жизни человека; влияние личностных кризисов на формирование личности выступает аналогом конфликта поколений в историческом ракурсе.** Историко-психологическая концепция З.Фрейда содержит следующие положения:

1. Для понимания массовых социальных действий, так же, как и поведения отдельной личности, необходимо исследование феноменов "бессознательного" (влечения, невротические симптомы, идентификации, либидозные связи, содержимое вытесненного сознанием). Так, ответ на вопрос о причинах поведения исторической личности или социальной группы предполагает выявление неосознаваемых мотивов поведения.

Использование психоаналитической процедуры для объяснения группового поведения восходит к работам З.Фрейда "Тотем и табу", "Психология группы и анализ Эго", где делается попытка расширить возможности психоанализа, выйти за пределы объяснения отдельного индивида. Особенности поведения людей в толпе (импульсивность, нетерпимость, доверчивость, подчиненность) З.Фрейд объясняет предположением о коллективной регрессии к ранней стадии исторического развития, когда общество подавлялось отцом-тираном, тогда как современные толпы бессознательно ищут своего утраченного отца, и через механизм идентификации происходит замещение отца лидером.

2. Для понимания процессов, происходящих в психологии масс необходимо по аналогии с психоанализом исследовать опыт прошлых переживаний в истории народа. **Унаследование аффективных переживаний прошлых поколений происходит путем бессознательного понимания обычаев, церемониалов и узаконений, в которых отразилось первоначальное отношение к отцу.**

3. Особую роль в формировании массовой психологии народа и его судьбы играет "великий человек, который является выразителем массовых порывов, "производит устойчивые психологические изменения в своем народе", влияет на своих современников через свою личность ("силой исходящего от него воздействия и через свои идеи"). Психологической основой для формирования специфической либидинозной связи народа с лидером являются психологические особенности выдающейся личности

3. Для объяснения поведения взрослого субъекта необходима реконструкция событий раннего детства. В этом случае выявляются события, оказавшие травмирующее влияние на формирование исследуемой личности (психотравмы). Для объяснения группового социального поведения выявляется общий для членов группы детский опыт. В качестве такого опыта рассматривается первобытная история, которой З.Фрейд отводит особенную роль в понимании истории человечества и его настоящего. Концепция праистории изложена Фрейдом в "Тотем и табу", где предложена оригинальная концепция, связывающая прошлые и настоящие исторические события. По аналогии с процессом формирования личности Фрейд реконструирует исторически ранние формы человеческого сообщества (по типу взаимоотношений в семье).

4. Для понимания роли исторических событий в народной жизни **выявляются их психологические последствия.** В истории (в жизни человеческого

рода) тоже имели место события сексуально-агрессивного содержания, оставившие по себе стойкие забытые следы, которые после достаточно долгого латентного периода оказали свое воздействие и вызвали к жизни феномены, аналогичные по структуре и тенденции невротическим симптомам. З.Фрейд рассматривает религиозные феномены как симптомоподобные последствия таких событий. Сходство бредовой идеи и возвратившегося фрагмента прошлого приводится в качестве доказательства этой гипотезы: "в бредовой идее кроется фрагмент забытой истины, неизбежно извращенной и недопонятой при своем возвращении в сознание, и что навязчивая убедительность, окружающая бредовую идею, исходит от этого зерна истины, распространяясь и на наслоившиеся заблуждения. Подобную истину, которую можно назвать исторической, мы и должны признать за положениями религиозной веры". **Исторические события в жизни народа имеют психологические последствия (подобно травмам раннего детства), обуславливают психологические тенденции в жизни народа, социальной группы (подобно невротическим симптомам) и формируют народный характер. В религиозных, этических и политических идеях находят свое выражение забытые переживания и события прошлого ("историческая истина"), неизбежно приобретающие извращенный и искаженный характер.**

Наиболее ярко и последовательно идея соотнесения истории человечества и отдельной личности воплощается в жанре, в котором З.Фрейд выступает в качестве основоположника, - в психобиографии. В 1910 году опубликовано первое в психологии психобиографическое исследование З.Фрейда "Леонардо да Винчи"(1910), в котором продемонстрированы возможности психоаналитического метода для изучения биографии. Основными вехами в развитии психобиографического направления, которое становится впоследствии наиболее популярным жанром американской психоистории, являются работа З.Фрейда, написанная совместно с историком У.Буллитом "Томас Вудро Вильсон. 28 президент США. Психологическое исследование" (1932), работы Э. Эриксона "Юность Лютера" (1958), "Истина Ганди" (1969) .

Психобиография - психологическое исследование жизненного пути исторического деятеля. Цезарь, Бисмарк, Кромвель, Наполеон, Робеспьер, Адамс, Вильсон, Линкольн, Лютер, Ленин, Троцкий, Сталин, Мао Цзе Дун, Гитлер, Ганди, - далеко не полный список исторических личностей, жизнь и деятельность которых подверглась психобиографической реконструкции. Объектом психобиографического исследования является исторический деятель, его биография, предметом психобиографии является психологическое содержание жизненного пути исторического деятеля. Исходной мировоззренческой предпосылкой психобиографических исследований является признание исторической значимости отдельной личности, понимание действий которой рассматривается как один из способов объяснения исторических событий. Временными рамками таких исследований выступают уже не исторические эпохи, границы которых определяются социальными, культурными, экономическими сдвигами, но время человеческой жизни, границы которого определяются событиями истории жизни конкретной личности.

Отличие психобиографического исследования от традиционного жизнеописания (биографии) великих людей заключается в принципах и методах исследования: если целью исторической биографии является максимально достоверное описание истории жизни и деятельности выдающейся личности, то **психобиография призвана составить психологическое описание жизненного пути, объяснить причины действия исторической личности, используя для этой цели психологический инструментарий (психологические теории личности, психологические понятия).** Психобиография является основным на

сегодняшний день способом изучения влияния психологических особенностей личности исторического деятеля на ход исторического процесса. Вопрос о влиянии психологических особенностей исторической личности на исторические события поднимается еще в 19 веке в работах ученых И.Тэна, А. Токвиля, П.Л.Лаврова, Н.К.Михайловского, В.О.Ключевского, Г. ЛеБона в рамках осмысления вопроса о роли личности в истории. Психобиография не только выражает, но и реализует идею соотнесения истории человека и истории человечества и является адекватным методом психологической интерпретации истории.

Психобиография является наиболее распространенной практикой применения психоаналитической процедуры в психоисторических исследованиях (Б. Мэзлиш, Г.Вильсон, П. Левенберг, Р. Бинион). Для установления причинной связи между детским опытом субъекта и его поведением в зрелом возрасте, для получения сведений о перенесенных исторической личностью в раннем детстве психотравмах исследователи полагаются на информацию, содержащуюся в письмах, дневниках, биографиях и автобиографиях, в документах и медицинских картах.

Существуют некоторые трудности в использовании психоанализа в психобиографическом исследовании, которые сводятся к следующему:

а) биографические источники обеспечивают адекватную информацию о характеристиках взрослого, но не о детстве; дело не только в отсутствии фактических доказательств в исторических источниках, но в трудности установления эмоциональной значимости этих документов для личности;

б) использование психоаналитической техники зачастую сводится к редукции клинических способов исследования на психобиографию;

в) чрезмерная апелляция к поиску исключительно неосознаваемых мотивов поведения субъекта не обеспечивает целостного описания изучаемой личности.

Совершенствование методики психобиографического исследования происходит путем дополнения классического психоанализа, выявляющего скрытые неосознаваемые мотивы поведения, неотрефлексированным, признающим влияние исторических условий на формирование личности и поведение субъекта истории (работы Э. Эриксона).

Наглядный и информативный, для нашего исследования пример психоисторических биографий дал **Антон Ноймар** в книге «**Диктаторы в зеркале медицины**» (Ростов-на Дону, 1997), фрагменты из которой с психограммами Гитлера и Сталина мы приводим.

«...хотя бы некоторым станет ясно, сколь безответственно мы поступаем, давая опутать себя искусству демагогического убалтывания, поставленному на службу бредовым идеям народных трибунов, одержимых манией власти. Для того, чтобы эта опасность наконец-таки была осознана, необходимо окончательно и бесповоротно похоронить многие существующие легенды и позволить, наконец, проявиться истинной реалистической картине... героев новой и новейшей истории Европы. И здесь помощь медицины трудно переоценить. Вот почему эта книга рассчитана не только на тех читателей, которые интересуются медициной и историей, но и на любого человека, не разучившегося мыслить политически и не растерявшего гражданскую совесть.

Вена, январь 1995 г.

ПСИХОГРАММА ГИТЛЕРА

«Ведь все мы знаем, что задачу
руководящего государственного деятеля в наши

времена видят не столько в том, чтобы он обладал творческой мыслью и творческим планом, сколько в том, чтобы он умел популяризовать свои идеи перед стадом баранов и дураков и затем выклянчить у них их милостивое согласие на проведение его планов. Разве вообще можно подходить к государственному деятелю с тем критерием, что он обязательно должен в такой же мере обладать искусством переубедить массу, как и способностью принимать государственно мудрые решения и планы? Да разве вообще когда-нибудь видно было, чтобы эта толпа людей поняла крупную идею раньше, чем практический успех этой идеи стал говорить сам за себя? Да разве вообще любое гениальное действие в нашем мире не является наглядным протестом гения против косности массы? Ну, а что делать государственному деятелю, которому не удалось даже какой угодно лестью завоевать благоволение этой толпы? Что же ему остается – купить это благоволение? Или ввиду глупости своих сограждан он должен отказаться от проведения того, что он считает жизненно необходимым? Или он должен уйти? Или тем не менее остаться?... Подлинный политический руководитель постарается отойти подальше от такой политической деятельности, которая в главной своей части состоит вовсе не из творческой работы, а из интриг и фальши, имеющих целью завоевать большинство. А нищих духом людей как раз именно это обстоятельство и будет привлекать. Чем мельче этакий духовный карлик и политический торгаш, чем ясней ему самому его собственное убожество, тем больше он будет ценить ту систему, которая отнюдь не требует от него ни гениальности, ни силы великана, которая вообще ценит хитрость сельского старосты выше, чем мудрость Перикла. При этом такому типу ни капельки не приходится мучиться над вопросом об ответственности. Это тем меньше доставляет ему забот, что он заранее точно знает, что независимо от тех или других результатов его "государственной" пачкотни конец его карьеры будет один и тот же...»

А. Гитлер, «Моя борьба»

Жажда убийства.

Важнейшим свойством характера Гитлера была некрофилия, которую Эрих Фромм определил как "страстную тягу ко всему мертвому, прогнившему, разложившемуся и больному; страсть превращать все живое в неживое; страсть к разрушению ради разрушения". Объектом этой страсти становились люди и города, и своего апогея она достигла в приказе о "выжженной земле", отданном Гитлером в сентябре 1944 года, согласно которому вся территория Германии, в случае оккупации врагом, должна была быть предана тотальному уничтожению. Детали этого плана поведал Шпеер в 1970 году: "Полному уничтожению подлежали не

только промышленные объекты, станции водо-, газо- и электроснабжения, телефонные станции, но и вообще все, необходимое для жизнеобеспечения: документы, по которым выдавались продовольственные карточки, акты гражданского состояния и сведения о прописке, банкноты; запасы продовольствия должны были быть уничтожены, крестьянские подворья сожжены, скот забит. Даже произведения искусства приказано было уничтожать: памятники архитектуры, дворцы, замки, церкви и театры также надлежало разрушить". Генри Пиккер писал, что **деструктивность** Гитлера в полной мере проявилась в бесчеловечном плане, предусмотренном им для побежденной Польши: поляков следовало в культурном плане "кастрировать", уготовив им судьбу дешевых рабов. Первыми людьми, ставшими жертвами его страсти к уничтожению, были неизлечимо больные. Следующим ранним деструктивным действием Гитлера было вероломное убийство Эрнста Рема и более сотни главарей СА. Однако главным объектом его буйной разрушительности были евреи и славянские народы, при этом в юдофобии Гитлера важную роль играла позаимствованная у Ланца фон Либенфельса и прочих "евгеников" мысль о том, что евреи отравляют арийскую кровь. В фантазии некрофильной личности **страх отравления, загрязнения или заражения возбудителями опасных заболеваний** занимает важное место. У Гитлера этот страх проявлялся в навязчивой потребности в мытье и в убеждении, что "сифилис является важнейшей жизненной проблемой нации". Кульминационным пунктом слепой страсти Гитлера к разрушению стал конец его собственной жизни, ставший также концом жизни и его жены - если бы это зависело от него, то Гитлер прихватил бы с собой и всех немцев вместе с их жизненным пространством. Тот факт, что выраженная деструктивность Гитлера в течение длительного времени не воспринималась всерьез ни его соотечественниками, ни зарубежными государственными деятелями, объясняется, во-первых, **вытеснением его деструктивности различного рода рациональными соображениями, и, во-вторых, тем, что, будучи высококлассным лжецом и прекрасным актером, он блестяще разыгрывал нужные ему роли. Лживость и вероломство**, как в личном плане, так и в политике, принадлежат к наиболее отвратительным чертам характера Гитлера. Если речь шла о личной выгоде, он не щадил даже самых близких друзей и самых преданных соратников, как показывает пример "ночи длинных ножей". И в отношениях с католической церковью действия Гитлера были лживыми и лицемерными. Заключив в 1933 году конкордат с Римом, он уже в то время начал планировать "окончательное решение вопроса" в будущем: "Придет время, и я с ними рассчитаюсь без всякой волокиты... Каждое лишнее столетие сосуществования с этим позорным для культуры явлением будет просто не понято будущими поколениями. Как в свое время избавились от охоты на ведьм, так следует избавиться и от этого ее пережитка". Также и вся внешняя политика Гитлера была сплошным обманом и надувательством, ярким примером которого является Мюнхенская конференция в сентябре 1938 года.

Садизм и патологическая самовлюбленность. Наряду с некрофилией и деструктивностью важнейшей особенностью личности Гитлера является его **садомазохистский авторитарный характер**, очень точно описанный Эрихом Фроммом еще в 1941 году. Эта особенность оказалась определяющей не только для отношений Гитлера с женщинами, но самым отвратительным образом проявила себя в ряде других примеров. Гельмут Краусник рассказывал о высказывании Гитлера, сделанном им после одного из партийных собраний и в полной мере характеризующем его садистскую ненависть к евреям: "Их следует изгнать из всех профессий и загнать в гетто - пусть подыхают там, как того заслуживают, а немецкий народ будет разглядывать их, как диких зверей". А вот потрясающий

пример садистской мстительности, о котором мы уже упоминали выше при описании реакции Гитлера на заговор 20 июля 1944 года. Гитлер, вообще-то не выносивший вида трупов, приказал заснять на киноплёнку сцены пыток и казни генералов, участвовавших в заговоре, и приказывал многократно прокручивать себе этот фильм, наслаждаясь видом трупов, висевших на мясных крючьях со спущенными штанами. Фотографию этой сцены он даже держал на своем письменном столе. Садистскую сущность этого человека ни в малейшей мере не могут смягчить или приукрасить лицемерные проявления чувств, например, заявления о том, что он не в состоянии перенести вида раненых и убитых немецких солдат, или, что он по этой же причине не мог присутствовать при казни того же Рема и других своих приспешников из числа главарей СА, которых сам же коварно приказал убить. Причиной подобных реакций является не проявление чувства истинного участия, а исключительно срабатывание **фобического защитного механизма, с помощью которого Гитлер пытался вытеснить осознание собственной небывалой деструктивности и собственного садизма**. Оценивая подобный камуфляж, нельзя ни в коем случае забывать о том, что "глубоко деструктивный человек часто прикрывается фасадом дружелюбия, вежливости, любви к семье, детям и животным и постоянно заявляет о своих добрых намерениях и идеалах". Раушнинг, бывший некогда почитателем Гитлера, писал: "Гитлер мог рыдать, узнав о гибели канарейки, и в то же самое время приказать прикончить политических противников". Еще одной характерной чертой личности Гитлера был **выраженный нарциссизм со всеми типичными его признаками**, описанными Фроммом: "Его интересует только он сам, его собственные вожеления, мысли и желания. Он бесконечно говорит о своих идеях, своем прошлом, своих планах. Мир его интересует только как предмет собственных вожелений и планов. Люди интересуют его лишь настолько, насколько они могут служить его целям или быть использованы в этих целях. Он знает все и всегда лучше, чем другие. Уверенность в правильности собственных идей и планов является типичным признаком интенсивного нарциссизма". Мы располагаем свидетельствами современников, однозначно подтверждающими наличие у Гитлера нарциссизма именно такого рода. Вот как описывал "Путци" Ханфштенгль поведение Гитлера при прослушивании записи собственной речи: "Гитлер упал в моррисовское кресло, и, будто находясь под полным наркозом, стал упиваться звуком собственного голоса, подобно греческому юноше, трагически влюбленному в самого себя и погибшему в волнах, не в силах оторваться от своего изображения в воде". Патологическая самовлюбленность Гитлера проявилась уже в период его заключения в Ландсбергской крепости. Тюремный воспитатель вспоминал о его "тщеславии примадонны". Демонстративно самозабвенная любовь Гитлера к Байрейту была обусловлена не столько культом Рихарда Вагнера, преданностью которому он всегда похвалялся, сколько нарциссическим культом собственной персоны, который он мог поддерживать, появляясь в образе блестящего триумфатора перед гостями фестиваля и внимая их преданности и раболепию. Насколько мало его в действительности интересовала судьба Байрейта, показывает следующий эпизод, о котором рассказывает де Боор: "В марте 1945 года он приказал казнить гауляйлера Вехтлера, за то, что тот, желая спасти культурные ценности и памятники архитектуры, хотел без боя сдать город американцам". Такой образ действий Гитлера в полной мере соответствует мысли Ницше о том, что всякий большой талант напоминает вампира, ибо мир его видений подобен груде развалин людских надежд и существовании. Так и Гитлер целиком был поглощен "режиссурой гигантского театра, в котором людям была уготована роль либо актеров, либо статистов, покорных режиссеру и готовых по его воле идти на смерть". Человека с выраженным деструктивным характером крайний нарциссизм может привести к

поистине самоубийственным решениям, направленным на достижение призрачных целей, причем решения эти применяются без каких-либо угрызений совести или чувства вины. В частности, во время русской кампании Гитлером принимались решения, которые Иоахим К. Фест характеризует как "стратегию грандиозного краха" и "несокрушимую волю к катастрофе". Во всех биографиях Гитлера упоминается его негибкая воля, и он сам был непоколебимо убежден в том, что сильная воля является одним из самых крупных его козырей. Эрих Фромм первым указал, "то, что Гитлер называл волей, на самом деле было ничем иным, как его страстями, неумолимо заставлявшими его стремиться к их реализации". По мнению Альберта Шпеера, воля Гитлера была "необузданной и неотесанной", как воля шестилетнего ребенка. Правильнее было бы сказать, что **Гитлером руководили его импульсы, и он был не в состоянии смириться с фрустрацией.** Сколь незначительной была его сила воли, показала уже его юность. Он был разгильдяем, без намека на самодисциплину, и даже в критический момент, когда его не приняли в Венскую академию художеств, не нашел в себе сил для того, чтобы усиленным трудом наверстать упущенное и осуществить свою мечту - стать архитектором. Если бы политическая ситуация после первой мировой войны сложилась для него менее благоприятно, он скорее всего и дальше продолжал бы вести праздную жизнь, удовлетворившись скромным существованием. Присущая Гитлеру слабость воли проявлялась и позднее - в колебаниях и сомнениях в те моменты, когда от него ждали решения, как, например, при провале мюнхенского "пивного путча". Как правило, он стремился выжидать события, с тем, чтобы необходимость принимать решения отпала сама собой. Для того, чтобы разрешить это кажущееся противоречие между нерешительностью, являющейся проявлением слабой воли, и непоколебимой решимостью "железной волей" добиться цели, необходимо определиться с такими понятиями, как "рациональная" и "иррациональная" воля. Под рациональной волей Эрих Фромм понимает "энергичные усилия с целью достижения рационально желаемой цели; сюда относятся: чувство реальности, дисциплина, терпение и способность к преодолению действия отвлекающих факторов". Иррациональная воля, напротив, воплощает в себе "подогреваемое иррациональными страстями стремление, из которого проистекают свойства, необходимые рациональной воле". Применив это психологическое определение к Гитлеру, мы приходим к выводу, что **он действительно обладал очень сильной волей, если говорить о воле иррациональной. Рациональная же воля была развита у Гитлера чрезвычайно слабо.** Другим свойством личности Гитлера было **нарушенное чувство реальности.** Слабый контакт с действительностью проявился у Гитлера уже в юношеские годы в его мечте стать художником, имевшей весьма мало общего с реальностью. Так же и люди, с которыми он имел дело и которых он обычно считал лишь инструментами в своих руках, были едва ли реальны для него. Не следует, однако, думать, что он обитал исключительно в мире фантазий - в случае необходимости он проявлял незаурядное чувство реальности, например, при оценке мотивов действий противника. С другой стороны, в стратегических планах Гитлера отсутствовало всякое чувство реальности, и он не был способен объективно оценивать положение. Перси Эрнст Шрамм, очень глубоко исследовавший эту проблему, считал, что стратегия Гитлера всегда была "стратегией престижа и пропаганды", а недостаток чувства реальности не позволял ему осознать, что война и пропаганда подчиняются различным законам и принципам. Это особенно проявилось к концу войны, когда его рассуждения полностью перенесли в нереальный мир, и даже у Йозефа Геббельса, безгранично восхищавшегося им и рабски преданного ему, сложилось впечатление, что "Гитлер живет в облаках". Основопологающей чертой характера Гитлера было также явно выраженное недоверие, о котором уже в начале тридцатых годов верховный

комиссар города Данцига от Лиги наций швейцарец Карл И. Бургхардт, которого мы уже цитировали выше, писал: "Он не доверяет никому и ничему, подозревает каждого в контакте с врагом или даже в готовности перебежать на сторону врага". Столь **крайняя недоверчивость** усилила неконтактность Гитлера, проявившуюся уже в юности и присущую до конца жизни. К числу глубоко укоренившихся особенностей характера Гитлера **принадлежит высокая возбудимость и склонность к мощным, порой взрывным аффективным проявлениям - классические симптомы чрезвычайно низкого порога фрустрации.** Часто упоминаемые приступы ярости послужили основой к созданию, прежде всего за границей, карикатурного образа Гитлера, согласно которому он постоянно пребывал в бешенстве, непрерывно орал и был не в состоянии совладать с приступами ярости. Этот образ, однако, не соответствует действительности. Хотя приступы ярости, особенно к концу войны, усилились, все же они были скорее исключением, чем правилом. Свидетели единодушны в том, что, как правило, он был вежлив, предупредителен и любезен, а приступы ярости часто использовал лишь для того, чтобы запугать собеседника и подавить в нем волю к сопротивлению. Альберт Шпеер подтвердил это, сказав: "Некоторые реакции, производившие впечатление истерических припадков, можно считать проявлениями актерства". Если Гитлеру становилось ясно, что собеседника не удастся таким образом склонить к капитуляции, то он мог немедленно восстановить контроль над своей яростью. Аллан Буллок вполне правдоподобно иллюстрирует это утверждение следующей сценой, имевшей место между Гитлером и Гудерианом: "Человек, стоявший передо мной с поднятыми кулаками, трясся всем телом, щеки его покраснели от гнева. Казалось, он полностью утратил контроль над собой. Он зашелся в крике, глаза его вылезли из орбит, вены на висках вздулись. Однако генерал-полковник все же продолжал настаивать на своем мнении, и тут Гитлер внезапно любезно улыбнулся и попросил Гудериана: "Продолжайте ваш доклад, пожалуйста. Сегодня генеральный штаб выиграл сражение". **Первичные качества личности Гитлера, отмеченные выше, характеризуют его как человека, которому свойственны некрофилия, деструктивность, интравертность, крайний нарциссизм, садомазохизм, отсутствие чувства реальности, неконтактность и недисциплинированность.** Однако для объективного и свободного от эмоций представления о Гитлере необходимо также остановиться на его талантах и способностях, позволивших ему добиться очевидных успехов и, будучи одиночкой, не от мира сего, без какого-либо профессионального образования, всего лишь за двадцать лет стать одним из самых могущественных людей Европы. **Самым значительным талантом Гитлера было искусство влиять на других людей и убеждать их.** Если мы попытаемся выяснить причины, лежащие в основе его таланта влиять на людей, выделявшего его из числа прочих удачливых демагогов того времени, то мы прежде всего столкнемся с необычайной одаренностью Гитлера как политического оратора, которая сочеталась в нем с явным **актерским талантом. Огромные ораторские способности были важнейшим его инструментом на пути к власти,** а его политический дар состоял в том, что он умел, пользуясь весьма ограниченным набором тем, соединить эти темы со специфическими условиями своего времени и окружить их чем-то вроде псевдорелигиозного мифа. Холодные, пронизывающие глаза Гитлера на многих слушателей производили почти магнетическое действие, а в столь социально и политически неустойчивое время, как двадцатые годы в Германии, непоколебимая уверенность, с которой он провозглашал свои тезисы, не могла не превратить его в чрезвычайно привлекательную фигуру, так что многими он воспринимался как избавитель. Это неопределенное восприятие, возникшее в массах, он умел тактически очень ловко углублять, используя формулы христианской литургии - **"Я**

вышел из народа. Из этого народа я в течение пятнадцати лет на волне этого движения пробивал себе дорогу вверх. Меня никто не поставил над этим народом. Я вырос из народа, я остался в народе, я вернусь в народ". Эти пророческие слова не были для него пустым звуком, но произрастали из его нарциссического убеждения в том, что ему уготована роль "политического Иоанна Предтечи". Вначале он отводил себе лишь роль провозвестника грядущего мессии, но, начиная с 1924 года, он во все большей степени ощущает самого себя "избранным", или фюрером. **Другой его сильной стороной был талант просто говорить о сложных вещах.** Он прекрасно осознавал это, когда заявлял: "Наши проблемы казались сложными. Немецкий народ не знал, как к ним подступиться, и в этих условиях их предпочитали отдавать на откуп профессиональным политикам. Я же, напротив, упростил проблемы и свел их к простейшей формуле. Масса поняла это и последовала за мной". То, что при этом он выискивал факты, подтверждающие его тезисы, и связывал эти факты с вещами, не имевшими к этому никакого отношения, чтобы из месива затем вывести убедительные аргументы, для большинства некритичной массы, естественно, осталось тайной. Необходимо также выделить **феноменальную память** Гитлера, о которой Перси Эрнст Шрамм наряду с прочим написал: "Одним из качеств Гитлера, поражающим даже тех, кто ему не симпатизировал, была необычайная память, которая позволяла ему точно запоминать даже незначительные детали, и ухватывавшая все, что когда-либо попадало в его поле зрения". Генералов всегда глубоко потрясали "фундаментальные знания" Гитлера в военной области, но дело здесь было всего лишь в его феноменальной памяти на числа и технические детали. То же самое относится и к начитанности и общей образованности Гитлера, которые вызывают телячий восторг у некоторых биографов. Из "Застольных бесед", записанных Генри Пиккером, можно видеть, что он действительно **очень любил читать** и был в этом смысле просто ненасытен, а его прекрасная память могла удерживать огромное множество фактов. Однако именно эти часто цитируемые "Застольные беседы" выдают в нем, несомненно, **талантливую, но в принципе лишь полуобразованного человека без прочных основ в какой-либо конкретной области.** Однако благодаря своему интеллекту он мог связывать между собой почерпнутые из беспорядочного поверхностного чтения и удерживаемые памятью факты и так ловко вплетать их в разговор, что у собеседников создавалось впечатление о его всесторонней образованности. В полном соответствии со своим характером Гитлер избегал чтения, противоречившего его представлениям, видениям и предрассудкам, то есть он читал не для того, чтобы расширить круг знаний, а, по выражению Эриха Фромма, "в новых поисках боеприпасов для своей страсти убеждать других и самого себя... Гитлер не был человеком, который сам добыл себе образование, он был полуобразованным человеком, и той половиной, которой ему не хватало, были знания о том, что такое знания".

Характер нарцисса, которому нравилась роль всезнающего и непогрешимого, приводил его к трудностям при беседах с людьми, равными ему или, тем более, превосходившими его, так как при таких беседах мнимое здание его якобы огромных знаний легко могло рухнуть. Единственным исключением являлись архитекторы, с которыми он беседовал охотно - ведь архитектура была единственной областью, которая когда-либо вызывала у него серьезный интерес. **Архитектурные вкусы Гитлера, как и его вкусы в других видах искусства, были примитивными и плоскими, что не удивительно при его бесчувственном и примитивном в своей основе характере.** При всех талантах и способностях Гитлера его стремительный взлет был бы все же невозможен без колоссальной

пропагандистской работы, выполнившей роль своего рода гидравлического подъемника. Эта пропаганда постоянно убеждала массы в том, что фюреру и каждому немцу ежедневно и ежечасно угрожает опасность со стороны темных сил, принявших обличье евреев, большевиков и плутократического Запада, и что отвлечь эту опасность в состоянии единственно решительный, железный фюрер. Фюрер стал идолом, причем не только идолом, "спущенным" свыше, но и идолом, в создании которого сами массы также приняли участие. Восхождение Гитлера к вершинам абсолютной власти было бы немислимым, если бы в то время значительная часть граждан Германии, а затем и Австрии, не проявила повышенной восприимчивости к его идеологии, которая сводилась к юдофобии, восстановлению немецкой великодержавности и расширению немецкого "жизненного пространства" на восток. В своем интересном аналитическом исследовании Йозеф Штерн совершенно справедливо делает вывод о том, что личность Гитлера и готовность народных масс воспринять те упрощенные, но понятные каждому картинки, которые Гитлер строил в своих демонически-завлекательных речах из немногочисленных плакатных элементов, образовали прочное взаимообогащающее единство. Аналогичный вывод делает и Шпеер, утверждая, что "в том, что Гитлер в конце концов уверился в своих сверхчеловеческих качествах, повинно и его окружение. Даже человеку, обладающему большей скромностью и большим самообладанием, чем Гитлер, грозила бы опасность утратить масштаб самооценки под аккомпанемент несмолкающих гимнов и оваций". По мнению Биниона, "в основе страшной личной власти Гитлера над немцами лежало то, что он сумел привести свою личную ярость, вызванную капитуляцией Германии в 1918 году, в созвучие с национальной травматической потребностью". В то же время Томас Айх справедливо полагает, что необходимым условием "для возникновения массового гипноза и/или массового показа является наличие массового человека". Такой массовый человек представляет собой "некритичный, подверженный идеологическому влиянию, эмоционально неустойчивый человеческий тип, вырванный индустриализацией из системы традиционных связей и нуждающийся для стабилизации своего Я, в особенности во времена экономических кризисов, в сильном психическом наркотике, которым и снабдил его Гитлер". Поскольку все психоаналитические и глубинно-психологические понятия позволяют построить лишь теоретическую схему характера и в высшей степени своеобразной личности Гитлера, мы приведем ниже слова Андре Франсуа-Понсе, который с 1931 по 1938 годы был послом Франции в Берлине и мог наблюдать Гитлера в процессе непосредственного личного общения. Его описание Гитлера отличается яркостью и необычайной способностью психологического проникновения. Отрывок из книги Франсуа-Понсе, опубликованной в 1949 году, мы цитируем по монографии де Боора. Этот отрывок создает перед нами рельефный образ этого жуткого человека, увиденный глазами весьма наблюдательного современника: "Такого человека, как Гитлер, невозможно уложить в простую формулу... Лично я знал три его лица, соответствовавшие трем аспектам его натуры. Первое из них было очень бледным, черты размыты и цвет лица тусклый. Глаза, лишённые выражения, немного навывкате, с мечтательным блеском придавали этому лицу как будто отсутствующее, далекое выражение - непроницаемое лицо, вселяющее беспокойство, подобно лицу медиума или лунатика. Второе его лицо было возбужденным, с яркими красками, страстно-подвижное. Крылья носа вибрировали... глаза извергали молнии, в нем сквозила сила, воля к власти, протест против любого принуждения, ненависть к противнику, циничная удаль, дикая энергия, готовая все смести на своем пути - лицо, отмеченное печатью бури и натиска,

лицо одержимого. Третье лицо принадлежало обычному повседневному человеку, наивному, простоватому, неуклюжему, банальному, которого легко рассмешить и который громко смеется и лупит себя при этом по ляжкам - лицо, какое встречается очень часто, лицо без особого выражения, одно из тысяч и тысяч лиц, которые можно увидеть повсюду. Говоря с Гитлером, иногда можно было видеть все три его лица по очереди. В начале разговора казалось, что он не слушает и не понимает. Он выглядел равнодушно и отстраненно. Перед вами как будто был человек, который мог часами оставаться погруженным в странное созерцание, а после полуночи, когда товарищи покидали его, вновь впадал в длительное одинокое раздумье - вождь, которого сотрудники упрекали в нерешительности, слабости и непоследовательности... И тут, совершенно внезапно, как будто некая рука нажала на кнопку, начиналась страстная речь, он говорил повышенным голосом, гневно, нагромождая один аргумент на другой, многословно, будто щелкая бичом, грубым голосом, с раскатистым "р", с переливами, подобно речи тирольца из отдаленнейших горных долин. Он бесновался и грохотал, как будто говорил перед многотысячной аудиторией. Затем в нем просыпался оратор, великий оратор латинской школы, трибун, говоривший глубоким грудным голосом, свидетелевавшим об убежденности, который инстинктивно использует все риторические фигуры и мастерски переключает все регистры красноречия, не знающий себе равных в остроте иронии и насмешки. А для масс это - нечто невиданное и неслыханное, ибо политическое красноречие в Германии в общем и целом и монотонно, и скучно. Если уж Гитлера понесло в доклад или филиппику, то нечего было и думать, чтобы прервать его или возразить ему. Допустивший подобную неосторожность был бы незамедлительно уничтожен взрывом гнева, подобно тому, как были повержены громом Шушниг или Эмиль Гаха, попытавшиеся оказать ему сопротивление. Это могло продолжаться четверть часа, полчаса или три четверти часа. Затем поток вдруг прекращался, казалось, что он иссяк. Можно было подумать, что у него сели аккумуляторы. Он замолкал и расслаблялся. В этот момент можно было высказать возражение, противоречить ему, предложить другую редакцию, поскольку он уже не злился: он колебался, выражал желание обдумать вопрос еще раз и пытался отложить решение. И если в этот момент собеседник мог найти слово, будившее его чувства, или шутку, которая его полностью расслабляла, то с его лба исчезали тяжелые морщины и мрачные черты освещались улыбкой. Эти смены состояний возбуждения и депрессии, эти кризисы, которым он, по словам его окружения, был подвержен и во время которых самая дикая жажда разрушений переходила в стон раненого животного, побудила психиатров объявить его душевнобольным, страдающим периодическим психозом. Другие усматривают в нем типичного параноика. Очевидно, во всяком случае, что нормальным он не был. Его личность была патологической. Можно назвать его даже безумным, тот тип, который Достоевский назвал "одержимым". Когда я, следуя учению Тэна, пытаюсь выделить главную черту его характера, его доминирующее качество, то в первую очередь мне приходят на ум **высокомерие и честолюбие**. Однако здесь представляется более уместным прибегнуть к термину из словаря Ницше: воля к власти... Власть - ее он жаждал для себя, но и для Германии, для него это было одно и то же... С юности он был шовинистом и приверженцем великогерманской идеи. Он собственной плотью ощущал страдания и унижения страны, которую считал своей родиной... Он поклялся отомстить за себя, отомстив за нее... Поскольку в соответствии с его натурой воля к власти должна была быть направлена на войну и завоевания, он попытался превратить государство в государство милитаристское и полицейское, превратить его в диктатуру... Но волю к власти насытить невозможно. Она постоянно перерастает себя, ибо только в действии она находит счастье. Поэтому

Гитлер не мог остановиться, когда ему удалось создать третий рейх и разорвать цепи Версальского договора. Он хотел создать в Европе "великую империю", и если бы ему это удалось, то его руки потянулись бы за Северной и Южной Америкой... Фантазия Гитлера была дикой и романтической. Он подпитывал ее элементами, вычитанными то здесь, то там. Его нельзя назвать необразованным человеком, но это плохо усвоенное образование автодидакта. **Он обладал даром сводить вещи к общему знаменателю и упрощать их, что снискало ему горячую благодарность поклонников.** В результате чтения Хьюстона Стьюарда Чемберлена, Ницше, Шпенглера и многих других автором перед его духовным взором возник **фантастический образ Германии, призванной возродить Священную римскую империю германской нации...для расы господ, стоящей на здоровой крестьянской основе, ведомой партией, представляющей собой политическую элиту, своего рода рыцарство. После того, как эта раса господ навсегда освободит мир от еврейского яда, в котором, по мнению Гитлера, содержатся все прочие яды - яд демократии и парламентаризма, яд марксизма и коммунизма, яд капитализма и христианства, - она создаст новую положительную религию, по широте и глубине равную христианству. Вот каковы были те бредовые идеи, которым он предавался в ночных мечтаниях...** Иногда этот бред облекался в форму вагнеровских гармоний. Он видел себя героем из мира Вагнера - Лоэнгрином, Зигфридом и, в первую очередь, Парсифалем, излечившим раны Амфортаса и вернувшим чудесную силу святому Граалю. Ошибаются, однако, те, кто полагают, что у этого человека, жившего в фантастическом мире, отсутствовало чувство реальности. **Он был холодным реалистом и фундаментально расчетливым человеком.** Будучи по природе инертным и не способным к регулярному труду, он, тем не менее, всегда был осведомлен обо всем, что происходит в рейхе... Таким образом, он не может быть освобожден от ответственности. Он знал о самых страшных преступлениях и эксцессах, они совершались с его ведома и по его желанию. Воля Гитлера к власти усиливалась опасными свойствами его характера: беспредельным упорством, безграничной отвагой, способностью принимать внезапные и бесповоротные решения, умением быстро схватывать суть проблемы, внутренней интуицией, не раз предупреждавшей его об опасности и спасшей его не от одного заговора... Грубости и жестокости Гитлера сопутствовали хитрость, лицемерие и лживость. Оглядываясь на пройденный путь, приведшей его к власти, не снившейся до него ни одному императору, он пришел к мысли, что провидение хранит его и делает непобедимым. Неверующий, враг христианства, он возомнил себя избранником Всевышнего и все чаще обращался к Нему в своих речах... Он переоценивал свою личность и свою страну и, совершенно не зная заграницы, недооценивал силы своих русских и англосаксонских противников. Он хотел достичь славы Фридриха II и превзойти славу Наполеона. Его абсолютизм и тирания становились все более жестокими. Его именем Гиммлер и гестапо установили в рейхе чудовищный террор... **Непросто понять, почему немецкий народ столь долго и столь послушно следовал за этим бесноватым фюрером. Одним лишь страхом перед полицией и концлагерями это объяснить невозможно".**

Если на основе приведенного выше блестящего анализа очевидца, а также на основе многочисленных работ психологов, психоаналитиков, специалистов в области глубинной психологии и исторической психиатрии, посвященных чертам характера Гитлера, мы попытаемся построить истинную картину личности Гитлера и его отношений с обществом, то перед нами в первую очередь встанет вопрос, который задает Иоахим К. Фест в начале написанной им биографии Гитлера: "Известная нам история не знает явления, подобного ему. Должны ли мы называть

его "великим"? ". Действительно, Джон Толанд в своей биографии Гитлера придерживается той позиции, что его значение как движителя истории выше, чем значение Александра Великого или Наполеона. Правда, Уве Банзен в своем предисловии к этой биографии пишет: **"Действительно, ни один из правителей нашего времени не стал причиной гибели стольких людей. Тем не менее, для некоторых он продолжал оставаться предметом восхищения и почитания... Для тех немногих, кто до сих пор продолжает оставаться его сторонниками, он является героем, падшим мессией. Для всех остальных этот человек остается "безумным", военным и политическим авантюристом, убийцей, безвозвратно погрязшим во зле, который достиг всех своих успехов преступными методами"**.

Доказать или опровергнуть последнее утверждение можно лишь, прибегнув к методам судебно-психиатрической экспертизы. За решение этой задачи взялся Вольфганг де Боор, признанный во всем мире ученый криминалист, автор книги "Гитлер: человек, сверхчеловек, недочеловек". В своем судебно-психиатрическом исследовании дела Гитлера де Боор пользовался в основном двумя научными методами, позволяющими путем анализа различных характерных признаков получить максимально объективную оценку личности с точки зрения преступных наклонностей и проявлений ее характера. Речь идет о теории "социального инфантилизма" и о "концепции моноперцептоза". По де Боору, **под социальным инфантилизмом, в отличие от соматического и психического инфантилизма, следует понимать аномальное поведение индивидуума в поле социальных напряжений, характеризующееся различными дефицитами социальной психики, то есть дефицитами механизмов контроля его социальной активности.** Если следовать определению, данному Ф. Найдхардтом, то социализация индивидуума есть процесс, "посредством которого господствующие в обществе ценности, нормы и методы жизни индивидуума становятся известными индивидууму и обязательными для него", и мы не обнаружим каких-либо дефицитов, которые бы в детстве оказали непоправимое влияние на первичную социализацию Гитлера. При всех негативных и авторитарных чертах характера его отца, именно отец должен был особенно твердо внушить ему нормативные представления о законе и порядке. Есть полные основания считать, что и вторичная фаза социализации, в которой важнейшим является влияние школы, прошла у Гитлера без отклонений от нормы. Подтверждением тому служит для де Боора яростный спор между Гитлером и строительными рабочими, который произошел в начале венского периода его жизни. В этом споре Гитлер "страстно защищал практически весь набор буржуазных общественных норм". **В то же время у Гитлера практически не могут быть обнаружены признаки третьей, заключительной фазы социализации, во время которой происходит окончательная персонализация индивидуума, "социально-психический мораторий", по выражению Эриксона.** Этот социально-психический мораторий затянулся у Гитлера на целое десятилетие, и мы не располагаем фактами, которые позволяли бы утверждать, что его личность к концу этого десятилетия сформировалась окончательно. В этот период (1-905-1914 годы) произошел ряд событий, оказавших значительное влияние на последующее развитие личности Гитлера. На это время пришлось **смерть его матери.** Это событие **глубоко потрясло его** и, по свидетельству врача-еврея доктора Блоха, сделанному им уже в Америке в 1943 году, **явилось, наверное, самым сильным эмоциональным переживанием в жизни Гитлера.** Другим переживанием, оставившим глубокие следы, стал провал при попытке поступления в венскую Академию изобразительного искусства в 1907 году, последствия которого вылились в явную неприязнь Гитлера к преуспевающим, социально интегрированным людям, ко

всему, что связано с академиями и университетами. В крушении мечты своей жизни - стать художником или архитектором - он винил не себя, а чванство и некомпетентность академических профессоров. **Гитлер почувствовал себя отвергнутым буржуазным обществом, что побудило его искать укрытия в анонимности - вначале в убежище для бездомных, позднее в мужском общежитии.**

Итак, судебнопсихологический анализ социальнопсихического моратория Гитлера не позволяет получить сколько-нибудь конкретных результатов. Ясным остается лишь то, что **ряд кризисов идентификации не позволил ему успешно идентифицировать себя, и результатом венского периода становления явилась лишь выработка защитных механизмов, обусловленных страхом.** С тем большей силой вторглась в психический вакуум Гитлера первая мировая война, ставшая господствующим фактором запечатления и "главным воспитательным переживанием" его жизни. Война сыграла роль пускового механизма для позднего процесса созревания, и из "аморфного" образа Гитлера начали проступать зримые контуры личности. При этом мы не располагаем какими-либо фактами, свидетельствующими о проявлениях склонности Гитлера к жестокости. В период, непосредственно следующий за окончанием войны, в жизни Гитлера не произошло события, которое можно было бы назвать явным "политически пробуждающим переживанием" и поэтому сложно указать точный момент начала его политической карьеры. Возможно, это произошло, когда он внезапно открыл в себе дар политического оратора: такое событие вывело его из длительного кризиса самооценки и послужило началом "прорыва к себе". Собственно момент завершения персонализации Гитлера приходится на период его заключения в ландсбергекой крепости, после которого он решительно и окончательно вступил на политическую сцену. Ганс-Юрген Айтнер считает, что в изменении политического сознания Гитлера тюремное заключение выполнило функцию пускового механизма - сыграло роль библейского "переживания Иордани". В процессе длительной социализации среднего нормального гражданина всегда происходит формирование так называемого "структурного барьера", который препятствует осуществлению опасных агрессивных действий под влиянием сильных эмоций. К концу первой мировой войны такой барьер сохранился у Гитлера практически в полной неприкосновенности. **Прогрессирующая деформация структурного барьера проявилась лишь в момент начала его политической деятельности,** о чем свидетельствует беседа Гитлера с генерал-полковником фон Зеектом в баварском военном министерстве, где Гитлер, в частности, заявил растерявшемуся генералу: "Мы, национал-социалисты, видим свою задачу в том, чтобы марксисты и пораженцы, сидящие в теперешнем правительстве, попали туда, куда следует - на фонари". **Однако последние механизмы торможения отказали только после прихода к власти.** Резня главарей СА в "ночь длинных ножей" 1934 года, убийство мешавших ему генералов фон Бредова и фон Шлейхера, приказ об "эвтаназии" душевнобольных в 1939 году, и, наконец, приказ об истреблении миллионов евреев и бесчеловечный "приказ Нерон" в 1945 году, показывают, что сужение структурного барьера у Гитлера **приняло характер "распада нормативной субстанции подобно тому, как это происходит у массовых убийц".** Другим характерным для Гитлера явлением судебнопсихиатрического плана был выраженный "социальный аутизм", являющийся, по де Бору, типичной чертой характера шизоидных личностей. **У таких личностей, при отсутствии истинной шизофрении, имеют место характерные для шизофрении симптомы.** Де Боор так описывает судебнопсихиатрические аспекты подобного социального аутизма: "Человек испытывает трудности при вступлении в социальные контакты или

вообще неспособен к таковым; тенденция к обособлению затрудняет разрешение психических конфликтов в беседах с другими людьми и получение квалифицированной консультации. Инкапсуляция создает агрессивное напряжение. Коммуникационный барьер и блокирование информации затрудняют адаптацию к реальному миру". Эрнст Кречмер приводит дополнительные характеристики аутизма шизоидной личности, которые в полной мере относятся к личности Гитлера: **"Холодный и прямолинейный эгоизм, фарисейское самодовольство и безмерно ранимое чувство собственного достоинства, теоретическое стремление осчастливить человечество в соответствии со схематическими доктринерскими принципами, желание сделать мир лучше, альтруистическое самопожертвование в большом стиле, прежде всего во имя общих обезличенных идеалов".** Особо типичным признаком аутизма Гитлера была **холодная аффективная безучастность, корни которой лежат в глубочайшем презрении к людям.** Его совершенно не волновали нечеловеческие условия жизни гражданского населения Германии в условиях беспощадных бомбежек в последние годы войны. Однако это не мешало ему демонстрировать глубокое потрясение при известиях о разрушении оперных театров. Отдавая приказ открыть шлюзы на реке Шпрее, Гитлер ни на минуту не задумался о судьбе раненых немецких солдат, находившихся в туннелях берлинского метро, которых этот преступный приказ обрекал на неминуемую смерть. Слабое «Я» привело Гитлера к безмерной недоверчивости, которая, по выражению Шпеера, стала его "жизненной стихией". В последние месяцы жизни Гитлер отгородился от мира непробиваемыми стенами бункера рейхсканцелярии, что де Боор также считает символическим **"для завершения его жизни, которая между аутической узостью и необузданными видениями мирового господства так и не вышла на лежащую посредине гуманистическую координату"**. Судебная психиатрия придает важное значение нетерпимости фрустрации, которая не позволяет личности переносить неудачи, разочарования и болезненные унижения без агрессивных реакций. Нетерпимость фрустрации проявилась у Гитлера действительно очень рано, что в сочетании с биологически обусловленной повышенной агрессивностью уже в юности порой вызывало непонятные реакции. Это в соединении с отсутствием социальной совести, что также является характерной для Гитлера чертой его поведения, привело его к неисчислимым актам чудовищного насилия. **Со многими преступниками Гитлера роднят дефициты идентификации.** Такие дефициты возникают в тех случаях, когда в ранние годы, решающие для формирования человека, у этого человека не формируется идентифицирующее ядро. Для Гитлера идентификация с деспотичным, внушавшим страх отцом была невозможна, так как означала бы для него отрицание собственного «Я». Поэтому, после смерти матери, он оказался в эмоциональном вакууме, заполнить который помешали неудачи, преследовавшие его в Вене. Не исключено, что факторами, помешавшими его идентификации, явились также незнание собственного происхождения и знание того, что между его родителями существовала кровосмесительная связь. По мнению специалистов в области судебной психиатрии, дефициты идентификации способны подвинуть социально инфантильных людей на умозрительные действия в поисках собственной идентификации. У Гитлера импульсы к умозрительным действиям вначале носили позитивный и конструктивный характер, но после начала второй мировой войны их характер все больше становился деструктивным. **Сколько тесно могут переплестись между собой нарушения идентификации и параноидальные явления, показал психолог Ф. Рудин в книге "Фанатизм. Магия силы": "Жесткая модель поведения доходит у фанатиков этого типа, как правило, до полной идентификации с идеей, которую те представляют. Здесь мы имеем второй симптом, указывающий на круг шизоидных форм. Даже если процессы**

идентификации, подобно процессам проекции, принадлежат к числу общечеловеческих и, следовательно, необходимых механизмов, то глубинной психологии хорошо известны неадекватные идентификации, которые, выполняя роль защитных механизмов, отчуждают человека от его собственной сущности, от его самого внутреннего Я, за счет чего... латентный психоз может стать острым. Такая опасность возникает прежде всего при длительных идентификациях и сверхидентификациях, при которых реальное «Я» все больше сжимается, а на его месте появляются фантастические, наивные или параноидальные формы идентификации". Таким образом, Гитлер становится в ряд с теми преступниками, чей жизненный путь вследствие дефицита личностной идентификации отмечен печатью "разрушения" своего мира. Будучи исходно созидателем, с 1939 года он превращается в фанатического разрушителя, что подтверждает следующий фрагмент из воспоминаний Шпеера: "Он умышленно хотел, чтобы люди гибли вместе с ним. Для него уже не существовало моральных границ. Конец собственной жизни означал для него конец всего". Столь полное разрушение "нормативного органа", которое нашло свое выражение в присущей Гитлеру мании уничтожения, не имеющей аналогов в истории, не может иметь своим единственным объяснением наличие "социального инфантилизма" или первичную преступную деформацию структуры личности. Следует предположить, что в этом сыграло свою роль, по выражению де Боора, "разложение его нормативного органа" вследствие отсутствия высшей корректирующей или по меньшей мере предостерегающей инстанции в Германии и за ее пределами. Это позволило Гитлеру "удовлетворить свои инфантильные потребности. В радикальных слоях народа он нашел... идеального партнера. Два инфантилизма объединились в один... Явление, которое в психиатрии получило название "безумие на двоих"... Активный партнер, фюрер, все бесцеремоннее навязывал темы своего бреда более слабому партнеру, народу, подверженному идеологическим влияниям, так что за несколько лет возникло нерушимое единство, наиболее подходящим словом для которого является массовый психоз. Но массовый психоз может возникнуть лишь тогда, когда оба партнера инфантильны". Подобные психотические процессы в сознании с глубокими социальными последствиями де Боор обобщенно называет "моноперецептозом". К характерным признакам моноперецептоза относится мания величия, в полной мере свойственная Гитлеру. И сам он был глубоко убежден в том, что "как индивидуум по своей духовной и творческой силе один превосходит весь мир". Развитию мании величия, несомненно, способствовал его "социальный аутизм", сочетавшийся со склонностью принимать желаемое за действительное и с его представлением о том, что своими необычайными способностями он обязан высшей силе. Подобная мания величия не является симптомом психического заболевания, а представляет собой результат длительного психологического процесса, корни которого уходят в юность. Одним из аспектов мании величия Гитлера была "строительная мегаломания". Так, он планировал выстроить в столице рейха "Большой зал", долженствующий символизировать мировое господство. Этот зал должен был украшать имперский орел со свастикой, держащий в когтях огромный земной шар. В рейхсканцелярии для него должны были устроить рабочий кабинет площадью почти 1000 квадратных метров - завершение строительства было намечено на 1950 год. Уильям Карр называет это "гиперкомпенсацией комплекса неполноценности, которая являлась частью сложного защитного механизма, помогавшего ему преодолеть сомнения в своей миссии и страх перед тем, что он не сможет удержать то, что он уже завоевал и еще завоеует в будущем". Все попытки объяснить беспримерную агрессивность Гитлера наталкиваются на

трудность, состоящую в том, что биографические факты практически полностью исключают врожденную агрессивность его характера как причину позднейшей эксцессивной готовности к агрессии. Де Боор указал на не учитывавшуюся до сих пор невероятную динамику, которая возникает за счет моноперцептоза под диктатом доминирующей над всем сверхценной идеи и позволяет мобилизовать страшную силу и эмоциональную энергию для реализации той или иной основной темы. **В нормальной ситуации препятствием на пути агрессий, к которым призывают носители "сверхценной идеи" бредового содержания и которые способны вызвать тяжкие социальные последствия, является угроза применения мер уголовно-правового характера. Однако, начиная с 1934 года, уже не существовало тормозящей инстанции, вследствие чего Гитлер безнаказанно мог полностью выплеснуть свою агрессивность, постоянно подпитываемую энергией его сверхценных идей - уничтожение евреев, борьба с марксизмом, расширение немецкого "жизненного пространства" на восток. "Поскольку с 1934 года он имел в своем распоряжении все технические, экономические и военные возможности современного промышленного государства и располагал неограниченными властными полномочиями, в результате осуществления его моноперцепторных сверхценных идей сложилась уникальная в истории ситуация.**

Как правильно заметил Тревор-Ропер, невозможно себе представить, чтобы подобное зловещее стечение трех факторов повторилось еще раз. **Вот эти три фактора: - существование личности с диктаторскими и, по де Боору, с тяжкими преступными наклонностями; - наличие моноперцепторной бредовой идеи, опасной для существования человечества; - абсолютная власть, позволяющая поставить весь потенциал государства на службу этой идее. К этому следует добавить крайний нарциссизм, приведший к концентрации либидо исключительно на собственном Я и, таким образом, не только породивший ощущение всемогущества, но и давший толчок преступным действиям на почве "нарциссических обид", склонность к которым у подобных личностей носит особо выраженный характер. Ни одна психическая травма, ни одно унижение, ни одна обида в таком случае не могут быть когда-либо забыты или прощены, и мы найдем у Гитлера немало примеров запоздалой мести людям, когда-то унижившим или обидевшим его и заплатившим за это жизнью. Эта комбинация нарциссизма и эгоцентризма на фоне веры в собственную всемирно-историческую миссию в конце концов привела к "стиранию внутренних систем ценностей" и полному игнорированию потребностей и прав других людей. Как подчеркивает де Боор, подобный процесс наблюдается только при тяжелых психических заболеваниях, например, при шизофреническом распаде личности.**

До настоящего времени не существует научно подтвержденной картины возникновения подобного, практически полного распада нормативной системы у людей, не являющихся душевнобольными - Гитлер является единственным известным случаем такого рода за всю историю научного исследования подобных изменений психики преступников. Доминирующее место среди навязчивых бредовых идей Гитлера занимала беспримерная патологическая юдофобия. Именно этой цели - умерщвлению евреев - были, в конечном счете, подчинены военные акции, предпринятые Гитлером, а начав завоевание "жизненного пространства" на востоке, он в 1942 году устрашающе близко подошел к реализации своей мечты: заполнить гигантское пространство на востоке людьми "высшей расы", предварительно очистив это пространство от

"неполноценных" евреев и славян и защитив его могучим "Восточным валом" от нашествий "азиатских орд". При попытке объяснить эту "поистине ариманову ненависть, изуродовавшую все гуманное, что еще оставалось в Гитлере, до полной неузнаваемости" не срабатывает ни одна из психологических гипотез, известных современной медицине. **Ясно лишь то, что юдофобия Гитлера безусловно носила маниакальный характер, ибо она полностью удовлетворяет всем трем критериям мании, сформулированным К. Ясперсом: во-первых, бредовая идея Гитлера о существовании некоего еврейского лобби, целью которого является уничтожение арийской расы и установление мирового господства, нереальна априори. Во-вторых, Гитлер был непоколебимо убежден в правильности этой бредовой идеи, и, в-третьих, эта идея не могла корректироваться логическими рассуждениями и содержанием собственного опыта.** Поэтому де Боор приходит к выводу, что "в своей совокупности идеология Гитлера должна быть признана соответствующей всем критериям мании. Таким образом, имела место мания, но... мания клинически здорового человека, у которого отсутствуют какие-либо симптомы шизофрении. Поэтому мы предложили... собственный термин "моноперцептоз" с тем, чтобы дать возможность разграничения мании здорового человека, приведшей к тяжелым социальным последствиям, и маниакально-психических заболеваний". Исходя из анализа особенностей личности Гитлера в различные периоды его жизни и основываясь на понятиях "социальный инфантилизм" и "моноперцептоз", де Боор попытался сделать криминалистический и социально-психологический вывод, подобный тем выводам, которые делают эксперты в уголовном процессе. Согласно де Боору, результаты такого прогноза являются поистине катастрофическими: "В случае окончательной победы немецкий народ и народы Европы ожидали жестокие испытания. Мы должны быть благодарны союзникам за то, что они избавили Германию и Европу от диктатуры личности с тяжелейшими преступными наклонностями".

Аргументация некоторых психиатров, утверждающих, что Гитлер был душевнобольным, не выдерживает объективной критики, однако серьезные специалисты единодушно считают, что Гитлер был "истерическим психопатом с потребностью самовыражения и шизоидно-аутистическим фанатиком", который был полностью вменяем и ответствен за все свои поступки. Профессор Освальд Бумке, заведовавший в свое время кафедрой психиатрии Мюнхенского университета, дал Гитлеру следующую судебно-психиатрическую характеристику: "Шизоид и истерик, брутально жесток, недоучка, невыдержан и лжив, лишен доброты, чувства ответственности и вообще всякой морали". Профессор Шальтенбранд, заведующий кафедрой психиатрии Вюрцбургского университета, считает, что такого рода люди, добившись политической власти, представляют невероятную опасность для общества, потому что "политик-психопат представляет собой особо опасное явление на грани здорового человека и душевнобольного. Это опасно именно потому, что в психопате в общем случае присутствует так много от здорового человека, что обычные люди не в состоянии распознать в нем какие-либо психические отклонения... Типично, что психопатам удается обзавестись учениками и сторонниками, которые сами по себе лишь чуть-чуть отличаются по своей психической конституции от нормальных людей. Эти люди принимают гротескные, "двинутые" программы, которые затем вызывают массовый психоз". Быстрому распространению этого массового психоза способствовал необычайный дар Гитлера подчинять людей своему влиянию, принимавший порой характер настоящего массового гипноза. Каким образом этот гипноз оказывал влияние на самого Гитлера, в результате чего фюрер и

масса "накачивали" друг друга по спирали, объясняет нам криминологическая психология: "Если социально инфантильная личность, обуреваемая маниакальными идеями, встречает со стороны массы почти собачью преданность, то негативные потенции объекта обожания неизбежно должны усилиться и в конечном итоге уничтожить остатки гуманности".

Принимая во внимание ужасные события, которые произошли за те немногие годы, когда Гитлер был абсолютным властелином Германии и почти всей Европы, мы, вне всякого сомнения, не можем не признать за ним высокий и, возможно, уникальный исторический ранг, пусть даже в отрицательном смысле. И если он, как личность, несомненно, историческая, имеет право навеки попасть в "пантеон всемирной истории", то, в то же время, по выражению де Боора, ему принадлежит не менее почетное место и в "пантеоне великих преступников". Повидимому, такого же мнения придерживались национал-социалистические заправилы во главе со своим фюрером уже в 1943 году, ибо тогда, возможно, полностью осознавая чудовищность совершенного нацистским режимом и отдавая себе отчет в тяжести возмездия, Йозеф Геббельс написал в журнале "Дас Райх" за 14 ноября следующие строки: "Что касается нас, то мы сожгли за собой мосты. У нас нет пути назад, но мы и не хотим идти назад. Мы войдем в историю как величайшие государственные деятели всех времен - или как величайшие преступники в истории".

ПСИХОГРАММА СТАЛИНА

Нарциссическая мания величия

Достижения современной психологической науки сегодня позволяют нам объяснить противоречия личности одного и того же индивидуума. Особое значение при этом имеет учение Зигмунда Фрейда и его школы, согласно которому наш внутренний мир существует как бы в двух уровнях - на уровне сознания и на уровне подсознания. Сегодня мы также знаем, что базовые черты характера человека формируются не только за счет наследственно предопределенных факторов, но также и под влиянием воспитания, впечатлений раннего детства и юности. Эти исходные впечатления никогда полностью не стираются - они могут лишь быть вытесненными в подсознание и, позднее, сменяя друг друга, в различной степени воздействуют на поведение и эмоциональный мир взрослого индивидуума. Поэтому не представляется возможным понять характер человека в целом, если не уделять подсознательному в нем такое же внимание, как и сознательному, если не обращаться к юношеским переживаниям этого человека. Поэтому при исследовании личности Сталина нам придется попытаться полностью синтезировать все ступени ее развития подобно тому, как мы поступили в случае Наполеона и Гитлера.

Если объективно, с медицинской точки зрения, проанализировать юношеский анамнез Сталина, то мы обнаружим несколько фаз, оказавших решающее влияние на его последующее развитие. Первой из таких определяющих фаз, безусловно, является его раннее детство. Как показывают воспоминания друга его юности Иремашвили, **грубые методы воспитания жестокого и часто пьяного Виссариона Джугашвили оставили неизгладимые следы в душе сына. Причем следует говорить, не только и не столько о физической боли от ежедневных побоев, которыми отец якобы хотел сломить упрямство сына, сколько о чувстве несправедливости от незаслуженных наказаний, которые вошли у отца в привычку, и о чувстве бессилия, с которым он был вынужден сносить**

жестокость грубого, примитивного и непредсказуемого родителя. Подобное физическое насилие и психическое подавление вынуждены были претерпеть миллионы взрослых людей, переживших фашистскую и коммунистическую диктатуру. Элис Миллер настойчиво доказывает, что между насилием над ребенком и насилием над взрослым существует большая разница: ребенок не имеет права открыто выразить ненависть к своему мучителю. Ведь не положено ненавидеть отца - так гласит четвертая заповедь - и, в принципе, ребенок и не хочет ненавидеть своего отца, потому что он его любит. Этот парадокс, состоящий в том, что **страдания принимаются от руки "любимого мучителя", может оказать необратимое влияние на последующее психическое развитие человека.** Ребенок запечатлевает в себе именно событие перенесенных в детстве побоев, а не эмоциональное содержание, вкладываемое в это воспитательное мероприятие его родителями, согласно которому ребенок был бит для его же блага. Поэтому взрослый человек, полностью вытеснивший это детское переживание в подсознание, воспринимает подобные события совершенно без эмоций и какого-либо участия. Страдания, вызванные жестоким обращением, побоями и отсутствием сочувствия к своим детским невзгодам, запечатленные в подсознании ребенка, в будущем порождают у взрослого человека внутреннее желание повторить эти страдания детства. При этом характерно, что такие люди полностью идентифицируют себя с агрессором и не испытывают ни малейшего сочувствия к жертве. Не удивительно, что самые надежные лагерные надзиратели и заплечных дел мастера поставляются именно этим контингентом людей. **Некогда поработанный и преследуемый ребенок сам становится поработителем и преследователем, ибо даже десятилетия спустя в нем продолжает жить трагическая потребность, заставляющая его мстить за обиды, перенесенные в раннем детстве, и проецировать накопленную ненависть на другие личности и общественные институты.** Друг детства Сталина Иосиф Иремашвили сто лет назад предвосхитил эти выводы современной психологии, написав: **"Тяжкие, незаслуженные избиения мальчишки сделали его таким же жестоким и бессердечным, как его отец. Он был убежден в том, что человек, которому должны подчиняться другие люди, должен быть таким, как его отец, и поэтому в нем вскоре выработалась глубокая неприязнь ко всем, кто был выше его по положению. С детских лет целью его жизни стала месть, и этой цели он подчинил все". Отец всегда играл в семье лишь роль властелина и почти никогда не проявлял дружеских, тем более нежных чувств. Поэтому в сыне "непрерывно и однозначно накапливалась ненависть".** О влиянии матери мы можем строить одни лишь предположения. Безусловно, у Сталина не было такой связи с матерью, как у Наполеона или, тем более, у Гитлера. Нам известно лишь, что она была вынуждена столь же безропотно сносить унижения и несправедливости, а нередко и побои главы семейства и безмолвно взирать на издевательства мужа над своим Сосо. В глазах ребенка мать как бы давала молчаливое согласие на грубые "воспитательные мероприятия" отца и, таким образом, утратила роль союзницы его самоутверждения по отношению к отцу, что, естественно, не способствовало укреплению связи между ребенком и матерью. С другой стороны, имеются основания предполагать, что мать Сталина, лишенная других радостей в своей беспросветной жизни, была очень привязана к своему единственному ребенку, причем ее любовь к сыну должна была усиливаться его увечьем - укороченной левой рукой, из-за чего он нуждался в защите более, чем другие дети. Великая ее любовь к Сосо нашла свое выражение в готовности пойти на любые жертвы во имя того, чтобы избавить его в жизни от нужды. В этом она, в конце концов, достигла успеха, добившись поступления сына в высшее учебное заведение, что позволяло рассчитывать на удачную его карьеру в будущем. Учителя очень рано обратили

внимание на уверенность Сосо в своих силах и его способность добиваться своей цели. Это доказывает, что мать, свято верившая в будущие успехи сына, была для него, по выражению Хельма Штирлина, "сильнейшей родительской реальностью", то есть именно в матери Сосо видел центральную, делегирующую его родительскую фигуру. Второй важнейшей фазой развития личности Иосифа Сталина является период учебы в горийском церковном училище и в тифлисской духовной семинарии. Первым делом ему предстояло убедиться в том, что учителя столь же малоразборчивы в выборе воспитательных средств, сколь и отцы, поскольку также нуждаются в подобных переживаниях для укрепления своего слабого нарциссического «Я». В еще большей степени ему это стало ясно в семинарии, жизнь в которой напоминала больше казарму, нежели студенческое общежитие. **Тотальная слежка и стукачество монахов, раболепствовавших перед начальством и пытавшихся различными наказаниями достичь безоговорочного повиновения, породили в его душе еще один очаг ненависти. За счет этого в период полового созревания произошло возрождение той ненависти, которая была им преодолена в раннем детстве. Однако эта ненависть претерпела изменения в том смысле, что появился однозначный образ врага, ибо теперь подросток Джугашвили "имел право на свободную и дозволенную ненависть".** Сначала аккумулируемая в нем ненависть была направлена только против монахов, непосредственно надзиравших за ним, но затем она распространилась и на других носителей авторитарной власти, таких, как офицеры и чиновники царского правительства. **В то же самое время в нем усиливалось презрение к глупой и трусливой массе, безвольно терпевшей насилие авторитарной власти, что должно было пробуждать в нем бессознательные ассоциации с ролью матери в его собственной семье.** Семинарская жизнь, казавшаяся ему невыносимой, давала, тем не менее, практически наглядные примеры тех средств и методов, с помощью которых можно бороться с такими порядками. **Средствами этими были хитрость, ложь и подозрительная сдержанность по отношению ко всем и каждому.** Дочь Сталина Светлана полагала, что уже в те времена он "на основе своего семинарского опыта убедился, что люди грубы и нетерпимы, что духовные пастыри обманывают свою паству, для того чтобы крепче держать ее в руках, что они занимаются интригами, лгут и что у них очень много других пороков, но очень мало достоинств". По-видимому, еще будучи семинаристом, Сталин полностью принял идеи Маркса - основополагающая идея марксизма о том, что классовая борьба неминуемо должна привести к устранению продажного и прогнившего буржуазного общества, предоставляла ему возможность получить выход для накопленной им чудовищной ненависти против всех форм власти и утолить жажду мести. В 1899 году, после исключения из семинарии по неизвестным причинам, начинается третья фаза формирования личности Сталина. Вот как комментирует это событие однокашник молодого Сталина по семинарии Иосиф Иремашвили: **"Он... покинул семинарию, исполненный горькой и злобной ненависти к школьному начальству, буржуазии и всему тому, что было в стране воплощением царизма".** Это свидетельствует о решительном намерении Сталина идентифицировать собственное «Я». Он сжег за собой все мосты и выбрал для себя жизненный путь профессионального революционера со всеми вытекающими из этого опасными последствиями. Таким образом, у него завершился и компенсировался "юношеский кризис идентификации". На этапе поиска своего «Я» он должен был выстроить для себя идеализированный образ собственной личности и в дальнейшем стремиться максимально приблизиться к этому образу на практике. Образцом послужил ему Коба, кавказский аналог Робин Гуда, с которым в значительной степени идентифицировал себя молодой Сталин. Подобное воображаемое слияние,

выразившееся в том, что он выбрал для себя кличку Коба, должно было, скорее всего, послужить нарциссическому усилению его, к тому времени еще не вполне сложившейся, идентификации. **В современной теории нарциссизма в подобных случаях принято говорить о формировании связи типа alter ego, подразумевая при этом размытие физических границ между собственно личностью и вторым партнером, в данном случае - кавказским героем Кобой, когда второй партнер воспринимается почти как близнец.** Современное учение о "нарциссизме" позволяет лучше разобраться в тех расстройствах, которые находят свое видимое проявление в неудачных попытках личности установить нормальные контакты с конкретным и абстрактным внешним миром. **Нарциссическая личность принимает только ту данность, которая соответствует ее желаниям, мыслям и чувствам.** Поэтому вещи и лица вне этого эгоцентрического круга не заслуживают внимания, а все, что делают другие люди, оценивается и интерпретируется только и исключительно относительно собственной личности. **При высокой степени выраженности нарциссических механизмов, которые, как известно, могут достигать мессианских масштабов, постулат собственной непогрешимости и неконтролируемой абсолютной власти может завести столь далеко, что в тот момент, когда малейшая критика или действие ставит под угрозу идеал, созданный собственным воображением, источник такой критики подвергается беспощадным преследованиям вплоть до физического уничтожения.** В случае Сталина значение этих особенностей состоит в том, что они, вследствие реализации двойного стандарта, отрицательно сказались на его способности правильно и объективно оценивать действительность. Причина возникновения культа Сталина кроется, в первую очередь, в его нарциссической мании величия, а не в заслугах "великого вождя" как реальной человеческой личности. Сталин воспринял исключение из семинарии как акт социальной дискриминации и произвола чванного привилегированного общества, однако, произведя себя в профессиональные революционеры, он нашел признание и удовлетворение, столь остро необходимые после унижений, пережитых в отцовском доме и семинарии, для окончательной идентификации и окончательного самоопределения. Теперь он стал полноценным членом того боевого кадрового состава, который Ленин, его великий кумир, столь лестно называл "авангардом рабочего класса" и считал основной движущей силой планируемой революции. Подобные политические группировки естественным образом апеллируют к нарциссическим предрассудкам, которые укрепляют в них солидарность и внутреннюю замкнутость. **Групповой нарциссизм, в свою очередь, сообщает чувство удовлетворенности и достаточности каждому отдельному члену группы, но, в первую очередь, тем из них, кто ранее, вне группы, страдал от фрустраций и ощущения собственной неполноценности.** Принадлежность к столь важной и столь ценимой Лениным группе более чем достаточно компенсирует даже самого незначительного из ее членов за перенесенные ранее разочарования и репрессии. Следовательно, степень группового нарциссизма всегда соответствует дефициту реальной удовлетворенности своим существованием отдельного принадлежащего к ней индивидуума. Принадлежность к этой группе профессиональных революционеров также компенсировала снисходительное отношение к Сталину со стороны руководящих товарищей, принадлежавших преимущественно к интеллигенции. Четвертой фазой формирования личности Сталина были те 16 лет, которые он, будучи профессиональным революционером, провел в подполье, тюрьмах и ссылках. Трудности, пережитые им в этот период, еще более усилили такие черты характера, как эмоциональная холодность, расчетливость и хитрое коварство, но в первую очередь подозрительность к людям вообще. **От людей, побывавших вместе с ним в заключении и ссылке, известно, что он все больше и больше**

превращался в одинокого волка, сторонившегося близких контактов даже с товарищами по несчастью и вообще с трудом способного к поддержанию нормальных человеческих отношений. Лучше всего он чувствовал себя в компании уголовников или иных темных личностей, что опять же вело к новым необратимым деформациям психики. Все это постепенно превращало его в неотесанного, грубого и хамоватого человека, движимого ненавистью и жаждой мести, что сочеталось в нем с мимозной чувствительностью к малейшей обиде или малейшему пренебрежению - типичным признаком его экстремально нарциссической личности.

Случай несексуального садизма? С большой степенью вероятности можно утверждать, что годы лишения свободы, на протяжении которых он был предоставлен произволу тюремщиков, усилили в характере Сталина черту, которая была заложена в него еще в детстве - явно выраженный садизм. В своей работе "Анатомия человеческой деструктивности" Эрих Фромм убедительно показал, что среди причин, способствующих возникновению садизма, особое значение имеют те, которые порождают у ребенка или у взрослого человека чувство бессилия. К таким причинам принадлежат, в частности, "диктаторские наказания, вызывающие очень сильный страх. Под диктаторским наказанием Э. Фромм понимает такие меры наказания: "строгость способна внушать страх, жестко не ограничена и не находится в разумном соотношении с конкретным поступком, а зависит лишь исключительно от садизма наказующего". Подобные условия существовали и в родительском доме Сталина, и в семинарии, где он учился, и, в особенности, в тюрьмах и ссылках, где ему приходилось находиться годами. При попытке установить корни сталинского садизма, столь страшно проявившегося в последующие годы, необходимо учитывать факторы не только конституциональной предрасположенности и семейный фон, но и психическую атмосферу, способствующую возникновению социального и индивидуального садизма. Известно ведь, что власть, с помощью которой господствующая группа поработывает и эксплуатирует другую общественную группу, уже сама по себе способна порождать садизм. Если рассмотреть место Сталина в системе советского общества и сам недобрый дух этой системы, то станет понятно, почему садистские черты сталинского характера проявились в столь прочной и устойчивой форме и пустили столь глубокие корни. Э. Фромм считает Сталина ярчайшим клиническим примером несексуального садизма. **Сталин мог бы гордиться тем, что был первым, кто после русской революции приказал пытаться политических заключенных. Он мог бы также гордиться тем, что в период его правления методы пыток, применяемые НКВД, превзошли все известные до того средства. Сталин порой не отказывал себе в пикантном удовольствии лично выбрать метод пытки для той или иной жертвы.** Наибольшее наслаждение доставляла ему душевная пытка, при которой он держал жертву как бы подвешенной в отчаянии и страхе между выражениями искренней симпатии и последующим оглашением смертного приговора, а в конце все же уничтожал ее. С чувством глубокого удовлетворения он устраивал высшим функционерам своей партии и правительства испытания на верность и преданность, по произволу арестовывая их жен и даже детей, в то время как мужья и отцы продолжали, как ни в чем не бывало, исполнять свои обязанности, даже не мысля о том, чтобы попросить об освобождении близких. Более того, они были обязаны подтверждать ему, что их близкие были арестованы обоснованно, хотя отлично знали, что Сталин поступил так исключительно ради собственного удовольствия. Рой Медведев пишет, что Сталин посадил в лагерь не только жену столь высокопоставленного функционера, как Молотов, но даже жену президента Советской республики Михаила Калинина, причем заставил ее под пытками

подписать показания, компрометирующие ее мужа, на тот случай, когда и его понадобится убрать. Здесь в поведении Сталина проявился тот элемент его характера, который лежит в основе всякого садизма, а именно, **страстное желание "обладать абсолютной и ничем не ограниченной властью над живым существом"**, будь то мужчина, женщина, ребенок или целая социальная группа. Власть, позволяющая доставлять другим людям физическую боль и душевные страдания, приносила Сталину не только величайшее чувственное наслаждение, но и подтверждение абсолютного господства. Ощущение абсолютной власти над живыми существами создавало у него иллюзию того, что он может решить проблему существования человека. Такая иллюзия является объектом страстного вождения для людей подобных Сталину - людей, лишенных творческой силы и малейшей искры радости. С этой стороны **садизм, по выражению Э. Фромма, является "превращением бессилия во всесилие. Это религия духовных калек"**.

Не исключено, что искалеченная левая рука, психически угнетавшая Сталина до конца его дней, способствовала авантюрному и злокачественному развитию его характера. В спектре садизма Сталина имеется еще один момент, также типичный для этого характера, - трусость. По свидетельству Бориса Бажанова, бывшего на протяжении многих лет его личным секретарем, в жизни Сталина не было ни одного примера личной храбрости. И во время революции, и во время гражданской войны "он всегда предпочитал командовать на самом безопасном расстоянии". Во время революции Сталин действительно, по выражению Николая Суханова, был "на политической арене не более, чем серым пятном". В это время впервые явно проявились его слабые стороны. Недостаток образования, отсутствие творческих способностей и ораторского мастерства оставили его вне "штаба" и лишили возможностей играть руководящую роль. Тот факт, что в это решающее время он оказался вне "штаба" и без руководящей роли, о которой так мечтал его нарциссический автопортрет, вне всякого сомнения, явился для Сталина страшной душевной травмой, которую он не смог преодолеть. Ему пришлось долго и терпеливо ждать, пока придет подходящий момент и он сможет отомстить за обиду, тлевшую в его душе. Годы сибирских ссылок стали для него вынужденной школой искусства ожидания, при необходимости он мог ждать годами. Умение выжидать наиболее подходящего момента для достижения своей цели стало его фирменным знаком. Лишь в конце 1929 года Сталин решил, что наступил подходящий момент для того, чтобы путем насильственной ревизии историографии, подделки и уничтожения документов отомстить за эту давнюю обиду и приступить к закладке фундамента монументального культа собственной личности. Начиная с этого момента комплекс неполноценности, испытываемый Сталиным перед товарищами, превосходящими его по интеллекту, постепенно отступает на задний план, и он начинает разрабатывать план устранения возможных соперников, способных посягнуть на его власть генсека. В первую очередь он позаботился об удалении в мир теней ключевой фигуры коммунистического переворота 1917 года, выслав из страны Льва Троцкого. Теперь он без труда мог приписать себе ведущую роль главного помощника Ленина в установлении коммунистического правления. Нарциссическая обида, нанесенная Сталину во время революции и сразу после нее, оставила незаживающую рану, и он искал способ превзойти своего бывшего кумира Ленина. Это ему удалось - он организовал "третью революцию", заключавшуюся в принудительной коллективизации сельского хозяйства и индустриализации страны. Эти кампании, проходившие в 1929-1933 годах, отодвинули в тень все, что было до тех пор, не только невиданной жестокостью применявшихся средств принуждения, но и радикальностью "революционной" перестройки всего советского общества в первую очередь. Великий украинский голодомор, организованный в 1932-1933

годах по приказу Сталина, чудовищные масштабы которого стали известны лишь совсем недавно после открытия секретных архивов министерства иностранных дел Германии, совершенно шокирующим образом раскрывает деструктивные черты преступного характера этого монстра. Этот безумный акт геноцида обошелся в семь миллионов жизней украинских крестьян. Невероятно, но факт: строжайшими запретительными мерами Сталину удалось скрыть это массовое истребление собственных сограждан не только от заграницы, но и от советского народа. Лев Копелев, человек, которого можно причислить к интеллигенции, наблюдавший весь этот ужас собственными глазами, писал: "Я боялся показаться слабым и проявить сочувствие. Ведь мы делали исторически необходимое дело. Мы выполняли наш революционный долг. Мы обеспечивали социалистическую Родину хлебом".

Это оправдание показывает, насколько уже тогда **советский народ увяз в сетях сталинской лжи, до какой степени он уже пал жертвой пропагандистских трюков и утонченных отвлекающих маневров. Недаром Пастернак назвал в числе важнейших элементов политики Сталина "нечеловеческую власть лжи"**. Действительно, обман и предательство уже давно были его второй натурой, и поскольку он всегда правил с заднего плана, избегая открытой конфронтации, то и в кровавом эксперименте своей жестокой аграрной революции он смог подать себя как умеренную интегрирующую фигуру, которая всегда действует лишь из лучших побуждений, руководствуясь интересами партии, благом народа и ленинскими социалистическими принципами. Лишь на таких принципах можно было инсценировать "невидимый геноцид", не уронив при этом своего имиджа "великого вождя". Для того чтобы спланировать и воплотить подобное дьявольское предприятие, требовался человек, подобный Сталину, человек, в характере которого были бы сфокусированы все необходимые для этого преступные качества: глубочайшее презрение к людям, беспримерная беспощадность, полное отсутствие сочувствия и хладнокровная жестокость, питательной средой для которых была глубоко укоренившаяся ненависть ко всем потенциальным врагам. Эти черты характера предопределили абсолютную неразборчивость в средствах для достижения поставленных целей. К этому следует добавить нарциссическую убежденность Сталина в своей исторической миссии, которая постоянно усиливала в нем сознание избранности, что проявилось не только в "культе личности", ставшем основным инструментом его власти, но также и в уверенности Сталина в том, что он имеет право действовать за пределами обычных моральных законов. Это привело к вырождению внутренней системы ценностей и сделало его иммунным по отношению к любой форме чувства вины или сострадания, и, таким образом, ничто не мешало ему следовать стремлению ко всевластию и удовлетворению возникавших у него садистских желаний.

Параноидальная структура личности. В отличие от Гитлера, Сталин не обладал харизматическими талантами, необходимыми для завоевания лояльных сторонников. Поэтому, опираясь на исторические примеры типа Ивана Грозного, он предпочитал держать советских граждан, и в особенности аппарат политической власти, в постоянном страхе и трепете. В совершенстве обладая искусством постоянно поддерживать накал психологического террора, он держал свое близкое окружение под таким давлением, что практически никто не мог считать себя застрахованным от его непредсказуемых капризов, каждый из которых мог означать моментальное физическое уничтожение. В соответствии с лозунгом Сталина о том, что в политике нет места доверию, его собственная подозрительность постоянно росла и в конечном итоге приняла форму настоящей мании преследования. Первым врачом, который поставил Сталину диагноз "паранойя", был ленинградский

невропатолог профессор Владимир Бехтерев. Во время международного конгресса, состоявшегося в конце декабря 1927 года, он побывал у Сталина. Своими взрывоопасными наблюдениями профессор Бехтерев поделился со своим ассистентом доктором Мнухиным и при этом сказал, что в лице Сталина, однозначно страдающего паранойей, "во главе Советского Союза оказался опасный человек". То обстоятельство, что сразу же после этого профессор Бехтерев скончался в номере московской гостиницы от внезапной болезни, очень напоминает почерк Сталина, пусть даже мы и не располагаем никакими доказательствами такого предположения. Диагноз Бехтерева в сентябре 1988 года был целиком и полностью подтвержден советским психиатром Е. А. Личко в "Литературной газете". Автор публикации дополнил сказанное указанием на то, что, как правило, приступы параноидального психоза провоцируются различными перегрузками и необычными психическими ситуациями, и в типичном случае течение заболевания носит периодический характер. Проанализировав биографический анамнез Сталина, Личко высказал предположение, что первый такой приступ произошел у Сталина в связи с раскулачиванием в начале тридцатых годов, а второй приступ имел место перед началом большой "чистки" партаппарата и руководства армии в 1936-1937 годах. По мнению Личко, вероятно, "имел место еще один приступ в начале войны, когда Сталин де-факто прекратил управлять государством". Однако почти наверняка можно утверждать, что такого рода параноидальный приступ произошел незадолго до его смерти в связи с "делом врачей". Алан Буллок справедливо указывает на то, что у Сталина, так же, как и у Гитлера, не было органического психического заболевания по типу истинной шизофрении, а имела место **параноидальная структура личности**, чем и объясняются абсолютно все его действия. С точки зрения современной психиатрии, у подобной параноидальной личности имеет место "сформировавшаяся и непоколебимая система бредовых идей", которая, как правило, проявляется только в среднем возрасте. Эта система строго отграничена от всех прочих когнитивных функций, и личность остается неограниченно жизнеспособной и продолжает соответствовать всем требованиям, предъявляемым жизнью. **Уже известный психиатр Крафт-Эббинг указывал на то, что при параноидальных психозах наряду с бредовой стадией наблюдается стадия "просветления", во время которой такой субъект способен к ничем не примечательному нормальному поведению, за счет чего у окружающих не возникает никаких подозрений. Наиважнейшим признаком параноидального психоза является мания преследования, проявляющаяся в болезненной подозрительности и в конечном итоге принимающая форму навязчивой идеи о том, что субъект со всех сторон окружен врагами и предателями.** У Сталина параноидальный бред дошел до того, что он в конце концов ликвидировал почти всех бывших соратников вплоть до занимавших самые высокие посты, обвинив их в подрывной деятельности и террористических заговорах и не пощадив в ходе чисток ни своих друзей, ни членов собственной семьи. Во многих случаях достаточно было того, что человек "слишком много знал" о прошлом Сталина. Растущий страх перед покушением принес гротескные плоды: он спал на даче, превращенной в настоящую крепость, за бронированной дверью, открыть которую можно было только изнутри, приведя в действие сложный механизм, в окружении несметного количества бдительных чекистов, которых он, движимый подозрительностью, мог внезапно заменить в самый неподходящий момент. Он всегда носил при себе пистолет, который ночью клал под подушку. Весь короткий путь в Кремль кишел сотнями агентов тайной полиции, и каждый раз он садился в другой из пяти лимузинов, так что даже собственные его телохранители не знали, в какой из машин он сидит за зашторенными серыми окнами. Как уже говорилось выше, пищу ему готовили в специальных кухнях, а перед подачей на стол специально обученные токсикологи

проверяли блюда на наличие вредных веществ или ядов. И, наконец, был найден двойник Сталина, позволявший самому Сталину в определенных случаях не подвергать себя опасности. Едва ли Сталина когда-либо мучили сильные угрызения совести за совершенные им преступления, однако столь крайняя форма мании преследования могла быть связана также и со страхом, что в один прекрасный день его настигнет рука мстителя. Еще одним существенным обстоятельством является здесь многовековая традиция политических заговоров в истории России, побуждавшая Сталина при малейшем намеке на возможность заговора на всякий случай ликвидировать возможных его участников. Прочно закрепившаяся система его бредовых идей требовала "подтверждения" правильности параноидальных домыслов, для чего у обвиняемых, в большинстве случаев полностью невиновных, добывались "чистосердечные признания". Организованные Вышинским показательные процессы, на которых Сталин, по собственной прихоти, мог посадить, на скамью подсудимых кого вздумается, доставляли ему садистское наслаждение, состоявшее в том, что он мог наглядно показать своим согражданам, кто в действительности является господином над их жизнью и смертью. Подобное опьянение властью прекрасно вписывается в картину предельно параноидальной личности.

Третьим характерным признаком параноидальной личности, наряду с манией власти и манией преследования, является мания величия (мегаломания). Сталин, как и Гитлер, жил в бредовом убеждении о том, что он "как индивидуум превосходит по силе духа окружающий мир". На пике культа партия превратила Сталина в "сверхчеловека, обладающего божественными, сверхъестественными качествами, человека, который якобы все знает, все видит, за всех думает и ни в чем и никогда не ошибается". Это прославление не было продуктом почитания фанатичных приверженцев - в подобных выражениях о себе писал сам Сталин в "Краткой биографии". В этой автобиографии он называет себя величайшим теоретиком, руководящей силой партии и государства, гением, определившим пути развития передовой советской военной науки, полководцем с гениальной интуицией и мастером оперативного искусства. Этот труд Сталина гораздо лучше, чем та книга, которую Вы, читатель, сейчас держите в руках, иллюстрирует то, что в медицине принято называть "маниакальным величием духа". В последние годы жизни Сталин в своей мании величия дошел до того, что в 1949 году приказал советским историкам приписывать все выдающиеся научные и технические открытия русскому и советскому государству, с которым давно уже сам себя отождествил - вспомним хотя бы "изобретение радио". До него уже просто не доходило, что этим он заставил смеяться над собой весь мир - вот куда завели его мания величия и инфантильное представление о собственном всемогуществе. В сталинском бреде величия ведущую роль играли не метафизические идеи, а единственно и исключительно мания власти. Будучи убежденным в своих сверхъестественных способностях и в том, что он избран судьбой для выполнения некоей всемирно-исторической миссии, Сталин считал, что для выполнения этой миссии он должен обеспечить себе абсолютную власть над Советским Союзом. Основой для этого должно было послужить превращение ленинского большевизма в сталинизм, рожденный его бредовыми идеями. Такой план вполне соответствовал его мышлению, основными характерными чертами которого были аутизм, мегаломания и мания власти, равно как и крайнему нарциссизму его личности, сконцентрированной исключительно на себе и давно утратившей связи с действительностью и потерявшей способность реально видеть других людей. Для того чтобы подвести под роль "вождя" солидный идеологический фундамент, и была издана не раз цитируемая нами выше "Краткая биография",

отредактированная самим "вождем", которую в обязательном порядке должен был прорабатывать не только каждый член партии, но и каждый студент каждого вуза страны. С построением столь совершенного культа личности восточного образца вступил в силу радикальный запрет на любой свободный обмен мнениями в партии, что допускалось при Ленине. Сталин понимал единство партии, как беспрекословное выполнение директив и бездумное повиновение произволу "вождя". Опасное уже само по себе сочетание мании наличия и мании власти дополнялось у Сталина крайним несексуальным садизмом, что позволило ему безнаказанно получать пьянящее наслаждение от коварной игры с жизнью и смертью людей. Можно усмотреть противоречие в том, что в самый критический момент истории Советского Союза - в дни немецкого вторжения в июне 1941 года - "сверхчеловек" столь высокого стиля проявил полнейшую беспомощность и полную психическую капитуляцию. Охваченный паникой Сталин забился в бронированный лабиринт своей крепости-дачи, не забыв перед этим огульно обвинить командование Красной Армии в измене и трусости. Здесь мы также имеем дело с типичным проявлением параноидальной личности, которая стремится перенести на других те качества, с существованием которых у себя она не желает смириться. Сталин перенес собственную трусость и измену народу на руководство армии. Сталин был не только трусом - как известно, в его присутствии нельзя было заводить разговоры о смерти - он был еще и раболепным. Это свойство также типично сопутствует синдрому садизма. Наиболее выпукло это свойство проявилось в гибком приспособленчестве к Ленину во время революции и непосредственно в послереволюционные годы. Между садизмом и мазохизмом существует тесная взаимосвязь, почему правомернее было бы говорить о садомазохистском характере, помня о том, что у конкретного индивидуума может преобладать та или иная сторона этого явления. Согласно Эриху Фромму, садомазохиста можно также назвать "авторитарным характером", если соотнести черты такого характера с его отношением к политике. Действительно, у людей, проявляющих в политической деятельности "авторитарный характер", часто имеют место садомазохистские элементы характера, а именно, желание повелевать подчиненными, с одной стороны, и раболепствование перед начальством, с другой. Как и положено личности параноидального типа, Сталин реагировал на собственное позорное трусливое поведение и собственную практически полную неспособность к действию в первые дни войны весьма болезненно, ибо это подрывало в нем самоуважение и оказывало разрушительное действие на его выдуманный нарциссически завышенный образ. Для того чтобы дать понять народу, что победа стала возможной только благодаря Сталину и его "выдающимся талантам полководца", он снова пошел по пути неадекватных реакций, удалив из высшего руководства тех людей, которые в самые трудные моменты удержали на плаву государственный корабль и не дали ему опрокинуться, и отправив этих людей в места, отдаленные от столицы. Когда же речь шла о якобы трусости других людей перед лицом врага, то здесь он, в который уже раз подчиняясь проективному механизму, проявлял твердость, достойную лучшего применения: сотни тысяч бывших советских военнопленных, выживших в немецких концлагерях, были брошены в сибирские лагеря только за то, что предпочли плен смерти. Подобные неадекватные гипертрофированные реакции явились следствием чрезвычайно низкого барьера фрустрации. В практике судебной психиатрии это часто дает ключ к пониманию аномального поведения преступников. **Под низким барьером фрустрации принято понимать неспособность личности воспринимать разочарования, неудачи, обиды и унижения без гипертрофированных реакций на них.** Поэтому люди с низким барьером фрустрации всегда склонны к агрессивным действиям. Неспособность переносить фрустрации типична для социально незрелых личностей, к которым

следует отнести и Сталина. При этом данное свойство его характера - постоянную готовность к агрессивным реакциям - еще более усиливала неспособность вступать в нормальные человеческие контакты. Как уже говорилось выше, в 1949 году у Сталина произошел очередной приступ паранойи, ставший поводом для второй волны "чисток", в которой его страсть к уничтожению приняла характер одержимости и обратилась вообще против всего на свете. Под влиянием мании преследования Сталину повсюду вдруг начали мерещиться "агенты сионизма" и, начав систематическое преследование евреев, он потребовал от своих высших функционеров предъявить "родословные". Ближайшие родственники членов политбюро становились жертвами террористического буйства Сталина, и высшим сановникам партии и государства стало ясно, что он намеревается в очередной раз избавиться от опасных соперников - в данном случае речь шла о старых членах политбюро. Однако до этого, как и до ликвидации участников "заговора врачей", находившихся в заключении с осени 1952 года, дело не дошло, потому что сам Сталин успел умереть раньше. "У постели умирающего, - пишет Дмитрий Волкогон, - завершилась трагедия народа, хотя факт этот суждено было осознать лишь позднее. Завершилась трагедия, неразрывно связанная с жизнью этого человека. Тогда казалось, что трагедией для народа является его смерть, но позднее народу дано было понять, что истинной трагедией являются преступления его жизни".

* * * Верховный правитель должен быть справедлив к себе и при этом оставаться человеком. Это труднейшая из всех задач, более того, эта задача неразрешима: человек выструган из столь кривого полена, что никакому плотнику не дано его выпрямить. Природа возложила на нас лишь задачу приближения к этому идеалу.

(Иммануил Кант. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане, 1784).

В этих прозорливых, немного скептических словах великого философа, написанных за шесть лет до начала Великой французской революции, все же присутствует надежда и уверенность в том, что в будущем, несмотря на все человеческие слабости, станет возможным находить для управления государствами людей, которые не будут злоупотреблять своей свободой. Знай Кант, что произойдет в последующие 200 лет, он, пожалуй, напрочь лишился своих иллюзий: желанное "приближение" к постулированному им идеалу превратилось едва ли не в свою противоположность - призрак национализма и новые тоталитарные идеологии привели к невиданной доселе радикализации широких слоев населения, пропагандистская машина, используя все средства и трюки, усиленно сколачивала мифы о самозванных спасителях, принесших своим народам лишь страдания и смерть. Для этой эволюции символичны имена Наполеона, Гитлера и Сталина. Эти фигуры являются вехами, отмечающими на этом пути кульминационные моменты исторических извращений, когда громкая фраза была всем, а человеческая жизнь ничем. Было бы неверно механически сравнивать жестокости и злодеяния этих людей между собой, ибо каждый из них неотделим от своего общества и своего времени. Полная и подробная оценка их политической и экономической деятельности здесь также не представляется возможной, во-первых, по названной выше причине, и, во-вторых, потому что это выходит далеко за рамки данного социально-психологического исследования. Тем не менее я считаю возможным заявить следующее: приход к власти террористического диктатора никогда не являлся "несчастливым случаем на производстве истории". В таких случаях имеют

место индивидуальные и социальные предпосылки, которые динамически взаимно оплодотворяют друг друга, и эта динамика поддается анализу. Что касается Гитлера и Сталина, то в их диктаторской деятельности появилось новое неслыханное ранее качество: они превратили убийство в сухой бюрократический акт, посылая на смерть неисчислимые множества людей исключительно по формальному внешнему признаку, будь то национальность или социальное положение. Если главным в этом деле становится циничный технократический расчет, то на сцене сразу же появляется "плановый показатель" - количество жертв, подлежащих умерщвлению. В условиях такого "разделения труда" убийство может превратиться в рутинную операцию даже для относительно "безобидных натур". Невероятные преступления, совершенные этими диктаторами (здесь мы пока не имеем в виду Наполеона), делают правомерными следующие принципиальные вопросы: - был ли присущ Гитлеру и Сталину "врожденный этический дефект" в смысле гипотезы "морального безумия" или - как того опасался Кант - их аморальное поведение стало возможным лишь потому, что над ними не оказалось высшей инстанции, способной им в этом воспрепятствовать? - почему во все времена всем тиранам удавалось для своих грязных и кровавых дел находить добровольных рабски услужливых и бесконечно жестоких подручных в любом необходимом для них (тиранов) количестве? В своем неоднократно цитированном нами аналитическом исследовании Вольфганг де Боор ссылается на интереснейшую монографию Л. Сонди "Каин. Образы зла", где автор в рамках разработанной им "психологии судьбы" пытается получить ответы на эти жгучие вопросы, имеющие ключевое значение для всякой практической политики.

Сонди выдвигает тезис о том, что в основе "установки на убийство", так называемой "каиновой печати", лежит врожденная предрасположенность характера, которой он дал название радикала "e". По оценке Сонди, примерно 6% членов любой средней человеческой популяции отмечены "каиновой печатью", а еще 14% являются скрытыми, замаскированными ее носителями, которых он называет "авелизированными повседневными каинитами". На основе результатов собственных обширных психологических исследований Сонди пришел к выводу о том, что массовые убийства во все времена и, в частности, во времена нацизма и сталинизма, стали возможны лишь благодаря увеличению относительной частоты появления радикала "e". Сонди разработал собственный оригинальный метод экспериментального распознавания радикала "e". Согласно Сонди, в обычных условиях носители каиновой печати не в состоянии реализовать свою установку на убийство путем соответствующих извращенных действий или экстатических проявлений, однако в чрезвычайных обстоятельствах, сопутствующих революциям или военным действиям, подогретые политическими или идеологическими мотивами, они вполне способны совершить убийства тысяч людей. В такой обстановке незначительные, безобидные "повседневные каиниты" превращаются в массовых убийц и военных преступников. Результаты своих масштабных исследований Сонди резюмирует так: "Королям и императорам, политикам и фюрерам, страдающим манией величия, в любую эпоху удавалось вовлечь, мобилизовать для своих постыдных предприятий миллионные массы людей и заставить этих людей совершать чудовищные преступления только потому, что так называемый народ в какой-то своей части состоит из скрытых каинитов. Эти ультрашовинисты и расисты только и ждут того момента, когда им под личиной "патриотов" будет позволено вольно и безнаказанно дать выход своим каинитским притязаниям. Масса же является идеальным камуфляжем, под которым может укрываться каинит, ибо масса полностью освобождает от персональной ответственности".

Можно как угодно относиться к тезисам и терминологии Сонди, однако необходимо признать, что эта модель дает ответ на вопрос, где нарциссически деформированные, садомазохистские психопаты находят себе приспешников: в тот момент, когда подобный субъект, став неограниченным властелином над жизнью и смертью своих подданных или соотечественников гарантирует безнаказанность, в том числе, и за самые бесчеловечные преступления, из гуши того же самого общества, как по мановению волшебной палочки тут же всплывают потрошители и заплочных дел мастера, тысячи из которых нашли себе применение в национал-социалистических концентрационных лагерях и гестаповских застенках, в лагерях ГУЛАГа и на расстрельно-пыточных комбинатах НКВД. Венский профессор психиатрии Эрвин Странски, принадлежавший к всемирно известной школе Вагнера-Яурега, предпочитавший читать свои лекции и доклады в весьма эмоциональной манере, как-то высказал разумное, хотя, пожалуй, и не вполне реальное требование, о том, что любой государственный деятель, обладающий чувством ответственности, обязан не реже одного раза в год проходить контрольное психиатрическое обследование. Я вовсе не хотел бы, чтобы читатель принял данное требование в качестве вывода, я лишь призываю **разумно и критически относиться к заманчивым лозунгам, сулящим свободу и величие, но в реальности ведущим только к угнетению, палочной дисциплине и смерти.**

Еще одним направлением психоисторических исследований является **психоистория семьи**, объектом которых являются исторические формы семейных отношений, предметом - влияние типа семейных отношений на становление личности в различные исторические периоды, изучение механизмов исторической социализации личности, их социальных, психологических и исторических эффектов. Один из теоретиков и организаторов психоисторических исследований Л. Де Моз - автор "психогенетической" теории истории считает основой исторических изменений общества эволюцию взаимоотношений между матерью и детьми, изменение системы воспитания ребенка на ранних стадиях социализации. По мнению Л.Де Моза **определенному типу семейных отношений ("модус отношений") соответствует определенный тип личности ("психовид") и определенные социальные изменения, как результат деятельности личности данного типа.** В качестве "ключа" к пониманию исторического процесса, социальных культурных, экономических изменений в обществе представители этого направления (Д.Хант, Л.де Моз) рассматривают психологическую структуру семейных отношений. В основе этих представлений находится теоретическое положение психоанализа о роли ранней социализации в формировании личности.

Методология психологического, преимущественно неопрейдистского анализа и типологии личности в зависимости от исторических условий ее социализации, разработанная в рамках культурантропологии (А. Кардинер, Т. Парсонс, Т.Тернер), применяется в психоисторических исследованиях для выявления исторического своеобразия личности, объяснения ее социального поведения. Одна из авторитетных концепций исторической социализации личности - концепция "базовой личности", сформулированная в 40-х гг. американскими психологами А. Кардинером (1946) и Р. Линтоном (1945).

"Базовая личность" определяется как определенная "личностная конфигурация" (свойства личности), характерная для большинства членов данного общества, как результат общего для них раннего опыта.

Данная концепция основана на следующих теоретических положениях:

- ранний опыт индивидов оказывает длительное действие на их личность, особенно на развитие творческих способностей;

- сходный опыт ведет к порождению сходных "личностных конфигураций" у индивидов, которые находятся под его воздействием;

- способы ухода за детьми и воспитания у членов любого общества, как правило, сходны, хотя и никогда не идентичны для различных семей внутри общества;

- техники ухода за детьми и воспитания, определенные культурой, отличаются друга от друга в разных обществах.

Основными факторами социализации личности, в рамках рассматриваемой концепции "базовой личности" являются следующие:

1. Материнский уход (устойчивость внимания или невнимания матери к ребенку; регулярность кормления; действия лиц, заменяющих родителей, помощь в процессах научения хождению, речи; забота до и после рождения; отнятие от груди - методы и т.д.).

2. Отношение к ребенку (забота или невнимание; честное отношение или обман).

3. Требование послушания, наличие или отсутствие вознаграждений (формирование Сверх-Я).

4. Ранняя дисциплина (устойчивость требований к ребенку, система наказания и вознаграждения).

5. Сексуальная дисциплина (мастурбация - разрешается или запрещается, отношение к ней старших - отрицательное, снисходительное).

6. Игры с противоположным полом (открыто или молчаливо разрешаются старшими).

7. Институционализированные отношения со сверстниками (подавляемое или поощряемое соперничество, самоконтроль агрессии).

8. Включение в работу (возрастные обязанности, награды, степени участия различных полов в работе, отношение к труду).

9. Половая зрелость (социальная обусловленность, преждевременность или запаздывание, родительская помощь в подготовке к браку).

10. Брак (брачные обычаи, трудности, создаваемые родителями, положение женщины, свобода выбора, экономический статус супругов, требование верности, свобода развода).

11. Характер участия личности в обществе (статусная дифференциация, жизненные цели).

12. Факторы, объединяющие общество (образование Сверх-Я, сотрудничество и антагонизм, разрешенные и контролируемые действия, санкции).

13. Проективные системы (религия, фольклор).

14. Искусство, ремесла и техники.

15. Отношения в процессе производства (дифференциация функций, участие в распределении продуктов - степени статусной дифференциации и контроль престижа).

Направление психоистории, объектом исследования которого является психоистория социальной группы, называется *социальной психоисторией*. В рамках этого направления психоисторических исследований изучается мотивация группового поведения (Ф. Вейнстейн, Дж.Плэтт, Р. Берингер, П. Левенберг, К. Кенистон). В исследованиях по социальной психоистории также широко используются психоаналитические модели для объяснения группового поведения, массовых социальных движений (Л. Хотт, Ю. Метвин, А. Улам), также в этой области психоисторики пробуют возможности иных, преимущественно социально-психологических концепций, например, теории когнитивного диссонанса.

Наиболее эффективным в социальной психоистории оказалось использование психоанализа для объяснения и описания социальных революций (Б. Мэзлиш, Ю.

Метвин, Дж. Талмон, Р. Лифтон, Дж.Плэтт, Ф. Маунт, Р.Харлоу, В. Вольфенштейн, Г. Бичевский). Становление психоистории революции связано с психоаналитическими принципами объяснения группового социального поведения. Психоаналитический метод как основа для изучения социальных радикальных движений сводится к следующим принципам.

1. Иррациональные влечения, неосознаваемые психические состояния, бессознательные враждебные инстинкты рассматриваются как основа революционного поведения личности и социальной группы. Агрессивные реакции индивидуального и коллективного характера являются следствием массового невроза, вызванного социальным давлением на человека. Современное насилие - это, в большинстве случаев, своеобразная форма невротического протеста личности против различного рода давящих на нее стрессовых факторов и условий социальной жизни, к которым ей часто бывает трудно адаптироваться. Согласно психоаналитической схеме, социальные санкции и нормы ограничивают возможности удовлетворения человеческих потребностей, вызывают фрустрационные состояния - сознательное, подсознательное ощущение лишения того, к чему стремишься. В соответствии с теорией агрессии и фрустрации, разработанной социальными психологами Д. Доллардом и В.Миллером, которая часто привлекается психоисториками для объяснения революционных действий народных масс, реакция агрессии неизбежно следует за фрустрационными состояниями и может быть направлена против объекта, ставшего источником фрустрации или перенесена на кого-нибудь другого, или даже на себя.

"Агрессия - последствие поведения, целевой реакцией которого является причинение обиды тому лицу, против которого обращено это поведение. Агрессия не всегда совершается открыто, она может проявляться в виде фантазии, сна и даже как хорошо обдуманый план реванша, она может быть направлена против объекта, который признан причиной фрустрации, либо перенесена на совершенно невинный предмет и даже на самого себя". Так, например, при исследовании причины еврейских погромов, которыми сопровождались многие социальные революции, в качестве одной из причин называется феномен "козла отпущения", когда агрессия масс переносится на относительно беззащитный объект (как это произошло в Германии 30-х гг., когда нацистская идеология вызвала перенесение агрессии немецких лавочников на относительно беззащитный объект), как происходит сейчас в России в отношении, когда с преступниками принадлежащими к кавказским этносам отождествляются все «кавказцы, мусульмане», хотя и евреи не сняты «с повестки дня».

2. Движение социального протеста (радикальные действия личности и социальной группы в политике, культуре, в быту) рассматриваются как война поколений, как поколенческий протест детей против отцов, вызванный остротой переживания детьми "Эдипова конфликта".

Интерес к проблеме взаимоотношения поколений связан с попытками американских психологов объяснить культурно-исторические и причины студенческих молодёжных волнений в мае 1968 года в Париже и Нью-Йорке. Например, в работах американских психоисториков Л. Фойера, П. Левенберга, Г. Дикса, радикальные социально-политические и культурные движения рассматриваются с позиций классического психоанализа как специфические проявления конфликта поколений.

Известный американский психоисторик Л. Фойер в книге "Конфликт поколений: Характер и значение студенческих движений" (1975) считает, что условием народнического движения в России в 70-е годы XIX в. явилась потеря старшим поколением авторитета у будущих революционеров, движение

которых стало неосознаваемым протестом против традиций и ценностей общества, созданного поколением отцов. По мнению Л. Фойера, идеологическое своеобразие народничества (лозунг "хождения в народ", обращение к западным идеям социального устройства), становится своеобразным способом избавления от полученных в детстве психотравм (например, запрет дворянским детям играть с крестьянскими детьми активизирует неосознаваемую потребность интеллигенции в идентификации с крестьянами), а также выражением отрицания социальной и политической идеологии поколения отцов. Этим же можно отчасти объяснить молодежные беспорядки в нынешней России, но уже под националистическими лозунгами.

3. Причина популярности революционного лидера, массового преклонения, подчинения и обожествления политика (эффект "харизмы") объясняется специфичностью собственного психологического опыта революционного лидера (повышенная агрессивность, деструктивность, фиксация на юношеской стадии развития, острота переживания "Эдиповой ситуации", перенос либидинозных эффектов в область социальных отношений, на революционную идеологию) активизирует агрессивные невротические тенденции масс.

Так, например, в фундаментальном исследовании, посвященном психоисторическому анализу Великой Французской революции Ф. Венстейна и Дж. Плэтта "Желание быть свободным: Общество, психика и изменение ценностей" (1973), причиной нисходящего развития революции, начиная с 1794 г. считаются психологические особенности революционного вождя М. Робеспьера, который не смог реализовать демократические ценности, за которые боролся ("свобода, равенство и братство"). Авторы рассматривают революцию как реализацию ценностей автономии, оформленных французскими просветителями. Если в начале революционной деятельности М. Робеспьера его личные качества (демонстрация морального превосходства, воинствующий, карающее - морализированный тон, способность конструировать мир в абсолютных терминах) соответствовали историческим задачам революции и обеспечили ему огромную популярность, политическую карьеру, массовую поддержку, то в дальнейшем, с момента получения широких властных полномочий (с лета 1793 г. М.Робеспьер возглавляет Комитет Общественного Спасения) такие личностные особенности М. Робеспьера, как бессознательная установка над тотальный контроль над ситуацией, неспособность справиться с травмами обусловили диктаторский стиль его политического поведения, что не соответствовало его собственным демократическим идеалам. Амбивалентность, как одна из личностных динамических характеристик М.Робеспьера, в силу которой этот политический лидер оказался не способен реализовать ценности, за которые боролся, по мнению многих психоисториков рассматривается как причина его конца и спада революции (Ю. Метвин, Дж. Талмон, В. Мэзлиш).

М.Робеспьер является типичным представителем "тоталитарного мессианского темперамента с параноидальными чертами" (Дж. Талмон), деятельность которого носит деструктивный характер, который действует из невротических побуждений и переносит либидинозные эффекты (в обыденной жизни чаще всего они переносятся на окружающих людей) на область социальных отношений, тем самым "забывая" идеалы дружбы и любви во имя революционных целей.

4. Направленность революционных изменений, содержание революционной идеологии интерпретируется с точки зрения активности "бессознательного" (неосознаваемых желаний, фантазий и др.), выражающееся в системе деструктивных революционных действий, в революционной символике, языке,

обрядов и революционных ритуалах. **"Все революционные изменения имеют общий базис - они возникают в форме личных фантазий-желаний. Прогрессия всегда одинакова: желания, которые до этого подавлялись, становятся осознанными, систематически кодифицируются и ведут к социальным акциям, направляемым на фундаментальные изменения ценностей, служащих для организации поведения внутри социальной системы"**.

По мнению некоторых психоисториков (Ф. Лифтона, К. Кенистона) психоисторические исследования имеют сходную с клиническим психоанализом цель - психотерапевтический эффект. Тенденция рассматривать результаты психоисторических исследований, как "ключ" для преодоления индивидуальных и коллективных неврозов характерна для некоторых психоисториков, называющих себя "социопсихотерапевтами". Например, Р. Лифтон в своей книге "Смерть при жизни: Уцелевшие в Хиросиме" (1967), посвященной исследованию адаптации лиц, выживших в Хиросиме, к условиям мирного существования, стремится обнаружить эффективные средства помощи будущим поколениям справиться с историческими событиями стрессового характера.

Один из наиболее авторитетных психоисториков, основатель Эго-психологии Э.Эриксон видит в психоисторическом подходе возможности для социальной терапии, оценивает историческую реальность, как "попытку создать будущий порядок из прошлого беспорядка". В известной работе "Истина Ганди" (1969), посвященной описанию жизни М.Ганди и его отношений с народом Индии Э.Эриксон обнаруживает психотерапевтическое влияние этого лидера на индийское общества. Используя собственную концепцию восьми специфических возрастных психосоциальных стадий развития личности для психоисторического подхода, автор интерпретирует отношения исторического деятеля с народом по аналогии психотерапевта и пациента: "Истина Ганди в том, что он приобрел мудрость самоотречения для себя самого и способствовал новому уровню политического и духовного сознания своей нации".

Исследуя психологические и социальные причины исторического своеобразного психотерапевтического эффекта Э.Эриксон учитывает следующую информацию.

1. Конкретные исторические условия жизни народа, характеристики социального процесса, социальные ценности, характерные для данного общества в качестве факторов формирования личности и всего поколения. Опираясь на концепцию психосоциальной идентичности, в соответствии с которой развитие личности рассматривается как психосоциальное развитие (то есть как история взаимодействия человека и общества на каждой стадии индивидуального развития личности), как прохождение восьми специфических возрастных психосоциальных стадий жизни, Э.Эриксон исследует исторические ситуации, когда отношения личности со средой имеют характер столкновения, вследствие чего личность оказывается в состоянии кризиса идентичности. Конкретные исторические условия жизни народа (характеристики социального процесса, социальные ценности, характерные для данного общества) участвуют в процессе формирования личностной целостности через механизм психосоциальной идентичности, являющийся, по мнению Э. Эриксона, основным механизмом, связывающим человека с обществом. С особенной остротой переживается кризис самосознания, когда личность сталкивается с социальными препятствиями, нарушающими целостность Я-концепции. В книге Э. Эриксона "Истина Ганди" таким кризисом является переживание индийским народом кризиса идентичности в 20-40-е годы нашего столетия как невозможность духовной идеологической интеграции в систему социальных отношений, выстраиваемую и контролируруемую английскими

колониалистами в Индии. Эпохи социальных кризисов характеризуются своеобразным "вакуумом идентичности" для всего народа. В стремлении восстановить нарушенную психосоциальную идентичность личность становится основным агентом исторического изменения общества.

2. Становление личности исторического деятеля. По мнению Э. Эриксона, формирующим фактором истории жизни исторической личности является острое переживание "Эдипова конфликта": "Выдающиеся люди переживают сыновьи конфликты с такой неизбежной интенсивностью потому, что они чувствуют в самих себе уже в раннем возрасте такого рода самобытность, которая далеко выходит за рамки простой конкуренции с личными достоинствами отца". **В процессе поисков самого себя великая личность создает новую идеологию, помогая преодолевать множеству других людей собственный кризис идентичности, программируемый историческими условиями, и восстановить утраченную гармонию отношений с обществом - таким образом, возвращая социальную гармонию.**

3. Для оценки влияния идентичности исторического деятеля на социальную идентичность выявляются сведения о социальной почве национально-освободительного движения, об идеологической программе движения, об основных событиях массового социального движения. Э.Эриксон отвечает на следующие вопросы: "Как лидер переживает себя, как идея переживает человека, как общество разделяет его идеи и как чувство широкой идентичности, созданное его присутствием, переживает границы его личности и исторического момента" (10, с.88)."

Кризис идентичности является по Э. Эриксону одним из центральных понятий для объяснения истории человека и человечества: переживание историческим деятелем собственного кризиса идентичности способствует радикальному самообновлению современников в условиях социального кризиса. Таким образом исторический момент в жизни личности может стать историческим моментом, переворотным пунктом в истории страны. Как считает Э.Эриксон в монографии "Историческая жизнь и исторический момент" (1975), психотерапевтическая функция "великих людей" по отношению к народу осуществляется следующим образом: " Глубоко и патологически выведенные из равновесия, одержимые одновременно и видением нового мирового порядка и потребностью (и дарованием) преобразовывать массы людей, подобные люди делают свое индивидуальное страдание представителем всеобщего, и обещают решить для всех то, что они не смогли решить для самих себя".

ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ.

Устойчивая традиция гуманистического восприятия истории возникает в русской науке в XIX веке. В трудах П.Л.Лаврова, Н.К.Михайловского, Н.И.Кареева, В.Н. Овсянико - Куликовского, П.А.Сорокина, Н.А.Бердяева, С.С.Корсакова, В.Х.Кандинского, А.Ф.Лазурского, В.М.Бехтерева поднимаются вопросы о психологической природе массовых социальных движений, об историческом своеобразии личности, о соотношении психологических и социальных законов, имеются оригинальные попытки использования психологических, социологических, философских и теологических моделей для описания и объяснения русской истории.

Принципиальными для историко-психологического подхода к психологическим и социальным феноменам являются некоторые теоретические положения, сформулированные в работах этих ученых.

1. Социальные явления, продукты духовной и материальной деятельности, исторические события, массовые социальные движения рассматриваются как проявления психической деятельности их участников, как проявление их поведенческой активности. Соответственно, для понимания исторического процесса необходимо исследование массовой психологии, закономерностей массового социального поведения, осуществление психологического подход к социальным явлениям.

Идеи о психологических основах социальных изменений разрабатываются в трудах П.Л.Лаврова, Н.К.Михайловского, Н.И.Кареева, которые рассматривают историю как результат действий отдельных личностей и народных масс, а не как безликий общественный процесс. По мнению историка и социолога Н.И.Кареева **"исторический процесс осуществляется не иначе, как через человеческие действия, которые имеют свой источник в человеческих желаниях"** (Введение в изучение социологии. (3 Изд. СПб., 1913).

Вопросы о психологических закономерностях общественного развития, о личности и ее роли в истории рождали споры в разных областях знаний, в том числе, в психологических кругах. Внимание русских психологов к проблемам социального поведения людей, к вопросам о психологических причинах массовых социальных движений в значительной мере было вызвано развитием революционного движения в России. Наиболее последовательно идея психологической обусловленности исторических действий разработана В.М. Бехтеревым, который рассматривал историю общества как, "главным образом, историю коллективных человеческих деяний". В его работах такая традиционная для историков проблематика, как массовые социально-политические и экономические движения, революции, восстания, войны квалифицируются в качестве групповых действий и становятся объектом психологического исследования. Интерпретация массовых социальных действий, имеющих историческое значение, согласно законам индивидуального поведения, означает, по сути, использование бихевиористской объяснительной модели. Наиболее ярко эта тенденция выражена в фундаментальном труде В.М.Бехтерева "Коллективная рефлексология" (1921г.). Предметом изучения становятся психологические механизмы ("рефлексологическая подготовка") исторических явлений, которые не могли бы начаться без психологической подоплеки. Хотя в большинстве из 23 законов коллективной рефлексологии для объяснения исторических действий использованы психофизиологические, физические и механические модели, принципиально новым для изучения историко-психологических закономерностей являются приемы исследования исторических явлений и обнаружение некоторых психологических механизмов массовых действий.

2. **Поведение субъекта исторического процесса (социальной группы, личности) в конкретно-исторической ситуации в значительной степени обусловлено предшествующим опытом, историей взаимодействия человека и общества, историей жизни субъекта. Это положение было сформулировано В.М.Бехтеревым как "Закон общественной наследственности", который связывает настоящую деятельность социальных коллективов с прошлым опытом, переданным через воспитание и традиции. "Закон общественной наследственности в своей основе включает в себя установление зависимых отношений между общественными событиями настоящего времени и прошлыми", - пишет В.М.Бехтерев, - "каждый социальный индивид имеет свою физиономию и свои личные особенности, которые передаются из поколения в поколение в качестве доминантных признаков (язык, религия, дух партийности, характер определенной среды, ее обычаев и привычек, коллективное выражение индивидуальных качеств коллектива).** По мнению

В.М.Бехтерева общественный коллектив не может быть исследован без исторического освещения.

3. Проявления социальной активности людей рассматриваются в зависимости от исторических условий: для понимания массовых социальных движений необходимо выявлять не только социально-психологические, но и социальные, экономические, культурные и бытовые причины. Массовидные психологические явления, характеризующиеся сходством переживаемых психических состояний, социального поведения для некоторого множества членов общества, - типичный для психологических исследований XIX в. объект. Примером комплексного подхода, совмещающего психологический, социологический, исторический, этнический анализ к массовидным психологическим феноменам, являются исследования русских психиатров В.Х.Кандинского, А.А. Токарского, П.П.Якобия, Н.В. Краинского, посвященные проблеме психических эпидемий.

Речь идет о массовых невротических реакциях и состояниях, которые могут распространяться в обществе (через действие механизма социально-психологического заражения) как *массовые психические эпидемии*. Понятие "массовые психические эпидемии" широко использовалось в психиатрии 19 века для обозначения "морального и интеллектуального движения масс, принимающего форму резкого душевного расстройства" (по определению известного отечественного психиатра В.Х.Кандинского в работе "Нервно-психический контагий и душевные эпидемии" (1876).

В указанной работе рассматриваются такие "факты коллективного безумия", как эпидемии религиозного бреда (демономания, шабаши, ощущение своей греховности, доходящее до крайностей), теомания, пророчествование 16 -17 вв., мистицизм, вампиризм, бесоодержимость (14-15 вв.), тарантизм, анабализм, зооантропия (16 в.), конвульсионизм - аскеза, самобичевание, припадки - 18 в., самобичевание (например, в 14 веке в Западной Европе распространяется движение "брата Христа", когда толпы до 10 тысяч человек, в течение 34 дней по 2 раза в день всенародно ударяли себя плетью с железными остриями до крови, совершая "подвиг покаяния"), крестовые походы детей (например, в 1212 г. - около 30 тыс. детей из Франции и Германии отправляются в Палестину с хоругвями и знаменами как юные крестоносцы. Большая часть из них погибли в пути или попали в рабство), Психопатические эпидемии (тарантелла, истерия, кликушество), сопровождающиеся судорожными припадками.

Ученые XIX века, обнаружившие сходство массовых реакций с невротическими проявлениями, выделили ряд характеризующих эти феномены отличительных признаков:

1) **Психопатологическая "захваченность" состоянием, идеей, действием, которые неподконтрольны волевой регуляции, что указывает на невротическую природу явления.** Например, В.Х.Кандинский подразумевал под "душевными нервно-психическими эпидемиями" - "известные побуждения и стремления, известные чувства и идеи, охватывающие сразу массы людей, которые обуславливают, независимо от воли отдельных индивидуумов, тот или другой ряд одинаковых действий".

2) **Распространяемость этих массовых состояний и действий социально-психологическими способами (заражение, внушение, подражание).** По мнению В.Х. Кандинского механизм заражения является основным психическим механизмом, регулирующим "явления нервно-психической контагиозности" (от фр. - contagion -зараза): контагий определяется как способность к имитации, как способность приходить в унисон с остальными, под

"духовной контагиозностью" подразумевается заразительность настроением (радость, грусть, воинственный дух, жестокость, любовь, геройство, страх, трусость).

3) **Психологическими механизмами, определяющими массовое поведение, являются состояния экзальтации и экстаза, обусловленные ослаблением умственной деятельности и общим истощением нервной системы, что также указывает на невротическую природу явления. Экзальтация** - глубокое постоянное сосредоточение мысли на одном пункте. В этом состоянии человек так поглощен своей мыслью, чувством, что все его действия совершаются под влиянием этой мысли, чувства. **Экстаз** - состояние транса, когда вся душевная жизнь сосредотачивается на одной идее, чувстве настолько, что в это время окружающая реальность перестает существовать (нет внешних впечатлений); этому возбуждению соответствуют ужас или восторг на лице, не вызванные внешними обстоятельствами, а стимулами для чувств и впечатлений становятся образы (галлюцинации, иллюзии).

В качестве условий для начала эпидемических явлений в работах В.Х.Кандинского, А.А. Токарского, Н.В. Краинского, П.П.Якобия, В.М.Бехтерева выделены следующие обстоятельства:

♦ **повышенная внушаемость субъектов поведения** вследствие ослабления нервной системы (как считает В.Х. Кандинский, это высвобождает умственную силу, возбуждает чувства, ярко возникают забытые образы, возбуждается воображение и воспоминания);

♦ **"бедность психического содержания"** - ограниченность интересов, невежество (А.А. Токарский относит это к "предрасполагающим причинам" массовых психических эпидемий);

♦ **"Господствующая идея"** - **аффективный интерес населения к определенным идеям, темам и сюжетам (увлеченность), что обуславливает массовое распространение определенного состояния и поведения. Идеологическая увлеченность населения. Как полагает В.Х. Кандинский "заразительность идеи тем больше, чем больше она способна экзальтировать, чем больше она возбуждает те чувства и страсти, к которым расположены массы в данное время";**

♦ **Наличие "очага заражения"** - яркого, по преимуществу аффективного образца-примера для заражения ("чем сильнее и напряженнее душевное движение, тем оно заразительнее. Страсть поэтому заразительно по преимуществу").

Кроме перечисленных факторов психологического характера выделяются также социально-исторические особенности эпохи:

♦ **Социально-экономические условия, прежде всего - резкое снижение уровня жизни населения (например, ситуации военного времени), способствующий нервному и физическому истощению. А.А. Токарский обнаруживает зависимость между эпидемиями религиозного бреда и временем общественных бедствий, финансового краха ("при таких условиях, в людях легко возрождается с небывалой силой идея обращения к Богу");**

♦ **политические обстоятельства, которые могут, как считает В.М.Бехтерев, стимулировать массовую увлеченность религиозно-мистическими идеями ("в периоды подавления народного духа религия и мистицизм приобретали особое развитие в народных массах, когда подавляются политические движения, в народе благоприятная почва для мистицизма религиозного возбуждения").**

♦ **специфическая "психическая атмосфера эпохи", которая, по мнению указанных авторов, отражает политическую, экономическую неурядицу,**

болезни, голод, жестокость нравов, распространение суеверия, особенности мировоззрения человека как причины экзальтации умов и крайней психической подвижности нервной системы. По мнению А.А. Токарского это атмосфера соответствует "эпохам всеобщей деморализации" (в качестве примера приводится эпоха Средневековья).

Тенденция гуманистического восприятия истории, идея использования психологических моделей для описания и объяснения исторических событий не реализовалась в советский период в самостоятельное научное направление. Для проведения историко-психологических исследований необходима определенная мировоззренческая предпосылка, согласно которой социальные действия, как отдельных личностей, так и социальных групп расцениваются как исторически значимые факторы. Распространение марксистской концепции о субъективном факторе в истории, согласно которой историческая деятельность масс и личностей зависит от развития производительных сил и не может произвести коренных изменений в действии экономических причин, длительное время определяло развитие общественной мысли в России, что явилось одной из причин стагнации историко-психологической мысли в отечественной науке.

Тем не менее, в советский период развития отечественной психологии историко-психологический подход к психологическим явлениям реализуется в практических и теоретических исследованиях Л.С. Выготского и его школы. Культурно-историческая теория психического развития, сформулированная Л.С. Выготским, легла в основу эмпирических исследований его учеников и последователей А.Р. Лурии, А.Н. Леонтьева, П.Я. Гальперина, Д.Б. Эльконина, В.П. Зинченко, а также была воспринята культурологами, историками как концепция развития культуры.

С исследованиями Л.С. Выготского, его последователей и учеников А.Р. Лурии, А.Н. Леонтьева связан исторический подход к психологическим явлениям. В культурно-исторической теории Л.С. Выготского, который оценивал конкретные формы общественно-исторической деятельности, основные достижения цивилизации в качестве решающих факторов формирования психических процессов и свойств, нашла развитие идея о знаковом характере психических изменений. **Согласно этой теории психическое развитие личности неотъемлемо от развития культуры, и лишь через овладение достижениями культуры возможно развитие личности.** В конце 20 - начале 30-х гг. в Москве под руководством Л.С. Выготского проводятся экспериментальные исследования, проверяющие его гипотезу об опосредованном развитии психической деятельности человека. В результате экспериментального изучения памяти, мышления, речи Л.С. Выготский приходит к выводу о роли знаковых систем (язык, различные формы нумерации и счисления, мнемотехнические приспособления, алгебраическая символика, произведения искусства, письменность, всевозможные условные знаки, бытовые и религиозные символы), которые вырабатываются исторически, фиксируются в культуре, передаются от поколения к поколению, в организации и развитии психических функций.

Основными методологическими принципами психологических исследований в рамках культурно-исторической теории являются следующие положения, которые позволяют характеризовать концепцию Л.С. Выготского как историко-психологическую:

1. Для исследования психической деятельности необходимо выявлять искусственную компоненту процесса (знаковое средство). Знак рассматривается как средство организации действий по овладению человеком своей психики, как средство "сигнификативной операции". Соответственно, объектом психологического исследования становится не только психологическое явление, но

и явление культуры, а предметом психологического исследования является система психотехнических действий, трансформирующих человеческую психику.

2. Исследование психологических явлений предполагает историческую реконструкцию процесса культурной реорганизации различных форм психической деятельности (генетический метод).

3. Исследование социализации как процесса усвоения индивидом общественного опыта как процесса интериоризации - как "преобразование интрапсихического в интерпсихическое". Интериоризация рассматривается Л.С. Выготским в качестве генетического закона культурного развития человека.

4. Исследование процесса культурной трансформации психики предполагает выявление психологических и социальных результатов этого процесса. **Совокупность социальных условий (искусственных средств и приемов, направленных на развитие в индивиде природных задатков), обозначенная как "социальная ситуация развития", может выступать по отношению к развитию индивида как благоприятная и неблагоприятная. Речь идет о психологическом критерии полезности и эффективности общества по отношению к развитию природных и трансформации переданных предшественниками средств развития и совершенствования психических функций.**

В начале 30-х гг. А.Р. Лурия было проведено первое экспериментальное исследование проблемы изменения психических процессов в результате изменения общественных отношений, которое было посвящено анализу социально-исторических причин формирования психических процессов. Исследование проводилось в отдаленных районах Узбекистана в 1931-32 гг. и показало, что важнейшие формы познавательных процессов - восприятие и обобщение, умозаключение и рассуждение, воображение и анализ своей внутренней жизни имеют исторический характер и меняются с изменением условий общественной жизни.

Данное эмпирическое исследование продемонстрировало зависимость развития психических функций от общественно-исторических изменений: психические сдвиги в ходе истории проявляются в изменении форм психической деятельности. Например, психологическим результатом социально-исторических сдвигов 20-30-х гг. становится перестройка мыслительных форм познавательной деятельности, изменение строения и содержания операций восприятия, отвлечения, обобщения. А.Р. Лурия приходит к выводу, что различные формы практики, соответствующие социально-экономическому укладу, определяют формирование психических процессов: **"Люди, живущие в условиях различных исторических укладов, различаются не только различными формами практики и различным содержанием своего сознания, но и различной структурой основных форм сознательной деятельности"**.

Попытки теоретического описания исторической психологии как самостоятельной научной дисциплины были предприняты советским историком Б.Ф. Поршневым, который организовал в конце 60-х годов семинар по исторической психологии при Институте Всеобщей истории АН СССР. В 1987 году А.Я. Гуревич возобновляет деятельность семинара по исторической психологии. Результатом обсуждения историками, психологами, культурологами, философами конкретных историко-психологических исследований, проблем культурно-исторической обусловленности психики, исторического своеобразия личности в различные эпохи, анализа мирового (преимущественно французского опыта исторической психологии) явилось появление первого в России специализированного периодического издания по исторической психологии и антропологии - ежегодника "Одиссей. Человек в истории".

Усилиями отечественных психологов и историков Б.Ф.Поршнева, А.Я.Гуревича, А.В. Брушлинского, Л.И.Анцыферовой, А.Г. Асмолова, В.П. Зинченко, И.Г.Белявского, В.А.Шкуратова сложились научные предпосылки для развития исторической психологии в нашей стране.

Теоретической основой для историко-психологических исследований могут служить **концепция целостного системного описания человека**, разработанная академиком Б.Г.Ананьевым. Именно в данной концепции в рамках комплексного подхода к человеку содержатся принципы историко-психологического описания личности как объекта и субъекта исторического процесса.

1) Для понимания внутренних условий становления личности как субъекта общественного развития необходимо охарактеризовать основные силы, воздействующие на формирование личности. Сущность и история образования личностных свойств связана с "современным, для данного общества, укладом жизни, историей общественного развития". **Взаимодействие человека с комплексом экономических, политических, идеологических, социально-психологических обстоятельств (явления материального производства и сферы потребления, социальные институты, средства массовой коммуникации, сами люди, объединенные в различные общества) характеризуют конкретно-историческую "социальную ситуацию развития" личности.** Это понятие, введенное Л.С. Выготским, получило затем право гражданства в детской и социальной психологии. Б.Г.Ананьев дополнил содержание этого понятия макросоциальными характеристиками, придающими конкретно-исторический характер "социальной ситуации развития" личности. **По отношению к развитию индивида она может выступать как благоприятная и неблагоприятная. Речь идет о психологическом критерии полезности и эффективности общества для развития природных и трансформации переданных предшествующими поколениями средств развития и совершенствования психики.** Например, нарушение процесса передачи культурного опыта, сопутствующее эпохе социальной революции, может повлечь за собой отставание психического развития населения, нереализацию потенциальных возможностей общества, заложенных предшествующим исторически опытом и культурными достижениями народа.

2. Исторические события, современником и участником которых является человек, рассматриваются как события его жизненной истории. "Фазы жизненного пути датируются историческими событиями, сменой способов воспитания, изменениями в образе жизни и системе отношений". **История рассматривается как "фон и канва для биографии и основной партнер в жизненной драме человека"**. По мнению Ананьева, все события индивидуального развития человека располагаются в системе измерения исторического времени. Даты исторического времени и конкретные системы его отсчёта определяются событиями в жизни отдельного народа и всего человечества.

3. Структура человека как субъекта познания и деятельности обусловлена исторически сложившимися способами деятельности, развитием производства, науки, искусства. Логические, вербальные, мнемические компоненты познавательной деятельности носят конкретно-исторический характер:

4. Для выявления исторического своеобразия личности следует рассматривать ее как представителя определенного поколения. По мнению Б.Г.Ананьева, принадлежность к определенному поколению является важнейшей характеристикой конкретной личности и определяется обстоятельствами общественного развития: "Возрастная изменчивость индивидов одного и того же хронологического и биологического возраста, но относящихся к разным поколениям, обусловлена, конечно, социально-

историческими, а не биологическими причинами". **Поколенческие различия людей зависят от следующих обстоятельств:**

- системы общественного воспитания;
- переживания исторических событий, свидетелем и участником которых была личность;
- способов взаимодействия с другими поколениями (как характеристика социальной ситуации развития);
- демографической ситуацией (оказывает влияние на условие передачи опыта и воспитание).

Место, которое займет историческая психология в системе современного гуманитарного знания, определяется не столько научной значимостью исследования историко-психологических закономерностей, сколько их возможным прикладным эффектом. На наш взгляд, возможны следующие варианты использования результатов историко-психологических исследований в психологической науке и практике:

1. Знания историко-психологических закономерностей могут способствовать решению комплексных научных проблем, актуальных в настоящее время: формирование и развитие современного российского гражданина, прогнозирование социального поведения людей, исследование историко-психологических тенденций развития личности в условиях экономического, политического и духовного кризисов. Большую актуальность приобретают исследования поколенческой специфики личности представителей различных поколений российских граждан, определяющей многочисленные личностные проявления, в том числе - социальное и политическое поведение различных поколений в изменяющихся социальных условиях.

2. **Результаты историко-психологических исследований могут использоваться в политическом анализе, прогнозе и политической практике. Особое значение имеет историко-психологический подход к политическим явлениям в современной России.** За годы "перестройки" в нашей стране сформировался определенный тип политической культуры, который характеризуется массовой политизацией. Процесс формирования массового политического поведения определяется совокупностью исторических, политических и психологических факторов, и, соответственно, психологический анализ массовых политических явлений требует комплексного психологического подхода. Например, изучение и понимание феномена массовой политизации невозможно без исторической реконструкции моделей социального поведения и мировоззрения, свойственных представителям политизированных социальных групп, без анализа историко-психологических предпосылок политического поведения, без исследования поколенческой специфики политизированных личностей. Так, например, для объяснения различия политического сознания и поведения "шестидесятников" и поколения "ветеранов" необходимо провести историко-психологическое исследование этих поколений, выявляющее специфический для представителей того или иного поколения жизненный опыт. Использование данных исторической психологии в политической науке и практике может повысить эффективность анализа и прогнозирования политического процесса.

3. Сведения исторической психологии представляют интерес для проведения практических исследований не только в смежных научных областях, таких, как политическая психология, этническая и социальная психологии, но и в медицинской психологии. **Речь идет о включении в практику психотерапевтических служб сведений о психологических и психопатологических тенденциях развития**

личности в современную эпоху, информацию о свойственных определенному историческому типу личности неврозах, о типичных деформациях личности.

4. Результаты историко-психологических исследований могут эффективно использоваться в качестве теоретической и методической базы кросс-культурных исследований. Знание закономерностей формирования исторического своеобразия личности предоставляет интересные возможности для выявления и сравнения психологических особенностей людей, принадлежащих к различным культурам, для разработки адекватных психологических и социально-психологических методик оптимизации общения представителей разных культур и понимания их друг другом.

- 2 -

Тоталитаризм как тип политической системы возник в XX в., хотя тоталитарные идеи возникли гораздо раньше. Термин «тоталитаризм» происходит от позднелатинских слов *totalitas* (полнота, целостность) и *totalis* (весь, полный, целый). Термин «тоталитаризм» был введен в политический лексикон в 20-е гг. итальянским философом Джованни Джентиле, а затем был использован лидером итальянских фашистов Бенито Муссолини для характеристики созданного им режима. По другим авторам термин **тоталитаризм** изобретен немецким политологом XX века Карлом Шмиттом. В 1929 г. газета «Таймс» употребила этот термин применительно к режиму, сложившемуся в Советском Союзе. После Второй мировой войны в западной политической науке стало общепринятым обозначать понятием «тоталитаризм» режимы, существовавшие в фашистской Германии, Советском Союзе, странах «победившего социализма». Теория тоталитаризма складывалась в 40-50 гг. XX века и получила развитие в последующие десятилетия. Первыми теоретическими исследованиями по проблемам тоталитаризма стали работы Ф.Хайека «Дорога к рабству» (1944) и Х. Арндт «Истоки тоталитаризма» (1951), а также совместный труд двух американских политологов К.Фридриха и З. Бжезинского «Тоталитарная диктатура и автократия» (1956). Первое отечественное предвидение тоталитаризма принадлежит русскому революционному мыслителю XIX века Александру Герцену, который предрекал, что деспотизм будущего будет гораздо страшнее деспотизма прошлого, ибо это будет «Чингисхан плюс телеграф», то есть, выражаясь современным нам языком, тоталитаризм - это «Сталин плюс компьютер». Ученые, занимавшиеся анализом тоталитаризма, выработали несколько его определений. Наиболее известное - Карла Фридриха и Збигнева Бжезинского, - изложенное в их книге «Тоталитарная диктатура и автократия». **Характерными и обязательными чертами тоталитаризма авторы считают следующие факторы:**

1. Всеохватывающая идеология.

2. Однопартийность, причем правящая партия преимущественно возглавляется единым вождем.

3. Террористическая полиция, партийно-государственная монополия в области:

3.1 коммуникаций,

3.2 экономики.

Затем авторы анализируют содержание этих факторов в контексте тоталитаризма:

1. Идеология тоталитарных систем обычно детально разработана, охватывает все стороны человеческого бытия. От каждого гражданина требуется полное принятие этой идеологии (по крайней мере, на словах и в официальном поведении). Эта идеология, как правило, нацелена на построение совершенного общества конца исторического развития. При радикальном отрицании существующих общественных систем она стремится к покорению всего мира, как поется в «Интернационале»: «До основания мы старый мир разрушим, чтобы построить новый мир, иной».

2. Единая партия (что касается стран Восточной Европы, то в большинстве из них при коммунистах продолжали формально существовать другие партии, но это была бутафория. - Д. П.), преимущественно возглавляемая единым вождем.

Тут уместно внести поправку в тезис Фридриха - Бжезинского о единоличном диктаторе в тоталитарном государстве. Ведь после смерти Сталина, а тем более после отставки Хрущева, страной правила в основном верхушка партийной олигархии, но в СМИ и в выступлениях партийных бонз сохранялась видимость существования вождя наряду с «коллективным руководством». Эту поправку внес покойный профессор социологии Парижского университета Реймон Арон, который в своей превосходной монографии «Демократия и тоталитаризм», учитывая то, что в ряде стран коммунистические режимы пережили своих диктаторов и превратились в диктатуры партийных комитетов, указывает на то, что **монополия власти в тоталитарных режимах сосредотачивается в правящей партии**. Однако практика показала, что без единого вождя система буксует и впадает в застой, ибо в командной структуре отсутствует регулярно работающая обратная связь, а командовать может только один командир, признанный непогрешимым вождем; без такового каждый член коллектива боится взять ответственность на себя за какие-либо решения; принципом их поведения становится лозунг «не высывайся», и государственная машина застопоривается, требуя решительной перестройки, введения саморегулирующейся рыночной экономики и прочих атрибутов открытого общества, высвобождающего инициативу снизу. Членов правящей партии в тоталитарном государстве, как правило, сравнительно немного - до 10% населения, но все они беспрекословно подчиняются руководству, демонстрируя подлинный или фальшивый энтузиазм. Партия по структуре иерархическая и олигархическая. Она стоит над государственным аппаратом или, во всяком случае, тесно переплетена с таковым.

3. Система террора, будь то физического или психического характера, а скорее и того и другого, осуществляется комбинацией партийной дисциплины и тайной полиции, которая, с одной стороны, является прочной опорой партии, но с другой, терроризирует и партийные кадры, служа партийному руководству. Этот террор направлен не только против явных врагов режима, но и против целых категорий (классов) населения, весьма произвольно избираемых в качестве объекта террора. Террор, будь то непосредственно полицейский или более опосредованный, социально-партийный, пользуется последними достижениями науки, особенно методами научно-психологическими.

4. Предельно полная монополия в руках правящей партии и тоталитарного государства в области средств массовой информации: печать, радио, кино, а теперь еще и кибернетика, которые при тотальной монополии и централизации власти могут только способствовать усвершенствованию контроля над гражданами и их деятельностью.

5. Полное подчинение народного хозяйства бюрократическому централизованному планированию.

6. К этим пяти характеристикам следует добавить еще демократическую подоплеку тоталитаризма, о чем наши авторы говорят в тексте, но, почему-то, не вводят в свое шестичленное определение тоталитаризма. Под демократической подоплекой имеется ввиду, что тоталитарные режимы приходят к власти демократическим волеизъявлением (Гитлер, получивший относительное большинство голосов на выборах 1932 года) или подделкой такового (Ленин и вообще коммунистические режимы во всех случаях, кроме Чехословакии, где компартия получила относительное большинство голосов на выборах 1947 года); после чего они утверждают, что являются народными избранниками. С этой целью проводятся регулярно **псевдовыборы, псевдореферендумы**, массовые демонстрации лояльности и патриотизма и прочие внешние признаки демократии. Поэтому по своей природе тоталитаризм - это **псевдодемократия** или, как ее называет Тальмой, **тоталитарная демократия**, а не модернизированный классический авторитаризм, как думают люди, ошибочно считающие тоталитаризм продолжением традиционных абсолютных монархий или классических диктатур. Но вернемся к Фридриху и Бжезинскому. Они правильно отмечают «псевдорелигиозное качество» тоталитарных учений и режимов ввиду их утопизма. **«На место рассудка тоталитаризм ставит веру, на место познания и критицизма - магические заклинания... Идеология интернализируется, то есть граждане настолько «пропитываются» ею, что многие произвольно, сами этого не сознавая, начинают думать, говорить и действовать в «официальных» рамках.** Среди перечисленных признаков наибольшее значение имеют первые два – официальная идеология и монополия одной массовой партии на власть. Действительно, ни один диктаторский режим, кроме тоталитарного, не насаждал и не утверждал в обществе единой официальной идеологии, не стремился поставить под свой контроль всю духовную жизнь общества. Именно партия, обладающая при тоталитаризме всей полнотой власти, обеспечивала мобилизацию масс на достижение политических целей и поддержку режима. При тоталитаризме стирается грань между государством и обществом, ибо исчезают автономные, неподконтрольные власти сферы общественной жизни. Под контроль и регламентацию государства попадают экономические, социальные, духовные виды деятельности, а также частная жизнь граждан. Таким образом, тоталитаризм отличается от других диктатур высочайшей степенью регламентации и контроля.

В становлении и осуществлении тоталитаризма значительную роль играют массовые политические движения. Предшествующие диктатуры имели, как правило, довольно узкую социальную базу. Возникновение тоталитаризма совпадает с громаднейшей политической активизацией масс и во многом ею же обусловлено. Разрушая прежние политические институты, массовые движения создают «поле» для становления неограниченной власти. **Парадокс тоталитаризма заключается в том, что его «творцом» (в отличие от предыдущих диктатур) являются самые широкие народные массы, против которых он потом и обращивается.**

Острые социально-экономические кризисы резко усиливают бедствия и недовольство населения, ускоряют созревание необходимых для тоталитаризма социальных предпосылок – появление значительных по численности и влиянию социальных слоев, непосредственно участвующих в тоталитарной революции или поддерживающих ее. Это достигается в первую очередь через резко усиливающиеся в кризисные времена маргинализацию и люмпенизацию общества. Наиболее решительными сторонниками тоталитаризма выступают маргинальные группы – промежуточные слои, не имеющие устойчивого положения в социальной структуре, стабильной среды обитания, утратившие культурную и социально-этническую идентификацию. Маргиналы выделяются такими психологическими качествами, как беспокойство, агрессивность, честолюбие, повышенная чувствительность, стесненность, эгоцентричность.

Тоталитаризм имеет для социально отчужденной, одинокой личности особую психологическую привлекательность. Он дает надежду с помощью новой веры и организации утвердить себя в чем-то «вечном». С помощью приобщения к сакрализованной, всемогущей власти человек преодолевает одиночество и получает социальную защиту.

С помощью социальной демагогии тоталитарные движения могут использовать в своих целях недовольство различных слоев. Так, в России большевики использовали для прихода к власти требования земли и мира. В Германии социальной опорой национал-социалистического тоталитаризма стал новый «промежуточный класс» – многочисленные конторские служащие, машинистки, учителя, торговцы, мелкие чиновники, небогатые представители свободных профессий, положение которых значительно ухудшилось по сравнению с привилегированным положением промышленных рабочих, защищенных сильными профсоюзами и законами.

Принято выделять две разновидности тоталитаризма – «левый» и «правый».

«Левый» тоталитаризм возник в коммунистических странах – в Советском Союзе, в странах Восточной Европы, Азии (Китай, Северная Корея, Северный Вьетнам), на Кубе. «Правый» тоталитаризм утвердился в фашистской Италии и Германии.

«Левый» тоталитаризм основывался на идеологии марксизма-ленинизма, утверждающей 1) возможность построения коммунистического общества, в котором будут полностью удовлетворяться потребности всех индивидов; 2) необходимость отмены частной собственности и создания плановой, регулируемой экономики; 3) ведущую роль пролетариата в современной истории; 4) необходимость диктатуры пролетариата при переходе к новому обществу; 5) возможность построения коммунизма в каждой стране.

Социальной основой «левого» тоталитаризма выступали низшие классы и прежде всего пролетариат. С точки зрения господствующей идеологии, все другие классы являются менее прогрессивными, а некоторые даже реакционными. Поэтому политика направлялась на искоренение иных классов. На практике это означало ликвидацию класса собственников и крестьянства. Построение «светлого будущего» предполагало использование мощного аппарата принуждения вплоть до террора.

Дискуссионным является в политической науке вопрос о временных рамках существования тоталитаризма в СССР. Одни политологи считают, что тоталитарным можно назвать весь период советской истории. Другие тоталитарным называют режим, сложившийся в период правления Сталина (1929—1953), режим же, сложившийся после его смерти, определяют как посттоталитарный.

В рамках первого подхода довольно трудно объяснить произошедшее в СССР повышение уровня образования народа, достижения науки и культуры, социальную защищенность населения, развитие экономики, освоение космоса и т.д. Трудно понять в этом случае и процессы, которые начались в советском обществе в конце 80-х годов, ибо акцентируется внимание на неизменных чертах и признаках тоталитаризма, игнорируются подспудные перемены в экономической и социальной жизни 60-70-х, гг., ставшие основой половинчатых реформ 80-х и радикальных реформ 90-х гг. В контексте второго подхода анализируется противоречие между растущими ожиданиями и требованиями изменившегося общества и низкой адаптацией правящей элиты. Усугубляющееся противоречие подрывало основы политической стабильности и в конечном итоге привело к полной ликвидации советского режима.

«Правый» тоталитаризм представлен фашизмом и национал-социализмом. Фашизм впервые был установлен в Италии в 1922 г. Итальянский фашизм тяготел не столько к радикальному строительству нового общества, сколько к возрождению величия Римской империи, установлению порядка, твердой политической власти. Фашизм претендует на восстановление или очищение «народной души», обеспечение коллективной идентичности на культурной или этнической основе, ликвидацию массовой преступности. В Италии границы фашистского тоталитаризма устанавливались позицией наиболее влиятельных в государстве кругов: короля, аристократии, офицерского корпуса и церкви. Когда обреченность режима стала очевидной, эти круги сами смогли отстранить Муссолини от власти. Германский фашизм основывался на идеологии национал-социализма. Эта идеология представляла собой смесь этатистских и националистических лозунгов. Последние опирались на расистские идеи Х.Чемберлена о германцах как ядре «высшей» арийской расы и на утверждения Ж. Гобино о ее упадке, связанном с кровосмешением. Именно из этих постулатов родилась идея превосходства немецкой нации и ее стремления к мировому господству. Национал-социализм многое заимствует у советского коммунизма и, в частности, революционные и социалистические компоненты, формы реорганизации тоталитарной партии и государства и даже обращение «товарищ». Главные положения национал-социалистической идеологии сводились к следующему: воссоздание германского рейха; борьба за чистоту немецкой расы; истребление всех инородных элементов (и прежде всего евреев); антикоммунизм; ограничение капитализма. Социальной опорой правого тоталитаризма являлись экстремистски настроенные средние слои общества. Поддержку германский фашизм получал и у крупного капитала, видевшего в нем «наименьшее зло», по сравнению с революционным движением масс и коммунистической идеологией. **В отличие от марксизма-ленинизма, национал-социализм отстаивал идею классового мира и «народного сообщества» на основе единых национальных традиций. Место класса здесь занимает нация, место классовой ненависти – ненависть национальная и расовая. Идеология национал-социализма активно проповедовала образ «врага» в лице коммунизма, евреев, католической церкви. Если в коммунистических системах агрессивность направлена, прежде всего, вовнутрь – против собственных граждан (классового врага), то в национал-социализме – вовне,**

против других народов. Для борьбы с ними и выживания нации допускалось использование террора и репрессий. Любая слабость воспринималась как угроза немецкой нации. Главные различия основных разновидностей тоталитаризма отчетливо выражены в их целях (коммунизм либо возрождение империи, мировое господство арийской расы) и социальных предпочтениях (рабочий класс либо потомки римлян, германская нация). Тоталитаризм в той или иной форме испытала на себе примерно треть населения земного шара. В отдельных странах (например, в Северной Корее) он существует и сегодня. История показала, что тоталитарный режим обладает достаточно высокой способностью мобилизации ресурсов и концентрации средств для достижения конкретных целей, например, победы в войне, индустриализации и т.д. Некоторые авторы рассматривают тоталитаризм как одну из политических форм модернизации слаборазвитых стран. Живучесть тоталитарной системы объясняется также наличием огромного аппарата социального контроля и принуждения, жестоким подавлением всякой оппозиции. Большинство исследователей отмечают, что тоталитаризм – это «реакция» общества на кризисы периода индустриализации. **Крушение старых традиций, коренное изменение устоев общества в условиях новой социальной и национальной идентичности порождают стремление к сильной централизованной власти, устанавливающей жесткий порядок и гарантирующей быстрое решение самых острых и неотложных социальных проблем.** Нарастание элементов рациональности, организованности, управляемости в общественной жизни, равно как и очевидные успехи в развитии техники, науки и образования, порождали иллюзии возможности перехода к рационально организованной и тотально управляемой форме жизни в масштабах всего общества. Ядром, стержнем этой тоталитарной организации могла быть только всемогущая и всепроникающая государственная власть.

Итак, предпосылками тоталитаризма являются:

- индустриальная стадия развития общества;
- нарастание рациональности и организованности в общественной жизни;
- появление монополий и их сращивание с государством (с этой точки зрения тоталитаризм – всеобщая государственная монополия);
- этатизация (огосударствление) общества, особенно усиливающаяся во время войн;
- массовое коллективистско - механистическое мировоззрение;
- эмоциональная уверенность в возможности быстро улучшить жизнь с помощью рациональных общественных преобразований;
- психологическая неудовлетворенность социальным отчуждением личности, ее незащищенностью и одиночеством;
- острый социально-экономический кризис, резко усиливающий бедность и недовольство населения;
- появление многочисленных маргинальных слоев.

Стремление тоталитарного или авторитарного режима упростить мир, создав удобную для обзора сверху экономическую систему, в которой все запланировано и контролируется, полностью подчинено «вертикали власти», приводит на деле к невероятному хаосу, в котором не могут разобраться не только вожди и высшие руководители, но и самые компетентные специалисты. Конечно, чем более замкнут мир тоталитарного или авторитарного режима, тем больше можно морочить людям

голову. Главное – лишить их возможности проверить то, что говорит им вождь и подконтрольные ему СМИ, соотнести это с реальностью. Там где есть тайна, возможно чудо. Делая тайну из всего, власть делает чудо возможным. Политики у власти, СМИ, выпячивают некие элементы правды, оставляя за «рамками» более глубокую информацию. Например демонстрируется по телевидению посещение крупным политиком детского дома, вручение детям подарков. При этом замалчивается информация, что в стране тысячи бездомных детей, до которых у власти руки «не доходят», огромное число семей разрушается из-за повальной нищеты из которой выбраться невозможно даже человеку, имеющему работу из-за полного несоответствия зарплат трудовому вкладу – выгодна дешевая рабочая сила. Тысячи семей не имеют никакой реальной перспективы на получение жилья. Но в СМИ вы услышите об очередном чуде: семья прорвалась на интерактивную линию с руководителем государства и, о чудо, через неделю ей предоставлена квартира в новом доме, обеспечена работа, позволяющая выплатить кредит. И население должно верить: жизнь налаживается. Но оно не верит. Главным врагом тоталитарной автократической власти являются не агрессоры, заговорщики и диссиденты, а сама природа. Природа вещей и природа людей.

И все же, вопреки мнению Воланда: «А москвичи все те же...» **власть меняет и природу и людей.** Избирательные репрессии, подбор и расстановка кадров, манипуляции народным сознанием ведут к тому, что **новая политическая система создает новый психологический тип, который становится доминирующим в обществе.** Авторитарность всегда была одной из основных проблем человеческого общества. Наиболее бросается в глаза пример политических диктатур, но в менее драматической и часто более коварной форме она присутствует почти во всех межличностных отношениях и социальных организациях. В самом деле. Существующий режим все более приобретает зловещие авторитарные черты.

Например:

- Гиперцентрализация власти, причем до такой степени, что на ее фоне последний российский император выглядит просто жалко.

- Наследственная передача власти, совершаемая в узком элитном кругу (в общественном сознании, в СМИ, в «коридорах власти» уже прочно закрепилось понятие «преемник», которое читается как «наследник»). Налицо своеобразный чиновно-олигархический вождизм, в перспективе, вероятно, пожизненный.

- Сворачивание демократических свобод, откровенное профанирование демократических процедур, прежде всего выборов всех уровней. Явное стремление насадить однопартийную систему, которая будет закамуфлирована под двухпартийную, и при этом – полное отсутствие возможностей для возникновения партий «снизу». - Неуклонный рост роли государства на фоне нового «имперского стиля». Вообще, растущий культ государства, характерный для авторитаризма. Усиливается мертвящая унитарность государства, все более ограничивающая самостоятельность регионов. - Существование массовой прорежимной молодежной организации («Наши»), призванной обеспечить системе бесперебойную поставку послушных функционеров. Кроме того, очевидна явная знаковость в плане символов, девизов, названий и т.д. Скажем, название «Единая Россия» содержит в себе основной тоталитарный архетип единства, сплоченности, в свое время выраженный в известном символе фашины. В День России, 12 июня, на стенах домов можно видеть глянцевые плакаты с лозунгом «СЛАВА РОССИИ!». Как известно, это был официальный девиз Всероссийской фашистской партии К. Родзаевского, активно действовавшей в 30-е годы в Манчжурии.

Когда-то, в эпоху позднего «сельцинизма», один из думающих людей сказал, что

девиз Родзаевского «Бог, нация, труд» скоро станет программным лозунгом Кремля. Ну, теперь-то его уж совсем не удивительно было бы увидеть на растяжках поперек улиц. «Бог»? Пожалуйста, батюшки мелькают в каждой школе, в каждом офисе, без иконки не осталось в России ни одного автомобиля, ни одной квартиры, ни одного рабочего стола. Вот недавно на день ВДВ прошел молебен на Красной площади, а Илья Пророк объявлен небесным покровителем десантников. Чем не государственная религия? О чем еще мечтать православным патриотам-державникам? О царе? Так вполне вероятно, будет и царь, а очередной путин будет при нем кем-то вроде дуче. Вернее, царь будет при путине.

Далее. «Нация»? Опять же, пожалуйста: идут постоянные разговоры о «национальных интересах», «национальных программах», о «нации», наконец. Кстати понятие «нация» у Путина ничем не отличается от понятия «нация» у «отца» русского фашизма Родзаевского, который много говорил и писал о «многонародной российской нации». О «россиянах», попросту. Ну и, наконец, «труд». Тут и доказывать нечего, **повсеместно насаждаемый быдловатый трудоголизм** с его нехитрой формулой «Хорошо трудишься – хорошо живешь» очевиден. Вообще, чего режим, несомненно добился, так это всеобщего сумасшедшего «вкалывания», не оставляющего времени на подлинную жизнь.

Одним из аспектов, в наибольшей мере интересовавших психологов, является роль структуры личности, в авторитарном поведении. В 1950 году выходит книга «Авторитарная личность» Т.Адорно, Э.Френкеля - Брюнсвика, Д.Левинсона, посвященная конкретному эмпирическому исследованию социальных установок, выражающих позиции антисемитизма, этноцентризма, авторитаризма, являющихся свойствами авторитарной личности. В этом исследовании формируется гипотеза о «**фашизоидном**» типе личности, характерном не только для нацистской Германии, но и для послевоенного периода. Исследование политических установок авторитарной личности (некритическое отношение к существующему порядку, шаблонность мышления, проникнутого стереотипами пропаганды, ханжеством, презрением к бедным, ориентацией на власть и силу) позволяет расценивать этот тип как массовую психологическую основу фашистских политических тоталитарных режимов. По мнению авторов, авторитарная личность характеризуется следующим комплексом свойств:

1. **Большая озабоченность субординацией: чрезвычайное почтение к вышестоящим и начальственность по отношению к подчиненным.**
2. **Сильный акцент на общепринятых правилах поведения, ценностях и морали; точное соблюдение норм своей социальной группы.**
3. **Чрезмерный контроль и отрицание наличия собственных «аморальных» импульсов и чувств и их проекция на членов другой группы; преувеличенное чувство собственной моральной правоты; отсутствие проницательности в отношении себя.**
4. **Обезличение социальных отношений: склонность манипулировать людьми и использовать их как неодушевленные предметы, а не как живых людей, готовность быть управляемым так же в свою очередь; сочетание садистских и мазохистских тенденций.**
5. **Ригидность мыслительных процессов, мышление стереотипами, предубеждение и нетерпимость по отношению к представителям меньшинств.**
6. **Конвенционализм - или тщательное соблюдение принятых ценностей среднего класса;**

7. Авторитарная агрессивность в отношении тех, кто нарушает принятые нормы;
8. Авторитарная оппозиция по отношению ко всему тому, что кажется субъективным, уязвимым и основано на воображении;
9. Вера в предрассудки, мышление с помощью стереотипов, вера в мистическое предопределение собственной судьбы
10. Культ силы и твердости, преувеличенная концентрация внимания на различиях между господством и подчинением, силой и слабостью;
11. Деструктивность, цинизм, враждебность и неприязнь к людям;
12. Проецирование собственных страхов на внешний мир, который в результате “наполняется “дикими и страшными вещами;”
13. Преувеличенная концентрация внимания на вопросах пола.

Полученные данные говорят о том, что в основе развития синдрома авторитаризма лежат жесткие дисциплинарные воздействия на ребенка или взрослого; для такого воспитания типичны чрезмерный упор на правильность родительских или начальственных взглядов и ценностей, требование безусловного послушания, подкрепленное наказаниями. Часто такой тип родительского воспитания характеризуется эмоциональной отстраненностью от ребенка и манипулированием им. Как следствие в ребенке и во взрослом развивается выраженная покорность родительскому или «руководящему» авторитету, которая впоследствии распространяется на авторитет любого начальника. Покорность сопровождается не рассуждающим признанием правоты лица, облеченного властью. Однако при этом имеет место сильная враждебность по отношению к родителям или начальству. Подавляемая враждебность, не находящая выхода в прямой агрессии (кроме страха наказания существует несовместимость агрессивных действий с верой в полную правоту вышестоящего лица), проявляется в переориентации агрессивных импульсов в более безопасный адрес: меньшинств, лиц, имеющих низкий общественный статус, иногда самого себя. Представленная выше общая картина нашла подтверждение в данных многих исследований; однако были обнаружены и некоторые методологические трудности и противоречия. В последние годы высказывается мнение, что авторитаризм скорее является преходящей реакцией на психологически стрессовую ситуацию, а не постоянной личностной характеристикой.

Следует подчеркнуть, что синдром авторитарности ни в коей мере не является исключительным отличием определенного идеологического направления, социальной или профессиональной группы. Личности авторитарного склада могут быть найдены где угодно — среди профсоюзных активистов и в руководстве предприятий, в общественных организациях. Ключевые посты в правящей партии, в управлении страной, в армии, СМИ, социальной сфере (школы, больницы). занимают люди более всего соответствующие практике тоталитаризма или авторитаризма, поддерживающие их и готовые осуществлять соответствующую политику. **Кадровая политика диктатуры и авторитаризма способна в исторически короткий период сменить людей стоящих на многочисленных уровнях власти и привести их типаж в соответствие идеологии и, в еще большей степени, практике руководства «в новых условиях».** Одновременно наблюдается и обратное влияние – люди, сформированные властью, требуют от властной элиты соответствия тоталитарному или автократическому канону. В период социальных изменений и реформ «сверху», это консервативное давление может оказаться мощным фактором торможения.

Любовь к власти не есть властолюбие. Если бы кадры режима стремились к власти, они извели бы друг друга в конкурентной борьбе. Это характерно для смутных времен начала и конца режима, но не для ясного дня его расцвета. Тут лидер – вне конкуренции. Тоталитарная личность, при всей привлекательности, которую имеет для нее власть, к ней не стремится. **Режим подбирает и воспитывает такие кадры, которые совмещают страстную любовь к власти с полным отсутствием собственного стремления к ней.** Культ власти включает в себя глубокое убеждение подданных, что власть настолько сложная, ответственная и прекрасная вещь, что справиться с ней может человек необыкновенных, нечеловеческих способностей. Если власть представляет собой сверхценность, то и обладать ею, достоин сверхчеловек. Простые же члены общества, кроме вождей и высшей номенклатуры, обязаны отказаться от всяких притязаний и мечтаний о власти. Любые проявления такого рода рассматриваются, как карьеризм и амбиции. Они подлежат наказанию и являются безусловным противопоказанием к тому, что бы проявлявший их человек был бы повышен по службе. Преступлением Троцкого при сталинской диктатуре и Ходорковского в наше время были именно притязания на власть (при этом мы не даем здесь оценки ни идеям, ни личности этих лиц, а отмечаем лишь факт их многолетней борьбы против диктатуры или авторитаризма.)

Идеологический код, как мы видим, не отличается разнообразием.

- 3 -

В начале 20 столетия один из крупнейших психологов А. Адлер признал **влечение к власти** основной движущей силой человеческого поведения. У тоталитарной личности стремление к власти вытесняется в бессознательное. Тем сильнее ее восторг и вера в «божественность» тех, кто обладает властью. В этом коренное отличие тоталитарного или авторитарного режима от любых других типов власти. Любая политическая система озабоченная своей эффективностью, позволяет человеку открыто выразить свое стремление к власти, и поощряет конкуренцию за нее, основанную на сравнении деловых качеств претендентов. В противоположность этому для **«кадровой политики» тоталитарного режима главным достоинством является скромность.** «Скромность была великолепным штрихом в парадных портретах Ленина, Сталина, Хрущева, Брежнева. Она, почти неизменно, фигурировала в восхвалениях и некрологах больших и малых вождей и руководителей, хотя путь и образ жизни их были далеки от скромности. Культ власти оказывается и культом скромности. Нечто подобное наблюдаем мы и в жизни современной России. Причем скромностью называется поведение создающее у вышестоящего начальства уверенность в том, что нижестоящий не хочет занять его место. Причем не просто притворяется, а искренне не хочет, считает себя недостойным. Обычному человеку трудно притворяться, тем более, что начальник, как правило, не глупее его, сам был на его месте и имеет богатую информацию о его поведении. Поэтому при прочих равных условиях преимущество получает тот, кто действительно или, по крайней мере, на уровне своего сознания не желает повышения по службе. Такая система способствует профессиональной деградации коллективов, которые априори должны быть высоко профессиональными (научные, медицинские, преподавательские, военные и др.) или независимыми от власти (журналистский корпус, судейский, прокурорский и т.д.). Создавая культ «скромности» власть играет на этических принципах восходящих еще к крестьянской общине, не осознавая полную неприемлемость их для современных экономических отношений и демократического политического устройства. И сейчас

еще самовыдвижение в профком, совет трудового коллектива, на ту или иную вакантную должность раздражает и шокирует. А самовыдвижение в депутаты, ставшее реальным при новой избирательной системе оказалось не самым верным способом победить на выборах. И сейчас способного человека стремящегося продвинуться мы порой осуждаем более строго, чем бездаря, занимающего чужое место. И сейчас человек, которого рассматривают, как претендента на повышение в должности, делает все, что бы никто не подумал, что он для этого что-то сделал, что он этого хочет и даже что он это знает: решение начальства должно упасть, как дар с небес.

Любовь к вождю и начальникам всех мастей представляется нам наиболее последовательным воплощением тех искажений картины мира, которыми живет тоталитарная личность. Чары еще живы. Немалое число наших современников, не смотря на все разоблачения, продолжают испытывать по отношению к Сталину чувство поклонения и любви. Но уже выросла новая когорта людей, готовых отдать свою преданность новым лидерам страны, которым навязывается и с помощью сознания «тоталитарных» поклонников и с помощью имиджмейкеров и пиартехнологий образ сильной личности, и если не тирана, то «просвещенного» авторитариста. Это не просто мечта о сильной власти, это мечта о любви к ней. Конечно, искать рациональные объяснения любви одного человека к другому бессмысленно. Вопрос: «за что ты ее (или его) любишь?» - не имеет ответа. Однако в межличностных отношениях крайне редко встречаются случаи, когда страстную и устойчивую любовь вызывает тот, кто постоянно унижает, грабит, избивает и эксплуатирует своего партнера. Такое встречается у лиц со скрытыми садомазохистскими комплексами. Описан так называемый «Стокгольмский синдром», когда заложники, захваченные террористами прониклись к ним чувством любви, сопереживания. Но любовь значительной части народа к диктатору или авторитарному лидеру страны – явление слишком значительное, слишком распространенное, что бы просто отмахнуться от него или отнести к массовому психозу.

Любовь является исключительно важным механизмом установления и поддержания любой диктатуры или авторитаризма. Вождя не просто боятся, не просто признают его власть разумной и целесообразной – его любят, боготворят. Если насилие необходимо в качестве условия установления авторитарной власти или диктатуры, то любовь составляет основу ее стабильности. Власть основывается не только на развитой системе слежки и подавления, не только на усилиях идеологов, «пиарщиков», подконтрольных СМИ. **Граждане, несущие на себе весь груз последствий некомпетентной (а в отсутствии обратной связи она неизбежно становится таковой) и жестокой политики диктатора, сами и сохраняют его и всю систему от малейших проявлений недовольства и тем более от враждебных действий.** Охраняют, фактически, от самих себя. Обеспечив себе любовь народа, авторитарный лидер получает индульгенцию за любые преступления, ошибки, некомпетентность и априорную благодарность за все, что бы он ни совершил. Иными словами он получает абсолютную власть. Этот механизм копируется от Кремля и до самых маленьких учреждений. Что поразительно, его часто можно встретить и в современных бизнес - структурах, а не только в госучреждениях. Поистине, особо опасную инфекцию остановить трудно. Гнев народа может обратиться на внутренних и внешних врагов (для этих целей их сейчас часто создают в массовом сознании искусственно – «кавказцы», евреи, американцы, коррумпированные чиновники, некоторые олигархи, масоны, «неправильные» руководители других стран), но никогда на его священную особу. Ему не грозит восстание, ему грозит только дворцовый переворот. Понимая, что

любовь – основа их власти, диктаторы, авторитарные лидеры заботятся об отношении к себе больше, чем об экономике, жизненном уровне населения и даже обороноспособности, вместе взятых, хотя населению внушается, естественно, совсем обратное. Если нет природной, как сейчас говорят, «харизмы», то стараются имиджмейкеры. Создаются сусальные рассказы и фильмы о детстве и юности лидера, в каждой «конторе» висят высокопрофессионально сделанные фото лидера, излучающее мудрость, теплоту, заботу и строгость, а так же фото в военном мундире, в кабине истребителя, на палубе линкора, в кругу детей и молодежи, на встрече с ветеранами, в заводском цеху, в поле, в больнице. С точки зрения здравого смысла понятно, что диктатору, генсеку, президенту там делать нечего, но кто любит на основе здравого смысла – воздействие идет на подсознание, в котором сидит какой-нибудь комплекс: потребность в отце, («никто не должен быть обойден нашим вниманием»), которого многие не знают в нашей стране с детства, в мужчине своей мечты, которого так и не удалось встретить многим женщинам, потребность в кумире, идоле, которому можно поклоняться и т.д. Организуются встречи с народом в масштабах страны (электронные СМИ это могут), где каждый может задать вопрос президенту или премьеру, пожаловаться на судьбу и о чудо! Получить желаемое, но ранее несбыточное в течение нескольких дней – вот уж мегаиллюзия всенародной заботы: «За всем смотрю, все знаю, прикажу, и будет вам справедливое решение». В истории были и прямые требования любви. **Гитлеровские юристы объявили любовь к фюреру юридической категорией. Нелюбовь к нему стала преступлением. Ороуэлл в романе «1984» недаром назвал свой вариант НКВД или гестапо Министерством любви.** Это не только смешение всех понятий в условиях диктатуры или авторитарной власти, это и демонстрация того, что тиран или авторитарный лидер требует не столько послушания, сколько искреннего и страстного чувства. Гигантский аппарат, созданный Сталиным, как к делу государственной важности относился к уничтожению тех, кто, не планируя никаких действий или не имея возможности их совершить, мог просто не любить вождя и созданное им государство. Об этом говорят многочисленные случаи репрессий не только за анекдоты или критические высказывания, но даже за случайные описки и оговорки в газетах и выступлениях. Хотя психоанализ З. Фрейда и был репрессирован в СССР, но силовые органы хорошо понимали, что ничего случайного в человеческих проявлениях не бывает и за опиской или оговоркой вполне может скрываться подсознательная нелюбовь к вождю. Объектом работы «органов» было не столько поведение, с ним в большинстве случаев все было в порядке, - а именно чувства людей, о которых они судили с изощренностью доморощенных «психоаналитиков».

Пьер Лебон писал: «Чтобы доказать на опыте, как дорого обходятся народам Цезари, которых они приветствуют радостными криками, понадобился целый ряд разорительных испытаний...». В книге «Психология масс» он так описывает авторитарных лидеров, называя их вожаками: «Лишь только известное число живых существ соберется вместе, все равно, будет ли то стадо животных или толпа людей, они инстинктивно подчиняются власти своего вождя. В толпе людей вождь часто бывает только вожаком, но, тем не менее, роль его значительна. Его воля представляет то ядро, вокруг которого кристаллизуются и объединяются мнения. Он составляет собой первый элемент организации разнородной толпы и готовит в ней организацию сект. Пока же это не наступит, он управляет ею, так как толпа представляет собой раболепное стадо, которое не может обойтись без властелина.

Вожак обыкновенно сначала сам был в числе тех, кого ведут; он так же был загипнотизирован идеей, апостолом которой сделался впоследствии. Эта идея до такой степени завладела им, что все вокруг исчезло для него, и всякое противное

мнение ему казалось уже заблуждением и предрассудком. Потому-то Робеспьер, загипнотизированный идеями Руссо, и пользовался методами инквизиции для их распространения.

Обыкновенно вожаки не принадлежат к числу мыслителей — это люди действия. Они не обладают проницательностью, так как проницательность ведет обыкновенно к сомнениям и бездействию. Чаще всего вожаками бывают психически неуравновешенные люди, полупомешанные, находящиеся на границе безумия. Как бы ни была нелепа идея, которую они защищают, и цель, к которой они стремятся, их убеждения нельзя поколебать никакими доводами рассудка. Презрение и преследование не производят на них впечатления или же только еще сильнее возбуждают их. Личный интерес, семья — все ими приносится в жертву. Инстинкт самосохранения у них исчезает до такой степени, что единственная награда, к которой они стремятся, — это мученичество. Напряженность их собственной веры придает их словам громадную силу внушения. Толпа всегда готова слушать человека, одаренного сильной волей и умеющего действовать на нее внушительным образом. Люди в толпе теряют свою волю и инстинктивно обращаются к тому, кто ее сохранил.

В вожаках у народов никогда не бывало недостатка, но эти вожаки всегда должны были обладать очень твердыми убеждениями, так как только такие убеждения создают апостолов. Часто вожаками бывают хитрые ораторы, преследующие лишь свои личные интересы и действующие путем поблажки низким инстинктам толпы. Влияние, которым они пользуются, может быть и очень велико, но всегда бывает очень эфемерно. Великие фанатики, увлекавшие душу толпы, Петр Пустынник, Лютер, Савонарола, деятели революции, только тогда подчинили ее своему обаянию, когда сами подпали под обаяние известной идеи.

Тогда им удалось создать в душе толпы ту грозную силу, которая называется верой и содействует превращению человека в абсолютного раба своей мечты.

Роль всех великих вожаков главным образом заключается в том, чтобы создать веру, все равно, религиозную ли, политическую, социальную, или веру в какое-нибудь дело, человека или идею, вот почему их влияние и бывало всегда очень велико. Из всех сил, которыми располагает человечество, сила веры всегда была самой могущественной, и не напрасно в Евангелии говорится, что вера может сдвинуть горы. Дать человеку веру — это удесятить его силы. Великие исторические события произведены были безвестными верующими, вся сила которых заключалась в их вере. Не ученые и не философы создали великие религии, управлявшие миром и обширные царства, распространявшиеся от одного полушария до другого!

Во всех этих случаях, конечно, действовали великие вожаки, а их не так много в истории. Они образуют вершину пирамиды, постепенно спускающейся от этих могущественных властителей над умами толпы до того оратора, который в дымной гостинице медленно подчиняет своему влиянию слушателей, повторяя им готовые формулы, смысла которых он сам не понимает, но считает их способными непременно повести за собой реализацию всех мечтаний и надежд.

Во всех социальных сферах, от самых высших до низших, если только человек не находится в изолированном положении, он легко подпадает под влияние какого-нибудь вожака. Большинство людей, особенно в народных массах, за пределами своей специальности не имеет почти ни о чем ясных и более или менее определенных понятий. Такие люди не в состоянии управлять собой, и вожак служит им руководителем.

Власть вожаков очень деспотична, но именно этот деспотизм и заставляет ей подчиняться. Не трудно убедиться, как легко они вынуждают рабочие классы, даже самые буйные, повиноваться себе, хотя для поддержания своей власти у них нет никаких средств. Они назначают число рабочих часов, величину заработной платы, организуют стачки и заставляют их начинаться и прекращаться в определенный час.

В настоящее время вожаки толпы все более и более оттесняют общественную власть, теряющую свое значение вследствие распрей. Тирания новых властелинов покоряет толпу и заставляет ее повиноваться им больше, чем она повиновалась какому-нибудь правительству. Если же вследствие какой-нибудь случайности вожак исчезает и не замещается немедленно другим, то толпа снова становится простым сборищем без всякой связи и устойчивости. Во время последней стачки кучеров омнибусов в Париже достаточно было арестовать двух вожаков, руководивших ею, чтобы она тотчас же прекратилась. В душе толпы преобладает не стремление к свободе, а потребность подчинения; толпа так жаждет повиноваться, что инстинктивно покоряется тому, кто объявляет себя ее властелином.

Класс вожаков удобно подразделяется на две определенные категории. К одной принадлежат люди энергичные, с сильной, но появляющейся у них лишь на короткое время волей; к другой — вожаки, встречающиеся гораздо реже, обладающие сильной, но в тоже время и стойкой волей.

Первые — смелы, буйны, храбры; они особенно пригодны для внезапных дерзких предприятий, для того, чтобы увлечь массы несмотря на опасность и превратить в героев вчерашних рекрутов. Таковы были, например. Ней и Мюрат во времена первой Империи. В наше время таким был Гарибальди, не обладавший никакими особенными талантами, но очень энергичный, сумевший овладеть целым неаполитанским королевством, располагая лишь горстью людей, тогда как королевство имело в своем распоряжении дисциплинированную армию для своей защиты.

Но энергия этих вожаков, хотя и очень могущественная, держится недолго и исчезает вместе с возбудителем, вызвавшим ее появление. Очень часто герои, проявившие такую энергию, вернувшись к обыденной жизни, обнаруживали самую изумительную слабость и полную неспособность руководить своими поступками даже при самых обыкновенных условиях, хотя они с виду так хорошо умели руководить другими людьми. Такие вожаки могут выполнять свою функцию лишь при том условии, если ими руководят и возбуждают их постоянно, и если всегда над ними находится человек или идея, указывающие им их поведение.

Вторая категория вожаков, обладающих стойкой волей, не столь блестяща, но имеет гораздо большее значение. К этой категории и принадлежат истинные основатели религии и творцы великих дел: св. Павел, Магомет, Христофор Колумб, Лессепс. Умны ли они, или ограничены все равно, мир будет всегда им принадлежать! Их упорная воля представляет собой такое бесконечно редкое и бесконечно могущественное качество, которое всё заставляет себе покоряться. Часто не отдают себе достаточно отчета в том, чего можно достигнуть посредством упорной и сильной воли, а между тем, ничто не может противостоять такой воле ни природа, ни боги, ни люди... Когда бывает нужно на мгновение увлечь толпу, заставить ее совершить какой-нибудь акт, например, ограбить дворец, погибнуть, защищая укрепление или баррикаду, надо действовать посредством быстрых внушений, и самым лучшим внушением является все-таки личный пример. Однако толпа, чтобы повиноваться внушению, должна быть подготовлена к этому раньше известными обстоятельствами, и главное — надо, чтобы тот, кто хочет увлечь ее за

собой, обладал особенным качеством, известным под именем обаяния, о котором мы будем говорить далее.

Когда же дело идет о том, чтобы заставить душу толпы проникнуться какими-нибудь идеями или верованиями, например, современными социальными теориями, то применяются другие способы, преимущественно следующие: утверждение, повторение, зараза. Действие этих способов медленное, но результаты, достигаемые ими, очень стойки.

Простое утверждение, не подкрепляемое никакими рассуждениями и никакими доказательствами, служит одним из самых верных средств, для того, чтобы заставить какую-нибудь идею проникнуть в душу толпы. Чем более кратко утверждение, чем более оно лишено какой бы то ни было доказательности, тем более оно оказывает влияние на толпу. Священные книги и кодексы всех веков всегда действовали посредством простого утверждения; государственные люди, призванные защищать какое-нибудь политическое дело, промышленники, старающиеся распространять свои продукты с помощью объявлений, хорошо знают, какую силу имеет утверждение.

Утверждение тогда лишь оказывает действие, когда оно повторяется часто и, если возможно, в одних и тех же выражениях. Кажется, Наполеон сказал, что существует только одна заслуживающая внимания фигура риторики это повторение. С помощью повторения идея водворяется в умах до такой степени прочно, что, в конце концов, она уже принимается как доказанная истина.

Влияние утверждения на толпу становится понятным, когда мы видим, какое могущественное действие оно оказывает на самые просвещенные умы. Это действие объясняется тем, что часто повторяемая идея, в конце концов, врежется в самые глубокие области бессознательного, где именно и вырабатываются двигатели наших поступков.

Спустя некоторое время мы забываем, кто был автором утверждения, повторявшегося столько раз, и в конце концов начинаем верить ему, отсюда-то и происходит изумительное влияние всяких публикаций. После того, как мы сто, тысячу раз прочли, что лучший шоколад — это шоколад X, нам начинает казаться, что мы слышали это с разных сторон, и мы, в конце концов, совершенно убеждаемся в этом. Прочтя тысячи раз, что мука спасла таких-то и таких-то знаменитых людей от самой упорной болезни, мы начинаем испытывать желание прибегнуть к этому средству, лишь только заболеваем аналогичной болезнью. Читая постоянно в одной и той же газете, что А. — совершенный негодяй, а Б. — честнейший человек, мы в конце концов становимся сами в убежденными в этом, конечно, если только не читаем при этом еще какую-нибудь другую газету, высказывающую совершенно противоположное мнение. **Только утверждение и повторение в состоянии состязаться друг с другом, так как обладают в этом случае одинаковой силой.**

После того, как какое-нибудь утверждение повторялось уже достаточное число раз, и повторение было единогласным (как это можно наблюдать, скажем, на примере некоторых финансовых предприятий, пользующихся известностью и достаточно богатых, чтобы купить себе поддержку общественного мнения), образуется то, что называется течением, и на сцену выступает могущественный фактор — зараза. **В толпе идеи, чувства, эмоции, верования все получает такую же могущественную силу заразы, какой обладают некоторые микробы.** Это явление вполне естественное, и его можно наблюдать даже у животных, когда они находятся в стаде. Паника, например, или какое-нибудь беспорядочное движение

нескольких баранов быстро распространяется на целое стадо. В толпе все эмоции также точно быстро становятся заразительными, чем и объясняется мгновенное распространение паники. Умственные расстройства, например, безумие, также обладают заразительностью. Известно, как часто наблюдаются случаи умопомешательства среди психиатров, а в последнее время замечено даже, что некоторые формы, например агорафобия, могут даже передаваться от человека животным.

Появление заразы не требует одновременного присутствия нескольких индивидов в одном и том же месте; оно может проявлять свое действие и на расстоянии, под влиянием известных событий, ориентирующих направление мыслей в известном смысле и придающих ему специальную окраску, соответствующую толпе. Это заметно, особенно в тех случаях, когда умы уже подготовлены заранее отдаленными факторами, о которых я говорил выше. Поэтому-то революционное движение 1348 года, начавшись в Париже, сразу распространилось на большую часть Европы и пошатнуло несколько монархий. Подражание, которому приписывается такая крупная роль в социальных явлениях, в сущности, составляет лишь одно из проявлений заразы. В другом месте я уже достаточно говорил о влиянии подражания и поэтому здесь ограничусь лишь тем, что воспроизведу то, что было сказано мною об этом предмете пятнадцать лет тому назад и развито в последствии другими авторами в новейших сочинениях: «Человек так же, как и животное, склонен к подражанию; оно составляет для него потребность при условии, конечно, если не обставлено затруднениями. Именно эта потребность и обуславливает могущественное влияние так называемой моды. Кто же посмеет не подчиниться ее власти, все равно, касается ли это мнений, идей, литературных произведений или же просто-напросто одежды? Управляют толпой не при помощи аргументов, а лишь при помощи образцов. Во всякую эпоху существует небольшое число индивидов, внушающих толпе свои действия, и бессознательная масса подражает им. Но эти индивиды не должны все-таки слишком удаляться от преобладающих в толпе идей, иначе подражать будет трудно, и тогда все их влияние сведется к нулю. По этой-то причине люди, стоящие много выше своей эпохи, не имеют вообще на нее никакого влияния. Они слишком отдалены от нее. Поэтому-то и европейцы со всеми преимуществами своей цивилизации имеют столь незначительное влияние на народы Востока; они слишком отличаются от этих народов...

Двойное влияние — прошлого и взаимного подражания — в конце концов, вызывает у людей одной и той же страны и одной и той же эпохи такое сходство, что даже те, кто менее всего должен был бы подаваться такому влиянию, — философы, ученые и литераторы — обнаруживают все же такое семейное сходство в своих мыслях и стиле, что по этим признакам можно тотчас же узнать эпоху, к которой они принадлежат. Достаточно короткого разговора с каким-нибудь человеком, чтобы получить полное понятие о том, что он читает, какие его обычные занятия и в какой среде он живет».

Зараза настолько могущественна, что она может внушать индивидам не только известные мнения, но и известные чувства. Благодаря именно такой заразе, в известную эпоху подвергались презрению известные произведения, например, «Тангейзер», спустя несколько лет возбудивший восторги тех же самых людей, которые его осмеяли.

Мнения и верования распространяются в толпе именно путем заразы, а не путем рассуждений, и верования толпы всех эпох возникали посредством такого же точно механизма: утверждения, повторения и заразы. Ренан совершенно справедливо сравнивает первых основателей христианства «с рабочими

социалистами, распространяющими свои идеи по кабакам». Вольтер, также говоря о христианской религии, сказал, «что в течение более чем ста лет ее последователями была только самая презренная чернь».

На примерах, аналогичных тем, на которые я уже указывал здесь, можно ясно проследить, как зараза, действующая вначале только в народных слоях, постепенно переходит в высшие слои общества; мы можем убедиться в этом на наших современных социалистских доктринах, которыми в настоящее время начинают увлекаться уже те, кто осужден сделаться первыми жертвами их торжества.

Действие заразы настолько сильно и могущественно, что перед ним отступает всякий личный интерес.

Вот почему всякое мнение, сделавшись популярным, в конце концов, получает такую силу, что проникает и в самые высшие социальные слои и становится там господствующим, хотя бы нелепость его была вполне очевидна. В этом явлении заключается очень любопытная реакция низших социальных слоев на высшие, тем более любопытная, что все верования толпы всегда проистекают из какой-нибудь высшей идеи, не пользовавшейся никаким влиянием в той среде, в которой она народилась. Обыкновенно вожаки, подпавшие под влияние этой идеи, завладевают ею, извращают ее, создают секту, которая в свою очередь извращает и затем распространяет ее в недрах масс, продолжающих извращать ее все более и более. Сделавшись, наконец, народной истиной, эта идея некоторым образом возвращается к своему первоначальному источнику и тогда уже действует на высшие слои нации. В конце концов мы видим, что все-таки ум управляет миром. Философы, создавшие какие-нибудь идеи, давно уже умерли и превратились в прах, но благодаря описанному мною механизму, мысль их все-таки торжествует в конце концов.

Идеи, распространяемые путем утверждения, повторения и заразы, обязаны своим могуществом главным образом таинственной силе, которую они приобретают, — обаянию.

Идеи или люди, подчинявшие себе мир, господствовали над ним преимущественно благодаря этой непреодолимой силе, именуемой обаянием.

Мы все понимаем значение этого слова, но оно употребляется часто в таких различных смыслах, что объяснить его нелегко. Обаяние может слагаться из противоположных чувств, например, восхищения и страха. В основе обаяния действительно часто заложены именно эти чувства, но иногда оно существует и без них. Наибольшим обаянием, например, пользуются умершие, следовательно, — существа, которых мы не боимся: Александр, Цезарь, Магомет, Будда. С другой стороны есть такие предметы и фикции, которые несколько не возбуждают в нас восхищения, например, чудовищные божества подземных храмов Индии, но которые, тем не менее, имеют огромное обаяние.

В действительности обаяние — это род господства какой-нибудь идеи или какого-нибудь дела над умом индивида. Это господство парализует все критические способности индивида и наполняет его душу удивлением и почтением. Вызванное чувство необъяснимо, как и все чувства, но, вероятно, оно принадлежит к тому же порядку, к какому принадлежит очарование, овладевающее замагнитизированным субъектом. Обаяние составляет самую могущественную причину всякого господства; боги, короли и женщины не могли бы никогда властвовать без него.

Различные виды обаяния можно, однако, подразделить на две главные категории: **обаяние приобретенное и обаяние личное.** Приобретенное обаяние —

то, которое доставляется именем, богатством, репутацией; оно может совершенно не зависеть от личного обаяния. Личное же обаяние носит более индивидуальный характер и может существовать одновременно с репутацией, славой и богатством, но может обходиться и без них.

Приобретенное или искусственное обаяние гораздо больше распространено. Уже одного того факта, что какой-нибудь индивид занимает известное социальное положение, обладает известным богатством и титулами, бывает зачастую достаточно, чтобы придать ему обаяние, как бы ни было ничтожно его личное значение. Военный в своем мундире, судья в своей мантии всегда пользуются обаянием. Паскаль совершенно справедливо указывал на необходимость облачить судей в мантии и парики. Без этого они бы лишились на три четверти своего авторитета. Самый свирепый социалист всегда бывает несколько смущен при виде принца или маркиза; стоит присвоить себе такой титул, и самый прозорливый коммерсант легко даст себя обморочить.

Это влияние титулов, орденов и мундиров на толпу встречается во всех странах, даже там, где больше всего развито чувство личной свободы. Я приведу по этому поводу отрывок из новой книги одного путешественника, рассказывающего следующее о том обаянии, которым пользуются некоторые личности в Англии: «Много раз мне приходилось наблюдать особенное состояние опьянения, которое овладевает даже самыми благоразумными англичанами при виде и общении с каким-нибудь пэром Англии.

Они заранее уже любят его, лишь бы богатство его соответствовало его положению, и в его присутствии они всё переносят от него с восторгом. Они краснеют от удовольствия, когда он приближается к ним или заговаривает с ними; сдерживаемая радость сообщает непривычный блеск их глазам. У них «лорд находится в крови», если позволено будет так выразиться, как мы выражаемся, например, про испанца, что у него танцах в крови, про немца — что у него музыка в крови, и про француза — что у него в крови революция- Их страсть к лошадям и Шекспиру менее сильна, и они менее извлекают из нее наслаждений. Книга пэров имеет огромный сбыт и ее можно найти в самых отдаленных местах и у всех так же, как Библию».

Я касаюсь здесь лишь обаяния, которое имеют люди; но рядом с этим можно поставить и обаяние мнений, литературных и художественных произведений и т.д. В последнем случае чаще всего обаяние является результатом усиленного повторения. История и в особенности история литературы и искусства, представляет собой не что иное, как повторение все одних и тех же суждений, которые никто не смеет оспаривать и в конце концов все повторяют их так, как выучили в школе. Есть имена и вещи, которых никто не смеет коснуться. Для современного читателя, например, чтение Гомера доставляет, конечно, огромную и непреодолимую скуку, но кто же посмеет сознаться в этом? Парфенон в его настоящем виде является несчастной развалиной, лишенной всякого интереса, но эта развалина обладает обаянием именно потому что она представляется нам не в том виде, в каком она есть, а в сопровождении всей свиты исторических воспоминаний. Главное свойство обаяния именно и заключается в том, что оно не допускает видеть предметы в их настоящем виде и парализует всякие суждения.

Толпа всегда, а индивиды — весьма часто нуждаются в готовых мнениях относительно всех предметов. Успех этих мнений совершенно не зависит от той частицы истины или заблуждения, которая в них заключается, а исключительно лишь от степени их обаяния.

Теперь я буду говорить о личном обаянии. Этот род обаяния совершенно отличается от искусственного или приобретенного обаяния и не зависит ни от титула, ни от власти; оно составляет достояние лишь немногих лиц и сообщает им какое-то магнетическое очарование, действующее на окружающих, несмотря даже на существование между ними равенства в социальном отношении и на то, что они не обладают никакими обыкновенными средствами для утверждения своего господства. Они внушают свои идеи, чувства тем, кто их окружает, и те им повинуются, как повинуются, например, хищные звери своему укротителю, хотя они легко могли бы его разорвать.

Великие вожаки толпы: Будда, Магомет, Жанна Д'Арк, Наполеон обладали в высшей степени именно такой формой обаяния и, благодаря ему, подчиняли себе толпу. Боги, герои и догматы внушаются, но не оспариваются; они исчезают, как только их подвергают обсуждению.

Великие люди, об обаянии которых я только что говорил, без этого обаяния не могли бы сделаться знаменитыми. Конечно, Наполеон, находясь в зените своей славы, пользовался огромным обаянием, благодаря своему могуществу, но все же это обаяние существовало у него и тогда еще, когда он не имел никакой власти и был совершенно неизвестен. Благодаря протекции, он был назначен командовать армией в Италии и попал в кружок очень строгих, старых воинов-генералов, готовых оказать довольно-таки сухой прием молодому собрату, посаженному им на шею.

Но с первой же минуты, с первого свидания, без всяких фраз, угроз или жестов, будущий великий человек покорила их себе. Тэн заимствует из мемуаров современников следующий интересный рассказ об этом свидании: «Дивизионные генералы, в том числе Ожеро, старый вояка, грубый, но героичный, очень гордившийся своим высоким ростом и своей храбростью, прибыли в главную квартиру весьма предубежденными против выскочки, присланного из Парижа. Ожеро заранее возмущался, уже составив себе мнение о нем по описанию и готовясь неповиноваться этому «фавориту Барраса», «генералу Вандемьера», «уличному генералу», на которого все смотрели как на медведя, потому что он всегда держался в стороне и был задумчив, притом этот малорослый генерал имел репутацию математика и мечтателя. Их ввели. Бонапарт заставил себя ждать. Наконец он вышел, опоясанный шпагой, и, надев шляпу, объяснил генералам свои намерения, отдал приказания и отпустил их. Ожеро безмолвствовал, и только когда они уже вышли на улицу, он спохватился и разразился своими обычными проклятиями, соглашаясь вместе с Массеной, что этот маленький генерал внушил ему страх, и он решительно не может понять, почему с первого взгляда он почувствовал себя уничтоженным перед его превосходством».

Обаяние Наполеона еще более увеличилось под влиянием его славы, когда он сделался великим человеком. Тогда уже его обаяние сделалось почти равносильно обаянию какого-нибудь божества. Генерал Вандамм, революционный вояка, еще более грубый и энергичный, чем Ожеро, говорил о нем маршалу Д'Орнано в 1815 году, когда они вместе поднимались по лестнице в Тюильрийском дворце: «Мой милый, этот человек производит на меня такое обаяние, в котором я не могу отдать себе отчета, и притом до такой степени, что я, не боящийся ни Бога, ни черта, приближаясь к нему, дрожу, как ребенок; и он бы мог заставить меня пройти через игольное ушко, чтобы затем бросить меня в огонь». Наполеон оказывал такое же точно обаяние на всех тех, кто приближался к нему.

Сознавая вполне свое обаяние. Наполеон понимал, что он только увеличивает его, обращаясь даже хуже, чем с конюхами, с теми важными лицами, которые его

окружали и в числе которых находились знаменитые члены Конвента, внушавшие некогда страх Европе. Рассказы, относящиеся к тому времени, заключают в себе много знаменательных фактов в этом отношении. Однажды в государственном совете Наполеон очень грубо поступил с Бенью, с которым обошелся, как с неучем и лакеем. Достигнув желаемого действия, Наполеон подошел к нему и сказал: «Ну, что, большой дурак, нашли вы, наконец, свою голову?» Бенью, высокий, как тамбур-мажор, нагнулся очень низко, и маленький человечек, подняв руку, взял его за ухо, «что было знаком упоительной милости, — пишет Бенью, — обычным жестом смилостивившегося господина». Подобные примеры дают ясное понятие о степени низости и пошлости, вызываемой обаянием в душе некоторых людей, объясняют, почему великий деспот питал такое громадное презрение к людям, его окружавшим, на которых он действительно смотрел, лишь как на пушечное мясо.

Даву, говоря о своей преданности и преданности Маре Бонапарту, прибавлял: «Если бы император сказал нам обоим: «Интересы моей политики требуют, чтобы я разрушил Париж, и притом так, чтобы никто не мог из него выйти и бежать», — то Маре, без сомнения, сохранил бы эту тайну, я в том уверен, но, тем не менее, не мог бы удержаться и вывел бы из Парижа свою семью и тем подверг бы тайну опасности. Ну, а я из боязни, чтобы никто не догадался об этой тайне, оставил бы в Париже свою жену и детей».

Надо иметь в виду именно эту удивительную способность Наполеона производить обаяние, чтобы объяснить себе его удивительное возвращение с острова Эльбы и эту победу над Францией одинокого человека, против которого выступили все организованные силы великой страны, казалось, уставшей уже от его тирании. Но стоило ему только взглянуть на генералов, присланных для того, чтобы завладеть им, и поклявшихся им завладеть, и все они немедленно подчинились его обаянию.

«Наполеон, — пишет английский генерал Уолслей, — высаживается во Франции почти один, как беглец с маленького острова Эльбы, и в несколько недель ему удается без всякого кровопролития ниспровергнуть всю организацию власти во Франции, во главе которой находился ее законный король. Существуют ли случаи, где личное превосходство человека проявлялось бы более поразительным образом? В продолжении всей этой последней его кампании можно ясно видеть, какую власть он имел над союзниками, заставляя их следовать его инициативе, и как мало было нужно, чтобы он их раздавил окончательно». Его обаяние пережило его и продолжало увеличиваться.

Благодаря именно этому обаянию попал в императоры его безвестный племянник. Наблюдая затем, как возрождается его легенда, мы можем убедиться, насколько еще могущественна его великая тень. Обращайтесь дурно с людьми сколько вам угодно, убивайте их миллионами, вызывайте нашествия за нашествиями, и все вам будет прощено, если вы обладаете достаточной степенью обаяния и талантом для поддержания этого обаяния.

Я привел тут совершенно исключительный пример обаяния, но необходимо было указать именно на такой случай, чтобы происхождение великих религий, великих доктрин и великих империй сделалось нам понятным. Генезис всего этого неясен, если не принять во внимание могущественную силу обаяния. Но обаяние основывается не исключительно на личном превосходстве, на военной славе или религиозном страхе. Оно может иметь гораздо более скромное происхождение и все-таки быть весьма значительным. Наш век указывает нам много таких примеров. Одним из самых разительных является история знаменитого человека (Лессепса), изменившего вид земного шара и коммерческие сношения народов, отделив два

континента. Он успел в своем предприятии не только вследствие громадной воли, но и вследствие обаяния, которое он имел на всех окружающих. Чтобы победить почти всеобщее недоверие, ему надо было только показаться. Он говорил несколько минут, и благодаря его очарованию, противники быстро превращались в его сторонников. Англичане в особенности восставали против его проекта, но стоило ему лишь показаться в Англии, и все уже были на его стороне. Когда позднее он проезжал через Саутгемптон, колокола звонили в его честь, а теперь Англия собирается воздвигнуть ему статую. «Победив все вещи, людей, болота, скалы и пески», он уже не верил более в препятствия и вздумал было возобновить Суэз в Панаме. Он начал с теми же средствами, но пришла старость; кроме того, вера, сдвигающая горы, двигает ими лишь тогда, когда они не слишком высоки. Но горы, однако, устояли и, возникшая из этого катастрофа, уничтожила блестящий ореол славы, окружавший этого героя. Его жизнь лучше всего показывает, как возникает обаяние и как оно может исчезнуть. Сравнившись в величии с самыми знаменитыми героями истории, он был низвергнут простыми судьями своей страны в ряды самых презренных преступников. Когда он умер, толпа отнеслась к этому совершенно равнодушно, и только иностранные государи сочли нужным почтить память одного из величайших людей в истории.

Одна иностранная газета, а именно «Neue Freie Presse», высказала по поводу судьбы Лессепса психологически верные замечания, которые я и воспроизвожу здесь: «После осуждения Фердинанда Лессепса нам нечего изумляться печальному концу Христофора Колумба. Если Фердинанда Лессепса считать мошенником, то всякую благородную иллюзию надо признавать преступлением. Древний мир увенчал бы память Лессепса ореолом славы и возвел бы его на Олимп, потому что он изменил поверхность земли и выполнил дело, совершенствующее ее. Своим приговором Фердинанду Лессепсу председатель суда создал себе бессмертие, так как народы всегда будут спрашивать имя человека, не побоявшегося унизить свой век, нарядив в халат каторжника старика, жизнь которого была славой его современников... Пусть нам не говорят более о неумолимости правосудия там, где царит бюрократическая ненависть ко всяким великим, смелым делам. Нации нуждаются в таких смелых людях, верующих в себя и преодолевающих все препятствия без внимания к своей собственной особе. Гений не может быть осторожен; руководствуясь осторожностью, он никогда не мог бы расширить круг человеческой деятельности.

...Фердинанд Лессепс пережил и опьянение успеха, и горечь разочарований — это Суэз и Панама. Душа возмущается против этой морали успеха. Когда ему удалось соединить два моря, государи и нации воздали ему почести, но после того, как он потерпел поражение, не совладав со скалами Кордильеров, он превратился в обыкновенного мошенника... Тут проявляется борьба классов общества, неудовольствие бюрократов и чиновников, мстящих посредством уголовного кодекса тем, кто хотел бы возвыситься над другими. ...Современные законодатели приходят в замешательство перед такими великими идеями человеческого гения; публика же в них понимает еще меньше, и какому-нибудь генеральному адвокату, конечно, не трудно доказать, что Стэнли — убийца, а Лессепс — обманщик».

Все эти различные примеры, приведенные нами, касаются лишь крайних форм обаяния. Чтобы установить во всех подробностях его психологию, нам бы нужно было поставить эти формы в конце ряда, спускающегося от основателей религий и государств до какого-нибудь субъекта, старающегося ослепить своего соседа блеском нового костюма или орденами.

Между обоими концами такого ряда можно вместить все формы обаяния в различных элементах цивилизации: науках, искусствах, литературе и т.д., тогда

будет видно, что обаяние составляет основной элемент всякого убеждения. Сознательно или нет, но существо, идея или вещь, пользующиеся обаянием, тотчас же, путем заразы, вызывают подражание и внушают целому поколению известный способ чувствований и выражения своих мыслей. Подражание чаще всего бывает бессознательным, и именно это и обуславливает его совершенство. Современные художники, воспроизводящие в своих произведениях бледные цвета и застывшие позы некоторых примитивных живописцев, и не подозревают, конечно, откуда у них явилось такое вдохновение. Они сами верят в свою искренность, а между тем, если бы один знаменитый художник не воскресил бы эту форму искусства, то мы бы продолжали в ней видеть лишь наивные стороны и более низкую степень искусства.

Те же художники, которые по примеру другого знаменитого мастера переполняют свои картины фиолетовыми тенями, вовсе не замечают в природе преобладания фиолетовой краски более, чем это замечалось лет пятьдесят тому назад, но на них до такой степени подействовали личные и специальные впечатления одного художника, что они подчинились этому внушению, тем более, что, несмотря на такую странность, художник сумел приобрести большое обаяние. Во всех элементах цивилизации можно легко найти много таких примеров.

Из всего предыдущего мы видим, **что в генезисе обаяния участвуют многие факторы, и одним из самых главных был всегда успех.** Всякий человек, имеющий успех, всякая идея, завладевающая умами, уже на этом самом основании становятся недоступными никаким оспариваниям. Доказательством того, что успех составляет одну из главных основ обаяния, является одновременное исчезновение обаяния с исчезновением успеха. Герой, которого толпа превозносила только накануне, может быть на другой день осмеян ею, если его постигла неудача. Реакция будет тем сильнее, чем больше было обаяние. Толпа смотрит тогда на павшего героя как на равного себе и мстит за то, что поклонялась прежде его превосходству, которого не признает теперь. Когда Робеспьер посылал на казнь своих коллег и множество современников, он пользовался огромным обаянием. Но стоило лишь перемещению нескольких голосов лишить его власти, и он немедленно потерял свое обаяние, и толпа провожала его на гильотину градом таких же проклятий, какими она осыпала его прежние жертвы. Верующие всегда с особенной яростью разбивают богов, которым поклонялись некогда.

Под влиянием неудачи обаяние исчезает внезапно. Оно может прийти в упадок и вследствие оспаривания, но это совершается медленнее. Однако именно такой способ разрушения обаяния гораздо более действен. Обаяние, которое подвергается оспариванию, уже перестает быть обаянием. Боги и люди, сумевшие долго сохранить свое обаяние, не допускали оспариваний. Чтобы вызывать восхищение толпы, надо всегда держать ее на известном расстоянии».

Мы не случайно так длинно цитировали Гюстава Лебона (Gustav LeBon) (1841-1931), французского социолога, социального психолога и публициста; занимавшегося также и вопросами антропологии, археологии, естествознания. Вслед за Гобино, он отстаивал концепцию расового детерминизма, подчеркивая иерархический характер расового деления и особую значимость расовой принадлежности в развитии цивилизации. Лебон считал, что решающую роль в социальных процессах играют не разум, а эмоции. С позиций аристократизма он выступал против всех форм социального равенства и демократии, стремясь доказать, что все достижения цивилизации - результат деятельности элиты. Лебон - автор одной из первых концепций массового общества: отождествляя массу с толпой, он пророчил наступление «эры масс» и следующий за этим упадок цивилизации. В результате промышленной революции, роста городов и средств массовой коммуникации современная жизнь, по Лебону, все больше определяется

поведением толп, которые всегда представляют собой слепую, разрушительную силу. В толпе индивиды утрачивают чувство ответственности и оказываются во власти иррациональных чувств, догматизма, нетерпимости, всемогущества, т. к. ими управляет закон «духовного единства толпы». Книгами, которые буквально перевернули наше представление о законах развития общества, и открыли нам секреты того, как политики управляют умами народных масс, стали книги этого великого французского мыслителя, философа, экономиста и историка. Это книги «Психология народов и масс» и «Психология социализма» «Психология народов и масс» - настольная книга всех политиков добивавшихся власти. Ее перечитывали и тщательно изучали Ленин, Гитлер, Муссолини, Сталин. В ней излагаются основные и простые принципы поведения толпы, описываются приемы достижения политиками успеха в борьбе за власть. Парадокс и трагедия автора в том, что за небольшим исключением, в этом веке труды знаменитого ученого-энциклопедиста Гюстава Лебона углубленно изучались лишь потенциальными диктаторами. Те, кому книги адресовались автором, остались глухи к его предупреждениям и предвидениям. Призрак по-прежнему ходит по Европе, как, впрочем, и по остальному миру. «Психология Социализма» - работа во многом пересекающаяся с «Психологией народов и масс». Анализ того, почему умами людей овладевает желание «отнять и поделить», анализ и закономерности развития обществ Европы и Америки. Природа верований, привлекательность и обманчивость социалистических и демократических идей. Сценарии событий, предсказанные Лебоном в этой работе, с поразительной точностью сбылись в XX в. Одно это уже заставляет внимательно вчитаться в его книги. В целом, его труды являют из себя редкое достояние здравой мысли. Если вам небезразлична своя судьба и вы хотите узнать о том, как и в какую сторону развивается, например, наша страна - прочитайте эти книги. Важнейшую роль в общественном развитии Лебон приписывал идеям, навязываемым массам немногими лидерами путем утверждения, повторения и заражения. Революции он считал проявлением массовой истерии.

Любовь народа дает власти, куда большую уверенность, чем бронированные автомобили и неразвитость политических структур, лишаящая людей возможности вмешаться в диалог маленького или большого диктатора с историей. Лившийся на Брежнева поток наград, смешивший людей в 70-е годы 20 века был не только данью его тщеславию, но и наивной, смешной попыткой убедить его и всех нас в том какой он великий человек, «угovorить» полюбить его. То же требование находим мы и на нижних этажах социальной иерархии. Любви добиваются и, главное, карают за нелюбовь – ректор института, главный врач больницы, директор школы, командир войсковой части, бригадир производственной бригады, управляющий компанией; каждый имеющий власть над людьми. И если подчиненный не хочет неприятностей, он должен убедить начальника не только в своей дисциплинированности, квалификации и прочих полезных качествах, но и в положительных чувствах по отношению к нему, начальнику.

- 4 -

Крупнейшим исследователем «анатомии тоталитарной личности» стал видный социальный психолог, философ Эрих Фромм. В своей знаменитой книге «Бегство от свободы», опубликованной в 1941г., он рассматривает психику современного человека, проблемы взаимосвязи и взаимодействия между психологическими и социологическими факторами общего развития. Но в основном она сконцентрирована на значении свободы для современного человека. По Фромму основным субъектом социального процесса является индивид: его стремление к тревоге, его страсти и раздумья и т.д. Но для понимания динамики

общего развития, мы должны понимать динамику психологических процессов, проходящих внутри индивида, точно так же как для понимания индивида необходимо рассматривать его вместе с обществом, в котором он живет. Доиндивидуалистическое общество ограничивала человека, но в это же время гарантировала безопасность и покой, и получив свободу, человека охватила тревога, хотя он приобрел независимость и рациональность. Свобода также, по словам Фромма, изолировала его. Эта изолированность непереносима и человек становится перед выбором: избавиться от свободы с помощью новой зависимости либо дорасти до полной реализации позитивной свободы, основанной на индивидуальности и повторяемости каждого. Человек в большинстве случаев еще недостаточно созрел, чтобы быть независимым, разумным, объективным. Человеку невыносимо, что он предоставлен собственным силам, что он сам должен придать смысл своей жизни, а не получить ее от какой-нибудь высшей силы. Отсюда вывод – людям нужны иды, легенды, мифы. Отсюда возникает вопрос как же человечество может спастись от самоуничтожения в этом конфликте между преждевременной интеллектуально-технической зрелостью и эмоциональной отсталостью?

«Стремление к свободе выразилось в принципах экономического либерализма, политической демократии с отделением церкви от государства и индивидуализма в личной жизни. Осуществление этих принципов, казалось, приближало человечество к реализации данного стремления. Человек сбросил иго природы и сам стал ею управлять. Он сверг церковь и абсолютное государство. Ликвидация внешнего принуждения казалось не только необходимым, но и достаточным условием для достижения желанной цели – свободы человека.

Первую Мировую войну все считали последней битвой, а ее завершение – окончательной победой свободы, но через некоторое время и возникли новые системы, которые перечеркнули все, т.к. сущность этих новых систем практически полностью определяющих и общественную и личную жизнь человека, состоит в подчинении всех совершенно бесконтрольной власти и небольшой кучки людей.

Одна из общепринятых иллюзий – быть может самая опасная из всех состояла в убеждении, что люди вроде Гитлера якобы захватили власть над государственным аппаратом лишь при помощи вероломства и мошенничества и правление его основано на насилии. Но после, всем видно, что в Германии миллионы людей отказывались от свободы с таким упорством, с каким когда-то их отцы ее завоевывали, они не стремились к свободе, а искали способ от нее избавиться. Другие миллионы людей были безразличны к свободе и не считали, что за нее нужно бороться. А так же всем стало ясно, что демократический кризис не является сугубо итальянским или германским, а угрожает каждому современному государству. Когда мы рассматриваем человеческий аспект свободы и говорим о стремлении к подчинению или к власти, возникают вопросы: что такое свобода в смысле человеческого переживания? Определяется ли свобода одним лишь отсутствием внешнего принуждения или она включает в себя некое присутствие чего-то, а если так, чего именно? Почему для одних свобода – это заветная цель, а для других – угроза? Существует ли стремление к подчинению? Анализ человеческих аспектов свободы и авторитаризма вынуждает нас рассмотреть ту роль, с которой играют психологические факторы в качестве активных сил процесса общественного развития, а это приводит к проблеме взаимодействия психологических, экономических и идеологических факторов. К примеру притягательность, которая имеет фашизм для целых наций, вынуждает нас признать роль психологических факторов. В течение последних веков человек был рациональным существом (по общепринятым мнениям), деятельность, которых должно было быть (по их утверждению) вызвана личными интересами и желаниями.

На те периоды истории оглядывались, как на потухший вулкан, давно уже неопасный. Все были уверены, что зловещие силы полностью уничтожены достижениями современных демократий; мир казался ярким и безопасным. Экономические кризисы считались случайностями хотя они повторялись регулярно. И когда фашизм пришел к власти ни кто не был готов ни теоретически, ни практически и никто не смог поверить в такую предрасположенность к злу. И тот благодушный оптимизм XIX века потревожили с очень разных сторон: Ницше и Маркс и позже Фрейд.» Но по мнению Фромма Фрейд и его ученики имели лишь очень наивное представление о процессах, производящих в обществе: большинство их попыток приложения психологии к социальным проблемам вело к ошибочным построениям. Тем не менее анализ Фромма основан на некоторых фундаментальных открытиях Фрейда – в частности, на роли подсознательных сил в человеческом характере и на зависимости этих сил от внешних воздействий. Фрейд формулировал так называемые основные инстинкты человека, и тем самым он совершал ошибку своих предшественников, что концепция человеческой природы является отражением тех важнейших стремлений, которые проявляются в современном человеке. Индивид его культура представляют и человека вообще, а страсти и тревоги, характерные для человека в нашем обществе, коренятся в биологической природе человека.

Индивид является нам с полным набором биологически обусловленных потребностей, которые должны быть удовлетворены, По Фромму ключевой проблемой психологии является особого рода связанность индивида с внешним миром, а не удовлетворение или фрустрация. **Прекрасные и самые уродливые наклонности человека не вытекают из фиксированной, биологически обусловленной человеческой природы, а возникают в результате социального процесса формирования личности.** Таким образом, общество осуществляет функцию подавления и созидания личности. Главная задача социальной психологии состоит в том, чтобы понять процесс формирования человека в ходе истории.

Социальная психология должна объяснить, почему возникают новые способности и новые страсти, хорошие и дурные люди создаются историей и история создается людьми - разрешение этого кажущегося противоречия и составляет задачу социальной психологии.

Фрейд представлял себе историю как результат действия внутриспсихических сил, не подверженных социальному влиянию. Он подчеркивает свое несогласие с теми теориями, которые отрицают роль человеческого фактора в динамике общественного развития.

Общей ошибкой всех этих теорий было убеждение, что у человеческой природы нет своей динамики.

Лишь динамическая психология может понять человеческий фактор. Фиксированный фактор «человеческой природы» не существует, но и нельзя ее рассматривать как нечто беспредельно пластичное. Фромм различает «статистическую» и «динамическую» адаптацию.

Динамическая адаптация – это приспособляемость я к неизбежной ситуации и во время принудительной адаптации с человеком что-то происходит – это подавленная враждебность и она становится динамическим фактором человеческого характера.

Любой невроз – это адаптация к таким условиям, которые является для индивида иррациональными. Те черты, которые проявляют чрезвычайную эластичность развиваются как реакции на определенные условия жизни. Гибкими они являются в том случае, когда индивиды развивают ту или иную склонность в

соответствии с обстановкой, в которой и приходится жить. Ни одна из таких склонностей не является изначально присущей человеку, т.е. человек развивает ту или иную склонность в зависимости от приобретенных потребностей. Но кроме приобретенных потребностей у него есть и физические потребности, объединившись эти потребности выступают как потребность самосохранения и властная потребность самосохранения вынуждает его принять условия, которыми является образ жизни общества где он живет (т.к. отдельный индивид не может изменить общество, он принимает его условия), а вне общества, одному ему не справиться с потребностью связи с окружающим миром, с потребностью избежать одиночества т.к. чувство полного одиночества ведет к психическому разрушению. Человек не может жить без какого-то сотрудничества с другими. Есть еще одна причина, которая становится для общности столь насущно необходимой: это субъективное самосознание. Если его жизнь не приобретает какого-то смысла и направленности, человек чувствует себя пылинкой и ощущение собственной ничтожности его подавляет. Он должен иметь возможность отнести себя к какой-то системе.

Резюмируя подход к проблемам социальной психологии: человеческая натура – это не сумма врожденных, биологически закрепленных побуждений, но и не безжизненный слепок с матрицы социальных условий, это продукт исторической эволюции в синтезе с определенными врожденными механизмами и законами. Натуре человека присущи некоторые неизменные факторы: необходимость удовлетворять физиологические потребности и необходимость избегать морального одиночества.

В процессе адаптации к этому образу жизни в индивиде развивается ряд мощных стимулов, мотивирующих его чувства и действия. Возникнув, эти стимулы требуют удовлетворения, стремление к удовлетворению этих потребностей воздействует на процесс общего развития. Человек должен суметь воссоединиться с миром в спонтанности любви и творческого труда или найти себе какую-то опору с помощью таких связей с этим миром, которые уничтожают его свободу и индивидуальность. Пока человек был неотъемлемой частью мира, пока не осознавал ни возможностей, ни последствий индивидуальных действий, ему не приходилось и бояться его. Но превратившись в индивида, он остается один на один с этим миром, ошеломляющим и грозным. Возникает стремление отказаться от своей индивидуальности, подобрать чувство одиночества и беспомощности, а для этого – слиться с окружающим миром. Подчинение – не единственный способ избавиться от одиночества и тревоги. Другой способ – единственный продуктивный, не приводящих к неразрешимым конфликтам – это путь спонтанных связей с людьми и природой, т.е. таких связей, которые соединяют человека с миром, не уничтожая его индивидуальности. Итак, растущая индивидуальность приводит либо к подчинению, либо к спонтанной активности.

По мнению Фромма процесс развития человеческой свободы имеет тот же диалектический характер, что и процесс индивидуального роста. С одной стороны это процесс развития человека, овладения природой, возрастания роли разума, укрепление человеческой солидарности. С другой стороны – усиление индивидуализации означает и усиление изоляции, неуверенности, а следовательно, становится все более сомнительным место человека в мире и смысл его жизни

Структура современного общества воздействует на человека одновременно в двух направлениях: он все более независим, уверен в себе, критичен, но и все более одинок, изолирован и запуган. Хотя человек избавился от многих старых врагов свободы. В то же время появились новые враги; причем этими врагами становятся не столько разного рода внешние

препоны, сколько внутренние факторы, блокирующие полную реализацию свободы личности. Мы гордимся тем, что в своем образе жизни человек теперь не зависит от внешних властей, уже не диктующих ему, что делать и чего не делать. Но не замечаем роли таких анонимных авторитетов, как общественное мнение и «здравый смысл», которые так сильны именно потому, что мы готовы вести себя в соответствии с ожиданиями остальных, что мы внутренние боимся как-то отличаться от них. Мы забываем. Что проблема свободы является не только количественной, но и качественной. Мышление Лютера и Кальвина – как и мышление Канта и Фрейда – основано на предположении, что эгоизм и любовь к себе – это понятия идентичные. Любить другого – добродетель, любить себя – грех; и вообще любовь к другим и любовь к себе друг друга исключают. Эгоизм – это не любовь к себе, а прямая ее противоположность. Он коренится именно в недостатке любви к себе. Фромм отмечает, что мы столкнулись с противоречием: современный человек полагает, что его поступки мотивируются его интересами, однако на самом деле его жизнь посвящена целям, которые нужны не ему, то есть в соответствии с убеждением Кальвина, что единственной целью человеческого существования должна быть слава господня, а отнюдь не человек.

Людьми управляют экономические кризисы, безработица, войны. Человек построил свой мир; он построил дома и заводы, производит автомашины и одежду, выращивает хлеб и плоды. Но он отчужден от продуктов своего труда, он больше не хозяин построенного им мира, наоборот, этот мир, созданный человеком, превратился в хозяина, перед которым человек склоняется, пытаясь его как-то умиловить или по возможности перехитрить. Чувства изоляции и беспомощности еще более усиливаются новым характером человеческих взаимоотношений. Конкретные связи одного индивида с другим утратили ясный человеческий смысл, приобрели характер манипуляций, где человек используется как средство. Не только экономические, но и личные отношения между людьми приобрели тот же характер отчуждения; вместо человеческих отношений они стали напоминать отношения вещей. Но, может быть, ни в чем этот дух отчуждения не проявился так сильно и разрушительно, как в отношении индивида к самому себе. Человек продает не только товары, он продает самого себя и ощущает себя товаром. И – как со всяким всяким другим товаром – рынок решает, сколько стоят те или иные человеческие качества, и даже определяет само их существование. Если качества, которые может предложить человек, не пользуются спросом, то у него нет вообще никаких качеств; точно так же товар, который нельзя продать, ничего не стоит, хотя и обладает потребительной стоимостью. Таким образом, уверенность в себе, «чувство собственного достоинства» превращаются лишь в отражение того, что думают о человеке другие. У него нет никакой уверенности в собственной ценности, не зависящей от его популярности и рыночного успеха. Если на него есть спрос, то он считает себя «кем-то»; если же он непопулярен, он и в собственных глазах попросту никто.

Как мы видим, новая свобода, которую принес индивиду капитализм, усугубила воздействие, уже оказанное религиозной свободой протестантизма. Индивид стал еще более одинок; стал инструментом в руках подавляюще превосходящих сил, внешних по отношению к нему; он стал «индивидом», но индивидом неуверенным и запуганным. Некоторые факторы помогали ему справиться с внешним проявлением его внутренней неуверенности. Прежде всего, его «я» могло опереться на обладание какой-то собственностью.

Другие факторы, на которые опиралось «я», - это престиж и власть.

Для тех, у кого не было ни собственности, ни социального престижа, источником личного престижа становилась семья. Там индивид мог ощутить, что он

«кто-то». Жена и дети ему подчинялись, он играл главную роль на домашней сцене и наивно воспринимал эту роль как свое естественное право. В социальном плане он мог быть никем, зато дома царствовал. Эти последние факторы на самом деле усиливали личность и вели к развитию индивидуальности, независимости и рациональности. «Поддерживающие» факторы лишь помогали компенсировать неуверенность и беспокойство; они не излечивали, а только залечивали эти недуги, маскировали их и тем самым помогали индивиду не испытывать свою ущербность. Однако чувство уверенности, основанное на поддерживающих факторах, всегда было лишь поверхностным и сохранялось, лишь пока и поскольку эти факторы продолжали существовать. Для Канта и Гегеля независимость и свобода индивида являются центральными постулатами их систем, однако они заставляют индивида подчиниться целям всемогущего государства. Философы периода Французской революции, а в XIX веке Фейербах, Маркс, Штирнер и Ницше снова бескомпромиссно выразили мысль, что индивид не должен быть подчинен никаким внешним целям, чуждым его собственному развитию и счастью. Однако в том же XIX и начало XX века показали наивысшее развитие свободы в ее предполагаемом позитивном смысле. Не только средний класс, но и рабочий класс превратился в независимого и активного представителя новой свободы, борясь за собственные цели и в то же время «за общие цели всего человечества». Одновременно чувства бессилия и одиночества усилились, «свобода» индивида от всех традиционных связей стала более явственной, его возможности личного экономического успеха сузились. Незначительность индивида в наше время относится не только к его роли в качестве предпринимателя, служащего или рабочего, но и к его роли в качестве потребителя. В последние десятилетия эта роль коренным образом изменилась. Клиент, приходящий в магазин, где хозяин отдельный, независимый торговец. Привлекает специальное внимание; его покупка важна для владельца магазина; покупателя принимают там, как значительную персону, его желания изучаются. Как индивид он ничего не значит для универсама, он важен лишь как статическая «единица». Это положение еще более усугубляется методами современной рекламы.

Широкий сектор современной рекламы работает совершенно иначе. Реклама апеллирует не к разуму, а к чувству; как любое гипнотическое внушение, она старается воздействовать на свои объекты эмоционально, чтобы заставить их подчиниться интеллектуально. В такой рекламе есть элемент мечты, воздушного замка, и за счет этого она приносит человеку определенное удовлетворение – точно так же, как и кино, - но в то же время усиливает его чувство незначительности и бессилия. Это вовсе не значит, что реклама и политическая пропаганда открыто признают незначительность индивида. Совсем наоборот: они льстят индивиду, придавая ему важность в собственных глазах, они делают вид, будто обращаются к его критическому суждению, его способности разобраться в чем угодно. Но это лишь способ усыпить подозрения индивида и помочь ему обмануть самого себя в отношении «независимости» его решений. Растущее бессилие индивида усиливается и другими факторами. Экономическая и политическая сцена расширилась и усложнилась; человеку все труднее разобраться в происходящем. Угрозы, с которыми он сталкивается. Тоже возросли. Всеобщее чувство неуверенности усилилось из-за хронической безработицы миллионов людей.

Безработица усилила и угрозу старости. На многих производствах нужны только молодые люди – пусть и неквалифицированные, – которых можно без труда превратить в деталь машины, приспособленную для выполнения определенной операции.

Неоглядность городов, в которых индивид теряется; задания, высокие, как горы; непрерывная акустическая бомбардировка радио; газетные заголовки,

сменяющиеся трижды в день и не дающие времени сообразить, что же на самом деле важно; ревью, в которых сотни девушек демонстрируют способность истребить свою индивидуальность и действовать с точностью механизма в огромной, слаженной машине; бьющие ритмы современной музыки – все это лишь отдельные черты того общего положения вещей, при котором индивид противостоит не зависящим от него огромным величинам, ощущая себя песчинкой в сравнении с ними. Все, что он может, - это «пойти в ногу», как марширующий солдат или рабочий у конвейерной ленты. Он может действовать, но чувство независимости и собственной значимости он потерял.

Положение, в котором находится индивид в наши дни, предсказывали уже дальновидные мыслители прошлого века. Кьеркегор описал беспомощного индивида, раздираемого мучительными сомнениями, подавленного чувствами одиночества и ничтожности. Ницше наглядно изобразил приближающийся нигилизм, воплотившийся в нацизме, и написал портрет «сверхчеловека» как отрицание потерянного и ничтожного человека, какого он видел в действительности. Тема бессилия человека нашла наиболее яркое выражение в творчестве Франца Кафки. В своем «Замке» он изображает человека, который хочет войти в контакт с таинственными обитателями замка; предполагается, что они подскажут ему, как жить, укажут его место в мире. Вся его жизнь состоит из отчаянных попыток встретиться с ними, но это ему так и не удается; и он остается один с чувством полнейшей безнадежности и пустоты.

Одиночество, страх и потерянности остаются; люди не могут терпеть их вечно. Они не могут без конца влачить бремя «свободы от»; если они не в состоянии перейти от свободы негативной к свободе позитивной, они стараются избавиться от свободы вообще. Главные пути, по которым происходит бегство от свободы, - это подчинение вождю, как в фашистских странах, и вынужденная конформизация, преобладающая в нашем авторитарном варианте имитации демократии.

Фромм исследует не невротические механизмы «бегства от свободы», представляющие узко клинический интерес, а социальные.

Авторитаризм.

В первую очередь мы займемся таким механизмом бегства от свободы, который состоит в тенденции отказаться от независимости своей личности, слить свое «Я» с кем-нибудь или с чем-нибудь внешним, чтобы таким образом обрести силу, недостающую самому индивиду. Другими словами, **индивид ищет новые, «вторичные» узы взамен утраченных первичных. Отчетливые формы этого механизма можно найти в стремлениях к подчинению и к господству или – если использовать другую формулировку – в мазохистских и садистских тенденциях, существующих и у невротиков, и у здоровых людей. Эти тенденции представляют собой бегство от невыносимого одиночества. Наиболее частные формы проявления мазохистских тенденций – это чувство собственной неполноценности, беспомощности, ничтожности.** Жизнь в целом они ощущают как нечто подавляющее сильное, непреодолимое и неуправляемое. В более тяжелых случаях, кроме тенденции к самоуничтожению и к подчинению внешним силам, проявляется еще и стремление нанести себе вред, причинить себе страдание. Кроме мазохистских тенденций, наблюдается и прямо противоположные наклонности – садистские. Фромм выделяет **3 типа садистских тенденций:**

1-й тип – стремление поставить других людей в зависимость от себя и приобрести полную и неограниченную власть над ними.

2-й тип – стремление эксплуатировать их, использовать и обкрадывать (так сказать, заглывать все, что есть в них съедобного).

3-й тип – стремление причинить другим людям страдания или видеть, как они страдают.

Садисту нужен принадлежащий ему человек, ибо его собственное ощущение силы основано только на том, что он является чьим-то владыкой. Например, садист совершенно очевидно «любит» тех, над кем ощущает власть. Существует явление, доказывающее, что страдание и слабость могут быть целью человеческих стремлений: это – мазохистское извращение. Здесь мы обнаруживаем, что люди вполне сознательно хотят страдать – тем или иным образом, - и наслаждаются своим страданием. В садистском извращении удовлетворение достигается с помощью соответствующих механизмов: через причинение другому человеку физической боли, унижение действием или словом. Мазохистские и садомазохистские стремления помогают индивиду избавиться от невыносимого чувства одиночества и бессилия. Все разнообразие формы мазохистских стремлений направлены к одному: избавиться от собственной личности, потерять себя; иными словами избавиться от бремени свободы. Мазохистские стремления вызваны желанием избавиться от собственного «я» со всеми его недостатками, конфликтами, риском, сомнениями и невыносимым одиночеством.

Невротическая и рациональная деятельность.

В рациональной деятельности – результат соответствует мотивировке; человек действует для того, чтобы добиться какого-то определенного результата. В невротической – стимулы, по существу негативны: человек действует, чтобы избавиться от невыносимой ситуации. **Основное различие между мазохистским извращением и моральным мазохизмом состоит в том, что при извращении стремление отказаться от себя проявляется через тело и связывается с половым чувством. При моральном мазохизме это стремление овладевает человеком целиком, так что может разрушить все цели, к которым его «я» сознательно стремился. Уничтожение собственного «я» и попытка за счет этого преодолеть невыносимое чувство бессилия – это только одна сторона мазохистских наклонностей. Другая – это попытка превратиться в часть большего и сильнее всего целого, попытка раствориться во внешней силе и стать ее частицей.** Мазохист избавлен от принятия решений. Все наблюдаемые формы садизма можно свести к одному основному стремлению: полностью овладеть другим человеком, превратить его в беспомощный объект своей воли, стать его абсолютным повелителем, его богом, делать с ним все, что угодно. Средства для этой цели – его унижение и порабощение. Сущность садизма составляет наслаждение своим полным господством над другим человеком (или иным живым существом) Психологически обе тенденции происходят от одной и той же основной причины – неспособности вынести изоляцию и слабость собственной личности. Можно назвать союз садизма и мазохизма – симбиозом. Симбиоз в психологическом смысле слова – это союз некоторой личности с другой личностью (или иной внешней силой), в котором каждая сторона теряет целостность своего «я», так что обе они становятся в полную зависимость друг от друга. С садизмом обычно связывают тенденции разрушительности и враждебности. Главная разница состоит в том, что при садизме эта враждебность обычно более осознается и прямо проявляется в действии, в то время как при мазохизме враждебность бывает по большей части неосознанной и проявляется лишь в косвенной форме.

Жажда власти является наиболее существенным проявлением садизма, Жажда власти коренится не в силе, а в слабости. Поскольку термин «садистско -

мазохистский» ассоциируется с извращениями и с невротами, Фромм предпочитает говорить **не о садистско - мазохистском, а об «авторитарном» характере**, особенно когда речь идет не о невротиках, а о нормальных людях. Этот термин вполне оправдан, потому что садистско - мазохистская личность всегда характеризуется особым отношением к власти.

Власть – это не качество, которое человек «имеет», как имеет какую-либо собственность или физическое качество. Власть является результатом межличностных взаимоотношений, при которых один человек смотрит на другого, как на высшего по отношению к себе. Но существует принципиальная разница между теми отношениями «высших» и «низших», которые можно определить как рациональный авторитет, и теми отношениями, которые можно назвать подавляющей властью.

Наиболее специфической чертой авторитарного характера является отношение к власти и силе. **Авторитарный характер любит условия, ограничивающие свободу человека, он с удовольствием подчиняется судьбе.** Общая черта всего размышлений Фромма состоит в убеждении, что жизнь определяется силами, лежащими вне человека, вне его интересов и желаний. Единственно возможное счастье состоит в подчинении этим силам. Садистско - мазохистские стремления необходимо отличать от разрушительности, хотя они по большей части бывают взаимосвязаны. Разрушительность отличается уже тем, что ее целью является не активный или пассивный симбиоз, а уничтожение, устранение объекта. Но корни у него те же: бессилие и изоляция индивида.

Разрушительность.

Я могу избавиться от чувства собственного бессилия по сравнению с окружающим миром, разрушая этот мир. Разрушить мир – это последняя, отчаянная попытка не дать этому миру разрушить меня. Целью садизма является поглощение объекта, целью разрушительности – его устранение. Садизм стремится усилить одинокого индивида за счет его господства на другими, разрушительность – за счет ликвидации любой угрозы.

Стремление к жизни и тяга к разрушению не являются взаимно независимыми факторами, а связаны обратной зависимостью. Чем больше проявляется стремление к жизни, чем полнее жизнь реализуется, тем слабее разрушительные тенденции: чем больше стремление к жизни подавляется, тем сильнее тяга к разрушению.

Разрушительность – это результат непрожитой жизни. Источники разрушительности в этом социальном слое легко определить: это все та же изоляция индивида, все то же подавление индивидуальной экспансивности, о которых уже говорилось и которые в низах среднего класса гораздо ощутимее чем в выше – или нижеследующих классах общества.

Автоматизирующий конформизм.

С помощью рассмотренных механизмов «бегства» индивид преодолевает чувство своей ничтожности по сравнению с подавляюще мощным внешним миром, или за счет отказа от собственной целостности, или за счет разрушения других, для того чтобы мир перестал ему угрожать.

Мы рассмотрим ещё один механизм, который является спасительным решением для большинства нормальных индивидов в современном обществе. **Индивид перестает быть собой, он полностью усваивает тип личности,**

предлагаемый ему общепринятым шаблоном, и становится точно таким же, как все остальные, и таким, каким они хотят его видеть. И так «нормальный» способ преодоления одиночества в нашем обществе состоит в превращении в автомат. У нас могут быть мысли, чувства, желания и даже ощущения, которые мы субъективно воспринимаем как наши собственные, хотя на самом деле это не так. Мы действительно испытываем эти чувства, ощущения и т.д., но они навязаны нам со стороны, по существу, нам чужды и могут не иметь ничего общего с тем, что мы думаем и чувствуем на самом деле. Рационализирующие мысли изобретены для того, чтобы оправдать уже существующее чувство.

Псевдомышление известно лучше, чем аналогичные явления в сфере желаний и чувств. Поэтому надо разобраться в различии между истинным мышлением и псевдомышлением. Псевдомышление может быть вполне логичным и рациональным; его псевдохарактер не обязательно должен проявляться в каких-либо аналогичных элементах. Это можно заметить изучая рационализации, которые имеют целью объяснить некое действие или чувство разумными и объективными основаниями, хотя на самом деле оно определяется иррациональными и субъективными факторами. Рационализация разумна и логична; в этом случае ее иррациональность заключается только в том, что она не является подлинным мотивом действия, а лишь выдает себя за такой мотив.

Рационализация – это не инструмент для проникновения в суть явлений, а попытка задним числом увязать свои собственные желания с уже существующими явлениями. Также, надо различать подлинное чувство, возникающее внутри нас, и псевдочувство, в действительности не наши, хотя мы и не отдаем себе в этом отчета.

Наблюдая, как люди принимают решения, приходится поражаться тому, насколько они ошибаются, принимая за свое собственное решение результат подчинения обычаям, условностям, чувству долга или не прикрытому давлению. Всякое подавление уничтожает какую-то часть подлинной личности и вызывает подмену подавленного чувства псевдочувством.

Замещение, подмена подлинных чувств мышления, чувство и желание в конечном счете ведет к подмене подлинной личности псевдоличностью. Подлинное «я» является создателем своих психических проявлений. Псевдо-«я» лишь исполняет роль, предписанную ему со стороны, но делает это от своего имени.

Роботизация индивида в современном обществе усугубило беспомощность среднего человека. Поэтому он готов подчиниться новой власти, предлагающей ему уверенность и избавление от сомнений.

Таким образом, как считает Э. Фромм, социальная практика и идеология нацизма, в основе которой лежит принцип жесткой иерархии и контроля удовлетворила психологические запросы одной части населения, легализовала мазохистские и садистские тенденции личности и задала соответствующую ориентацию остальным, сформировала черты характера, который Э. Фромм называет авторитарным:

1. Для авторитарного характера существует два пола: имеющий власть и лишенный власти, а в результате сила власти вызывает в нем восхищение, а слабость- презрение.

2. Авторитарному характеру свойственен постоянный бунт по отношению к власти, но направляется этот бунт против слабой власти и согласный на безусловное признание более сильной власти над собой.

3. Чертами авторитарного характера является эмоциональность - отказ от рационализма и связанная с ним готовность признать зависимость от какой-либо высшей силы, которая может выступать в образе бога, судьбы или воли вождя.

4. Чертой авторитарного характера является радикальный отказ от концепции равенства. В понимании авторитарного характера мир состоит из людей, обладающих силой и лишенных ее. Исходя из садомазохистских стремлений он признает только господство или подчинение, но никогда - солидарность.

Для низов среднего класса, ставших ядром нацистского движения, наиболее характерен именно авторитарный механизм.

- 5 -

Актуальным для нашей страны сегодня является анализ формирования тоталитарной личности в нацистской Германии. Постановка и изучение проблемы психологического объяснения становления тоталитарных режимов, причин прихода к власти тоталитарных лидеров связано с проведением исследований по психологии нацизма. Германия периода 20-х- 40-х гг. является одной из популярных среди американских психоисториков эпох. (В.Лэнгер, Г.Бичевский, П.Левенберг, Р.Бинион, П.Вэйт, Г.Гилберт). Вопрос о психологических предпосылках нацистского режима в Германии рассматривался в двух направлениях:

1. Причиной установления тоталитарного режима является уникальность и сила воздействия тоталитарного лидера на массы, вызванная психологическими особенностями лидера, его “харизмой”. Так, уже в годы второй мировой войны группа американских психологов под руководством В.Лэнгера по заказу Управления стратегических служб США проводит психоаналитическое исследование личности Гитлера, основанное на изучении множества документальных свидетельств о жизни и деятельности Гитлера

2. Определенные психологические тенденции в массовой психологии людей, живших в Германии в 20-е годы создали своего рода психологическую потребность в сильной политической власти, в тоталитарной идеологии, в тоталитарном вожде, что предопределило появление лидера типа Гитлера и его популярность. Уже в первых исследованиях, посвященных психологическому объяснению прихода к власти Гитлера, причин его популярности признается необходимость изучения психологических характеристик населения Германии, психологического анализа нацистской идеологии, социально-психологического анализа ситуаций общений “вождя” с массами (Ф.Нойман, Ф.Шуман, Г.Гилберт, Г.Бичевский). Например, в статье Э.Эриксона “Образ Гитлера и германский народ”, опубликованной в 1942 г. помимо психоаналитического описания личности Гитлера анализируются особенности психологического воздействия фюрера на массы, исследуется его влияние на различные социальные группы. Изучив материалы выступления Гитлера, а также, психологические характеристики его аудитории, Э.Эриксон выделяет четыре группы населения, испытавших идеологическое влияние Гитлера:

- молодые преступники- рецидивисты, не слишком многочисленные, они были заместителями нацистских лидеров, они жили и умирали за порядок, который легализовал их тип и способствовал их процветанию;
- толпы, подчас хороших и дружелюбных немцев, в которых никто не заподозрил бы отравляющий комплекс подавленного юношеского бунта: Гитлер освободил их;
- массы ни хороших, ни плохих людей, которые хотели хлеба и зрелищ, слепо верили в догмат подчинения. Когда этот мир потерпел поражение (имеется ввиду поражение Германии в Первой мировой войне, и поражение социалистической революции 1918 - 1919 гг.), их революционная энергия была парализована, они не могли убивать аристократов, Гитлер дал им взамен евреев (имеется ввиду направленность агрессии в сторону от истинного источника фрустрации, как правило в таких случаях массовая агрессия направляется политическими силами на группы населения, имеющие отличия от основной массы населения, например, этническое меньшинство);
- маленькая, но влиятельная группа, система ценностей членов которой протестует против нацистского спектакля. Однако ее представители не осмеливаются поднять руку на лидера, отождествляемого с образом немецкого барона (поскольку Гитлер активно эксплуатировал образцы “настоящего арийского поведения”), - идеала их юношеских мечтаний.

Наиболее эффективным для решения вопроса о психологических истоках тоталитаризма оказался поколенческий подход, реализованный в исследованиях П.Левенберга, Г.Дикса, П.Меркли, которые изучали поколение немцев 1900-1905 гг. рождения, принявших активное участие в национал-социалистическом движении в Германии начиная с 20-х годов. Впервые поколенческий подход к анализу исторической реальности был сформулирован в статье немецкого социолога К.Маннгейма в 1928 г. По мнению Маннгейма для понимания исторических событий необходимо исследование возрастной специфики поколения, активно участвующего в историческом событии. Поколение - возрастная группа людей, формирование характера которых происходит под влиянием определённых исторических событий, экономических и культурных условий, что определяет общность и сходство некоторых личностных характеристик в результате сходного для представителей данной возрастной когорты социального опыта.

Описание исторических особенностей социализации поколения, изучение психологических характеристик принадлежащих к определенному поколению людей, объяснение личностных свойств представителей поколения общей для них “технологией” социализации, сходным социальным опытом - все эти исследовательские операции являются необходимыми для осуществления поколенческого подхода. Идея З.Фрейда о поиске историко - психологических корней и причин массовых социальных движений в исследовании психологических эффектов исторических событий в жизни данного народа получает продолжение в психоисторических исследованиях проблемы становления тоталитарных режимов, прежде всего - в исследованиях по психологии нацизма. Эта проблематика является одной из популярных в психоистории - многие авторитетнейшие в этой области ученые (Э.Эриксон, В.Лэнгер, Г.Бичевский, П.Левенберг, Р.Бинион, П.Вэйт, Г.Гилберт) начинали свои исследования с интереса к этой теме.

Предположение о том, что исторические события могут иметь травматические последствия для современников и потомков впервые высказано

З.Фрейдом в работе “Моисей и монотеизм”. **Идея выявления неблагоприятных психологических последствий исторических событий является одной из основных в исследованиях американских психоисториков.** Еще в 1957 году один из основателей этого направления В.Лэнгер призвал изучать проблему, когда существенные изменения в психологии общества и культуры могут быть усмотрены, хотя бы частично, в некоторых серьезных ранах, от которых страдает все общество. Например, известный психоисторик П.Левенберг обнаруживает своеобразный историко-психологический эффект первой мировой войны, повлиявшей на психологию немцев военного и послевоенного поколений. В работе “Психоисторические корни нацистского молодежного движения” для понимания психологической специфики поколения немцев - ровесников 20 века, их социального поведения в 20-30-е гг., активное участие в нацистском движении исследуются переживания детства, формирование характера представителей этой группы, влияние исторических событий (первая мировая война, революция 1918-19 гг. в Германии), экономических условий (голод) на их психическое развитие. В результате комплексного изучения медицинских и исторических источников, социологических материалов и художественной литературы, дневников и автобиографий представителей поколения П.Левенберг приходит к следующим выводам: первая мировая война, послевоенные испытания этого поколения оказали решающее травматическое влияние на формирование личности молодых немцев (например, большинство из них росло в неполных семьях), способствовало формированию у будущих “наци” таких психологических качеств, как слабая индивидуальность, повышенная агрессивность, гневливость, что, в конечном счете, обусловило подчинение тоталитарному лидеру. **На основании психоисторического анализа дневников идеолога нацистского движения Г.Гимлера П.Левенберг составляет “каталог психических отклонений”, свойственных исследуемому поколению:**

- **кризис идентичности;**
- **потребность в идентификации с отцом, доходящая до навязчивых состояний;**
- **расстройство временной перспективы;**
- **отождествление мужской силы с военными занятиями;**
- **комплекс псевдомужской роли, характеризующий отношение к женщинам с позиции ненормального аскетизма и повышенного сексуального контроля над собой, выработка чувств превосходства над ними.**

Как мы уже говорили, теоретическим результатом исследований, посвященных психологии нацизма, является разработка американскими учеными концепции авторитарной личности и авторитарного характера, объясняющих индивидуальное и групповое поведение в условиях тоталитарного режима (Э.Фромм, Т.Адорно, Г.Дикс, Ю.Литвин, Е.Шилз и др.). В дальнейшем вклад в развитие концепции авторитарного характера вносят в исследования Г.Дикса, Е.Шилза, Г.Маркузе, М.Рокича, Ю.Литвина, которые доказали справедливость тезиса о том, что **авторитарная личность является психологической базой деструктивных социально-политических движений, прежде всего - тоталитарного режима. Авторитарный характер определяется одновременным присутствием садистских и мазохистских влечений. Садизм – это стремление к неограниченной власти над другими, более или менее связанное с разрушительными тенденциями. Мазохизм определяется как стремление раствориться в подавляющей силе, приобщившись тем самым к ее мощи и**

славе. И садистские, и мазохистские тенденции вызываются неспособностью индивида к самостоятельному существованию, его потребностью в симбиотической связи для преодоления одиночества.

Нацизм – это экономическая и политическая проблема, но без учета психологических факторов невозможно понять, каким образом он приобрел власть над целым народом. Факторы, поддерживающие экономическое положение низших слоев старого среднего класса – мелких предпринимателей и ремесленников. Авторитет монархии был непререкаем; опираясь на нее и отождествляя себя с нею, представитель низов среднего класса приобретал чувство уверенности и нарциссической гордости. Столь же прочно держался еще авторитет религии и традиционной морали. Индивид ощущал свою принадлежность к устойчивой общественной и культурной системе, где у него было собственное место. Короче говоря, его экономическое положение было еще достаточно прочным, чтобы дать ему чувство довольства собой. В период 1924-28 гг. экономическое развитие принесло низам среднего класса новые надежды (после 1923 года), но депрессия, начавшаяся в 1929 году, ничего от них не оставила. Средний класс оказался самым беззащитным.

Но кроме этих экономических причин, были еще и психические, усугубившие положение. Первая из них – поражение в войне и падение монархии. Инфляция тоже нанесла смертельный удар принципу бережливости и престижу государства. В довершение всех бед пошатнулся и последний оплот уверенности среднего класса – семья; крушение прежних символов власти и авторитета – монархии и государства – отразилось и на личных символах авторитета, т.е. на родителях. Когда называют причины возникновения фашизма в Германии, почему-то умалчивается еще один очень важный исторический факт: **нацистской идеологии во многом предшествовало антисемитское учение лютеранской церкви Германии.** Да, именно церковь способствовала возникновению благоприятной почвы для фашизма. Одна из старейших церквей протестантского мира допустила в своём учении роковую ошибку и позволила ненависти к еврейскому народу проникнуть в её учение. Это дало возможность духу антисемитизма и расизма распространиться по всей стране. Уже потом большинство верующих признает свою ошибку, покается, но будет поздно... Церковь, которая, по словам апостола Павла, является «столпом и утверждением истины», станет совмещать несовместимое – крест и свастику, учение Христа и человеконенавистничество.

Чувство тревоги, бессилия и социальной изоляции, которыми был охвачен прежний средний класс, и вытекающие из них разрушительные тенденции – один из психологических источников нацизма.

Итак, определение социально-экономического изменения (особенно упадок среднего класса и возрастание роли монополистического капитала) произвели глубокое психологическое воздействие. Нацизм психологически возродил нижние слои среднего класса и в то же время способствовал разрушению их прежних социально-экономических позиций. Нацизм мобилизовал эмоциональную энергию этих слоев и превратил ее в мощную силу, борющуюся за экономические и политические цели германского империализма.

Личность Адольфа Гитлера, его учение и вся национал-социалистская система являются крайними проявлениями того типа характера, который мы назвали «авторитарным». Именно поэтому А. Гитлер привлекает ту часть населения, которая обладает подобным складом характера. В «Майн Кампф» А. Гитлер неоднократно демонстрирует свое садистское стремление к власти. Вот что он

пишет об удовлетворении, которое доставляет массам господство: «Чего они хотят – это победа сильного и уничтожение или безоговорочная капитуляция слабого». Доктор Йозеф Геббельс оценивает массы в том же духе: «Люди хотят только одного: чтобы ими прилично управляли». Массы для него «не больше, чем камень для скульптора...». Национал-социалистскими вождями движет стремление к власти над массами. А. Гитлер пытается рационализировать и оправдать свою жажду власти. Примером рационализации первого типа может служить следующий абзац из «Майн Кампф»: «Если бы в своем историческом развитии немецкий народ обладал тем же единством, какое выпало на долю других народов, то Германская империя, наверно, была бы сегодня владычицей всего мира». Уверения А. Гитлера, что его целью является не только благополучие Германии, что его достижения служат внешним интересам цивилизации вообще, стали хорошо известны. Вторая рационализация – что его стремление к власти обусловлено законами природы – это больше, чем только рационализация; в ней обнаруживается стремление к подчинению высшей внешней силе. Третья рационализация его садизма – будто бы он защищается от нападения других (многokrатно встречается в писаниях А. Гитлера). Любовь к сильным и ненависть к слабым, столь типичное для садомазохистской личности, объясняет множество политических актов А. Гитлера и его сторонников. В гитлеровской идеологии есть и мазохистская сторона, т.е. должно присутствовать и стремление подчиниться подавляющей силе, уничтожить свое «я», и это стремление мы действительно обнаруживаем. Высшие силы, перед которыми он склоняется, – это Бог, Судьба, Необходимость, Истерия и Природа. В действительности все эти слова означают для него одно и то же: символ подавляющей силы. Сила, производящая на А. Гитлера, вероятно даже большее впечатление, чем Бог, Провидение и Судьба – это Природа. А. Гитлер настаивает на том, что можно и должно управлять людьми, но Природой управлять нельзя. «Природа – это великая сила, которой мы должны подчиниться, а вот над живыми существами должны господствовать».

Две тенденции в писаниях А. Гитлера, как основные стремления авторитарной личности; жажда власти над людьми и потребность в подчинении подавляющей внешней силе.

Одиночество и бессилие индивида, его стремление реализовать возникшие в нем возможности, объективный факт возрастания производственной мощи современной промышленности – все это динамические факторы, составляющие основу растущего стремления к свободе и счастью. Бегство в симбиотическую зависимость может на какое-то время приглушить страдание, но не может его устранить. История человечества – это история растущей индивидуализации и вместе с тем история растущей свободы. Стремление к свободе является неизбежным результатом процессов индивидуализации и развития культуры. Авторитарные системы не могут ликвидировать основные условия, порождающие стремление к свободе; точно так же они не могут искоренить и стремление к свободе, вытекающее из этих условий.

В нашем обществе мы сталкиваемся с тем же явлением, которое повсюду питает корни фашизма: с ничтожностью и бессилием индивида. Мы гордимся тем, что нас не гнетет никакая внешняя власть, что мы свободны выражать свои мысли и чувства, и уверены, что эта свобода почти автоматически обеспечивает нам проявление индивидуальности. Но право выражать свои мысли имеет смысл только в том случае, если мы способны иметь собственные мысли. Подавление спонтанных чувств, а следовательно и подлинной индивидуальности, начинается очень рано (по существу, с самого начала воспитания ребенка). Одни из самых подавляемых чувств – чувства враждебности и неприязни. Подавление эмоций. Нет никакого сомнения в том, что творческое мышление – как и любое другое творчество – неразрывно

связано с эмоцией. Однако в наши дни идеал состоит как раз в том, чтобы жить и мыслить без эмоций. Вместе с тем, поскольку эмоции нельзя подавить до конца, они существуют в полном отрыве от интеллектуальной стороны личности (результат – дешевая сентиментальность, которой кормятся миллионы изголодавшихся по чувствам потребителей у кино и у популярной музыки). Есть одна запретная эмоция – это чувство трагедии. Осознание смерти и трагической стороны жизни – будь оно ясным или смутным – является одним из основных свойств человека. Каждая культура справляется с проблемой смерти по-своему. Например, христианство сделало смерть нереальной и пытается утешить несчастного индивида обещанием жизни после смерти. Страх смерти живет в нас, живет вопреки попыткам отрицать его, но подавление приводит к его стерилизации. Такому же искажению, как чувство и эмоции, подвергается и оригинальное мышление. Один способ подавления самостоятельного мышления – это настойчивое требование от учащихся знать факты, а точнее информацию. Другой способ подавления самостоятельного мышления состоит в том, что всякая истина считается относительной.

Современный человек живет в состоянии иллюзии, будто он знает, чего хочет; тогда как на самом деле, он хочет того, чего должен хотеть в соответствии с общепринятым шаблоном.

Мы превратились в роботов, но живем под влиянием иллюзии, будто мы самостоятельные индивиды. Индивид живет в мире, с которым потерял все подлинные связи, в котором все и вся инструментализированы; и сам он стал частью машины, созданной его собственными руками. Он знает, каких мыслей, каких чувств, каких желаний ждут от него окружающие, и мыслит, и чувствует и желает в соответствии с этими ожиданиями, утрачивая при этом свое «я». Такая потеря собственной сущности превращает конформизацию (вследствие конформизма индивид превращается в робота, теряет себя, но при этом убежден, что он свободен и подвластен лишь собственной воле) в императив: человек может быть уверен в себе лишь в том случае, если живет в соответствии с ожиданиями других. Отчаяние людей-роботов – питательная среда для политических целей фашизма.

Один аспект свободы: бессилие и неуверенность изолированного индивида, который освободился от всех уз, некогда придававших жизни смысл и устойчивость. Беспомощность и сомнения парализуют жизнь, и чтобы жить, человек старается избавиться от своей негативной свободы. Бегство от свободы не восстанавливает его утраченной уверенности, а лишь помогает ему забыть, что он отдельное существо.

Реализация своего «я» достигается не только усилиями мышления, но и путем активного проявления всех его эмоциональных возможностей. Эти возможности есть в каждом человеке, но они становятся реальными лишь в той мере, в какой они проявляются. **Иными словами, позитивная свобода состоит в спонтанной активности всей целостной личности человека.**

Спонтанная активность – это не вынужденная активность, навязанная индивиду его изоляцией и бессилием; это не активность робота, обусловленное некритическим восприятием шаблона, внушаемого извне.

Спонтанная активность – это свободная деятельность личности. Спонтанная активность возможна лишь в том случае, если человек не подавляет существующую часть своей личности, если разные сферы его жизни слились в единое целое.

Негативная свобода превращает индивида в изолированное существо – слабое и запуганное, - чье отношение к миру определяется отчужденностью и недоверием. Спонтанная активность – это единственный способ, которым человек может преодолеть страх одиночества, не отказываясь от полноты своего «я», ибо спонтанная реализация его сущности снова объединяет его с миром – с людьми, с природой и самим собой. При всякой спонтанной деятельности индивид сливается с миром.

Подлинный идеал – это любая цель, достижение которой способствует развитию, свободе и счастью личности. Те вынужденные и иррациональные цели, достижения которых может иметь субъективную привлекательность (например, стремление к подчинению), но вредно для жизни – это идеалы ложные. Из этого следует, что подлинный идеал - это отчетливое выражение полнейшего утверждения его собственной личности.

Рациональная власть - авторитет, - как и подлинный идеал, имеет своей целью развитие индивида; поэтому она в принципе не может быть в конфликте с индивидом, его подлинными – не патологическими - стремлениями.

Таким образом, для современного человека свобода имеет двоякий смысл: он освободился от прежней власти и превратился в «индивида», но в тоже время стал изолирован и бессилён, стал орудием внешних целей, отчужденный от себя самого и других людей. Такое состояние подрывает человеческую личность, ослабляет и запугивает человека, подготавливает его к подчинению, новому рабству.

Позитивная же свобода означает полную реализацию способностей индивида, дает возможность жить активно и спонтанно. Свобода может победить лишь в том случае, если демократия разовьется в общество, в котором индивид, его развитие и счастье станут целью и смыслом.

Для реализации позитивной свободы и индивидуализма необходимы такие экономические и социальные перемены, которые позволяют индивиду стать свободным в смысле реализации его личности.

Демократия – это система, создающая экономические, политические и культурные условия для полного развития индивида.

Фашизм – это система, заставляющая индивида подчиняться внешним целям и ослабляющая развитие его подлинной индивидуальности.

Одна из величайших трудностей для организации условий подлинной демократии состоит в противоречии между плановой экономикой и активным сотрудничеством каждого индивида.

Если планирование сверху не будет сочетаться с активным участием снизу, если поток общественной жизни не будет постоянно восходить снизу вверх, плановая экономика приведет к новой форме манипулирования народом. Решение проблемы сочетания централизации и децентрализации – одна из главных задач, стоящих перед обществом. Победа над авторитарными системами всех видов станет возможна лишь в том случае, если демократия будет не отступать, а наступать, осуществляя те цели, к которым стремились борцы за свободу в течение последних столетий.

Демократия победит силы нигилизма лишь в том случае, если сможет вдохнуть в людей самую сильную веру, на какую способен человек, - веру в жизнь, правду и свободу – в свободу активной и спонтанной реализации человеческой личности.

Идеи Фромма о социальном формировании тоталитарной личности дополняются выдающимся ученым К. Юнгом, создателем аналитической психологии, выдвинувшем идею «коллективного бессознательного». В человеческом обществе на бессознательном уровне исторически закрепляются определенные стереотипы представлений, которые Юнг назвал архетипами. В этом плане архетипически закрепленные жесткие взаимоотношения «вождя и его племени», строгая иерархия подчинения вождю и подавления личности членов племени может актуализироваться в любом цивилизованном обществе при наступлении тоталитаризма или авторитаризма. Но, к сожалению, самому Юнгу, выдающемуся интеллектуалу и ученому, до определенного времени убежденно отстаивающего свои взгляды в психологии довелось на себе испытать именно социальное влияние германского фашизма. Этот печальный и малоизвестный пример из жизни Юнга мы приведем, так как он весьма поучителен.

После прихода Гитлера к власти Юнг сделал уступки нацистской расовой философии, что подтверждает, что ему не хватало бескомпромиссной нравственной твердости Фрейда и его научной объективности. В 1933г. д-ром Герингом, родственником нацистского лидера Германии Геринга, было основано Новое германское психотерапевтическое общество. В том же году президент общества профессор Кречмер подал в отставку. Место его вместе с должностью главного редактора «Центрального психотерапевтического журнала», занял Юнг. И общество, и журнал официально признали нацистское мировоззрение. Геринг без обиняков заявил об этом в первом номере реорганизованного журнала: «Общество имеет своей задачей объединение всех германских медиков под эгидой национал-социалистского руководства... в особенности тех медиков, которые пожелают развивать психиатрию на основе принципов мировоззрения национал-социализма». Юнг написал краткое вступление к этому номеру, где он – в ряду других двусмысленных политических сентенций – утверждает: «Если мы не будем больше замазывать реальные и хорошо известные различия между германской и европейской психологией, это только послужит на пользу науке» В следующем номере этого же журнала в путаной статье «Нынешняя ситуация в психотерапии» Юнг обрушивается на взгляды Фрейда относительно детских истоков неврозов. В этой же статье Юнг нападает и на «еврейскую теорию» Адлера о влечении к власти и базовой мотивационной силе. Сравнивая собственную идею о первенстве творческого аспекта бессознательного содержания с гедонистическими взглядами Фрейда (принцип удовольствия), он обвиняет Фрейда и Адлера в том, что те видят лишь теневые стороны человеческой натуры. Он приписал популярность среди врачей лечебного метода Фрейда тому, что психоаналитик недооценивает личность пациента и, таким образом, «бьет пациента в самое больное место и быстро и дешево добивается превосходства... Но есть люди действительно порядочные, не обманщики, не склонные пользоваться идеалами и ценностями других для приукрашивания собственной неполноценной личности. Лечить таких людей редукативным методом (слово «редуктивный» относится к генетическим теориям Фрейда, согласно которым более поздние, «высшие» стремления человека развиваются из ранних, более примитивных и изначально асоциальных влечений), приписывая им какие-то скрытые мотивы, подозревать наличие за их природной чистотой какой-то грязи не только греховно и глупо, но и преступно».

То, что Юнг, человек далеко не глупый, позволил себе столь демагогическую фальсификацию взглядов Фрейда, можно объяснить только как попытку оправдать наукообразным языком нацистские взгляды о низком уровне мышления евреев.

Юнг пишет: «Евреям свойственна одна черта, характерная для женского мышления, - как физически более слабые, они находят наиболее уязвимое место в

защите оппонента и целятся именно в него. Благодаря этой технике, выработанной в течении столетий, евреи лучше защищены там, где другие беззащитны... Благодаря своей древней культуре они способны совершенно сознательно и в окружении даже вполне дружеском и терпимом потворствовать своим порокам, в то время как мы еще слишком молодая культура, что бы не иметь «иллюзий» о себе... Еврей, культурный кочевник, так и не создал своего собственного культурного стиля и, возможно. Никогда не создаст, ибо все его инстинкты и таланты зависят от уровня цивилизации нации, приютившей его. Арийское бессознательное содержание имеет более высокий потенциал, нежели еврейское; это и преимущество и недостаток молодости, которая пока еще ближе к варварству». Юнг считает арийскую душу более варварской, но и более творческой. «неосознаваемое у арийца содержит напряжения и творческие элементы, которые смогут быть реализованы в будущем. Весьма опасно и непозволительно обесценивать эти творческие силы, считая их детским романтизмом... По моему мнению, нынешняя медицинская психология делает ошибку, невольно применяя еврейские категории, которые, кстати, применимы не ко всем евреям, к германским народам и христианским славянам. Самый ценный секрет германской личности - ее творческая душа, полная интуиции, - был объявлен банальным детским лепетом. В то же время мой предостерегающий голос подозревают в антисемитизме. Это подозрение началось с Фрейда. Он знал о германской душе так же мало, как и его германские обожатели. Научились ли они чему-нибудь с появлением на мировой сцене национал-социализма, на который весь мир смотрит удивленными глазами: где же были тот порыв и стремительная наступательная сила до того как родился национал-социализм? Они были спрятаны в немецкой душе, в самых ее глубинах. И душа эта есть что угодно, только неместилище детских желаний или нерешенных семейных конфликтов. Движение захватившее всю нацию целиком, должно было возрасти в каждом человеке».

Эрнест Хармс в своей статье «Карл Густав Юнг – защитник Фрейда и евреев» делает тщательную, но совершенно неубедительную попытку оправдать деятельность Юнга в этот период. Его главный довод сводится к тому, что Юнг не был антисемитом и что он попытался защитить Фрейда и других еврейских психиатров теми методами, какие были возможны в те дни. Однако Хармсу не удалось развеять впечатление, что Юнг увидел в национал-социализме возможность отомстить Фрейду и ликвидировать фрейдовский психоанализ в Германии, объявив его неприемлемым для германской личности. Юнг называет психоанализ «бездушным материалистическим движением», продуктом нетворческой расы, которая не может охватить созидательную интуитивную германскую гениальность. Юнг не был гражданином Германии, и формально у него не было повода для того, чтобы стать лидером германской психиатрии нового типа и главным редактором журнала, который открыто и официально подписался под философией национал-социализма. Принимая руководство этим новым психиатрическим движением, имевшим четко выраженную направленность, Юнг, фактически, стал главой психиатрии в Центральной Европе. Его действиями руководили не антисемитизм или истинная убежденность в принципах национал-социализма. В письме коллеге, на которое ссылается Хармс, Юнг пытается развеять слух о своем антисемитизме. Он заканчивает письмо следующей саморазоблачительной фразой: «А теперь еще люди придумали, что я страдаю отсутствием всяких принципов, не являясь ни антисемитом, ни нацистом». Это именно то, что Юнг продемонстрировал в остальной части своего письма. Неизбежно встает вопрос: что же двигало Юнгом, когда он заявил, что психология Фрейда, та самая психология, в которую он внес немалую лепту и которую он превозносил и защищал в прежние годы, не годится для неевреев? И что заставило его играть лидирующую роль в новом расистском психологическом движении? Поскольку это, по-видимому, не расовые предрассудки

и не нацистские убеждения, то, что же? Трудно уклониться от догадки, что это был чистый оппортунизм. Фрейд подозревал, что Юнг, чтобы добиться признания, не брезговал тем, чтобы позволить своим взглядам следовать за общественным мнением. Эту точку зрения подтверждают вся деятельность Юнга и его труды, созданные им в гитлеровскую эпоху. (Цитируется по книге Ф. Александр, Ш. Селесник «Человек и его душа», М., 1995).

И тот же К.Г. Юнг, как в довоенный период, так и послевоенный, становится автором оригинальной концепции, объясняющей приход Гитлера к власти, как массовую психическую эпидемию. Историко-психологическая концепция К.Юнга содержится в его работах: “Подход к бессознательному”(1961), “Об архетипах коллективного бессознательного”(1934), “Психология и религия”(1938), “Проблема души современного человека”(1928), “Современный миф” (1958), “Вотан”(1936), “Эпилог”(1946), “О становлении личности” (1934). Исторические события, исторические изменения толкуются К.Г.Юнгом как психологическая ситуация, сложившаяся в результате активности сферы бессознательного. В основе концепции находятся оригинальные представления о характере психического бессознательного, о его интенсивности, одержимости, автономности и преемственности. Концепция о содержании и роли коллективного бессознательного как фактора исторического процесса основана на следующих теоретических положениях:

1) **К.Г.Юнг рассматривает сферу бессознательного как мощную детерминанту сознания, поведения и всей жизнедеятельности человека, как ” условие, выходящее за пределы досягаемости, не поддающееся его воздействию”.** К.Г.Юнг убежден, что человек зависим, что им управляет нечто, некая сущность, которой он не знает, но которая, начиная с доисторических времен, является ему в представлениях, постоянно “открывая ” себя с их помощью.

2) Условием целостности “Я” является компенсация сознательных и бессознательных свойств психики. Функция компенсации становится важнейшим фактором психической активности. Компенсаторными психическими феноменами являются видения, галлюцинации, образы, сны. Именно через компенсацию проявляется содержимое бессознательной сферы человека.

3) Основным содержанием человеческого бессознательного выступают архетипы - своеобразные паттерны, мысленные клише, “первобытные образы”, символические значения, являющиеся символическим проявлением инстинктов. Архетипы проявляются в сновидениях, мифах, произведениях искусства в качестве регулирующих принципов его формирования. Содержание архетипов (образов коллективного бессознательного) отражает историю человечества и человеческой психики и выступает в виде сверхличного символа. К.Г.Юнг выделяет такие характеристики архетипов как нуминозность (божественность) и целостность.

4) Активность бессознательного обусловлена конкретной историко-психологической ситуацией в ту или иную эпоху, и проявляется в виде популярных символов: “Неиссякаемым источником религиозной символики в любую историческую эпоху является тот инстинкт, который именно в данную эпоху особенно актуален и причиняет людям наиболее серьезные заботы”. Это утверждение основано на аналогии между активностью бессознательного у отдельного человека и целой нации: “Как у отдельных индивидов, у народов и эпох есть свойственная им направленность духа, или жизненная установка. Где есть

направленность, там есть и устранение отвергаемого, а устранение означает, что какие-то области психики не могут жить жизнью сознания, поскольку это не отвечает глобальной установке”.

5) В юнговских архетипах воплотилась идея экстериоризации имманентных психических содержаний в образы культуры. Архетипы реализуются в бессознательных действиях, выполняют функцию ментальной терапии для обеспокоенного и страдающего человечества. Так, например, идентифицируясь с героем из героического мифа человек освобождается от чувства собственной недостаточности, наделяется сверхкачествами, выходит за пределы обыденного потребления.

6) Деятельность коллективного бессознательного проявляется в искусстве, политике, тенденциях обыденного сознания. Архетипы, подобно роли личных комплексов в жизни человека, имеют колоссальное историческое значение, поскольку “архетипы создают мифы, религии и философии, оказывающие воздействия на целые народы и исторические эпохи, характеризующие их”.

Исторические изменения рассматриваются К.Г.Юнгом как порождения коллективного бессознательного: “Великие новшества не приходят свыше; они неизменно поднимаются снизу, подобно тому, как деревья растут вверх из земли, а не с небес. Перевороты, происходящие в нашем мире и сдвиги в нашем сознании, суть одно и то же”. Как считает К.Г.Юнг “психические неурядицы нормального человека находят выход в социальную и политическую сферу, принимая форму массовых психозов, таких, как войны и революции”. Согласно концепции К.Г.Юнга **“Жизнь наций - это огромный и стремительный поток, совершенно не контролируемый человеком. Любой контроль со стороны человека становится невозможным, когда личность оказывается захваченной массовым движением. Здесь-то и начинают функционировать архетипы”**. Историко-психологическая причина массовых психических эпидемий заключается в психических неурядицах целого народа, накапливаемых годами и десятилетиями. В рамках концепции К.Г.Юнга причинами этого явления выступает состояние, которое он обозначает как “диссоциация личности”, симптомами которого и является одержимость. Навязчивая приверженность идее, как правило, путем идентификации с этой идеей является еще одним способом компенсировать тревожность и невротическую слабость “Я” (“Я” ощущает себя как бы размножившимся и увеличившимся в размерах, хотя на деле оно отодвигается на задний план). По мнению К.Г.Юнга состояние навязчивой увлеченности является следствием “прорыва” бессознательной сферы в форме персонифицированной психической силы - архетипического образа, являющегося в сознание личности как навязчивой идеи. Примером психологического анализа явления массовой “захваченности” идеей является исследование К.Г.Юнга “Вотан” (1936), где предлагается экзотическая, на первый взгляд, гипотеза, объясняющая приход к власти национал-социализма в Германии. **Немецкий национал-социализм расценивается как вспышка коллективного бессознательного, как массовый психоз (“немецкая психопатия”)**. К.Г.Юнг считает, что массовая увлеченность (“захваченность”) идеей силы и привилегированности германской нации является появлением действия одного из архетипов коллективного бессознательного, символизированного древнегерманским богом национализма - Вотаном (“Он является фундаментальным атрибутом немецкой души, иррациональным психологическим фактором,... наиболее высшее и непревзойденное

олицетворение того фундаментального качества, которое особенно присуще немцам”).

К.Г. Юнг признает, что параллель между “возродившимся” Вотаном и социальной, политической, психологической бурей, сотрясающей Германию, может выглядеть, по меньшей мере, как притча. К.Г.Юнг считает, что демонстративное подчеркивание таких вещей, как германская раса, наследие, кровь и почва (даже Иисус изображается как светловолосый и голубоглазый герой) являются содержанием германского нерационального архетипа (“свидетельствами пробуждения к новой жизни Вотана - древнего бога грозы и неистовства, разнуздывающий страсти и жажду битв”). Поскольку психологическая функция архетипа заключается в презентации личностной целостности, что имеет компенсаторный характер в ситуации диссоциации личности, в массовой увлеченности, одержимость идеями, архетипическим образом проявляется стремление массы людей к восстановлению нарушенной целостности посредством усиления собственного «Я». Массовое распространение такой идеи, как правило, происходит посредством отдельных личностей, которые являются “эмоциональными лидерами” массовых движений. Именно в момент массовой психической эпидемии на первый план выдвигаются личности, способные быть выразителем массового состояния. К.Г.Юнг называет таких людей, реактивность которых имеет патологический характер, “латентными психотиками”: “Их душевное состояние соответствует коллективному возбуждению группы людей, охваченных эмоциональными предрассудками и фантастическими чаяниями. В этой среде они чувствуют себя на высоте, они знают язык таких состояний и умеют говорить на нем”. В такие моменты психопатизированные личности становятся вождями массовых движений и могут оказывать существенное влияние на массовое поведение. К.Г.Юнг приводит как пример феномена популярности Гитлера, объясняя его соответствием Гитлера массовой одержимости под действием бессознательных сил (архетипов): “В феномене современной Германии особенно впечатляет то, что человек, который сам по себе явно “одержим”, заразил весь народ до такой степени, что все пришло в движение навстречу неминуемой гибели”.

Одним из ярких исследователей нацистского тоталитаризма на себе испытавшим его «прелести» стал **Бруно Беттельгейм** (1903-1991гг.), австрийский еврей, эмигрировавший в Америку и ставший крупнейшим практикующим психиатром. На исходе шестидесятых Беттельгейм говорил о трех катастрофах, которые пережило его поколение и в которых оно переламывалось и формировалось. Это первая мировая война, Освенцим и Хиросима. Добавлю экспатриацию и необходимость, вполне взрослым человеком, опять начинать жизнь едва ли не с начала, в иной цивилизации, в другой языковой среде. Двадцать катастрофических лет потребовали еще как минимум двух десятилетий на свое осмысление. Он был одним из свидетелей случившегося с миром (и с его собственным миром), нашел в себе мужество стать исследователем произошедшего и сумел помочь своим современникам признать и осознать ими пережитое. В октябре 1943 года в американском "Журнале патологической и социальной психологии" (издании узкоспециальном) появилась ставшая тут же знаменитой статья Беттельгейма о повседневном существовании в нацистских лагерях: "Индивидуальное и массовое поведение в экстремальных ситуациях". После этого едва ли не каждая публикация ученого на протяжении последующих пяти десятилетий становилась общественным событием. Так было с книгой "Одной любви мало" (1950) о лечении детского аутизма, с "Символическими ранами" (1954) о проблемах и ритуалах мужского созревания, "Сведущим сердцем" (1960),

рассказывавшем о личности в условиях тоталитарного государства, "Чарами у нас на службе" (1977), посвященными символической и психотерапевтической роли волшебных сказок, "Сносными родителями" (1990) и так далее, и так далее. Думаю, мало кто еще в XX веке заслужил такую прижизненную славу врача души и мало кому в этом столетии она принадлежала до такой степени заслуженно.

Я хочу привести выдержки из статьи Беттельгейма в переводе с английского С. Дубнова (Перевод сделан по книге "Выживание и другие эссе" (1979), «О психологической привлекательности тоталитаризма». Публикуемая статья увидела свет в "Американском журнале экономики и социологии" в 1952 году.

«Прежний деспотический правитель либо не требовал от подданных добровольного согласия, то есть внутреннего одобрения своих взглядов и методов, либо не имел возможности подкрепить подобные требования силой. Предполагалось, что тирану подчиняются все; но, поскольку это было так, он уже, как правило, не слишком заботился о том, что про него думают подданные, лишь бы они держали свои мысли при себе, и не в последнюю очередь потому, что не мог обнаружить, о чем они, собственно, думают. **В тоталитарных государствах нашего времени средства массовой коммуникации обладают почти неограниченными возможностями воздействовать на мысли каждого. Сегодняшняя технология обеспечивает наблюдение за любым шагом частного лица. Это и многое другое позволяет тоталитарной диктатуре утверждать, что подданные свободны в своих мыслях, а нынешняя технология и массовое общество с неизбежностью требуют этого во многих областях приложения человеческих сил и, тем не менее, добиваться, чтобы подданные придерживались убеждений, которые им считает нужным внушить государство.** Так что при диктатурах прошлого можно было существовать внутри системы и поддерживать известную независимость мыслей, а нередко и определенных действий, сохраняя уважение к себе, тогда как в современном тоталитарном государстве сохранять это самоуважение и вместе с тем жить во внутреннем противодействии системе невозможно. Практически каждый сегодняшний неконформист стоит перед выбором: или выказывать себя врагом этой власти, подвергшись преследованиям и чаще всего уничтожению, или исповедовать на людях то, что глубоко ненавидишь и презираешь втайне.

Нацистское приветствие ввели именно для того, чтобы, сталкиваясь друг с другом в местах публичных и частных встреч: в ресторанах, вагонах железной дороги, конторах, на заводах или просто на улицах, без труда опознавать тех, кто все еще цепляется за устаревшие "демократические" формы приветствия друзей. Для приверженцев Гитлера ежедневно и многократно повторяемое приветствие служило выражением уверенности в себе, свидетельством господства. Всякий раз, как законопослушный субъект его повторял, его "Я" укреплялось. Для противников режима - совсем наоборот. Встречая кого-то в публичном месте, неконформист всякий раз переживал состояние, разрушавшее его "я" и ослаблявшее целостность личности. Если бы приветствию сопротивлялось лишь его сверх-Я, ему было бы легче, но приветствие раскалывало надвое именно его "я", задача которого, согласно психоаналитической теории, обеспечивать внутреннее и внешнее благополучие индивида, и, прежде всего, его выживание, служа посредником между внешним и внутренним миром и приводя их в соответствие друг другу. Оставалось одно: убедить себя, что приветствие как бы не в счет, поскольку по нормам окружающей реальности приходится на него отзываться, если не хочешь попасть в гестапо. Целостность

личности определяется соответствием ее поступков убеждениям. Поэтому сохранить целостность, отдавая приветствие, можно было, только перестав считать подобное приветствие недопустимым. А это еще больше закабаляло, поскольку приветствовать надо было помногу раз в день, и не только официальных лиц, скажем, учителя, полицейского, почтальона, но и ближайших друзей. Даже зная, что друг с тобой заодно, а полагаться на друзей можно было далеко не всегда, - приходилось учитывать других. Стоило ли осложнять положение случайно встреченного человека, отступая от нормы? Поскольку обо всех отклонениях в приветствии требовалось неукоснительно сообщать властям, нарушитель ставил под удар не только себя, но и другого. Так противника нацизма вынуждали или становиться мучеником, испытывая тем самым смелость и убежденность других, или терять уважение к себе.

Если сознание в конфликте с бессознательным, это немедленно скажется на содержании снов. Типичный случай - сон одного свидетеля первых лет фашизма: он решается открыто выразить свой протест против нацистского режима. Повинуясь тому, что сознание считает его моральным долгом, он принимается во сне за протестующее письмо. Но, отправив его по почте, понимает, что послал в заботливо запечатанном конверте чистый листок бумаги. Дело здесь не только в том, что герой совершает типичную ошибку "по Фрейду" и справедливая тревога за себя заставляет его поступить наперекор сознательным намерениям; во сне ему открывается, что эта тревога, скажем иначе, самозащита, рано или поздно победит его убеждения. Человек даже во сне понимает, к каким разрушительным для его самоуважения последствиям ведут подобные внутренние конфликты и способы, которыми реальность принуждает их, так или иначе, разрешать. Сначала он чувствовал себя очень гордым, решившись-таки выразить протест, а потом, глубоко пристыженным, не сделав этого. В конце концов, сон оставил в нем чувство униженности и стыда за себя.

Душевный конфликт, в связи с гитлеровским приветствием, переживали многие немцы. Это находило бессознательное выражение в снах, один из которых я здесь приведу. Вскоре после прихода Гитлера к власти некий фабрикант увидел во сне, что его предприятие посещает Геббельс. "Перед строем рабочих я должен был вскинуть руку в нацистском приветствии. Мне понадобилось полчаса, чтобы поднять ее сантиметр за сантиметром... И вот я стоял на собственной фабрике, с поднятой рукой, торча перед своими рабочими. И стоял так, пока не проснулся". Этот, в корне не принимавший нацизма человек, решал во сне ту же проблему, которая занимала и его сознание: должен, и сможет ли, он поступиться своими убеждениями ради того, чтобы сохранить за собой фабрику? (В первые годы гитлеровского режима отказ от фашистского приветствия еще не угрожал жизни, касаясь лишь благосостояния). Сон предсказывал, каким, скорее всего, будет итог, воспринятый, однако, с глубочайшим отвращением. По словам героя, борьба во сне за то, чтобы поднять руку, "переломила ему позвоночник". Позвоночный столб - обычная метафора твердых убеждений и действий в согласии с ними. Сон приоткрыл сновидцу то, что он знал, но таил от себя. Только он сам может перебить себе моральный хребет, никакому режиму это не под силу. Не Геббельс заставил его поднять руку в приветствии - он сам принудил себя это сделать, чтобы не выдать своих разногласий с системой. Факт, что режим способен заставить людей делать такое с самими собой, показывает, до каких разрушительных последствий доводит его воздействие. Сны активно сражавшихся с системой и потому не осаждаемых внутренними вопросами, решаться на это или нет, были совсем иными. Не то чтобы эти люди вовсе не ведали тревог: им, скажем, снилось, что их поймали и пытаются

гестаповцы, опасность вполне реальная. А в другой раз им могло присниться, что они победили. Так или иначе, им не снилось, что они вынуждены, переламывая собственные убеждения, подчиниться врагу.

Сказанное о фашистском приветствии относится, конечно, и к другим повседневным чертам нацистского режима. Приведу еще один пример из жизни школьницы. Однажды ей с одноклассницами предложили участвовать в переписи населения. Уклониться значило опять-таки рисковать своим и семейным благополучием, притом, что внешне предложение выглядело вполне безобидным. Но, уже участвуя в переписи, девочка вдруг почувствовала, как что-то в ней сопротивляется заданию - расспросить о подробностях существования одной еврейской семьи. Она поняла, что собеседники ненавидят ее как представительницу режима, и это вызвало в ней озлобление - озлобление против них. Тут она догадалась, что именно этого и добивался от нее режим, и оценила его способность вызывать чувства наперекор воле. Это пробудило в ней презрение к себе. Теперь она ненавидела себя за участие в программе, направленной под видом переписи, против евреев. Конечно, она ненавидела режим, который вверг ее в это безвыходное положение, но еще больше - себя. Это окончательно разрушало в ней остатки самоуважения.

Так тоталитарный режим почти ежедневно ставил человека перед требованиями, которые он должен был либо исполнять, либо рисковать собственной гибелью. Многие противники системы, подчиняясь подобным требованиям, начинали ненавидеть и ее, и самих себя. Вскоре это ввергало их в тяжелейший внутренний конфликт: действовать ли по убеждениям и рисковать, либо остаться в безопасности, но чувствовать, что трусишь и предаешь самое дорогое. Режим, нимало не трогаясь их ненавистью, продолжал себе существовать, тогда, как они по-настоящему мучились невозможностью примирить явное поведение и скрытые ценности; тем самым режим оказывался разрушительным для их целостности, а также, поскольку они поступали вопреки убеждениям -- и для их уважения к себе. И самоуважение, и целостность личности это, подчеркну, единственные психологические опорки, которые способны поддерживать нас, давая силу жить в мире, постоянно угрожающем уничтожением. Чаще всего противник системы не находил избавления даже внутри собственной семьи. Семьи, целиком состоящие из антифашистов, были крайне редки. Особенно чувствительными к внушению в школе, в юношеских гитлеровских организациях, оказывались дети. Их убеждали следить за родителями и сообщать властям. Подчинялись немногие. Но дети тех, кто держался антифашистских взглядов, попадали в трудный конфликт между приверженностью родителям и обязанностями по отношению к государству, которое учило их, что выдать изменника - долг каждого. Подобные конфликты мучили ребенка, и он начинал ненавидеть всех, кто вверг его в такие психологические тупики. Рано или поздно ребенок озлоблялся против политических убеждений родителей, если не против них самих, ведь именно они создавали для него все эти проблемы. С другой стороны, и родители, понимая давление, оказываемое на их ребенка, старались скрывать свои подлинные взгляды, не то чтобы опасаясь предательства, но, не желая осложнять жизнь ребенку. Поэтому, даже дома и в кругу семьи невозможно было избавиться от лицемерия: оно сопровождало и в четырех стенах, в самых задушевных проявлениях семейной жизни. Лишь убежденные нацисты были согласны друг с другом во всем, и это еще тесней сплачивало семьи приверженцев режима. Противникам же приходилось, напротив, сражаться не только с самой системой, но, куда чаще, друг с другом, и если не по принципиальным вопросам, то хотя бы по обиходным мелочам. Всегда

оставалась одна беспокоящая проблема: как сопротивляться, не подвергая опасности всю семью, и мучительный вопрос, имеет ли человек право рисковать свободой, благополучием и самим существованием партнера или ребенка ради собственных политических и моральных убеждений. В подобных политических разногласиях внутри семьи рано или поздно выносились на поверхность и получали запоздалое оправдание все прежние семейные конфликты, которые сами по себе не имели с политикой ничего общего: раздоры между мужем и женой, родителями и детьми, братьями и сестрами. Вот лишь один пример.

Жена некоего высокопоставленного правительственного чиновника придерживалась непримиримых антифашистских взглядов. Ее муж, неплохой, в общем, человек, не принимал многое из того, с чем по положению был вынужден мириться. Обеспеченная супруга могла не работать и не работала, а потому имела возможность уклониться и от неприятного ей гитлеровского приветствия, и от тех либо иных из бесчисленных официальных и партийных обязанностей (они практически не различались), которые, соответствуя требованиям системы, приходилось выполнять ее мужу. Разумеется, никто в семье не хотел, чтобы глава семейства поступился своим положением и тем самым вверг родных в крайнюю нищету. А заподозри государство, что у него все эти годы было на уме, семья подверглась бы публичному остракизму, кто-то, вероятно, и открытым преследованиям. Пользуясь удобствами, которые давало ей и всей семье внешнее сотрудничество мужа с нацистами (включая возможность не появляться на улице и не отдавать приветствие, а потому и не входить в конфликт с собственными ценностями), супруга резко критиковала мужа за то, что он изменяет своим убеждениям. Спор подпитывался и обострялся старыми разногласиями между супругами, давно уже избегавшими друг друга. Обида на жену, которая его критикует и стыдит, постепенно отвращала отца семейства и от ее антифашистских взглядов. Страх, что они обнаружатся и подвергнут опасности всех, давал дополнительный повод раздражаться на жену, чьи убеждения и поступки замыкают семейство в изоляции, еще больше осложняя официальное общение героя с сослуживцами. Поскольку дома на него, ради сохранения статуса попросту следовавшего официальной политике, смотрели свысока, тогда как вне дома его внешнюю приверженность системе, напротив, горячо одобряли, у главы семейства постепенно, но неуклонно исчезали те мысленные увертки по поводу режима, которые так отяжеляли ему служебную и домашнюю жизнь. В итоге наш герой, как ни трудно это было, примирился с режимом. Тем самым он проявил, наконец, приверженность собственным ценностям, как жена - своим, то есть как бы сделал то, чего она от него, столько времени требовала. И теперь он уже не чувствовал себя ниже ее, жившей все эти годы в согласии со своими ценностями; больше того, он даже мог испытывать моральное превосходство над нею, как прежде она над ним: ведь, отвергая его политические взгляды, она тем не менее не отказывалась пользоваться тем, что ему эти взгляды давали. Дети разделились между матерью и отцом. Сыновья давно приняли нацизм, поэтому после обращения отец, презираемый женой и дочерью, стал пользоваться полной поддержкой мужской половины; теперь он был уже не так одинок. Сыновья не поддерживали взглядов матери, но и не придавали им особого значения, считая ее несвоевременной, непросвещенной и старомодной особой. Дочь же целиком встала на сторону матери и, как она поняла позднее, не столько по несогласию с отцом, сколько из соперничества с братьями; кроме того, ценности матери казались ей очень привлекательными, а последовательность в их отстаивании не могла не впечатлить девочку. Став старше, дочь поняла, что политические разногласия родителей уходили корнями в их давнюю семейную размолвку. Раздор между близкими был

для дочери очень болезнен, она хотела, чтобы в доме царил мир. В ней нарастало озлобление против политики, а политические взгляды все больше представлялись простым оружием в борьбе одного человека с другим, ведь политика лишила ее семейной жизни, в которой она так нуждалась. Но поскольку все, относящееся к политике, казалось ей в равной мере отвратительным, она теряла и свои антифашистские или продемократические убеждения. В конце концов, дочь хотела одного: чтобы семья снова сплотилась и родители жили дружно. В отрочестве она поняла, что взгляды ее матери объединить семью не сумеют; из-за них отцу придется лишиться работы, а она и братья не смогут поступить в университет. Она все еще восхищалась матерью, верной своим убеждениям, но вместе с тем и ненавидела ее, разрушившую единство семьи. Это ввергало девочку в глубокий внутренний конфликт, у истоков которого лежал конфликт между родителями. Дочь росла, росли и ее способности оценить ситуацию трезво. Она увидела, что мать порвала все связи с миром, оставшись, ради верности своим убеждениям, совершенно одинокой даже в собственном доме. Девочка чувствовала, как ей все труднее расходиться во взглядах со сверстниками, и в конце концов, признала нацизм. Отвергнув все, что отстаивала мать, дочь освободилась от внутреннего конфликта между восхищением смелостью матери и обидой на нее за раскол семьи. Перелом освободил ее и от конфликта между собственными ценностями и требованиями общества. Она впервые чувствовала глубокое душевное успокоение, однако приписывала эту новую способность наслаждаться жизнью не разрешению застарелого внутреннего конфликта, а более позитивному взгляду на мир, который внушил ей воспринятый нацизм, что еще раз говорило в его пользу.

Как видим, на самом грубом, внешнем уровне привлекательность тоталитаризма в том, что, примиряясь с ним, достигаешь согласия с ближними и остальным миром, переставая тем самым быть чужаком. На более глубоком, или высоком, уровне тоталитаризм притягателен тем, что восстанавливает внутреннюю целостность человека, подвергающуюся опасности, когда он вынужден поступать вопреки собственным чувствам. На некоторых людей потребность в разрешении этого противоречия давила так сильно, что они шли на самоубийство. Другие попадали в руки гестапо как бы из-за случайной небрежности, подсознательно мотивированной желанием покончить с этим противоречием, даже если придется отправиться в концлагерь. Но подавляющее большинство прежних антифашистов сложили оружие и встали на сторону режима. Не присоединяясь к партии и не разделяя до конца ее ценности, они стали видеть в режиме некие светлые стороны, хоть и сохранили критическое отношение к некоторым аспектам системы.

Фашистское приветствие, столь малозначительная, но оказывающая такое воздействие на людей деталь системы, касалась лишь внешнего поведения, как и настенная карикатура на Гитлера или, скажем, в других обстоятельствах, на Сталина. Они приобретали чудовищную важность лишь потому, что всякий день и час сознательной жизни напоминали нонконформисту о его неспособности жить в согласии со своими ценностями. При всей психологической грубости подобных механизмов вряд ли кто станет отрицать их высочайшую эффективность. Были нити и потоньше. Столь мощная сила контроля извне возобновляла в человеке детские взгляды и чувства. Только в детстве другие люди, родители, обладают подобным могуществом ввергать нас в безнадежные внутренние конфликты, если наши желания расходятся с их собственными. Вначале ребенок, как и нонконформист, противится контролирующей его силе. Но она столь же велика, сколь и притягательна (в конце концов, ничто так не удается, как успех!). И чем

господство над ребенком успешнее, тем большей привлекательностью оно обладает, в конце концов, усваиваясь в качестве «сверх-Я».

Стоит на минуту задуматься о системе воспитания в стране перед приходом Гитлера к власти, о системе, в которой ребенка всюду видят, но никогда не слышат, и мы легко поймем особую притягательность гитлеровского режима для немецкого юношества. **Почти в любом обществе дети страдают от принудительного воздействия взрослых. Тоталитарная система делает юношей и девушек свободными, убеждая их высказываться во весь голос, следить за родителями и сообщать, если они не повинуются законам системы.**

Не забудем, что тоталитарные системы обычно возникали в обществах с жесткой иерархической организацией, если и не собственно феодальных, то, по крайней мере патерналистских. Глава государства, органы исполнительной власти (скажем, полиция), армия, учителя выступали мощной заменой родительского образа или, точнее, суррогатом сверх-Я. Суррогатами сверх-Я служили представители власти, которые психологически отождествлялись с родителями и повеления которых воспринимались, поэтому, как усвоенные родительские приказы. Нередко, даже в концлагере вера во власть и справедливость полиции была настолько сильна, что заключенные не хотели признавать несправедливость своего наказания. Они заставляли себя найти хоть какую-то собственную вину. Внутреннее желание опеки со стороны «сверх-Я» очень велико, и чем слабее "Я", тем это желание сильнее. Поскольку же в тоталитарных системах самыми могущественными заместителями «сверх-Я» служат вожди и их представители, короче говоря, система как таковая, добиться одобрения можно только отождествившись с системой. **Подчиняясь приказу извне, чувствуешь себя свободным от вины, а потому, в безопасности.**

Таить и постоянно чувствовать в себе «сверх-Я» с его критикой общества, в котором вынужден жить, крайне болезненно. В целом это возможно, только если тебе доступны и другие, альтернативные образы сверх-Я. Американцам нелегко понять наши трудности: они растут в свободном обществе, где их окружают различные образы сверх-Я, из которых можно выбирать. Есть, например, пуританин и приверженец свободы воли, мужчина в сером сюртуке или ковбой, а также много других. Но в гитлеровской Германии все образы сверх-Я сводились к одному, и было чрезвычайно трудно сформировать или поддерживать глубоко личный образец, расхотевшись с окружающим обществом. В тоталитарных государствах противники режима живут в постоянном страхе совершить ошибку, раскрыть свои подлинные чувства, поставив на карту жизнь, свою, а то и своей семьи. Поэтому им приходится быть безукоризненными актерами. Но для этого надо прочувствовать роль, сжиться с ней. Лишь превратившись в послушного члена тоталитарного государства, человек может быть спокоен, что его не заподозрят в невыполнении какого бы то ни было приказа.

Привлекательность тоталитаризма - в его обещании разрешить самые суровые внутренние конфликты мира с собою и дать чувство собственной безопасности согласия с окружающим. К несчастью для противника режима, эти согласие и мир достигаются лишь утратой самостоятельности, самоуважения и человеческого достоинства. Царящее в тоталитарных государствах спокойствие оплачено гибелью души».

Не менее важна для исследования тоталитарной психологии и следующая цитата из трудов Беттельгейма приводящаяся по его книге «Просвещенное сердце»:

«Никто не желает отказываться от свободы. Но вопрос становится значительно более сложным, когда нужно решить: какой частью своего имущества я согласен рисковать, чтобы остаться свободным, и насколько радикальным изменениям готов подвергнуть свою жизнь для сохранения автономии. Когда речь идет о жизни и смерти или о физической свободе, то для человека, еще полного сил, сравнительно легко принимать решения и действовать. Если же дело касается личной независимости, выбор теряет свою определенность. Мало кто захочет рисковать жизнью из-за мелких нарушений своей автономии. И когда государство совершает такие нарушения одно за другим, то где та черта, после которой человек должен сказать: "Все, хватит!", даже если это будет стоить ему жизни? И очень скоро мелкие, но многочисленные уступки так высосут решимость из человека, что у него уже не останется смелости действовать. То же самое можно сказать о человеке, охваченном страхом за свою жизнь и (или) свободу. Совершить поступок при первом сигнале тревоги относительно легко, так как тревога — сильный стимул к действию. Но если действие откладывается, то, чем дольше длится страх и чем больше энергии и жизненных сил затрачивается, чтобы его успокоить, не совершая поступка, — тем меньше человек чувствует себя способным на какой-либо поступок.

При становлении режима нацистской тирании, чем дольше откладывалось противодействие ей, тем слабее становилась способность людей к сопротивлению. А такой процесс "обезволивания" стоит только запустить, и он быстро набирает скорость. Многие были уверены, что уже при следующем нарушении государством их автономии, ущемлении свободы, они наверняка предпримут решительные действия. Однако к этому времени они уже не были ни на что способны. Слишком поздно им пришлось убедиться в том, что дорога в лагерь смерти вымощена не совершенными в нужное время поступками.

Влияние концентрационных лагерей на автономию свободных граждан также шло постепенно. В первые годы режима (1933-1936) смысл лагерей заключался в наказании и обезвреживании отдельных активных антифашистов. После 1936 года, когда политическая оппозиция была сломлена и власть Гитлера окончательно укрепилась, в Германии уже не осталось отдельных людей или организаций, которые могли бы серьезно угрожать существованию нацизма. Хотя по-прежнему имели место индивидуальные акты протеста, подавляющее большинство сосланных в лагеря в последующие годы выбирались по причине их принадлежности к какой-либо группе. Их наказывали, поскольку данная группа почему-либо вызвала недовольство режима, или могла вызвать его в будущем. **Главным стало наказывать и запугать не отдельного человека и его семью, а определенный слой населения. Такой перенос внимания с индивидуума на группу, хотя и совпал с подготовлением к войне, нужен был, в основном, для обеспечения тотального контроля над людьми, еще не полностью лишенными свободы действия. Иными словами, индивидуальность следовало растворить в полностью послушной массе.** К тому времени, хотя недовольные еще оставались, подавляющее большинство немцев приняли гитлеровское государство и всю систему. Однако их лояльность к режиму расценивалась как акт свободной воли, совершенный людьми, которые все еще обладали значительной внешней свободой и чувством внутренней независимости. Оставалась также власть отца над своим домом. Про человека, который на деле и полностью распоряжается жизнью своей

семьи, и черпает самоуважение и чувство надежности в своей работе, нельзя сказать, что он полностью потерял независимость.

Поэтому следующая задача государственной тирании — покончить и с этими свободами, мешающими созданию общества, состоящего целиком из существ, полностью лишенных индивидуальности. **Те профессиональные и социальные группы, которые хоть и приняли идеологию национал - социализма, но протестовали против ее вмешательства в сферу своих личных интересов, должны были научиться стоять по стойке смирно и усвоить, что в тоталитарном государстве нет места для личных устремлений.** Уничтожить все группы, которые еще обладали какой-то степенью свободы, было бы нерентабельно — это могло бы повредить государству и нарушить работу промышленности, жизненно важной ввиду надвигавшейся войны. Следовательно, их надо было принудить к полному подчинению путем запугивания. Гестапо называло такие групповые меры "акциями" и применило их первый раз в 1937 году. Во время первых акций наказанию подвергались только лидеры "беспокойных" групп. Это было естественно, поскольку нацистская система, основанная на принципе единоначалия, подразумевала, что начальники несут ответственность за все, что происходит, а подчиненные должны лишь беспрекословно выполнять приказы. Однако этот принцип работает лишь в том случае, когда начальников немного, или группа представляет собой хорошо слаженную команду. Он не соблюдается для расплывчатых групп с неясной структурой подчинения. Современному обществу вообще присуща сложная система группировок. При этом даже группы, созданные самим государством, проявляют тенденцию к укреплению своей независимости, к борьбе за свои интересы против других таких же групп. Поэтому задача заключалась не только в том, чтобы подчинить старые, уже существующие группы, но и сделать вновь создаваемые полностью подконтрольными. Оба типа групп были необходимы для существования государства. Это обстоятельство осознавалось членами этих групп и укрепляло их независимость. Более того, если подчиненные слепо следовали за своими начальниками, как им это предписывалось, государство все равно не чувствовало себя в безопасности, поскольку кто-то из лидеров групп мог уклониться от "генеральной линии". Требовалось найти способ полного контроля над всеми, и начальниками, и подчиненными, который не нарушал бы, однако, принципа единоначалия. Решение заключалось в следующем: надо было запугать членов группы до такой степени, чтобы их страх за собственную жизнь уравновешивал стремление полностью подчиниться начальнику.

Этого можно было достигнуть с помощью контроля снизу, который, тем не менее, не должен был укреплять низы. Наоборот, их нужно было, насколько возможно, ослабить, для чего использовались чувства озлобления и тревоги. Действия, вызванные этими чувствами, даже если они приводят к успеху, не прибавляют силы и защищенности. В некоторых группах злобы на начальника было достаточно, чтобы обеспечить нужный контроль снизу. В других группах интересы подчиненных настолько совпадали с интересами начальника, что для получения нужного эффекта требовалось добавить тревогу. Например, по доносу уничтожается один начальник. Его заменяют другим, обязанным этим повышением не уважению своих коллег или профессиональным успехам, а все тому же государству. Легко понять, что он вызывал ненависть у окружающих и обвинялся в смерти человека, которого он заменил. Такому начальнику трудно было рассчитывать на поддержку своих подчиненных, и ему оставалось лишь доказывать свою преданность государству, полностью подчиняясь его требованиям. Таково было запугивание снизу — "народный контроль" в гитлеровской Германии. Довольно быстро

выяснилось, что запугивание непокорных начальников не решало всех задач. У рядовых членов групп создавалось впечатление, что, не совершая заметных поступков и не выражая личного мнения, можно чувствовать себя в безопасности. Гестапо пришлось пересмотреть свою практику и вместо простого ареста начальника посылать в концентрационный лагерь целую "выборку" из представителей неугодной группы. Такое нововведение позволяло гестапо терроризировать всех членов группы, лишая их независимости, и не трогая, если это было нежелательно, ее начальника. Так было, например, с движением протеста против регламентации в области искусства. Это движение, выступившее в защиту так называемого декадентства, группировалось вокруг известного дирижера Фуртвенглера. Он скрыто вдохновлял его, не высказываясь, однако, публично. Фуртвенглера не тронули, но движение было уничтожено, а деятели искусства всерьез запуганы арестом ряда своих коллег. Даже если бы Фуртвенглер захотел сыграть более активную роль в этом движении, он оказался бы в положении полководца без войска, и движение неминуемо распалось бы. Важно отметить, что наказанию подверглись также и те деятели искусства, которые не имели никакого отношения к движению протеста. В результате мало кто задавался вопросом "За что?", и были запуганы все деятели искусства, независимо от убеждений. На первых порах лишь несколько профессиональных групп, например врачи и адвокаты, были "прорежены" подобным образом за неприятие нового, непривычного для них положения в обществе. Это неприятие было естественным, ибо на протяжении более ста лет они гордились своим образованием, превосходными знаниями, своим вкладом в жизнь общества и своим положением, которое отсюда вытекало. Они считали, что имеют право на уважение и определенные привилегии, которые выражались, прежде всего, в особом к ним отношении. **Члены привилегированных групп признавали, что многие действия нацистского государства были необходимы ему, чтобы завоевать поддержку масс и держать их в узде, но считали, что все это не может и не должно касаться их самих. Они сами способны рассуждать и решать, что лучше для них и для всей нации. "Акции" против этих групп сразу поставили их на колени, показав, насколько теперь опасно даже для них иметь собственное мнение или ощущать себя личностью.**

Групповые акции оказались настолько эффективными, что вскоре стали использоваться для полного уничтожения профессиональных групп, признанных ненужными или нежелательными. Первыми в этом списке стали цыгане — люди, традиционно сопротивлявшиеся любым покушениям на свободу передвижения или поведения. Когда попытки принудить их к оседлости и подчинить контролю провалились, а арест нескольких сотен не привел в чувство остальных, все цыгане были отправлены в концентрационный лагерь. Так прозвучало новое предупреждение: если "прореживание" не дает нужного результата, вся группа целиком будет уничтожена. Поэтому такое радикальное решение уже не требовалось для других нежелательных групп, таких как содержатели ночных клубов или профессиональные танцоры. Именно танцоры были первой группой, предупрежденной заранее через газеты и с помощью специально распространяемых слухов о необходимости сменить профессию на более полезную для государства. После того, как некоторые из них были заключены в концентрационные лагеря, оставшиеся сразу показали, что прекрасно усвоили урок: они "добровольно" распустили свои организации и нашли себе другую работу. С тех пор одного намека на желательность найти более "полезное" занятие было достаточно, чтобы вызвать требуемую для государства перекавалификацию. Сложнее обстояло дело с группами, более значимыми для общества, чем содержатели публичных домов, сводники,

графологи или ночные танцоры. Труд не был еще жестко регламентирован. Рабочий по-прежнему обладал некими юридическими правами: мог менять место работы, критиковать плохие условия труда и требовать повышения жалования. Вскоре и эти возможности для самоутверждения были ограничены, и не столько из-за мелких неудобств, причиняемых ими промышленности или рынку рабочей силы, сколько из-за того, что они оставляли рабочему некоторую автономию.

Население Германии испытывало страх перед концентрационными лагерями с момента их появления. Однако до введения групповых акций "маленький человек" мог убеждать себя, что лагеря созданы не для таких незначительных людей, как он. Не "примеряли" их к себе и члены нацистской партии, считавшие, что их положение позволит им открыто выражать недовольство или совершать мелкие нарушения дисциплины. **Однако тоталитарное государство неизбежно со временем начинает осознавать важность запугивания своих же приверженцев.** Первые сподвижники национал - социализма пытались "несвоевременно" проводить в жизнь принципы системы в соответствии со своими убеждениями или другими способами отклонялись от "генеральной линии". Такие люди были признаны столь же опасными для государства, сколь и его активные противники. Потому что вновь, как и в других случаях, опасность заключалась не в конкретном мнении, которого придерживался какой-то человек, а в том, что он вообще имел личное мнение. Групповые акции показали членам партии, что и их жизнь висит на волоске. Еще раньше они поняли, как опасно отклоняться от норм, установленных гестапо. Теперь же им нужно было осознать, что не менее опасно вообще иметь личные убеждения.

Групповые акции использовались не только для того, чтобы приструнить членов организованных групп. Они служили также средством подавления любого неорганизованного стремления к независимости и самоутверждению. **В 1938 году, например, была проведена весьма шумевшая кампания против так называемых "ворчунов", позволявших себе в кругу своих знакомых критиковать своих начальников или правительство. Кампании против "ворчунов" и слушающих зарубежное радио практически положили начало государственному контролю над поведением человека, нарушили неприкосновенность его дома.**

Следует, правда, отметить, что еще раньше состоялась акция против нарушителей "расовой чистоты". Она имела целью контроль над наиболее интимными, сексуальными отношениями. Но эта акция была направлена только против немцев, имеющих связи с евреями (неграми и т.д.). Поэтому она коснулась лишь очень небольшой группы граждан. Кампания против гомосексуалистов еще глубже затрагивала личную жизнь человека, однако, из-за резко отрицательного отношения к ним большинства населения, она также задела лишь небольшое число "заинтересованных" лиц.

Преследование "ворчунов" резко изменило всю ситуацию. Теперь ни один немец не мог больше чувствовать себя в безопасности в своем доме — акции разрушили неприкосновенность жилища в Германии. К тому времени значительно окреп гитлеровский союз молодежи. Подростки стали достаточно "подкованными", чтобы, отбросив страх или уважение к родителям, шпионить за ними и их друзьями. Дети сообщали в полицию о наиболее интимных разговорах и поступках родителей или угрожали это сделать. Вначале просто поощрялось доносительство на людей, слушающих по вечерам радио. Акция против "слушателей", была широко

разрекламирована, и эта реклама увеличивала страх "домашних" доносов. Казалось, что они случались очень часто и имели ужасные последствия. Поскольку в данном случае нельзя было рассчитывать на поголовное уничтожение всех нарушителей, и тактика случайной выборки также не имела смысла, собирались доносы на несколько сотен "нарушителей" и их всех одновременно отправляли в концентрационные лагеря. И вновь не имело значения, что некоторые пострадавшие никогда не слушали зарубежных радиостанций. Эффект запугивания остального населения был от этого ничуть не меньше. Примерно к концу 1939 года число серьезных диссидентов так упало, что просто слушание зарубежного радио стало столь же тяжелым политическим преступлением, каким несколькими годами ранее было печатание и распространение подстрекательских листовок.

Я хочу подчеркнуть, что "акции" карали тех, кто не нарушал никаких законов. Ведь государственному аппарату не составляло труда издать любой запретительный закон. Но смысл "акций" не в том, чтобы наказать нарушителей. Они должны были принудить всех граждан добровольно вести себя так, как того требовало государство. Без сомнения, главной причиной конформизма становилось не стремление следовать букве закона, а страх. Страх, сидевший в самом человеке и принуждавший его к конформизму. Каким бы несущественным ни казалось это различие, оно очень значимо психологически. Дело здесь вовсе не в том, есть или нет у "человека с улицы" юридические основания для выбора. Юридические тонкости обычно не имеют никакого, или почти никакого, психологического эффекта. Решающее различие заключается в том, что когда закон опубликован, каждому ясно, на что он может рассчитывать. В случае же групповых акций человек никогда не знает, что будет караться завтра. Тех, кто постоянно опасался попасть впросак, групповые акции вынуждали предугадывать желания государства задолго до того, как они высказывались. Страх рождал в воображении человека все новые "акции", захватывающие все более обширные области поведения, причем такие, какие даже тоталитарное государство на самом деле не могло бы себе позволить без ущерба для себя. Так что в результате подданные должны были вести себя значительно "правильней", чем того требовали реально проводимые акции. Чтобы предугадывать будущие события, человек должен знать тайные мысли, мотивы, желания других людей (или групп). "Человек с улицы" мог получить такое "интуитивное" знание лишь одним способом — путем полного слияния с государством, с его настоящими и будущими целями. Именно непредсказуемость акций, определявших высшую меру за поступки, которые человек, "не имевший доступа", считал допустимыми и даже безопасными, вынуждали его становиться человеком, "имеющим доступ". Спасая свою жизнь, он должен был до такой степени стать частью тоталитарного государства, чтобы предугадывать и быть готовым к тому, что оно, возможно, потребует от него завтра.

Подчинение тоталитарному государству приводит к распаду казавшейся вначале вполне цельной личности и к проявлению в ней многих инфантильных черт: например, мечты вместо зрелой оценки реальности и легкомысленное неверие в собственную смерть. Многие, скажем, считали себя избранныками, которые непременно выживут, а еще большее число просто не верило в возможность собственной смерти. Не веря, они не готовились ни к ней, ни к защите собственной жизни.

Те же, кто не отрицал, не отгонял от себя мысль о возможности смерти, кто не верил по-детски в собственную неуязвимость, вовремя подготавливался. Такой

человек был готов рисковать собою ради самостоятельно выбранной цели и пытаться спасти свою собственную жизнь или жизнь других людей.

Иллюстрацией может служить пример моих дальних родственников. В самом начале войны молодой человек, проживавший в небольшом венгерском городе, объединился с другими евреями, готовясь к вторжению немцев. Как только нацисты установили комендантский час, его группа отправилась в Будапешт, поскольку в большом городе легче скрыться. Там они сошлись с подобными группами из других городов и из самого Будапешта. Из этих групп были выбраны мужчины типично "арийской" внешности, которые, получив фальшивые документы, вступили в венгерскую СС, чтобы иметь возможность предупреждать своих о готовящихся акциях, районах проведения облав и т.п. Система столь хорошо работала, что большинство членов этих групп остались живы. Кроме того, они обзавелись оружием и были готовы в случае необходимости сопротивляться, чтобы гибель немногих в бою дала бы большинству возможность скрыться. Некоторые вступившие в СС евреи были все же разоблачены и немедленно расстреляны, но такая смерть, надо полагать, предпочтительней газовых камер. Тем не менее, большинство членов этих групп, скрывавшихся до последнего момента среди СС, уцелело.

Мой молодой родственник не сумел убедить свою семью последовать за ним. Три раза, страшно рискуя, он возвращался домой и рассказывал сперва о растущем преследовании евреев, затем о начавшемся их уничтожении и газовых камерах, но не смог убедить родных покинуть свой дом, свое имущество. С каждым приездом он все настойчивее уговаривал их, но с отчаянием видел, что они все менее хотят или способны действовать. С каждым разом они как бы все дальше продвигались по пути в крематорий, где потом все действительно и погибли.

Чем больше была угроза, тем сильнее его семья цеплялась за старый распорядок, за накопленное имущество. В этом истощающем жизненные силы процессе уверенность в завтрашнем дне, державшаяся ранее на планировании жизни, постепенно заменялась иллюзией безопасности, которую давало им имущество. Как дети, они отчаянно цеплялись за предметы, наделяя их тем смыслом, которого они более не видели в окружающей жизни. Постепенно отказываясь от борьбы за выживание, они все более и более сосредоточивались на этих мертвых предметах, шаг за шагом теряя свою личность. В Бухенвальде я разговаривал с сотнями немецких евреев, привезенных туда осенью 1938 года. Я спрашивал их, почему они не покинули Германию, ведь жизнь стала уже совершенно невыносимой. Ответ был: "Как мы могли уехать? Это значило бы бросить свои дела, свой бизнес". Земные блага приобрели над ними такую власть, что приковали их к месту. Вместо того, чтобы использовать имеющиеся у них средства для своего спасения, люди попали к ним в подчинение.

Постепенный распад личности, для которой вся жизнь сосредоточена в материальных ценностях, можно увидеть также и через призму изменявшейся политики нацистов по отношению к евреям. Во время первых бойкотов и погромов еврейских магазинов единственной видимой целью нацистов было имущество евреев. Они даже позволяли евреям взять что-то с собой, если те соглашались немедленно уехать. Достаточно долго нацисты с помощью дискриминационных законов старались принудить к эмиграции людей, принадлежавших к нежелательным для них меньшинствам, в том числе и евреев. Политика

уничтожения, несмотря на свое соответствие внутренней логике нацизма, была введена только после того, как не оправдался расчет на эмиграцию. Не встречая сопротивления, преследование евреев потихоньку усиливалось. Возможно, что именно покорность евреев привела нацистов к мысли, что их можно довести до состояния, когда они сами пойдут в газовые камеры. Но я встречал много и евреев, и антинацистов других национальностей, оставшихся в живых в Германии и в оккупированных ею странах, подобно венгерской группе, о которой я рассказал выше. **Все эти люди поняли вовремя, что, когда мир разлетается вдребезги, нельзя продолжать жить как обычно. Нужно радикально переоценить все, что ты делаешь, во что веришь, за что борешься. Короче, надо занять позицию в новой реальности, сильную позицию, а не прятаться в личную жизнь. Главное — понять, что происходит и почему.** Проанализировав окружающую обстановку, человек не станет, как я полагаю, обманывать себя верой в то, что, приспособившись, он сможет выжить. Он тогда способен понять, что многое, внешне кажущееся защитой, в действительности приводит к распаду.

Так что, в сущности, путь в газовую камеру был следствием философии бездействия. Первый шаг в лагерь смерти человек делал задолго до того, как туда попадал. Тревога, стремление защитить свою жизнь вынуждали его отказываться от необходимой для человека способности правильно реагировать на события и принимать решения, хотя именно эта способность давала ему наилучшие шансы на спасение. Лишаясь ее, взрослый человек неизбежно превращается в ребенка. Сознание, что для выживания нужно принимать решения и действовать, и в то же время попытка спастись, пряча голову в песок — такая противоречивая комбинация истощала человека настолько, что он окончательно лишался всякого самоуважения и чувства независимости.

Подданный тоталитарного государства, несогласный с режимом, был вынужден встать на путь самообмана, подыскивая себе лазейки и оправдания. Но тем самым он как раз терял уважение к себе, которое так старался сохранить. Всеохватывающая мощь тоталитарной системы состоит именно в этом: она не только вторгается в наиболее интимные стороны каждодневной жизни человека, но, самое главное, разрушает целостность его личности, если он пробует сопротивляться. Большинство людей, подчиняясь требованиям системы, принуждающей их к конформизму, начинает ее ненавидеть, а в конечном итоге испытывает еще большую ненависть к самому себе. И если система может противостоять этой ненависти, то человек — нет, поскольку ненависть к себе разрушает личность.

Теперь мы подошли к пониманию еще одного феномена — **психологической притягательности тирании.** Тирания государства подталкивает своих подданных к мысли: **стань таким, каким хочет видеть тебя государство, и ты избавишься от всех трудностей, восстановишь ощущение безопасности во внешней и внутренней жизни. Ты обретешь спокойствие и поддержку в своем доме и получишь возможность восполнять запасы эмоциональной энергии.**

Можно суммировать следующим образом: **чем сильнее тирания, тем более деградирует ее подданный, тем притягательней для него возможность "обрести силу" через слияние с тиранией и через ее мощь восстановить свою внутреннюю целостность. Но это возможно лишь ценой полной идентификации с тиранией, т.е. отказа от собственной автономии.** Собственно, для большинства людей, когда они вынуждены выбирать между деградацией

личности и невыносимым внутренним напряжением, неизбежным будет выбор в пользу первого для сохранения внутреннего покоя. Но великая правда состоит в том, что в условиях тирании это не покой человеческого существования, а покой смерти.

Лишь немногие немецкие граждане могли выдержать давление тирании и выжить в условиях моральной изоляции и одиночества. Для этого необходимо быть очень крепко выстроенной личностью и сохранить ее с помощью близких людей, или иметь такие достижения, которыми можно гордиться и которые дают удовлетворение, даже когда никто другой не знает о них».

- 6-

Русские во многих отношениях - в смысле их психического склада - такие же люди, как европейцы, но они в гораздо большей степени сохранили наследие душевной жизни первобытного человека - в лучшем и более доступном сознанию виде, чем другие цивилизованные народы. Русские ближе к общечеловеческой бессознательной сущности, чем народы Запада. Их бессознательное, их «Оно» лежит гораздо ближе к поверхности сознания, чем у европейцев. Это является следствием того, что у русских значительно тоньше, беднее культурный слой - система «Сверх-Я», тех норм, которые, подчиняя себе первичные инстинкты человека, вытесняют их в бессознательное. Но это же делает русских благодарным материалом для психоанализа: они хороши и как пациенты, и как ученики, и недаром русские предвосхитили открытие самых глубоких тайн бессознательного.

З.Фрейд

Наше понимание массового формирования тоталитарного сознания было бы не полным без исследования истоков формирования русского фашизма. Те политические организации российской эмиграции послеоктябрьского периода, которые ставили себе целью борьбу за уничтожение советской власти и строительство на месте СССР другого государства (монархического, национально-трудового, фашистского и т.д.), долгие годы вели против СССР тайную войну. При этом использовались разнообразные методы - засылка на территорию СССР агентов с пропагандистской литературой, с целью разведки,

террора, диверсий, организации подпольных групп и т.д. Первую русскую фашистскую партию – Национальную Организацию Русских фашистов (НОРФ) основали в 1924г. в Сербии белоэмигранты: профессор Д. П. Рузский и генерал П. В. Черский. В 1927 году эта организация издала свою программу, которая “исходила из общих положений итальянского фашизма, но соответственно русским условиям намечала путь революционной борьбы с большевизмом и будущий ход восстановления освобожденной от коммунистов России. Вскоре она прекратила свое существование. В конце 1926 - начале 1927 года в Харбине кубанский казак Ковган создает организацию под названием Рабоче-крестьянская казачья оппозиция, или Русские фашисты (РККО-РФ). Сохранились две его книги - “Еврейство и Сатанизм” и “Записки Неуча”. В своей программе члены этой немногочисленной организации декларировали: “... Сама партия Рабоче-крестьянская казачья оппозиция или Русские Фашисты состоит из рабочих, крестьян и казаков с лозунгами и девизами, отражающими желания народных масс. Можно сформулировать так, что РККО - РФ - это три кита, на которых Россия стояла 300 лет. Опираясь на эти три главные силы России с их лозунгами и желаниями, есть полная возможность свергнуть настоящих узурпаторов жидо-коммунистов, поработивших Россию на началах Федерации - Штатов - Республики с Президентом во главе, то есть полное народоправство и самоопределение народов”. РККО-РФ действовала до середины 30-х годов. Русские фашисты существовали и в США. В 1933 году русский эмигрант Анастас Вонсяцкий создает Всероссийскую Фашистскую организацию (позже переименована во Всероссийскую Национал - Революционную партию). В 1934 году он пытается объединить свою организацию с Русской Фашистской партией в Маньчжурии (об этой организации речь пойдет ниже) - для “создания единого антикоммунистического фронта в Русском Зарубежье“. Но спустя год этот союз распадается - в частности потому, что “Вонсяцкий был противником антисемитизма”, - отмечает американская энциклопедия. Во второй половине 30-х годов он разослал по всему свету около 3 млн. номеров издаваемой им газеты “Фашист” (1933-1941) и бесчисленное количество фашистских листовок и открыток. И, тем не менее, число его сторонников было крайне малым. “Бурной” деятельностью Анастаса Вонсяцкого заинтересовалось правительство США. 9 Мая 1942 года ФБР устроило обыск в его имении, конфисковало оружие и большое количество фашистской литературы. 22 Июня 1942 года Вонсяцкого приговорили к 5 годам тюремного заключения и штрафу в 2 тысячи долларов. После освобождения от политической деятельности он отошел. Наиболее сильные оппозиции были у Всероссийской фашистской партии в Маньчжурии, созданной в 1925 году и сменившей за годы своего существования несколько названий. В 1925-1932 гг. она именовалась “Российская фашистская организация”; в 1932-1935 гг. - “Русская фашистская партия”; в 1935 - 1937гг. - “Всероссийская фашистская партия”; в 1937-1943 гг. - “Российский фашистский Союз”. Руководителем организации, ее генеральным секретарем, а затем - “главой” с начала 30-х годов, по момент ее закрытия - 1943г. - был К. В. Родзаевский. В Харбин он приехал 18-летним юношей в августе 1925 года. Поступив в Харбинский юридический факультет, уже в начале 1926 года вступает в Русскую фашистскую организацию и вскоре становится членом актива РФО. В 1927 году он организовал первые русские фашистские профсоюзы в Харбине - “Союз Национальных Синдикатов русских рабочих фашистов Дальнего Востока” (СНС). СНС напрямую подчинялся Центральному Комитету Русской фашистской организации.) Здесь были русские учебные, культурные и иные общественные заведения. При Харбинском юридическом факультете, созданном русскими профессорами-эмигрантами, работало Русское студенческое общество, объединявшее также студентов и из других высших

учебных заведений Харбина. К 1924 году внутри Общества сплотилась небольшая конспиративная группа, в которую вошли бывший офицер белой армии А. Покровский, сын генерала белой армии В. Голицын, сын казачьего офицера П. Грибановский, сын генерала белой армии М. Матковский, сын крупного банковского чиновника В. Олесов, эмигрант Б. Ливенцов, эмигрант Б. Румянцев. В качестве идеологической основы для борьбы с коммунизмом Покровский предложил идеи итальянского фашизма. В 1925 г. из членов этой группы и других русских студентов была создана Русская фашистская организация (РФО).

Руководство Всероссийской фашистской партии в своих программных документах: программе, уставе, так называемой “Азбуке фашизма” - выделяло три этапа деятельности организации: “этап собирания сил - подготовки” (работа в эмиграции по организации партии); “этап наступления - активной борьбы”, которая должна была завершиться “национальной революцией” (работа в эмиграции и перенос ее в СССР); и, наконец, “последний этап, после свержения коммунистической власти - национальное строительство, воплощение наших идей и программы в жизнь” - деятельность в России, **создание “Великой Российской Фашистской Империи”**. Как известно, до третьего этапа дело не дошло. Как у любой серьезной организации, у Всероссийской фашистской партии высшим органом был съезд. Их прошло четыре. Правда, первым посчитали информационное совещание, вторым - переговоры между Всероссийской фашистской организацией Вонсяцкого и РФП. А вот 3-й можно по праву назвать важнейшим событием в жизни партии... До съезда были выработаны проекты Программы, Устава, план антисоветской “внутрисоюзной” работы, подготовлены отчет о проведенной работе и финансовый отчет. Военная миссия дала добро на съезд и предоставила помещение. Съезду предшествовали бесконечные заседания ЦК ВФП. Программа прошла единогласно. **“План Новой России” как общенародного государства, базирующегося на “советах без коммунистов и евреев”**, предложенный Родзаевским, был принят единогласно. Проекты Устава партии и плана “трехлетки” на предварительных заседаниях ЦК вызвали разногласия и были перенесены на съезд.

3-й Всемирный съезд ВФП состоялся в июле 1935 года. Проект Программы был принят с незначительными поправками и обнародован последующими двумя изданиями в виде “Новой программы ВФП”, проект Устава - подавляющим числом голосов. Съезд провозгласил К. В. Родзаевского Главой Всероссийской фашистской партии и избрал предложенный им состав Верховного Совета ВФП, Центральной Контрольной Комиссии и Центральной Ревизионной Комиссии. Не вызвал возражений и “план фашистской трехлетки”. Любопытно, что российские фашисты позаимствовали у большевиков не только понятие “генеральная линия”, но и, подобно советским пятилеткам, установили “фашистскую трехлетку”. В частности, в рамках 1 Мая 1935г. - 1 Мая 1938г. они ставили перед собой задачу свергнуть коммунистическую власть в России. “Российские фашисты обязаны выполнить эту задачу или погибнуть!” - говорилось в “Азбуке русского фашизма”.

Путь осуществления “трехлетки” виделся им через максимальное развертывание “внутрироссийской работы” : в продолжение трех лет всю Россию намечалось покрыть “сетями несвязанных друг с другом ячеек”, которые по сигналу в 1938 году должны были поднять повсеместное единовременное восстание. В обязанности “русских подъяремных активистов” входила широкая пропаганда идей, программы и тактики российского фашизма. Каждая созданная в России революционная фашистская ячейка должна образовать несколько аналогичных революционных ячеек путем распространения фашистских листовок, устной пропаганды, террора, повстанчества и т.д.

Подробный план осуществления “трехлетки” был помещен К. В. Родзаевским в брошюре с сакраментальным названием “Что делать?”, которую российские фашисты пытались распространять среди российской эмиграции. Во все организации ВФП, особенно в странах, граничивших с СССР, были высланы подробные инструкции: пересылать в СССР фашистскую литературу, стараться заслать людей, распространяющих ее с заданиями по созданию там фашистских ячеек. Фашистскую литературу пытались пересылать в СССР и с советскими гражданами, выезжавшими в 1935-1937 гг. после продажи КВЖД правительству Маньчжоу-го.

В последствии Родзаевский напишет: “... Я абсолютно верил, что большинство русских людей настроено против власти, что Советская власть держится исключительно террором ЧК-ГПУ-НКВД, блестящей организации сыска, которая делает невозможной централизованную внутреннюю организацию, но что внутри страны - в армии, в партии, в самом НКВД, в народе - идет кровопролитная внутренняя борьба, существуют многочисленные мелкие организации, их террор и контртеррор власти. В организационном отношении объединить эту борьбу невозможно, но возможно объединить в идейном отношении, разрозненные выступления не принесут пользы, но если заблаговременно назначить отдельный срок единовременного выступления и широко оповестить об этом население СССР, то задача, может быть будет достигнута и Россия будет “спасена”. Так думал я тогда, ослепленный своим недоверием и ненавистью к власти, которая в моем представлении “губила” русский народ, а на самом деле вела его к рассвету и привела к неслыханной мощи. Я считал, что методом работы должна быть посылка внутрь СССР через все границы листовок, пропагандирующих “трехлетку”. Повсеместный посев тайных, несвязанных друг с другом и с нами оппозиционных, революционных, национал - революционных, и фашистских ячеек с одновременным повсеместным их выступлением 1-го Мая 1938г.”.

ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДОСЬЕ

«Российской Нации нужен передовой отряд, нужна Партия Нации - Всероссийская Национальная партия, Партия Национальной Революции - сегодня, Партия Национального строительства - завтра. Такой Всероссийской Национальной Партией призвана стать со временем наша Всероссийская Фашистская партия, потому что под знаменами ее собрались сильные, самодеятельные русские люди, потому что эта Партия явственно слышит родной голос Нации и в программе своей формулирует Национальную волю, потому что современная жизнь требует именно фашистских форм оформления Нации, - фашистские формы обеспечат победу над коммунизмом, фашисты дадут наилучшую организацию национальных сил в корпоративную систему национально-трудового государства, фашистские формы гарантируют от еврейской и масонской опасности... Выражая общерусские цели, только Всероссийская Фашистская Партия с максимальной отчетливостью формирует пути и способы борьбы - план свержения коммунизма и план возрождения России...»

К. В. Родзаевский “с момента начала проведения фашистской трехлетки, - писал один из теоретиков русского фашизма Г. В. Тараданов, - Всероссийская Фашистская партия становится партией национал - революционной, главнейшей своей целью ставящая работу на революционную борьбу с коммунизмом. Работа в эмиграции должна свестись, главным образом, к подготовке национал-революционных кадров”. Здесь не случайно подчеркивается факт

принадлежности российского фашизма к “национал - революционному” направлению российской послереволюционной эмиграции. И далее: **“ВФП будет приветствовать всякое вторжение в СССР иностранных войск, коль скоро это вторжение будет иметь действительно целью ниспровержение коммунистической власти и не преследует никаких захватнических целей”**. Расчет на “внешнюю войну” основывался прежде всего на уверенности, что она ускорит ниспровержение коммунистической власти, заставит события пойти более быстрым темпом: “... Приблизит нас к национальной революции - сократит нашу фашистскую трехлетку”. Что же касается слов “не преследует захватнических целей”, трудно судить, что это - наивность или демагогия. Русская фашистская организация в 1927-1931 годах продолжала разработку идеологии русского фашизма. В этот период были изданы: “Основные положения Русского Фашистского Движения”, “Тезисы Русского Фашистского Движения”. После войны, находясь в московской тюрьме, К. Родзаевский пишет в своих показаниях: “... Идеология Русского Фашизма разрабатывалась Покровским и Румянцевым, потом мною, в убеждении, что каждой эпохе свойственна своя международная ведущая идея, что такими идеями в прошлом последовательно были либерализм, демократия, социализм, что на смену им грядет “эра фашизма” и что “каждый народ должен создать свой фашизм, сочетающий общемировые формы с историческими традициями данного народа”. Эти исторические традиции мы усмотрели в идеале “Святой Руси”: государства, основанного на православной вере и социальной справедливости”.

В начале 1930-х годов положение эмигрантов сильно осложнилось. Основные причины тому были политические. Так, принятие СССР в Лигу Наций (1934г.) дало ему возможность саботировать меры помощи эмиграции и больше влиять на положение в других странах, которые к тому времени почти все установили дипломатические отношения с большевиками. В результате, после признания СССР Болгарией и Чехословакией (1934г.), “издававшаяся в Софии эмигрантская газета вынуждена была эвакуироваться в Белград. В Праге... стали запрещаться собрания эмигрантов, прежде не встречавшие никаких препятствий. В Париже, после установления франко-советской дружбы, редактору русской газеты категорически было предложено умерить нападки на Москву”, - пишет И. В. Гессен. С другой стороны, вторая половина 1930-х годов - это период окончательного краха “версальской” раскладки сил в Европе: восточноевропейские страны (Малая Антанта) и лимитрофы постепенно были перетянуты крепнувшей Германией в свою сферу влияния, Лига Наций стремительно теряла авторитет. В значительной мере это было следствием становления новых сил (фашизма). Стоит уточнить, что в ту эпоху слово “фашизм”, еще не скомпрометированное последующими военными событиями и расистским гитлеровским режимом, привлекало внимание самых широких ученых кругов Европы (в области социально экономических реформ), в том числе внимания католической Церкви (что нашло свое отражение в папских энцикликах). В большой статье “Фашизм и освобождение России”, опубликованной в газете “НТС”, говорится: **“Слово “фашизм” пользуется у нас большой популярностью. Хотя фашизм в своей социальной и политической сущности еще не определился, но только определяется, многие возлагают на него надежды в деле спасения России.**

Сила идей несомненна. Они часто являются первопричиной действий. И многим фашистские идеи казались именно теми идеями, которым суждено уничтожить коммунизм. ”Двумя основными разветвлениями пропаганды ВФП

были: пропаганда в СССР и в эмиграции. Они, в свою очередь, распались на ряд конкретных направлений. В документах русских фашистов определялись и формы пропаганды: устная и письменная агитация, диспуты, “радиоагитация”, “непосредственная агитация”: ношение значков, формы; праздники, шествия демонстрации, “фашистские уголки”, агитационные экскурсии, “агитационные игры”; художественная агитация: фотографии, плакаты, карикатуры, “фаш. стихотворения, фаш. рассказы, фаш. пьесы, живые картины, живые газеты, киноагитация” и т.д. Были определены “объекты” пропаганды: “враги”, “нейтральные”, “сочувствующие” и “фашисты”, и в отношении каждого из них ставились свои задачи. Так, задачей пропаганды среди “врагов” являлось: “Разделить - поссорить - создать неправильное представление о работе организации. - Вселить страх и мысль о поражении. - Вселить уважение. - Сделать нейтральными. - Заставить сложить оружие без боя. «Нейтральных» предполагалось сделать “сочувствующими”, у “сочувствующих” - “вызвать решение встать в ряды организации”. Задачи пропаганды в отношении фашистов: “Создавать чувства единства, спайки. - Сглаживать противоречия. - Создавать правильное представление о работе организации. - Вселить бодрое настроение и уверенность в победе». Свои идеи РФП распространяла через центральный орган “Наш путь”, ежемесячный журнал “Нация” и журнал «Фашист».

В то же время были созданы “Идеологический Совет” и “Комиссия по изучению СССР”, некоторое время готовившая ежемесячные сводки о положении в СССР для журнала “Нация”. В 1933 году в Харбине открылся Русский клуб - центральный штаб фашистов. Здесь же работал игорный притон, вносящий приличные суммы в кассу партии. Так же на территорию СССР засылались группы, снабженные листовками и фашистской литературой. К этому пытались также привлечь капитанов пароходов. Фашистская литература закладывалась в бутылки, которые при выходе парохода на границу сбрасывались вводу в расчете на то, что часть из них попадет на территорию СССР. В 1936 году совместно с японской военной миссией в СССР засылается “1-й фашистский отряд спасения Родины”. Плохо снабженный оружием и боеприпасами, он вскоре был настигнут частями НКВД и уничтожен. 4-й съезд (июнь 1939г.) Всероссийской фашистской партии постановил считать «трехлетку» частично осуществившейся, «так как в СССР введен культ родины и колхозники получили приусадебные участки». Новый генеральный план фашисты формулировали как “национальный антикоминтерновский сговор». Как писал К. В. Родзаевский: “Антикоминтерновский сговор должен был заключаться в сговоре со всеми иностранными фашистскими движениями, для построения против Коминтерна - Антикоминтерна всех иностранных фашистских организации, а также в поисках таких элементов в Германии и Японии, которые стояли бы на точке зрения войны не за отторжение территорий, а идеологической - уничтожение коммунизма для создания дружественной России...» Подготовка кадров первых русских фашистов в период существования РФО осуществлялась через «Политические курсы РФО» - еженедельные лекции и собеседования, проводимые Покровским и Румянцевым. В то же время начались первые доклады о фашизме для всех желающих в помещении Студенческого общества. Впоследствии существовала довольно четкая ступенчатая система политического образования: начальная – «Элементарные курсы фашизма», средняя – «Районные школы фашизма» и высшая – «Фашистская академия имени П. А. Столыпина». Такие идеологические методы дополнялись и практическими. Фашисты срывали проводимые советской колонией в Харбине торжественные собрания по случаю революционных праздников, демонстрации советских фильмов, для чего отключали свет, подбрасывали сосуды с сероводородом,

чихательные порошки... Желающие вступить в ряды РФП писали заявление о том, что “разделяют вполне идеологию и тактику Русской фашистской партии”. Сначала их определяли в сочувствующие, затем - в кандидаты и через какой-то срок - в действительные члены. Существовали первичные (2-5 человек) организации - фашистские ячейки, более крупные – «очаги» и организации в одной или нескольких странах – «отделы». Отделы партии были в США, Уругвае, Литве, Румынии, Сирии, Японии, Канаде, Чили, Новой Зеландии, Филиппинах, Индокитае, Марокко, Греции, Бельгии, Германии, Голландии, Испании. Для вступления в организацию заполнялась анкета и опросный лист, на каждого члена велось личное дело, на каждую организацию - также. В феврале - марте 1934 года были учреждены сопартийные органы: «Российское Женское Фашистское Движение», «Союз Юных Фашистов – Авангард», «Союз Юных Фашисток-Авангардисток» и «Союз Юных Фашистских Крошек». «Непосредственной пропаганде» отводилась важная роль. В начале 1934 года ЦК РФП принял постановление о форме, значке, партийном гимне. Формой организации была принята черная рубашка, черные галифе и сапоги, портупья через плечо; значком - сочетание свастики с двуглавым орлом царской России; приветствием - поднятие вверх правой руки с возгласом «Слава России!». “Фашистки” носили белые блузки с галстуками в виде банта. Каждая организация имела свои знамена с эмблемами, в центральной части которых была, конечно же, свастика. В таком живописном виде фашисты выходили на парады, демонстрации. Эти шествия действовали на массы и привлекали новых членов. За 1934 год численность организации в Харбине достигла 2000 человек, по всей Маньчжурии - 6000 человек, с заграничными организациями - 15 000, к 1937 году общая численность достигла 20 000 членов. Всего за годы существования партии через нее прошло около 30 тыс. человек.

ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДОСЬЕ

«... Нас, Русских Фашистов, многие, настроенные против, обвиняют в том, что наше фашистское учение является точной копией фашизма иностранного: итальянского и германского. ... **Российское Фашистское Движение построено на началах религиозных, национальных и трудовых. Не случайно одним из лозунгов русских фашистов является: “Бог. Нация. Труд”.** ... Русские Фашисты считают, что Россия испокон веков была оплотом Православия, и Православие являлось одним из объединительных факторов для создания Русского государства из разрозненных до тех времен славянских племен, что именно Православие осветило их путь светом истины и указало дорогу к дальнейшему нравственному совершенствованию, поэтому необходимо почитать культ Святого Равноапостольного князя Владимира, как утвердившего Православие на Руси... Н. Иванов». Вот что писала газета «НТС» накануне второй мировой войны: «Европе не впервой переживать борьбу двух коалиций... Но теперешнее соперничество глубже и сильнее, ибо противников разделяет не только экономическое соперничество и борьба за власть, но и глубокая идейная вражда. Два идеала, два миропонимания, два уклада, презирающих и ненавидящих друг друга...». После нападения Германии на СССР в руководстве РФС произошел раскол, часть фашистов во главе с Родзаевским приветствовала Гитлера, так как была уверена в скором крахе советского строя, другие руководители организации (Н. Н. Петлин, Ф. С. Сиваченков и др.), резко осудив нападение фашисткой Германии, вышли из состава Верховного совета и рядов РФС решившихся на борьбу. Самым главным побудительным мотивом было то, что поначалу и наш народ питал те же надежды на германский поход против

большевизма, что и эмиграция. **Антикоммунистический потенциал в СССР был огромен и проявился в первые же месяцы войны, когда в плен к немцам сдались почти 4 миллиона красноармейцев, не желая защищать сталинский режим...** Многие военные надеялись на создание Русской Освободительной Армии и национального русского правительства со статусом союзника Германии. В конце июня 1941 года начавшаяся война Германии против СССР так воодушевила К. В. Родзаевского, что буквально на следующий день он с группой российских фашистов посетил немецкого консула в Харбине, передав ему приветствие в адрес Гитлера и заявив, что Российский фашистский союз рассматривает эту войну не как войну с русским народом, а как войну за уничтожение коммунизма. Известно, что через несколько дней после начала войны было проведено секретное совещание членов штаба РФС, на котором «большинство участников высказывалось за необходимость установления прочных связей с зарубежными отделами РФС и выяснения наличия у этих отделов сил и возможностей для организации активной подрывной работы против СССР». Позднее члены штаба создали «мобилизационный план РФС», в котором были разработаны мероприятия по мобилизации кадров Союза в случае начала войны Японии с СССР. РФС в 1942 году насчитывал более 600-700 человек по всей Маньчжурии, активных членов - около 200 человек. Сохранилось несколько документов РФС периода Великой Отечественной войны. Большинство из них датировано 1942г. В секретном «Приказе №3 Главы Российского Фашистского Союза» РФС объявлен с 22 января 1942 г. в «состоянии окончания подготовки к переходу на родную землю». Там же была утверждена новая «организационная схема РФС», в которой 17-м пунктом значилось: «Учреждаю Секторы РФС в освобожденной части России: Сектор РФС - в Западной части России, Сектор РФС - в Северной части России, Сектор РФС - в Южной части России. Проведение этой работы поручается моему заместителю на освобожденной части России и наличным там фашистским кадрам. В дальнейшем сектора должны быть развернуты согласно плану местных управлений РФС, с тем, чтобы в каждой области освобожденной России был отдел РФС».

Но из Советского Союза и с «освобожденной от коммунизма территории России» в Маньчжурию начали приходит вести, о том, что немцы на оккупированных территориях не создают ни «Русского национального правительства», ни «Русской Армии, национальных советов и русской национальной партии», как предполагали фашисты в Маньчжурии, что там ведется война на уничтожение русского народа. Среди российских эмигрантов стали усиливаться антинемецкие настроения, члены фашистской организации требовали от своего руководства «отказаться от слова «фашизм» и от знака «свастика», с заменой его знаком василька, как символа русских полей». В начале войны начальник Парагвайского отдела РФС Эрн прислал письмо о том, что он считает необходимым закрыть отдел и единственный выход видит во вступлении в Красную Армию «для борьбы с внешним врагом, отложив счета с властью на будущее». Постепенно Союз теряет своих членов и деятельность его практически прекращается. А уже 1 июня 1943 года Русский фашистский союз был официально закрыт властями Маньчжурии. После оккупации Харбина советскими войсками в августе 1945 года, уже через год, в конце августа 1946-го, в Москве состоялся судебный процесс по «Делу бывшего белогвардейского атамана Г. М. Семенова, руководителя Российского фашистского союза К. В. Родзаевского и других...» По приговору Военной коллегии Верховного суда Союза ССР Григорий Михайлович Семенов был повешен, а Константин Владимирович Родзаевский расстрелян в сентябре того же года. Из всего сказанного можно сделать вывод, что расчеты российских фашистов на успешное развертывание

диверсионной деятельности в России не оправдались. Провалилась не только «трехлетка», планирующая захват власти к 1 Мая 1938г. По-видимому, ни одна серьезная акция фашистам не удалась, если не считать случаев распространения агитационной литературы на территории СССР, особенно организациями ВФП, созданными за пределами Маньчжурии.

КОМАНДУЮЩЕМУ ОККУПАЦИОННЫМИ ВОЙСКАМИ КРАСНОЙ АРМИИ СССР В МАНЧЖУРИИ МАРШАЛУ А. М. ВАСИЛЕВСКОМУ

«В эти дни со всех сторон Вы получаете поздравления с победой. Война в Манчжурии окончена, и СССР стер позор старой России в прежней Русско-японской войне. Над исторической Русской крепостью веет знамя Новой РОССИИ - советское Знамя Революции. Я не имею права к общему хору приветствий нашего народа присоединить свое и своих соратников поздравление, но как Русский человек, как вчерашний враг СССР, пересматривающий весь свой жизненный путь и свою былую антисоветскую работу, я могу выразить свою и всех тех, кто идет за мной - искреннюю радость по поводу очередной славной советской победы, по поводу новых блестящих достижений Российской Армии - Красной Армии СССР под Вашим командованием и сталинским руководством. В ночь на 13 августа я покинул Харбин, а перед тем вышел из состава «Главного Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской Империи», не для спасения своей жизни, а для спасения от опасностей переходного периода работы в моей организации - и потому, что мы не хотели участвовать в войне против нашей Родины. Мы уже сделали много роковых ошибок, назвали наше молодежное и национально-трудовое движение «фашистским», боролись с коммунизмом вместо борьбы с мировым капитализмом, были на стороне Германии в решающие для нашего государства и народа годы, 1941-1943, работали как друзья, союзники, пленники и рабы японцев в последние 14 лет, но давно уже сомневались в правильности нашего пути, давно колебались и искали путей примирения с Родиной, и конечно, не могли не понимать, что война СССР с Японией ведется явно за Русские национальные интересы. Мы были против коммунизма, когда коммунизм был против религии и нации, поскольку религия и нация были орудиями прежних господствующих классов, но когда старые классы были уничтожены, когда религия и нация примирились с коммунизмом и коммунизм с ними примирился, - цели борьбы исчезли, борьба стала бессмысленной и преступной... Поэтому, хотя 9-10 августа мы и сделали вид, что хотим принять участие в войне СССР с Японией на стороне Японии, но уже в 9.08 стали уничтожать архивы, литературу нашего «Российского Фашистского Союза», а в 11.08 я согласился уехать из «Маньчжу Ди-го» (Маньчжоу-го) при условии, что мне будет разрешено взять с собой моих соратников... Покинув Харбин вместе с маленьким кадром последних единомышленников, я нашел в поезде других руководителей бывшего «Главного Бюро» и различную случайную публику в среде которой мы тотчас же образовали замкнутую группу, от лица которой я сделал соответствующее заявление ближайшим советским представителям. **В этом письме я подробно изложил свою душевную эволюцию от лжефашизма к национал-коммунизму и сталинизму** и утверждаю, что в моем представлении интересы России сейчас и навсегда абсолютно совпадают и что Армия мировой революции - Красная Армия СССР - одновременно выполняет великую миссию Российской великодержавности, раз Россия, ставшая СССР через построение социализма в одной стране, стала единственным в мире социалистическим государством. Я прошу Вас и через Вас соответственные следственные органы - внимательно разобраться в деятельности нашего «Российского Фашистского Союза» в Манчжурии и обратить внимание,

что, не смотря на свой профашистский и вынужденный про-японский характер, эта деятельность всегда стремилась к защите Русских интересов, Русского имени, Русских людей. Мы старались по мере сил бороться за правовые, экономические и культурные интересы эмиграции. ... Прошу вас взять под свою защиту - во имя справедливости в интересах Родины - бывших российских фашистов, по недоразумению, по заблуждению или из-за моей страстной проповеди состоявших в нашем Движении. Эти люди могут быть полезны для родины. ... - Да здравствует сталинская коммунистическая партия - ведущая партия народов Советского Союза и неизбежно грядущей мировой справедливости!

К. В. Родзаевский.

К. В. Родзаевский был арестован 29 сентября 1945 года. Письмо напечатано в одном экземпляре и находится в деле К. В. Родзаевского среди материалов «Судебного процесса по делу антисоветских белогвардейских организаций агентов японской разведки...». Письмо отпечатано на пишущей машинке на 8 листах, вырванных, вероятно, из блокнота. Заглавие и подпись сделаны чернилами.

Так бесславно и покаянно закончилась первая часть истории русского фашизма возникшая, как крайняя форма протеста против октябрьского переворота и не получившая серьезной поддержки в стране охваченной кровавыми репрессиями по тоталитарным мотивам. Сталину фашисты были не нужны. Потом была беспримерная по тяжести война с фашистской Германией не выработавшая иммунитета к фашизму. А сейчас...

Вспоминается знаковый диалог героев замечательного фильма «Семнадцать мгновений весны» шефа гестапо Мюллера и Штирлица, которые обсуждают, что будет после войны. И Мюллер произносит примерно следующее: «Вы думаете национал-социализм умер? Нет! Когда в какой-то стране, когда-нибудь, вы услышите слово «Хайль!», знайте, мы живы, мы возродились и оттуда мы вновь начнем наш крестовый поход!».

Слово «хайль» мы теперь слышим в России...

- 7 -

"Познай то, что перед лицом твоим,
и то, что скрыто от тебя,
откроется тебе. "

"Евангелие от Фомы"
(апокриф).

Тоталитаризм и религия

Воинствующий атеизм марксизма и гонения на религию в СССР и других коммунистических странах достаточно хорошо известны в России, чтобы нам на

них тут останавливаться. Что касается фашизма и нацизма, то, по сути дела, эти языческие доктрины глубоко враждебны христианству: внешне Гитлер и, особенно Муссолини, выступая в качестве антиподов марксистов и коммунистов, выдавали себя за защитников христианства. Более откровенным Гитлер был в «Моей борьбе»: «Для меня лично и для всех национал-социалистов существуют только ... нация и отечество. Мы должны бороться ... за сохранение и распространение нашей расы и нации ... сохранять в чистоте нашу кровь, свободу и независимость... Каждая мысль, идея, учение и все виды познания должны служить этой цели». Еще более откровенным Гитлер был в так называемых застольных беседах, например: «Думаете, что массы снова станут христианскими? Никогда! ... а духовенство предаст своего Бога нам... и сменит крест на свастику. Они будут славить чистую кровь нашей нации, вместо крови Христа...». К концу 1939 года в Германии было арестовано около 5700 католических священнослужителей, то есть примерно 20% всего германского католического духовенства, половина из них была посажена в концлагеря. Сопротивление германского католического духовенства нацизму наиболее сильно было выражено в декларации съезда баварского католического епископата от 22 марта 1942 года, которое было широко распечатано и распространено, несмотря на правительственный запрет. В декларации говорилось: «Годами уже идет в нашем отечестве борьба против христианства и Церкви ... Мы выступаем не только за права непосредственно религии и духовенства, но и вообще за права человека, данные ему Богом... Мы требуем юридических доказательств вины всех приговоров и освобождения тех, кто содержится в заключении без таковых. ...Нацисты хотят уничтожить христианство...». Известно также лютеранское движение сопротивления нацизму. Это так называемая Конфессиональная или Исповедническая церковь. Меньшинство лютеран, олицетворяли такие личности, как пасторы Нимеллер и Боннхейфер - оба были заключены в концлагеря: Боннхейфер там и погиб, а Нимеллер пережил войну и был активным религиозным и миротворческим деятелем послевоенной Германии.

Итальянское католическое духовенство было «куплено» Лютеранскими соглашениями 1929 года, признавшими Католическую церковь государственной, позволившими ей получать дотации от государства, включавшими обязательное преподавание закона Божьего в программы всех государственных школ и давшими право Католической церкви иметь свое молодежное движение параллельно с фашистской *Балилле*. Муссолини в своей «Доктрине фашизма» писал: **«Фашизм является религиозным мировоззрением ... Фашист это индивид, отождествляющий собой нацию и отечество. Это нравственный закон, связывающий индивидов и поколения единой традицией и миссией ... нация создается государством, которое вооружает людей, сознающих свое нравственное единство волей, а, следовательно, и осмысленностью бытия .... Иными словами, фашизм не только законодатель и учредитель институций, но еще и просветитель, и вдохновитель духовной жизни».**

Ясно, что в этих доктринах и претензиях места христианству и Богу нет. Тоталитаризм не может быть невраждебным вере в Бога, ибо сам является неким новоязыческим культом идола-государства, идола-нации, идола-расы, наконец, идола-вождя. Как любая религия, тоталитаризм охватывает всего человека, требует от человека полной самоотдачи себе, наподобие того, как глубоко верующий человек посвящает себя Богу. Разница в том, что Христос ожидает от нас добровольной жертвы, по образу и подобию той жертвы, которую Он принес за нас, пойдя на крест. Христос обращается к свободной личности и говорит: «Познайте истину, и истина сделает вас свободными»; и в другом месте: «Время мое легко»,

потому что оно основывается на любви, любви человека к Богу и, возлюбив Бога, - любви к человеку. А тоталитаризм ведет с противоположного конца: творит свою утопию на основании насильственного подчинения себе личности государственной или партийной системой, лишение человека своего «я». Да, на протяжении истории государства использовали религии для своих политических целей, применяли насилие через религии, в конце концов, нельзя забывать и об инквизиции, но все это было искажением христианства, в то время как террор и порабощение народов тоталитарными идеологиями логически следуют из этих идеологий и являются органической их частью. Как черные мессы сатанистов и вся их символика являются оборотнем христианской литургии: крест вверх ногами, ненависть вместо любви, реальная кровь в чаше вместо бескровной жертвы христиан в евхаристии, так и тоталитаризм является оборотнем христианства.

Особенностью нынешнего российского авторитаризма, да и части фашистских организаций становится сотрудничество со значительной частью представителей РПЦ. Сейчас в России становится популярной идеология - «если ты не православный, значит не русский». Или вот ещё одна формулировка: «Россия для русских». Кто же стоит за всем этим? Оказывается это совсем не трудно понять. Зайдите на сайты русских фашистов и вам станет всё ясно как Божий день. За русским фашизмом стоит агрессивный национализм и антисемитизм экстремистского крыла Русской православной церкви. **Именно экстремистская часть РПЦ сегодня в России со своим собственным учением об антисемитизме создает почву для возникновения фашизма, но только уже русского.** Когда средства массовой информации стали освещать вопиющие случаи надругательств и убийств националистами чернокожих студентов, евреев и лиц «кавказской национальности», РПЦ в основной массе своей молчала. Да и государство помалкивало. Сочувствие, так сказать, по вопросу националистических идей. Лишь когда уже в центре Москвы и Питера нагло в массовом порядке стали резать, как овец на бойне, нерусских граждан, стали как-то реагировать. Довольно вялая, надо сказать, реакция. Чувствуется предвзятость... Реальность духовной жизни такова, что церковь призвана быть самым влиятельным институтом на земле, быть светом и солью. «Но если соль потеряет силу, то чем сделаешь её солёною. Она уже ни к чему не годна», - учил Христос (Мтф.5:13). Если такой важный институт как церковь перестаёт отличать истину от лжи, грех от беззакония, любовь от ненависти, то... У меня в руках газета национально-патриотических организаций Читинской области «Русское Забайкалье». Надо сказать насквозь националистическое, антисемитское издание. Основная идея материалов - настроить читателя против «врагов русской нации» - евреев, либералов, сектантов и прочих людей, не разделяющих их «идеалы». Также они призывают вступать в организацию «Союз русского народа» (СРН), называемую «Мстителем», который освободит Россию от врагов. «Русь идёт. Расползайтесь, гады», - так заканчивается одно из её посланий. В материале посвящённом организации СРН в Чите говорится, что «одним из основных направлений организации должна стать духовно-просветительская деятельность». Далее поясняется, что основным содержанием этого просвещения является разъяснение идей национализма. **На фотографии учредительного собрания посвящённого открытию филиала СРН в Чите мы видим представителей православного духовенства Забайкалья.** Интересен тот факт, что очень многие «просвещённые» русские наци, считают, что Иисус был русским и даже православным. Они так «свято» в это верят, что готовы перегрызть горло любому, кто с ними не согласится. Мягко говоря, очень странное вероучение, ничего общего не имеющего с учением Писания. Да и сама суть движения национализма - возвышение себя путём унижения других - как может иметь хоть

что-то общее с христианской верой и Богом?! Такие организации как: «Русский общенациональный Союз», «Чёрная сотня», «Русское национальное единство», и другие открыто проповедующие идеи национализма, экстремизма и ксенофобии, размещают на своих сайтах материалы посвящённые разжиганию национальной и религиозной вражды, исповедующие насилие. Самое неприятное в этой картине именно то, что их мероприятия проходят под благословением очень многих священников Русской православной церкви, и многие из них принимают непосредственное участие в таких проектах. Под лозунгом «люби врагов своих, сокрушай врагов Отечества, гнушайся врагами Божиими!», национал-патриоты готовят в современной России благоприятную почву для новых межрелигиозных, межнациональных конфликтов и войн.

Однако хочется отметить, что не все священнослужители Русской православной церкви разделяют убеждения националистов. Есть и такие, кто открыто противостоят этому ложному учению, проникшему в церковь. Но всё же их голос очень слаб и почти не слышен. Так, например, в обращении Духовенства Петушинского благочиния Владимирской епархии РПЦ МП к верующим Петушинского района говорится, что «Мы обеспокоены тем, что некоторые кандидаты используют в предвыборной борьбе националистическую тему, прикрываясь при этом авторитетом Православной Церкви... Церковь определяет саму себя как вселенскую, в которой «нет ни Эллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос (Послание к Колоссянам 3, 11)». И ее задача нравственное воспитание народа его единство и мир. Те же, кто использует в своих выступлениях тему национализма, и выдают себя за православных, по нашему мнению, таковыми не являются, ибо выражают откровенно сектантские взгляды. Церковь многонациональна, и национализм в Православной Церкви недопустим». Текст подписан всем духовенством епархии (размещён на сайте РОНС под рубрикой «Иуды в рясах»).

Уникальным для нашего времени стремлением к преодолению межконфессиональной и национальной розни в России пронизана речь Патриарха Алексия 2 с которой он выступил в центральной синагоге Нью-Йорка перед раввинами США 13 ноября 1991 г. С учетом актуальности этой речи и сегодня, приведу ее текст полностью:

"Дорогие братья,

шолом вам во имя Бога любви и мира! Бога отцов наших, который явил Себя угоднику Своему Моисею в Купине неопалимой, в пламени горящего тернового куста, и сказал: "Я Бог отцов твоих, Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова". Он Суший - Бог и Отец всех, а мы все братья, ибо мы все дети Ветхого завета его на Синае, который в Новом завете, как мы, христиане, верим, обновлен Христом. Эти два завета являются двумя ступенями одной в той же богочеловеческой религии, двумя моментами одного и того же богочеловеческого процесса. В этом процессе становления Завета Бога с человеком Израиль стал избранным народом Божиим, которому были вверены законы и пророки. И через него восприял Свое "человечество" от Пречистой Девы Марии воплотившийся Сын Божий. "Это кровное родство не прерывается и не прекращается и после Рождества Христова... И потому мы, христиане, должны чувствовать и переживать это родство как прикосновение к непостижимой тайне смотраения Божия". Очень хорошо это выразил выдающийся иерарх в богослов Русской православной церкви архиепископ

Херсонский и Одесский Никанор (Бровкович) в проповеди, произнесенной в Одессе более чем сто лет назад.

Главная мысль этой проповеди - теснейшее родство между ветхозаветной и новозаветной религиями. Единение иудейства и христианства имеет реальную почву духовного и естественного родства и положительных религиозных интересов. Мы едины с иудеями, не отказываясь от христианства, не вопреки христианству, а во имя и в силу христианства, а иудеи едины с нами не вопреки иудейству, а во имя и в силу истинного иудейства. Мы потому отделены от иудеев, что мы еще "не вполне христиане", а иудеи потому отделяются от нас, что они "не вполне иудеи". Ибо полнота христианства обнимает собой и иудейство, а полнота иудейства есть христианство.

В основе выступления архиепископа Никанора лежала идея взаимопонимания между Православной церковью и еврейством. Это стремление к сближению не было одиноко в нашей Церкви. Еще в 1861 г. епископ Нижегородский Хрисанф (Ретивцев) призвал Церковь содействовать прекращению враждебности, установить отношения диалога с евреями. В таком же духе обращался к евреям в начале нашего века и архиепископ Николай (Зиоров). "Еврейский народ близок нам по вере. Ваш закон - это наш закон, ваши пророки - это наши пророки. Десять заповедей Моисея обязывают христиан, как и евреев. Мы желаем жить с вами всегда в мире и согласии, чтобы никаких недоразумений, вражды и ненависти не было между нами".

Исходя из таких вероучительных и богословских убеждений, иерархи, духовенство и богословы нашей Церкви решительно и открыто осуждали всякие проявления антисемитизма, вражду и погромы в отношении евреев. Так, осуждая погром 1903 года в Кишиневе, архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий) публично заявлял: "Жестокие кишиневские убийцы должны знать, что они посмели пойти против Божественного Промысла, что они стали палачами народа, который возлюблен Богом".

Во время печально знаменитого суда над Бейлисом эксперты нашей Церкви - профессор Киевской духовной академии протоиерей Александр Глаголев и профессор Петербургской духовной академии Иван Троицкий - твердо защищали Бейлиса и решительно высказались против обвинений евреев в ритуальных убийствах. Очень много сделал для защиты евреев от антисемитских нападений со стороны крайних радикально-правых организаций митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Валдковский). Мужественно защищали евреев от вражды и неправых обвинений со стороны антисемитских кругов многие другие наши иерархи и богословы: митрополит Макарий (Булгаков), епископ Гродненский Донат (Бабинский), епископ Виссарион (Нечаев), архиепископ Серапион (Мещеряков), архиепископ Макарий (Миролюбов)...

Отдельно надо сказать об участии в защите евреев против антисемитизма многих наших богословов и выдающихся религиозных мыслителей - например, Владимира Соловьева, Николая Бердяева, о. Сергия Булгакова. Соловьев считал защиту евреев, с христианской точки зрения, одной из важных задач своей жизни. Для него еврейский вопрос не есть вопрос о том, хороши или плохи евреи, а есть вопрос о том, хороши или плохи мы, христиане. Для налаживания христианского диалога много сделали наши

знаменитые православные религиозные мыслители, евреи по происхождению, Семен Франк и Лев Шестов.

Однако не только знаменитые иерархи и богословы участвовали в этом благородном деле. Многие священники на местах активно защищали и спасали евреев от погромов и преследований. Во время второй мировой войны и нацистской оккупации духовенство и верующие нашей Церкви, рискуя своей жизнью, укрывали евреев. Классические примеры этого - мать Мария (Скобцова), священники Дмитрий Клепинин и Алексей Глаголев, многие другие, о подвигах которых, о жертвенном служении спасению их еврейских братьев и сестер следует всем нам знать. Армия нашей страны в борьбе с гитлеровской Германией ценою жизни почти 20 миллионов победила нацизм, освободила оккупированные немцами страны Европы и тем предотвратила "окончательное решение еврейского вопроса", запланированное и жестоко проводимое нацистами на этих территориях, спасла евреев от полного истребления.

После второй мировой войны наша Церковь начала налаживать свои отношения, сотрудничество со всем христианским миром, со многими международными нехристианскими организациями и объединениями, в том числе и с еврейскими. Мы активно участвовали в деятельности Всемирного совета церквей, в частности, его комиссии "Церковь и еврейский народ", в работе международных конференций - в Москве были проведены две крупные международные конференции представителей христианских церквей и нехристианских мировых религий, где Русская православная церковь выступала с решительным осуждением милитаризма, расизма и антисемитизма.

К сожалению, сегодня, в трудное для нашего общества время, антисемитские настроения в нашей жизни проявляются довольно часто. У этих настроений, распространенных среди крайних экстремистов, правых шовинистических групп, есть питательная среда: общий кризис, рост национального обособления... Задача Русской церкви помочь нашему народу победить зло обособления, этнической вражды, узкоэгоистического национал-шовинизма. В этом трудном, но святом для всех нас деле мы надеемся на понимание и помощь наших еврейских братьев и сестер. Совместными усилиями мы построим новое общество, - демократическое, свободное, открытое, справедливое, такое общество, из которого никто не желал бы больше уезжать и где евреи жили бы уверенно и спокойно, в атмосфере дружбы, творческого сотрудничества и братства детей единого Бога - Отца всех.. Бога отцов ваших и наших.

С радостью я должен засвидетельствовать здесь, что желание вести сближающий диалог с Русской православной церковью всегда находило положительный отклик и поддержку со стороны общественных и духовных руководителей еврейских общин в нашей стране. Из наиболее известных можно упомянуть Ицхака Бер Левинсона, который был отцом движения Гаскала (первая половина XIX в.) - движение высокой духовности среди евреев России. С предложением вести диалог между евреями и Русской церковью он обратился к архимандриту Христофору, ректору Кременецкой духовной семинарии на Волыни, где они оба жили и работали. Книга Левинсона о диалоге с православными „Довольно крови" была переведена на русский язык

в 1883 г. и получила широкое распространение. Ее популярность напугала наших реакционеров, и они осудили ее в начале века как опасную для православного духовенства.

В связи с еврейско-православным диалогом следует назвать еще несколько имен: раввина Шмуила Александрова из Бобруйска, (Беларусь) - знаменитого еврейского каббалиста, находящегося под влиянием Вл. Соловьева и убитого фашистами в 1941 году; раввина Лейб Иегуда Дон-Яхия из Чернигова (Украина) - он испытал на себе влияние Толстого, которого часто цитировал в своих проповедях. Следует вспомнить нашего современника профессора Михаила Агурского из Иерусалима, знатока истории евреев в России, много сделавшего для нашего сближения. Недавно он приехал из Израиля в Москву на конгресс русской диаспоры и здесь неожиданно умер. Вечная ему память...

Вообще евреи в нашей стране с уважением относились к нашей Церкви и ее духовенству. Не случайно адвокатом митрополита Петербургского Вениамина в 1922 г. на суде по делу так называемых „церковных ценностей" был еврей Гуревич, который самозабвенно защищал митрополита...

На иконостасе нашего русского храма в Иерусалиме начертаны слова псалмопевца: "Просите мира Иерусалиму". Это сейчас то, что нам всем нужно - и вашему, и нашему народу, всем другим народам, ибо как Бог наш един Отец, един и неделим для всех чад Его.»

Речь патриарха пронизанная христианской любовью и мудростью была встречена крайне агрессивной экстремистски настроенной частью православного клира и близкими к ним по духу мирянами. Его обвиняли в предательстве идеалов христианства, ереси, политических играх, пропаганде экуменизма, требовали отлучения от церкви.

«Иудеи не имеют права хвалиться своим происхождением по плоти от Авраама (в чем обличал их и св. Иоанн Предтеча - Мф. 3, 9), не веруя, как веровали Авраам и все ветхозаветные праведники в будущего Спасителя (Евр. 11, 13), "Который есть Христос" (Гал. 3, 16) и Бог (Рим. 9, 5). Потому не иудеи (по плоти), а христиане суть истинные по вере потомки "Авраама, который есть отец всем нам" (Рим. 4, 16). Следовательно, иудеи не в праве похваляться унаследованной ими чрез Авраама верой (Рим. 4, 12), которой они, в сущности, изменили из-за своего неверия в Христа как Мессию и Сына Божия (Мк. 14, 61-62). Что же касается "вечного завета", заключенного Богом с Авраамом (Быт. 17, 7), то он был отменен и заменен Господом нашим Иисусом Христом - Великим Пастырем овец "Кровию завета вечного" (Евр. 13, 20).»

«Что может быть единого у христиан с чадами сатаны и слугами антихристовыми?»

«Так, чтобы обосновать необходимость иудейско-христианского "диалога", Патриарху, по-видимому, показались недостаточными слова иудействовавших иерархов и перечень их имен, и он решил подкрепить свои призывы к единению авторитетом "мыслителей". И вот Святейший Патриарх, Предстоятель Русской Православной Церкви ссылается на философа Вл. Соловьева, вдохновившего о. Сергия Булгакова на эротическую муть его "софиологической" ереси, соборно осужденной Русской Церковью в 1935 году и в России, и за рубежом. Ссылается он

и на "религиозного праздношатая" профессора Николая Бердяева. А как, интересно, Патриарх зачислил в "православные мыслители" ницшеанца Льва Шестова?»

«Для Патриарха авторитетен и некий "знаменитый каббалист", т.е. знаток той смеси диких суеверий, колдовства, астрологии, алхимии и знахарства, которую являет собой Каббала, эта энциклопедия идолослужения и культа демонов. Патриарх ссылается еще и на раввина, "испытавшего на себе влияние" отлученного от Церкви (точнее, самого от нее отрекшегося) Льва Толстого. И совсем уже курьезом звучит возглашение Патриархом "вечной памяти" Мэлибу (имя составлено из фамилий Маркса, Энгельса и Либкнехта) Агурскому. Этот Агурский в крещении принял имя Михаила, а по выезде в Израиль отрекся от христианства».

«Любопытно читать и о том, что, оказывается, "вообще евреи в нашей стране с уважением относились к нашей Церкви и ее духовенству". Ныне ни для кого не секрет, что впервые 19 лет Советской власти (с 1917 по 1937 год) подавляющее большинство руководителей партийно-административного аппарата и карательных органов были евреи (Подробные факты можно найти в книге А.И. Дикого "Евреи в России и в СССР"). За эти годы среди жертв террора (только убитыми) оказались 128 православных епископов и десятки тысяч священнослужителей. Вообще, количество жертв учиненного этими деятелями разгрома России не идет ни в какое сравнение с жертвами пресловутых "погромов", происходивших на юге России до революции (да и те "погромы" были больше погромами православных евреями)».

«Жидовство руководит подготовкой к пришествию и воцарению антихриста (имеется в виду, конечно, не этническая общность людей, евреев, но общность религиозно-духовная, которая и именуется жидовство, в отличие от еврейства). Этот общеизвестный факт, о котором говорят все пророчества древних Отцов, очевиден православному человеку.»

«...речь, произнесенная Патриархом Алексием II в Нью-Йоркской синагоге 13 ноября 1991 г. есть ересь. Ересь, осужденная Самим Господом Иисусом Христом. Патриарх призывает христиан к "единению" с врагами Христа и Его Церкви».

С любовью о Господе, Андрей Рюмин
*в день светлого праздника Воздвижения Честного и Животворящего Креста
Господня, лето 1998*

<http://www.omolenko.com/otstuplenie/ryumin.htm>

«Данная публикация (речи Патриарха авт.) поможет расставить окончательный акцент в церковном поведении к тем объединителям, которые допустят хотя бы одно «евхаристическое» общение с сергианствующими и жидовствующими еретиками-экуменистами из Московской Патриархии. Подобное сослужение (не говоря уже об «объединении») лишает иерарха апостольской преемственности и ставит его в положение вне Церкви Христовой. А потому, подчинение такому отступнику уже не будет подчинением во Христе, но предательством Православного Христианства и лже-послушанием. Наоборот, согласно 15-му Правилу Двукратного Собора, отделение от своих предстоятелей «ради некия ереси» достойно чести. Ибо этим актом ограждения себя от отступников, «осуждаются не Епископы, а лжеепископы и лжеучителя, и не расколом пресекается

единство Церкви», но напротив, этим «охраняется Церковь от расколов и разделений» (Сравн. 15 Пр. Двукр. Соб.)»

(<http://www.listok.com/heresy20.htm>)

«Дорогие братья, шолом вам...»

«Так начинается речь московского патриарха Алексия Ридигера перед иудейскими раввинами, произнесенная в Нью-Йорке 13 ноября 1991 г. (см. «Московские новости» № 4 от 26 января 1992 г.). Так начинается экуменический «диалог любви» с Иудаизмом — религией тех, кто упорно не верует в Иисуса Христа как Сына Божия и Мессию. Таких неверовавших было немало и при земной жизни Спасителя. Споря с Ним, они говорили, что отец их Авраам и даже — Бог. Но Христос возразил им, сказав: «Ваш отец диавол, а вы хотите творить похоти отца вашего». В Откровении Иоанна Богослова об иудаистах последнего времени Господь Бог свидетельствует, что «они говорят о себе, что они Иудеи, но не суть таковы, а сборище сатанинское». Закономерен вопрос: если патриарху Алексию II такие иудеи братья, да еще «дорогие», то кто ему отец?»

Протоиерей Лев Лебедев, 1992 г

(<http://catacomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=page&pid=918>)

Нет больше сил и желания цитировать этот поток злобы, вражды, ненависти, подтасовок фактов и цитат, исторической лжи, который разделяла и разделяет экстремистская часть иерархов РПЦ. И не без их влияния выросло молодое поколение антисемитов, ксенофобов, фашистов, которые совершили тысячи тяжких избиений и убийств «лиц с неславянской внешностью», которые вопят, что «Россия для русских». Так возрождается тоталитарное мировоззрение в молодых людях ни дня не живших при тоталитаризме.

Есть и много других людей, просто равнодушно вззирающих на эти процессы. Что тут скажешь...

Когда-то в Германии было множество людей, которые не хотели войны. Они не были националистами, не ненавидели евреев. Но именно с их молчаливого согласия, из-за их равнодушия, фашизм захватил всю страну и погубил миллионы жизней. В Библии есть пример верующих людей, которые называются «тёплыми». «Тёплые» верующие могут ходить в церковь, могут иногда говорить правильные вещи о Боге, о жизни. Но в их жизни нет жизни. Они отрекаются от Бога своими поступками. По словам Иисуса Христа, эти люди будут отвергнуты Богом на страшном Суде. И причина всё та же – равнодушие.

НЕКОТОРЫЕ ПРИМЕРЫ СОЧУСТВИЯ ВЛАСТИ ПО ВОПРОСУ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ

Петербургская прокуратура разрешила называть евреев «наглой и трусливой жидовской сволочью». В Петербурге завершилось прокурорское разбирательство по обвинению в разжигании межнациональной розни газетой «Русь Православная» («РП») и ее главным редактором Константином Душеновым, сообщает корреспондент «Портала–Credo.Ru». 21 декабря 2005 года сотрудниками Оперативно-розыскного бюро Главного управления МВД по Северо-Западному

федеральному округу был арестован тираж “РП” № 11-12 за 2005 год. Несмотря на то, что по закону срок проверки по таким делам не должен превышать одного месяца, решение было вынесено только 17 марта 2006 г., а доставлено адресатам 28 марта. В письме, подписанном, старшим помощником прокурора города А.В. Фёдоровым, говорится: “Сообщаю Вам, что 17.03.06 заместителем прокурора города советником юстиции Корсуновым А.Д. по результатам проведенной проверки публикаций в газетах “Русь Православная” №№ 7-8 и 11-12 за 2005 год вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела... в связи с отсутствием состава преступления”. Этим же постановлением было отказано и в возбуждении уголовного дела по публикациям другой питерской газеты – “За Русское Дело”. Теперь арестованные тиражи газет должны вернуть издателям, и достоянием общественности станут откровения откровенных антисемитов, как им теперь официально позволено себя называть. Вот неполный список сайтов русских националистов и фашистов:

Сайт газеты «Русь Православная» - www.rusprav.org Открыто провозглашает себя «антисемитской черносотенной газетой русских националистов и православных экстремистов». Надпись гласит, что «издание благословлено в 1993 году Митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Иоанном (Снычевым).

Сайт «Союз Русского Народа» - www.rusnar.ru

Всероссийская организация «ЧЁРНАЯ СОТНЯ» - www.sotnia.ru

Русское Правое Монархическое Единство - www.rpme.ru

Православная монархическая газета «Русские идут!» - www.russkie-idut.ru

«Газета «Интеллект-компас»» - www.intellect-compass.ru

«Жизнь как вспышка» - www.ks95.alfaspace.net

«За Веру Царя и Отечество» - www.zaweru.ru

«Мысли о России» - www.russia-talk.com

«Национально-Державная Партия России» - www.ndpr.ru

«Независимый антиамериканский ресурс» - www.anti-usa2005.narod.ru

«Ратный горизонт» - www.rago.narod.ru

«Ревизионистский проект» - www.revisio.org

«Русские националисты» - www.rusnat.org

«Русское Дело» - www.russkoedelo.org

«Русское Имперское Ополчение» - www.barnaulrio.narod.ru

«Русь Православная» - www.rusprav.org

«Союз Православных Хоругвеносцев» - www.istinnopysckie.narod.ru

Монархист.Ру - www.monarhist.ru

«РНЕ» - www.rnerossia.narod.ru

РНЕ (Симбирске) - www.rne73.nm.ru

РОНС (Русский общенациональный союз) - www.rons.ru

Объединенная бригада Брянский фронт - www.ob26.ns-wp.org

Российское движение ПОРА! - www.pora-news.ru

Их основные признаки: ярко выраженный национализм, антисемитизм, религиозный экстремизм, призыв к решительным, часто насильственным действиям, и все это под «крышей» Русской православной церкви.

Большинство из этих организаций образовали в интернете так называемое «Кольцо ресурсов “Жить без страха иудейска” - www.russia-talk.com. Несколько особняком стоят фашистские организации с более ярко выраженной экстремистской направленностью и уклоном в языческие верования (также называющими себя людьми верующими, православными).

ЕПИСКОП ЧИТИНСКИЙ И ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ БЛАГОСЛОВИЛ ВЫПУСК АНТИСЕМИТСКОЙ ГАЗЕТЫ

Из обзора читинских СМИ. Газета «Экстра» возвращается к теме «Русского Забайкалья» - газеты читинского отделения Союза русского народа, так называемых «черносотенцев». Вышли уже два номера этой газеты, каждый из которых напичкан антисемитскими статьями и призывами возродить монархию. Издание кратко напоминает читателям историю движения: «Союз русского народа возник в 1905 году. Мораль организации строилась на самодержавии, православии и народности. Единственной верой считали православие, выступая против других вер». «Экстра» отмечает, что газету современных читинских «черносотенцев» никто не может напрямую уличить в «националистическом и антисемитском настрое». «Здесь все написано настолько хитро, что трудно придаться. Однако обращают на себя внимание **постоянно повторяющиеся слова - евреи, сионизм, еврейский**

фашизм. Возможно, авторами это сделано специально, поскольку повтор - одно из средств манипулирования сознанием», - комментирует преподаватель стилистики Забайкальского педуниверситета Наталья Агафонова. По её словам, «у этой газеты явно видны признаки национализма, шовинизма, антисемитизма, только вот это будет трудно доказать в том же суде», а в общем и целом «Русское Забайкалье» рассчитано на необразованных и неосведомленных людей». Не обязательно быть экспертом в психологии, чтобы с уверенностью сказать, что «Русское Забайкалье» отрицательно повлияет на молодежь, у которой не сформировалось самосознание и которая поймет идею национализма довольно просто и пойдет устраивать погромы на рынках, в синагоге или мечети. Наибольшую обиду у автора вызывает тот факт, что к выпуску «Русского Забайкалья» имеет отношение православная церковь: «Наш преосвященный Евстафий, епископ Читинский и Забайкальский, сам лично благословил читинское отделение «черносотенцев» и их СМИ. Обидно, что членами СРН являются люди в погонах (Еременко, бывший сотрудник ФАПС, Полуполтинных - ныне сотрудник УИН), которые по определению должны защищать население России независимо от его национальности. Досадно и позорно, что в редакционный совет «Русского Забайкалья» входит доцент кафедры педагогики педуниверситета Авдеев, который работает со студентами. Даже смешно становится оттого, что этот человек преподает предмет «Проблемы нравственного воспитания ребенка».

REGNUM

Так каковы сегодня в России источники формирования тоталитарных личностей в массовом масштабе?

Во-первых, ксенофобия, т.е. страх, неприязнь или ненависть к чужим, к тем, кто «не похож».

Во-вторых, мифы, приписывающие своему народу некие особые достоинства и достижения, а чужому (чужим), соответственно, всякие пороки и вины. Мифы бывают исторические - например, об утраченном величии собственного народа, о благодеяниях, оказанных другим народам, или обидах, ими нанесенных. Бывают и бытовые мифы, гиперболизирующие те или иные недостатки национальных характеров.

В третьих экономический кризис с обнищанием значительной массы населения.

В четвертых пассивное отношение «вертикали власти» к тоталитарным сообществам (возможно из политцинизма, который сейчас в моде: «смотрите они значительно хуже нас. Бойтесь их и любите нас» – пример навязывания садомазохистских отношений между гражданами и властью). Правда часть либерально -националистических лозунгов современный авторитарный режим забирает себе под знамена «здорового государственного национализма», преподносящегося, как форма патриотизма. Тем не менее в России тоталитарные, национал-экстремистские настроения растут год от года.

В пятых активная пропаганда ксенофобии и антисемитизма со стороны значительной части представителей РПЦ, а также русофобии со стороны исламского движения ваххабитов, экстремистские настроения и действия

среди определенной части представителей кавказских народов в отношении России и русского народа.

В России со всей остротой встает проблема скатывания к варварству.

Глубокий и выстраданный анализ происходящего в России социально-психологического и экономического кризиса, на основе исследования длительного исторического периода, дает в своей статье «Мы не рабы. Исторический бег на месте: «особый путь России», написанной для «Новой газеты» Юрием Афанасьевым, который мы приводим ниже.

«...Что касается до обстановки, то, не имея ничего сказать против гадов, преследующих сзади, ни даже против просвета, который всегда как-то по штату полагается, я бы, на месте художника, и по ту сторону просвета устроил встречу гадов. Ибо и это тоже по штату полагается. Вообще это было бы полное изображение отечественного прогресса с непрерывно идущими гадами и с прогрессом в форме генерала от инфантерии или действительного тайного советника».

М.Е. Салтыков-Щедрин

«В последние месяцы мы стали свидетелями действий российской власти, которые на первый взгляд кажутся парадоксальными. Отмечу некоторые важнейшие из них:

- Впервые после вывода советской армии из Афганистана российские вооруженные силы начали и закончили «настоящую», не «холодную» войну за пределами государственных границ (в Грузии).
- Впервые после краха СССР в Латинскую Америку полетели стратегические бомбардировщики наших ВВС и ушли корабли нашего ВМФ.
- Возврат к риторике «холодной войны» дошел до той точки, когда министр иностранных дел России в беседе с иностранным (британским) коллегой использовал нецензурную лексику.
- Российские корабли воевали в Черном море против Грузии, базируясь на Севастополь, вопреки запрету президента Украины на их перемещение без уведомления украинской стороны.
- Премьер-министр Путин использовал против Чехии и Польши атомный шантаж – хотя бы и в свойственной ему «специальной», чекистской, многозначительной и, как бы, загадочной манере: «Я не могу себе представить, если против этих радаров...».
- На фоне вопиющей и углубляющейся имущественной поляризации населения страны почти на 30% увеличен военный бюджет.
- Президент России приветствовал избрание нового президента США обещанием разместить в Калининградской области ракеты, угрожающие европейским союзникам США.

Все это выглядит именно как парадоксы. Век-то на дворе нынче – ядерный. Однако все подобные, никак не вписывающиеся в современность события можно объяснить и совсем не парадоксально. Только объяснение в таком случае, на мой взгляд, будет еще более мрачным и тревожным, чем «вроде бы парадоксы» – чем реальность, как бы окутанная туманом. Если посмотреть на происходящее у нас на глазах: а) реалистически, б) рационально, в) ретроспективно – и не просто с оглядкой назад, но с обозрением очень большой временной продолжительности, то открывается такое...

Такое, что невольно начнешь задумываться прежде всего о себе самом: то ли ты уже сошел с ума, то ли все еще на пути к безумию. Если же эти мысли покажутся слишком страшными или странными и удастся благодаря уверенности в своей психике их как-то отбросить, тогда ощутишь нечто не менее ужасное – почувствуешь вокруг себя пустоту.

Многоликая и беспощадная пустота

Не абсолютную пустоту, конечно же. Хотя и очень редко, но все-таки встречаются отдельные люди, которые видят происходящее примерно так же, как ты. Они для меня как светлячки. По ним я пытаюсь ориентироваться в нашем мраке. Но и тогда ощущение пустоты не покидает, потому что исходит оно, это ощущение, не откуда-то из одного источника – например, со стороны власти. Будь так, казалось бы, можно как-то развеять мрак, хотя бы поняв и объяснив для себя – что вполне возможно – самые мрачные действия властей. Однако и проясненные в подобном смысле они не избавляют от ощущения пустоты, потому что не знаешь, что делать с этим пониманием. **Если додумать до конца и воспринимать их адекватно, такие действия становятся в полной мере понятными и объяснимыми только как действия власти чужой по отношению к народу: власти оккупационной, «ордынской», да к тому же еще нелегитимной и криминальной (то есть, говоря по-русски, незаконной и преступной).** Даже когда есть полная уверенность и вполне устоявшиеся убеждения на сей счет, подкрепленные фактами, всем ходом развития событий, куда дальше обратиться с таким пониманием? Казалось бы, вполне понятно куда: не к власти же – к народу. **Но ощущение пустоты исходит и от самых широких «народных масс», против которых направлены мрачные действия властей. Они, «массы», не просто молчаливо переносят действия властей, а начинают в последнее время с энтузиазмом поддерживать их, как было уже, например, в 30-х годах прошлого века.**

Ко всему прочему, мы знаем, что тот же самый феномен энтузиазма народных масс – когда ими всю манипулируют и над ними же издеваются – неоднократно случался у нас и еще раньше: например, накануне Первой мировой войны и сразу после нее. Тогда народ и большевики тоже оказались вместе настолько, что до сих пор не вполне ясно, кто из них кого тогда больше поддерживал и кто кого куда-то двигал. Зато хорошо известен итог (пока еще промежуточный) этого продолжительного и смертоносного для обеих сторон единения – 91-й год. При всем том мы знаем также, что русский народ никогда не воспринимал государство как нечто «свое» и нормальным ответом на государственное принуждение с его (народа) стороны всегда были хитрость, уловка, обход закона. Внешне смиряясь, демонстрируя власти покорность, народ всегда держал дулю в кармане. Подобные внешние признаки смирения и покорности воспринимались (и воспринимаются) как привычка к терпению, а такую привычку можно, при желании, истолковать и как поддержку власти с его (народа) стороны. Сейчас тоже налицо вроде бы всенародная поддержка Путина и его президента. Упорно и прискорбно повторяющийся на русской

почве феномен «Народ и власть – едины» означает, что никакие они не власть и не народ в современном рациональном понимании данных категорий. Нашу сомнительную власть в этом смысле я уже упомянул, а народ наш по-прежнему не стал народом – субъектом истории, но остается народом – ее массой, толпой истории. Лишь в последние 18–20 лет аморфная, атомизированная русско-советская масса начала структурироваться, но, увы, не на гражданской, а на кланово-преступной основе. Кому-то такое понимание обидно, кто-то спекулирует на откровениях подобного рода о своем народе: дескать, «ты никогда не достучишься к нему с такими своими мыслями о нем». Я и это понимаю, и потому говорю об исходящей отсюда тоже пустоте. **Народ наш за многие века перенес такие муки, какие, еще по Карамзину, «терпеть без подлости невозможно». Отсюда – хитрость, уловки и двойная мораль.** Но тогда, в конце XVIII века, Карамзин не мог знать, что главные муки и их развращающие нравственные последствия у русского народа еще впереди. **Периодически мы возбуждались против невыносимых мук и против власти и раз в столетие справляли праздник «дикой воли» с Разиным, Пугачевым или с Лениным, а потом снова надолго погружались со своим кукишем в кармане в ставшее привычным скотское существование.** Кто-то с радостью, а кто-то с цинизмом принимал наши периодические возбуждения за пробуждение. **А наш народ и в муках своих, и в своих бесшабашных протестах, и в диком гневе своем оставался и остается народом-массой, толпой, достойной сочувствия и тихой горести, а иногда – страшной и омерзительной.** Потому и достучаться до него в его постоянной бессознательности и перманентной готовности к бунту смогли только такие люди, как Ленин–Сталин, теперь – Ельцин–Путин, а в обозримом будущем, не исключено, смогут достучаться и такие, как Жириновский–Лимонов. Наконец, это ощущение пустоты уже не просто замыкается в кольцо, но производит впечатление сплошного замкнутого шарообразного пространства, когда пытаешься вникнуть в совокупный современный дискурс нашей творческой и иной интеллигенции и уловить ее голос, гражданскую позицию. Здесь, конечно, много очень разного и тоже, конечно, встречаются, хотя и очень редкие, светлячки. Для меня, например, сегодня один из них – Алексей Герман. Но и такие светлячки – скорее свет во тьме, как его трактуют в Священном писании: то ли он пробьется сквозь тьму, то ли тьма поглотит его. Второе, увы, бывало в нашей истории. Уже в наше время – после убийства Дмитрия Холодова, Татьяны Юдиной, Галины Старовойтовой, Сергея Юшенкова, Юрия Щекочихина, Анны Политковской, Магомеда Евлоева, после привлечения к суду «за экстремизм» Андрея Пионтковского, после зверского избиения Михаила Бекетова – с этой стороны повеяло еще большей пустотой. В целом же, если воспринимать позиции наших современников-интеллектуалов не разрозненно, но попытаться услышать их как сводный голос некоего «этоса», отличный от других, то ощущение пустоты, исходящее от власти и от населения, только еще усиливаются. Говоря предельно кратко и определенно, **наши интеллектуалы сегодня (не считая отдельных исключительных личностей, которых можно пересчитать по пальцам) – на стороне российской власти, а не населения России.** Думаю, что и население наше до сих пор остается населением, а не стало народом главным образом именно по этой причине. Может быть, ощущение пустоты, исходящее от нынешней нашей интеллигенции, еще больше сгущается, накладываясь на более чем вековую традицию. Хотя эта традиция существует в реальности и во многом, если не в основном, объясняет общий рисунок нашей истории, о ней не принято говорить во весь голос и писать как о реальности, додуманной до конца. Сама данная проблема – «традиция русской интеллигентности» – в этом смысле тоже как бы уходит в пустоту, покрывается мглой. И это тоже неслучайно, и у ощущения

пустоты, в том числе и у пустоты, основанной на традиции, есть свои причины и их объяснения.

Между свободой и империей

Я говорю о традиции отношения к власти русской интеллигенции в том ее виде, как эта традиция сформировалась еще до 1917г. **Она происходит из существования и противоборства двух культур в одной России.** Эти две культуры были настолько разными в социальном и духовном отношениях, что уже в XVIII веке они даже заговорили на разных языках и между ними выросла стена полного взаимного непонимания. В таких условиях русские интеллектуалы (и русская интеллигенция) за всю их историю как некой социальной общности – включая и тех из них, кто составляет «наше все», к кому вполне применим эпитет «либеральный», – не просто были строителями русской власти, но и, как правило, были на ее стороне, а не с российскими народами. Притом что власть, в строительстве которой они участвовали, оставалась по сути своей самодержавной, а то и самодержавно-деспотической, можно представить себе, почему данная проблема – «Просвещенная Россия и русская Власть» – незаметна во всей нашей историографии при рассмотрении отечественных традиций. Но если сюда добавить еще и как, и чем объясняется общий рисунок истории России, тогда традиция русской интеллигенции, о которой идет речь, проясняется и актуализируется в еще большей степени. **С той поры, когда в XV веке Москва избрала для себя дорогу построения православной империи, приоритетом страны на пять столетий вперед стала внешняя территориальная экспансия, но не обустройство внутреннего пространства. А поскольку создание империи проходило всегда на скудном экономическом основании, вектор общего движения определился в направлении от свободы к рабству: из населения надо было выжимать насильем все соки. Этот вектор не менялся до сих пор, и такая его продолжительная неизменность, превратившаяся в своего рода гнетущее национальное задание, определила все главные особенности русского своеобразия, в том числе и приоритет государства, и подавленность личности.** Определяя другими словами ту же традицию – «Интеллигенция на стороне власти», – можно сказать и так: это **традиция расщепленности русского духа между свободой и империей, между русской волей и русской властью.** Еще более определенно высказался наш замечательный историк, философ и публицист Георгий Федотов. Он отметил, что после Пушкина «разрыв империи и свободы в русском сознании совершился бесповоротно. «Люди, которые строили или поддерживали империю, гнали свободу, а люди, боровшиеся за свободу, разрушали империю. Этого самоубийственного разлада – духа и силы – не могла выдержать монархическая государственность. Тяжкий обвал императорской России, есть прежде всего следствие этого внутреннего рака, ее разъедавшего». Для него Пушкин был «певцом империи и свободы» – так называлась статья, помещенная в сборнике «Империя и свобода», которую я здесь цитирую. По мнению Федотова, «Пушкин, строитель русской империи, никогда не мог сбросить со счетов русской, хотя бы и дикой воли». Но «...чаемый им синтез империи и свободы не осуществился – даже в его творчестве, еще менее в русской жизни...». «Конечно, Пушкин, – пишет Федотов, – не политик и не всегда сводит концы с концами. Есть у него грехи и прегрешения против свободы – и даже довольно тяжкие». Но «никогда сознательно Пушкин не переходил в стан врагов свободы и не становился певцом реакции. В конце концов, кн. Вяземский был совершенно прав, назвав политическое направление зрелого Пушкина «свободным

консерватизмом». С именем свободы на устах Пушкин и умер: политической свободы в своем «Памятнике», духовной в стихах к жене о «покое и воле».

Говоря о грехах и прегрешениях Пушкина против свободы, Федотов ссылается, в частности, на выраженное им удовлетворение по поводу закрытия журнала Полевого, на защиту цензуры в антирадищевских «Мыслях по дороге». Эволюция взглядов Пушкина в направлении консерватизма сопровождалась неравномерным его отношением к свободе и к империи. Федотов особо подчеркивает, что если свобода у Пушкина менялась в своем содержании, тема империи оставалась неизменной – это константа его творчества. В такой константе и сила, лад, строй государства, и две антипольские оды, и мрачный восторг перед завоевателями Кавказа, и все то, что вызывало гневный протест П.А. Вяземского и И.А. Тургенева, протест, выраженный в словах: **«Пушкин окровавил стихи своей повести «Поэзия – не союзница палачей; политике они могут быть нужны, – и тогда суду истории решить, можно ли ее оправдывать или нет; но гимны поэта никогда не должны быть славословием резни».** Однако главный смысл империи для Пушкина все в том же общем рисунке русской участи, о котором я уже упоминал: в противостоянии «государство – личность – народ». Евгений в «Медном всаднике» – не личность, а несчастная жертва, человек из толпы, гибнущий между двух начал русской жизни: или под копытами коня империи, или в волнах разбушевавшейся народной стихии. В этой дилемме Пушкин сделал свой выбор. Он – сеятель свободы, но он – за империю, потому что осознал бесполезность своих и общих усилий:

Но потерял я только время.
Благие мысли и труды...
Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.

Чтобы понять до конца выбор, сделанный Пушкиным, надо иметь в виду, что он относится к первой половине XIX века, а многие мысли поэта и его переживания по поводу империи и свободы продолжают еще из века восемнадцатого. Тогда свобододобивая, демократическая мысль только нарождалась вместе с Чаадаевым, Белинским, Герценом – а Пушкина окружала консервативная, свободоненавистническая Россия. Она создавала ту политическую и духовную атмосферу, в которой Пушкин и дышал, и задыхался в последние годы своей жизни. Дышал, потому что оказался в гармонии с основным и мощным потоком русской мысли от Карамзина к Погодину, с глубоким и органически выросшим национально-консервативным течением. Это течение, овеянное общим духом романтизма и основанное на изысканиях и создании словаря Даля, на песнях Киреевского, на народных сказках самого Пушкина. А задыхался, потому что оставался служащим и певцом империи, преследуемым ею же до конца за свой неистребимый дух свободы. Я взял в союзники Георгия Федотова, чтобы с его участием – участием человека, уже пережившего революции и мировые войны XX века, – на примере Пушкина как одной из вершин русской мысли и русского духа вернуться в наше сегодня с той же проблемой: «империя – свобода – личность». И с вопросом о том, как она разрешается сейчас в головах и практике тех людей, которые, казалось бы, в силу их ремесла призваны олицетворять мысли и дух России и определять ее будущее уже в XXI веке. Повторю: вместе с этим вопросом поневоле проваливаешься в пустоту – в том смысле, что созвучие своим мыслям

здесь встречаешь лишь в исключительных случаях от людей, многих из которых эта же власть уже уничтожила. **Сегодня просвещенная, интеллектуальная Россия, если попытаться определить ее доминирующий и повсюду звучащий голос, ее общественную позицию, она, позиция нашего «мыслящего класса», полностью совпадает с позицией нынешней власти.** Писатели, люди науки, театральные и кинорежиссеры, журналисты печатных и электронных СМИ, университетская профессура, иерархи РПЦ не просто молчаливо и страдательно переносят нашу власть – они ее оправдывают, поддерживают, пытаются обосновать ее действия теоретическими изысканиями, историческими традициями, своим пониманием нравственных ценностей.

У холопов собственная гордость.

В подтверждение можно было бы привести длинные списки книжных и газетных публикаций, почти целиком всю сетку телевидения, назвать утверждаемые в последнее время самой же властью школьные и вузовские учебники. Я сошлюсь лишь на один (специальный) номер: «Пять веков империи» журнала «Эксперт» от 31 декабря 2007 г. Этот журнал в последнее время становится своего рода барометром движения мысли правящих верхов и обслуживающей власть интеллектуальной элиты. Редакционная статья «Непростая судьба империи» кардинально подвергает сомнению демократическую перспективу России: **«Эта форма правления вообще весьма уязвима, нестабильна, и если в обществе не существует консенсуса по поводу того, что стране нужна именно демократия, то в принципе невозможна. Нереально поддерживать демократический режим, если многочисленные и влиятельные слои общества ставят своей целью его разрушение».** Оно бы все ничего – можно, конечно, усомниться и в пригодности демократии для России... Если бы то, что предлагают в качестве альтернативы, не вызывало не просто сомнения, но, по меньшей мере, настораживающее изумление. Из статьи того же номера «Россия – пессимистам»: «Территориальная экспансия доминировала в русском взгляде на освоение мира. Но это не повод посыпать голову пеплом. То великое государство, которое построили наши предки, ничуть не меньший повод для гордости, чем швейцарские часы, французская кухня или итальянское искусство эпохи Ренессанса. И точно так же как подобные достижения других народов сегодня составляют не только предмет их гордости, но и источник дохода, российские пространства с их несметными богатствами и стратегическим положением сегодня окупаются для нас сторицей. То же можно сказать и о нашем умении ладить с соседями, а если надо – воевать. Умение исподволь навязывать свою политическую культуру и искусство изучать чужую культуру и принимать ее как свою – из того же ряда. Она принимала всякого, кто готов был стать ее частью, всякого, кто готов был ей служить. В этом для подданных России выражалась свобода. Если для польского шляхтича свобода выражалась в праве не подчиняться, а для английского лорда – в праве контролировать, на какие цели идут уплаченные им налоги, то для русского дворянина свобода выражалась в возможности принимать участие в великом строительстве империи. И рассудите, у кого было больше свободы – у поляка, чье неподчинение, чей гонор ни на что, в общем-то, не влияли, или у русского, чья готовность служить делала его сотворцом мировой истории? И разве «несвободные» Курчатов и Королев были несвободны – по большому, по историческому счету?» Вот такие ценностные ориентиры, таково мировидение у нынешних наших интеллектуалов, объединяющихся на идейной основе журнала «Эксперт». Те же мотивы отчетливо прочитываются и во всей внутренней и международной политике российской власти. Для всех для них получается, что

условие свободы «по большому историческому счету» – ГУЛАГ, а величайшим вкладом России в мировую цивилизацию, по сравнению со всеми другими странами, стали ее имперская сущность и результаты ее пятивековой экспансии.

Снова невольно приходит на память Пушкин – с «Дубровским» (1832–1833): «Один из псарей обиделся. **«Мы на свое житье, – сказал он, – благодаря Бога и барина, не жалуемся, а что правда, то правда, иному и дворянину не худо бы променять усадьбу на любую здешнюю конурку. Ему было б и сытнее и теплее».** Разумеется, былая территориальная экспансия – не повод посыпать сегодня голову пеплом. Прошедшее как таковое вообще не предназначено ни для гордости, ни для стыда. Оно – для осмысления и понимания. **В постоянных усилиях извлечь смыслы из фактов и событий прошлого каждый отдельный человек и общество в целом обретают себя, свою идентичность. Если строго следовать логике и фактам и на этой основе постигать сущее, а, следовательно, и обретать смысл в истории, то надо констатировать: в готовности служить и принимать участие в строительстве империи выразилась не свобода русского дворянина, а его холопская принужденность. То есть совершенная его несвобода.** Не требует ни осуждения, ни оправдания тот факт, что когда Ивану III в конце XV века для охраны границ становящегося очень большим государства и для завоевания новых территорий потребовалась большая регулярная армия, а денег на ее содержание не было, нашли решение: на основе условного землевладения создали конное войско. Эти конники стали тем сословием дворян, которое и закрепостили первым. За ними закрепили землю, а за право владеть землей их лишили права выбора. Они не могли поменять хозяина, которому обязаны были служить, и не могли по своему усмотрению заниматься каким-то другим делом, кроме того, которому обязаны были служить. Несколько позднее за помещиками закрепили, кроме земли, крестьян и закрепостили этих крестьян, так же как прежде закрепостили помещиков. Русский дворянин, таким образом, становился несвободным дважды: сверху – обязанностью служить государству – и снизу – необходимостью существовать и нести службу за счет крепостных крестьян, за счет своей «крещеной собственности», как их тогда называли. Утверждение о том, что «для русского дворянина свобода выражалась в готовности служить, в возможности принимать участие в великом строительстве империи», можно было бы рассматривать как своего рода ключ, раскрывающий отношение к прошлому вообще и к русским историческим традициям в частности тех интеллектуалов, которые группируются вокруг журнала «Эксперт». Будучи «национально-мыслящими» и «патриотически-озабоченными», как они себя именуют, они еще, кроме того, претендуют на новаторство и строгую научность. «Для выработки единого взгляда на историю, – гласит редакционная статья, – необходим новый, неидеологизированный подход. Конечно, совсем избавиться от влияния идеологии при изучении истории страны нельзя – создание «канонической версии», даже со всеми допустимыми вариациями, без определенной идейной позиции невозможно. Но конъюнктурная политизация совершенно недопустима». Последние события, некоторые из которых я перечислил в самом начале как парадоксы, на самом деле, если их продумать до конца, оборачиваются не просто страшной, но ужасающей реальностью. И ощущение пустоты, в которую вроде бы проваливаешься, не встречая понимания и не видя адекватной реакции с той стороны, куда смотришь, сменяется видением отчетливых контуров того сооружения из свершений путинской внутренней и международной политики, про которое можно лишь сказать – не хотелось бы верить своим глазам.

Гитлеровский и сталинский нацизмы, надо заметить, разглядели тоже не сразу, а их опасность ощутили, когда было уже слишком поздно, – к тому же до сих

пор ощутили еще далеко не все и не до конца. Цитируемый здесь специальный номер журнала «Эксперт – лишь один из многочисленных индикаторов, по которым можно составить представление о замахе путинской стратегии на разворот к политике царской России и Советского Союза. Таким же индикатором, воплощением «канонической версии» нашей истории стал изданный уже массовым тиражом школьный учебник. В этом же ряду – специальный номер журнала «Профиль» №34 за 2008 г. «Собрать державу». Авторы «Эксперта», претендующие на строгую научность и недопустимость конъюнктурной политизации, пишут: «История Российской империи не так уж отличается от истории других европейских империй. Во многом она была даже гуманнее. Но в любом случае у России не было выбора – быть империей или быть «нормальным европейским демократическим государством». Был выбор – быть империей или быть колонией». Про то, что «она была даже гуманнее», надо оставить на совести авторов, особенно если учесть, что история Российской империи и в 1917 году не заканчивается. Про то, что «не было выбора», следует отнести туда же. **Вся наша жизнь – и каждого человека, и любой страны – постоянный, непрестанный выбор.** Постигание смысла истории – в отыскании ответа, почему сделан именно такой выбор, а не другой, реально возможный как иной путь.

Но допустим даже, что при анализе всех обстоятельств «за» и «против» того или другого выбора, при анализе по всем правилам «строгой научности» и совершенно без «конъюнктурной политизации» мы пришли к выводу: да, «не было выбора». Значит ли это, что нужно – с откатом назад и с опорой на все наши традиции – продолжать тот путь, по которому мы пришли в наше сегодня? Не забывая при этом, что промежуточными точками на этом пути стали 1917, 1991 и 2008 годы? Судя по всему происходящему в стране, судя по направлению полета господствующей мысли – надо продолжать. **Россия снова перед выбором: то ли все то, что уже довольно отчетливо просматривается в окружающей нас реальности – ордынско-византийский политический курс властвования, традиционная русская геополитика, советское мессианство, всепоглощающая коррупция и путинская зачистка политического пространства России.** То ли... Я совсем не уверен, что у нас есть время для размышлений о каких-то альтернативах. Тем более для их реализации.

Блуждание по кругу истории. «На круги своя» по-русски.

Если на войну России против Грузии посмотреть:
– сначала в связи с другими важнейшими событиями российской внутренней и внешней политики последних 8–10 лет: ликвидацией выборов, судебной системы, независимых СМИ, политических партий, оскотлением законодательной власти, превращением правоохранительных органов в репрессивные и преступные и т.д., галопирующей во главе с высшей властью коррупцией, громкими нераскрытыми убийствами, обострением отношений с сопредельными (и не только) странами;
– а потом в перспективе очень большой временной продолжительности – как на очередной эпизод нескончаемой в столетиях вереницы наших аннексионистских войн (и усугубляющейся в результате подобных войн несвободой внутри страны); то момент пересечения этих двух линий зафиксирует очень важное явление: возврат современной России на круги своя, ее возвращение в русскую и советскую колею. Что это значит – «возврат современной России на круги своя, ее возвращение в русскую и советскую колею»? Во-первых, о самом понятии «русская колея». В том же смысле говорят и пишут про «Русскую систему» (например, А.И. Фурсов и Ю.С. Пивоваров), про «русскую (православную) цивилизацию» (Арнольд Тойнби, славянофилы, евразийцы 1920-х годов, современные «почвенники» и «патриоты»),

про «матрицу русской неизменяемости» и т.п. Подобные слова требуют пояснения на предмет их значения в текстах, претендующих на «научность». Они скорее допустимы здесь лишь как некий оборот речи, как стремление что-то специально «сгустить» с целью сделать более понятным то, о чем идет речь. И допустимы лишь при условии, что читателю или слушателю понятна условность таких слов, наличие в них не свойственных людскому сообществу механистичности, фатальной неизбежности, запрограммированности – то есть всего того, что прочитывается в этих словах, если их воспринимать буквально. **По существу, употребляя эти или схожие термины, имеют в виду что-то между «архетипом», «структурой» и «системой» – чтобы сказать одним словом сразу и о какой-то организации, о соотносительности множества самых разных составляющих, и в то же время о долговременности такой их организации, о ее продолжительной неподвластности времени.** (В научных категориях то же самое выражают как *La langue duree*.) Во-вторых, надо хотя бы вкратце сказать о конкретном содержании, заключенном в данных понятиях. О том, что именно и как создает эту самую «колею», эти повторяемость, неизменность, многовековую структурную стабильность – эту постоянно изменяющуюся неизменность. Но поскольку «вкратце», то есть буквально в нескольких словах об этом сказать нельзя, укажу лишь на некоторые, может быть, наиболее важные из составляющих, образующих это понятие: само расположение России в мире (сегодня его называют «геополитическим») и размеры ее территории; характеристика ее земель и почв; плотность, состав и динамика населения и, наконец, тип русской Власти. Но пока что я перечислил, так сказать, объективные, материальные, «вещественные» и институциональные составляющие, из которых потом складывается понятие «колеи». Не будучи одухотворенными, они просто-напросто некая данность и как таковая мертвы, никакой повторяемости, никакого круговращения из них не получится. **Столь же важными, если не важнейшими, стали для «колеи» составляющие из сферы духовной: русское православие, мессианство и экспансионизм, привычки людей, их мировидение.** Все вместе эти составляющие, постоянно переплетаясь, взаимодействуя, изменяясь (иногда до неузнаваемости), составляющие материальные и духовные, объективные и субъективные торили ту самую «русскую колею», на которую мы вроде бы вернулись сегодня. В-третьих, про «возвращение» на круги своя, в ту же самую русскую и советскую колею. Говоря о «возвращении», мы предполагаем, что уже несколько раз – или, по крайней мере, хотя бы однажды – когда-то выходили из того места, куда снова возвращаемся. С обычным возвращением оно все так и бывает. Но здесь речь идет не о возвращении «как обычно», а именно о возвращении «порусски». У нас, оказывается, можно лишь «вроде бы» вернуться. На самом деле «вернуться» по-нашему означает всего-навсего оказаться снова там, откуда, если присмотреться, никогда и не уходили.

Возвратных (попятных) движений в нашей истории, как и в любой другой, было несчетное множество: от реформ к контрреформам, от эпохи перемен к «застою», от «заморозков» к «оттепели». Но у нас все продвижения при этом шли по тому же следу, в том же направлении. Собственно, это и есть то пятисотлетнее движение, которое, например, Чаадаев и Бердяев называли не продвижением вперед, а блужданием по кругу истории. Было несколько случаев, когда Россия в ходе такого своего исторического движения оказывалась как бы на пересечении двух дорог, идущих в разных направлениях, по одной из которых, казалось бы, можно было сойти с проторенного раньше пути. С такого перекрестка, собственно, и начиналась история России как единого государства. Александр Зимин дал прекрасный образ «Витязя на распутье», который, казалось бы, мог еще пойти из удельной Руси в более свободную Россию. Но у «витязя» не хватило сил

выбраться из тех скреп (насилие власти и подданство народа), что уже тогда сковали социум. И «витязь» пошел все той же дорогой – дорогой русского самодержавия, к которому вскоре добавилось крепостничество. Из переплетения этих двух базовых составляющих и получилась, в конце концов, «русская колея», она же – несвобода.

Истребленное общество. «Избиение младенцев» по-русски

Но самым красноречивым, самым, можно сказать, блистательным примером «вроде бы» поворота в нашей истории – даже не просто примером «вроде бы» выхода, но якобы грандиозным «исходом из колеи» – стал, конечно, 1917 г. Точнее – период с 1917-го до начала 1930-х годов. Тогда «вроде бы» не только вышли из нее, но и радикально порвали со всем тем прошлым, в котором она образовалась и по которому проходила. Вроде бы не только «до основанья» разрушили, но и выкорчевали все, на чем эта самая колея прокладывалась. Замах и замысел были действительно грандиозными: не только изменить общественное устройство страны, для чего предполагалось неизбежным и вполне естественным уничтожить миллионы одних и возвеличить миллионы других. Планировали еще отобрать у одних и передать другим все, что сложилось на тот момент как национальное достояние России. **Замахнулись даже – для начала в пределах одной страны, а потом как получится – переделать вместе с общественным устройством, отношениями собственности и самого человека, составить его из заранее предусмотренных, «правильных и необходимых» для реализации Замысла качеств.**

К сожалению, до сих пор не в полной мере и, к еще большему сожалению, очень немногие в России осознают, что же такое в действительности произошло в Советском Союзе. Что на самом деле случилось в том процессе, который потом обобщенно называли «построением социализма». На самом деле, если отбросить идеологическое и политическое словесное сопровождение, **случилась попытка – чудовищная по своему реальному содержанию и по размаху – воплотить все тот же мессианский замысел о Москве как о Третьем Риме и о России, предназначенной стать «Царством Небесным» на земле. Конечно, называлось все снова совсем по-другому.** Можно было бы о реальном содержании замысла и о размахе его реализации в данном случае специально не говорить. Но тогда останутся не до конца проясненными и главные сюжеты нашего разговора: «возвращение», «колея», «Русская система». Следовательно, останется нераскрытой и полная мера исторической ответственности за поворот в «русскую колею», лежащей на нынешних руководителях России и на всем поколении ныне живущих, кто слепо поддерживает выбор данных руководителей, – выбор, в какой-то мере продуманный, но не осмысленный. Обычно, когда хотят сказать о самом страшном из всего, что произошло с Советским Союзом в XX веке, говорят о войне и о сталинских «репрессиях». Так уж отпечталось в коллективной памяти представление о жертвах, которые нашему народу пришлось положить на алтарь отечества. Жертвами сталинских «репрессий» в этой памяти оказались те многие миллионы, которые попали в ГУЛАГ или были уничтожены, еще не дойдя до него, в ходе «мирного» «социалистического строительства». И эти жертвы – правда. Но только далеко не вся и, может быть даже, не основная правда. **Для Гитлера окончательным решением «еврейского вопроса» стало полное – поголовное – истребление евреев. Для Сталина окончательным решением вопроса о «построении социализма» стало полное, повсеместное истребление социальности как таковой. Истребление социальности как вырастающей веками и накопившейся к XX столетию социальной дифференциации в**

российском людском сообществе, представленном на тот момент крестьянами, ремесленниками, торговцами, рабочими, людьми свободных профессий. А также – купеческими гильдиями, трудовыми артелями, ремесленными товариществами, церковными приходами, сельскими общинами, писательскими объединениями. Сталин, продолжая дело Ленина, добился окончательного решения «социального вопроса»: социальность как некий живой, очеловеченный слой земли на всей территории СССР, как некий человеческий гумус была полностью уничтожена. Вместо нее «партия и правительство» искусственно, рукотворно создали совершенно другой, выхолощенный советский социум исключительно из служащих государства, оплачиваемых по единому на всю страну государственному тарифу. Крестьянин и артист, земля и театр в статусном смысле уравнивались: они в одинаковой мере перешли в полную собственность государства как «совокупные ресурсы». Различие между людьми и вещами осталось лишь в том, что они попадали в разные категории ресурсов. Если одни зачислялись в трудовые, людские, административные, то другие – в материальные, финансовые, энергетические... Но те и другие оставались всегда всего лишь ресурсами, они одинаково: в цифрах, в тоннах, гектарах и человеко-днях – приписывались, планировались, закладывались, распределялись, перевозились, переселялись, а когда надо, и резервировались. Люди не имели ни прав, ни возможностей добровольно менять место работы – у каждого была трудовая книжка, а опоздания на работу или прогулы карались уголовным преследованием. Человек не имел права и возможности добровольно менять место жительства – каждого «прикрепили» постоянной пропиской. Крестьяне – они составляли больше половины всего населения – не имели вообще никаких прав и никаких возможностей, они не могли даже на несколько дней стронуться с места: у них вообще не было паспортов. Построение социализма, если все назвать своими словами, а не «коллективизацией, индустриализацией и культурной революцией», – это реализованный замысел уничтожения всего человеческого во всем общественном устройстве. Это создание искусственного советского социума. Это глубокое травмирование всего российского (советского) людского сообщества. И вот теперь вернемся к тому же вопросу. Что перетянет по своему значению и по удручающим последствиям: миллионы сгинувших жертв сталинского террора или еще большие миллионы, оставшиеся навсегда нравственно изуродованными? Главным последствием, основным результатом ликвидации российского социума, который и до 1917 г. был до крайности хрупким, слабо структурированным, не обретшим своих институтов, стала еще большая его атомизация и хаотизация: каждый сделался сам по себе, на коротком поводке полной зависимости от государства. Поводок-зарплата, лучше сказать, жалованье, на которые в городе не проживешь, а в деревне вместо зарплаты – «палочка» - трудодень, ничем вообще не обеспеченный. При отсутствии права в качестве основы для общественной организации и при неистребимом у человека стремлении к выживанию таким основанием, или, иначе говоря, конституирующим типом связей между людьми, становится самоорганизация. После истребления нормальных, эволюционным путем наработанных форм социальной организации и институтов самоорганизация вполне естественно развивается в обход устанавливаемых запретов и, в конце концов, утверждается в виде всеобщей («системной», как теперь любят неосмысленно повторять) преступности и коррупции. С ликвидацией социальности в том ее виде, в каком она сформировалась в России к XX веку, строители социализма пробудили и вызвали к жизни все самое худшее, что есть в человеке и что составляет его природную основу, – его животные инстинкты и эгоизм. И теперь снова тот же вопрос, но теперь уже именно в такой формулировке, с которой

неизбежно оказываешься в пустоте, зияющей оттуда, откуда я уже указал: от власти, народа и «мыслящего класса», – то есть, по существу, в полной пустоте. Если все, что проделали под названием «построение социализма», совсем не предназначалось разбудить в человеке зверя (примем разбуженное зверство как побочный, непредусмотренный и нежеланный продукт), тогда что же было в качестве путеводной звезды, заветной цели? Светлое будущее? Счастье для всех, «кисельные берега»? Для многих, даже для большинства привыкших жить нерассуждающим разумом, так оно и было. Традиционалистское, мифологическое мышление остается не только основой, но и всем содержанием их сознания. Ну, а Сталин – как он, каковы его устремления при этом? Традиционализм и мифологический способ мышления были не чужды и ему. Более того, все писавшие о присущей большевизму мировоззренческой религиозности, бесспорно, имели для этого серьезные основания. Речь даже не о религиозности – как, например, для Ленина с его телеологическим мировидением вообще и своеобразными представлениями о мессианской предназначенности России в частности. У Сталина общие, свойственные христианству в целом религиозные представления конкретизировались как православные. Он уже мыслил Советский Союз как продолжение линии, идущей от Москвы еще той поры, когда она, во времена Великого княжества Московского, только что встала на путь строительства русской православной империи и, продолжаясь дальше через Московское царство, петербургскую Империю, пришла к его, сталинскому, Советскому Союзу. Сталин, безусловно, хорошо знал идеи русских самодержцев, представлял, как каждый из них видел будущее России, как каждый из них, начиная с Ивана III, видел ее «миссию», «божественное предназначение». Ему, конечно, были хорошо знакомы и конкретные планы на сей счет: например, проекты Сперанского, «греческий проект» Екатерины II, проекты Уварова, выраженные в формуле «православие – самодержавие – народность», проекты Александра II, Витте, Столыпина. Во всех перечисленных конструкциях не просто так или иначе присутствует идея «Москва – Третий Рим» – они все основаны на ней. Иногда, правда (как например, в «греческом проекте» Екатерины), она приходит в Москву напрямую из античности. Но главным в этой идее всегда были не ее истоки, а целеполагание: Москва как спасительница христианской веры и как место воплощения Царствия Небесного – а также указание главных путей, ведущих к достижению заявленной цели: Балканы, Проливы, Константинополь, Индия. **Вовсе не случайно с этой пронизывающей всю нашу историю идеей – даже более определенно: с идеей, делающей осмысленной всю нашу историю, – я связываю и такую грандиозную (в том числе по своим последствиям) проблему, как ликвидация российской социальности и создание на ее месте искусственного советского социума. Дело в том, повторяюсь, что вся наша история – история внешнеполитических аннексий вместо внутреннего обустройства. А поскольку ресурсов на такую непрекращающуюся аннексию всегда не хватало, власть выбивала их из страны силой. Когда требуется выбить буквально все, что есть, нужна не только огромная сила, но еще и абсолютное подавление любого недовольства и сопротивления. Вот откуда принципиальное: государство, а не личность. Отсюда же – самодержавие, крепостничество, ордынство, империя...** Но все-таки, когда есть социальные сообщества – крестьяне, рабочие, – всегда останется основа для сопротивления. Сталин впервые в мировой практике находит кардинальное решение и данной проблемы: не налаживать отношения с различными социальными сообществами, не вступать даже с ними в какие бы то ни было отношения, а просто-напросто ликвидировать сами эти социальные сообщества и превратить всю страну в страну одиночек, напрямую и абсолютно зависимых от государства. Тогда исчезают самая

потребность и принципиальная возможность каких бы то ни было объединений, политических партий, профсоюзов. А когда отношения между государством и человеком насильственно и произвольно устанавливаются напрямую как отношения господства и подчинения, отпадает и самая потребность в правовом регулировании таких отношений. Суды становятся принципиально ненужными, ненужной – так же принципиально – становится и политика. В ходе НЭПа Сталин убедился: сделать такой рывок (у его эпитона Мао – «Великий скачок»), на который у других ушли многие десятилетия или несколько столетий, за несколько лет с таким народом, как в России, нельзя. Не менее ясно ему было, что схватка с другими субъектами мировой политики неизбежна: государство, замешенное на мессианской идее, без конфронтации и решающей ошибки с другими немыслимо. **Следовательно, для Сталина рывок все-таки был необходим – любой ценой, иначе смерть такому государству. И он решил, чтобы рывок все-таки сделать, – заменить народ. Рывок получился, а замену народа потом нарекли «построением социализма».**

Исходная точка. Magna Charta и Яса Чингисхана

Характер и тип русской власти – столь же важный системообразующий элемент «русской колеи», как вечная война, сопровождаемая постоянной и повседневной милитаризацией, и как православие. Говоря современным языком, на одной стороне своей визитной карточки наша власть могла бы написать «насилие», а на оборотной – «оккупация», поскольку относится к населению собственной страны как к чужому, оккупированному. На становлении и утверждении такого типа власти на Руси, а потом и в России сказались многосотлетнее, если не многотысячелетнее соседство на огромных просторах нашей прародине двух разных культур – «Леса» и «Степи», кочевого скотоводства и оседлости, воинов и хлебопашцев, а также феномен, вошедший в историю под названием Золотой Орды. В итоге контактов этих двух очень разных типов культур, после многочисленных войн и обоюдных заимствований, после противоборств, заговоров, измен, покорений и завоеваний **сначала в Московии, а затем в России оказался более конкурентоспособным и восторжествовал тот тип власти, который принесли с собой кочевые народы – скотоводы и воины. Подобный тип власти следовало бы определить как ордынский: он столь круто замешен именно на нашей отечественной истории, что стал нашим. Ему, кроме упомянутых записей на визитке, неотъемлемо присущи моносубъектность (то есть самовластие), монолог вместо диалога, низменный диктат вместо переговоров, незнание компромисса, неприемлемость соглашения, договора как средства общения и, наконец, манихейство – отсутствие того, что Н. Бердяев называл «серединной культурой». Расхождение Европы и России по двум цивилизационным направлениям, о котором как об историческом явлении заговорили на языке науки в XIX веке, началось много раньше. С некоторой долей условности можно сказать, что начала подобного процесса надо искать еще на протороссийском пространстве, а последствия его в виде двух разных направлений социальной динамики просматриваются уже с тех времен, когда на этом пространстве соседствовали Русь Литовская и Русь Московская. Их сосуществование и соперничество завершились – под влиянием Орды и ордынства – победой Московии и формированием на ее основе России. Если предельно кратко определить главное, что различает эти два направления, то в одном случае им будет зарождение, а потом продолжительное становление свободы личности, а в другом – становление такого социума, в котором пространство для зарождения и становления личности неуклонно сужалось. В одном случае – английские Magna Charta Libertatum («Великая хартия вольностей») и Habeas Corpus Act, в другом – «Великая Яса» Чингисхана. В одном случае – первичность личности и общества, в другом – государства и других**

институций. Вытекающие отсюда цивилизационные оппозиции можно перечислять дальше до бесконечности: демократия против авторитаризма, соглашение против насилия, диалог против моноцентризма, договор против произвола, горизонтальные связи в обществе против вертикали власти и т.п.

Magna Charta датируется 1214 г. (то есть она была подписана за два десятилетия до вторжения Батыея на Русь). **Целая группа свобод защищает в английском праве личность от государства.** Свобода от произвольного ареста и наказания, от оскорбления, грабежа и насилия со стороны органов власти определяет содержание конституционных гарантий, за которые велась многовековая борьба с монархией. Такие гарантии нашли свое выражение в акте-символе, известном как Habeas Corpus. Свою «Великую Ясу» Чингисхан обнародовал в 1206 г. **Свод законов, определивший жизнь Орды, содержал преимущественно перечень наказаний за тяжкие преступления, а буквально «яса» означает по-монгольски «запрет».** Если ко всему этому добавить: утвердившийся и господствующий в России тип мыслительных привычек и стереотипов; тип социальной динамики, который нацеливает человека и конкретно-исторические человеческие сообщества преимущественно на воспроизводство ранее сформировавшихся ценностей, устремляет эти сообщества к идеалам прошлого, к господству прошлого над настоящим и будущим (и в культуре, и в социальных отношениях), – если учесть все это, а также и другие архетипические свойства русской культуры, то, может быть, сегодняшний разворот страны в ее русское и советское прошлое обретет хотя бы некоторое культурологическое, а не только сугубо конъюнктурное, обусловленное интересами путинской власти прагматическое объяснение? Или другой, казалось бы, более отдаленный от культурологи вопрос: почему никак не получается диалог России и Европы о нашем с ней общем или совместном будущем? Потому что мы озабочены совершенно разными реалиями и к тому же озабочены ими совершенно по-разному. Разумеется, и в Европе не все озабочены и думают одинаково и исключительно об одном и том же – иначе у нее не было бы проблем со своей идентичностью. Евросоюз в последние годы расширился в два раза, его члены по-разному смотрят на европейскую перспективу, в частности, Турции и вообще на критерии «европейскости». «Старая Европа» непросто принимает «новую», едва-едва идет процесс выработки европейской Конституции и т.д. Тогда что же значит «о разном и по-разному» для нас и для Европы? Европа переживает в первую очередь опыт, кризис и уроки XX века: европейские революции и распад колониальных империй, экономические кризисы, две мировые войны и локальные войны, «холодная война» и Карибский кризис. **Словом, предмет европейской озабоченности – конфронтации, конфликты и, главное, способы их преодоления. Отсюда для Европы главный вопрос и основное направление поиска: из сегодня в будущее и – как жить вместе. Россия, однако, никак не может пережить окончание XX века, собственную «геополитическую катастрофу», распад СССР, и главные вопросы для нас: как не допустить дальнейшего расползания постсоветского пространства (включая собственно российское) и как обрести свое былое – то же «лидерство» России, но уже в современном мире. То есть Россия, как и Европа, озабочена реалиями прошлого, но если Европа озабочена тем, как преодолеть реалии европейского прошлого, как от них уйти, то Россия – тем, как к реалиям «войны миров» вернуться, как их обрести в новых условиях.**

Слепые поводыри слепых.

Как ни парадоксально для начала XXI века, Россия до сих пор не обрела себя как людское сообщество. Даже выйдя из непостижимо ужасного для нас XX столетия, потеряв в нем насильственно вычеркнутыми из жизни десятки миллионов (по некоторым подсчетам – около ста миллионов!), мы покинули и его, не распрощавшись с ним. Не поняли, не осознали, не ужаснулись. И это немудрено. Поскольку уцелевшим и вновь нарождающимся миллионам на всем российском пространстве для самостоятельной жизнедеятельности к XXI веку вообще уже не осталось места. Все просторы России за пять столетий войны самодержавия с собственным населением превратились в сплошное пространство власти. В таких условиях обретать себя, осознавать себя оказалось уже некому. **Людское сообщество, как некая живая субстанция, лишено какой бы то ни было самостоятельности и субъектности, в нем уничтожена сама способность к рефлексии. Моносубъектом стала власть.** Но и она, будучи инородной субстанцией по отношению к населению, оказалась способной лишь действовать, но не осознавать себя и свои действия. То есть в качестве моносубъекта в социуме власть может действовать и продолжает действовать, до сих пор руководствуясь лишь нерассуждающим разумом. В самом конце XX века волею судеб, а не по причине чьей-либо субъективной воли, советская власть рухнула из-за своей трухлявости, и Советский Союз развалился из-за своей неестественной, ставшей совсем неуправляемой громоздкости. У России снова появился исторический шанс. Именно исторический, потому что в России никогда раньше не было гражданского общества и никогда не было политической жизни. Они случались иногда в качестве зачатков, на переломах истории, и то лишь как кратковременные эпизоды, как возможные антиподы самодержавия. Но поскольку в качестве нормы для «Русской системы» они были не нужны, эта система и воспринимала их всегда чем-то чужеродным, и, следовательно, предвестием грядущей беды. **Неслучайно первый такой перелом в начале XVII века, когда едва только обозначились первые образования гражданского общества и начиналось нечто, издавна похожее на политику, вошел в русскую историю под названием «Смута».** С тех пор так и повелось: любые внесистемные явления и уж тем более, не приведи господь, противосистемные воспринимаются еще на подсознательном уровне всеми внутри Системы как кара небесная, как разбушевавшаяся стихия. В «Медном всаднике» у Пушкина – это Нева, вышедшая из своих берегов и ворвавшаяся в не принадлежащее ей и не предназначенное для нее пространство. У Гершензона в «Вехах», как и у всей русской интеллигенции начала XX века – это гнетущее, внушающее смертельный ужас ощущение пропасти, отделяющей ее от народа: **«Между нами и нашим народом – иная рознь. Мы для него – не грабители, как свой брат деревенский кулак; мы для него даже не просто чужие, как турок или француз: он видит наше человеческое и именно русское обличье, но не чувствует в нас человеческой души, и потому он ненавидит нас страстно, вероятно, с бессознательным мистическим ужасом, тем глубже ненавидит, что мы свои. Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом – бояться его мы должны пуше всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной».** Для Солженицына – тоже для человека Системы – начинавшиеся в конце 80-х – начале 90-х годов политическая жизнь и образования гражданского общества ассоциировались с «балаганскими одеждами» Февраля семнадцатого, к которому он, в свою очередь, как к явлению русской истории относился с негодованием и брезгливостью. Для сегодняшних наших системных «либералов» самая ужасная перспектива – по-настоящему свободные выборы: ведь в результате таких выборов, если их допустить, к власти, по мнению «либералов», непременно придут левые. Все эти примеры из разных времен объединяются единым временем

существования «Русской системы», для которой гражданское общество и политика – бедственная стихия, внушающая страх и тревогу. Эти примеры свидетельствуют об одном и том же: **будучи включенным в Систему, человек – хоть президент, хоть научный консультант или рядовой обыватель – не может быть свободным. А расщепленность духа у включенного в систему человека предстает как оторванность его сознания от его жизни. Условия существования человека, внешние обстоятельства жизни сковывают его настолько, что он становится всецело поглощенным этими внешними по отношению к нему обстоятельствами, и ему уже не до самосознания, не до постижения и разумного определения своего места в жизни и своего отношения к окружающему миру.** Неслучайно исторический шанс, выпавший на долю России в конце 80-х – начале 90-х годов, оказался всецело упущенным. А шанс вырваться из проторенной столетиями колеи и освободиться, наконец, от сдавливающей страну самодержавной матрицы властвования был.

Участникам событий того времени не только не удалось необходимые для продвижения в этом направлении целенаправленные действия – они не смогли даже осмыслить и понять, что же на самом деле тогда происходило. Тем не менее, те события были объявлены пришедшими к власти с Ельциным «демократической революцией». Себя новые руководители определили, разумеется, «демократами», «либералами», а для страны объявили начало новой эры в ее истории. Все подобные определения, самоидентификации и декларации нашли в той или иной мере отражение в различных законодательных актах, в том числе в Конституции: они приобрели как бы официальный статус, юридическое оформление. Были осуществлены и некоторые конкретные шаги – главным образом, в сферах экономики, финансов, технологий. **Иначе говоря, реальные перемены произошли лишь в малом числе областей непосредственного обеспечения жизни, но вовсе не затронули сами основания общественного устройства. Они совсем не коснулись сущности главного системообразующего элемента российского устройства – власти, ее роли, конструкции, функций и основных ее опор насилия и репрессий: армии, судебной власти, правоохранительных органов, политической полиции, системы образования и т.д. Власть по-прежнему, как в советские и досоветские времена, по своей сути оставалась ордынкой, никак не зависящей от населения, не уравновешенной и не контролируемой никакими общественными силами или институтами, руководствующейся лишь собственными материальными интересами и стремлением к самосохранению.** Вместе с тем все происходившее тогда, несмотря на реальное содержание, мыслилось и преподносилось общественному мнению в парадигме перехода от советского тоталитаризма (авторитаризма, диктатуры) к демократическому государству. До населения России с гордостью доводили западную ориентацию новой власти, необходимость вестернизации страны и утверждали, что таким образом Россия якобы вписывается в общий, присущий всем странам Центральной и Восточной Европы переход к представительной демократии, гражданскому обществу и к рыночной экономике. Неосознанность действий властной элиты и неосмысленность происходящих событий, включая передачу власти Ельциным его наследнику Путину, выразились, в частности, в том, что, непрерывно декларируя свой демократизм и провозглашая либеральные ценности, наша властная «элита» фактически – хотя бы и преимущественно инстинктивно и совершенно не артикулировано – действовала всецело и исключительно в интересах бывшей советской бюрократии, занявшей и после крушения советской власти ключевые позиции в общественном устройстве. Внешне, на поверхностный взгляд, и даже формально, «новая» «элита» пришла к власти на основе всеобщей поддержки в результате всенародных выборов. Она оказалась на гребне мощной волны,

всколыхнувшей общество во время «перестройки», когда российские люди, в очередной раз, погрузившись в глубокий кризис материальных невзгод и нравственных переживаний, испытали страстное желание порвать с прошлым, выйти из состояния постоянного безденежья, пустых прилавков и унылой повседневности. С этими своими ощущениями мы оказались на улицах и площадях в состоянии поголовной эйфории, воодушевленные предстоящими изменениями, полные энтузиазма и надежд. И проголосовали за Ельцина. Но уже и тогда не мы правили бал. **И всенародный флер, и всеобщее «волеизъявление» стали не результатом осознанных действий общественно организованных людей, не воплощенной волей свободного человека, а скорее ритуальными движениями человека-массы, которому надо быть непременно со всеми вместе, думать, как все, выкрикивать одни и те же лозунги и непременно на виду у всех.** В таком своем качестве – как толпа (и я там был...) – мы оказались в конце 80-х – начале 90-х годов ширмой, за которой крот истории глубоко и давно уже копал свои ходы. Во второй половине 80-х и в 1990г. были приняты одно за другим настолько важные правительственные решения, что в ходе их реализации существенно поменялся социально-экономический и, как выяснилось позднее, весь нравственно-правовой – опять же лучше сказать, бесправный – пейзаж СССР. Но сказать, столь же определенно, о направленности данных перемен, об общем векторе продвижения всего, что было заключено в границах всей их громадины, тем более попытаться подвести их общий экономический, политический, нравственный итог, хотя бы и в самом общем виде: это все-таки был плюс или сплошной минус? – довольно сложно. Не потому сложно, что непонятно, а, наоборот, потому что очень даже понятно, но настолько мрачно и даже непристойно, что назвать все своими именами и адресовать всему людскому сообществу, хотя бы и на одной шестой, отдельно взятой части земли, – язык не поворачивается. В самом общем определении речь идет о продвижении от очень плохого к худшему и о создании основ того самого общественного устройства, которому посвящена вся эта статья. Окончательно сформировавшись в первом десятилетии XXI века, оно уже заняло свое место в мире. И таким местом стало пространство не только за гранью закона и преступления, но за гранью Добра и Зла. Получился принципиально новый общественный феномен не только с точки зрения государственности, но также с точки зрения экономики, права и морали. А творился подобный оригинальный феномен с участием миллионов, даже десятков миллионов наших сограждан. Собственно, здесь-то и проблема. **Казалось, что порочность советского социума – уже была запредельна. Но то, что выросло, с середины 80-х по сей день, стало очередным свидетельством: нет предела совершенству, и дальнейшее продвижение к худшему тоже возможно. Однако даже и такой парадокс не есть свидетельство природной испорченности человека – он лишь еще одно из проявлений рукотворно изуродованной – сталинизмом – социальности.** Чтобы это стало понятным, приходится вникать в детали. Дьявол, как обычно, – в них. Основными решениями, заложившими фундамент нового общественного устройства, стали следующие: закон об индивидуальной трудовой деятельности (ноябрь 1986 г.), постановления Совета министров о кооперативной деятельности (февраль 1987 г.), Закон о государственном предприятии (июнь 1987 г.), Закон о кооперации (май 1988 г.), основы законодательства об аренде (ноябрь 1989 г.). Несколько позже, в 1990-м – но все еще тоже при коммунистах – появились законы о собственности (в марте в СССР и в декабре – в РСФСР) и положения об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью (постановление Совмина СССР от 19 июня 1990 г.), а также о предприятиях и предпринимательской деятельности (российский закон, принятый 25 декабря 1990 г.). В апреле 1990 г. учреждается Московская товарно-сырьевая биржа (с 16 октября

1990 г. – Российская товарно-сырьевая); в мае 1990 г. была зарегистрирована Московская товарная биржа. Все эти законы и постановления никаких даже деклараций о каких бы то ни было изменениях общественного устройства, разумеется, не содержали. Они вроде бы ограничивались тем, что позволяли руководителям предприятий и инициативным людям осваивать новые способы хозяйствования в рамках вполне еще социалистической экономической системы. По сути дела, предлагалось не менять отношения собственности, то есть отношения хозяйственной, экономической власти. Самым смелым из всех нововведений была аренда. Но и она оставалась лишь «расширением самостоятельности», «полным хозрасчетом», а говоря нормальным языком – продолжением старого пути, когда реальный и полномочный хозяин собственности (отраслевое ведомство) разрешает определенные вольности своему наемному работнику – трудовому коллективу. И кооперация конца 80-х – вроде бы совсем еще никакая не приватизация. Кооперативы стали создавать из числа работающих по найму на государственных предприятиях, но на основе арендуемой государственной собственности тех же предприятий. А самые кардинальные вопросы: что означает «на основе»? на кого возлагаются проблемы инвестирования? как и между кем распределяются доходы и прибыль? – никто юридически не прояснил. Так закладывалась база для поголовного и практически узаконенного воровства. Именно подобная непроясненность оказалась сутью всех перечисленных решений. Очень быстро, уже к 1990 г., огромная сеть «вроде бы» кооперативов стала на самом деле средством фактической приватизации и растаскивания государственной собственности при квазизаконном оформлении данных процессов. Между кооперативами, директорами предприятий, руководителями министерств и ведомств очень быстро наладились устойчивые неформальные связи и взаимоотношения, и кооперативы вместе с арендой превратились в узаконенный способ обналичивания бюджетных денег. Возникла среда для формирования всевозможных автономных «схем», закрытых клановых образований, мафиозных группировок. Фактически решения власти санкционировали структурирование населения на криминальной основе. Самым тяжелым по своим последствиям оказался Закон о предприятии, он фактически ликвидировал государственные способы капитализации прибыли до создания каких-либо альтернативных. Его результатом стала серия необратимых и взаимосвязанных явлений и событий: непомерный рост личных доходов, инвестиционный голод и истоки инфляционного взрыва. Пиком реализации Закона о предприятии стали выборы директоров. Инфляционный эффект данной меры, вылившейся в перекачку средств из фондов накопления в фонды потребления, с инвестиционного рынка на потребительский, трудно переоценить. Введение Закона о предприятии еще долго сказывалось и в кризисе неплатежей, и в раскручивании инфляционной спирали. Теперь, когда спустя двадцать лет не только становятся очевидными ошибочность и принципиальная недостаточность принятых тогда решений, но высвечиваются и все ужасающие последствия допущенных ошибок, приходится все больше задумываться об их причинах, о мотивах и образе мыслей людей, принимавших столь пагубные решения. И первое, что приходит в голову, – избитый штамп: некомпетентность партийно-государственной элиты того времени, ее неграмотность, нежелание прислушиваться к «высоколобым» ученым мужам. Сыграли свою роль и уникальность ситуации, никогда и нигде невиданные масштабы кризиса, многослойность, комплексность, взаимопереплетение экономического, социального, национального. Все это так, и все это, безусловно, усугубило ошибочность принятых решений. Однако это не исчерпывающие и, скорее всего, даже не главные причины: с Ельциным пришли к власти и принимали решения самые что ни на есть «высоколобые» и вроде бы очень неплохо образованные люди, а ошибочность их решений по размаху и удручающим

последствиям, по крайней мере, вполне сопоставима с тем, что делала полуграмотная и некомпетентная в финансовых вопросах номенклатура КПСС в 80-е. Нет, дело все-таки не в недостаточном профессионализме – особенно если учесть, что специалистов по всеобщему благу не бывает и быть не может. **Причины пагубных решений надо искать в неумении тогдашних руководителей нестандартно думать в нестандартных условиях, то есть просто-напросто в неумении думать вообще.** А это, в свою очередь, тоже одно из важных следствий (если не важнейшее) сталинской десоциализации общества посредством истребления творчески мыслящих интеллектуалов. К тому же истреблением интеллектуального гумуса дело не ограничилось. За годы сталинских и прочих пятилеток на месте истребленной почвы была создана особая среда, в которой выросла умелая, весьма даже способная плеяда «правильно мыслящих» интеллектуалов-специалистов. Вот они-то и принимали отягощенные такими последствиями решения. Государственных руководителей 80-х и 90-х годов, как, впрочем, и сегодняшних, несмотря на вроде бы радикальные перемены политических декораций в данном временном промежутке, в подобном смысле роднят и делают совершенно однотипными в одинаковой мере присущие им всем два основных качества – **правовой нигилизм и аморальность.** *Salus revolutiae suprema lex*. А вот уж «благо революции» они понимают всяк на свой вкус...

Любые решения, любые деяния властей во все рассматриваемое время можно разбирать, перебирая по косточкам все их экономические, геополитические, патриотические и прочие соображения и обоснования, но всегда если не на поверхности, то на доньшке откроются эти два родовых их качества, объясняющие все до конца. **Именно они, такие качества, стали преступной основой самих властей и создали необходимую среду для криминализации всего социума.** Российская власть и российский «мыслящий класс» (вместе с обслуживающей «творческой интеллигенцией»), как становится все более очевидным, сделали сегодня исторический выбор. Этот выбор – разворот (не по форме, разумеется, а по существу, как некий вектор) в русское и советское прошлое: туда, где не было личности, где всё и вся подавлялось государством, где не было места политике, гражданскому обществу, праву, частной собственности, свободе. Такой разворот неизбежно приведет Россию к очередной и теперь, скорее всего, последней катастрофе. Движение в прошлое – хотя бы и «светлое», как устремленность к какому-то идеалу, – без движения в будущее долговременным и благополучным не бывает.

Конец «сырьевой сверхдержавы». Или просто – конец?..

Все вышеизложенное – размышления об исторической ответственности, которую, хотели они того или нет, возложили на себя Ельцин и Путин в согласии с большинством ныне живущих, когда:

– сначала оттягивали не терпящие отлагательств преобразования российской и советской традиционности и тем самым не использовали возможность для России выйти из ее исторической колеи;

– потом обеспечили нерасчлененность и приватизацию власти и собственности – включая недра земли – советской номенклатурой, ее родственниками, знакомыми и знакомыми знакомых и тем самым заложили основания корпоративного (олигархического, патримониального) государства.

Наконец, уже в путинские времена, правящие круги снова уверовали (или прикидываются, что уверовали) – нефtedоллары ударили в голову – в нереализованную «особость» нашей державы и решили (не декларируя, правда, этого открыто и членораздельно), что Россия по-прежнему наделена некоей «миссией», что она по праву претендует на вселенскую роль, а потому должна не

только восстановить свое влияние на постсоветском пространстве, но и приступить к формированию единого фронта всех альтернативных антиамериканских сил во всем мире, включая исламские страны, включая какие-то страны континентальной Европы, Китай, Латинскую Америку, а также страны Азии и Африки. Только с учетом подобной – еще не объявленной, но уже ставшей реальностью – стратегии становятся объяснимы важнейшие внешнеполитические демарши России последнего времени в ближнем и дальнем зарубежье. Здесь надо сделать важную оговорку: **существенное различие между прошлыми и нынешними русскими империалистами, по-моему, состоит в том, что прошлые – включая, вероятно, Сталина – отождествляли с империей себя лично: как помазанников Божьих либо как персонифицированную глобальную коммунистическую идею, – и, соответственно, искренне претендовали на глобальную роль России. Нынешних же «Государство Российское» интересует только как инструмент воровства: во всероссийском, а лучше глобальном объеме, – и они совершенно точно знают, что все их претензии на глобальную роль только имитация или даже просто блеф. А цель настоящего блефа – всего-навсего обмануть партнера по игре в покер, как этот покер ни называй, хоть мировым рынком.**

Тем не менее – независимо от того, искренняя она и или циничная, – такая стратегия потребовала разворота и внутри страны. Он был осуществлен, но его последствия до сих пор не осмыслены и не просчитаны, а потому и расплата за него всей стране предстоит очень жестокая. Здесь снова приходится ловить себя на слове. Убежден, не у меня одного по-прежнему осталась путаница в голове – мы смешиваем то, что в нашей жизни всего лишь декларируется, объявляется как уже сделанное, преподносится как уже воплощенное, и то, что «на самом деле». **(Культурологи, говоря про полный уход зрителя и читателя от окружающей жизни в вымышленный мир фильма или книги, употребляют термин «вторая реальность».)** Снова убеждаешься: **до сих пор есть Россия видимостей и есть Россия сущностей.** Я только что сам написал слова «стратегия», «разворот» – как если бы то, что стоит за каждым из них, было или есть в действительности. А это вовсе не так, и не просто в каких-то мелочах. Подобное «не так» проходит по всему живому телу России – по тому, что от него еще осталось, – и затрагивает буквально каждого из нас.

Не было никакой демократической революции в 91-м. Грандиозное крушение социально-политического монстра и свой персональный приход к власти в ходе или в результате такого крушения можно, конечно, объявить какой угодно революцией. Не было никогда никаких ни демократов, ни либералов у власти в 90-х. Ельцин – никакой не демократ, и Чубайс с Гайдаром – никакие не либералы. Они все и иже с ними духовно, интеллектуально, нравственно – продолжение и воплощение советской номенклатуры. **И никакого транзита из русско-советского авторитаризма к европейским демократиям тоже не было.** Вместо продвижения по восходящей, которое как бы подразумевается здесь под словом «переход», **в России продолжается – как убедительно показывают наиболее вдумчивые исследователи (в частности, социологи из Левада-центра) – разложение русской и советской системы властвования и деградация искусственно созданного сталинского социума.** Однако переход, с одной стороны, к более высокой и сложной социальной организации, а с другой – разложение ранее существовавшей архаичной системы – две принципиально разные траектории социально-политической динамики и нравственно-психологического состояния общественного целого. Это такая же по сути своей разница, как если бы на погребальной службе вместо полагающегося в таком случае «за упокой» священник вдруг грянул бы, не видя происходящего, не ведая, куда он попал, «во здравие». Вместе с тем хотя Переход – с заглавной буквы – к демократиям западного типа и не

вписывается в основную парадигму постсоветской динамики России, оснований, для того чтобы осмыслить и концептуально переформулировать весь комплекс проблем, относящихся именно к российскому типу динамики постсоветского времени, более чем достаточно. Прежде всего, подобный тип социальной динамики принципиально нельзя увидеть и понять, глядя на него в упор, в отрыве от советского и от досоветского российского прошлого. Континуум, непрерывность здесь столь же важны, как и умение на основе прерывности рассмотреть привходящее, единичное, неповторимое. Иначе говоря, важно зафиксировать момент встречи: а) реалий из многовековой русской истории, б) реалий из ее «укороченного» советского столетия – со всеми теми реалиями, что пришли в нашу жизнь с «лихими девяностыми». Кроме того, данный тип социальной динамики можно рассмотреть и понять только как совокупность социального, экономического, политического, психологического и исторического. Социологу, например, или экономисту одному (если он в то же время не социальный психолог) здесь делать нечего. **Содержание и направленность постсоветской социальной динамики определяется тем, что на момент крушения Советского Союза в России не было институтов гражданского общества и не было их политической организации. И что особенно важно подчеркнуть, не было и осмысления самого факта отсутствия подобного типа институтов и их соответствующей организации.** При допущении, а потом (после 91-го года) и легализации институтов рыночной экономики, частной собственности, при ликвидации железного занавеса произошло наложение таких современных социально-экономических институтов на традиционалистскую политико-административную «Русскую систему», а дальше события стали развиваться самотеком, стихийно. Развивались они именно туда, куда они и могли развиваться стихийно и самотеком: в сторону примитивизации и архаизации всех общественных отношений и государственного устройства. В итоге на сегодня уже довольно отчетливо вырисовываются основные (хотя и весьма расплывчатые) очертания этого почти двадцатилетнего соединения несоединимого – не то мутант, не то химера. **«Два в одном» – корпорация-государство и патримониальное государство.** Причем слово «государство» фигурирует в данном случае сразу во всех его российских смыслах: и правительство, и власть во всех ее видах, включая судебную, и страна, режим, общественное устройство, и даже собственно Россия. **Корпорация-государство проявляется в том, что национальные, социальные и экономические интересы всей страны сложившееся образование ставит в зависимость от ведомственных, корпоративных интересов. Приоритетом номер один становится – не национальная безопасность, не социальная обустроенность, не здоровье людей, а – частная прибыль корпоративного капитала. Превращая власть и собственность в нерасчлененную субстанцию и приватизируя их в такой их нерасчлененности, корпорация-государство со всей его административно-аппаратной мощью, со всеми его министерствами и ведомствами превращается в насильственную инстанцию, становится по существу еще и корпоративно-репрессивным государством. Патримониальность нашего государства выражается в том, что именно на российской почве наиболее наглядно сбылось предвидение Макса Вебера: Россия стала страной воплощенного «капитализма родственников и друзей» (crony capitalism), при котором власть передается по наследству.**

Государственная машина в еще большей мере, чем советская, насквозь пронизана связями между этими самыми родственниками и друзьями, для которых государственная служба означает в первую голову реализацию своей частной собственности. Основными источниками доходов нашего

патримониального чиновничества становится не жалование, не оклад, а доход от капитализации их формально-бюрократических функций. На всем постсоветском пространстве наиболее наглядно, можно сказать, плакатно-выразительно, «патримониальные султанистские» (термин М. Вебера) правления представлены в Закавказье и в Средней Азии – в частности, в Азербайджане, Казахстане, Киргизии, Узбекистане, Туркмении, где некоторые персоналистские режимы и диктатуры уже объявили себя властвующими навечно. Но и в России вектор социально-политической динамики устанавливается в том же направлении. Он просматривался уже в переходе Ельцин–Путин и совершенно раскрывается как в телодвижениях Путин–Медведев–Путин, так и в только что принятых решениях о продлении законных сроков работы президента и парламента. Никакой загадочности и таинственности во всех этих вроде бы хитросплетениях и срочностях нет. Они – лишь проявления озабоченности нынешних наших держателей власти и капитала своей собственной незаменимостью и вечностью. То же самое происходит и на региональном уровне. Если Лужков и Шаймиев заговорили вдруг о необходимости вернуться к выборности губернаторов, только безнадежно испорченный наивностью может усмотреть здесь их неожиданно проснувшийся якобы глубоко укорененный демократизм. Они прекрасно знают, во что они превратили выборы, и еще больше, чем «федералы», пекутся о своей несменяемости. Никак нельзя им расстаться с властью-собственностью. Только по наследству и желательнее только после смерти. **Но, пожалуй, главное, что заслуживает особого совокупного внимания в данном типе социальной динамики, – уникальное, как мне кажется, соотношение власти и населения, сформировавшееся за всю историю русской цивилизации и доведенное до предельного состояния в его специфике именно в постсоветское время. Тот факт, что «спецслужбы» и «органы» оказались на самой вершине властной пирамиды, раскрывает предельные параметры властвования в социуме, основанном на насилии. Враждебная, взаимоубийственная нераздельность – так, мне кажется, можно в самом общем плане определить специфику русских взаимоотношений власти и населения. Самый главный итог подобной смертельной связки – опять же по результатам многолетних исследований Левада-центра – выработанная у населения способность адаптации к насилию в любых условиях. Аморальность населения. Это не означает, разумеется, что буквально каждый и каждодневно делает подлости. Но это значит, что практически каждый при определенных условиях готов их сделать. А власть, будучи совершенно независимой от населения и абсолютно никак не подконтрольной ему, «отвязалась» настолько, что стала уже (или осталась) вполне патримониальной. При Путине она окончательно обрела сегодняшнюю форму, основанную на частном владении и управлении государством как частной собственностью – по примеру того, как землевладелец распоряжается своей вотчиной. **Иначе говоря, власть превратилась в эту самую Салтычиху во всероссийском масштабе, с триллионами в кубышке и к тому же размахивающую атомной бомбой.** Дескать, знай наших. Патримониализм, как форма организации социума, пропитывает всю российскую политико-административную систему, которая формально строится на рационально-легальных отношениях. В первые годы после краха СССР реформы в России мыслились пришедшими тогда к власти людьми как замена советского устройства образцами организации (государственной, правовой, экономической, политической и т.д.), заимствованными у западных государств. И предполагалось как само собой разумеющееся, что в результате одной лишь такой замены мы обеспечим переход к обществу с представительной демократией, со свободной рыночной экономикой, к учреждению «социального государства». Но при этом отношение к западным**

образцам осталось примерно таким же, каким было отношение Петра I к устройствам голландских верфей или министерств: как к красивым побрякушкам, которые можно где угодно взять и куда угодно положить; конкретная форма не воспринималась как конечный результат длительной эволюции социального. Или как, например, у Солженицына. Он страстно ненавидел большевизм, неистово с ним боролся и тем самым заслужил безграничное уважение современников и вечную память потомков. Но он не увидел в ГУЛАГе итог длительной эволюции русского имперского насилия – и за подобную незрячесть получил награду от гэбэшника Путина и был удостоен пышных похорон «по первому разряду» от наследников русской империи. Из-за инертности российского населения, сохранявшего в массе своей сильнейшую зависимость от государства, и из-за слабости массовых общественных и политических движений Ельцин, стремясь удержать власть, в поисках опоры довольно быстро переориентировался и перевел свой взор с «масс» на «силовые» ведомства. Структурные преобразования откладывались из-за их очевидной непопулярности, из-за этого же они так и не начались. По мере нарастания недовольства нагнеталось и насилие. 1993 г. – расстрел парламента, и 1996-й – фальсифицированные выборы президента на второй срок – символические события и даты обнажения ельцинского большевизма. **Путинское восьмилетие – с точки зрения особенностей постсоветской социальной динамики – годы окончательного утверждения авторитаризма на основе жажды «порядка» и потребности человека-массы в компенсаторном традиционализме.** Все это время последовательно и настойчиво велась дискредитация реформистских прозападных устремлений сторонников Ельцина, хотя они, подобные устремления, помимо многочисленных деклараций и некоторых официальных целеполаганий, так ни в чем и не воплотились. Но цель дискредитации была достигнута. Представив пришедших к власти с Ельциным «демократов» виновниками развала СССР и целого ряда кризисов 90-х годов (особенно – тяжелейшего кризиса 1998г.), падения жизненного уровня населения, путинской власти удалось осуществить метаморфозу в сознании россиян, по существу своему вполне еще традиционалистском. **Демократические модели политического устройства лишили привлекательности, понятия свободы, прав человека снова оказались на задворках этого сознания. В противовес им режим выдвинул и внедрил идеи социального порядка, традиций великодержавного превосходства, православия и милитаризма.** (Насколько далеки они от гитлеровского нацистского Ordnung'a или «корпоративного» фашистского государства Муссолини – отдельный вопрос для исследователя.) Началась тотальная «зачистка» пространства, предназначавшегося для гражданского общества и для политики. Политические партии, негосударственные и общественные организации, независимые каналы на телевидении, система выборов, суды и правоохранительные органы как социальные сущности ликвидированы, а то, что на их месте осталось, превратилось в элементы властной Системы. Все, что сохранилось от партий, судов, прокуратуры, СМИ и общественных организаций, превратили в инструменты принуждения, в репрессивные органы, а также в средства решения экономических, административных и финансовых задач различных органов и организаций, банков, страховых компаний, маркетинга, политической и коммерческой рекламы. Зачатки институтов гражданского общества власть ликвидировала в расчете на непрекращающийся поток нефтедолларов. Население страны при сырьевой, а не производительной ориентации государству не очень-то и нужно: население при наличии «трубы» и «золотого дождя» – всего лишь социальная обуза и потенциальная опасность. Предполагалось, что от населения в таком его качестве всегда можно будет откупиться, необязательно налаживать с ним отношения с помощью обычных институтов, присущих развитому гражданскому обществу. Но

начавшийся сейчас финансовый и экономический кризис радикально меняет и без того гнетущую ситуацию и обнажает уязвимость как всей стратегии путинского режима, так и созданного им способа властвования. Вместо ставшего уже привычным нефтегазового «золотого дождя» ускоряется отток капиталов из России. Сокращаются производства, начинается рост безработицы. Резко обостряются все так и не решенные проблемы здравоохранения, образования, жилья. При цене на нефть ниже 70 долларов, заложенной в бюджете, придется изымать ресурсы из населения – резервного фонда и золотого запаса надолго не хватит. Как быть при всем при этом со стратегией создания единого фронта противостояния с Западом и с Америкой? Как управляться с населением, когда бедность охватывает 40%, а 15–20 из этих сорока – фактические нищие? Больше 60% наших сограждан живут в малых городах и селах. **Именно здесь, на социальной периферии, по-прежнему доминируют государственно-патерналистские ориентации. У такого населения практически нет ни материальных, ни духовных ресурсов или социальных средств изменить свое положение, подняться из хронической депрессии. Надо иметь в виду, что на всю эту хаотичную массу населения – постоянно беднеющего и пополняющего число безработных (Ленин в начале XX века говорил о «пауперизации пауперов»...), никак не структурированную политическими организациями и гражданскими формированиями – накладывается растущая едва ли не по экспоненте коррупция, которая господствует практически во всех сферах общества и на всех уровнях власти, включая – согласно многочисленным публикациям – самую высшую, во главе с президентом и премьер-министром. Коррупция – как одно из самых разрушительных следствий отсутствия структурно-функциональной дифференциации, специализации, современного социального устройства и современной общественной жизни. «А может быть, ты скажешь мне, что при таких условиях жить невозможно. «Невозможно» – это не совсем так, а что «противно» жить – это верно». Полтора столетия, минувшие с тех пор, как эти строки написал М.Е. Салтыков-Щедрин, Россия по-прежнему топчется на месте. Движение, как известно, – жизнь. Отсутствие жизни – смерть. Сегодняшние «Бог, Царь и Отечество», олицетворенные Путиным, предлагают нам согласиться с тем, что общероссийская утренняя гимнастика («вставание с колен» под барабаны и фанфары) означает движение – то есть жизнь. И все им верят. С фигой в кармане. И с готовностью добить их, когда упадут. Но упадем – все вместе.**

На самом деле продолжать такую имитацию развития означает гарантировать очень скорый конец для того культурно-исторического феномена, который пока еще известен как Россия. *В частном случае – в разговоре с «куратором» советской литературы от ЦК ВКП(б) – с типичным для Сталина иезуитским юмором он отметил: «В настоящий момент, товарищ Поликарпов, мы не можем предоставить вам других писателей». «В настоящий момент»... ***Salus revolutiae suprema lex* (лат.) – «Благо революции – высший закон». Тезис сформулирован как антитеза исходному принципу демократии *Salus populi suprema lex* («Благо народа – высший закон») и принадлежит Г.В. Плеханову, который высказал его на II съезде РСДРП в 1903 г.»

подступиться к разрушительной идее в ее истинном виде. Общество боится ее затрагивать. Оно отгораживается от действительности с помощью успокаивающих образов. Сказать правду – все равно, что произвести революцию.

Франсуаза Дольто

Объективно тоталитарная власть одна и та же для всех. Подданные равны в бессилии и бесправии. Но восприятие власти, психологический смысл государства для индивида может быть разным: более реалистическим или наоборот, более культовым и магическим. В субъективном образе власти, формирующемся у каждого человека которому довелось жить в тоталитарном обществе, сосуществуют три способа объяснения своих взаимоотношений с властью: любовь, согласие и насилие.

Полного успеха в манипуляции сознанием, а значит и всеобщей любви к диктатору, власть добивается далеко не всегда. Люди живут не в инкубаторах, совсем перекрыть контакты человека с миром, особенно в эпоху интернета и открытых границ, не удастся, а значит и вера тоталитарного сознания в большинстве случаев не абсолютна. Характерно, что люди физического труда, непосредственно сталкивающиеся с непреложными законами природы, в целом более устойчивы по отношению к тоталитарной демагогии, чем некоторые интеллигенты умудрившиеся прожить в мире текстов и без особого стыда говорящие о своей прошлой и нынешней вере в старых и новых вождей. Крестьянин поверит в таинственных вредителей и всемирных заговорщиков, в хаос творящийся за святыми рубежами, но он никогда не согласится с тем, что урожай может удвоиться благодаря мудрым указаниям «сверху». Чем больше реальности, тем меньше любви к вождю. Но и только на силе режим стоять не может, во всяком случае, не может стоять долго. Недаром Наполеон говорил, что на штыках можно прийти к власти, но на них нельзя сидеть вечно. Даже оккупационные режимы стремятся создать структуры власти, включающие частичное самоуправление, что бы хоть немного сузит зону применения прямого насилия. Аппарат насилия может быть задействован в любой момент. Но власть всегда заинтересована, что бы люди не сопротивлялись. Хлебные поставки начала 30-х годов, разорившие крестьян не меньше продразверстки, осуществлялись, в большинстве случаев, без использования войск. На любое сопротивление предусмотрен свой механизм функционирования тоталитарной системы. Даже «работа» Треблинки была организована таким образом, чтобы максимально оттянуть момент понимания – люди осознали, что их ведут на смерть лишь непосредственно перед дверьми газовых камер. При малейшем сопротивлении, нарушении ритма Треблинка просто захлебнулась бы в потоке обреченных. Одного насилия не хватало. Оно сочеталось с обманом. Если цели власти не сводятся к уничтожению, ей необходимо строить и другие механизмы, кроме насилия. В основе государственной власти, мечтал еще Руссо, должно лежать согласие граждан на то, что бы им управляли определенным образом. Но для такого согласия нужны аргументы, а аргументы дело рискованное. Их можно подвергнуть сомнению, оспорить, даже отвергнуть. **Тоталитарная власть никогда не вдается в обсуждение своих действий.** И все же один довод в ее пользу, на всякий случай, есть всегда – опасная ситуация, грозящая самому

существованию народа и общества: либо внешняя угроза, реальная или вымышленная или спровоцированная (агрессивный режим в соседней стране, террористическая активность, расширение военно-политического блока на континенте, угроза «оранжевой» революции «инспирированной» Западом, подрывная деятельность зарубежных спецслужб, через некоммерческие организации финансирующих «пятую колонну», необходимость все большее количество зарвавшихся зарубежных политиков «принуждать» к миру и т. д.), либо тяжесть стоящих перед страной экономических и социальных проблем (созданных ее предыдущими мудрыми руководителями), которые приписываются внутренним врагам или чрезвычайным обстоятельствам; либо, наконец, отсталость, неразвитость населения. Все это, с точки зрения сторонников диктатуры, требует бдительности, единства, резких рывков в развитии и безусловного доверия к власти. Нарушения прав человека рассматриваются как неизбежная, соразмерная и чуть ли не справедливая плата за безопасность и прогресс.

Зона согласия распространяется не столько на методы, сколько на провозглашаемые властью цели. Для многих жертв тоталитарных режимов цели эти стояли столь высоко, что они готовы были простить власти использование любых средств для их достижения, в том числе и насилия над собой. **Такое выделение чего-то одного как сверхценного и объявление всего остального несущественным является одной из форм упрощения мира, характерных для тоталитарного и авторитарного сознания.** Режим не зря озабочен тем, чтобы подданные искренне верили в базовые идеологические постулаты, никогда не подвергали их сомнению, - выстраивается иерархия ценностей, в которых все, даже и собственная жизнь, стоит ничтожно мало в сравнении с чем-то вроде родового тотема, которым распоряжается власть. Это блестяще описал Артур Кестлер в романе «Слепящая тьма», герой которого не испытывая никаких теплых чувств по отношению к своим палачам, понимает их, одобряет их действия и в конечном счете становится соучастником собственного убийства. Сегодняшние утверждения об объективной ценности сталинского геноцида для достижения высших целей являются не только оправданием прошлых преступлений, но и идеологическим обоснованием преступлений будущих. Откровенный бред фашиствующих поклонников твердой руки не столь опасен, как эти вполне интеллигентные рассуждения. Идеологи тоталитарных режимов потратили массу сил на то, что бы в каждом конкретном случае доказать, что ситуация является чрезвычайной. Последние примеры: угроза терроризма, расширения НАТО, «принуждение Грузии к миру» с насильственным отторжением части ее территории. Противники власти считали и считают, что сами эти чрезвычайные обстоятельства создаются властью в ее собственных интересах. Но и те и другие согласны, что чрезвычайные ситуации, коль скоро они возникли, требуют чрезвычайных мер. А чрезвычайные меры – это и есть тотальная власть над человеком. Следовательно, есть обстоятельства при которых тоталитарный режим более эффективен, чем демократический. На наш взгляд это представление есть один из тех мифов, которые в изобилии создает тоталитарная система в поисках самооправдания и устрашения. Миф этот нередко разделяют и те, кто стоит вне этой системы и является ее противником. Повидимому, вера в эффективность тоталитаризма и страх перед ним объясняют, как Чемберлен и Даладье, не смотря на имевшиеся в их распоряжении разведданные и донесения послов, поверили гитлеровской пропаганде и катастрофически переоценили военную мощь германии. Это, как известно, привело к мюнхенским соглашениям – одной из многих позорных уступок демократии тоталитаризму.

Если авторитарный способ управления, т.е. принятия решений без обсуждения с подчиненными, в определенных обстоятельствах, является эффективным и потому оправданным, то тоталитарная власть, стремящаяся к полному контролю над всеми сферами человеческой жизни, прагматических обоснований не имеет. Доказательством является судьба тоталитарных режимов во всех частях света. Чрезвычайные ситуации приходили и уходили, а итогом, во всех случаях, был упадок культуры, развал экономики, разочарование народа с его невротизацией и психопатизацией и тенденцией к вырождению. Последние, психологические явления, наиболее опасны для тоталитарной системы: режим, как будто бы игнорирующий чувства и мнения народных масс, на самом деле более всего опирается не на танки и идеологию, а на любовь и согласие народа. Правда бывает, что те, кто захватил власть, удерживает ее оружием и устрашением и является носителем чуждой населению идеологии и культуры, не стесняются признавать, что их власть навязана народу и держится на силе. Достаточно вспомнить рассуждения Сталина о партии, как об ордене меченосцев. Положение вульгарного марксизма, согласно которому всякое государство есть аппарат насилия (а не координации, влияния, согласования интересов и пр.) тоже «хорошо поработало» на оправдание тоталитарных режимов. Л. Гозман и А. Эткинд отмечают, что признание насилия имеет совершенно разный смысл для субъекта и объекта, для палача и для жертвы. Вспомним прекрасную фантазию Набокова о том, как рассыпается тоталитарный мир от того, что один несчастный человек увидел его таким, каков он есть, - увидел палача палачом, топор – топором и себя – бессмысленной жертвой. Это, к сожалению, лишь мечта. Тоталитарное общество, как и авторитарное, пережило и еще переживет поколения несогласных. Однако осознание насилия по отношению к себе, есть единственно верная картина социальной реальности. Тоталитарная власть день за днем, час за часом творит насилие над человеком, деформируя, а то и просто уничтожая его духовно-психологическое пространство, мотивацию к полноценной, свободной и ответственной жизни. Даже если ты не подвергался арестам и пыткам, твое поведение определяется их постоянной угрозой. Ты никогда не был за границей не потому, что не хотел, а потому, что не пускали. Ты не читал еретических книг потому, что они были недоступны. Ты не менял специальность потому, что это было невозможно и, быть может, не развелся потому. Что это отразилось бы на карьере. Ты почти ничего не делал в жизни по своему выбору. Признать то, что ты подчиняешься власти исключительно по физической необходимости, - значит сделать первый и очень трудный шаг на пути сохранения моральных ценностей, а значит и индивидуального духовного пространства, душевного здоровья, гражданского достоинства. Но это означает также потерю спокойствия и счастливого чувства растворения себя среди других таких же, как ты. Расплата за реализм, за отказ от тоталитарных верований тяжела: это одиночество, страх и, очень возможно, прямая встреча с насилием. Реалистическое восприятие власти, как источника насилия – самый трудный выбор для подданного. Чтобы перерасти и взломать внутренний панцирь тоталитарной личности, нужны мужество и интеллект, доступные немногим.

- 8 -

Всегда есть достаточно света для тех, кто желает видеть,

и достаточно тьмы для тех,

кто желает обратного.

Блез Паскаль

В американской психологической науке существует несколько основных моделей деструктивного воздействия тоталитаризма на личность. Классической является модель **Р. Дж. Лифтона**, изложенная в работе "Реформирование мышления и психология тотализма" (Lifton, R. J. Thought Reform and the Psychology of Totalism, 1961). Лифтон выделяет восемь элементов, приводящих, при одновременном и систематическом их использовании применительно к личности, к катастрофическому изменению сознания:

1. Контроль окружающей обстановки (среды) - жесткое структурирование окружения, в котором общение регулируется, а допуск к информации строго контролируется.

2. Мистическое манипулирование - использование запланированной или подстроенной "спонтанной", "непосредственной" ситуации для придания ей смысла, выгодного манипуляторам.

3. Требование чистоты - резкое деление мира на "чистый" и "нечистый", "хороший" и "плохой". Наша идеология, страна, народ и пр. - "хорошие" и "чистые", все остальное - "плохое" и грязное".

4. «Культ исповеди» - требование непрерывной исповеди и интимных признаний для уничтожения границ личности и поддержания чувства вины.

5. "Святая идеология" - объявление своей догмы абсолютной, полной и вечной истиной. Любая информация, которая противоречит этой абсолютной истине, считается ложной.

6. Нагруженный (идеологическим, культовым смыслом) язык - создание специального клишированного словаря внутригруппового общения с целью устранения самой основы для самостоятельного и критического мышления.

7. Доктрина выше личности - доктрина более реальна и истинна, чем личность и ее индивидуальный опыт.

8. Разделение существования – верноподданные члены общества имеют право на жизнь и существование, остальные - нет, т.е. "цель оправдывает любые средства".

Впоследствии Лифтон развил свою концепцию, дополнив ее моделью "удвоения личности" в работе "Нацистские врачи: медицинское убийство и психология геноцида" (Lifton, R. J. The Nazi Doctors: Medical Killing and the Psychology of Genocide, 1986). Он попытался объяснить психологические механизмы, которые позволили профессиональным врачам стать профессиональными убийцами, когда они были частью самого эффективного конвейера убийств, известного западной цивилизации: нацистских лагерей смерти. **Это исследование привело к более точному пониманию того, как люди,**

психически здоровые, часто интеллектуальные, образованные и идеалистичные, довольно быстро могут становиться фанатиками движений, вся идеология и деятельность которых прямо противоречит их первоначальным взглядам на мир. Такая резкая и глубокая ресоциализация личности является результатом специфической адаптивной реакции в условиях чрезвычайного группового давления и манипулирования базисными человеческими потребностями. (Вспомните взаимоотношения Юнга с нацистами). Лифтон назвал ее "удвоением". Удвоение заключается в разделении системы собственного "я" на две независимо функционирующие целостности.

Разделение происходит потому, что в определенный момент член тоталитарного общества сталкивается с тем фактом, что его новое поведение несовместимо с «дототалитарным "я"». Поведение, требуемое и вознаграждаемое тоталитарной властью, настолько отличается от "старого "я", что обычной психологической защиты (рационализации, вытеснения и т.п.) недостаточно для жизненного функционирования. Всем мысли, убеждения, действия, чувства и роли, связанные с пребыванием в тоталитарном обществе, организуются в независимую систему, «частичного "я", которое полностью согласуется с требованиями общества, но происходит это не по свободному выбору личности, а как инстинктивная реакция самосохранения в почти невыносимых (психологически) условиях. Новое частичное "я" действует как целостное "я", устраняя внутренние психологические конфликты. В Аушвице врач мог через удвоение не только убивать и осуществлять вклад в убийство, но и молча организовывать в интересах этого зловещего процесса всю структуру своего "я", все аспекты своего поведения. Аналогичные закономерности наблюдаются и в тоталитарных (экстремистских) группах (сектах). Феномен удвоения «я» ярко проявился и в людях эмигрировавших из СССР. Советские люди, если не брать во внимание горстку диссидентов, в свое время приспособившимися к тоталитарному режиму оказались совсем разными, но уже иными: героями, чудаками, оборотистыми предпринимателями, жуликами, и, тем не менее, в своей деятельности они несли черты психологии людей из тоталитарного общества. В этом смысле богатую информацию дает малоизвестное у нас исследование Алекса Инкельса «Советский гражданин» (*The soviet citizen*), выпущенное в 1959 г. Опросив некоторое число бывших советских граждан, он увидел в их поведении и чертах, как культ успеха, власти, легко переходящий в раболепие, хитрость, упрямство, самолюбие.

В течение четырех лет — 1936-1940 годы — термин «тоталитаризм» распространился в Европе, а затем в Америке. Пять европейских писателей: Франц Боркенау, Артур Кёстлер, Анри Мальро, Джордж Оруэлл и Игнацио Силоне — одновременно и относительно независимо друг от друга дали описание общества, качественно резко отличного от всех, какие знала до этого история. Это было сделано в разных жанрах — политический трактат, философское эссе, роман-притча, социальная фантастика — но с достаточно четко очерченным кругом идей. Наибольшее влияние на воображение современников оказал предельно живой и яркий образ оруэлловской Океании. В 1946-1948 годах Ханна Арендт на основе личных впечатлений от практики и идеологии нацизма написала свою знаменитую работу «Источники тоталитаризма» («*The origins of totalitarianism*»), вышедшую в свет в 1951 г. Именно ею в соавторстве с Э. Бжезинским был сделан и следующий шаг, — появилась работа уже под названием «Тоталитарное мышление» («*The Totalitarian Mind*»). Убедительно доказывая, что тоталитаризм отличен по природе от других форм государственного насилия — деспотии, тирании, диктатуры — Х. Арендт утверждала, что у него особая духовная основа —

сочетание слепой веры с самым крайним цинизмом. Воссоздавая в книге атмосферу нацистского концлагеря (и вместе с тем в бросающемся в глаза сходстве с историей падения и гибели героя «1984»), Арендт выстраивает схему фаз превращения личности в идеальный объект тоталитарного строя. Сначала разрушается моральное сознание (человек усваивает, что наказание должно следовать не за то, что он делает, а за то, кем он считается); потом рушится моральное сознание (перестает ощущаться грань добра и зла); и, наконец, от голода и пыток разрушается физическое естество. В тоталитарной структуре, окружающей такого человека, вычисляются те же четыре элемента, что у выше названных писателей: всесильная идеология, обращенная не к логике, а к рефлексам; мистический вождь, обожаемый и ненавидимый одновременно; квазипартия — корпорация властителей, функционирующая как целое с бесконечными тайнами манипуляциями внутри себя; машина массового непрерывного террора. Подобно своим предшественникам, Ханна Арендт признавала, что эта структура жизнеспособна только в условиях войны или материального дефицита в сочетании с политическим террором. (В этом отличие образцов тоталитаризма от просто антиутопий, изображающих, как у Е. Замятина и О. Хаксли, тоталитарное общество в состоянии мира и материального благополучия).

Н. Болтянская в своей статье посвященной научной конференции «История сталинизма. Репрессированная провинция», прошедшей в г. Смоленске, пишет: « Из материалов конференции хочу познакомить вас с фрагментами доклада Нэнси Адлер, профессора Центра по изучению Холокоста и Геноцида Амстердамского университета. Нэнси задалась вопросом, почему репрессивная система управления все-таки пользовалась доверием ряда своих жертв иногда в течение десятилетий. Почему прошедшие через ГУЛАГ, а также родственники расстрелянных нуждались в реабилитации?»

Четыре гипотезы Нэнси Адлер:

1. Коммунизм есть светская религия. Госпожа Адлер приводит пример Льва Гаврилова, арестованного в 1937 году. В первые годы войны он удалил золотые зубы и пытался передать их в помощь фронту. Вклад «врага народа» не хотели принимать.

2. Когнитивный диссонанс. Ситуация, когда объективные знания и навыки вступают в конфликт с тем, что преподносит реальность на данный момент. Для выживания приходится менять индивидуальную систему ценностей. Несмотря на уверенность в собственной невинности, человек запоминал, что «у нас просто так не сажают», и начинал выискивать в себе признаки реальной или мнимой измены. Классический, с моей точки зрения, пример: дочь раскулаченного, искренне считающая, что ее отец был действительно виноват в том, что не вступил в колхоз.

3. Функционализм. Членство в Коммунистической партии предлагало реальные социальные преимущества в получении жилья, устройстве на работу и в карьере. Вспомните у Ильфа и Петрова: «пиво отпускается только членам профсоюза». Если бывший заключенный мог добиться реабилитации, он существенно увеличивал свои шансы на нормальную жизнь.

4. Травматическая связь, иначе именуемая «стокгольмским синдромом» — психологический процесс, при котором вынужденная изоляция, физическая угроза и другие формы стресса могут вылиться в привязанность жертвы к палачу. Вчерашние

жертвы боялись остаться одни. В 1953 году «Правда» опубликовала письмо, приписываемое бывшему заключенному: «Мы — дети нашей советской матери-родины. Может быть, мы нарушили что-то, ослушались, и мать наказала нас. Но разве мы можем ненавидеть ее за это? Она наказала, но она и простила, и она вновь обнимает своих детей...» (Государственный Архив Российской Федерации, дело 7523.) С психологической точки зрения, такие люди никогда не выйдут из тюрьмы. Они впитали систему убеждений собственных угнетателей, винят себя и продолжают стремиться к безопасности, которую видят, прежде всего, в примирении с родительницей - партией.

- 9 -

Кумиры и ложные понятия, овладев человеческим духом и глубоко внедрившись в него, держат дух в плену не только в том смысле, что истина только с трудом находит к нему доступ, но и в том, что если этот доступ разрешается и санкционируется, при обновлении нации они снова выплывут и будут создавать препятствия, если появления их не предусмотреть и по возможности не оградиться от них.

Фрэнсис Бэкон.

Межпоколенческая передача тоталитарного мышления является не только базисом его воспроизводства на государственном уровне и по обратной связи поддерживающая передачу этого образа мышления следующим поколениям, но и служит «хорошей» почвой для формирования тоталитарных групп, захватывающих все большие слои населения и представляющие социальную опасность.

Психологические механизмы влияния тоталитарных групп на личность хорошо описаны в статье Н. Орла (**Орел Н. Психологические механизмы влияния тоталитарных групп на личность: профилактика и преодоление зависимости // Контроль сознания и методы подавления личности: Хрестоматия — / Сост. К. В. Сельченко. — Мн.: Харвест, М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. — 624 с. — (Библиотека практической психологии). — С. 413-443.**).

Наше время вовсе не случайно многими культурологами и представителями общественных наук именуется эпохой расцвета тоталитарных сект. Во всех развитых странах мира из года в год нарастает осознание крайней необходимости оказания эффективного противодействия все возрастающему деструктивному влиянию всевозможных “гуру” и “вестников”. К сожалению, лидерами стран СНГ острота проблемы развития деятельности тоталитарных сект до сих пор остается не до конца осознанной, в то время как финансовые, политические и психотехнологические мощности такого рода минисообществ увеличиваются день ото дня. До сих пор не получила должного развития практика восстановления социальной идентичности жертв деструктивных культов, хотя социальный запрос на

проведение реабилитационных психокорректирующих мероприятий угрожающе значителен. Однако вряд можно разработать эффективную систему психореабилитационных мероприятий без углубленного понимания механизмов самой скрытой насильственной индоктринации.

Тоталитарные группы в социальных сообществах

Для уяснения места и роли тоталитарных групп в человеческом обществе представляется важным предложить следующую классификацию **социальных групп**.

1. Тоталитарные группы.
2. Паратоталитарные группы.
3. Культурные группы.

Под тоталитарной группой мы понимаем объединенное общим мировоззрением, ритуалами и образом жизни сообщество, для которого характерен абсолютный контроль властвующей верхушки над всеми областями личной жизни отдельных индивидуумов.

Формы тоталитарных групп.

1. Политические (маргинальные и радикальные, экстремистские партии, террористические группы).
2. Псевдорелигиозные (собственно секты: иеговисты, кришнаиты и т.д.).
3. Коммерческие (экспансионирующие маркетинговые сети, наркосообщество).
4. Окультиные (парапсихологические, магические, орденовые и т.п.).
5. Апокалиптические и псевдонаучные (уфологические, катаклизматические, йогические, сайентологические).

Паратоталитарные группы характеризуются высокой степенью единства взглядов, почти однозначной схожестью стратегий, целей и программ всех участников, обязательной иерархизацией отношений и достаточно жестким кодексом норм поведения, поощрения, наказания (формальное членство). В то же время, личная жизнь не регламентируется и цензуре не подлежит, контролируется лишь внешнее поведение участника такой группы под девизом “не выносить сор из избы”.

Формы паратоталитарных групп.

1. Политические (ведущие партии).
2. Корпоративные (фирменные, монопольные, спортивные).
3. Криминальные.

4. Элитные (финансовые, военные, академические, и др.).
5. Подростковые сообщества (неформальные молодежные объединения).

Культурные группы всегда самоорганизуются и развиваются естественным образом (синергетически). Основная форма, инструмент, технология и результат социализации личности, то есть инкорпорирования биологического индивидуума в конкретную социокультурную среду.

Формы культурных групп.

1. Национальные.
2. Имущественные.
3. Религиозные.
4. Территориальные (государство, страна, город).
5. Мировоззренческие (атеисты, формальные молодежные организации).
6. Виртуальные (Интернет).
7. Локально-временные (дети в пионерлагере, студенты, школьники).
8. Половозрастные группы.

Психологическое зомбирование в постиндустриальном информационном обществе

Олвин Тоффлер, говоря в книге “Футурошок” о нарастании новизны и скорости, сопутствующих экспоненциально возрастающему информационному взрыву, говорит об ограниченности человеческой психики в восприятии всего массива окружающей информации. Именно поэтому люди тяготеют к включению в специфические субкультурные сообщества. Само постиндустриальное общество с его интенсификацией информационных и культурных сообществ создает условия для бегства большинства своих граждан в те или иные группы, которые защищают рамками своих простых, но законченных и целостных мировоззрений, от все нарастающего давления внешней информации. Примеры — панки, рокеры, болельщики, толкиенисты, политические партии, и т.п. Речь идет об особой форме групповой психозащиты, которая может рассматриваться как попытка конституционально и культурно схожих индивидуумов, совместно защититься от размывающих и дезориентирующих их культурных влияний. Наиболее антисоциальным и имеющим тенденцию к перманентному росту вариантом такого рода групповой психозащиты являются тоталитарные секты. Каждая такая группа имеет свою символику, свою ритуалистику, свой свод нравственных правил, свою систему наказаний и поощрений. **Однако тоталитарные секты, в отличие от рокеров, металлистов и т.п., опасны, прежде всего, тем, что при их создании целенаправленно используется целый комплекс приемов суггестивного, программирующего воздействия, что создает условия для количественного и имущественного разрастания секты, подобно раковой опухоли.** Все без исключения тоталитарные секты, помимо потакания нарциссизму гуру, неизбежно приносят ему и его ближайшим сподвижникам вполне осязаемые материальные дивиденды за счет разорения рядовых членов. **В некотором принципиальном смысле структура и динамика развития тоталитарных сект примитивно и уродливо воспроизводит всю историю имущественного и политического**

расслоения общества, которая неизбежно сопровождает процесс становления всякой цивилизации.

В древние времена все общество Египта или Ассирии было единой тоталитарной сектой, на вершине которой находились учителя и пророки, а процессы консолидации обеспечивали искусно подготовленные и изощренно действующие психологи-жрецы, так что ничего принципиально нового, в контексте истории культуры, тоталитарные секты в жизнь человечества не принесли. Их опасность заключается в том, что их руководители присваивают себе прерогативу на владение душами новообращенных, на полный контроль над их поведением и имуществом. Однако в принципе это ничем не отличается от устремлений любой властной элиты, которая с помощью постигнутых психологических законов эксплуатирует архаичную веру человека в чудо и неискоренимое желание быть ведомым и защищаемым. Специфику **современной социальной ситуации** существования человека определяют следующие факторы:

1. Существование современного человека в информационно плотной среде: агрессия масс - медиа и множество слабо контролируемых контактов.
2. Дезориентированность современников в условиях футурошока (нарастающий обвал мироподдерживающих проблем — экологическая, демографическая, сексуальная, социотропная революция в условиях информационного взрыва).
3. Атавизмы холодной войны, материализующиеся в различных формах геополитического противостояния и идеологической агрессии.
4. Психологическая неграмотность населения как предпосылка безусловной податливости профессиональному суггестивному давлению заинтересованных лиц.
5. Невозможность сокрытия профессиональных зомбирующих секретов от нечистоплотных дельцов (за деньги всякий желающий получает сведения о современных эффективных психотехнологиях).
6. Экономическая заинтересованность как основной мотив любых организаторов сектообразующей деятельности.
7. Массированное финансирование сектоорганизующих мероприятий заинтересованными кампаниями.
8. Отсутствие реально действующих общесоциальных институтов психогигиены и психопрофилактики.

К истории вопроса

Имущественные и экономические интересы испокон веков мотивировали активные поиски психотехнологий, позволяющих заинтересованному лицу управлять волей других людей. “Предоставьте нам ребенка до 7 лет — и потом делайте с ним, что хотите, он уже наш” — говорили иезуиты. Вербуемые взрослые иезуиты рассматривались как агенты, но истинные иезуиты воспитывались с раннего детства. Сегодня во многих тоталитарных группах приглашаются родители с малыми детьми, и не случайно. Фактически речь идет об организованном воздействии на психику в определенный период, характеризующийся наибольшей

открытостью к формирующим воздействиям. Тем самым создается целостная основа, в соответствии с которой (по аналогии с выращиванием кристаллов поваренной соли в перенасыщенном растворе) в дальнейшем выстраивается вся картина мира. Прививается тот понятийный фильтр, через который впоследствии оценивается и фильтруется все воспринимаемое. Когда идет работа гуру со взрослым человеком, перед первым стоит задача изменить фундаментальный смысловой и ценностный фильтр последнего. Матрица семантических глоссов разрушатся сильнейшим психофизическим стрессом, а затем выстраивается другая. Но сначала необходимо депрограммировать человека в секте от социальных влияний.

Любая инициация — это “возрождение через смерть”. Все ритуалы проводят посвящаемого через символическую смерть и мистерии. Термин “мистерия” происходит от греческого слова *mysterion*, означающего “то, что предназначено только для посвященных”. И, несомненно, многих людей привлекали в тайных религиозных обрядах именно экстаз и чувство обновления, вызываемые последовательными изощренными ритуалами приобщения. Празднества посвящения обычно продолжались в течение нескольких дней и заканчивались тайной драмой жертвоприношения и воскресения. В Элевсинских мистериях залы для посвящения живо напоминали ужасы Гадеса (правителя подземного мира). Все это сопровождалось впечатляющими ритуальными драмами. После успешного прохождения жестоких испытаний, с ловушками и опасностями, кандидат получает почетный титул Мистее, то есть “видящий сквозь туман”. Это означало предоставление возможности доступа к Высшим Истинам. Далее, неофит проходит при инициации помещения все более блистательные, что символизирует восхождение души от низших миров к области света. Наконец он входит в сводчатую комнату, где стоит прекрасно освещенная скульптура богини Цереры (Деметры) — покровительницы земли и урожая (мак был священным цветком Цереры). Здесь в присутствии высших жрецов мистерий, одетых в богатые одежды, его посвящают в высшие секреты. Говоря языком психофизиологии, так или иначе, в процессе глубокой индоктринации использовалась сенсорная депривация (резкое ограничение внешних сенсорных сигналов).

Мэнли Холл так описывает обряд посвящения в жрецы в Древнем Египте, происходящим в предназначенной именно для этого пирамиде: “В Камере Царя разыгрывалась драма “второй смерти”. Здесь кандидат, распятый на кресте солнцестояния и равноденствия, погребался в громадном саркофаге. В этой комнате глубокая мистерия создавалась всем — от атмосферы до температуры: в ней стоял пробирающий до костей холод. Эта комната была промежуток между материальным миром и трансцендентальными сферами Природы. Таким образом, Великая пирамида может быть уподоблена воротам, через которые древние жрецы позволяли проходить для достижения индивидуального завершения лишь немногим”.

Приверженцы Диониса добивались слияния со своим богом через обильные возлияния и танцы, потворство влечениям и освобождения от всяческих запретов. Связанные с культом ритуалы включали оргиастические праздники с участием певцов и музыкантов и жертвоприношениями Богу Сладострастия. В Мистериях вино использовалось прежде всего для того, чтобы доносимые образы ярко и глубоко впечатывались в сознание неофитов. К слову, гипотетически можно предположить, что психоделики не исчезают из общества, так как являются **важным культурным фактором сплочения**, свидетельства о наличии особой

символической системы, **своего языка**, помогают ближе сойтись с другими людьми.

Интересен пример психопрограммирования, предпринимаемого в секте ассасинов, действовавшей в Персии в XIII веке. “Это были фанатики-мусульмане, убивавшие крестоносцев. Марко Поло описал прекрасный сад, укрытый между двух гор и известный только тем, кто принадлежал культу. Защищаемый со стороны входа хорошо укрепленным замком, сад, как утверждают, был разбит в соответствии с представлениями пророка Магомета о рае. “В нем можно было найти всевозможные фрукты и самые прекрасные дворцы в мире”, — писал Марко Поло. — “Там были каналы — по одному текла вода, по- другому мед, по третьему вино; там находились самые красивые в мире женщины, которые пели и играли на музыкальных инструментах и танцевали лучше кого бы то ни было”. В этот Эдем могли войти только те молодые люди, которые хотели стать ассасинами. Когда верховный глава культа считал их готовыми к посвящению, юношам давали гашиш до тех пор, пока они не впадали в наркотический сон. Затем, по словам Поло, их вносили в сад, где они пробуждались, окруженные несказанным великолепием. Ни один из тех, кто испытал это блаженное состояние и почувствовал себя как в раю, где исполнялись любые причуды, никогда не пожелал уйти. Но в обмен за эти наслаждения ассасины были вынуждены выполнять определенные задания для своего господина или изгонялись. Эти задания сводились к одному — убивать, и ассасины выполняли свои задания в слепом повиновении. Члены секты ассасинов, ведущей свое происхождение от исмаилитской религии, верили, что в цепи сотворения мира было семь звеньев и, что божественная мудрость будет открываться человеку в каждом месте сочленения звеньев по мере его продвижения к Богу. Стремившиеся к озарению подвергались специальному посвящению, перед тем как взойти на новую ступень познания. По некоторым сообщениям, относящимся к XIX веку, откровения на каждом новом уровне опровергали все, что было познано ранее. На высшей ступени раскрывалась последняя тайна ассасинов: царство и ад суть одно и то же, все действия бессмысленны и нет ни добра, ни зла, а только добродетель повиновения духовному владыке”.

С определенной точки зрения, история человечества является историей войн, поединков и битв. Однако усложнившаяся современная реальность диктует необходимость применения более тонких, а значит более эффективных **методов принуждения** ближнего к согласию с позицией, необходимой заинтересованному лицу, нашедших свое кульминационное выражение в технологиях работы сотрудников спецслужб. Современность характеризуется **скрытым** характером агрессивных манипуляций. В настоящее время фактически утрачены те знания о тонких приемах и элегантных методах управления психикой субъекта, каковые широко использовались задолго до начала известной нам истории (ритуальная музыка, священные танцы, сокровенные галлюциногены, понимание смысла формул и фраз и т.п.). Включив в себя некоторые из наиболее примитивных древних техник, на их место пришли **современные активные психотехнологии программирования**.

Качества и свойства руководителей тоталитарных групп

Авторитарное поведение.

Нетерпимость к чужому мнению.

Прирожденная суггестивность (хороший рассказчик, имитатор, актер, отличная память, ощущение бывалого человека).

Холерический темперамент и истероидность.

Часто в жизненном опыте имели место реальные либо вымышленные опыты паранормального характера (внечувственный опыт).

Пережили экстремальный опыт (аварии, болезни, опасности) чудесного спасения.

Абсолютная уверенность, в основе которой лежит реальный (вымышленный) опыт.

Развитый интеллект.

Большое чувство опасности (“волчий нюх”); обхитрить их неопыту практически невозможно.

Организовывают систему доносительства, что не только цементирует группу, но и вносит особый аромат в характер любых переживаний.

Прекрасно разбираются в людских пороках, улавливают чувство вины, опасности для себя; недаром ключевой причиной склонности человека к тем или иным культам называется отягощенность страстями и сопутствующими сомнениями в себе, связанными с ощущением собственной “греховности”.

Склонность к ритуалам, определяемая стремлением приглушить экзистенциальный страх перед непредсказуемым миром.

Склонность к магическому мышлению; для них все случайности имеют особый смысл.

Эгоцентризм, неуважительное отношение к последователям (от грубости до непочтительности, приказной тон).

Нарциссизм, жесткие схемы самоидентификации.

Манипулятивные умения и навыки эффективного суггестивного влияния.

Склонны к активному накоплению информации (вынуждает миссия наблюдать за лучшими находкам других людей), быстро перенимают опыт других.

Неумение вести диалог, склонность к монологическому изложению императивно навязываемых лично истинных позиций.

Стремление намеренно инфантилизировать последователей (склонность к использованию обращений “сын”, “дочь”, “чадо”).

Универсальные идеи, выдвигаемые различными тоталитарными группами

Претензия на обладание истиной в последней инстанции.

Развернутое предложение многообразных способов поддержки защиты и получения личной безопасности («бессмертие души»; группа как семья; «истинные» родственники; братья и сестры).

Гарантия спасения, достигаемого за счет предания собственной воли гуру.

Апелляция к чувству гордости (гордыня, иллюзии избранничества).

Апелляция к реальным проблемам современного мира и описания золотого века в далеком прошлом либо в будущем (изоляция от настоящего).

Апелляция к несовершенству любых других идей.

Обещание особых даров, скрытых способностей и тайных сил.

Обязательность поэтапного посвящения в тайны или силы.

Обещание конкретных «земных» выгод (деньги, здоровье, власть, пища, секс).

Доверительная передача никому не ведомых тайн.

Использование активной психотехники, медитаций, практикование достижения измененных состояний сознания (получение экстатического эмоционального «выигрыша», достигаемого за счет стимулирования выработки эндорфинов).

Выстраивается примитивная, но стройная **картина мира** (специфическая интерпретация истории, толкование действий исторических персонажей).

Необходимость постоянной экспансии (обязанность пропагандировать учение; награждения за вновь приведенных).

Сомнения всегда преследуемы и наказуемы как центральный грех предательства.

Преследование и последовательное поношение отступников.

Поляризация движущих могуществ мира на силы добра и света.

Феномен временной и культурной диссоциации

При индоктринации неопита осуществляется фактическая дезинтеграция образа «Я», выросшего естественным путем. Происходит насильственная замена его на искусственно сформированный псевдообраз «Я», сама суть которого подразумевает возможность быть ведомым, управляемым и подчиняемым. Фактически **личность фрагментируется** и дезинтегрируется, насильственно лишается целостности и организующего центра. Результатом оказывается **исчезновение желания быть независимым**, стремление к рабскому повиновению более сильной фигуре и прекращение мотивации, направленной на реальное саморазвитие. Фактически жертва такого рода методичной деперсонализации неизбежно останавливается в своем развитии.

Внутреннее время, в пространстве которого разворачивается личная судьба и осуществляется углубление самовосприятия, **останавливается. Такой** человек

начинает жить вне личной истории, **диссоциируется** из мира реальных взаимодействий с окружающими субъектами. Он переходит в виртуальный мир специально выстроенных для него и ему же навязанных совершенно искусственных отношений с многозначными фигурами гуру и “братьями по вере”. Это человек **выпадает** из реального культурного пространства, попадая в своего рода лагуну вневременного забвения, потому-то без применения специальных **репрограммирующих** техник столько трудно до него достучаться, как бы ярко ни блестели его глаза, сколь бы живой ни казалась его речь. На самом деле он **“спит наяву”**, будучи глубоко погруженным в галлюцинаторную виртуальную реальность **впечатываемого в его психику** сектантского мировидения.

Фактор финансовой зависимости

Немаловажным фактором становления зависимости от объединенных одними ритуалами, привычками и поведенческими шаблонами единомышленников оказывается создание **финансовой зависимости**. Современная жизнь организована таким образом, что любая из сфер человеческого существования в большей или меньшей степени зависит от наличия денежных средств. Крайне мощным дестабилизирующим фактором, вынуждающим к образованию этически неприемлемых, но адаптивно целесообразных связей, является **отсутствие денег**.

В известном смысле, **психологически деньги ассоциируются со свободой**. Они позволяют субъекту по собственному произволению удовлетворять возникающие желания и избегать предполагаемых или реальных опасностей. Финансово зависимый человек, то есть человек, **лишенный возможности** распоряжаться принадлежащими ему деньгами, вынужден безусловно подчиняться тому, кто предоставляет ему денежные средства.

Стадии завоевания контроля над сознанием

Л. Штамм выделяет следующие фазы в насильственной индоктринации членом сект:

1. Фаза вербовки осуществляется людьми, интуитивно чувствующими потенциального члена секты. На этой фазе происходит эмоциональное дестабилизирование человека и запутывание в противоречиях. Вербующий член секты старается вызвать доверие на длительное время, демонстрирует желание оказать помощь нуждающемуся, направив его на верный путь. Человек, осуществляющий вербовку, выглядит воодушевленным, радостным, проявляет себя членом сообщества, которое всех делает счастливым.

2. Введение в учение заключается в изложении основных положений предлагаемой доктрины. Основной задачей этого этапа является психологическая привязка вербуемого человека с вовлечением его в провозглашаемую идеологию, в смысл таинства. Форма вовлечений может быть разнообразной: курсы, семинары, лекции, богослужения, изучение книг, просмотр видеокассет, во время которых “учения”, излагаемые основателями секты, выдаются “порционно”. Наблюдается тенденция связывать людей новыми обязанностями, не оставляя им времени для самостоятельного критического осмысления происходящего. Активно используются комплименты и похвалы типа: “Как хорошо? что ты пришел, как мы рады тебя видеть” и пр. Таким образом, человек получает приятную для него эмоциональную поддержку. Процесс ввода в учение направлен на усиление контроля над мыслями и

чувствами. Активно используется аутосуггестия, при которой человек начинает считать, что он получает в секте именно то, к чему он стремился. Создается своеобразная картина иллюзорного мира, обладающая аддиктивной привлекательностью. Вербовщики пытаются убедить человека в том, что пребывание в секте сделает его приближенным к элите, открывшей для себя особую правду.

Постепенно у вербуемого исчезает критическое отношение, которое могло присутствовать ранее. Параллельно прививается стремление к достижению значимой цели. Индоктринация приводит к появлению у людей новой идентичности, новой личности, думающей, чувствующей в иных категориях, используется другая система ценностей. Формируется новая аддиктивная личность.

Наличие новой идентичности приводит к расщеплению личности с возникновением в подсознании ощущения опасности и несоответствия. Существует точка зрения, свидетельствующая о том, что сформированная у человека аддиктивная личность конфронтирует с прежней личностью. Ощущение раздвоенности может провоцировать эмоциональное напряжение. Подсознательные импульсы при наличии двойной идентичности не контролируются в достаточной степени. Возможность прорыва энергетического потенциала из глубины подсознания в этих состояниях возрастает. Имеет значение не только явление расщепления (наличие двух личностей — аддиктивной и условно нормальной), но и содержание переживаний аддиктивной личности. Если содержание переживаний носит такой характер, что оно больше стимулирует подсознание, то опасность прорыва материала из подсознания усиливается.

Аддиктивная личность, имеющая в качестве содержания аддикции влечение к еде, характеризуется малой вовлеченностью глубинного подсознания. Нарушение драйва к еде, естественно, происходит, но эта стимуляция индивидуального подсознания отличается качественно от стимуляции коллективного подсознания, происходящей под влиянием религиозного чувства в сектах. Поэтому, спецификой формирования аддиктивной личности в рамках секты является более выраженная опасность возникновения психического заболевания, что подтверждается практикой. Анализ показывает, что психические нарушения шизофреноформного характера у патологических азартных игроков, у лиц с перееданием, встречаются реже, чем у членов тоталитарных сект. Аддикция к секте в этом плане представляет значительно большую опасность.

Сравнение изменений, происходящих в психике человека в результате его участия в секте с изменениями, возникающими при аддикции, может проводиться и с количественной стороны, выражаясь в том и в другом случае в стремлении человека получать все больше и больше переживаний. Со временем у члена секты критическое осознание угнетается, прежняя личность вытесняется.

3. Увеличивающаяся **связь с группой** проявляется в разрыве человека с прежними “корнями”. Жизнь течет в лоне группы. Происходит прерывание контактов с теми, кто отвлекает от постоянной связи с группой.

4. **Альенация (отчуждение)** от окружающего мира и изоляция, происходящие параллельно со все большим вхождением в жизнь секты.

5. **Укрепление приверженности** к учению секты, характеризующееся усилением зависимости, контроля над сознанием и чувства идентичности с сектой.

Группа риска

Социальные и характерологические особенности индивидов, склонных к индоктринации.

Истероиды.

Психастеники.

Лица с паранойяльной настроенностью.

Зависимый тип личности.

Из семей с гиперопекой.

Из неполных семей.

Лица из асоциальных семей.

Лица с ограниченными физическими возможностями.

Лица, пережившие тяжелые психотравмы.

Лица с развитым эйдетическим восприятием (галлюцинация наяву).

Лица, склонные к конфабуляциям (разновидность ложных воспоминаний” “галлюцинации воспоминания”).

Дети, внуки и родственники сектантов.

Вообще интересно провести аналогию индоктринации с психическим заболеванием. При последовательном детальном сопоставлении в “сухом остатке” выявляем **феномен намеренно индуцированного группового паранойяльного психоза с классической мегаломанией, бредом преследования и галлюцинаторно-конфабуляторными аутоподтверждениями избранной картины мира.**

Возрастные и половые особенности.

Чем младше человек, тем более он подвержен индоктринирующим влияниям, ибо воспринимает окружение, как обучающую среду. Период раннего полового созревания характеризуется активной ориентацией на адаптацию к паттернам общения в малой группе, то есть восприятие правил игры в коллективе. Этот возраст более всего уязвим в плане повышенной восприимчивости к предлагаемым ему паттернам поведения в группе, более того, именно в этом возрасте резко возрастает значение символических родительских фигур, которые проективно разыскиваются вовне. Второй возраст повышенной чувствительности

— юношество 17-19 лет, когда возникает реальная жажда самоутверждения в социуме, однако сил для этого не хватает, а потому нужна поддержка покровителей, которые заведомо сильнее и образованнее самого человека. Достаточно продемонстрировать эффективность собственного поведения в кризисных ситуациях, для того чтобы стать кумиром молодого индивидуума. В юношеском возрасте очень сильна мотивация к формированию образа “Я” через отрицание отвергаемых моделей поведения. Самоопределение и самоутверждение осуществляется посредством контрастного и резкого разграничения собственной идентичности с наблюдаемыми вонне примерами судеб и моделей жизни. Именно на этом строится психополитика индоктринации, ориентирующаяся на предложение незрелому индивидууму ролевых моделей, заведомо отличающихся от общепринятых. Личностная зрелость проявляется в адекватном восприятии того образа жизни, который не созревшему индивидууму представляется как формальный, банальный, пыльный (то есть отживший), скучный и серый, отыгравший, исчерпавший себя, неперспективный, безжизненный. Одна из задач психопрофилактики насильственной индоктринации заключается в предложении на самых на ранних этапах становления личности жизнеспособных, пробуждающих любопытство и стимулирующих естественное стремление к подражанию жизненных образцов. Согласно статистическим исследованиям, большая часть взрослых индоктринантов принадлежат слабому полу, в то время как подавляющее большинство гуру — мужчины. Сама собой напрашивается гипотеза: главной причиной, приводящей людей в сектантские сообщества, оказывается семейная неустроенность, что вполне естественно в эпоху разрушения социального института семьи.

Нейрофизиологические основы психопрограммирования

Следует выделить некоторые нейрофизиологические основания психопрограммирования.

1. Создание в мозгу очага возбудимости, который, согласно разработкам А. Д. Ухтомского, необходимо стягивает на себя все мозговые возбуждения из окружающих областей.
2. Механизм положительной обратной связи способствует тому, что позволяет с помощью любой информации, поступающей извне, усиливать тот паттерн, который был заявлен как доминантный. Необходимо вмешательство психопрограммиста в работу блока афферентного синтеза, после чего принятие решений, выгодных сектосоздателям становится “естественным” для субъекта. Окружение способствует тому, чтобы сигнал обратной связи способствовал принимаемой доктрине с помощью таких утверждений, как: “Вы с нами”, “Ты с нами на пути духовного развития”, “Ты растешь”, “Двигаешься в правильном направлении” и т.д.
3. Внутренние награждения (удовольствия) как результат гиперактивации гипоталамо-гипофизарной системы (секреция эндорфинов). Все культосоздатели обладают даром воздействия на генерацию эндорфинов в гипоталамусе; именно для этого все они ориентируются на ощущение радости, любви и принадлежности к некоему сообществу, которое может дать больше, чем посредственная обстановка. Секс, музыка, наркотики, психотехники “бомбардировки любовью”, трансовые состояния, гипервентиляция как реальные провокативные средства, способствующие усиленной выработке эндорфинов.

4. Гомеостатическое равновесие организма как физиологическое основание поведенческих привычек. Сектосоздатели апеллируют к упрочению привычек субъектов, не обладающих достаточным потенциалом воли. Интересно отметить четкое расписание и определенное питание как одну из форм поддержания гомеостатического равновесия крови в индоктринируемом субъекте.

5. Эксперименты Дени Дельгадо по самостимуляции крысами центров удовольствия в мостовидном отделе продолговатого мозга продемонстрировали обязательность самоудовлетворения как один из центральных мотивационных элементов жизни биологического существа. Похожесть воздействия сектостроителей на людей крайне схожа с роковой самостимуляцией крысами центров удовольствий. Сам Д. Дельгадо после осознания социальных последствий собственных экспериментов написал в своем дневнике: “Научившись делать это с крысами, я понял, что можно делать это и людьми”.

Психоаналитические представления о механизмах подавления личностной свободы

Каждый человек предрасположен к покорному восприятию родительских фигур (Матери и Отца). Личность склонна ожидать восприятия таковых вовне и приходит в смятение в кризисных жизненных ситуациях, когда их не находит; именно это и является основной психологической предпосылкой к становлению любых культов. Мастера индоктринации ловко пользуются этим неизбежным человеческим инстинктом стремления к защите, становясь этими самыми родительскими фигурами.

Феномен психологических защит, разрабатываемых в психоанализе, сродни биологическим механизмам саморегуляции. Зомбирование в секте идет с опорой на психозащиты. Например, вытеснение — связывание всей жизни до секты с чем-то плохим, с постепенным выталкиванием опыта из памяти и сознания. Происходит забывание реальной жизни в социуме и ценностей: “Страна, (семья, общество, школа) тебя постоянно обманывала”.

Главное открытие Фрейда заключалось не в обнаружении роли сексуального в жизни человека, но в определении главенства раннего детского возраста в становлении психической стратегии личности. При любом обращении в культ (индоктринация) необходимым образом производится принудительное регрессирование субъекта к более ранним стадиям личностного развития. Различными приемами достигается его разуверование в собственной индивидуальной состоятельности. Тем самым создается иллюзорная зависимость от псевдородителей (фигуры почитаемого божества, руководителя культовой группы, самого культового коллектива). Для того, чтобы подвергнуть человека принудительному индоктринированию, его необходимо вернуть в состояние психотической пластичности, характерного для раннего детского возраста. Тем самым он не только лишается освоенных им за годы жизни социализирующих навыков, но и оказывается открытым для восприятия качественно отличных от присущих большинству граждан идей и принципов. Таким образом тактика репрограммирования должна опираться в своей основе на удовлетворение потребности субъекта в защите и безопасности, всемерной поддержке, предоставляемой ему в терапевтической группе либо психологом-консультантом, особенно на первичном этапе выхода из тоталитарной группы.

Роль социального окружения в становлении личностной самоидентичности

Имитация (подражание), согласно данным современных этологов и психологов (Бандура) представляет собой главный механизм социализации как в животных, так и человеческих сообществах.

Человек как социальное существо обладает врожденным доверием к паттернам поведения, демонстрируемым ему ближайшим социальным окружением. Поэтому для одной из четырех программ контроля (контроля за поведением) принципиально важным является то, с кем именно контактирует программируемый субъект. Будучи погруженным в специфическое окружение, он помимо сознания и воли психологически вынужден спонтанно перенимать привычки и стереотипы, демонстрируемые находящимися рядом людьми.

Наряду с этим предлагаются вспомогательные способы поддержания новой идентичности — культовая одежда, особая прическа, своеобразная пища и знаковые ритуальные манеры поведения. Все они способствуют идентификации обращаемого с теми, кто организует свое внешнее поведение сходным образом, в то же время отделяя от привычного ему в прошлом окружения. Колоссальны возможности имитационного наведения желаемых схем поведения, которые охотно используются сектопрограммистами.

Интеракционисты утверждали, что самовосстановление субъекта невозможно вне налаживаемых им связей с себе подобными. Следовательно, необходимым условием депрограммирования субъекта является прерывание контактов с членами тоталитарной группы. В идеале участие личности в “группах помощи жертвам сект” и т.д.

Кроме того, во влиянии на личность тоталитарной группы действует принцип социального доказательства (Роберт Чалдини) найденный в процессе исследования психики когнитивными психологами как интернализированное самодоказательство правоты окружающих. Этот принцип гласит: “Чем больше людей разделяет и поддерживает некое убеждение, тем прочнее вера данной группы в данное убеждение”. Отсюда и прозелитизм, носящий для тоталитарной группы не только коммерческий смысл, но самый что ни на есть жизненно необходимый.

Современные техники суггестии (внушения) как основной метод конструктивного репрограммирования

Хорошо изученная взаимосвязь между внешним, телесным поведением и нейрофизиологической динамикой позволяет сектосоздателям безошибочно и безопасным для себя способом внедрять в психику новообращаемых необходимые идеи (использование силы образов, обращение к памяти, эмоциональная окраска внедряемых формул). Каждый выбирает то состояние и действие, на которое он внутренне согласен; даже самые безобразные поступки, инспирированные внушением, самим совершающим субъектом рефлексированы как добровольно избранные. Правда, человек не отдает себе отчета в том, в каком состоянии — регрессированном, подавленном, ослабленном, униженном и угрожающем он принял решения о тех или иных действиях.

Роберт Дилтс в качестве одного из критериев непрофессионализма психотерапевта называл апелляцию к феномену сопротивления: “если что-то не получается — сделай по другому”. В основе всякого суггестивного взаимодействия (именно взаимодействия, а не воздействия), лежит внимание к тому, что нужно подвергающемуся воздействию, что собственно и должен предоставить воздействующий. Феномен сопротивления является синонимом нечуткости, ненаходчивости и даже неуважения терапевтирующего клиента. Тот же Роберт Дилтс определил эффективную психотерапию тремя словами (система Т. О. Т. Е. — механизм обратной связи): цель — чувствительность — гибкость. Для того, чтобы не сетовать по поводу сопротивления репрограммированного субъекта, необходимо достаточно четко представлять (именно *представлять*, а не просто формулировать словами) себе цель, необходимо обладать высокой Чувствительностью ко всем без исключения его реакциям на терапевтирующие интервенции (опять все та же обратная связь), при этом обладая достаточной Гибкостью, позволяющей переходить от приема к приему, от метода к методу, от стратегии к стратегии, приравниваясь к невербальному поведению клиента таким образом, чтобы все эти воздействия помогали в достижении Цели.

О неэффективности стандартного подхода к освобождению субъекта от доктринальной зависимости.

Наблюдая не соответствующее социальным правилам поведение субъекта, многим назидателям кажется доступной возможность поверхностно и бегло изменить наличное состояние субъекта. Ни психиатры, ни священники, ни психотерапевты даже не предполагают той глубиной укорененности идей и смыслов, которые и определяют стержневую личностную стратегию. Практически каждый из подвергающихся депрограммированию лиц исполнен недоверчивости и подозрения. С ним не желают говорить на его собственном языке, не желают принять во внимание сердцевинность усвоенных им убеждений и установок. По этой причине любая мало-мальски серьезная агрессия внешних идей наталкивается на вполне естественную защиту. Человека нельзя переговорить, а уж тем более невозможно принудить его к исполнению тех правил и законов, что характерны для общества. Человеку можно лишь предложить измениться и помочь ему на пути выздоровления в овладении собственными помыслами и мечтами. Но любое насилие вызывает ответную защитную реакцию, как бы она ни называлась — идентификация, регрессия, изоляция, ситуационный аутизм или власть воспитателя. Проблема зомбирования и связанная с ним, словно оборотная сторона медали, задача конструктивного репрограммирования самым прямым образом связана с биокомпьютерной метафорой психической деятельности. Одной из главнейших заблуждений, доставшихся нам в наследие от Европейского средневековья, является фатальное разделение души и тела, разобщенность психики и организма. Именно биокомпьютерная метафора помогла и медикам, и психологам осознать содержательную неразрывность психического и телесного. Согласно метафоре Тимоти Лири, который лишь приступил к исследованию этого вопроса, психические содержания представляют собой некий аналог программного обеспечения, в то время как нейрофизиологические комплексы организма являются своего рода внекомпьютерным “железом”. Практически невозможно запрограммировать или репрограммировать человека, опираясь на парадигму разделенности душевного и телесного. Еще В. В. Налимов вслед за психологами школы Ринцзай (Дзен-Буддизм) называл тело периферическим мозгом. Импринтированные поведенческие программы нейрофизиологически запечатлеваются вовсе не в коре больших полушарий головного мозга, а в более глубоких слоях нервной системы. Процесс

зомбирования, порой заходящий столь глубоко, что помочь не в силах даже самый опытный психиатр, осуществляется не эфемерно психически на уровне слов, гипотез и выводов, но именно нейрхимически. Определенным образом изменяется нейрофизиологическая динамика индивидуума. Поэтому процесс репрограммирования необходимо должен поддерживаться определенными влияниями на соматическую сторону человека. Индоктринированные, как замечают многие опытные наблюдатели, начинают иначе говорить, иначе двигаться. Они приобретают особый нейропсихический портрет, целостный и внутренне глубоко связанный — от мнемических фигур и интонаций речи до телесных поз. Только так понимая процесс нейро-психически ориентированной индоктринации мы имеем шанс разобраться с механизмами, лежащими в основе позитивного реконструирования субъективной картины мира, которая в свою очередь и определит будущее адекватное социуму поведение.

Основопологающие принципы организации креатизирующего терапевтического процесса, противоположные технологиям зомбирования.

Ненасильственность влияния, предполагающая диалоговый режим с замотивированным к освобождению от воспринятой деструктивной доктрины субъектом. Предоставление возможности сколь угодно долгой остановки на достигнутом в ходе равноправного диалога. Честное информирование готовящегося к освобождению от индоктринации субъекта о приемах и методах воздействия. Свободное предоставление участнику терапевтического процесса всей информации как о негативных, так и о позитивных последствиях предполагаемого лечебного диалога. Согласие в любой момент прекратить терапевтические интервенции по первому желанию исцеляемого субъекта (хотя как раз это и является безусловной коннотацией терапевтического непрофессионализма). Контроль сознания принципиально отличается от принудительной промывки мозгов тем, что предполагает исходно ненасильственные взаимоотношения между психопрограммистом и жертвой. Основной психологической моделью, объясняющей действенность алгоритмов нерепрессивного депрограммирования, являются представления когнитивно-бихевиоральной школы. Это вовсе не означает, что в установлении контроля над сознанием, предлагающим нивелировку прежней (социализированной) и установление новой (сектоориентированной) идентичности не применяются техники или приемы, основывающиеся на модельных построениях иных психологических школ (классический психоанализ, нейро-лингвистическое программирование, гештальт-терапия и т.п.). Однако для того, чтобы в полной мере понять механизмы реконструирующей психики социализирующего депрограммирования, необходимо ориентироваться на использование когнитивно-психологических моделей.

Принципы организации деятельности специалистов в области терапевтического депрограммирования

Необходимость проведения с людьми, готовящимися к работе по депрограммированию, углубленного курса психологического консультирования, изучения родового психогенетического наследования и возможность коррекции такового при обнаружении тех или иных мотивационных изъянов. Возможность отрыва депрограммистов, не отвечающих требованиям профессионального кодекса. Создание ассоциации для всестороннего и регулярного обсуждения профессиональных проблем. Организация системы финансирования сети

депрограммистов за счет частных спонсоров и общественных организаций. Необходимость организации информационного канала для сообщения общественности о происходящем в сфере депрограмматизации.

Взгляд в недалекое будущее

Тоталитарные группы всегда активно используют современные рекламные психотехнологии, начиная от создания суггестирующих сенсорно-активных текстов и изображений (музыка Секо Асахары, транслируемая по радио России, или цветные иллюстрации в книгах кришнаитов) и заканчивая масштабными маркетинговыми кампаниями, результатом проведения которых оказывается создание широких социальных сетей приверженцев нового мировоззрения (рефлекс любопытства, поисковый рефлекс).

У среднестатистического человека в нашем обществе “глаза замылены” повседневным бытом. Многое из окружающего его кажется ему скучным и пресным. Активно развивающиеся секты предлагают яркую и свежую оригинальную альтернативу и именно в ее контрасте с обыденностью и коренятся магнетизирующее и притягивающее внимание эффекты.

Спецификой современных тоталитарных сект являются сложившиеся в последнее десятилетие информационная связность общества, его информационная прозрачность, проницаемость. Если в средневековье новоявленный пророк мог лишь переходить от селения к селению с группой преданных ко-сумасшедших, то сейчас в распоряжении сектостроителей поступили все мощности масс-медиа (радио, телевидение, Интернет). Более того, пример Шри Махариши Махеш демонстрирует почти предпринимательскую подоплеку мотивации организаторов широких сектантских движений. Для продвижения своего идейного товара он привлекает (разумеется не бесплатно) ведущих специалистов в области рекламных технологий и суггестивных практик. Видные ученые продают свой авторитет в свидетельство об истинности и эффективности методов Трансцендентальной медитации. Прекрасно раскрученные актеры страстно вопиют о своей любви к тем или иным идейным товарам. В настоящее время это приобретает почти стихийную мощь, остановить нарастание которых, в виду биокомпьютерной атрибутивности психики и использования, грамотно подбираемых психотехнологий зомбирования, становится если и не невозможным, то крайне затруднительным.

Фактически современное общество, не сумев справиться с объединенной властью психотехнологий и масс-медиа, поставленных на службу неосектантам, в самое ближайшее время рискует превратиться в конгломерат активно воюющих друг с другом локальных идеологических кланов, причем каждый из граждан станет членом какой-либо сражающейся за умы и имущество граждан групп. Понятно, что ни о каком управлении таким социумом речи и быть не может. В каком-то смысле это может быть названо идеологической феодализацией, при которой будут нарушены и деформированы в последнее время складывающиеся механизмы эффективного управления человеческим обществом, ориентированные на развитие всех и каждого. Альтернативой такого рода сектантской междоусобице, на первый взгляд, является только одна — создание монолитного государственного механизма, посредством которого может быть предотвращена деятельность любой из опасно разрастающихся сект.

Полифония разношерстных и разноцветных малых сект будет заменена на одну секту — общегосударственную. Следующий выход может быть определен как развитие социального института профессиональных практиков позитивного репрограммирования, которые будут способствовать повышению психологической культуры граждан, без которой никакая реальная демократия попросту немыслима. Однако этот выход рассматривается лишь теоретически, так как каждая из сект, будь-то религиозная, политическая или национальная, обладает достаточными ресурсами, благодаря которым она непосредственно долго может продолжать вести борьбу за самосохранение, залогом которого явится подавление и уничтожение более слабых сектантских сообществ.

Мы не вправе рассматривать эту проблему глобально в контексте общечеловеческой организации, но мы в состоянии сосредоточиться на понимании локальных проблем, связанных с необходимостью конструктивного репрограммирования жертв наиболее опасных тоталитарных групп. Только таким образом, решая вполне конкретные, тактические, сиюминутные задачи оздоровления реальных индивидуумов, мы можем вносить посильный вклад в оздоровление общества в целом. В данном случае, репрограммирование синонимично психологическому всеобучу и воспитанию в духе свободы и ответственности. Не это ли является конечной целью всякого целителя и всякого наставника — воспитание человека, несущего всю полноту ответственности за собственные помыслы и собственные деяния, самостоятельно выбирающего свою жизненную дорогу и не стремящегося изощренно манипулировать другими с целью извлечения личной выгоды за их счет.

По мнению автора, прежде чем исследовать различные социальные группы, необходимо уяснить для себя необходимые критерии и попытаться развести группы по двум основным категориям. Группы, где возникает тоталитарная зависимость и личность выхолащивается, и группы духовного и личностного роста. Перечисленные ниже критерии служат более для размышления и индивидуальных “медитаций на тему”, чем руководством для “навешивания ярлыков”.

1.1. Тоталитарные группы ввиду конвейерного (массового) характера работы используют более примитивные методы.

1.2. Группы личностного роста используют более уважительные и бережные методики.

2.1. Тоталитарные группы всегда прозелитичны, т.е. используют рекламу (выкрикивание), зазывание и затягивание.

2.2. Информация о духовных группах распространяет спонтанно, сама собой, без навязывания и принуждения. Вхождение новых членов не предусматривается как самоцель.

3.1. В сектах исходным является мнение гуру.

3.2. В группах роста исходным оказывается мнение пришедшего, которым предоставляется право на исповедывание своей собственной картины мира, то есть в тоталитарных сектах одно мировоззрение на всех, в группах развития объединение различных индивидуумов происходит при обладании каждым своей собственной картины мира, соответствующей его природным склонностям, опыту и тяготению,

основой же группового синтеза являются некие метаценностные принципы: уважение друг к другу, ненасильственное отношение к реальности, осознание ценности взаимопомощи и сотрудничества, понимание единства духовного ядра всех при допущении разнообразия форм самовыражения.

4.1. Тоталитарные группы всегда организованы иерархически.

4.2. Духовные группы всегда подразумевают некое исходное равноправие и равноценность их участников.

5.1. Тоталитарные группы пытаются вырвать человека из социальной жизни. Для этого группа создает человеку иную субъективную реальность, противоречащую общесоциальным представлениям о действительности, но разделяемую «родственниками» по вере.

5.2. Целью духовных групп не является отлучение человека от мира, но более сознательное и глубокое понимание социальной жизни и ее законов.

6.1. Тоталитарная группа всегда характеризуется колоссальными посулами — от материальных или духовных благ до предоставления возможности повелевать другими и активным участием в спасении всего живого.

6.2. В группах духовной ориентации достижение всевозможных благ не является широко пропагандируемой целью. Личностный рост ценен сам по себе.

- 10 -

Теперь вновь вернемся к тоталитарной психологии в общеполитическом смысле.

Свой взгляд на психологию диктатуры изложен Л.Я. Гозманом и Е.Б. Шестопалом в книге «Политическая психология» - (Ростов-на-Дону, 1996, стр. 62-64, 232-249, 269-315)

«Большая часть известных человечеству режимов были диктаторскими. Конечно, крайне редко это была полновластная диктатура одного человека. Чаще всего, даже в условиях формально ничем не ограниченной власти тирана, существует правящая олигархия, с интересами которой он должен считаться. Однако возможность для сколько-нибудь широкого слоя управляемых влиять на управляющих, а тем более - выбирать их, до самого недавнего времени встречалась крайне редко. Но и в двадцатом веке, когда идеи демократического устройства получили широкое распространение, вошли в конституции многих государств и в основополагающие международные документы, диктатуры продолжают существовать. Более того, во многих странах диктатуры, пусть и на не очень продолжительные сроки, сменяют демократию. Так было в Германии и в Греции, в Бразилии и в Чили. В некоторых странах диктатуры существовали на протяжении нескольких поколений, и люди начинали сомневаться в том, что в их стране демократия вообще возможна. Так было в Советском Союзе и в Португалии.

Диктатор всегда приходит как избавитель, как защитник простого человека от врагов и от хаоса. Но ни одной диктатуре не удалось выполнить свои обещания - обеспечить людям высокий уровень жизни, стабильность и безопасность. Успехи всегда оказывались сугубо временными, а расплата, если у диктаторов не хватало разума и ответственности вовремя уступить, - страшной. Гитлер построил дороги и дал немцам работу, но кончилось это военным поражением и разделом страны Португалия после пятидесятилетнего правления профашистского режима оказалась самой бедной страной Западной Европы. В Северной Корее и в Эфиопии, в Ираке и на Филиппинах диктатуры приносили нищету и кровь. Почему же до сих пор люди верят диктаторам, поддерживают их и даже погибают за них? Диктатуры бывают разными. Некоторые из них ограничивают политические права граждан, не вмешиваясь в экономику или религию. Кому-то из диктаторов удастся править если и не бескровно, то, по крайней мере, без массовых репрессий. Но есть диктатуры тоталитарные, стремящиеся к полному контролю всех аспектов жизни человека и общества, приносящие в жертву своим целям миллионы жизней, не останавливающиеся ни перед какими преступлениями. Психологическая база подобных диктатур представляет наибольший интерес.

1. Эмоциональная поддержка диктатуры.

Стабильной может быть только та власть, которая устраивает людей, которая что-то им дает, или про которую они думают, что она им что-то дает. Это что-то может быть материальным - например, высокий жизненный уровень, это может быть ощущение защищенности или вера в справедливость социального устройства. Это может быть радость от принадлежности чему-то светлому, могущественному и прекрасному. Идеальных обществ не существует. Однако замечание Черчилля о том, что демократия, хоть и ужасна, является лучшей из всех возможных форм правления, по-видимому, разделяется большинством наших современников. По крайней мере, даже критически относящиеся к своим правительствам англичане или американцы очень редко предлагают установить вместо существующей и разочаровавшей их системы другую, основанную на принципах, апробированных в коммунистическом Китае или в Германии времен нацизма. Стабильность демократических государств имеет не только экономическую или историческую, но и психологическую природу - люди, несмотря на высокий уровень критицизма, согласны с существованием этой системы, согласны с тем, что при всех своих недостатках она выражает и защищает их материальные и духовные интересы лучше, чем могла бы выразить система, построенная на других началах. По-видимому, такое же, если не большее, доверие к государству существует и в рамках диктатуры. Лидеры диктаторских режимов прекрасно понимают, насколько важно, чтобы граждане верили, что государство выражает именно их интересы. А поскольку, на самом деле, хотя бы в силу отсутствия эффективных обратных связей и неизбежно более высокой, чем в демократических странах, коррупции, диктаторская власть не выражает интересы людей, для поддержания ощущения единства власти и народа необходимо содержать огромный и дорогостоящий идеологический аппарат. Задача этого аппарата - внедрять в сознание людей иллюзорную, искаженную картину мира, в которой государство и люди составляют единое целое и потому даже сам вопрос о возможности поиска другой, более эффективной системы правления, свидетельствует о злонамеренности или неадекватности того, кто этот вопрос задает. Чем более жесткой и экономически неэффективной является диктатура, тем больше сил и средств тратится на регулярное и обязательное промывание

мозгов, которое начинается с детского сада, а заканчивается лишь после смерти (или после ареста - диктаторское государство почти не беспокоится о лояльности обреченных на гибель заключенных - по крайней мере, в лагерях, без которых не обходится ни одна диктатура, интенсивность идеологической проработки всегда существенно ниже, чем на воле). Уровень пропагандистского давления в диктаторских странах столь высок, что, вопреки очевидности, многие люди считают государство своим, пекущимся об их интересах и защищающим их от врагов и опасностей. Успеху пропаганды способствуют и прямая ложь об ужасах жизни в демократических странах, и сусальные рассказы о скромности и тяжелой работе вождей. Посмотреть своими глазами на мир за пределами священных рубежей или на жизнь внутри заборов охраняемых государственных резиденций для подданного диктаторской системы одинаково невозможно - контроль над информацией и передвижениями является необходимым условием выживания диктатуры. **Цель пропагандистского воздействия - согласие, достижение легитимности диктатуры.** Однако только согласия подданных для диктаторского режима недостаточно. Согласие - когнитивная конструкция. Для его достижения или для преодоления несогласия нужно обращаться к разуму человека (по крайней мере, и к разуму тоже), приводить аргументы и контраргументы, рассматривать доводы реальных или воображаемых оппонентов. Даже если пропаганда основана на лжи, она стремится принимать рациональные формы, создавая иногда даже целые научные дисциплины, единственная цель которых - подтвердить нужную властям картину мира. Но поскольку диктатура по сути своей не просто безразлична к человеку, но глубоко ему враждебна, то такой рациональный или псевдорациональный анализ рано или поздно может привести к пониманию реальности, а значит, и к разочарованию в базовых постулатах режима и крайне нежелательным для него выводам. **Поэтому стабильность диктаторского режима подкрепляется еще одним психологическим механизмом, не обязательным для демократий - эмоциональным.** Само государство и те, кто его персонифицируют, становятся объектами экстатического чувства, чувства любви. Интересно, что если слово любовь практически чуждо политическому словарю демократических стран, то в условиях диктатуры оно одно из самых распространенных. Например, в СССР "любимой и родной" была не только Родина (по отношению к своему Отечеству подобные эпитеты используются во многих странах), но и вожди, в том числе и местные, правительство, любой государственный институт, например, армия или школа, и, разумеется, партия как эманация советского государства. **Диктатура нуждается в значительно большей психологической поддержке граждан, чем демократия.** Президента демократической страны могут не любить, могут смеяться над ним, но система будет оставаться стабильной и эффективной - рациональные механизмы, заложенные в ее основу, не требуют сильного аффективного подкрепления. Диктатура же, существование которой полностью противоречит интересам подданных, не может выжить без любви и священного трепета - только влюбленный может не замечать бьющих в глаза пороков своей избранницы. Диктатор, на которого рисуют карикатуры, обречен. **Понимание того, что режим стоит не только на страхе перед террором и уж никак не на уважении граждан к законности и правопорядку, а на иррациональных аффектах, во многом определяет внутреннюю политику диктаторских режимов.** Любое государство стремится, в известных пределах, контролировать поведение граждан - в конце концов, следящая за скоростью на дорогах полиция - одно из проявлений такого контроля. **Но диктатура стремится контролировать чувства, наказывая людей за неправильные эмоции и поощряя за правильные.** Правильные чувства подданных - любовь, восхищение, благодарность - дают диктаторам ощущение

безопасности. Их уже не страшит революция - лишь дворцовый переворот. Они могут не так бояться террористов - преданные им подданные закроют их своими телами. И потому правильные эмоции являются делом государственной важности. Номенклатура обязательных чувств выходит далеко за рамки безграничной любви к государству и ненависти к врагам. Кроме обязательных политических предпочтений, диктатуры, особенно тоталитарные диктатуры, предписывают человеку, какая музыка должна ему нравиться, какие литературные произведения должны вызывать восхищение, а какие - справедливый гнев. Центральный Комитет КПСС, например, одновременно выполнявший функции Парламента, Правительства и Верховного Суда, не только рассматривал весь комплекс проблем государственного управления, но и издавал специальные постановления, направленные на наведение порядка в отечественном искусстве, а руководители партии лично давали указания скульпторам и музыкантам. Трудно представить себе занятого подобным делом Президента США. Однако с нацистскими лидерами Германии руководители Советского Союза могли бы, как представляется, обменяться ценным опытом. Все диктатуры имеют общие черты. **В наиболее жестких диктатурах контроль за чувствами является чуть ли не основным делом органов безопасности.** В нашей стране, например, масса людей было репрессирована за опiski или оговорки, типа "в связи с кончиной товарища Сталина" вместо "в связи с днем рождения товарища Сталина", или за разбитый портрет вождя. Зафиксированы даже случаи репрессий за "неправильные" сновидения. Женщине приснилось, что она была в постели с маршалом Ворошиловым, одним из высших чинов сталинского государства. Она рассказала об этом удивительном сне соседке, та - "кому следует". Вечером женщину арестовали. Крайне негативное отношение к любви и к сексу, характерное для всех почти диктаторских режимов, тоже связано с попыткой тотального контроля за чувствами. **Любовь между мужчиной и женщиной или родительская любовь, предполагающие, что интересы любимого человека в какой-то момент могут быть поставлены выше всего остального - чувство, враждебное диктаторскому государству.** Именно оно должно было быть единственным объектом страстной любви, все остальные отношения допускаются лишь в той степени, в какой они не мешают этому главному чувству. Не случайно, одним из главных героев официального советского эпоса стал Павлик Морозов - ребенок, который донес на собственного отца. Что же касается секса, то диктаторская власть никак не может легитимизировать его. Идеальный человек, прославляемый официальным искусством диктатуры, сексуальных устремлений не имеет, как, впрочем, не имеет и пола, как такового. Теоретики советской педагогики, например, вполне серьезно говорили об "учащихся шестого класса" или о "детях пионерского возраста", умудряясь ни в одном из учебников не упомянуть, что речь идет о мальчиках и девочках, закономерности физиологического и социального созревания которых весьма различны. Викторианская мораль в двадцатом столетии была не просто данью лицемерию и ограниченности вождей. **Тоталитарная власть не может смириться с неподконтрольностью - сексуальные партнеры сами выбирают друг друга, радость, которую они друг другу доставляют, тоже зависит только от них самих.** А значит, секс следует либо уничтожить, что не удастся в жизни, но зато блестяще получается на страницах высочайше одобряемых романов, либо подчинить государству, как об этом писали авторы антиутопий. Например, жена главного героя романа Оруэлла "1984" называла секс "нашим долгом перед партией" - он необходим для воспроизводства населения, но удовольствия настоящему члену партии не доставляет. Герои замятинского "Мы" получали секс как награду от государства, которое указывало им их сегодняшнего партнера. **Диктаторское государство, основанное на лжи и насилии, стабильно и**

могущественно потому, что люди его искренне поддерживают. Этот вывод крайне неприятен для тех, кто в разных странах, переживших диктатуру, хотел бы снять со своего народа ответственность за все происходившее, представив годы диктатуры как непрерывный акт насилия. Но если люди - лишь невинные жертвы, если у них не было сил сопротивляться, это значит, что они не смогут предотвратить и будущие катастрофы и, вообще, не способны отвечать за собственную судьбу. Вряд ли эта позиция конструктивна. Более целесообразным представляется не отрицать факта эмоциональной поддержки диктаторской власти, а попытаться понять причины и механизм этой поддержки.

2. Миф о верноподданных.

Конечно, диктаторская власть не может рассчитывать только на любовь подданных. Надо, чтобы люди не только любили, но и боялись. Поэтому репрессивный аппарат диктатуры никогда не простаивает, выявляя не столько тех, кто против режима - они все уже давно обезврежены - но тех, кто мог бы быть против. Одновременно осуществляется широкомасштабный подкуп тех, кто верно служил власти. Это не так трудно сделать даже в абсолютно нищей стране, лишь бы государство имело монополию на распределение всего и вся. Людям ведь не так важно жить хорошо, как жить лучше других. К примеру, в советском обществе сложная система всевозможных привилегий была заложена еще при Ленине и с тех пор только расширялась, разделяя людей на категории. Каждый, причастный к власти, даже уборщица, работавшая в здании райкома партии, или шофер из обкомовского гаража, что-то имел - особую поликлинику, более дешевые продукты, возможность без очереди приобрести билеты на поезд. В стране, где слово "купить" было анахронизмом и оказалось вытесненным более адекватным реальности - "достать", все это было исключительно важным. А на более высоком уровне начинались привилегии не столько материальные, сколько психологические, являющиеся символом принадлежности к высшей власти. Например, дача, точно такая же, как и у чиновника рангом ниже, но расположенная в более "закрытом" поселке. Или кабинет, такой же, как раньше, но на другом этаже или с персональным туалетом. Однако сколь широко ни были бы распространены системы привилегий, большинство тех, кто поддерживает режим, не может быть ими охвачено. Они не получают от диктатора ничего, кроме нищеты и страданий. Их любовь к диктаторскому государству выглядит патологией и дает некоторым исследователям основания говорить об особом человеческом типе, который и является психологической базой диктатуры и в иных, демократических условиях, жить не способен. Идея специфического социально-психологического типа, который соответствует политическому режиму диктатуры, нашла воплощение в концепциях как противников диктатуры, так и ее апологетов. Примерами первых могут быть модели авторитарной личности Теодора Адорно или "homo soveticus" Александра Зиновьева (литературно-художественная форма его работ никак не отрицает их эвристичности для анализа социальных и психологических процессов).

Положительное отношение к диктатуре содержится в идеологемах "человека власти" (Machtmensch) Э. Шпранглера, "солдатскости" (Soldatendum) А.Боймлера, "рабочего" Э. Юнгера, "нордического человека" А. Розенберга.

Применительно к диктатуре в нашем отечественном варианте, идея "homo soveticus" оказалась достаточно популярной. Тезис об особом советском человеке, кардинально отличающемся от всех, населявших землю ранее, выдвигалась и критиками системы, и ее сторонниками. На официальном уровне комплекс

присущих советскому человеку нравственных и социально-психологических характеристик был закреплен в т.н. "Моральном кодексе строителя коммунизма", принятом КПСС еще во времена Хрущева. Интересно, что диссиденты, говоря о советском человеке как о порождении тоталитарной системы, описывали примерно ту же феноменологию, что и авторы "Морального кодекса", давая ей, естественно, диаметрально противоположные оценки. То, что, по замыслу авторов официальной версии советского человека, должно было восхищать и служить примером для подражания, у противников режима вызывало гнев или презрение. Но, в целом, обе стороны сходились на том, что "homo soveticus" действительно существует. Нет оснований соглашаться ни с авторами "Морального кодекса, ни со значительным числом их оппонентов. "Homo soveticus" как доминирующий в обществе тип не существует и никогда не существовал. Это миф, фантом, мечта идеологов КПСС и ночной кошмар советских интеллигентов. Действительно, создание нового человека в самых первых документах коммунистической партии было объявлено приоритетной целью партийной политики. Ни экономика, ни расширение территории не интересовали основателей новой системы так, как человеческая душа. В первые годы советской власти они возлагали определенные надежды на психоанализ и различные варианты соединения психологии с марксизмом, потом, разочаровавшись в науке и в ученых, обратились к методам более понятным - тотальный контроль за каждым подданным, репрессии, школа, максимально приближенная по духу к армии, сама армия как школа жизни - институт не столько военный, сколько идеологический, озабоченный выработкой "правильных" взглядов на жизнь и интериоризацией системы ценностей крайнего авторитаризма. (Кстати, до сих пор воспитательная функция армии является одним из главных аргументов тех, кто выступает против сокращения сроков службы, введения института альтернативной службы и перехода к профессиональной армии.) Тщеславное желание подправить Творца и создать нового человека немало говорит о менталитете диктаторов. Но желание это имеет и практический смысл. **Всякая власть опирается не только на тех, кто заинтересован в ее существовании по прагматическим соображениям, но и на определенный тип личности, на людей, которым именно такая система власти нравится, отвечает их психологическим характеристикам.** Причем, не так важно, много ли в обществе таких людей. Важно, чтобы именно они имели максимальный доступ к руководящим и влиятельным позициям в армии, системе образования, средствах массовой информации. **Диктатуре необходим особый человек. Но нет нужды создавать его специально. Он всегда существовал и существует в любой стране, хотя никогда и нигде не был в большинстве. Это человек, которому нравится тоталитарная власть, который благоговеет перед ней и готов служить этому порядку, даже и не имея от него выгод лично для себя** Описанные Адорно авторитарные личности поддерживают любую сильную власть, вне зависимости от того, какие лозунги она пишет на своих знаменах. Диктатура находит таких людей, опирается на них, открывает им "зеленую улицу". Со временем именно такие люди начинают определять лицо общества. В результате складывается впечатление, что это, активное в силу исторических обстоятельств, меньшинство репрезентирует все население страны. Если считать любовь к тоталитарной власти патологией, болезнью, то надо сказать, что часть людей лишь притворяются больными. Они участвуют в устраиваемых властью спектаклях - в демонстрациях единства и энтузиазма, либо считая, что так будет выгоднее для них самих и для их семей, либо автоматически - аналогично тому, как нерелигиозные люди могут ходить в церковь просто потому, что так поступают окружающие. Кто-то при этом, ненавидя власть, руководствуется принципом "Плетью обуха не перешибешь", кто-то считает сложившийся порядок вещей

единственно возможным и обращает на него внимания не больше, чем на привычный пейзаж за окном. Когда происходит крушение режима, эти люди без всяких внутренних проблем отказываются от прежних ритуалов, перестав изображать веру в то, во что они, в сущности, никогда и не верили. Такой сравнительно благополучный вариант не болезни, а лишь ее имитации получает распространение на поздних стадиях существования диктаторского режима, когда слабеющая власть может лишь иногда огрызаться, но уже не способна ни на тотальный контроль, ни на массовые репрессии. Соответственно, такая феноменология легкого отказа от навязанной, но не интериоризованной роли верноподданного характерна для сравнительно молодых людей, не имеющих опыта существования при жесткой диктатуре. У старших же поколений, которые этот опыт пережили, маска прирастает к лицу. Тоталитарное государство не оставляет своим подданным места для игры и притворства.

3. Любовь вместо страха. Объективно, жизнь в условиях тоталитарной диктатуры ужасна. Мало того, что люди влачат нищенское существование - они не принадлежат себе.

Государство контролирует их передвижения, может отобрать паспорта и удостоверения личности, запрещает выезд за рубеж и регламентирует передвижения по стране. Государство лишает подданных личного пространства. Например, в нашей стране неприкосновенность жилища была лишь одной из множества лицемерных деклараций, а кроме того, значительный процент населения не имел и сейчас не имеет своего жилья, проживая в общежитиях. Главное здесь - даже не недостойные условия сами по себе, а то, что человек находится под постоянным контролем - он почти никогда не бывает наедине с самим собой, гости к нему могут приходиться только с разрешения администрации общежития, которая имеет право на законных основаниях в любой момент войти в его комнату. Конечно, самое важное, что гражданин тоталитарного государства не распоряжается даже собственной жизнью. В разных странах, оказавшихся во власти тоталитарных диктатур, миллионы людей были арестованы и убиты по вздорным обвинениям или просто без всяких обвинений. Человек может быть убит и по каким-то понятным либо ему самому, либо репрессивному аппарату основаниям - инакомыслие, нежелательная этническая или религиозная принадлежность, неправильное социальное происхождение - и просто случайно, потому, что органы безопасности хотели продемонстрировать рвение и усердие в работе. Смелым и умным людям, понимающим, что аресты часто идут по случайным основаниям, это, иногда, давало шанс. В период сталинских репрессий бывали случаи, когда человек, которого приходили арестовывать, выпрыгивал в окно или, услышав ночной стук в дверь, убегал с заднего хода. Если той же ночью он уезжал из города, переезжал в соседнюю область, то органы могли больше никогда о нем не вспомнить - ведь лично против него у них ничего не было, им нужно было просто набрать определенное число арестованных, и его с легкостью заменяли другим, столь же невиновным, но не таким активным человеком. Но, к сожалению, такие истории со счастливым концом были крайне редкими.

Тоталитаризм - это сюрреалистический мир, где тебе не принадлежит ничего.

У тебя нет ни дома, ни земли, ни свободы. Тебе не принадлежит и будущее.

Каким бы скромным и незаметным человеком ты ни был, этой ночью к тебе могут прийти, и жизнь твоя на этом закончится. Могут отобрать твою жизнь, а могут - жизнь жены или дочери, могут сослать, могут переселить, могут сделать с тобой, что угодно. И защиты нет.

Есть три варианта реагирования на эту кафкианскую жизнь. Можно восстать против нее. История диктаторских режимов хранит свидетельства героического поведения тех наших сограждан, которые надеялись сокрушить систему или для которых чувство собственного достоинства и стремление к свободе были дороже жизни. Почти все они, разумеется, погибли. Государство, кстати, придумывая фиктивных террористов и шпионов в количествах, превосходящих всякое воображение, тщательно скрывало от своих подданных реальные случаи сопротивления. Понимая, что власть их стоит не только на силе, но и на своего рода гипнозе, вожди боялись, что пример отдельных смельчаков может разрушить чары власти.

В классических экспериментах по конформности, проведенных в США в конце пятидесятих годов, было показано, что когда группа давления, подсказывающая человеку неправильное, противоречащее очевидности решение задачи, не монолитна, когда находится хотя бы один, кто, не соглашаясь с большинством, дает правильный ответ, конформность падает почти до нуля. Да, есть шанс заставить человека поверить почти во что угодно - в то, что от Нью-Йорка до Сан-Франциско всего двести километров, и в то, что дважды два - шестнадцать, и в то, что люди, навлекшие на страну чудовищные несчастья, - мудрые и великие вожди. Он может во все это поверить, но, если появляется - хоть один несогласный, пелена с его глаз спадает, он вновь начинает видеть реальный мир, тот, в котором дважды два - четыре, а диктатор - преступник. И, глядя на этого одного несогласного, он видит, что совсем не обязательно повторять вместе со всеми то, во что не веришь, а можно говорить то, что думаешь, и быть самим собой.

Были люди, которые пытались убить Сталина, Ким Ир Сена или Гитлера, были люди, которые в самые страшные годы создавали подпольные организации, надеясь разрушить стоящую на терроре власть. Их не просто уничтожали. Делали все, чтобы сограждане никогда не узнали о существовании этих людей. Для сталинской диктатуры миллионы японских или германских шпионов не были опасны с пропагандистской точки зрения. Эти шпионы были столь фантастичны и искусственны, что люди никак не могли идентифицироваться с ними, принять их действия за образец для себя. А вот информация о том, что простой солдат, желая отомстить Отцу Народов за все, что тот сделал для людей, залег с винтовкой в районе Красной Площади и лишь в последний момент был пойман охраной - это реальный случай - такая информация могла подтолкнуть к решительным действиям и кого-то еще. И потому этого парня приговаривали не только к смерти, но и к забвению.

Диссидентам семидесятых удавалось расшатывать систему не столько потому, что их лозунги уважения прав человека и законности были столь популярными, сколько самой демонстрацией возможности послушания, свободы, достойного человека поведения. Люди видели, что подчиняться не обязательно, что неподчинение в небольших масштабах может даже и не привести к санкциям - государство уже ослабело и не могло наказывать всех, кто оскорблял его своим скепсисом и нелояльностью - и слепое послушание ушло в прошлое. Но это был уже

не тот тоталитарный режим, при котором сформировалось наше старшее поколение. Тот режим не оставлял безнаказанным никого.

Итак, первый вариант реакции человека на тоталитарное государство - сопротивление, восстание. Это путь немногих героев.

Второй вариант не требует самопожертвования. Человек может осознать преступность режима, полную непредсказуемость собственной судьбы и невозможность повлиять на нее, но, понимая безнадежность борьбы, ничего не предпринимать, принимая мир таким, каков он есть.

Мы все знаем, как трудно человеку принять даже естественные моменты человеческого бытия - неизбежность собственной смерти, непредсказуемость и не гарантированность развития отношений с близкими людьми. Но во много раз труднее примириться с бессмысленной жестокостью диктатуры. Кому-то все-таки удавалось. Многие наши интеллигенты в тридцатые годы всегда держали рядом с входной дверью т.н. "тревожный мешок" - запас еды и теплой одежды на случай внезапного ареста. Человеку могли и не дать времени на сборы, так что лучше было быть готовым заранее. Экзистенциальный принцип: "Каждый день как последний" становился для тех, кто осознавал реалии тоталитарного государства, императивом. Удивительно, что именно эти люди, понимавшие трагичность собственной судьбы и полную невозможность ее изменить, создавали прекрасную музыку, писали стихи, противопоставляя безумию реальности мудрость своего воображения.

Но для того, чтобы, все понимая и принимая как неизбежность, продолжать жить, работать, воспитывать детей, требовалось мужество, не меньшее, чем для бунта, нужен был уровень личностного развития, доступный лишь немногим избранным.

Наиболее естественным для рядового человека, а значит, и наиболее распространенным является третий вариант реакций на реалии тоталитарного государства - определенные искажения в восприятии мира с тем, чтобы сделать его менее пугающим и более благополучным.

Можно, например, не замечать арестов и лагерей, не видеть нищеты и бесправия. В этом эффективно помогают органы массовой информации, которые при любой диктатуре делают все от них зависящее для того, чтобы подданные научились не обращать внимания на все, что, буквально, бьет в глаза на каждом шагу. Но добиться такого искажения реальности в массовом масштабе было довольно трудно - люди не только читают газеты и присутствуют на торжественных собраниях, они еще и ходят по улицам, общаются с друзьями, работают. И весь их реальный повседневный опыт не соответствует тому, что говорят официальные власти.

Необходимые искажения в восприятии мира легче осуществить не на когнитивном уровне, отрицая какие-то аспекты реальности или придумывая то, чего нет, а на аффективном, меняя не столько свое восприятие, сколько свое отношение к действительности. Да, идут аресты, исчезают люди, но это не пугает, а, наоборот, успокаивает меня, потому, что люди эти - враги, а я не враг и мне ничего не грозит. Все, что происходит вокруг, имеет своей целью благо мое и таких, как я. Наши руководители прекрасны и мудры, они никогда не совершают ошибок и всегда справедливы. И я люблю и их самих, и все, что они делают. Такое мироощущение

позволяет сохранить уверенность в завтрашнем дне хоть на палубе тонущего корабля.

Любят диктаторов и верят их словам не мазохисты и не садисты, помешанные на насилии. Как правило, это вполне нормальные люди. Просто для тех, кому выпало несчастье жить при тоталитарном режиме, любовь к системе была единственным доступным для них способом избавиться от парализующего страха перед будущим, вытеснить ужас в подсознание. Невротическая любовь к источнику насилия - не оптимальная, но, пожалуй, самая распространенная реакция людей при столкновении с пугающими и неподвластными им обстоятельствами, будь то жестокие и непредсказуемые родители или диктаторы, знающие рецепт всеобщего счастья и готовые заплатить за это чужими жизнями.

Люди хотят жить в уютном и спокойном мире, в котором им ничто не грозит.

Активисты экологических движений знают, как эффективно наши современники отторгают любую неблагоприятную информацию о состоянии природы, как трудно привлечь их внимание к катастрофическим последствиям их собственной деятельности. Заядлые курильщики отвергают данные о вреде никотина, зато с радостью читают сообщения о долгожителях, которые, якобы, чуть ли не с рождения не выпускали трубку изо рта. Аналогичным образом, люди, живущие при диктатуре, будучи не в силах ни изменить реальность, ни примириться с ней, строят для себя иллюзорный мир, в котором во главе государства стоят не убийцы, а богоравные вожди, и ведут они страну не к гибели, а к процветанию и счастью. И прежде, чем осуждать людей за эти иллюзии, давайте вспомним, как ужасна была действительность, от которой они пытались уйти.

У разных людей, переживших диктатуру, уровень психической деформации различен. Это зависит от личностных особенностей человека и от его семейных обстоятельств - некоторые семьи были буквально уничтожены террором, кого-то репрессии обошли стороной. После смерти Сталина и хрущевских разоблачений, когда была разрушена машина массовых убийств, или после разгрома Третьего Рейха, многие люди и у нас, и в Германии смогли осознать свой прошлый страх, отреагировать его и избавиться от унижительной психологической зависимости от системы и от любви к ней, которая, по сути, была не более, чем симптомом болезни. Кому-то сделать это не удалось.

На индивидуальном уровне последствия психической травмы могут давать о себе знать долгие годы. Переживание трехлетнего возраста делает, иногда, человека больным на всю жизнь. Травмы, пережитые целыми народами, будут, наверное, ощущаться еще не одно поколение. В Германии и в России, в Румынии и в Эфиопии, во многих других странах, переживших в двадцатом веке тоталитарные диктатуры, уже давно нет системы террора, уже давно в аду те, кто ее персонифицировал, и к кому были обращены сердца миллионов подданных, видевших в них воплощение гениальности и добра. Уже некого бояться, но кто-то так и живет с ужасом в подсознании и со словами любви к мертвой власти на устах. Слишком страшным было то, что им довелось пережить.

Сам факт подчинения другому и связанное с этим снижение чувства ответственности за свои поступки меняет поведение человека. Люди, не чувствующие ответственности за то, что они делают, способны на крайнюю жестокость, неожиданную и для них самих, и для тех, кто, казалось бы, давно и

хорошо их знает. Американский психолог Стэнли Милгрэм продемонстрировал, что самые обычные люди, подчиняясь приказам того, кто выступает как начальник, как "власть", могут совершать страшные поступки. Милгрэм приглашал испытуемых для участия в эксперименте по исследованию памяти. Выразившим желание прийти на этот эксперимент говорилось, что они будут выступать в роли учителя для другого такого же испытуемого (на самом деле - подставного лица). Их задача состоит в том, чтобы прочитать второму "испытуемому" список, состоящий из некоторого количества пар слов. Дальше они будут называть одно слово из пары, а "испытуемый" должен вспомнить второе. В тех случаях, когда он будет ошибаться, надо нажимать на кнопку, и "испытуемый" будет получать удар тока. Силу этого удара, по условиям эксперимента, необходимо было увеличивать, если "испытуемый" делал много ошибок. Начав с 15 вольт, можно было дойти до 450, причем на пульте с кнопками, перед которым сидел настоящий испытуемый, были поставлены не только цифровые обозначения, но и написано, что из себя представляет тот или иной удар тока ("слабый удар", "сильный удар", "опасно: очень сильный удар"). Дальше подставного "испытуемого" сажали в другую комнату и эксперимент начинался. В действительности, никаких ударов тока "испытуемый" не получал, но ему поступали сигналы о том, на какие кнопки нажимает настоящий испытуемый. По мере увеличения интенсивности ударов "испытуемый" начинал протестовать, кричать, при 300 вольтах он начинал бить в стену, а при еще большей интенсивности - замолкал и не отвечал на вопросы. Естественно, многие испытуемые хотели прекратить эксперимент сразу же, услышав протесты своего "ученика", но экспериментатор, находящийся в этой же комнате, требовал от них продолжения работы, и, как ни странно, большинство этому требованию подчинялось. Никто из испытуемых не прекратил эксперимент до того, как "ученик" начинал бить в стену (т.е. все дошли до интенсивности ударов тока в 300 вольт), а 65% испытуемых дошли до максимальной величины - до 450 вольт. Более того, когда испытуемый не сам нажимал на кнопку, а отдавал приказ сделать это другому человеку, то до максимальной величины дошли 93% испытуемых. В тех же случаях, когда экспериментатора не было в комнате, только 21% испытуемых доходил до максимальной интенсивности удара.

Интересно, что когда Милгрэм обращался к профессиональным психологам и психиатрам с просьбой предсказать результат подобного эксперимента, они сходились на том, что не больше 4% населения может превысить величину 150 вольт, а 300 вольт превысит, максимум, один процент испытуемых, причем, это будет свидетельством серьезной психической патологии. В институтах коллективного структурированного насилия наблюдается еще один важный социально-психологический феномен - деиндивидуализация. У солдат и полицейских снижается ощущение собственной уникальности, отличия себя от других людей. Это закономерно ведет к большей личной жестокости и к большей готовности выполнять жестокие приказы.

ПРИЛОЖЕНИЕ №1

Из книги Бориса Бажанова «Воспоминания бывшего секретаря Сталина». - М., 1990, стр. 225-228.)

СУТЬ ВЛАСТИ - НАСИЛИЕ

Когда вы хорошо знакомитесь с личностью Ленина или Сталина, вас поражает потрясающее, казалось бы, маниакальное стремление к власти, которому все подчинено в жизни этих двух людей. На самом деле ничего особенно удивительного в этой жажде власти нет. И Ленин, и Сталин - люди своей доктрины, марксистской доктрины, их системы мысли, определяющей всю их жизнь. Чего требует доктрина? Переворота всей жизни общества, который может и должен быть произведен только путем насилия. Насилия, которое совершит над обществом какое-то активное, организованное меньшинство, но при одном непременном, обязательном условии - взявши предварительно в свои руки государственную власть. В этом альфа и омега: ничего не сделаешь, говорит доктрина, не взявши власть. Все сделаешь, все переменишь, взяв в свои руки власть. На этой базе построена вся их жизнь. Власть приходит в руки Ленина, а потом Сталина не только потому, что они маниакально, безгранично к ней стремятся, но и потому, что они в партии являются и наиболее полными, наиболее яркими воплощениями этой основной акции партийной доктрины. Власть - это все, начало и конец. Этим живут Ленин и Сталин всю жизнь. Все остальные вынуждены идти за ними следом. Но власть взята активным меньшинством при помощи насилия и удерживается этим же активным меньшинством при помощи насилия над огромным большинством населения. Меньшинство (партия) признает только силу. Население может как угодно плохо относиться к установленному партией социальному строю, власть будет бояться этого отрицательного отношения и маневрировать (Ленин - НЭП), только пока будет считать, что ее полицейская система охвата страны недостаточно сильна и что есть риск потерять власть. Когда система полицейского террора зажимает страну целиком, можно применять насилие, не стесняясь (Сталин - коллективизация, террор 30-х годов), и заставить страну жить по указке партии, хотя бы это стоило миллионов жертв. Суть власти - насилие. Над кем? По доктрине прежде всего над каким-то классовым врагом. Над буржуем, капиталистом, помещиком, дворянином, бывшим офицером, инженером, священником, зажиточным крестьянином (кулак), инакомыслящим и не адаптирующимся к новому социальному строю (контрреволюционер, белогвардеец, саботажник, вредитель, социал-предатель, прихлебатель классового врага, союзник империализма и реакции и т.д. и т.д.); а по ликвидации и по исчерпанию всех этих категорий можно создавать все новые и новые: середняк может стать подкулачником, бедняк в деревне врагом колхозов, следовательно, срывателем и саботажником социалистического строительства, рабочий без социалистического энтузиазма - агентом классового врага. А в партии? Уклонисты, девиационисты, фракционеры, продажные троцкисты, правые оппозиционеры, левые оппозиционеры, предатели, иностранные шпионы, похотливые гады - все время надо кого-то уничтожать, расстреливать, гноить в тюрьмах, в концлагерях - в этом и есть суть и пафос коммунизма. Но в начале революции сотни тысяч людей вошли в партию не для этого, а поверив, что будет построено какое-то лучшее общество. Постепенно (но не очень скоро) выясняется, что в основе всего обман. Но верующие продолжают еще верить; если кругом творится черт знает что, это, вероятно, вина диких и невежественных исполнителей, а идея хороша, вожди хотят лучшего, и надо бороться за исправление недостатков. Как? Протестуя, входя в оппозиции, борясь внутри партии. Но путь оппозиций в партии - гибельный путь. И вот уже все эти верующие постепенно становятся людьми тех категорий, которые власть объявляет врагами (или агентами классовых врагов); и все эти верующие тоже обречены - их

путь в общую гигантскую мясорубку, которой со знанием дела будет управлять товарищ Сталин.

Постепенно партия (и в особенности ее руководящие кадры) делится на две категории: те, кто будет уничтожать, и те, кого будут уничтожать. Конечно, все, кто заботится больше всего о собственной шкуре и о собственном благополучии, постараются примкнуть к первой категории (не всем это удастся: мясорубка будет хватать направо и налево, кто попадет под руку); те, кто во что-то верил и хотел для народа чего-то лучшего, рано или поздно попадут во вторую категорию. Это, конечно, не значит, что все шкурники и прохвосты благополучно уцелеют; достаточно сказать, что большинство чекистских расстрельных дел мастеров тоже попадут в мясорубку (но они потому, что слишком к ней близки). Но все более или менее приличные люди с остатками совести и человеческих чувств наверняка погибнут. Страшное дело - волчья доктрина и вера в нее. Только когда хорошо разберешься во всем этом и хорошо знаешь всех этих людей, видишь, во что неминуемо превращает людей доктрина, проповедующая насилие, революцию и уничтожение "классовых" врагов.

ПРИЛОЖЕНИЕ №2

ПСИХИКА СТАЛИНА

Из книги Д. Ранкур-Лаферриер, М. 1996

Роберт К. Такер: «Сталин как революционер»

Личность Сталина является решающим фактором в понимании хода советской истории вплоть до 1953 года – года смерти Сталина. «Вопрос психоисторического исследования влиятельного политического лидера – это не просто изучение личности субъекта по возможности систематическим методом проникновения в его сущность. Это, кроме того, поиск таких связей и взаимодействий личности с социальной средой и политической ситуацией, которые дают возможность личностному фактору стать исторически важны в каждом данном случае. В рассматриваемом здесь случае объяснение результата – восхождение Сталина и последующая диктатура – следует искать в природе Сталина, в природе большевизма как политического движения, в сущности исторической ситуации советского режима в 20-х годах, а также в природе России как страны с традицией автократического правления и с расположенностью к нему народа. Но только путем выяснения сложной взаимосвязи всего этого можно определить, почему в этот момент личность оказалась, как с запозданием, но правильно предвидел Ленин, *решающим* пустяком». Такер доказывает, что если бы личность Сталина *не* была решающим фактором, то было бы крайне трудно объяснить некоторые хорошо известные факты советской истории. Например, большинство специалистов по советскому периоду истории сходятся в том, что Большая Чистка в 1936-1938 годах, во время которой было арестовано, по различным оценкам, от пяти до девяти миллионов человек, нанесла чрезвычайный вред экономике и военной мощи Советского Союза. Это поставило Советский Союз *vis-a-vis* со смертельной опасностью со стороны несомненно враждебной нацистской Германии. Большая Чистка не могла быть «потребностью системы», как сказали бы социологи. Но

никто не сомневается, что Большая Чистка была инициирована и поддержана Сталиным. Следовательно, она должна быть отражением, по крайней мере, отчасти, личных потребностей Сталина, и некоторые из них, по утверждению Такера, были психопатологическими.

Другим примером может служить то, как изменилась жизнь в Советском Союзе после смерти Сталина. Если бы террор был неотъемлемой чертой советского общества или советской системы правления, нельзя было бы объяснить значительное снижение уровня террора после того, как умер Сталин: «Советские граждане настойчиво называют ослабление террора, возможно, наиболее существенным общим впечатлением от изменений, которые они почувствовали в послесталинской России...»

В своих психоисторических трудах Такер или косвенно, или прямо основывается на идеях, изложенных в интереснейшей работе Харольда Ласуэлла «Psychopathology and politics». Центральной из них является утверждение, что **политическое поведение есть, по существу, воплощение «личных» интересов. По Ласуэллу, «политическая» фигура думает, что она действует в общественных интересах, то есть логически обосновывает свои поступки. На самом же деле, она действует на основе личных, «первичных» мотивов, в первую очередь тех, которые сформировались в детстве на базе отношений к членам родной семьи. Это «перенос личных мотивов с объектов семьи на общественные объекты». «Дисктинция типов личности политиков должна проходить не между умственной болезнью и здоровьем, а скорее между интернационализацией и экстерниоризацией как основами их поведения. Мир политики – плодотворная почва для экстерниоризации беспокойства и интрапсихического конфликта и как таковой притягивает личности с потребностью нахождения объектов для проекции и замещения».**

Поверхностная структура души диктатора

Еще одной причиной, которая затрудняет решение вопроса о «патологии» поведения Сталина, является тот факт, что Сталин обладал огромной политической властью. Он был не простым смертным, а правителем. Обычные оценочные категории не всегда можно применить к тем, кого Гегель назвал «фигурами мировой истории».

Сталин мог организовать – и организовывал – постоянный хор лести и низкопоклонства, в который включились и средства массовой информации, и деятели искусства и академической науки. Алексеев на основе документов исследовал частоту, с какой имя Сталина, начиная с 30-х годов и до 1953 года, упоминалось в советской прессе. По наблюдениям Вольского и Суварина, уже сам по себе характер того, как относилась к Сталину пресса тех лет, может служить доказательством его мегаломании. Панорамное исследование Лабиной бесчисленных способов, которыми превозносили Сталина, у здорового читателя может вызвать тошнотворное чувство.

Медведев рассказывает историю, которая многое говорит о мегаломании Сталина. Разговаривая с католиком Грузинской Православной Церкви в середине 40-х годов, Сталин спросил его: «И кого же Вы больше боитесь – меня или Бога?» Служитель церкви был в замешательстве не смог ответить. Тогда Сталин высказал следующее наблюдение: «Я знаю, что Вы больше боитесь меня, иначе Вы не пришли бы на встречу со мной в обычной гражданской одежде». В этом контексте отождествление Сталиным себя с Господом Богом полностью подтвердилось. Католикос действительно боялся Сталина больше, чем Бога. В других случаях,

однако, Сталин, казалось, ставил себя в положение, подчиненное Богу, в которого он (по крайней мере какое-то время) верил. Так, когда в 1942 году Уинстон Черчилль спросил Сталина, мог ли он простить ему его роль в интервенции Антанты против Советов в 1918-1920 годах, Сталин ответил: «Все это в прошлом. Не мне прощать. Бог простит». Возможно, это заявление было искренним. Несомненно, что Сталин был глубоко религиозен в тот период, когда учился в духовной семинарии в Тифлисе, и что он сохранял необычайно положительное (для большевика) отношение к Русской и Грузинской Православной Церкви всю остальную жизнь.

Все то, что сказано в связи с мегаломанией Сталина, может быть сказано и о его паранойе. Когда Сталин был у власти, он мог в какой угодно степени быть параноиком. Хрущев в своей речи на XX съезде партии в 1956 году описывает то, что является очевидными параноидальными симптомами: «Сталин был очень недоверчивым человеком; он был болезненно подозрителен; мы знаем это по работе с ним. Он мог посмотреть на кого-нибудь и сказать: «почему ты сегодня не смотришь прямо?» или «почему ты сегодня отворачиваешься и избегаешь смотреть мне в глаза?» Такая болезненная подозрительность создала в нем общее недоверие и к выдающимся партийцам, которых он знал годами. Всюду и везде он видел «врагов», «лицемеров» и «шпионов».

«Вследствие необычайной подозрительности Сталина, у него даже появилась нелепая и смехотворная мысль, что Ворошилов был английским агентом. *(Смех в зале)*. Да, да, - английским агентом. В доме Ворошилова была даже сделана специальная установка, позволяющая прослушивать, что там говорилось. *(Возмущение в зале)*».

Де Йонг цитирует отчет Министерства иностранных дел Великобритании, где говорится, что Сталин так боялся покушения, что его врач «...должен был осмотреть ряд людей, которые все были так похожи на Генерального секретаря, что он не знал, кто из них был Сталин».

Паранойя Сталина особенно ярко проявилась в его антисемитизме. К концу жизни он был поглощен идеей «сионистских» заговоров и организовал компанию против так называемых «безродных космополитов». Гитлеровское «окончательное решение еврейского вопроса» он считал «правильным» и даже «гениальным». Евреи были вычищены из Центрального Комитета, городских комитетов, райкомов, судов, больниц, военных организаций и других заведений. В 1948 году Сталин приказал арестовать почти весь состав Еврейского антифашистского комитета. Он приказал арестовать писателей, которые пользовались идишем, таких как Маркиш, Фефер, Квитко и пр. Еврейские школы, театры, газеты и журналы были закрыты. Квоты на евреев были установлены в университетах, институтах и на многих заводах. Процессы 30-х годов, связанные с чистками, были, безусловно, самыми яркими публичными проявлениями того, что Сталин постоянно ощущал себя кем-то преследуемым (это, безусловно, не означает, что у этих процессов не было также и других причин, таких, как разногласия в партии или потребность Сталина получить более жесткий контроль над своими подчиненными). Такер выражается в сугубо лассуэллианских терминах: «...процессы служили не только... политическим символом логической обоснованности Большой Чистки, но в то же время были патологическим символом попытки логически оправдать параноидальную тенденцию самого Сталина».

Далее он говорит: «Мир Большой Чистки и процессов, с ней связанных, заполненный множеством замаскированных врагов, плетущих заговор с целью уничтожения сталинского режима и самого Сталина, был образным миром самого Сталина. Под сталинским руководством НКВД с помощью Вышинского и других подтверждал реальность этого мира и заставлял его проявляться еще более

конкретно и убедительно, используя для этого аресты большого числа советских граждан, вынуждая их *сознаваться*, что они были замаскированными врагами, и выставляя их на показательные процессы, в которых бывшие ведущие оппозиционеры и другие люди публично объявляли себя виновными в измене. Соответственно, мы можем рассматривать процессы как приводной механизм, передающий вовне работу чего-то похожего на параноидальную маниакальную систему, составляющими которой являются центральная тема (великий заговор) и злобная псевдообщность («Блок правых и троцкистов»). В этом отношении стенограмма процесса является документом из истории человеческой психопатологии».

Последнее утверждение, похоже, предполагает, что не только Сталин, но и вся политическая общность вокруг него была «патологической». Паранойя Сталина, другими словами, была заключена в нетипичный социальный контекст. Это была привилегированная паранойя так же, как была привилегированной его мегаломания. Советской общество приспособлялось к этой паранойе, уничтожая себя. Это общество не устранило Иосифа Сталина. У нас нет причин думать, что внутренние психологические процессы, происходившие в Сталине, когда он появлялся на публике со своей паранойей, отличались от тех процессов, которые управляют поведением обыкновенного параноика. Другим был социальный отклик. Известная садистская жилка Сталина – еще один аспект его личности, который можно было бы считать патологическим вне контекста деятельности Сталина. Эрих Фромм говорит, что садизм Сталина был «несексуальным садизмом». Сиомопулос и Гольдсмит предпочитают термин «характерологический садизм». То есть Сталин наслаждался, причиняя боль другим, но при этом якобы не испытывая сексуального возбуждения. Например, он лично уверял людей, что они находятся в безопасности, а непродолжительное время спустя их забирали. В тот самый день, когда был арестован Николай Вознесенский, Сталин пригласил его на свою дачу и даже предложил тост за его здоровье. Сталин также арестовывал членов семей высокопоставленных партработников (жену Калинина, брата Кагановича и пр.) и затем наслаждался, наблюдая отчаяние этих функционеров, которые не осмеливались протестовать. Медведев приводит следующую историю: «...беседу однажды с О. Куусиненом, Сталин спросил его – почему он не хлопчет об освобождении своего сына. «Очевидно, были серьезные причины для его ареста», - ответил Куусинен. Сталин усмехнулся и дал указание об освобождении сына Куусинена».

Одной из излюбленных жертв Сталина был его личный секретарь Александр Поскребышев: «Однажды под Новый год Сталин решил поразвлечься таким образом: сидя за столом, он стал сворачивать бумажки в маленькие трубочки и надевать их на пальцы Поскребышева. Потом он зажег эти трубочки вместо новогодних свечей. Поскребышев извивался и корчился от боли, но не смел сбросить эти колпачки». «Говорят, что Поскребышев сам был вынужден представить на подпись Сталину ордер на арест своей жены. При этом он попытался встать на ее защиту. «Так как органы НКВД считают необходимым арест Вашей жены, - сказал Сталин, - так и должно быть». И он подписал ордер. Увидев выражение лица Поскребышева, Сталин засмеялся: «В чем дело? Тебе нужна баба? Мы тебе найдем». И действительно, вскоре на квартире Поскребышева появилась молодая женщина и сказала, что ей было предписано вести его хозяйство».

Эти акты жестокости Сталина, в сущности, не отличаются от еще более распространенной практики обычных профессиональных пыток. В целом садист

есть садист, будь он испанским инквизитором или немецким нацистским «доктором», аргентинским военным мучителем или грузинским диктатором Советского Союза. Что делает садизм Сталина более интересным и имеющим большие последствия, чем другие виды садизма, так это то, что он имел несравнимую систему поддержки, громадную политическую машину, состоящую из многочисленных послушных чиновников (многие из которых сами были садистами), готовых исполнять любую прихоть тирана. Сталин не только знал о «примерах беззакония». Сталин фактически приказал применять «методы физического воздействия» против «врагов народа» и при случае даже уточнял, какой вид пыток нужно было использовать. Антонов-Овсеенко говорит: «Операции по истреблению безоружных подданных он планировал, готовил и осуществлял сам. Он охотно входил в технические детали, его радовала возможность непосредственного участия в «разоблачении» врагов. Особое наслаждение доставляли генсеку очные ставки, и он не раз баловал себя этими поистине дьявольскими представлениями». Ввиду того, что он был человеком умным и обстоятельства были благоприятными, Сталин был в состоянии реализовать фантазии подчинения, унижения и причинения боли в отношении большего числа людей, чем любой другой садист в истории человечества. Садистское поведение отражает не только потребность причинять боль, но также страсть *управлять* другими. Эта страсть была достаточно очевидна тем, кто хорошо знал Сталина.

Говоря о позиции, которую он выразил по отношению к различным странам Восточной Европы на Ялтинской конференции, Гарриман сказал: «Сталину нужны были слабые соседи. Он хотел доминировать над ними...» Само имя «Сталин», производное от слова «сталь», предполагает огромную силу. Но сила – это всегда относительное понятие, отражающее властные взаимоотношения. Сталин часто выражал свою политическую силу посредством стальных инструментов, таких, как оружие его полиции. Властный характер Сталина был замечен очень рано его одноклассниками в Гори. Очевидно, маленький Сосо Джугашвили был классическим забиякой школьного двора: «Ребенком и юношей он мог быть хорошим другом до тех пор, пока подчинялись его требовательной воле». Советские выборы, сделанные Каминским и Верещагиным, естественно, содержат только эвфемистические характеристики задиристого поведения Сосо, например: «Иосиф был тверд, настойчив и энергичен» либо «Сосо обычно был у нас «маткой» (руководителем, вождем) одной из групп». Каганович знал, что все, что он говорит и делает, записывается по крайней мере в двух службах: ГПУ и Секретном отделе Секретариата (который после 1934 года стал носить невинно звучащее название Особый отдел). Слежка перестала быть просто чертой системы – она стала образом жизни. Изобретение такой системы повальной слежки было дело самого Иосифа Сталина, жаловавшегося в 1931 году Эмилю Людвигу, бравшему у него интервью, на слежку, которую ему пришлось вынести во время учебы в семинарии: «...характер дисциплины бесил меня. Место это было очагом слежки и доноительства. В девять утра мы собирались пить чай, и, когда возвращались в свои спальни, все ящики были перерыты». Конечно, это были детские игры по сравнению с той слежкой, которую организовал Сталин, когда стал Генеральным секретарем Партии. Еще в 1923 году он установил аппаратуру, необходимую для прослушивания бесед высокопоставленных правительственных чиновников. Массовая сеть шпионов, в итоге созданная им, стала одним из наиболее садистских его деяний. Несчетное количество людей, находившихся под его надзором, жили в постоянном страхе, и Сталин, должно быть, знал об этом. Жестокость в отношении, скажем, Поскребышева, которому он поджег пальцы, бледнеет по сравнению с этим. Мстительность была еще одним важным компонентом характера Сталина. Многие из его жертв – Троцкий, Смирнов, Енукидзе, Тухачевский, Бухарин и другие – ранее

каким-то образом обидели его. Уже в юности Сталин находился в плену навязчивой идеи отомстить. В разговоре с Каменевым и Дзержинским в 1923 году Сталин сказал: «Выбрать своего врага, подготовить все детали удара, утолить жажду жестокой мести и затем отправиться спать... Нет ничего слаще в мире!» Эта фраза стала широко известна в партийных кругах как «теория сладкой мести» Сталина. Описание некоторых типов невротической личности Хорни довольно хорошо подходит к Сталину: «Главной мотивирующей силой в его жизни является потребность в триумфе мести». И он добился триумфа. Почти все советские политические деятели, которые когда-то в прошлом были хотя бы малейшим препятствием на его пути к диктатуре, а также многие из тех, кто являлся лишь воображаемым препятствием, были либо убиты, либо заключены в тюрьму, либо сосланы к тому времени, когда он достиг вершины власти в конце 30-х годов. Для того, чтобы действовать в соответствии со своими мстительными намерениями, Сталин, конечно, должен был проявлять терпение. Ему приходилось откладывать садистское наслаждение. Он и в самом деле был талантлив в оттягивании почти любого вида удовлетворения. Огромное терпение Сталина было известно всем в его окружении. Наряду с потребностью осуществлять контроль над другими параллельно существовала потребность самоконтроля. В редких случаях он срывался и вскипал от раздражения (большей частью такие вспышки гнева не были опасны в политическом смысле, например, это выражалось в том, что он кричал на подчиненного или бил своих детей). Обычно он мог держать себя в руках. Для некоторых выражением его самоконтроля были сами жесты. Один из переводчиков, работавших с ним, говорит: «Когда Сталин стоял, у него была монашеская манера сцеплять руки на животе или выше, сохраняя их сцепленными, даже когда он жестикулировал, просто слегка поворачивая ладони наружу, не отнимая их от груди, и именно эта поза была для меня символом его закрытой натуры».

«Битие определяет сознание»

В попытке найти причину возникновения некоторых черт личности диктатора Такер обращается к его детству. Мать Сталина, Екатерина (Като, Кеке) Джугашвили, была обремененной тяжелым трудом женщиной-пуританкой, которая часто колотила своего единственного оставшегося в живых ребенка, но была безгранично предана ему. Друг детства Сталина Давид Мачавариани говорит, что «Като окружала Иосифа чрезмерной материнской любовью и, подобно волчице, защищала его от всех и вся. Она изматывала себя работой до изнеможения, чтобы сделать счастливым своего баловня». В интервью американскому журналу Екатерина сказала: «...Сосо был моим единственным сыном. Конечно, он был дорог мне. Дороже всего на свете». Позднее Екатерина была разочарована, когда ее сын так и не стал священником, хотя он и посещал духовную семинарию в Тифлисе. Отец Сталина, Виссарион (Бесо), был сапожником, подверженным пьянству и приступам жестокости. Он избивал Екатерину и наносил маленькому Сосо «незаслуженные, ужасные побои». Был случай, когда ребенок попытался защитить мать от избиения отца. Он бросил в Виссариона нож и пустился наутек. В другой раз Виссарион ворвался в дом, где находилась Екатерина и маленький Сосо, обозвал Екатерину «шлюхой» и набросился с побоями на нее и сына: «Минутой позже мы (Давид Мачавариани со своими родственниками и соседями) услышали звук бьющейся посуды, пронзительные крики жены (Виссариона), а маленький Сосо, весь в крови, стремглав бросился к нам с криками: «Помогите! Идите быстрее, он убивает мою мать!» Мой отец и соседи с трудом уняли Бесо, который с пеной у рта и усевшись верхом на грудь Като душил ее. Чтобы утихомирить его, пришлось стукнуть его и связать по рукам и ногам. Моя мать занялась беднягой Сосо, у которого на голове была рана, и, так как он боялся возвращаться домой, они с Като

остались на ночь у нас, тесно прижавшись друг к другу на матрасе на полу». Жестокого отца и мужа постигла страшная участь. Когда Сосо было одиннадцать лет, Виссарион «...погиб в пьяной драке – кто-то ударил его ножом». К тому времени сам Сосо проводил много времени в компании молодых хулиганов Гори и развивал свои способности уличного драчуна. Иремашвили говорит, что смерть отца «не произвела никакого впечатления на мальчика». Но, с точки зрения психоанализа, такое утверждение является в высшей степени наивным. Несмотря на жестокость Виссариона, он все же был до этого момента самым важным человеком в жизни Сосо. Более того, едва ли Сосо мог оставаться безразличным к человеку, который спал с его собственной матерью. И далее, именно *нож* Сосо бросил в Виссариона, который впоследствии умер от *ножевой* раны. Ранее испытанное им желание смерти отца исполнилось буквально. Мысль о том, что можно фактически *уничтожить* своих противников, должно быть, закралась в подсознание Сталина задолго до того, как он начал осуждать, ссылая, сажая в тюрьму, казнить и другими способами уничтожать настоящих и воображаемых врагов, уже будучи взрослым человеком. Современники Сталина, похоже, знали о его одержимости идеей битья. Грузинский меньшевик Ираклий Церетели шутил, что в устах Сталина, говорившего с сильным грузинским акцентом, фраза «Бытие определяет сознание» звучала как «Битие определяет сознание». Вероятно, одним из самых ярких примеров одержимости Сталина побоями в переносном смысле, которыми изобилует публичная речь Сталина, может служить отрывок из сборника «Вопросы ленинизма» (Генсек в 1931 году дает советы, каким образом ускорить темпы промышленного и сельскохозяйственного производства): «Задержать темпы – это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим! История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все – за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную. Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно. Помните слова дореволюционного поэта: «Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка Русь». Эти слова старого поэта хорошо заучили эти господа. Они бивали и приговаривали: «ты обильная» - стало быть, можно за твой счет поживиться. Они били и приговаривали: «ты убогая, бессильная» - стало быть, можно бить и грабить тебя безнаказанно. Таков уже закон эксплуататоров – бить отсталых и слабых. Волчий закон капитализма. Ты отстал, ты слаб – значит ты неправ, стало быть, тебя можно бить и поработать. Ты могуч – значит ты прав, стало быть, тебя надо остерегаться. Вот почему нам нельзя больше отставать. В прошлом у нас не было и не могло быть отечества. Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас, у народа, - у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость. Хотите ли, чтобы наше социалистическое отечество было побито и чтобы оно утеряло свою независимость? Но если этого не хотите, вы должны в кратчайший срок ликвидировать его отсталость и развить настоящие большевистские темпы в деле строительства его социалистического хозяйства. Других путей нет». Синтаксический параллелизм в первом абзаце, основанный на глаголе «бить», совершенно очевиден. Но одной странице русского текста речи Сталина производные от основы глагола «бить» встречаются 17 раз. Главным образом это было связано с оставшимся чувством унижения, испытанного от руки обидчика – отца. Но были также и другие причины тому, чтобы испытывать чувство неполноценности или отсутствия любви к себе. Сталин был выходцем из низшего сословия в Грузии. Он имел небольшие физические недостатки. В результате болезни или несчастного случая в детстве левая рука стала неправильно

развиваться, оставшись заметно короче правой, и хронически не сгибалась в локте. Лицо его было в щербинах после перенесенной в детстве оспы (в простонародье его называли «рябой»). Второй и третий пальцы на левой ноге были сращены вместе. Он так и не вырос выше 160 см («Я заметил, что когда его фотографировали, он поднимался на ступеньку выше других...») Сталин не научился говорить по-русски без акцента, свойственного грузинам. В отличие от своих товарищей-большевиков, большинство из которых были яркими интеллигентами-космополитами, Сталин очень мало путешествовал на Западе, не владел ни одним европейским языком, был плохим оратором, и его считали, в лучшем случае, весьма посредственным теоретиком. Имея все эти недостатки, Сталин, должно быть, испытывал постоянное гнетущее чувство неполноценности. Совсем не обязательно, что он знал о наличии этого чувства, и временами оно проявлялось вовне совершенно неожиданными способами.

Вот, например, описанный Черчиллем случай на Потсдамской конференции: «Затем произошло нечто весьма странное. Мой грозный гость поднялся со своего места с карточкой меню в руках и пошел вокруг стола, собирая автографы многих из присутствующих. Я никогда бы не подумал, что он мог быть собирателем автографов! Когда он вернулся ко мне, я по его просьбе поставил свою подпись, и мы оба посмотрели друг на друга и рассмеялись. Глаза Сталина искрились весельем и юмором». Было не только странно, что такой «грозный» лидер, как Сталин, пожелал иметь автографы собравшихся знаменитостей. Это выглядело жалким. На кого он думал произвести впечатление автографами? Конечно, на себя самого. Даже в зените влияния и почета, оказываемого ему как мировому лидеру, он испытывал потребность иметь осязаемое, письменное доказательство того, что он был на короткой ноге со знаменитостями.

Хрущев говорит, что Сталин своей рукой вносил самовосхваляющие пассажи в рукопись официальной «Краткой биографии». Например: «На разных тапах войны сталинский гений находил правильные решения, полностью учитывающие особенности обстановки». Такер совершенно верно говорит, что Сталин считал себя гением: «Чтобы понять Сталина, мы должны увидеть его как человека, для которого выражение «гениальный Сталин», постоянно применяемое к нему средствами массовой информации после середины 30-х годов, выражало его фундаментальные представления о себе самом». Коллеги Сталина превосходно понимали, что его нарциссизм нуждался в постоянной поддержке в виде подобных выражений, и знали, что любые протесты с его стороны были фальшивыми. Однако те, кто не входил в его окружение, не всегда осознавали это, как то можно видеть из записи Лиона Фейхтвангера о разговоре со Сталиным в 1937 году: «Из всех известных мне людей, которые обладали властью, Сталин самый непретенциозный». Далее в записи следует: «Он пожимает плечами в ответ на вульгарность и безудержное восхваление его личности. Он оправдывает своих крестьян и рабочих на том основании, что у них слишком много забот, чтобы приобрести хороший вкус, и посмеивается при виде сотен тысяч громадно увеличенных портретов человека с усами, которые пляшут перед ним во время демонстраций». Хотя Сталину нужен был культ его личности, иногда он осознавал нечестность, к которой были вынуждены прибегать его льстецы. Поздравляя Виктора Некрасова со Сталинской премией, присужденной ему за роман «В окопах Сталинграда», Сталин спросил: «И почему твоя книжка мне понравилась?..» И ответил: «Задница у меня болит, вот почему. Все ее лижут, совсем гладкая стала». Единственный раз русский писатель написал честный, реалистичный военный роман, лишенный привычного прославления советского руководства. Сталину приходилось прибегать к другим способам защиты образа своего «Я» и избавления от беспокойства. Он использовал то, что в ортодоксальном психоанализе носит название «механизмы защиты».

Последние так же, как и ложный образ своего «Я», навязывались советскому обществу: «Его внутренние механизмы защиты были перенесены во внешние политические реалии».

В арсенале психологических средств защиты Сталина, как показывает Такер, наиболее очевидной является **проекция**. Сталин стал верить, например, что это Бухарин, а не он сам защищал идею необходимости явки Ленина в суд Временного правительства в 1917 году. Или, хотя это он, Сталин, был отозван с юго-западного фронта в 1920 году за неподчинение приказу, он проследил, чтобы Троцкий выступил в роли комиссара, которого пришлось отозвать с фронта. Что касается тяжелых потерь, понесенных Красной Армией в течение первых месяцев войны с Германией, Сталин обвинил в этом Жукова. Довольно комичным случаем было то, как год спустя после того, как войска Гитлера напали на Советский Союз, Сталин поддразнивал Молотова на банкете с союзниками: «Молотов, встань и расскажи всем о твоем пакте с немцами».

Как говорит Такер, другие люди становились своего рода «свалкой» для собственных недостатков Сталина: «Личные и политические недостатки, биографические пятна, промахи, неудачи, ошибки, скандалы – все факты и воспоминания, которые Сталину приходилось подавлять в себе, потому что им не было места в «гениальном» Сталине, в его воображении могли быть перенесены на образ врага и таким образом в его сознании проецировались на реальных людей в окружении, которых он называл врагами».

Многие биографы Сталина и историки сталинского периода понимают тенденцию Сталина к проекции, даже если они не используют этот термин. Авторханов, например, анализирует некоторые высказывания Сталина в адрес Гитлера и Тито и показывает, что они относятся к самому Сталину. Такая «повторяющаяся схема» является именно тем, что обычно ищет психоаналитик или психоисторик. Анализ Де Йонга послевоенной паранойи Сталина – это особенно яркий пример того, как непсихоаналитик интуитивно использует психоаналитические категории: «В последние годы жизни он был убежден, что его правительство наводнено иностранными шпионами, в особенности британскими, и что Ворошилов был британским агентом. Сталин любил награждать врагов своими недостатками, и здесь перед нами вариация на эту тему. Он так преуспел в насаждении своих агентов в правительства и разведслужбы Запада (не говоря о Японии и нацистской Германии), что был не в состоянии поверить в то, что его враги не сделали то же самое по отношению к нему. Эта мысль доводила его до безумия, потому что он никак не мог найти доказательств, подтверждающих этот факт, и все же это должно было быть правдой. Потому что было невозможно утверждать, что Великобритания, куда он столь успешно проник, не проникла в ответ в Кремль». Термины «паранойя» и «проекция» здесь не фигурируют. И все же Де Йонг ясно описал параноидальный и проецирующий аспекты отношения Сталина к британцам. Как Сталин поступил со знаменитым «Завещанием» Ленина 1922-1923 годов, где в добавлении написано следующее: «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в обращениях между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т.д.» Когда однажды Сталин был вынужден признать эту нападку на свое эго, он сказал: «Да, я груб, товарищи, по отношению к тем, кто грубо и вероломно разрушает и раскалывает партию. Я никогда не скрывал это и сейчас не скрываю. Возможно, к раскольникам следует применить снисходительность. Но от меня ее не будет».

Такер комментирует данное высказывание следующим образом: «Весьма вероятно, что именно посредством этого логического обоснования Сталин научился жить, помня о добавлении к завещанию Ленина». Позднее, в 30-е годы, Сталин стал обороняться еще больше. Членов партии приговаривали к длительному тюремному заключению и даже к «расстрелу за хранение контрреволюционного документа, так называемого ленинского завещания».

Сталин был великим актером, что подмечено довольно многими исследователями. По словам его невестки Анны Аллилуевой, он обладал большим талантом имитировать людей. Неспособность Сталина делать различие между актерской игрой и реальностью проявилась в его отношении к одному из его любимых видов искусства – кино: «По ходу фильма Сталин делал замечания –= реакции на происходившее на экране, как это делают необразованные люди, которые ошибочно принимают игру за действительность». Надежда Мандельштам пишет, что Сталин однажды смотрел, как украинский актер А.М. Бучма играл роль предателя: «Сталин заявил, что так играть предателя может только тот, кто является предателем в жизни, и поэтому потребовал, чтобы были приняты надлежащие меры». Подозревая, что многое из того, что говорил и делал он сам, было притворством, Сталин прибегал к некоторого рода мегапритворству и обвинял в притворстве **других**. Обычно оппонента обвиняли в том, что он «носит маску». Как и всегда, он проецировал. Хотя Сталин, возможно, не всегда давал себе отчет, когда он играет, он обладал значительной степенью сценического контроля. Он мог, например, менять настроение и поведение с быстротой молнии. Хью Лунги, который был переводчиком у Черчилля и у других британских официальных лиц, говорит: «Я слышал, как он в одну минуту переходил от угроз к обескураживающей благоразумности; и так же быстро, не повышая голоса, переключался с изысканной вежливости на вульгарную брань». Можно лишь вместе с Антоновым-Овсеенко воскликнуть: «Какой актер!»

Его лучшая защита

Среди защитных механизмов, которые использовались Сталиным, чтобы не допустить ущемления своего нарциссизма и унять свое очевидное постоянное беспокойство, есть механизм, недостаточно точно описанный Такером. Я имею в виду **отождествление с агрессором**.

Сталин часто прибегал к этому механизму, когда (как ему казалось) существовала опасность агрессии, направленной против него. Безусловно, агрессоры присутствовали в жизни Сталина во множестве, даже если исключить тех, кто был лишь порождением его паранойи. Отец действительно бил Сталина. Царская охранка России действительно заключала его под стражу. Ленин напал на него в своем «Завещании». Гитлер атаковал его своими войсками. И так далее. Все подобные агрессии, направленные против него, в особенности оскорбления, нанесенные отцом на раннем этапе жизни, были психологически опасными и призывали к мобилизации того, что, как я думаю, было лучшей защитой Сталина, - его замечательной способности играть для самого себя.

Люди, временно оказавшиеся в положении заложников, часто отождествляют себя со своими пленителями, что становится ясно из рассмотрения примеров выражения ими сочувствия политическим взглядам их тюремщиков. В литературе по терроризму это явление носит название «стокгольмский синдром» (термин возник после ограбления банка в Стокгольме, когда оказавшаяся заложницей женщина влюбилась в одного из своих тюремщиков и в итоге вышла за него замуж).

Так же, как и мстительность, пресловутая жажда власти Сталина связана с отождествлением с агрессором.

Фенихель кратко излагает психоаналитическую точку зрения на феномен жажды власти, говоря следующее: «В общем можно утверждать, что те, кто страстно желают власти или престижа, являются бессознательно напуганными людьми, пытающимися преодолеть и отрицать свое беспокойство».

Для Лассуэлла это беспокойство – неотъемлемая часть заниженной самооценки. Особым беспокойством, преследовавшим Сталина на протяжении всей жизни, был страх быть *битым*. Не существовало более верного способа запугать сталинский образ его «Я», понизить его самооценку. Как показал Такер, в речи Сталина часто возникала метафора *битья* его врагов. Эту метафору в свою очередь можно связать с суровыми побоями, полученными им от своего отца. Специфически садистский аспект агрессивности Сталина был для него способом побороть боязнь оказаться жертвой (страх часто бессознательный, параноидальный страх зрелого человека, который тем не менее сохранялся в силу того, что в детстве он часто был жертвой). Фенихель говорит: «Если индивид способен делать по отношению к другим то, что, как он боится, будет сделано с ним, ему уже больше не приходится бояться». Садизм превращает осознание того, что тебя преследуют, в ощущение, что преследователем становишься сам. Иногда именно такое превращение наблюдалось в поведении Сталина. Например, когда во время одной из попоек со Сталиным Некрасов произнес торжественный тост за советских солдат, которые так храбро сражались в Сталинградской битве, Сталин обиделся. Он заявил, что Некрасов был «хитрым» человеком, «очень даже хитрым», произнеся такую речь. Другими словами, Сталин истолковал речь в параноидальной манере, как упрек, как атаку на его **неучастие** в опасных военных действиях. Это очевидно из того, что он тогда сказал Некрасову: «Но скажи мне такое, только откровенно. По совести. По-твоему что, товарищ Сталин участия в Великой Отечественной войне не принимал? – и выдержав паузу, во время которой я почувствовал, что начинаю холодеть. – А мне казалось, что небольшой, но все-таки вклад сделал. Может, я ошибаюсь?» Я стоял перед ним и молчал. Руки и ноги оцепенели». В этом случае Некрасов был напуган, и понятно почему. А в качестве инструмента садистской агрессии против Некрасова Сталин использовал именно тот инструмент, которым, в его воображении, Некрасов воспользовался против него. Садистский акт корнями уходил непосредственно в ощущение (каким бы ошибочным оно ни было) себя жертвой.

Сталин и дети

Хотя Ярославский сказал, что «Сталин любит детей и молодежь», единственным ребенком, по отношению к которому это было верно, была дочь советского диктатора Светлана: «...Отец меня вечно носил на руках, любил громко и сочно целовать, называть ласковыми словами – «воробушка», «мушка». Однажды я прорезала новую скатерть ножницами. Боже мой, как больно отшлепала меня мама по рукам! Я так ревела, что пришел отец, взял меня на руки, утешал, целовал и кое-как успокоил... Несколько раз он так же спасал меня от банок и горчичников, - он не переносил детского плача и крика. Мама же была неумолима и сердилась на него за «баловство». К своим сыновьям Сталин по большей части относился с ненавистью: «Хозяин дал своему сыну Василию довольно необычное воспитание. Васька имел обыкновение отлынивать в школе, но учителя не решались ставить ему плохие отметки. Однажды Генсек пришел в школу и попросил, чтобы с его сыном обращались строже. Дома он сбил мальчика с ног и пинал его сапогами – своими

сапогами. Это происходило на глазах дочери». Другой сын Сталина, Яков (от первой жены Екатерины), тоже сносил оскорбления, когда стал жить с отцом в Кремле. Сталин обычно называл Якова «мой дурак». Бармин говорит: «Сталин бил его, как когда-то сам был бит отцом, сапожником, который часто бывал пьян». Троцкий дает подробности того, как Сталин оскорблял Якова, и приходит к тому же выводу относительно корней подобного поведения: «Мальчик Яша подвергался частым и суровым наказаниям со стороны отца. Как большинство мальчиков тех бурных времен, Яша курил. Отец, сам не выпускавший трубки изо рта, преследовал этот грех с неистовством захолустного семейного деспота, может быть, воспроизводя педагогические приемы Виссариона Джугашвили. Яша нередко искал убежища в нашей кремлевской квартире. «Мой папа сумасшедший», - говорил он с резким грузинским акцентом». Но Сталин жестоко обращался не только с собственными детьми. Он подвергал жестокому обращению всех детей, которых мог заполучить себе в руки. В апреле 1935 года он издал указ о том, что дети в *возрасте от двенадцати лет* могли быть арестованы и подвергнуты наказанию (включая смертную казнь) наравне со взрослыми. Но так было только по закону. На деле же органы безопасности сгребали детей всех возрастов, даже малолетних. Например, в Ленинск-Кузнецке путем пыток десятилетних мальчиков заставили признаться в «контрреволюционной, фашистской, террористической» деятельности. Дети родителей, которые были арестованы, арестовывались особенно часто. Антонов-Овсеенко приводит несколько случаев, в которых не последнюю роль сыграл лично Сталин. Когда Бухарин позвонил Сталину, чтобы выяснить, почему были арестованы оба сына Микояна, Генсек коротко отрезал: «Вольнодумцы они!» Когда Сталин арестовал Александра Сванидзе, он также втянул одиннадцатилетнего сына Сванидзе в то, чтобы тот дал показания против отца. По указанию Сталина так же поступили и с сыном Каменева. Ранее, во время голода 1932 года, Сталин лично издавал указы о том, чтобы расстреливать голодных детей («беспризорных»), которые воровали еду из железнодорожных вагонов и якобы распространяли венерические заболевания. Общее число детей, заключенных под стражу или убитых во времена правления Сталина, узнать невозможно. По оценкам Кривицкого, число это составляло «сотни тысяч», а Антонов-Овсеенко позднее говорит о «семизначной цифре». Число детей, умерших от голода в 30-е годы, оценивается приблизительно в два-три миллиона. Таким образом, даже если существуют фотографии, на которых Сталин стоит в окружении улыбающихся детей, он останется в истории как один из самых жестоких по отношению к детям злодеев. Удары, нанесенные ему отцом, астрономически преумножились в ударах, наносимых детям Советского Союза, насильно выселенным со своих родных мест. Нет необходимости говорить, что многие из этих детей в свою очередь отождествляли себя с теми, кто был с ними агрессивен, и сами впоследствии стали жестокими. Солженицын описывает банды малолетних воров в ГУЛаге следующим образом: «...они действительно никого за людей не считают, кроме себя и старших воров!» В не меньшей степени, чем тюрьмы, плодородной почвой для НКВД стали детские дома. Большая часть фактов жестокого обращения с детьми приходится на садистский персонал органов безопасности и ГУЛага, где находились арестованные дети, а Центральный Исполнительный Комитет и Совнарком официально провозгласили закон, позволяющий такие аресты. Официальная пропаганда в сталинские времена зашла столь далеко, что поставила в заслугу Сталину «счастье» детей в Советском Союзе того времени. Но все, у кого было счастливое детство, имели его вопреки Сталину, а не благодаря ему. В одном из «1001 анекдота» Телесина говорится следующее: «На Первомайской демонстрации колонна глубоких стариков несет плакат: СПАСИБО ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ ЗА НАШЕ СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО! К ним подбегает некто в штатском: - Вы что?»

Издавайтесь? Когда вы были детьми, товарищ Сталин еще не родился! - Вот за это ему и спасибо!»

Сталин и сапоги

Солженицын цитирует оставшегося в живых Юрия Ермолова, который был арестован, избит и брошен в тюрьму, когда ему исполнилось всего четырнадцать лет: «Начальство и надзиратели живут за счет государства, прикрываясь воспитательной системой. Часть пайка малолеток уходит с кухни в утробы воспитателей. Малолеток бьют сапогами, держат в страхе, чтобы они были молчаливыми и послушными». Сапоги, которыми избивали детей, можно считать сапогами самого Сталина, потому что многие из этих детей могли бы быть помилованы, если бы он того пожелал. Сапоги имели особое значение для Сталина. Его отец был сапожником и хотел, чтобы сын пошел по его стопам. На большинстве фотографий Сталина в полный рост он обут именно в сапоги, а не в ботинки. Иосиф, сын грубого сапожника Виссариона, бил сапогами своего собственного сына Василия так же, как и свою первую жену. Он бил сапогами убийцу Кирова. Он разбил ими вдребезги зеркало (все эти примеры приводит Антонов-Овсеенко). Сапоги были неотъемлемой частью мира садистских фантазий Сталина: «Однажды, в конце 30-х годов, Сталин отдыхал в Гаграх. После обеда он вышел с гостями в сад и повел их в свой розарий. При расставании один из гостей спросил: - Иосиф Виссарионович, сейчас так жарко, а вы в сапогах... Действительно, светлый чесучовый костюм мало подходил к черным сапогам. - Что вы, - ответил Хозяин, - сапоги – это очень удобно. Можно так ногой пнуть в морду, что все зубы вылетят. И засмеялся...» На месте того, кого можно «пнуть в морду» так, чтобы сшибить с ног, мог оказаться и ребенок, такой, как его маленький сын Васька, которого он постоянно пинал ногами. Сталин, казалось, ассоциировал сапоги с простым, пролетарским социальным происхождением. Он любил носить брюки, «заправленные в сапоги, как это делали русские рабочие до революции». Айно Куусинен, которой пришлось провести некоторое время со Сталиным на Черном море в 1926 году, описывает характерный сталинский жест и последовавшую за ним реплику: «Когда Сталин однажды расслабился, он хлопнул ладонью по сапогу – я никогда не видела, чтобы он носил что-то, кроме сапог, - и крикнул: «Я здесь только один настоящий пролетарий, потому что моя фамилия заканчивается на *«швили»*. Все остальные грузины в партии – аристократы или буржуи, поскольку их фамилии кончаются на *«идзе»* или *«адзе»*. Сталин имел в виду таких людей, как *Орджоникидзе* или *Ломиназе*, в противоположность *Джугашвили*. По его мнению, только *«швили»* может быть сапожником, отсюда и подчеркнутый удар ладонью по сапогам. В этот момент он показал, что гордится тем, что его отец был представителем рабочего класса. Его гордость своим пролетарским происхождением доказывается также другими свидетельствами. То, что Сталин отдавал предпочтение сапогам, было хорошо известно среди его коллег. На этот счет ходила такая шутка: - Почему Ленин носил ботинки, а Сталин – сапоги? - При Ленине Россия была загажена лишь по щиколотку. Соратники Сталина, должно быть, чувствовали, что он имел особое отношение к **ногам** как таковым: «Мы в насмешку называли его «левой ногой Ленина». Очевидно, имелось в виду странное упрямство, с которым он одно время отстаивал позиции Ленина (сравните с выражением «вставать с левой ноги», что соответствует «быть не в духе»). А возможно, им было известно о дефекте его левой ступни: («второй и третий пальцы левой ноги сращены вместе» - из документа царской охранки). Кротков рассказывает историю, которая ходила в высших правительственных кругах после войны. Один из ночных телохранителей Сталина надевал тапочки,

чтобы не потревожить спящего Генсека. Когда Сталин это обнаружил, то приказал арестовать телохранителя. Он был обвинен в намерении, тихо подкравшись, убить Сталина.

Сталин – русский

В раннем возрасте Сталин переменял национальность с грузинской на русскую. Позже он поддержал ленинский большевизм как «истинно русскую фракцию» среди марксистов. В различных контекстах он, бывало, говорил: «Мы, русские». Во взрослом Сталине была сильна черта «русского красного патриотизма». Например, на приеме в честь командиров Красной Армии 24 мая 1945 года Сталин предложил тост «прежде всего за здоровье русского народа», за его поддержку Советского правительства во время войны. Такое восхваление было чрезвычайно обидным для миллионов нерусских советских граждан, которые защищали родину от гитлеровского нападения. На этом же приеме Сталин поблагодарил «русский народ» за сохранение веры в Советское правительство на начальной стадии войны, когда Красная Армия отступала. Очевидно, Сталин чувствовал, что он мог бы стать объектом агрессии со стороны «русского народа». Недаром в его речи была такая фраза: «Пью за терпение русского народа; другой бы народ сбросил такое правительство...» (цитирую по памяти). Насилие было важной составляющей стремления Сталина стать русским. Первоначально он учился русскому языку у писаря, который «постоянно держал в руках длинную, широкую линейку, и именно благодаря этому инструменту молодой Сосо освоил первые русские слова...» В это время Сталину было девять лет. Таким образом, первые шаги Сталина на пути становления русским были связаны с агрессором. Более того, если, живя в Грузии и будучи грузинским ребенком, Сталин относился к русским как к угнетателям грузин (и Такер иллюстрирует, что это действительно было так), то тогда изменение им национальности – Джугашвили становится Ивановичем, а затем и Сталиным – является отождествлением с агрессором. Его жестокая роль в советизации и русификации Грузии (которая привела Ленина в такое негодование) показывает, что сталинский отказ от грузинской национальности был мстительным актом. Как и еврейский антисемитизм, сталинский «грузинский антигрузинизм» был ярким примером отождествления с агрессором. Как великий русский националист, Сталин мечтал о возврате величия старой России, какой бы большевизированной она теперь ни была. Это его желание было выражено капитаном Белой армии Мышлаевским в пьесе Булгакова «Дни Турбинных»: «МЫШЛАЕВСКИЙ. Я за большевиков, но только против коммунистов». МЫШЛАЕВСКИЙ. Пусть мобилизуют! По крайней мере, буду знать, что я буду служить в русской армии. Народ не с нами. Народ против нас... СТУДЗИНСКИЙ. Была у нас Россия – великая держава!.. МЫШЛАЕВСКИЙ. И будет...! Будет!» Хотя в этой пьесе о гражданской войне не было ни единого коммуниста, Сталин проявлял к ней особый интерес. Он просмотрел ее по крайней мере 15 раз. Несмотря на то, что пьеса широко критиковалась партией, Сталин противился просьбе запретить ее. В 1932 году он даже организовал для себя повторную премьеру этой пьесы. Такая большая увлеченность пьесой позволяет предположить, что он находил ее полезной при выработке им отношения к белым, в победе над которыми он принимал участие во время гражданской войны. В разговоре с Виктором Некрасовым он отозвался об изображенных в ней белых офицерах как о «настоящих офицерах» и «прекрасных ребятах».

Многие исследователи характеризуют Сталина-диктатора именно как «царя». Такер говорит о «типе марксистского царя» или об «Иване Грозном

двадцатого века». Бейкер называет свою антисоветскую публикацию «Смертельная параллель: Сталин и Иван Грозный». Наиболее красноречивым автором по данной проблеме является один из биографов Сталина Исаак Дейчер, который говорит о склонности Сталина «имитировать» древних правителей России: «Этот исторически неизбежный процесс отражался в изменяющемся выражении сталинской политической физиономии: черты не одного, а нескольких великих царей, казалось, оживают в грузинском большевике, правящем теперь в Кремле. Одно время он проявлял черты фамильного сходства с железным царем, Николаем I. В другое время он скорее походил на прямого последователя Петра Великого: не он ли строил индустриальную Россию тем же способом, каким Петр Великий строил Санкт-Петербург, на болотах и костях строителей? А в годы второй мировой войны он принимал позы и имитировал жесты Александра I. А в период великих чисток, когда он подавлял своих оппонентов, он все более и более напоминал Ивана Грозного, сражающегося с боярами. Его политическая полиция, отвечающая за промышленные предприятия и за тюрьмы, очень походила на опричнину, своего рода преторианскую гвардию, с помощью которой Иван защищал свою власть. В его полемике с Троцким можно проследить отдаленные черты неистового спора Ивана с князем Курбским, непокорным лидером бояр. Как и в шестнадцатом веке, жители Москвы теперь в ужасе молились, чтобы хотя бы один день прошел без казней».

Возможно, исторические аналогии Дейчера заходят слишком далеко. Но нет сомнения в том, что сам Сталин вполне серьезно воспринимал суть данной аналогии, то есть он лично отождествлял себя с древними правителями России. Конкретным примером подобного отождествления является заявление, которое Сталин сделал Виктору Некрасову: «А дальше, проснулся я посреди ночи, а он сидит у меня в ногах, в руках пол-литра.

- Не спится что-то, капитан. Мальчики кровавые в глазах. Решил к тебе зайти».

Слова «мальчики кровавые» взяты прямо из «Бориса Годунова» Пушкина. Известно, что Сталин посещал оперу, основанную на произведении Пушкина. Рыбаков утверждает, что Сталина заинтересовала эта драма. То, что Сталин использовал слова царя-узурпатора Годунова как свои собственные, подтверждает его самоотождествление с этим царем. Журнал «Time» в эссе «Человек года» о Сталине упоминает, что Сталин однажды сказал: «Иван Грозный был прав. Нельзя править Россией без тайной полиции». В 1926 году во время дискуссии со своими товарищами о том, как руководить партией без Ленина, Сталин сказал: «Не забывайте, что мы живем в России, в стране царей. Русский народ любит, когда во главе государства стоит какой-то один человек. Конечно, - добавил Сталин, - этот человек должен выполнять волю коллектива». Меньше чем через десять лет после последнего заявления Сталин стал таким же царем, как те, кого он только что упомянул. Его отождествление с прежним агрессором перешло из мира фантазий в ужасающую реальность мира фактов. Гарриман, который имел самые обширные контакты со Сталиным из всех западных людей, дает яркое свидетельство личного отношения Сталина к русским царям. Например: «Мой разговор со Сталиным в Потсдаме в июле 1945 года является характерным. Когда я в первый раз увидел его на конференции, я подошел к нему и сказал, что он, должно быть, удовлетворен тем, что находится в Берлине после такой борьбы и трагедии. Минуту он колебался, а затем ответил: «Царь Александр дошел до Парижа». «Несколько раз в разговоре с Гарриманом Сталин сравнивал действенность своей Красной Армии с распадом русского фронта в первой мировой войне при неудачнике царе Николае. Народ России всегда храбро сражался за Родину, - сказал Сталин, - но мы дали ему оружие, в то время как царь дал ему только топоры». Ясно, что Сталин был склонен

сравнивать свои успехи с успехами царей, и подобная склонность была симптомом отождествления с последними. На внутреннем фронте он, безусловно, превзошел царей в разрушительности и агрессии. Например, «Сталин уничтожил больше революционеров, чем все русские цари, вместе взятые». По оценкам, семь миллионов человек были расстреляны в сталинских тюрьмах между 1935 и 1940 годами, в то время как опричнина Ивана Грозного уничтожила всего четыре тысячи бояр. Правда, оценка Антонова-Овсеенко, может быть, слишком завышена, но, согласно даже самым осторожным подсчетам, Сталин все равно превосходит Ивана. У Сталина не было мании величия. У него было величие (не путать с харизмой). В основе лежала мегаломания, а не галлюцинация. Теперь мы можем видеть, что отождествление с определенным царским агрессором являлось важной частью мегаломанийной позиции Сталина. Вот что (Вера) Швейцер сказала Розе Землячке в 1931 году в присутствии Владимира Милютина: «Когда Коба приехал в район Туруханска незадолго до начала мировой войны, мы все решили бойкотировать его. У него была репутация убежденного карьериста и интригана, способного к любым анархистским действиям. В партийных кругах Петрограда и Москвы ходили определенные разговоры о связях между Сталиным и жандармерией». «В середине 30-х годов, когда по заданию Берии работники НКВД Закавказья собирали в архивах бывших полицейских и охранных отделений материалы, относящиеся к революционной деятельности социал-демократической партии (эти материалы нужны были Берии для подготавливаемой в тот период книжки об истории первых марксистских организаций в Закавказье), в архиве полицейского управления в Кутаиси был найден якобы донос на группу социал-демократов, подписанный Иосифом Джугашвили. Этот донос был доставлен Кабулову, ближайшему помощнику Берии, который передал его самому Берии. Не причастность ли Кабулова к тайне Сталина и определила отчасти его арест, пытки по указанию Сталина? Медведев сообщает нам, что вторая из этих историй была рассказана С.О. Газаряну кем-то из семьи Кабулова. Существует много подобных рассказов, и некоторые из них, без сомнения, ложны. Но с ходу отвергать *все* сообщения о доносах Сталина в охранку на своих товарищей-революционеров или о его деятельности в качестве *агента-provokatora* – значит забывать об интригах, осуществленных им после 1917 года. Почему Сталин до 1917 года должен быть менее подвержен макиавеллизму, чем Сталин после 1917 года? Другой чертой поведения Сталина, которая, похоже, заключала в себе отождествление с агрессором, была его склонность занимать политическую позицию оппонента *после* того, как он уничтожал последнего. Подобное поведение может быть расценено как отсроченное отождествление с агрессором, отождествление, способствующее подавлению беспокойства, вызванного фантазиями о мести бывшего оппонента. Многие ученые отмечали и обсуждали в непсихоаналитических терминах эту особенность Сталина. Так, Джордж Кеннан говорит: «Его тактикой... неизменно было прежде политически дискредитировать авторов (какого-либо) предложения и затем, когда они благополучно попадали в ситуацию, в которой не могли воспользоваться им, изменить свое мнение и приписать себе все заслуги». Хорошим примером последнего являются взаимоотношения с Троцким, человеком, который осмелился назвать Сталина «могильщиком революции» на собрании Политбюро в 1926 году. После того как этот агрессор был изгнан из партии, Сталин предложил программу быстрой и энергичной индустриализации Советского Союза. Но всего несколько лет назад именно Троцкий настаивал на «сверхиндустриализации». Таким же образом Сталин перенял враждебность Троцкого к кулакам и другим крестьянам и во время жестокой кампании по коллективизации в 1929-1933 годах обращался с ними так, как Троцкому и не снилось. Уже в середине 1928 года Бухарин в узком кругу говорил о Сталине как о

неотроцкисте. В апреле 1929 года философ Ян Стэн назвал сталинскую промышленную и сельскохозяйственную политику «вторым исправленным и дополненным изданием троцкизма». Понятно, почему сам Троцкий был вне себя от подобной психологически-идеологической кражи: «Ни для кого не секрет, что в борьбе против сторонников правого крыла Сталин принял милостыню левой оппозиции. Он не внес ни единой новой мысли. Его интеллектуальная работа заключалась лишь в угрозах и повторах лозунгов и доводов оппозиции, естественно, демагогически искаженных. Он не только подбирал старые обноски оппозиции, но и, с целью не быть узванным, отрывал лоскутья, не заботясь о том, чтобы сшить их вместе, придав им новую форму (подобные мелочи его не беспокоили), прикрывая ими свою наготу, когда в этом возникала необходимость».

Его любимый агрессор

Возможно, самым интересным и дающим наибольшую пищу для выводов примером отождествления с агрессором в жизни Сталина является невероятное доверие по отношению к Гитлеру до того, как его войска напали на Советский Союз 22 июня 1941 года. Через шесть лет после вторжения Сталин признался американскому эмиссару в Москве Гарри Гопкинсу, что он не верил в нападение Гитлера. Сталин открыто поведал: «Когда-то мы доверяли этому человеку». Такое доверие так никогда и не было надлежащим образом объяснено. Многие историки даже отрицают само его существование. Например, Адам Улам полагает, что описание доверительного отношения Сталина к Гитлеру «В круге первом» Александра Солженицына является «абсурдным». Но психоаналитический анализ документальных свидетельств отношения Сталина к Гитлеру подтверждает версию Солженицына. Похоже, Сталин игнорировал, по крайней мере частично, ощущение нависшего нападения. Он пренебрегал надлежащей информацией, поставляемой советской разведкой, в том числе армейскими разведанными с фронтов и донесениями знаменитого разведчика Рихарда Зорге из Токио. Он оставался глух к сведениям из дипломатических кругов, зарубежной разведки, зарубежных официальных лиц (включая Франклина Рузвельта и Уинстона Черчилля), немецких дезертиров с фронта и т.д. Уэйли приводит в общей сложности 84 различных «предупреждения» о надвигающемся нападении со стороны Гитлера. Рой Медведев утверждает, «что именно по вине Сталина нападение гитлеровской Германии на СССР оказалось внезапным, и наши войска не были готовы к его отражению, - этот непреложный факт признается в настоящее время историками всех направлений». Официальная советская «История Великой Отечественной войны» говорит, что Сталин сделал «большую ошибку», недооценив вероятность нападения Германии. Сталин подписал пакты как о ненападении, так и о дружбе с теми, кто выливал на него помой, а затем продолжал посылать в Германию экономическую помощь (нефть, марганец, металл, платину, древесину, хлопок, зерно) и упорно не замечал, как немецкие войска скапливались на советской границе. Сталин был не в состоянии осознать всю разрушительную важность того, что он делал. Таким же образом пациент психоаналитика, отождествляющий себя с агрессором, уже более не в состоянии оценить агрессию, исходящую от этого агрессора, - ведь в действительности целью такого отождествления как раз и является возможность подавить беспокойство, вызванное подобным признанием. Пакт Сталина с Гитлером (среди многих других вещей) являлся публичным признанием его самоослепляющего отождествления с потенциальным агрессором. Всего за два месяца до вторжения Гитлера Сталин на глазах у всех обнимал барона Вернера фон Шуленбурга, посла Германии в Советском Союзе. Это случилось на проводах японского министра иностранных дел Есукэ Мацуока, с которым Сталин обсуждал

пакт о нейтралитете: «Отъезд Мацуока был задержан на час, а затем был обставлен чрезвычайно церемонно. Очевидно, что как для японцев, так и для русских было совершенно неожиданностью появление Сталина и Молотова, которые необыкновенно дружески приветствовали Мацуока и присутствующих японцев и пожелали им приятного путешествия. Затем Сталин вслух спросил обо мне и, найдя меня, подошел и обнял меня за плечи: «Мы должны оставаться друзьями, и Вы должны всячески этому способствовать». Несколько позже Сталин повернулся к немецкому военному атташе генералу Кребсу, убедился, что он немец, а затем сказал: «Мы останемся с вами друзьями – несмотря ни на что (auf jeden Fall)!» Нет сомнения, что обращение Сталина к генералу Кребсу и ко мне было намеренным, и таким образом он сознательно привлек внимание всех присутствующих» (из телеграммы посла Шуленбурга от 13 апреля в немецкое Министерство иностранных дел). Гитлер не ответил на это миротворческое послание ничего вразумительного, как и на другие публичные заявления Сталина типа: «Дружба между народами Германии и Советского Союза, скрепленная кровью, имеет все основания быть продолжительной и крепкой» (из статьи в «Правде» в 1939 году). Несмотря ни на что, Гитлер намеревался двинуться на Восток. Похоже, он был так же слеп при оценке опасной ситуации, как и Сталин, хотя и по другим причинам. 14 июня 1941 года, за неделю до нападения Гитлера, Сталин уполномочил ТАСС опубликовать коммюнике относительно сплетен «о близости войны между СССР и Германией». В коммюнике, в частности, говорилось: «...происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии, надо полагать, связана с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям» («Правда». 14.06.1941). Этими словами Сталин не только успокаивал себя. Он также внушал своим соотечественникам чувство ложной безопасности, что сделало их еще более неподготовленными к молниеносному удару Гитлера. Картина предыдущих политических и военных агрессий Гитлера в Западной Европе, Югославии, Польше и т.д. не могла не впечатлить Сталина. Он должен был слышать о высокоэффективной технике блицкрига, применяемой гитлеровскими войсками. Он был осведомлен о «Mein Kampf» Гитлера с планами захвата «Lebensraum» на Востоке (Радек сообщал Луису Фишеру, что Сталин читал переведенные отрывки из этой книги). Короче говоря, до определенной степени Сталин должен был знать, что Гитлер опасен. И все же Сталин предпочитал скорее восхищаться Гитлером, чем опасаться его. Хилгер почувствовал это, когда наблюдал за Сталиным во время переговоров в августе и сентябре 1939 года: «...тон, каким он говорил о Гитлере, и то, как он провозгласил за него тост, наталкивали на мысль, что его заметно впечатляли некоторые черты и действия Гитлера; но я не мог отделаться от чувства, что именно эти черты и поступки вызывали наибольшее неприятие среди немцев, находившихся в оппозиции к нацистскому режиму». Даже помимо психологического процесса отождествления, Сталин должен был осознавать действительное сходство между ним и собой. Оно должно было соответствовать *необходимости* отождествления с агрессором. Оба они были диктаторами в своих странах. Оба требовали железной дисциплины от своих последователей. Оба враждебно относились к мужскому гомосексуализму. У обоих были экспансионистские и империалистические амбиции, - особенно отметим параллель между безжалостной советизацией Сталиным родной Грузии и аннексией Гитлером его родной Австрии, оба были антисемитами и т.д. (отметим, что ни одна из этих черт не привлекала ни Чемберлена, ни Даладье). Параллель между Сталиным и Гитлером стала столь очевидной, что нападки Бухарина на фашистский режим в Германии, опубликованные в «Известиях» 6 июля 1936 года, воспринимались некоторыми как эзопова полемика против самого Сталина. Карикатура Дэвида Лоу

1936 года также проводит параллель. Она изображает Сталина сидящим за столом, на котором стоит фотография Гитлера. Сталин, держа в руках ножницы и зеркало, только что подстриг усы так, чтобы они походили на усы Гитлера. Журнал «Time», назвав советского диктатора «человеком года» в 1939 году, многократно сравнивает Сталина и Гитлера. Совершенно очевидно, что как в Советском Союзе, так и за его пределами чувствовали общее между Сталиным и Гитлером. Сталина неуклонно тянуло к *сотрудничеству* с Гитлером, причем он был готов пожертвовать своими советскими согражданами, так же, как ранее его влек русский советский экспансионизм, ради которого он жертвовал своими братьями-грузинами. В бумагах британского Министерства иностранных дел в 1940 году цитировались слова одного советского дипломата, что с 1933 года Сталина захватила идея соглашения с Германией. Уже в 1935 году сталинский комиссар иностранных дел Литвинов предлагал послу Германии в Москве советско-германский пакт о ненападении. Существует множество других примеров того, как советские представители обхаживали немцев, прежде чем 23 августа 1939 года советско-нацистский пакт был наконец подписан. Как до, так и после заключения пакта объем торговли между Германией и Советским Союзом был весьма значительным. Троцкий попал в точку, когда в 1939 году назвал Сталина «интендантом Гитлера». Согласно словам дочери Сталина, после войны советский диктатор часто повторял: «Эх, с немцами мы были бы непобедимы!» Виктору Некрасову он заявил: «Конечно, он бандит, но я думал, что бандит умный, а оказался глупый. Вот если б мы вместе да против всех этих наших союзничков, Черчиллей, Рузвельтов, весь мир покорили бы, понимаешь, весь мир!». При этом нельзя отрицать, что Сталин одновременно пытался укреплять советские отношения с Великобританией и Францией и в то же время искал пути примирения с Германией. Но я так и не смог найти свидетельств тому, что Сталин отождествлял себя с кем-либо из британских или французских лидеров, а доказательств отождествления с Гитлером существует великое множество. Мы также должны помнить, что Сталину *не нужно* было заключать пакт с Германией. Он мог бы просто соблюдать нейтралитет, в то время как Гитлер атаковал народы к западу от Советского Союза. Уже в мае 1939 года Борис Суварин осознавал как то, что Сталин не просто хотел пакта с Германией, так и то, что заключение пакта вызвало предшествующую ему Большую Чистку: «Уничтожение такого количества невинных можно объяснить только как превентивную меру для подавления любого случайного препятствия на пути к соглашению с Гитлером». Такер, не будучи осведомлен об объяснении чисток Сувариним, предлагает такое же, но более детальное объяснение: «...Особенно жестокий удар во время массовых репрессий 1936-1938 годов был *как классу* нанесен по членам партии (как советским, так и зарубежным), которых можно было заподозрить как искренних коммунистов-антифашистов. И дело было не только в том, что эти люди, включая множество старых большевистских лидеров, не смогли бы принять договор с нацистами. Чтобы понять особые мотивы, побудившие Сталина избавиться от них, необходимо помнить, что для него предстоящее заключение пакта с Гитлером являлось не только возможностью обеспечить временную безопасность от нападения и выигрыш во времени для дальнейшего укрепления обороны. Как показал его дальнейший альянс с Гитлером в 1939-1941 годах, он рассчитывал создать своего рода ось Москва-Берлин для сотрудничества двух диктатур в области расширения территорий, разделения сфер влияния в Восточной Европе, на Балканах и даже на Ближнем Востоке. Что же касается старых большевиков и других поддерживающих их членов партии, то они были революционерами, а не старомодными русскими империалистами. Пусть неохотно, но они могли бы согласиться на простое соглашение с Берлином о ненападении. Но Сталин знал, с каким отвращением большинство из них отнеслось бы к политике прямой

империалистической агрессии, да еще при сотрудничестве с фашистской Германией. Так же как нельзя было ожидать, что Польская коммунистическая партия (которая была просто распущена во время Большой Чистки) будет молча созерцать новый раздел Польши между Россией и Германией. Таким образом, чтобы иметь полную свободу действий в осуществлении советско-нацистского альянса, Сталину необходимо было либо устранить, либо избавиться от тысяч как зарубежных, так и советских коммунистов и получить абсолютную власть как во внешней, так и во внутренней политике, которую... и дала ему Большая Чистка». Луис Фишер доказывает, что внедрение Сталиным в 30-х годах русских националистических элементов в советскую жизнь – возрождение царских чинов в советских войсках, введение орденов, названных именами царских генералов, поощрение использования в прессе великорусских националистических терминов – было сделано в подражание Гитлеру, который связал немецкий народ с немецким национализмом.

Рональд Хингли отмечает подражательный характер приказа Сталина советским войскам, когда тот, ссылаясь на финскую агрессию, приказал вторгнуться в Финляндию в ноябре 1939 года: «Придумывая такой повод, он скопировал метод Гитлера, который атаковал Польшу в ответ на «приграничные провокации». Подобный отчет Вяйне Таннера о советско-финских переговорах перед советским вторжением подтверждает слова Хингли. Во время переговоров Сталин открыто сравнивал себя с Гитлером: «Вы спрашиваете, почему мы хотим Койвисто? Я отвечу почему. Я спрашивал Риббентропа, почему Германия начала войну с Польшей. Он ответил: «Нам было необходимо отодвинуть польскую границу от Берлина». Перед войной расстояние от Познани до Берлина было около 200 километров. Теперь граница отодвинута на 300 километров к востоку. Мы просим, чтобы расстояние от Ленинграда до границы было 70 километров. Это наше минимальное требование, и вы не должны полагать, что мы готовы потихоньку уменьшать его. Ленинград мы пододвинуть не можем, а поэтому должна пододвинуться граница. Что касается Койвисто, то вы должны иметь в виду, что шестнадцатидюймовые орудия, расположенные там, могут полностью блокировать передвижения нашего флота далеко вглубь залива. Мы просим 2700 квадратных километров и предлагаем взамен более 5500. Поступала ли так какая-либо другая сильная держава? Нет. Только мы такие простаки». В ответ на заявление финского участника переговоров Паасикиви о том, что Финляндия не уступит так легко Ханко и определенные районы Карельского перешейка Советскому Союзу, Сталин сказал: «В общем, это пустышки. Посмотрите на Гитлера. Граница Познани была, по его мнению, слишком близко к Берлину, и он занял еще 300 километров». Это было совершенно неприкрытой угрозой Финляндии. Но не только. Такое сравнение с Гитлером ясно указывает на то, что Сталин отождествлял себя с ним. Такие пропагандистские фразы, как «Сталин – это Ленин сегодня», «Лучший ленинец», «Лучший ученик Ленина», «Продолжатель дела Ленина» и т.д., а также обширный фольклор о замечательной дружбе Ленина и Сталина свидетельствуют об отождествлении с Лениным. Пользуясь терминологией Лассуэлла, Такер говорит, что основой для начала Сталиным «публичного» культа Ленина был уже существующий в мозгу Сталина «частный» культ личности. «Большая Чистка в действительности была для советского общества операцией огромной разрушительной силы. Сам Сталин должен был осознавать, что резня в среде советской руководящей элиты никак не могла сделать советскую систему и экономику более способной противостоять военным испытаниям. Он должен был также понимать, что устранение 35 000 офицеров (так оценивается число репрессированных), а также командирского состава во главе с необыкновенно

способным Тухачевским никоим образом не способствовало укреплению боеготовности и морального состояния армии. Эта военная чиста сама по себе в значительной степени объясняет слабые действия Красной Армии на протяжении большей части финской войны и ошеломляющие отступления в 1941-1942 годах; и все эти последствия можно было легко предугадать». Нет сомнения в том, что действия Сталина являли собой «разрушительную операцию». Но это внешняя, объективная точка зрения, из этого совсем не следует, что Сталин воспринимал ситуацию таким же образом. Такер убедительно доказывает, что Сталин был нацелен на империалистическое сотрудничество с Германией. Но это сотрудничество было неотъемлемой частью отождествления с Гитлером, а отождествление с агрессором, кК мы уже видели, ослепляет. Кроме того, если (по крайней мере на ранней стадии) его и начинала беспокоить мысль о том, что он разрушает Красную Армию, он всегда мог успокоить себя словами: «Это Тухачевский ослабляет советскую обороноспособность»; «Это Якир наносит вред» и т.д. Последствия были катастрофическими. Из всех примеров отождествления с агрессором в биографии Сталина одно лишь отождествление с Гитлером позорно провалилось. Другие же по большей части удачны в том смысле, что они играли на руку Сталину. Например, когда он временно служил царской охранке, он решал свои личные и фракционные проблемы. Когда стал по национальности русским, он переметнулся «от проигрывающей стороны истории к выигрывающей».

22 июня

Когда Гитлер все-таки нанес удар в те страшные утренние часы 22 июня 1941 года, первой же реакцией Сталина было отрицание самой возможности такого действия со стороны Гитлера. Должно быть, напал кто-то *другой*. Такая точка зрения становится ясной из телефонного разговора генерала И.В. Болдина с маршалом Тимошенко спустя часы после начала вторжения: «Я сообщил ему, что немецкие самолеты продолжают бомбить советские войска и гражданское население. Враг пересек границу во многих местах и продолжает двигаться вперед. Внимательно выслушав меня, маршал Тимошенко сказал: - Имейте в виду, товарищ Болдин, что никакие действия против немцев не могут быть начаты без нашего согласия. - Что? – закричал я в телефон. – Наши войска вынуждены отступать, горят города, гибнут люди... - Иосиф Виссарионович полагает, что, возможно, это провокации со стороны некоторых немецких генералов». По словам Ситона, Сталин, «похоже, имел странное представление о политической силе некоторых немецких генералов в Третьем Рейхе». С тех пор как Кривицкий сообщил Сталину в 1932 году, что в немецкой армии существует оппозиция Гитлеру, Сталин был начеку в отношении инакомыслящих в немецких вооруженных силах. Эту точку зрения не поколебало и то, как Гитлер избавился от капитана Эрнста Рема и других политических соперников во время «ночи длинных ножей» в июне 1934 года, и последующая концентрация силы в его руках. А в январе 1941 года работник НКВД Кобулов дал задание агенту ГНУ в Берлине выяснить, кто из военных в Германии находится в оппозиции к нацистско-советскому сотрудничеству, если таковые существуют. Толстой предполагает, что Гитлер мог даже направить Сталину ложное предупреждение о заговорщицких элементах среди немецкого высшего командования, хотя, если это правда, легкоеверие Сталина все равно труднообъяснимо.

По мере того, как росли признаки враждебных намерений Гитлера, в подсознании Сталина проявлялись другие защитные процессы. Особенно заметную роль играла рационализация. Например, у Сталина существовала тенденция подозревать во враждебных намерениях в отношении Советского Союза скорее

Англию, чем Германию. В этом подозрении была определенная доля истины (что часто происходит при паранойе). Уинстон Черчилль, признанный антикоммунист, руководил британской интервенцией против большевиков в 1918-1920 годах. Попустительство Невилла Чемберлена Гитлеру в 1938 году заставило Сталина почувствовать себя еще более беззащитным. Британия не очень-то откликнулась на попытки Сталина создать советско-британско-французский альянс в 1939 году. Существовала также возможность бомбардировки Британией нефтяных скважин в Баку. Таким образом, в минуты сомнений Сталин мог нереалистично и с защитной целью переключить внимание с немецкой враждебности на британскую. Поэтому, получив от Черчилля надежную информацию о готовящемся нападении Германии, он предпочел интерпретировать это как хитрую попытку спровоцировать ссору между Советским Союзом и Германией. Или же, когда посланец Гитлера Рудольф Гесс вылетел неожиданно по своей инициативе в Англию в мае 1941 года, у Сталина возникли большие подозрения, что Англия пытается подтолкнуть Германию к нападению на Советский Союз. Вместо того, чтобы обратить внимание на очевидную агрессивность Германии, Сталин (поддерживаемый такими соратниками, как Маленков и Хрущев) сконцентрировался на враждебных намерениях Великобритании. Другой пример такой защитной рационализации касается расчета времени нападения Гитлера. Время от времени Сталин, похоже, признавался себе, что он знает о готовящемся нападении Гитлера. Дело было только в том, что нападение произойдет *позже*, не сейчас. Так, в ночь перед вторжением Сталин в присутствии членов Политбюро выразил мнение, что Гитлер не станет нападать «в ближайшее время». Из различных источников Верту было сообщено, что в своей речи 5 мая 1941 года перед выпускниками советских военных академий Сталин утверждал, что война с Германией «почти неизбежно» начнется в 1942 году. Или же, хотя 6 июня 1941 года Сталин одобрил подробный план перехода советской промышленности на производство военной продукции, к осуществлению этого плана должны были приступить только в *конце* 1942 года. Как сказал Сталин американскому послу Гарриману во время войны, «если бы только Гитлер дал мне еще один год». Незадолго до вторжения Сталин *мог* прибегать к другой рационализации – что Гитлер перед нападением по меньшей мере предложит ультиматум. Например, Сталин мог предположить, что Гитлер потребует сельскохозяйственные районы Украины. По мнению Уэйли «(Сталин) совершенно очевидно ожидал последнего предупреждения со стороны Германии в форме ультиматума». Этому, однако, нет прямых свидетельств (в то время как существует масса свидетельств, что Сталин думал о «провокациях» и о преждевременности войны в 1941 году). Как показал Уэйли, многие исследователи допускали гипотезу ультиматума, и, возможно, к этому их побуждала кампания дезинформации, развязанная Гитлером. Но, похоже, для самого Сталина идея ультиматума не играла решающей роли. Основные психологические способы защиты, к которым прибегал Сталин накануне немецкого вторжения, можно теперь суммировать следующим образом: 1) *отождествление* с агрессором (Гитлером), 2) *проекция* своих (реальных или вымышленных) черт на этого агрессора, 3) *отрицание* обоснованности предупреждений и 4) различного рода *рационализации*.

Психика Сталина в ВОВ

Когда, наконец, Сталин осознал, что нападение Германии не было провокацией, он потерял контроль над собой. Это наиболее красноречивое свидетельство его высоко персонифицированного отношения к Гитлеру. Выплеснув гнев на Комиссариат обороны вечером 22 июня, Сталин просто-напросто покинул свой пост главы государства и партии. Он уехал на дачу и ушел в себя. В это время

силы Гитлера быстро продвигались в глубь страны, а высшее советское военное руководство не могло принять самых необходимых мер из-за отсутствия своего лидера. Используя термин Авторханова, Сталин фактически стал «дезертиром». Хрущев полагает, что в это время Сталин пил, и говорит о «нервности и истеричности, проявленными Сталиным». Медведев упоминает «глубокую депрессию» Сталина, а Такер говорит о «сильной панике» Сталина. Улам использует термин «нервная прострация». Макколи ссылается на «шоковое состояние». Уэйли говорит о «нервном срыве», а Фромм считает, что Сталин «проявил черты психического кризиса». В различных военных мемуарах упоминаются «нервозность» Сталина, «уныние, неспособности ни понять, ни справиться с тем, что случилось».

Сталин был настолько оторван от реальности, что, когда члены Политбюро пришли к нему обсудить положение дел, он испугался и подумал, что они пришли его арестовывать. Даже после того как он собрался и произнес речь 3 июля, у него все еще чувствовались черты растерянности и депрессии. Сама речь была слабой: «Сталин говорил каким-то глухим и бесцветным голосом, часто останавливался и тяжело дышал, раз или два на протяжении речи звякал стакан, из которого он пил воду. Казалось, что Сталин болен и выступает через силу». Постепенно Сталин выбрался из кризиса. Он нашел способ бороться с таким сильным ударом по его нарциссизму. С тех самых пор, как его жестоко бил отец, он не был столь унижен. Было возобновлено отождествление с агрессивным *отцом*. О войне стали говорить как о «Великой Отечественной войне». Страна, которую защищали, называлась либо «отечество», либо «родина». «Отцом» этой страны являлся Сталин, как то следует из нижеприведенных официальных, неофициальных и ироничных эпитетов: Отец народов Отец, Вождь, Друг и Учитель, Отец отечества, Мудрый Отец, Батяка усатый. Поначалу жестокость была словесная. 22 июня он выплеснул свою ярость на «всю Красную Армию». В грубых выражениях он обвинил своих солдат в том, что они «предатели» и «трусы». В этом эпизоде не было ни малейшего элемента проекции. Позже жестокость выразилась гораздо более серьезным образом. Например, он издавал приказы, которые было невозможно выполнить или же их выполнение влекло за собой большие человеческие жертвы, чем это было необходимо. Он несколько раз запрещал отступление частей, которым грозило окружение немцами, даже когда отступление было единственным способом сохранить жизни и технику. Солдатам приказывалось кончать жизнь самоубийством, но не сдаваться. Отношение Сталина к солдатам, которых немцы брали в плен, было совершенно иррациональным. Он не только отказался подписать Гаагскую и Женевскую конвенции, которые обеспечивали помощь Международного Красного Креста пленным, но и воспринимал возвращающихся пленных как предателей. Многие, если не все из них, после войны были отправлены в лагеря. Тысячи были сразу расстреляны по возвращении в Советский Союз. Компетентные источники, такие, как Медведев, Солженицын, Антонов-Овсеенко, Толстой и др., приводят массу свидетельств подобного злодеяния. Сам Сталин недвусмысленно высказал свою точку зрения в интервью иностранному корреспонденту: «...в лагерях Гитлера нет русских пленных, а есть только русские изменники, и мы покончим с ними, когда завершится война». Тот факт, что одним из пленных был собственный сын Сталина Яков, захваченный в плен в начале войны, делает это заявление особенно значительным с психоаналитической точки зрения. Сталин отказался от предложений немцев обменять сына на таких немецких пленных, как маршал фон Паулюс и племянник Гитлера Лео Раубаль. Когда Сталина спросили в интервью о сыне, он ответил: «У меня нет сына Якова». Его стыд за сына, которого он воспринимал как «предателя», был так велик, что он предпочел отречься от него. Подобным же образом он отрекся от русских, захваченных немцами («нет русских

пленных»). Совершенно очевидно, что чувства Сталина в отношении солдат шли параллельно его чувствам в отношении сына. Глубоко внутри его отношение как к его метафорическим сыновьям, так и к действительному сыну было благодаря отождествлению таким же, как в свое время отношение его жестокого отца к нему самому, когда он был ребенком. В это время Гитлер бил его, как бил отец. И так же, как он убегал от отца, он убегал от Гитлера. Его *войскам* не разрешалось отступать, но, когда армия Гитлера подошла достаточно близко к Москве, сам Сталин убежал. В середине октября 1941 года он несколько дней отсутствовал в советской столице. И хотя это был поступок труса, он был очень естествен, очень человечен. Многие москвичи поступили так же. Но тот факт, что Сталин скрывал этот «большой драп» и продолжал сваливать вину за свое неумелое военное руководство на своих *солдат*, доказывает, что он не отказался от своего идеализированного образа. Он не собирался позволить Гитлеру отнять у него *это* точно так же, как он не позволял подобное своему отцу. Солдаты Сталина со временем выиграли для него эту войну (что не умаляет их собственных заслуг). Они шли в бой со словами «За Родину, за Сталина!» на устах. Особенно отчаянно они сражались за *Сталинград*. В этой битве, которая послужила поворотным пунктом в войне и тем самым еще больше способствовала расцвету нарциссизма диктатора, погибло 700 000 человек. На глазах Сталина стояли слезы, когда он принимал из рук Черчилля меч в честь советской победы под Сталинградом. После этого сражения Сталин сделал себя маршалом Советского Союза. По мере того как его войска агрессивно продвигались на запад, ему все больше и больше нравилось отождествлять себя с ними. Когда они покинули советскую территорию и совершали жестокости в отношении гражданского населения других стран, он был положительно доволен. Например, в ответ на заявления о том, что солдаты Красной Армии убивают женщин и детей в Восточной Пруссии, полководец сказал: «Мы слишком много читаем нотации нашим солдатам; пусть они проявляют инициативу!» Со временем Сталину присвоили звание Героя Советского Союза и генералиссимуса. Теперь он окончательно отошел от ошеломляющих первых ударов Гитлера. Он вновь стал прежним беспокойным мегаломаньяком. И он оставался таким до конца.

ПРИЛОЖЕНИЕ №3

Бруно БЕТТЕЛЬХЕЙМ

Фрагменты из книги «Просвещенное сердце»,

Журнал "Человек", М., 1992, N 2-6.

ЛЮДИ В КОНЦЛАГЕРЕ

Я начал интересоваться феноменом немецких концентрационных лагерей со времени их возникновения, задолго до того, как оказался их узником. Когда же это случилось, я стал интенсивно изучать лагерь изнутри. Вскоре после освобождения я попытался проанализировать, главным образом психологически, мой опыт заключения и сформулировать некоторые теоретические положения, вытекающие из него. Толчком к работе послужило, во-первых, распространенное в то время непонимание сущности концентрационных лагерей, которые виделись как взрыв садистских импульсов, лишенный всякого смысла; и, во-вторых, открытие мною изменений личности заключенных под воздействием лагерей. Дальнейшие

размышления убедили меня в том, что мой анализ имеет более широкий смысл, чем я предполагал вначале. Его можно использовать для объяснения тоталитаризма, для поиска путей сохранения автономии личности в государстве. Если существование в определенных условиях, которые я назвал экстремальными, способно так сильно деформировать личность человека, то мы должны, по-видимому, лучше понимать, почему и как это происходит. Не только чтобы знать, что могут сделать с человеком эти самые экстремальные условия, но и потому, что всякое общество формирует личность, хотя, может быть, другими способами и в других направлениях. Немецкие концентрационные лагеря, бывшие реальностью в 1943 году, когда появилась моя первая статья, теперь вспоминаются лишь как один из самых горьких эпизодов истории человечества. **Но они показали нам, насколько окружение влияет на личность человека, оставив после себя урок, который мы должны хорошо усвоить. Чтобы понять роль лагерей, не следует заострять внимание ни на зверствах как таковых, ни на отдельных человеческих судьбах. Лагерь в данном случае важен как пример, обнажающий сущность государства массового подавления, причем, пример очень наглядный.** Поэтому я не собираюсь пересказывать ужасы концентрационных лагерей, тем более, что теперь уже широко известно, каким чудовищным лишениям и пыткам подвергались заключенные. Достаточно напомнить несколько фактов.

Заключенные проводили на жаре, под дождем и на морозе по семнадцать часов в день, все семь дней в неделю. Условия жизни, еда и одежда были такими, чтобы держать узников на грани выживания. При полуголодном существовании они должны были выполнять тяжелые работы. Каждое мгновение их жизни строго регламентировалось и отслеживалось. Ни минуты уединения, никаких свиданий, адвокатов или священников. Медицинская помощь не гарантировалась, иногда заключенные получали ее, иногда нет. Заключенные не знали, за что они попали в лагерь и на какой срок. Теперь, надеюсь, понятно, почему я говорю о них, как о людях, очутившихся в экстремальной ситуации.

СПОСОБЫ УНИЧТОЖЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Лагеря служили нескольким различным, хотя и связанным между собой целям. Главная - разрушить личность заключенных и превратить их в послушную массу, где невозможно ни индивидуальное, ни групповое сопротивление. Другая цель - терроризировать остальное население, используя заключенных и как заложников, и как устрашающий пример в случае сопротивления. Лагеря служили также испытательным полигоном для СС. Здесь их учили освобождаться от своих прежних человеческих реакций и эмоций, ломать сопротивление беззащитного гражданского населения. **Лагеря были экспериментальной лабораторией, где отрабатывались методы наиболее "эффективного" управления массами. Там определялись минимальные потребности в еде, гигиене и медицинском обслуживании, необходимые, чтобы поддерживать в узниках жизнь и способность к тяжелому труду, когда страх наказания заменяет все нормальные стимулы. Такие эксперименты были в дальнейшем дополнены "медицинскими" опытами, в которых заключенные выступали в качестве подопытных животных.** Сегодня немецкие концентрационные лагеря принадлежат истории. Однако у нас нет уверенности, что идея насильственного изменения личности человека в угоду государству умерла вместе с ними. Вот почему главная тема этой моей работы - концентрационные лагеря как средство создания субъектов, идеально подходящих для тоталитарного государства. Почему я начал исследовать поведение заключенных. Когда, готовя

публикацию, я в первый раз собрал и проанализировал свои соображения о лагерях, мои действия можно было бы объяснить важностью проблемы, которая, насколько я знал, еще ни разу не привлекала внимания научной общественности. В действительности все обстояло совсем иначе. Находясь в лагере, я изучал свое поведение и поведение моих товарищей по несчастью не потому, что эта проблема возбудила мой научный интерес. Не отстраненная любознательность, а инстинкт самосохранения подтолкнул меня к анализу. Желание наблюдать и пытаться придать смысл увиденному возникло спонтанно и стало средством убедить себя в том, что моя собственная жизнь еще имеет какое-то значение, что я еще не потерял те интересы, на которых раньше строилось мое самоуважение. А это, в свою очередь, помогло мне выжить в лагере. Хотя минули уже более двадцати лет, я ясно помню тот момент, когда ко мне пришло решение изучать заключенных. Было раннее утро в конце моего первого месяца в Дахау. Вместо того, чтобы воспользоваться редкими минутами отдыха, я погрузился в любимое нами тогда обсуждение кошмарных предчувствий и слухов о возможных изменениях в лагере и о нашем освобождении. Как и прежде в подобные мгновения, я несколько раз переходил от яростной надежды к глубочайшему отчаянию и был эмоционально опустошен еще до начала рабочего дня. Предстоявшие же семнадцать длинейших часов требовали всей внутренней энергии, чтобы выжить. "Это сведет меня с ума", - внезапно промелькнуло в мозгу. Я почувствовал, что если и дальше буду продолжать в том же духе, то действительно "свихнусь". Именно тогда возникла мысль: не погружаться в эти сплетни, а попытаться понять их психологическую подоплеку. Я не утверждаю, что с этого момента потерял всякий интерес к подобным обсуждениям. Но, по крайней мере, я перестал участвовать в них эмоционально, поскольку пытался понять, что же происходит в душе тех, кто слушает или выдумывает и распространяет слухи. Тем самым я доказывал себе, что не теряю рассудок (то есть мою прежнюю личность), что для меня изучение - это защита, что я не принимаю за истину то, что на самом деле является болезненным бредом. Следовательно, моя попытка осмыслить психологическую подоплеку происходящего была спонтанной защитой личности от воздействия экстремальной ситуации. Эта защита была выношена лично мной, не была связана с приказом СС или советом другого узника. Она базировалась на моем профессиональном образовании и опыте. И, хотя вначале я не задумывался об этом, новое отношение к окружающему уберегло мою личность от разрушения. Наблюдая изменения, происходящие со мной и с другими, я старался понять, почему некоторые узники генерировали слухи, и как это влияло на них самих. Поглощенный, насколько было возможно, интересующей меня проблемой, разговаривая и обмениваясь впечатлениями с товарищами по несчастью, я чувствовал, что делаю что-то конструктивное, и делаю это независимо ни от кого. Мое исследование помогало вынести бесконечные часы изнуряющей работы, не требующей умственной концентрации. Забыть на время, что находишься в лагере, и знать, что занимаешься тем, что тебя всегда интересовало - казалось мне тогда наивысшей наградой. Постепенно ко мне вернулось самоуважение, и это обстоятельство само по себе со временем приобретало все большую ценность. Запоминание. Делать записи в лагере невозможно - для этого не было времени, как не было и места, чтобы их спрятать. Заключенные подвергались частым обыскам и сурово наказывались, если у них обнаруживались какие-либо заметки. Рисковать было бессмысленно - записи все равно не удалось бы вынести за пределы лагеря, так как при освобождении заключенного раздевали догола и обыскивали с особым тщанием. Единственный способ обойти эту проблему - стараться запомнить все происходящее. В этом мне особенно мешали катастрофическое недоедание и другие факторы, разрушающие память. Наиважнейшим среди них было никогда не оставлявшее тебя чувство: "К

чему все это - ты никогда не выйдешь отсюда живым". Такое настроение постоянно усиливалось при виде каждой новой смерти. Поэтому я часто сомневался, смогу ли когда-нибудь вспомнить все, что заучиваю. Тем не менее, я старался выделить что-то характерное или особенное и сконцентрироваться на нем, повторяя свои соображения снова и снова. У меня стали привычкой эти бесконечные повторения, впечатывания в память. Оказалось, что такой метод работает. После освобождения из лагеря, когда мое здоровье поправилось, а главное, я почувствовал себя в безопасности, эмигрировав в Америку, многое из, казалось бы, забытого, вернулось ко мне. Я начал переносить все это на бумагу.

"Инициация".

Обычно стандартная "инициация" в заключенные происходила во время транспортировки их из местной тюрьмы в лагерь. Чем короче было расстояние, тем медленнее приходилось ехать: нужно было какое-то время, чтобы "сломать" заключенных. На всем пути до лагеря они подвергались почти непрерывным пыткам. Характер пыток зависел от фантазии эсэсовца-конвоира. Но и здесь был обязательный набор: избиение плеткой, удары в лицо, живот и пах, огнестрельные и штыковые ранения. Все это перемежалось процедурами, вызывающими предельное утомление, например, заключенных часами заставляли стоять на коленях и т.п. Время от времени кого-нибудь расстреливали. Запрещалось перевязывать раны себе или своим товарищам. Охранники вынуждали заключенных оскорблять и избивать друг друга, богохульствовать, обливать грязью своих жен и т.п. Я не встречал ни одного заключенного, которому удалось бы избежать процедуры "инициации", продолжавшейся обычно не менее двенадцати часов, а зачастую и много дольше. Все это время любое неисполнение приказа (скажем, ударить другого заключенного) или попытка оказать помощь раненому, карались смертью на месте. **Цель такой начальной массовой травматизации - сломать сопротивление заключенных, изменить если не их личности, то хотя бы поведение.** Пытки становились все менее и менее жестокими по мере того, как заключенные прекращали сопротивляться и немедленно подчинялись любому приказу эсэсовцев, каким бы изощренным он ни был. Несомненно, "инициация" была частью хорошо разработанного плана. Случалось, что узники вызывались в штаб-квартиру гестапо или на суд в качестве свидетелей. По пути обратно в лагерь их никто даже пальцем не трогал. Даже когда они возвращались вместе с новичками, эсэсовцы оставляли их в покое, как только выяснялся их статус. Из тысячи австрийцев, арестованных в Вене и доставленных в Бухенвальд, десятки были убиты и многие покалечены; практически никто из нас не избежал телесных повреждений. Но когда почти столько же заключенных переводились из Дахау в Бухенвальд, на этапе, который, как мы опасались, будет повторением первого, никто из нас не только не погиб, но и не получил, насколько мне известно, никаких повреждений. Трудно сказать, насколько процесс изменения личности ускорялся "инициацией". Большинство заключенных довольно быстро оказывались в состоянии полного истощения: физического - от издевательств, потери крови, жажды и т.д., психологического - от необходимости подавлять свою ярость и чувство безысходности, чтобы не сорваться и, следовательно, не погибнуть тут же. В результате происходящее слабо фиксировалось в затуманенном сознании. Я помню состояние крайней слабости, охватившей меня от легкой штыковой раны, полученной в самом начале, и от страшного удара по голове. Я потерял много крови, тем не менее, ясно помню некоторые свои мысли и эмоции во время этапа. Меня удивляло, почему эсэсовцы не убили нас всех сразу. Я поражался, что человек может столько выдержать и не сойти с ума или не покончить жизнь самоубийством, хотя некоторые так и

поступили, выбросившись из окна поезда. Главное - и было отрадно это сознавать - я не "свихнулся" от пыток (чего очень боялся) и сохранил способность мыслить и некий главный ориентир. Теперь издалека все это кажется не столь существенным, но тогда для меня было крайне важно. Можно попытаться сформулировать в одной фразе главную проблему всего периода заключения: защитить свою душу так, что если посчастливится выйти из лагеря, то вернуться на свободу тем же человеком, каким был до заключения. Теперь я знаю, что подсознательно как бы раскололся на внутреннее "Я", которое пыталось себя сохранить, и тот остаток личности, который должен был подчиниться и приспособиться, чтобы выжить. **Кроме травматизации, гестапо использовало чаще всего еще три метода уничтожения всякой личной автономии. Первый - насильственно привить каждому заключенному психологию и поведение ребенка. Второй - заставить заключенного подавить свою индивидуальность, чтобы все слились в единую аморфную массу. Третий - разрушить способность человека к самополаганию, предвидению и, следовательно, его готовность к будущему.** Превращение в детей. В детстве ребенка часто охватывает чувство бессильной ярости, но для взрослого такое состояние губительно. Заключенный тем более должен как-то справляться со своей агрессивностью, и один из самых безопасных способов - обратить ее на себя самого. При этом усиливаются мазохистские, пассивно-зависимые, детские стереотипы поведения, внешне безопасные, поскольку они якобы предохраняют заключенного от конфликтов с СС. Однако именно такой психологический механизм и отвечает задаче СС - превратить заключенного в подобие несмышленного и зависимого ребенка. Обращение с заключенными в лагере часто напоминало отношение жестокого и властного отца к своим беспомощным детям. Даже самый суровый родитель угрожает наказанием значительно чаще, чем действительно применяет его. И в лагере наиболее эффективным методом воспитания чувства детской незащитности были непрекращающиеся угрозы расправы. Лишь немногие заключенные подвергались публичному наказанию розгами, но не проходило и часа без угрозы получить "двадцать пять в задницу". Смириться с возможностью такого детского наказания означало для взрослого неминуемую потерю самоуважения. Угрозы и ругательства со стороны эсэсовцев и капо почти всегда касались анальной сферы. Очень редко к заключенному обращались иначе, чем "дерьмо" или "жена". Все усилия как бы направлялись на то, чтобы свести заключенного до уровня ребенка, еще не научившегося пользоваться горшком. Так, заключенные справляли нужду только по приказу в соответствии со строгими лагерными правилами, и это превращалось в важное событие дня, подробно обсуждавшееся. В Бухенвальде запрещалось пользоваться туалетом в течение всего рабочего дня. Даже когда для заключенного делалось исключение, он должен был просить разрешение у охранника, а после отчитываться перед ним в такой форме, которая подрывала его самоуважение. Другим средством регрессии к детскому поведению была работа. Заключенных, особенно новичков, заставляли делать абсолютно бессмысленную работу, например, перетаскивать камни с одного места на другое, а затем обратно. Или рыть ямы голыми руками, когда лопаты лежали рядом. Заключенные ненавидели бессмысленную работу, хотя, казалось бы, им должно было наплевать, есть ли от их работы вообще какая-то польза. Взрослый человек чувствует себя униженным, когда его заставляют выполнять "детскую" или дурацкую работу, и заключенные часто предпочитали даже более тяжелые задания, если в итоге получалось что-то похожее на результат. Еще больше оскорбляло людей, когда их запрягали, как лошадей, в тяжелые вагонетки и заставляли бежать галопом. Более осмысленная работа чаще поручалась "старикам". Значит, действительно, принуждение к бессмысленной работе сознательно использовалось как метод превращения уважающего себя взрослого в послушного ребенка. Нет никакого

сомнения в том, что работа, которую выполняли заключенные, и издевательства, которым они подвергались, разрушали самоуважение и не позволяли им видеть в себе и в своих товарищах полноценных взрослых людей. Коллективная ответственность. Сравнение некоторых элементов внутреннего распорядка в Дахау (организованном в 1933 году) и в Бухенвальде (1937 год) дает картину растущей деперсонализации всей лагерной жизни за этот период. В Дахау, например, официальное наказание, в отличие от рядового издевательства, всегда было направлено на конкретного человека. Вначале его дело слушалось в присутствии специального офицера СС. По западным юридическим стандартам подобное слушание было не более чем фарсом, но по сравнению с более поздней лагерной практикой оно свидетельствовало, все же, об известной степени уважения к личности. По крайней мере, заключенному говорили, в чем он обвиняется, и давали возможность опровергнуть обвинение. Перед наказанием розгами заключенного осматривал лагерный врач - тоже лишняя процедура, так как врач редко отменял розги, но иногда мог уменьшить число ударов. Подобное отношение к заключенному - как к личности - было уже абсолютно исключено в Бухенвальде, что соответствовало поздней фазе национал-социализма. Здесь за все отвечала группа, а не индивидуум. В Дахау наказывался заключенный, старавшийся перетаскивать камни поменьше. В Бухенвальде в такой ситуации наказанию подверглась бы вся группа, включая начальника. У заключенных не было иного выхода, как подчиниться давлению СС, которое вынуждало их быть пассивными внутри безликой массы. И чувство самосохранения, и давление СС работали в одном направлении. Остаться независимым значило обречь себя на трудную и опасную жизнь. Подчиниться СС, казалось бы, соответствовало интересам самого заключенного, поскольку это автоматически делало его жизнь легче. Похожие механизмы работали и вне лагеря, хотя и не в такой очевидной форме. **Всюду, где возможно, заключенных наказывали группой, и вся группа страдала вместе с человеком, который вызвал наказание Гестапо использовало этот метод как антииндивидуалистический, поскольку считалось, что группа будет стараться контролировать своих членов. Именно в интересах группы было сдерживать всякого, кто своим поведением мог бы ей навредить.** Как уже отмечалось, угроза наказания возникала чаще, чем само наказание, что вынуждало группу утверждать свою власть над индивидуумом чаще и иногда даже эффективнее, чем это делало СС. Во многих отношениях давление группы было практически постоянным. Причем в лагере жизнь заключенного особенно зависела от помощи его товарищей по несчастью, что еще более способствовало постоянному контролю группы над индивидуумом.

Непредсказуемая обстановка.

Изучение лагерной жизни позволяет предположить, что в условиях крайней изоляции влияние окружающей обстановки на личность может стать тотальным. Выживание человека тогда зависит от его способности сохранить за собой некоторую область свободного поведения, удержать контроль над какими-то важными аспектами жизни, несмотря на условия, которые кажутся непреодолимыми. Чтобы остаться человеком, не стать тенью СС, необходимо было выявить достаточно важные для вас жизненные ситуации, которыми вы могли бы управлять. Этому меня научил немецкий политзаключенный, рабочий-коммунист, сидевший в Дахау уже четыре года. После инициации на этапе я прибыл туда в жалком состоянии. Мне кажется, "старик", оценив мое положение, решил, что у меня мало шансов выжить без посторонней помощи. Он заметил, как я с отвращением отвернулся от пищи, и поделился со мной своим богатым опытом:

"Послушай, реши твердо, что ты хочешь: жить или умереть? Если тебе все равно - можешь не есть. Но если ты решил выжить, то путь один - есть всегда и все, что дают, как бы ни было противно. При любой возможности испражняйся, чтобы убедиться - твой организм работает! Как только появится свободная минутка, читай, или ложись и спи, а не пережевывай лагерные слухи". Я усвоил этот урок, и очень вовремя. Я стал изучать происходящее, что заняло место предложенного чтения. Вскоре я убедился, как важен был урок. Но прошли годы, прежде чем я полностью осознал его психологическую ценность. **Для выживания необходимо, невзирая ни на что, овладеть некоторой свободой действия и свободой мысли, пусть даже незначительной.** Две свободы - действия и бездействия - наши самые глубинные духовные потребности, в то время как поглощение и выделение, умственная активность и отдых - наиболее глубинные физиологические потребности. Даже незначительная, символическая возможность действовать или не действовать, но по своей воле (причем к духу и к телу это относится в одинаковой мере) позволяла выжить мне и таким, как я. Бессмысленные задания, почти полное отсутствие личного времени, невозможность что-либо планировать, из-за постоянных и непредсказуемых перемен в лагерных порядках - все это действовало глубоко разлагающе. Пропадала уверенность, что твои поступки имеют хоть какой-то смысл, поэтому многие заключенные просто переставали действовать. Но, переставая действовать, они вскоре переставали жить. По-видимому, имело принципиальное значение, допускала ли обстановка - при всей ее экстремальности - хотя бы малейший выбор, минимальную возможность как-то прореагировать, пусть объективно такая возможность и была незначительной по сравнению с огромными лишениями. Возможно, поэтому СС перемежало жестокие репрессии с некоторыми послаблениями: истязание заключенных, изредка заменялось наказанием особо бесчеловечной охраны; неожиданно проявлялось уважение и даже вручалась награда кому-то из тех заключенных, кто отстаивал свое достоинство; внезапно объявлялся день отдыха и т.д. Большинство из умерших в лагере своей смертью - это те, кто перестал надеяться на такие послабления и использовать их, хотя они случались даже в самые черные дни, то есть **умирали люди, полностью утратившие волю к жизни.** Искусство, с которым СС использовало данный механизм уничтожения человеческой веры в будущее и способность его прогнозировать, производит глубокое впечатление. Не имея доказательств, я не могу утверждать, применялся ли этот механизм намеренно или бессознательно, но работал он с ужасающей эффективностью. Если СС хотело, чтобы некая группа людей (норвежцы, политзаключенные и т.д.) приспособилась, выжила и работала в лагере, объявлялось, что их поведение может повлиять на их судьбу. Тем группам, которые СС хотело уничтожить (восточные евреи, поляки, украинцы и т.д.), давали ясно понять, что не имеет ни малейшего значения, насколько добросовестно они работают или стараются угодить начальству. Другой способ разрушить веру и надежду заключенных в то, что они могут повлиять на свою судьбу, лишить воли к жизни - резко менять условия их жизни. В одном лагере, например, группа чешских заключенных была полностью уничтожена следующим образом. На некоторое время их выделили, как "благородных", имеющих право на определенные привилегии, дали жить в относительном комфорте без работы и лишений. Затем чехов внезапно бросили на работу в карьер, где были самые плохие условия труда и наибольшая смертность, урезав в то же время пищевой рацион. Потом обратно - в хорошее жилище и легкую работу, через несколько месяцев - снова в карьер на мизерный паек, и т.д. Вскоре все они умерли. (...)

"Мусульмане" - ходячие трупы.

Заклученные, усвоившие постоянно внушаемую СС мысль, что им не на что надеяться, что они смогут выйти из лагеря только в виде трупа, поверившие, что они никак не могут влиять на свое положение - такие заключенные становились, в буквальном смысле слова, ходячими трупами. В лагерях их называли "мусульманами", ошибочно приписывая последователям Магомета фатализм в отношении своей судьбы. Но, в отличие от настоящих мусульман, эти люди принимали решение подчиниться судьбе не по своей воле. Это были заключенные, настолько утратившие желания, самоуважение и побуждения в каких бы то ни было формах, настолько истощенные физически и морально, что полностью подчинялись обстановке и прекращали любые попытки изменить свою жизнь и свое окружение. Процесс превращения в "мусульманина" был достаточно нагляден. Вначале человек переставал действовать по своей воле. Когда другие замечали случившееся, то старались больше с ним не общаться, так как любой контакт с "отмеченным" мог привести только к саморазрушению. На данной стадии такие люди еще подчинялись приказам, но слепо и автоматически, без избирательности или внутренних оговорок, без ненависти к издевательствам. Они еще смотрели по сторонам, или, по крайней мере, "двигали глазами". Смотреть прекращали много позже, хотя и тогда продолжали двигаться по приказу, но уже никогда не делали ничего по своей воле. Прекращение собственных действий, как правило, совпадало по времени с тем, что они переставали поднимать ноги при ходьбе - получалась характерная шаркающая походка. Наконец, они переставали смотреть вокруг, и вскоре наступала смерть. Не сметь смотреть. Превращение человека в "мусульманина" было также не случайно. Это можно показать на примере правила "не сметь смотреть". Видеть и анализировать происходящее в лагере, было совершенно необходимо для выживания, но еще более опасно, чем "высовываться". Хотя часто и пассивного "не видеть, не знать" оказывалось недостаточно. Чтобы выжить, приходилось активно делать вид, что не замечаешь, не знаешь того, что СС требовало не знать.

Одна из самых больших ошибок в лагере - наблюдать, как измываются, или убивают другого заключенного: наблюдающего может постигнуть та же участь. Но совершенно не исключено, что тут же эсэсовец заставит этого же заключенного смотреть на убитого, выкрикивая, что такое произойдет с каждым, кто посмеет ослушаться. Здесь нет противоречия, просто - впечатляющий урок. Ты можешь замечать только то, что мы хотим, чтобы ты видел, и ты умрешь, если будешь наблюдать происходящее, исходя из своих внутренних побуждений. Идея все та же - свою волю иметь запрещено. И другие примеры показывают, что все происходившее в лагере было не случайно, а имело свои причины и цель. Скажем, эсэсовец пришел в неистовство из-за якобы сопротивления и неповиновения, он избивает или даже убивает узника. Но посреди этого занятия он может крикнуть "Молодцы!" проходящей мимо рабочей колонне, которая, заметив экзекуцию, срывается в галоп, отворачивая головы в сторону, чтобы, как можно скорее, миновать злополучное место, "не заметив". И внезапный переход на бег, и повернутые в сторону головы совершенно ясно обозначают, что они "заметили". Но это неважно, поскольку они продемонстрировали, что усвоили правило "не знать, чего не положено". Знать только разрешенное свойственно именно детям. Самостоятельное существование начинается со способности наблюдать и делать собственные выводы. Не видеть того, что важнее всего, не знать, когда хочется знать так много, - самое разрушительное для функционирования личности. Более того, способность к верным наблюдениям и правильным умозаключениям, раньше служившая опорой личной безопасности, не только теряет смысл, но и создает реальную угрозу для жизни. Вынужденный отказ от способности наблюдать, в отличие от временной невнимательности, ведет к отмиранию этой способности. На

самом же деле, ситуация была еще сложнее. Заключенный, "заметивший" издевательство, наказывался, но это было ничто в сравнении с тем, что его ждало, если он хотел помочь потерпевшему. Такая эмоциональная реакция была равносильна самоубийству. И поскольку порой не реагировать было невозможно, то оставался только один выход: не наблюдать. Таким образом, обе способности - наблюдать и реагировать - необходимо было заблокировать в целях самосохранения. Но ведь если кто-то перестает наблюдать, реагировать и действовать, он прекращает жить. Чего как раз и добивалось СС. Последняя черта. Даже тому, кто не стал "мусульманином", кто как-то сумел сохранить контроль, над некоей маленькой частичкой собственной жизни, неизбежно приходилось идти на уступки своему окружению. Чтобы просто выжить, не следовало задаваться вопросом: платить ли кесарю или не платить, и даже, за редким исключением, сколько платить? Но, чтобы не превратиться в "ходячий труп", а остаться человеком, пусть униженным и деградировавшим, необходимо было все время сознавать, где проходит та черта, из-за которой нет возврата, черта, дальше которой нельзя отступать, ни при каких обстоятельствах, даже если это значит рисковать жизнью. Сознать, что если ты выжил ценой перехода за эту черту, то будешь продолжать жизнь, уже потерявшую свое значение. Эта черта, из-за которой нет возврата, была у всех у нас разной и подвижной. В начале своего заключения большинство считало "за чертой" служить СС в качестве капо или начальника блока. Позже, после нескольких лет в лагере, такие относительно внешние вещи уступали место значительно более глубоким убеждениям, составившим потом основу сопротивления. Этих убеждений необходимо было придерживаться с крайним упорством. Приходилось постоянно держать их в памяти, только тогда они могли служить оплотом пусть сильно съезжившейся, но все же сохранившейся человечности. Следующим по важности было понимание того, как уступать, когда не затрагивается "последняя черта". Это, хотя и не столь принципиальное, но не менее важное знание своего отношения к уступкам требовалось почти постоянно. Если ты хотел выжить, подчиняясь унижительным и аморальным командам, то должен был сознавать, что делаешь это, чтобы остаться живым и неизменным как личность. Поэтому для каждого предполагаемого поступка нужно было решить, действительно ли он необходим для твоей безопасности или безопасности других, будет ли хорошо, нейтрально или плохо его совершить. Осознание собственных поступков не могло их изменить, но их оценка давала какую-то внутреннюю свободу и помогала узнику оставаться человеком. Заключенный превращался в "мусульманина" в том случае, если отбрасывал все чувства, все внутренние оговорки по отношению к собственным поступкам и приходил к состоянию, когда он мог принять все, что угодно. Те, кто выжили, поняли то, чего раньше не осознавали: они обладают последней, но, может быть, самой важной человеческой свободой - в любых обстоятельствах выбирать свое собственное отношение к происходящему. В заключение - одна история из лагерной жизни на тему о "последней черте". Однажды эсэсовец, надзиравший за командой заключенных-евреев, обратил внимание на двоих, которые, по его мнению, "сачковали". Он приказал им лечь в канаву, вызвал заключенного из работавшей неподалеку команды поляков и приказал ему закопать провинившихся живьем. Стшаска (так звали поляка), окаменев от ужаса, отказался подчиниться. Эсэсовец принялся его избивать, но Стшаска упорно отказывался. Тогда в бешенстве эсэсовец приказал им поменяться местами. Теперь те двое получили приказ закопать поляка. В смертельном страхе, надеясь избежать своей участи, они стали бросать землю на своего товарища. Когда голова Стшаски уже была еле видна, эсэсовец приказал им остановиться и выкопать его обратно. Евреям снова было приказано лечь в канаву, и на этот раз Стшаска подчинился, - возможно, из-за того, что они согласились его

закопать, а, может быть, надеясь, что их тоже пощадят в последнюю минуту. Но на этот раз помилования не последовало, и эсэсовец притоптал сапогами землю над головами жертв. Когда пять минут спустя он приказал их отрыть, один уже был мертв, а другой умирал, и обоих отправили в крематорий.

Окончательный результат.

Психические изменения, происходившие со всеми "стариками", формировали личности, способные и желающие принять внушаемые СС ценности и поведение, как свои собственные. Причем немецкий национализм и нацистская расовая идеология принимались легче всего. Удивительно, как далеко продвигались по этому пути даже высокообразованные политзаключенные. Одно время, например, американские и английские газеты были полны историй о жестокостях, творимых в немецких концлагерях. Верное своей методике коллективной ответственности, СС наказывало весь лагерь за появление подобных статей, которые, очевидно, основывались на показаниях бывших заключенных. Обсуждая эти события, "старики" настаивали на том, что иностранные газеты не должны вмешиваться во внутренние дела Германии, и выражали свою ненависть к журналистам, которые объективно хотели им помочь. В 1938 году в лагере я опросил более ста «стариков» - политзаключенных. Многие из них не были уверены, что следует освещать лагерную тему в иностранных газетах. На вопрос, приняли бы они участие в войне других государств против нацизма, только двое четко заявили, что каждый, сумевший выбраться из Германии, должен бороться с нацизмом, не щадя своих сил. Почти все заключенные, исключая евреев, верили в превосходство германской расы. Почти все они гордились так называемыми достижениями национал-социалистического государства, особенно его политикой аннексии чужих территорий. Большинство "стариков" заимствовало у гестапо и отношение к так называемым "неполноценным" заключенным. Гестапо проводило ликвидацию отдельных групп "неполноценных" еще до вступления в силу общей программы уничтожения. У заключенных были по этому поводу свои собственные соображения. Дело в том, что "новички" создавали для "стариков" сложные проблемы. Их жалобы на убогость лагерной жизни, их неприспособленность вносили дополнительную напряженность в, и без того сложную, жизнь барачников. Их неправильное поведение в бараке или в рабочей команде угрожало всем. "Высовываться", обращать на себя внимание всегда было опасно, и обычно вся группа, в которой находился "заметный" человек, выбиралась СС для специального наблюдения. Так что "новички" оказывались помехой для всех остальных. Более того, самые слабые из "новичков" чаще становились доносчиками. Слабые обычно умирали в течение первых недель, поэтому казалось, что от них можно избавиться и раньше. "Старики" иногда этому содействовали, давая "новичкам" опасные задания или отказывая им в помощи. Избавляясь от "неполноценных", они поступали согласно идеологии СС. Таким же образом "старики" обращались с доносчиками. Самозащита требовала их устранения, но метод, по которому их мучили целыми днями и медленно убивали, был заимствован у гестапо. Иногда кто-нибудь из эсэсовцев, повинувшись минутной прихоти, отдавал бессмысленный приказ. Обычно приказ быстро забывался, но всегда находились "старики", которые еще долго его соблюдали и принуждали к этому других. Однажды, например, эсэсовец, осматривая одежду узников, нашел, что какие-то ботинки внутри грязные. Он приказал мыть ботинки снаружи и внутри водой с мылом. После такой процедуры тяжелые ботинки становились твердыми как камень. Приказ больше никогда не повторялся, и многие не выполнили его и в первый раз, потому что эсэсовец, как это часто случалось, отдав приказ и постояв немного, вскоре удалился. Тем не менее,

некоторые "старрики" не только продолжали каждый день мыть изнутри свои ботинки, но и ругали всех, кто этого не делал, за нерадивость и грязь. Такие заключенные твердо верили, что все правила, устанавливаемые СС, являются стандартами поведения - по крайней мере, в лагере. Так как "старрики" усвоили, или были вынуждены усвоить детскую зависимость от СС, то у многих из них появлялась потребность хотя бы некоторых из офицеров считать справедливыми и добрыми. Поэтому, как это ни покажется странным, они испытывали и положительные чувства к СС. Подобные чувства обычно концентрировались на офицерах, занимающих относительно высокое положение в лагерной иерархии (но почти никогда - на самом коменданте). Заключенные утверждали, что за грубостью эти офицеры скрывают справедливость и порядочность, что они искренне интересуются заключенными и даже стараются понемногу им помогать. Их помощь внешне не заметна, но это потому, что "хорошим" эсэсовцам приходится тщательно скрывать свои чувства, чтобы себя не выдать. Настойчивость, с которой узники пытались обосновать подобные утверждения, вызывала у меня жалость. Целая легенда могла быть сплетена вокруг случая, когда один из двух эсэсовцев, инспектировавших барак, вытер ноги, прежде чем войти. Скорее всего, он сделал это автоматически, но действие интерпретировалось как отпор второму эсэсовцу и явная демонстрация своего отношения к концлагерю. Подобные примеры говорят о том, каким образом и до какой степени "старрики" становились похожими на своего врага, и как они пытались оправдаться в собственных глазах. Но было ли СС только врагом? Если да, то такую трансформацию взглядов трудно понять. СС не менялось, оставаясь действительно жестоким, непредсказуемым врагом. Но чем дольше заключенному удавалось выжить, то есть чем в большей степени он становился "стариком", потерявшим надежду жить иначе и старавшимся "преуспеть" в лагере, тем больше он находил общих точек с СС. Причем для обеих сторон кооперация была выгоднее, нежели противостояние. Совместная жизнь, если можно ее так назвать, с неизбежностью формировала общие интересы. К примеру, у одного или нескольких барачников был надсмотрщик из унтер-офицеров СС - блокфюрер. Каждый блокфюрер хотел, чтобы его бараки были безупречны - образцовый порядок и никаких ЧП. Это избавляло его от неприятностей с начальством и давало шанс на повышение в чине. Но в том же были заинтересованы и жившие в этих бараках заключенные. Абсолютный порядок тоже избавлял их от сурового наказания, и в этом смысле их интересы совпадали. Заканчивая краткое описание характерных черт, приобретаемых "стариками" в процессе адаптации, я хочу снова подчеркнуть, что все изменения происходили только в определенных границах. Существовало много индивидуальных вариантов, и реально резкую грань между "стариками" и "новичками" провести было трудно. Все, что я говорил о психологических причинах, заставляющих "стариков" приспосабливаться и становиться похожими на СС, - лишь часть общей картины.

У заключенных имелись мощные способы внутренней защиты, которые действовали в противоположном направлении. Все заключенные, включая и тех "стариков", которые идентифицировались с СС, временами нарушали ее правила. При этом случалось, что некоторые заключенные проявляли выдающуюся храбрость, а многие другие в течение всего лагерного срока сохраняли цельность и порядочность.

КОНЦЛАГЕРЯ И ОБЩЕСТВО

В предыдущих главах я говорил о том, что жизнь - всегда компромисс между противоположными стремлениями, причем "хорошая жизнь" достигается в

результате удачного сочетания противоборствующих сил. И неважно, какое имя этому сочетанию дают мода или обычай. В данной книге я использовал термины "автономность личности" и "целостность". Если вследствие какой-то особой восприимчивости человека или давления общественных требований невозможен жизнеспособный компромисс между обществом и личностью, то и люди, и общество естественным образом постепенно перестают существовать. На первый взгляд, кажется, что это неверно, поскольку жизнь вроде бы идет нормально при различных социальных устройствах и человек - существо чрезвычайно пластичное, способное приспособливаться. **Тем не менее, когда взаимный компромисс не достигается, скорость распада личности и общества зависит от многих обстоятельств и главное из них - насколько упорно общество или личность отказываются изменяться. Если тоталитарное государство навязывает свою власть в такой степени, что не остается места для удовлетворения хотя бы первоочередных потребностей личности, то, как утверждалось в предыдущей главе, единственный путь выжить - разрушить (или изменить) данное общество. Следовательно, если государство достигает полного господства над личностью, оно ее уничтожает.**

Гитлеровское государство уничтожило только несколько миллионов своих граждан, а не всех лишь потому, что не успело этого сделать. Само же государство продолжало существовать, поскольку ему приходилось идти на временные компромиссы с большинством своих граждан, хотя эти компромиссы и были враждебны основным принципам системы. **Но и многие из самых преданных приверженцев гитлеровского государства, во всем шедшие на компромисс, были, тем не менее, уничтожены как личности в нашем понимании.** Примером служат судьбы Рэма и Гесса - коменданта Освенцима. Будучи истинным наци, Гесс считал для себя обязательным безусловное подчинение. В результате, отказавшись существовать как самостоятельная личность, он превратился в простого исполнителя приказов. С момента принятия командования над Освенцимом он представлял собой живой труп. Гесс не стал "мусульманином" только потому, что его хорошо кормили и одевали. Но ему пришлось в такой степени лишиться себя самолюбия и самоуважения, чувств и характера, что он, практически, уже мало отличался от машины, начинающей работать только после щелчка командного переключателя. **Руководящий принцип, на котором основано тоталитарное государство, - жить и принимать решения разрешается только одной личности - лидеру.** Но так как государству необходимы преданные помощники, следовать этому принципу строго было невозможно, особенно вначале, хотя от этого его сущность не менялась. Чем выше в иерархии стоял человек, тем меньше, а не больше влиял он на решения и тем в большей степени он жил волей лидера. Высшие деятели нацистского государства были марионетками Гитлера. Многие из них в такой степени подчинились, что жили только своим лидером, и, в конце концов, они уже не знали как жить, а только как умереть. Нацистское государство, объединявшее миллионы немцев, представляло собой весьма разнородное общество. Это обстоятельство правители считали основным препятствием на пути к успеху, хотя в действительности именно оно помогало государству удержаться. "Маленькие" немцы отстаивали свое право на компромисс во многом против логики системы. Их терпели якобы до тех пор, пока подрастало новое, воспитанное системой, поколение. После этого, наконец, и должно было выйти на арену настоящее тоталитарное государство, не сдерживаемое более необходимостью допускать хотя бы маленькие компромиссы даже со своими лояльными гражданами. Я убежден как раз в обратном. Только большое количество людей, с которыми государству приходилось идти на компромисс, и позволяло ему существовать.

Тоталитарное государство, где все граждане полностью подчинены лидеру, в результате состоит из накормленных, обутих, одетых, хорошо функционирующих трупов, знающих только как умирать, а не как жить. Но такое государство и его граждане должны быстро исчезнуть. Конечная цель тоталитарной системы - деперсонализация, причем политика уничтожения логически следует из этой цели. Подобная политика - наиболее отталкивающее и наиболее характерное выражение сути системы. По документам, найденным после войны, можно проследить процесс дегуманизации, крайней точкой которого стали лагеря смерти. В настоящее время эти факты общеизвестны, я хотел бы прокомментировать только некоторые моменты. Отдельные расовые и евгенические представления гитлеровских идеологов начали проявляться в лагерях уже в 1937 году. В то время стерилизации подверглись не более дюжины заключенных, в основном сексуальные извращенцы и гомосексуалисты. Впоследствии стерилизация, призванная улучшить расу, постепенно заменялась уничтожением тех, у кого подозревали наличие нежелательных генов. Первый опыт не вызвал возмущения ни внутри Германии, ни вне ее. Это прибавило смелости, нацисты стали действовать более открыто. Чем более усиливался режим, тем меньше он сталкивался со свободным общественным мнением. И, в конце концов, государство перешло к прямой реализации своих принципов путем неограниченной антигуманной практики. Наиболее явно эти принципы претворялись в жизнь в концентрационных лагерях. С каждым годом становилось все понятнее, как осуществляется задача "стирания" индивидуальности. **Тирании прошлого, обрекая человека на страдания, предполагали, что страдания как-то воздействуют на него как на личность. В нацистских концентрационных лагерях даже мучения и смерть более не имели прямой связи с жизнью определенного человека или конкретным событием.** Например, однажды заключенный, которому полагалась порка, был освобожден до ее исполнения. Новенькому заключенному присвоили его номер, а затем он получил и порку, поскольку вся акция числилась за номером. Экзекутор совершенно не интересовался, за что и кому полагается наказание. Пороли просто "заключенного". Конечно, такое наказание имело определенную цель: увеличить число наказанных, унижить и напугать заключенных, дать гестапо еще раз почувствовать свою власть. Для таких целей подходил любой заключенный, поэтому даже самые сильные страдания заключенного вовсе не должны были быть связаны с ним как таковым. Заключенный умирал, либо потому что евреи стали ненужными, либо оказалось слишком много поляков или людям на свободе надо было преподать урок. Заключенным было трудно понять все проявления процесса дегуманизации. Даже СС принимала их с немалыми усилиями. Например, будучи в лагерях, я часто удивлялся одной, как мне казалось, особо глупой деталью поведения охраны. Почти ежедневно какой-нибудь охранник, играя своим пистолетом, говорил заключенному, что пристрелил бы его, если бы пуля не стоила три пфеннига, и это не было бы для Германии столь разорительно. Подобные заявления повторялись слишком часто и слишком многими охранниками, чтобы не иметь особого значения или цели. Я удивлялся, почему эти слова должны, по мнению охраны, как-то особенно меня унижать. Только потом я понял: заявление, как и многие другие элементы поведения, служило лишь для обучения охраны. Эсэсовцы столь часто повторяли эти слова, потому что столь же часто слышали их на инструктаже. Трудные для восприятия, они, возможно, производили на эсэсовцев глубокое впечатление. Для рядового солдата было трудно считать человеческую жизнь не стоящей ни гроша. Их поражало, что начальники оценивают ее ниже пустячной стоимости пули. Поэтому для самоубеждения они снова и снова повторяли эту мысль, ожидая такой же реакции от заключенных, хотя, как правило, заключенные находили ее смешной.

Необходимо было приложить массу усилий, чтобы для охраны пуля стала дороже человека. В то же время сила государства, запросто расправляющегося с человеком, внушала благоговейный страх. Только когда эсэсовцы принимали такое отношение к личности - всегда после некоторого колебания (исключая "мальчиков-убийц") - они уже могли не видеть в заключенных людей и начинали обращаться с ними как с номерами. (...)

Функциональные решения.

Начало войны с Россией положило конец тому, что еще оставалось от официальной идеи перевоспитания людей в концлагерях и открыло путь для уничтожения миллионов людей. Для ведения тотальной войны была крайне необходима рабочая сила, потому изменилась политика по отношению к тем людям в лагерях и вне их, кто, как казалось, не имел ценности для государства. Все нежелательные, но физически годные лица должны были работать до полного истощения и смерти. Неспособных к работе надо было убить сразу. В результате было решено истребить в Европе всех евреев, калек, сумасшедших и т.п. Таким образом, последние годы существования лагерей (с 1942 года и до конца войны) характеризовались тотальным контролем над громадной рабочей силой, исчисляемой миллионами. Теоретически она должна была включать всех, кроме малочисленного управляющего класса. **Таким представлялся апофеоз нацистского государства - небольшое число лишенных индивидуальности руководителей и миллионы лишенных человеческого облика рабов. Над ними - божественный лидер, единственная "личность", единственный по-настоящему живой человек.** С функциональной точки зрения использовать заключенных для рабского труда было выгоднее, чем просто содержать их, пусть даже в самых плохих условиях. Переход к рабскому труду представлял собой важный шаг по пути дегуманизации. Пока гитлеровское государство хотело переделать заключенного в соответствии со своими целями, оно еще в какой-то степени рассматривало его как личность, которую стоит "спасти". Убивали при этом якобы только "неспособных" к обучению. Новая политика рабского труда и уничтожения избавилась уже от всех понятий ценности жизни, даже в терминах рабовладельческого общества. **В ранних обществах рабы обычно были капиталовложением. Несомненно, их эксплуатировали, особо не размышляя о принадлежности рабов к человеческому роду. Но рабы в государстве Гитлера потеряли даже материальную ценность. В этом большое различие между эксплуатацией частными лицами и эксплуатацией государством в его собственных целях.** Первой группой, выбранной для полного истребления, были цыгане. Все цыгане Бухенвальда в 1941 году были убиты с помощью инъекций. Но это массовое убийство все же не было еще специально спланировано) или выполнено "фабричным" способом. Последний шаг был сделан в 1942 году созданием лагерей уничтожения, когда к списку подлежащих истреблению прибавились русские и поляки. **Человек как товар. Концентрационные лагеря, лагеря смерти и все, что в них происходило, стали доведенным до абсурда воплощением в жизнь тезиса - труд есть товар.** В лагерях товаром становился не только труд человека, но и он сам. С людьми "обращались" так, как будто они были созданы только для использования. Их эксплуатировали и меняли в соответствии с желанием покупателя, в данном случае государства. Если они становились бесполезными, от них избавлялись, стараясь при этом сохранить все, что может еще пригодиться из материальных "ценностей". Для этих целей специально были разработаны современные технологии. Взгляд на человека, как на полезный предмет, к тому времени уже присутствовал в идеологии нацистского государства. Если охрана

убивала или собиралась убить заключенного, употреблялось выражение fertigmachen, которое означает не "убить" или "прикончить", а скорее "закончить" и "подготовить". Это выражение часто использовалось в производстве для обозначения операций с товаром, предшествующих его поступлению к покупателю. В немецком языке не было принято обозначать этими словами убийство человека. После того, как политика массового уничтожения была санкционирована сверху, назначенный для руководства ею чиновник приступил к делу и произвел инспекцию существующих объектов с целью внедрения и новых методов, и оборудования. До 1940 года каждый концентрационный лагерь был более или менее самостоятельным "предприятием", которое, получая исходный материал - заключенных, сортировало их, использовало как рабочую силу, а затем избавлялось от них, освобождая или убивая. Позднее была введена специализация. В производстве "продукции" стали участвовать, по крайней мере, три вида "предприятий": пересыльные лагеря, трудовые лагеря и лагеря уничтожения. Как все современные предприятия, каждый лагерь имел свой "исследовательский" отдел, но везде заключенный, будучи лишь "исследовательским материалом", рассматривался как представитель массовой "продукции", допускающий замену на любой другой экземпляр. В частности, если допускались ошибки при подсчете, скажем, новых арестов, разница восполнялась путем дополнительных арестов или ликвидации необходимого числа арестованных. Ошибки в делопроизводстве исправлялись на живых объектах бюрократических операций, а не в книгах. Не обошли вниманием и упаковку. Всех заключенных одевали в одинаковую полосатую тюремную одежду, а головы брили. Униформа каждой группы и даже подгруппы имела свой цвет и знаки отличия. Таким образом, индивидуумы становились похожими друг на друга, в то время как группы различались. Заключенные, кроме того, нумеровались, и, представляясь лагерным начальникам, каждый называл свой номер, группу и подгруппу, но никогда не имя. Каждое государство массового подавления стремится реорганизовывать свои структуры до тех пор, пока каждый его член не будет правильно причислен к своей категории. Если к тому же это государство классовое, то требуется, чтобы каждый его член был фиксирован в своем классе возможно прочнее и не угрожал руководящей элите попытками повысить свой статус. СС хотела бы раз и навсегда расклассифицировать всех заключенных. Первым шагом на пути к этой цели были цветные знаки отличия и номера, следующим - запись категории на теле несмываемыми чернилами. В лагерях уничтожения заключенным уже ставили клеймо. Это снова пример того, как в лагерях доводились до логического конца те установки, которые в обществе существовали только как тенденции. Идеал нацистов - пометить всех граждан в соответствии с их статусом. Элита носила знаки отличия СС, члены партии - партийную эмблему, евреи - желтую звезду. Иностранцев рабочих тоже пытались заставить носить отличительные знаки, но из-за их сопротивления попытки провалились. В случае победы Германия вполне могла принудить каждого носить символ своей группы, как это было сделано в концентрационных лагерях. Характерно, что многие в СС, даже из лагерной администрации, не любили свою работу, а занимались ею из чувства долга. Гесс, возглавивший, в конце концов, самый крупный лагерь уничтожения, был прежде членом полумистической группы Artamanen. Это была группа, включившаяся в движение "назад-к-земле" с тем, чтобы спасти немецких юношей и девушек от "коррупции" городов и заводов, вернуть их к простой жизни на фермах, к земле и природе. Вступив в СС, Гесс оторвался от всех своих личных убеждений и склонностей и превратился в хорошо функционирующее колесико государственной машины. Его назначили руководить Освенцимом, он хотел делать это квалифицированно, вести аккуратное, эффективное предприятие, и его не беспокоило, что оно "обрабатывало" людей, а не сталь или алюминий. Просто

случайно его работой оказалось истребление людей. Один из журналистов, наблюдавший Гесса на Нюрнбергском процессе, так описал свои впечатления: "Гесс, не моргнув глазом, докладывал точные факты о том, как он "обработал" примерно два или три миллиона евреев в газовых камерах и крематориях концентрационных лагерей. Внешность и манеры Гесса соответствовали представлению о человеке, который в любой среде, будь то правительство или бизнес, имеет репутацию чрезвычайно компетентного и ответственного руководителя, хотя и лишено воображения. Предельно корректный как свидетель, он не произнес ни слова, способного оскорбить. Он говорил о массовых убийствах, используя технические термины, без ужасных деталей, без какого-либо красноречия моралиста или садиста... Фанатичный приверженец напряженной работы, эффективности, порядка, дисциплины и чистоты, Гесс выказывал недовольство сбоем в снабжении своих жертв нужным транспортом, пищей, медицинскими и санитарными принадлежностями, надзирателями. Он постоянно требовал от берлинского начальства лучшего снабжения, менее развращенного и жестокого персонала и, главное, снижения потока новых узников, которое позволило бы ему создать более эффективное хозяйство: газовые камеры и крематории для не занятых работой, удобства для работающих в его трудовых лагерях". Деловая корреспонденция Освенцима похожа на переписку любого другого предприятия. Вот несколько отрывков из писем химического треста "Фарбен" в Освенцим: "В связи с предполагаемыми опытами с новыми снотворными таблетками, мы были бы признательны Вам за предоставление некоторого числа женщин". "Мы получили Ваш ответ, но считаем чрезмерной цену в 200 марок за женщину. Мы предлагаем не более 170 марок за голову. В случае Вашего согласия мы их возьмем. Нам нужно примерно 150". "Мы получили Ваше согласие. Подготовьте для нас 150 наиболее здоровых женщин, и как только Вы сообщите о готовности, мы их заберем". "Получили заказанных 150 женщин. Несмотря на их истощенное состояние, они нам подойдут. Будем сообщать Вам о ходе эксперимента". "Испытания проведены. Все подопытные умерли. Вскоре мы войдем с Вами в контакт относительно новой партии". Поведение в лагерях уничтожения. Анализ поведения людей в лагерях уничтожения, при всем их ужасе, менее интересен психологу, так как заключенные в этих лагерях не имели ни времени, ни условий для сколько-нибудь заметных изменений. Единственный психологический феномен, который, по-видимому, имеет отношение к этой книге, заключается в том, что заключенные почти не сопротивлялись, хотя и знали о своей неминуемой смерти. Я не принимаю сейчас во внимание немногие исключения - не более горстки среди миллионов. Иногда всего один или два немецких охранника конвоировали до четырехсот заключенных в лагерь уничтожения по безлюдной дороге. Без сомнения, четыреста человек могли справиться с такой охраной. Даже если кого-нибудь и убили бы при побеге, большая часть смогла бы присоединиться к партизанским группам. В самом худшем случае эти смертники хотя бы порадовались своей мести безо всякой для себя потери. Обычный, не психологический анализ не может удовлетворительно объяснить такое послушание. Чтобы понять, почему эти люди не сопротивлялись, надо учесть, что наиболее активные личности к тому времени уже сделали попытки бороться с национал-социализмом и были либо мертвы, либо истощены до крайности. Большинство в лагерях уничтожения составляли поляки и евреи, которым по какой-либо причине не удалось ускользнуть и которые уже не имели сил для сопротивления. Их ощущение поражения не означало, однако, что они не чувствовали ненависти к своим притеснителям. Слабость и подчинение часто насыщены большей ненавистью, чем открытая контрагрессия. В открытой борьбе, например в партизанских отрядах или движении сопротивления, противники германского

фашизма находили хотя бы отчасти выход для своей ненависти. Внутри же подавленных, несопротивляющихся личностей ненависть, которую никак нельзя было разрядить, лишь накапливалась. Заключенные боялись даже словами как-то облегчить свое состояние, так как СС карала смертью любое проявление эмоций. Таким образом, в лагерях уничтожения заключенные были лишены всего, что могло восстановить их самоуважение или волю к жизни. Все это может объяснить покорность заключенных, которые шли в газовые камеры или сами копали себе могилы, а затем выстраивались так, чтобы упасть в них после выстрела. Другими словами, большая часть таких заключенных были самоубийцами. Идти в газовую камеру - значило совершить самоубийство путем, не требующим энергии, обычно необходимой для выполнения такого решения. С точки зрения психологии, большинство заключенных в лагерях уничтожения совершали самоубийство, не сопротивляясь смерти. Если это рассуждение верно, значит в лагерях уничтожения цели СС нашли свое законченное выражение. Миллионы людей приняли смерть, потому что СС заставила их увидеть в ней единственный способ положить конец той жизни, в которой они больше не чувствовали себя людьми. Эти замечания, возможно, могут показаться надуманными, поэтому необходимо добавить, что подобный процесс наблюдается у психически больных людей. Аналогия между заключенными и психически больными людьми основана на наблюдениях за заключенными после их освобождения. Симптомы зависели, естественно, от исходной индивидуальности и событий после освобождения. У некоторых людей эти симптомы выражались сильнее, у других слабее, в некоторых случаях изменения были обратимы, в других - нет. Сразу после освобождения почти все заключенные вели себя асоциально, что можно объяснить только далеко зашедшим распадом их личности. Их связь с реальностью была очень слабой, некоторые страдали манией преследования, другие - манией величия. Последнее было вызвано, очевидно, чувством вины за то, что судьба их пощадила, тогда как близкие люди погибли. Они пытались оправдаться и объяснить это, преувеличивая собственную значимость. Мания величия позволяла также компенсировать огромный урон, нанесенный их самооценке лагерным опытом. Привычная жизнь. Обнародование информации о концентрационных лагерях и происходящих в них ужасах вызвало шок во всем мире. Люди были потрясены тем, что в странах, считавшихся цивилизованными, могла существовать подобная бесчеловечная практика. Неспособность современного человека обуздать массовые проявления жестокости была воспринята как угроза человечеству. Однако постепенно отношение к феномену концентрационных лагерей менялось, и, в конце концов, к настоящему моменту сложились три основных подхода: - существование концлагерей в человеческом обществе в целом считается невозможным (вопреки имеющимся доказательствам), потому что акты жестокости, якобы совершались небольшой группой сумасшедших; - информация о лагерях считается специальной пропагандой, далекой от действительности. Этот подход поощрялся германским правительством, называвшим все сообщения о лагерном терроре пропагандой ужаса; - информация считается правдивой, но обо всех ужасах стараются поскорее забыть. Психологические механизмы, обеспечивающие все три подхода, можно было увидеть в действии после окончания войны. Вначале, после "открытия" лагерей, поднялась волна страшной ярости. Но довольно быстро за ней последовало всеобщее забвение. По-видимому, подобная реакция широкой публики была вызвана не только шоком от осознания того факта, что жестокость все еще широко распространена среди людей. Возможно, люди не хотели думать о лагерях, смутно понимая, что современное государство владеет способами воздействия на личность. А если на самом деле личность может быть изменена против ее воли? Принять такую мысль - огромная угроза для самоуважения. Поэтому надо с этим либо

бороться, либо забыть. Всеобщий успех "Дневника Анны Франк" показывает, насколько живуче в нас желание "не видеть", хотя именно ее трагическая история демонстрирует, как подобное желание ускоряет распад нашей личности. Анализ истории Анны Франк, вызвавшей к ней столь большое сочувствие в мире, сам по себе - весьма тягостная задача. Однако, я считаю, что подобное отношение к ней можно объяснить только нашим желанием забыть газовые камеры и ценить больше всего личную жизнь, привычные отношения даже в условиях катастрофы. Дневник Анны Франк заслуживает внимания именно потому, что показывает, как продолжение привычной жизни в экстремальных обстоятельствах принесло гибель. Пока семья Анны Франк готовилась спрятаться в укрытие, тысячи евреев в Голландии и во всей Европе пытались пробиться в свободный мир, более подходящий для выживания или для борьбы. Кто не мог уехать, уходил в подполье. Не просто прятался от СС, пассивно ожидая дня, когда его схватят, но уходил бороться с немцами, защищая тем самым гуманизм. Семья Франк же хотела лишь продолжать свою обычную жизнь, как можно меньше меняя ее. Маленькая Анна тоже хотела жить по-прежнему, и никто не может ее за это упрекнуть. Но в результате она погибла, и в этом не было необходимости и тем более героизма. Франки могли бы встретить жизнь лицом к лицу и выжить, подобно многим другим голландским евреям. Очевидно, что труднее всего было спрятаться всей семьей. Франки, имевшие добрые отношения со многими голландскими семьями, могли укрыться поодиночке в разных семьях. Но они не хотели отказаться от привычного образа жизни семьи, стараясь продлить его как можно дольше. Любой другой путь значил для них не просто расставание с любимой семейной жизнью, но и принятие антигуманных отношений между людьми. Между тем, приняв их, они, возможно, смогли бы избежать гибели. Франки, способные столь основательно себя обеспечить, могли бы, конечно, при желании достать один или два пистолета и пристрелить, по меньшей мере, одного или двух солдат из "зеленой полиции", пришедших за ними. Эта полиция была не слишком многочисленна, и потеря пусть даже одного эсэсовца при каждом аресте стала бы для нее непозволительной роскошью. Судьба семьи Франк от этого не изменилась бы, но они могли дорого продать свои жизни, вместо того, чтобы безропотно идти навстречу смерти. Пьеса об Анне Франк, имевшая в свое время шумный успех, не случайно заканчивается сценой, где Анна выражает свою веру в людей, в их доброе начало. Она говорит, что не нужно признавать реальность газовых камер, чтобы они никогда не появились снова. Если все люди в основе своей хорошие, если самое дорогое - это сохранение семейной жизни независимо от происходящего вокруг, то мы действительно должны держаться за привычную жизнь и забыть Освенцим. Но, однако, Анна Франк умерла, ибо ее родители не поверили в Освенцим. И ее история получила широкое одобрение, потому что и теперь люди не хотят внутренне смириться с тем, что Освенцим когда-то существовал. Если все люди хорошие, Освенцима никогда не было. Время действовать. В различных местах этой книги я показал, как подчинение тоталитарному государству приводит к распаду казавшейся вначале вполне цельной личности и к проявлению в ней многих инфантильных черт. Здесь, возможно, окажется полезным некое теоретическое рассуждение. Много лет назад Фрейд постулировал две противоположные тенденции в человеке: жизнеутверждающую - инстинкт жизни, который он назвал "эросом" или "сексом", и разрушительную, названную им "инстинкт смерти". Чем более развита личность, тем сильнее взаимодействуют в ней эти две противоположные тенденции, формируя восприятие действительности. Чем менее развита личность, тем сильнее эти тенденции управляют ею независимо друг от друга и, зачастую, в разных направлениях. Примером может служить так называемое детское дружелюбие некоторых примитивных людей, за которым иногда в следующий миг следует

крайняя жестокость. Распад единства этих двух противоположных тенденций, или лучше сказать, их разделение в условиях крайнего стресса - в один момент чисто разрушительное желание: пусть все будет позади, неважно как, а в следующий момент "бессмысленное" стремление жить: добыть что-нибудь поесть сейчас, пусть даже ценой скорой смерти - это только один из аспектов примитивизации человека в тоталитарном государстве. Другой, о котором уже шла речь - инфантильное мышление, например, мечты вместо зрелой оценки реальности и легкомысленное неверие в собственную смерть. Многие, скажем, считали себя избранныками, которые непременно выживут, а еще большее число просто не верило в возможность собственной смерти. Не веря, они не готовились ни к ней, ни к защите собственной жизни. С другой стороны, защита своей жизни могла приблизить смерть. Поэтому до поры до времени такое "перекатывание под ударами" действительно защищало жизнь. Но перед лицом неминуемой смерти инфантильное поведение становилось фатальным и по отношению к собственной жизни, и к жизни других заключенных, чьи шансы выжить повышались, если кто-то рисковал. Однако, чем дольше человек "перекатывался под ударами", тем менее вероятным становилось сопротивление при приближении смерти. Особенно, если уступки врагу сопровождались не внутренним усилением личности (как это должно было быть), а ее распадом. Те же, кто не отрицал, не отгонял от себя мысль о возможности смерти, кто не верил по-детски в собственную неуязвимость, вовремя подготавливался. Такой человек был готов рисковать собою ради самостоятельно выбранной цели и пытаться спасти свою собственную жизнь или жизнь других людей. Когда были введены ограничения на передвижение евреев в Германии, те, кто не поддавался инертности, воспринял это как сигнал, что настало время уйти в подполье, присоединиться к движению сопротивления, обзавестись поддельными документами и т.д. (если все это не было уже давно сделано). Большинство таких людей выжило. Иллюстрацией может служить пример моих дальних родственников. В самом начале войны молодой человек, проживавший в небольшом венгерском городе, объединился с другими евреями, готовясь к вторжению немцев. Как только нацисты установили комендантский час, его группа отправилась в Будапешт, поскольку в большом городе легче скрыться. Там они сошлись с подобными группами из других городов и из самого Будапешта. Из этих групп были выбраны мужчины типично "арийской" внешности, которые, добыв фальшивые документы, вступили в венгерскую СС, чтобы иметь возможность предупредить своих о готовящихся акциях, районах проведения облав и т.п. Система столь хорошо работала, что большинство членов этих групп остались живы. Кроме того, они обзавелись оружием и были готовы в случае необходимости сопротивляться, чтобы гибель немногих в бою дала бы большинству возможность скрыться. Некоторые вступившие в СС евреи были все же разоблачены и немедленно расстреляны, но такая смерть, надо полагать, предпочтительней газовых камер. Тем не менее, большинство членов этих групп, скрывавшихся до последнего момента среди СС, уцелело. Мой молодой родственник не сумел убедить свою семью последовать за ним. Три раза, страшно рискуя, он возвращался домой и рассказывал сперва о растущем преследовании евреев, затем о начавшемся их уничтожении и газовых камерах, но не смог убедить родных покинуть свой дом, свое имущество. С каждым приездом он все настойчивее уговаривал их, но с отчаянием видел, что они все менее хотят или способны действовать. С каждым разом они как бы все дальше продвигались по пути в крематорий, где потом все действительно и погибли. Чем больше была угроза, тем сильнее его семья цеплялась за старый распорядок, за накопленное имущество. В этом истощающем жизненные силы процессе уверенность в завтрашнем дне, державшаяся ранее на планировании жизни, постепенно заменялась иллюзией безопасности, которую давало им имущество.

Опять таки как дети, они отчаянно цеплялись за предметы, наделяя их тем смыслом, которого они более не видели в окружающей жизни. Постепенно отказываясь от борьбы за выживание, они все более и более сосредоточивались на этих мертвых предметах, шаг за шагом теряя свою личность. В Бухенвальде я разговаривал с сотнями немецких евреев, привезенных туда осенью 1938 года. Я спрашивал их, почему они не покинули Германию, ведь жизнь стала уже совершенно невыносимой. Ответ был: "Как мы могли уехать? Это значило бы бросить свои дела, свой бизнес". Земные блага приобрели над ними такую власть, что приковали их к месту. Вместо того, чтобы использовать имеющиеся у них средства для своего спасения, люди попали к ним в подчинение. Постепенный распад личности, для которой вся жизнь сосредоточена в материальных ценностях, можно увидеть также и через призму изменявшейся политики нацистов по отношению к евреям. Во время первых бойкотов и погромов еврейских магазинов единственной видимой целью нацистов было имущество евреев. Они даже позволяли евреям взять что-то с собой, если те соглашались немедленно уехать. Достаточно долго нацисты с помощью дискриминационных законов старались принудить к эмиграции людей, принадлежавших к нежелательным для них меньшинствам, в том числе и евреев. Политика уничтожения, несмотря на свое соответствие внутренней логике нацизма, была введена только после того, как не оправдался расчет на эмиграцию. Не встречая сопротивления, преследование евреев потихоньку усиливалось. Возможно, что именно покорность евреев привела нацистов к мысли, что их можно довести до состояния, когда они сами пойдут в газовые камеры. Большинство польских евреев, не веривших, что все останется по-прежнему, пережило Вторую мировую войну. При приближении немцев они бросали все и бежали в Россию, хотя многие из них не доверяли советской системе. Но в России, где они были гражданами второго сорта, их все же считали людьми. Ну, а те, кто остался и продолжал обычную жизнь, пошли по пути распада и гибели. Так что, в сущности, путь в газовую камеру был следствием философии бездействия. Это был последний шаг на пути несопротивления инстинкту смерти, который можно назвать иначе - принцип инерции. Первый шаг в лагерь смерти человек делал задолго до того, как туда попадал. С другой стороны, поведение самоубийц показывает, что принуждение имеет свой предел. Дойдя до определенной черты, человек предпочитает смерть животному существованию. Но путь к этому ужасному выбору начинается с инерции. Те, кто ей поддался, кто перестал черпать жизненную энергию в окружающем мире, не мог больше проявлять инициативу и боялся ее в других. Такие люди не могли уже адекватно воспринимать реальность. Они как дети старались лишь отрицать неприятное и верить в собственное бессмертие. Очень показательны с этой точки зрения воспоминания бывшей узницы концлагерей Ленжиель. Она рассказывает, что хотя заключенные жили в нескольких сотнях метров от крематория и газовых камер и не могли не знать, что к чему, большинство из них не признавали очевидного даже спустя месяцы. Понимание истинной ситуации могло бы помочь им спасти либо свою, практически обреченную жизнь, либо жизнь других. Но они уже не хотели этого понимания. Когда Ленжиель вместе со многими другими заключенными была отобрана для отправки в газовую камеру, она единственная пыталась вырваться, и ей это удалось. Поразительно, но среди находившихся рядом с ней таких же обреченных, нашлись люди, которые донесли начальству о попытке ее побега. Ленжиель не знает, почему люди отрицали существование газовых камер, когда они видели целыми днями дым над крематорием и чувствовали запах горящей плоти. Как могли они не верить в смерть только ради того, чтобы не пришлось защищать собственную жизнь? Причем заключенные ненавидели всякого, кто пытался избежать общей участи, тогда как сами они не имели для этого достаточно храбрости. Я думаю, причина - потеря воли

к жизни, подчинение инстинкту смерти. И в итоге, такие заключенные были ближе к СС, чем к тем своим товарищам, которые, цепляясь за жизнь, иногда ухитрялись избежать смерти.

Компетенция человека.

Когда заключенные начинали служить своим палачам, по собственной воле помогать им умерщвлять себе подобных, дело было уже не просто в инерции. К ней добавлялся возобладавший в них инстинкт смерти. Если служба становилась продолжением их обычной профессиональной деятельности, попыткой жить своей прежней жизнью, то такой выбор открывал дверь смерти. Согласно описанию Ленжиель, деятельность доктора Менгеле - врача-эсэсовца в Освенциме - это типичный случай "обычной работы". Он, к примеру, выполнял весьма тщательно все медицинские манипуляции при приеме родов: соблюдал антисептику, очень осторожно перерезал пуповину и т.д., а полчаса спустя отправлял в крематорий и мать, и ребенка. Сделав выбор, доктор Менгеле и ему подобные были вынуждены все время обманывать себя, чтобы сохранять внутреннее равновесие. Мне в руки попало письменное свидетельство такого рода. В нем доктор Нисли - заключенный, исполнявший функции врача-исследователя в Освенциме - снова и снова говорит о себе как о враче, хотя, по сути, эта его деятельность была преступной. Он говорит об Институте расовых, биологических и антропологических исследований, как об "одном из наиболее квалифицированных медицинских центров Третьего рейха", тогда как главная задача этого института была - оправдывать ложь. Хотя Нисли был врачом, он, подобно другим заключенным, служившим СС не хуже самих эсэсовцев, стал участником и сообщником преступлений СС. Как все-таки он мог с этим жить? По-видимому, главным для него оставалось профессиональное мастерство, независимо от его применения. Доктор Нисли, доктор Менгеле и сотни других, значительно лучших врачей, получили образование задолго до прихода Гитлера к власти, и, тем не менее, они приняли участие в экспериментах над людьми. Вот к чему приводят профессиональные знания и мастерство, не контролируемые моралью. **И хотя крематориев и лагерей больше нет, современное общество, как и раньше, ориентировано, прежде всего, на профессиональные знания, и до тех пор, пока неуважение к жизни как к таковой остается, мы не будем в безопасности.**

Легко согласиться с тем, что сбалансированное равновесие между крайностями идеально для жизни. Сложнее принять это в случае концентрационного лагеря. И в экстремальных условиях руководствоваться только эмоциями или только разумом - плохой путь и для жизни, и для выживания. Даже такая любовь, как у господина Франка, не помогла ему сохранить семью, в то время как более разумное сердце, возможно, нашло бы выход из положения. Доктор Нисли, напротив, предельно гордый своим профессиональным уровнем, смирил голос сердца и в итоге обрек себя на такое унижение, что вряд ли от него как от человека осталось что-либо, кроме телесной оболочки. Я встречал много и евреев, и антинацистов других национальностей, оставшихся в живых в Германии и в оккупированных ею странах, подобно венгерской группе, о которой я рассказал выше. Все эти люди поняли вовремя, что когда мир разлетается вдребезги, **когда воцаряется бесчеловечность, нельзя продолжать жить как обычно. Нужно радикально переоценить все, что ты делаешь, во что веришь, за что борешься. Короче, надо занять позицию в новой реальности, сильную позицию, а не прятаться в личную жизнь.** Сегодня негры в Африке идут против полиции, защищающей апартеид, и даже если сотни из них будут убиты, а десятки тысяч

посажены в концентрационные лагеря - эти демонстрации, эта борьба рано или поздно докажут возможность для них свободы и равенства. Те миллионы евреев Европы, кто вовремя не бежал или не ушел в подполье, могли, по крайней мере, выступить против СС как свободные люди. Вместо этого они сначала пресмыкались, затем дождались, пока их изолируют, и, в конце концов, сами пошли в газовые камеры. Все же опыт лагерей смерти показывает, что даже в таком безнадежном положении существует определенная самозащита. Главное - понять, что с человеком происходит и почему. Проанализировав окружающую обстановку, человек не станет, как я полагаю, обманывать себя верой в то, что приспособившись, он сможет выжить. Он тогда способен понять, что многое, внешне кажущееся защитой, в действительности приводит к распаду. Крайний пример - заключенные, вызвавшиеся добровольно работать в газовых камерах в надежде, что это каким-то образом спасет им жизнь. Однако многие из них и умерли быстрее обычных заключенных, и прожили более страшную жизнь.

Сопротивление.

Действительно ли ни один из обреченных на смерть людей не сопротивлялся? Неужели никто не предпочел умереть, борясь против СС? Увы, только очень немногие. К ним принадлежит, например, двенадцатая зондеркоманда - одна из тех, которые работали в газовых камерах. Заключенные в этих командах знали свою участь, так как первой их задачей всегда была кремация тел предыдущей команды, уничтоженной за несколько часов до этого. Во время бунта двенадцатой зондеркоманды было убито 70 эсэсовцев, в том числе один офицер и 17 унтер-офицеров, полностью выведен из строя один крематорий и серьезно повреждены несколько других. Правда, все 853 члена команды погибли. Но соотношение эсэсовцев и заключенных 1:10 - гораздо больше, чем в обычном концентрационном лагере. Единственная восставшая зондеркоманда, нанеся врагу столь большой урон, погибла почти так же, как все остальные. Почему же тогда миллионы других заключенных, имея перед собой такие примеры, шли, не сопротивляясь, к своей смерти? Почему лишь немногие гибли как люди, как эта единственная из многих команда? Почему остальные команды не восстали, а пошли сами на смерть? Или - чем тогда вызвано исключение? Возможно, еще один замечательный пример самоутверждения способен прояснить этот вопрос. Однажды группа заключенных, уже раздетых догола, была выстроена перед входом в газовую камеру. Каким-то образом распорядившийся там эсэсовец узнал, что одна из заключенных была в прошлом танцовщицей, и приказал ей станцевать для него. Женщина начала танцевать, во время танца приблизилась к эсэсовцу, выхватила у него пистолет и застрелила его. Она, конечно, была тут же убита. Может быть, танец позволил ей снова почувствовать себя человеком? Она была выделена из толпы, от нее потребовалось сделать то, в чем раньше было ее призвание. Танцуя, она перестала быть номером, безличным заключенным, стала как прежде танцовщицей. В этот момент в ней возродилось ее прежнее "я", и она уничтожила врага, пусть даже ценой собственной жизни. Несмотря на сотни тысяч живых трупов, безропотно шедших к своей могиле, один этот пример, а были и другие подобные случаи, показывает, что если мы сами решаем перестать быть частью системы, прежняя личность может быть восстановлена в одно мгновение. Воспользовавшись последней свободой каждого, которую не может отобрать даже концентрационный лагерь - самому воспринимать и оценивать свою жизнь, - эта танцовщица вырвалась из тюрьмы. Она сама захотела рискнуть жизнью ради того, чтобы вернуть свою личность. Поступая так же, мы, даже если не сумеем жить, то хотя бы умрем как люди. Люди - не муравьи. В предыдущих главах я рассматривал влияние, которое

оказывали немецкие концентрационные лагеря на заключенных в них людей. Остался открытым не менее важный вопрос: какую роль играли лагеря в запугивании свободных немецких граждан и в изменении их личности. В этом отношении, к счастью, лагеря не добились полного успеха. Однако нынешнему поколению людей, и американцам в особенности, трудно понять, каким образом свободно живущий народ оказался полностью во власти национал-социализма. Пожалуй, лучше начать с тех жертв нацистского государства, которые погибли, в буквальном смысле слова, под грузом своего имущества. Похожие события, хотя и с менее трагическими последствиями, происходили также во Франции. Беженцы, спасавшиеся от наступающих немецких армий, были фактически погребены под вещами, которые они везли в повозках, тачках, тащили на себе, потому что не могли представить себе жизнь без них. Я повторял в этой книге уже много раз, что процветание или гибель любого общества зависит от того, насколько человек, как член этого общества, способен преобразить свою личность так, чтобы придать обществу "человеческое лицо". В нашем случае это означает, в частности: не мы должны быть поработаны техникой, а она служить нашим целям. Для приспособления к новой технологической реальности необходимо ясно осознать, что вещи - мертвые предметы - сейчас несравненно менее важны для человека, чем раньше: не требуется работать целый год, чтобы приобрести новый костюм или новую кровать. Такое осознание послужит углублению нашей свободы и приведет к меньшей эмоциональной зависимости от вещей. С другой стороны, степень нашей привязанности к имуществу может помочь американцам, столь гордящимся своими свободами, понять жизнь Германии под властью Гитлера. Никто не желает отказываться от свободы. Но вопрос становится значительно более сложным, когда нужно решить: какой частью своего имущества я согласен рисковать, чтобы остаться свободным, и насколько радикальным изменениям готов подвергнуть свою жизнь для сохранения автономии. Когда речь идет о жизни и смерти или о физической свободе, то для человека, еще полного сил, сравнительно легко принимать решения и действовать. Если же дело касается личной независимости, выбор теряет свою определенность. Мало кто захочет рисковать жизнью из-за мелких нарушений своей автономии. И когда государство совершает такие нарушения одно за другим, то где та черта, после которой человек должен сказать: "Все, хватит!", даже если это будет стоить ему жизни? И очень скоро мелкие, но многочисленные уступки так высосут решимость из человека, что у него уже не останется смелости действовать. То же самое можно сказать о человеке, охваченном страхом за свою жизнь и (или) свободу. Совершить поступок при первом сигнале тревоги относительно легко, так как тревога - сильный стимул к действию. Но если действие откладывается, то чем дольше длится страх и чем больше энергии и жизненных сил затрачивается, чтобы его успокоить, не совершая поступка, тем меньше человек чувствует себя способным на какой-либо поступок. При становлении режима нацистской тирании, чем дольше откладывалось противодействие ей, тем слабее становилась способность людей к сопротивлению. А такой процесс "обезволивания" стоит только запустить, и он быстро набирает скорость. Многие были уверены, что уже при следующем нарушении государством их автономии, ущемлении свободы, при еще одном признаке деградации, они наверняка предпримут решительные действия. Однако к этому времени они уже не были ни на что способны. Слишком поздно им пришлось убедиться в том, что дорога к разложению личности и даже в лагерь смерти вымощена не совершенными в нужное время поступками. Влияние концентрационных лагерей на автономию свободных граждан также шло постепенно. В первые годы режима (1933-1936) смысл лагерей заключался в наказании и обезвреживании отдельных активных антифашистов. Однако затем возобладало стремление покончить с личностью как

таковой. Я уже рассказывал, как это делалось в лагерях. Теперь хочу показать, как то же самое происходило с остальными немцами, и насколько серьезно гестапо полагалось на спланированные и хорошо "рекламируемые" мероприятия. После 1936 года, когда политическая оппозиция была сломлена и власть Гитлера окончательно укрепилась, в Германии уже не осталось отдельных людей или организаций, которые могли бы серьезно угрожать существованию нацизма. Хотя по-прежнему имели место индивидуальные акты протеста, подавляющее большинство сосланных в лагеря в последующие годы выбирались по причине их принадлежности к какой-либо группе. Их наказывали, поскольку данная группа почему-либо вызвала недовольство режима, или могла вызвать его в будущем. Главным стало наказывать и запугать не отдельного человека и его семью, а определенный слой населения. Такой перенос внимания с индивидуума на группу, хотя и совпал с подготовлением к войне, нужен был, в основном, для обеспечения тотального контроля над людьми, еще не полностью лишенными свободы действия. Иными словами, индивидуальность следовало растворить в полностью послушной массе. К тому времени, хотя недовольные еще оставались, подавляющее большинство немцев приняло гитлеровское государство и всю систему. Однако их лояльность к режиму расценивалась, как акт свободной воли, совершенный людьми, которые все еще обладали значительной внешней свободой и чувством внутренней независимости. Оставалась также власть отца над своим домом. Про человека, который на деле и полностью распоряжается жизнью своей семьи, и черпает самоуважение и чувство надежности в своей работе, нельзя сказать, что он полностью потерял независимость. Поэтому следующая задача государственной тирании - покончить и с этими свободами, мешающими созданию общества, состоящего целиком из существ, полностью лишенных индивидуальности. Те профессиональные и социальные группы, которые хотя и приняли идеологию национал-социализма, но протестовали против ее вмешательства в сферу своих личных интересов, должны были научиться стоять по стойке смирно и усвоить, что в тоталитарном государстве нет места для личных устремлений. Уничтожить все группы, которые еще обладали какой-то степенью свободы, было бы нерентабельно - это могло бы повредить государству и нарушить работу промышленности, жизненно важной ввиду надвигающейся войны. Следовательно, их надо было принудить к полному подчинению путем запугивания. Гестапо называло такие групповые меры "акциями" и применило их первый раз в 1937 году. Вначале фашистская система развивалась медленно и разрушала личность скорее своими качествами, типичными для тоталитарного государства, чем заранее продуманными акциями. Только позднее, когда эти акции доказали свою эффективность, они сознательно планировались для уничтожения автономии больших групп. Народный контроль. Во время первых акций наказанию подвергались только лидеры "беспокойных" групп. Это было естественно, поскольку нацистская система, основанная на принципе единоначалия, подразумевала, что начальники несут ответственность за все, что происходит, а подчиненные должны лишь беспрекословно выполнять приказы. Однако этот принцип работает лишь в том случае, когда начальников немного, или группа представляет собой хорошо слаженную команду. Он не соблюдается для расплывчатых групп с неясной структурой подчинения. Современному обществу вообще присуща сложная система группировок. При этом даже группы, созданные самим государством, проявляют тенденцию к укреплению своей независимости, к борьбе за свои интересы против других таких же групп. Поэтому задача заключалась не только в том, чтобы подчинить старые, уже существующие группы, но и сделать вновь создаваемые полностью подконтрольными. Оба типа групп были необходимы для существования государства. Это обстоятельство осознавалось членами этих групп и укрепляло их

независимость. Более того, если подчиненные слепо следовали за своими начальниками, как им это предписывалось, государство все равно не чувствовало себя в безопасности, поскольку кто-то из лидеров групп мог уклониться от "генеральной линии". Требовалось найти способ полного контроля над всеми, и начальниками, и подчиненными, который не нарушал бы, однако, принципа единоначалия. Решение заключалось в следующем: надо было запугать членов группы до такой степени, чтобы их страх за собственную жизнь уравнивал стремление полностью подчиниться начальнику. Этого можно было достигнуть с помощью контроля снизу, который, тем не менее, не должен был укреплять низы. Наоборот, их нужно было, насколько возможно, ослабить, для чего использовались чувства озлобления и тревоги. Действия, вызванные этими чувствами, даже если они приводят к успеху, не прибавляют силы и защищенности. В некоторых группах злобы на начальника было достаточно, чтобы обеспечить нужный контроль снизу. В других группах интересы подчиненных настолько совпадали с интересами начальника, что для получения нужного эффекта требовалось добавить тревогу. Семья не только наиболее важная, но во многих отношениях типичная маленькая группа, и на ее примере удобно рассмотреть, как же осуществлялся контроль снизу. Внутри семьи родители - это начальники, дети - подчиненные. Исторически сложилось так, что родительская власть в немецкой семье была очень велика. И хотя члены семьи имели много общих интересов, ее жесткая иерархия допускала существование довольно сильных чувств страха и озлобления. Поэтому, если заменить у детей страх перед родителями страхом перед государством, или поддержать детей против родителей, или сделать и то, и другое, можно сравнительно легко вызвать и подогреть озлобление детей против родителей. Манипулируя этим чувством, государство устанавливало полный и разрушительный контроль над всей семьей. Доносительство на родителей со стороны детей или супругов друг на друга не было распространено настолько, чтобы нанести большой ущерб всем супружеским парам или вообще разрушить семью как последнее убежище человека. Однако немногие реальные случаи и их ужасные последствия были разрекламированы достаточно широко, чтобы посеять в семье недоверие друг к другу. Особенно разрушительно на психику родителей действовала мысль о тех последствиях, которые могут иметь их поступки или слова, совершенные или сказанные при детях. Страх, разрушая чувство безопасности в собственном доме, лишал человека главного источника самоутверждения, который придавал смысл жизни и обеспечивал внутреннюю автономию. Более чем само предательство, этот страх заставлял быть постоянно начеку даже в своих четырех стенах. Безусловное доверие - главная ценность в отношениях между близкими людьми - перестало их поддерживать и превратилось в опасность. Семейная жизнь требовала непрерывной настороженности, напряжения, почти открытого недоверия. Она лишала людей силы, тогда как должна была бы служить им защитой. Можно еще добавить, что хотя известно лишь немного случаев, когда дети доносили на своих родителей, довольно часто они грозили сделать это. Такой способ самоутверждения, однако, не делал их сильнее: стремясь заглушить чувство вины, ребенок оправдывал предательство необходимостью подчинения "высшему отцу", обожествляя фюрера (или государство). Так что, самоутверждаясь столь неприглядным способом, вынуждая себя рассматривать требования государства как высшие, абсолютные и непреложные, доносчик мало что выигрывал в автономии, терял же многое. Похвала тайной полиции, публичное прославление на собрании гитлерюгенда или в газете могло вызвать временное чувство приподнятости. Но это чувство не компенсировало тот молчаливый остракизм, которому подвергались доносчики в своих семьях. Не говоря уже о потере отца, брошенного в тюрьму, и материальных трудностях, связанных с отсутствием кормильца. Таким образом, усилия детей

достичь независимости приводили к еще большему их подчинению, но уже не родителям, а обожествленному государству.

Все, сказанное здесь о семье, относится, хотя и в меньшей степени, к другим объединениям людей. Например, по доносу уничтожается один начальник. Его заменяют другим, обязанным этим повышением не уважению своих коллег или профессиональным успехам, а все тому же государству. Легко понять, что он вызывал ненависть у окружающих и обвинялся в смерти человека, которого он заменил. Такому начальнику трудно было рассчитывать на поддержку своих подчиненных, и ему оставалось лишь доказывать свою преданность государству, полностью подчиняясь его требованиям. Таково было запугивание снизу - "народный контроль" в гитлеровской Германии. Групповые акции. Довольно быстро выяснилось, что запугивание непокорных начальников не решало всех задач. У рядовых членов групп создавалось впечатление, что, не совершая заметных поступков и не выражая личного мнения, можно чувствовать себя в безопасности. Гестапо пришлось пересмотреть свою практику и вместо простого ареста начальника посылать в концентрационный лагерь целую "выборку" из представителей неугодной группы. Такое нововведение позволяло гестапо терроризировать всех членов группы, лишая их независимости и не трогая, если это было нежелательно, ее начальника. Так было, например, с движением протеста против регламентации в области искусства. Это движение, выступившее в защиту так называемого декадентства, группировалось вокруг известного дирижера Фуртвенглера. Он скрыто вдохновлял его, не высказываясь, однако, публично. Фуртвенглера не тронули, но движение было уничтожено, а деятели искусства всерьез запуганы арестом ряда своих коллег. Даже если бы Фуртвенглер захотел сыграть более активную роль в этом движении, он оказался бы в положении полководца без войска, и движение неминуемо распалось бы. Важно отметить, что наказанию подверглись также и те деятели искусства, которые не имели никакого отношения к движению протеста. В результате мало кто задавался вопросом "За что?", и были запуганы все деятели искусства, независимо от убеждений. На первых порах лишь несколько профессиональных групп, например врачи и адвокаты, были "прорежены" подобным образом за неприятие нового, непривычного для них положения в обществе. Это неприятие было естественным, ибо на протяжении более ста лет они гордились своим образованием, превосходными знаниями, своим вкладом в жизнь общества и своим положением, которое отсюда вытекало. Они считали, что имеют право на уважение и определенные привилегии, которые выражались, прежде всего, в особом к ним отношении. Члены привилегированных групп признавали, что многие действия нацистского государства были необходимы ему, чтобы завоевать поддержку масс и держать их в узде, но считали, что все это не может и не должно касаться их самих. Они сами способны рассуждать и решать, что лучше для них и для всей нации. "Акции" против этих групп сразу поставили их на колени, показав, насколько теперь опасно даже для них иметь собственное мнение или ощущать себя личностью. Групповые акции оказались настолько эффективными, что вскоре стали использоваться для полного уничтожения профессиональных групп, признанных ненужными или нежелательными. Вновь первыми в этом списке стали цыгане - люди, традиционно сопротивлявшиеся любым покушениям на свободу передвижения или поведения. Когда попытки принудить их к оседлости и подчинить контролю провалились, а арест нескольких сотен не привел в чувство остальных, все цыгане были отправлены в концентрационный лагерь. Так прозвучало новое предупреждение: если "прореживание" не дает нужного результата, вся группа целиком будет уничтожена. Поэтому такое радикальное

решение уже не требовалось для других нежелательных групп, таких как содержатели ночных клубов или профессиональные танцоры. Именно танцоры были первой группой, предупрежденной заранее через газеты и с помощью специально распространяемых слухов о необходимости сменить профессию на более полезную для государства. После того, как некоторые из них были заключены в концентрационные лагеря, оставшиеся сразу показали, что прекрасно усвоили урок: они "добровольно" распустили свои организации и нашли себе другую работу. С тех пор одного намека на желательность найти более "полезное" занятие было достаточно, чтобы вызвать требуемую для государства переквалификацию. Сложнее обстояло дело с группами, более значимыми для общества, чем содержатели публичных домов, сводники, графологи или ночные танцоры. Труд не был еще жестко регламентирован. Рабочий по-прежнему обладал некими юридическими правами: мог менять место работы, критиковать плохие условия труда и требовать повышения жалованья. Вскоре и эти возможности для самоутверждения были ограничены, и не столько из-за мелких неудобств, причиняемых ими промышленности или рынку рабочей силы, сколько из-за того, что они оставляли рабочему некоторую автономию. С другой стороны, беспрекословное подчинение государству поощрялось с помощью сложной системы различных поощрений, среди которых можно отметить, к примеру, широко разрекламированные путевки на отдых, которые вручались организацией "Сила через радость". Население Германии испытывало страх перед концентрационными лагерями с момента их появления. Однако до введения групповых акций "маленький человек" мог убеждать себя, что лагеря созданы не для таких незначительных людей, как он. Не "примеряли" их к себе и члены нацистской партии, считавшие, что их положение позволит им открыто выражать недовольство или совершать мелкие нарушения дисциплины. Однако тоталитарное государство неизбежно со временем начинает осознавать важность запугивания своих же приверженцев. Первые сподвижники национал-социализма пытались "несвоевременно" проводить в жизнь принципы системы в соответствии со своими убеждениями или другими способами отклонялись от "генеральной линии". Такие люди были признаны столь же опасными для государства, сколь и его активные противники. Потому что вновь, как и в других случаях, опасность заключалась не в конкретном мнении, которого придерживался какой-то человек, а в том, что он вообще имел личное мнение. Групповые акции показали членам партии, что и их жизнь висит на волоске. Еще раньше они поняли, как опасно отклоняться от норм, установленных гестапо. Теперь же им нужно было осознать, что не менее опасно вообще иметь личные убеждения [21]. Террор "наугад". Групповые акции использовались не только для того, чтобы приструнить членов организованных групп. Они служили также средством подавления любого неорганизованного стремления к независимости и самоутверждению. Взять, к примеру, слушание зарубежных радиостанций. Вначале просто поощрялось доноительство на людей, слушающих по вечерам радио, хотя слушание зарубежных станций было запрещено законом и каралось тюремным заключением только во время войны. Поскольку в данном случае нельзя было рассчитывать на поголовное уничтожение всех нарушителей, и тактика случайной выборки также не имела смысла, собирались доносы на несколько сотен "нарушителей" и их всех одновременно отправляли в концентрационные лагеря. И вновь не имело значения, что некоторые пострадавшие никогда не слушали зарубежных радиостанций. Эффект запугивания остального населения был от этого ничуть не меньше. Акция против "слушателей", проведенная задолго до принятия закона, была широко разрекламирована, и эта реклама увеличивала страх "домашних" доносов. Казалось, что они случались очень часто и имели ужасные последствия. Я хочу подчеркнуть, что "акции" карали тех, кто не нарушал никаких законов. Ведь государственному

аппарату не составляло труда издать любой запретительный закон. Но смысл "акций" не в том, чтобы наказать нарушителей. Они должны были принудить всех граждан добровольно вести себя так, как того требовало государство. Без сомнения, главной причиной конформизма становилось не стремление следовать букве закона, а страх. Страх, сидевший в самом человеке и принуждавший его к конформизму. Каким бы несущественным ни казалось это различие, оно очень значимо психологически. Дело здесь вовсе не в том, есть или нет у "человека с улицы" юридические основания для выбора. Юридические тонкости обычно не имеют никакого, или почти никакого, психологического эффекта. Решающее различие заключается в том, что когда закон опубликован, каждому ясно, на что он может рассчитывать. В случае же групповых акций человек никогда не знает, что будет караться завтра. Тех, кто постоянно опасался попасть, впросак, групповые акции вынуждали предугадывать желания государства задолго до того, как они высказывались. Страх рождал в воображении человека все новые "акции", захватывающие все более обширные области поведения, причем такие, какие даже тоталитарное государство на самом деле не могло бы себе позволить без ущерба для себя. Так что, в результате подданные должны были вести себя значительно "правильней", чем того требовали реально проводимые акции. Чтобы предугадывать будущие события, человек должен знать тайные мысли, мотивы, желания других людей (или групп). "Человек с улицы" мог получить такое "интуитивное" знание лишь одним способом - путем полного слияния с государством, с его настоящими и будущими целями. Именно непредсказуемость акций, определявших высшую меру за поступки, которые человек, "не имевший доступа", считал допустимыми и даже безопасными, вынуждали его становиться человеком, "имеющим доступ". Спасая свою жизнь, и, следовательно, по своей собственной воле он должен был до такой степени стать частью тоталитарного государства, чтобы предугадывать и быть готовым к тому, что оно, возможно, потребует от него завтра. Результаты были впечатляющими. Примерно к концу 1939 года число серьезных диссидентов так упало, что просто слушание зарубежного радио стало столь же тяжелым политическим преступлением, каким несколькими годами ранее было печатание и распространение подстрекательских листовок. В 1938 году, например, была проведена весьма шумевшая кампания против так называемых "ворчунов", позволявших себе в кругу своих знакомых критиковать своих начальников или правительство. Кампании против "ворчунов" и слушающих зарубежное радио практически положили начало государственному контролю над поведением человека, нарушили неприкосновенность его дома. Следует, правда, отметить, что еще раньше состоялась акция против нарушителей "расовой чистоты". Она имела целью контроль над наиболее интимными, сексуальными отношениями. Но эта акция была направлена только против немцев, имеющих связи с евреями (неграми и т.д.). Поэтому она коснулась лишь очень небольшой группы граждан. Кампания против гомосексуалистов еще глубже затрагивала личную жизнь человека, однако, из-за резко отрицательного отношения к ним большинства населения, она также задела лишь небольшое число "заинтересованных" лиц. Преследование "ворчунов" резко изменило всю ситуацию. Теперь ни один немец не мог больше чувствовать себя в безопасности в своем доме - акции разрушили неприкосновенность жилища в Германии. К тому времени значительно окреп гитлеровский союз молодежи. Подростки стали достаточно "подкованными", чтобы, отбросив страх или уважение к родителям, шпионить за ними и их друзьями. Дети сообщали в полицию о наиболее интимных разговорах и поступках родителей или угрожали это сделать. Вскоре на первый план вышла война, и под угрозой истребления оказалась новая группа - люди, которые якобы "подрывали" военные усилия страны. Это мероприятие также было названо групповой акцией и коснулось, главным образом,

пацифистов, среди которых большинство составляли члены секты Свидетелей Иеговы. Каждый в Германии знал из газетных сообщений о существовании концентрационных лагерей и их карательном характере, однако подробная информация отсутствовала. Это только усиливало ужас, поскольку психологически легче перенести мысль о самой страшной пытке, если точно знать, в чем она состоит. (Иногда удается эту мысль прогнать, придать ей не столь угрожающий характер.) Неизвестность действует на нас более устрашающе: ее не обманешь, она непрерывно преследует нас. Если мы не можем справиться со своим страхом, он заполняет нашу духовную жизнь, наше сознание или подсознание, превращая жизнь в пытку. Эти рассуждения могут объяснить, почему концентрационные лагеря наводили такой ужас не только на противников режима, но и на тех, кто никогда не нарушал ни малейшего приказа. Однако многие были парализованы страхом, не только из-за угрозы угодить в концентрационный лагерь, но также из-за своей неспособности принимать жизненно важные решения и действовать в соответствии с ними. А ведь речь шла не о самоуважении, а о самой жизни. Чем больше страх, тем сильнее необходимость действовать. Однако страх истощает. Как я уже говорил в начале этой главы, совершить поступок при первом приступе страха сравнительно легко, ибо он является мощным раздражителем и стимулом к действию. Кроме страха за жизнь угроза лагеря порождала еще одно чувство, которое может быть названо страхом за свою душу. Перед человеком неизбежно вставал вопрос: если сопротивление государству лишает меня положения в обществе и семье, лишает меня дома и имущества, смогу ли я жить без всего этого? Только тот, кто точно знал, что главное останется с ним несмотря ни на какие испытания, мог позволить себе бросить вызов этому страху. Такие люди выбирали или борьбу, или бегство из Германии. (...) Вызов в гестапо многие воспринимали как избавление. У одних при этом приступ страха побеждал, наконец, нерешительность и вызывал активные действия. У других возникало желание поскорее отдаться в руки гестапо. Это означало для них конец душевной агонии. Не нужно больше задавать себе мучительный вопрос: "Что придает мне силы? Мои внутренние убеждения или мое положение по службе, мое имущество, которое я смог скопить?" Постоянное повторение таких вопросов само по себе оказывало разрушающее воздействие на психику. А ведь еще оставались мучительные сомнения - как поведут себя жена и дети, если ты лишишься социального положения и благополучия. Можно понять, почему человек так цеплялся за эти внешние символы, когда стремительно падал запас его внутренних сил. Многие немцы, зная или предполагая, что гестапо рано или поздно ими займется, обдумывали планы побега. Тем не менее, они оставались дома и ждали повестки, и когда, наконец, она приходила, у них уже не было внутренней решимости совершить побег. Были и другие причины парализующего действия гестапо на немецкое население. Их мы и обсудим далее. Боже, лиши меня речи! Почти все граждане Германии, как и узники концентрационных лагерей, должны были выработать защитные механизмы против висящей над ними угрозы со стороны гестапо. В отличие от заключенных, они не создавали организаций, чувствуя, что это только приблизит арест. В этом смысле заключенные имели "преимущество" перед "свободными" гражданами. Понимая это, заключенные говорили, что лагерь - единственное место в Германии, где можно обсуждать политические проблемы, не боясь немедленного доноса и тюрьмы. Поскольку создание организаций было крайне рискованным предприятием, немецкие граждане полагались, в основном, на психологическую самозащиту, сродни той, которая вырабатывалась у узников лагерей, хотя, возможно, не столь глубокую и изощренную. В частности, у граждан Германии, в первые годы было не так уж много способов справиться с проблемой лагерей. Пытаться отрицать их существование, было бессмысленно, так как само гестапо их рекламировало.

Убедить себя в том, что они не так уж и страшны? Многие немцы старались в это поверить, но без особого успеха, поскольку газеты постоянно предупреждали: либо они будут вести себя "как следует", либо кончат жизнь в концентрационном лагере. Проще всего было решить, что туда попадают лишь отбросы общества, и вполне заслуженно. Но немногие могли заставить себя поверить в такую версию. Тот, кто негодовал по поводу террора со стороны государства, должен был отдавать себе отчет, что правительство его страны порочно, и это еще больше подрывало его самоуважение. Каждый человек, для которого имели смысл понятия совести и достоинства, осознав истинный характер концентрационных лагерей, должен был решить: либо бороться с режимом, породившим их, либо, по крайней мере, занять твердую внутреннюю позицию против него. В отсутствие эффективно организованного сопротивления (которое появилось, лишь когда военное поражение Германии стало очевидным), открытая борьба была бессмысленным самоубийством. Но находились люди, в частности, небольшая группа студентов университета, которые предпочли невероятный риск борьбы компромиссу со своей совестью. Кроме открытой борьбы существовали и другие пути сопротивления, например, помощь или укрывание антифашистов или евреев. Выбор молчаливой внутренней оппозиции все равно требовал от человека отказаться от карьеры, рискнуть своим экономическим благополучием или эмоциональным комфортом налаженной жизни. И вновь такой риск могли позволить себе лишь те, немногие, кто обладал внутренними ценностями, кто знал, как мало значат в действительности благосостояние и положение в обществе, кто не сомневался в привязанности близких. Пока большинство из нас не достигло такой духовной цельности, необходимой для жизни в массовом государстве, сделать подобный выбор способны лишь единицы. **Мы видим, таким образом, что жизнь в условиях тоталитарного гнета разрушает цельность и достоинство личности, и, в конце концов, приводит к ее разложению. Глубокий раскол личности неизбежно уничтожает ее автономию.** Под гнетом террора каждый немец, не обладавший твердой внутренней позицией, хотел лишиться не только дара речи, но и возможности делать что-либо, способное вызвать недовольство властей. Опять хочу вспомнить поговорку: хорошего ребенка можно увидеть, но нельзя услышать. Как и заключенные в лагерях, немецкие граждане должны были стать невидимыми и неслышимыми. Но одно дело вести себя подобно ребенку, если ты действительно ребенок: зависимый, не умеющий предвидеть и понимать события, окруженный заботой взрослых, которые старше и умнее тебя, которые заставляют вести себя как следует, хотя иногда тебе удается безнаказанно восстать против них. Здесь важно ощущение уверенности в том, что со временем, когда ты тоже станешь взрослым, справедливость будет восстановлена. Совершенно другое дело, будучи взрослым, заставлять себя усваивать поведение ребенка, и жить так всю жизнь. Такая необходимость имеет для взрослого глубокие психологические последствия. Таким образом, жизнь в условиях террора делала человека беспомощным и зависимым, и, в конечном счете, приводила к расколу личности. Тревога, стремление защитить свою жизнь вынуждали его отказываться от необходимой для человека способности правильно реагировать на события и принимать решения, хотя именно эта способность давала ему наилучшие шансы на спасение. Лишаясь ее, взрослый человек неизбежно превращается в ребенка. Сознание, что для выживания нужно принимать решения и действовать, и в то же время попытка спастись, пряча голову в песок - такая противоречивая комбинация истощала человека настолько, что он окончательно лишался всякого самоуважения и чувства независимости. Вновь амнезия. После победы над Германией общественное мнение в Америке было изумлено и возмущено тем отношением к лагерям, которое преобладало среди немецкого населения. Оказалось, немцы отрицали, какое бы то ни было знание о

существовании и характере концентрационных лагерей. Офицеры союзных армий были потрясены увиденным и испытывали ненависть к немцам, заявлявшим, что они ничего не знали. Такое отношение немцев послужило основанием для военных властей союзников начать после войны кампанию по широкому распространению информации о лагерях. Немецких граждан насильно заставляли посещать и осматривать их. Однако эта кампания явно не была результатом глубокого психологического анализа. Обвиняя немцев, чаще всего предполагали, что они должны были знать о существовании и ужасах концентрационных лагерей. Но на самом деле следовало, видимо, задаться совсем другим вопросом: могли ли они предотвратить эти ужасы, и если могли, то почему они этого не сделали? Разумеется, немцы знали о лагерях. Гестапо специально об этом заботилось. Постоянная угроза очутиться в одном из них принуждала к покорности. Те немногие, кто рискнул бороться в одиночку, погибли. Другие, пытавшиеся организовать движение сопротивления, оказались среди моих товарищей по заключению. Конечно, можно обвинять обычного немца в том, что он не был одним из этих героев. Но часто ли в истории можно встретить народ, чей средний представитель был бы героем? Да, действительно, очень немногие немцы отважились на открытую борьбу против гестапо. Но я хорошо помню, как ликовали узники Бухенвальда, когда узнали, что гестаповцы из частей "Мертвая голова" одалживали форменную одежду в других частях, отправляясь в соседний Веймар, так как городские девушки отказывались с ними знакомиться. Девушки дали им прозвище "красные мальчики" за их обращение с заключенными. Гестапо пробовало угрожать жителям Веймара, но безуспешно. Конечно, поведение жителей нельзя считать героической борьбой. Но это было недвусмысленным выражением отвращения к гестапо в городе, где нацистская партия победила на выборах еще до захвата власти фашистами. Мы не можем обвинять парализованных страхом немцев в том, что они не противостояли гестапо, так же, как мы не ставим в вину безоружным свидетелям ограбления банка, что они не защитили кассира. Но и это сравнение недостаточно справедливо. Свидетель ограбления все же знает, что полиция - на его стороне, причем она вооружена лучше грабителей. Житель же Германии, наоборот, знал, что если он попробует помешать гестапо, его не спасет никакая сила. Что реально мог сделать обычный немец в стране, уже охваченной террором? Покинуть Германию? Многие пытались, но лишь немногие смогли. Большинство было либо слишком напугано, чтобы решиться на бегство, либо не имело возможности это сделать. Да и какая страна открыла свои границы и сказала: "Придите ко мне все, кто страждет"? Что было делать тем, кто был вынужден остаться? Лишь день и ночь думать об ужасах гестапо, пребывая в состоянии постоянной тревоги? Можно сказать себе: "Моя страна - преисподняя", но к чему такие мысли приводят человека, я уже пытался объяснить ранее. Конечно, немцы были до глубины души потрясены, увидев горы мертвых тел в лагерях. Их реакция, во всяком случае, доказала, что двенадцати лет фашистской тирании все же недостаточно, чтобы уничтожить все человеческие чувства. Но кампания, организованная союзниками, не достигла своей цели. По-видимому, главный ее результат в том, что немцы сами убедились, насколько в действительности они были правы, не решаясь выступить против гестапо. До того они еще могли думать, что гестапо преувеличивало свои возможности; теперь же полностью оправдывалось стремление подавить и прогнать от себя даже мысль о лагерях. Попытки обвинить всех немцев в преступлениях гестапо имеют и другие, более серьезные аспекты. Один из наиболее эффективных методов авторитарного режима - возлагать ответственность на группу, а не на отдельного человека, вначале, чтобы принудить его к подчинению, а затем уничтожить как личность. Противники демократии сознательно избегают упоминания об индивидууме, предпочитая

говорить обо всем в терминах группы. Они обвиняют евреев, католиков, капиталистов, так как обвинить отдельного человека противоречило бы их главному тезису - неприятию автономии индивидуума. Одно из главных условий независимого существования личности - ответственность за свои поступки. Если мы выбираем группу немецких граждан, показываем им концентрационный лагерь и говорим: "Вы виноваты", тем самым мы утверждаем фашистскую идеологию. Тот, кто принимает доктрину вины целого народа, выступает против истинной демократии, основанной на индивидуальной автономии и ответственности. С точки зрения психоанализа очевидно - именно потому, что немцы слишком старались загнать лагерь в подсознание, большинство из них было просто не в состоянии смотреть правде в глаза. Как солдат перед сражением старается верить, что с ним ничего не случится (без этого убеждения, чувствуя, как велика опасность, он не смог бы пойти в бой), так и житель Германии, страшившийся концентрационных лагерей, более всего хотел верить в то, что они не существуют. Из всего сказанного следует вывод: интенсивность отрицания действительности (несмотря на легкодоступную и даже насильственно внушаемую информацию) прямо пропорциональна силе и глубине тревоги, вызывающей это отрицание. Не следует считать всех немцев, отрицавших существование лагерей, просто лгунами. Это было бы верно лишь с точки зрения формальной морали. На более глубоком уровне рассуждения мы должны заключить, что принципы морали к ним неприменимы, ибо их личности были настолько разрушены, что они перестали адекватно воспринимать действительность, и были не в состоянии отличить реальный факт от убеждения, порожденного страхом [10]. Разрушение личности зашло так далеко, что люди потеряли автономию - единственное средство для адекватной и самостоятельной оценки событий.

По-видимому, и в реакции американцев существовало два уровня. Их раздражение, чтобы не сказать возмущение, немцами основывалось на молчаливом предположении, что они лгали специально для нас, пытаясь доказать свое алиби; лгали, чтобы избежать наказания. Другими словами, ложь как бы рождалась в момент ее произнесения. Конечно, как победители, мы имели для них большое значение, но, быть может, мы переоценивали его? Я думаю, здесь, как в ситуации с маленьким ребенком, который говорит, что "не разбивал эту чашку", он лжет не потому, что просто хочет нас обмануть. Так же, если не сильнее, он хочет обмануть самого себя. Ребенок боится наказания, зная, что правда рано или поздно обнаружится, и стремится не столько обмануть нас, сколько убедить себя, что не совершал "преступления". Только поверив в свою невиновность, он сможет чувствовать себя в безопасности, ибо знает (после определенного возраста), что если обман раскроется, наказание будет еще более суровым. Это, кстати, одна из причин, почему слишком строгие наказания часто бывают вредны для формирования личности: ребенок, охваченный страхом перед наказанием, уже не в состоянии оценить свой поступок. Если страх слишком велик, он заставит себя поверить в то, что поступил хорошо, когда поступил плохо, или, наоборот, - почувствовать за собой вину, даже если он не сделал ничего предосудительного. Такая внутренняя неуверенность оказывает значительно более разрушительное воздействие на формирование личности, чем наказание. Возможно мы - американцы - переоценивали свой вес в глазах немцев. Но наша ошибка заключалась не только в этом. Значительно важнее другое: мы сами боялись осознать - здесь я вновь возвращаюсь к основной мысли этой книги, - что репрессивный режим способен разрушить личность взрослого человека до такой степени, когда он сможет не знать того, что ему страшно не хочется знать. "Хайль Гитлер!". Все сказанное о внутренней реакции немцев на существование концлагерей имеет отношение и к их

общему восприятию тоталитарного режима. В гитлеровском государстве страх за собственную жизнь был не единственной причиной, делавшей для человека невозможным внутреннее сопротивление системе. Каждый нонконформист неизбежно сталкивался со многими другими проблемами. Вот одна из них: ты можешь поступать либо как диссидент и, следовательно, навлечь на себя репрессии, либо, стремясь их избежать, публично высказать преданность тому, во что на самом деле не только не веришь, но презираешь и ненавидишь. Подданный тоталитарного государства, несогласный с режимом, был вынужден встать на путь самообмана, подыскивая себе лазейки и оправдания. Но тем самым он как раз терял уважение к себе, которое так старался сохранить. Как это происходило, видно на примере приветствия "Хайль Гитлер!". Оно преследовало человека повсюду - в пивной, в электричке, на работе, на улице, и позволяло легко выявить тех, кто придерживался старых "демократических" форм приветствия. Для сторонников Гитлера это приветствие было символом власти и самоутверждения. Произнося его, лояльный подданный ощущал прилив гордости. Для противника режима "Хайль Гитлер!" выполняло прямо противоположную роль: каждый раз, когда ему приходилось публично здороваться так с кем-нибудь, он тут же осознавал, что предаёт самые глубокие свои убеждения. Пытаясь сохранить самоуважение, человек должен был убеждать себя, что "Хайль Гитлер!" для него ничего не значит, что он не может изменить свое поведение и должен отдавать гитлеровское приветствие. Самоуважение человека основывается на возможности действовать в соответствии со своими убеждениями, и единственный простой способ сохранить его - изменить убеждения. Задача облегчается тем, что большинство из нас испытывает огромное желание быть "как все". Каждый знает, как нелегко вести себя "странно" даже по отношению к случайному знакомому, встреченному на улице; но в тысячу раз тяжелее быть "особенным", когда это угрожает твоей собственной жизни. Таким образом, много раз в день антинацист должен был стать мучеником или потерять самоуважение.

Все сказанное по поводу гитлеровского приветствия относится также и к другим проявлениям нацистского режима. Всеохватывающая мощь тоталитарной системы состоит именно в этом: она не только вторгается в наиболее интимные стороны каждодневной жизни человека, но, самое главное, разрушает целостность его личности, если он пробует сопротивляться. Большинство людей, подчиняясь требованиям системы, принуждающей их к конформизму, начинает ее ненавидеть, а в конечном итоге испытывает еще большую ненависть к самому себе. И если система может противостоять этой ненависти, то человек - нет, поскольку ненависть к себе разрушает личность. Притягательная сила тирании. Человек не может измениться за один день. Привычки, заложенные в нас с раннего детства, продолжают служить для нас мотивациями, даже если они более не соответствуют тем изменениям, которые произошли в окружающей нас действительности. Нелегко перестать искать защиту там, где десятилетиями мы ее находили. Поэтому немцы продолжали искать ее у себя дома и в семейных отношениях, хотя уже знали, что ее там больше нет. Тем не менее в конце концов человек был вынужден осознать, что все его попытки сохранить автономию в ситуациях, когда это в принципе невозможно, все такие попытки - тщетны. Теперь мы подошли к пониманию еще одного феномена - психологической притягательности тирании. Ясно, что чем менее мы парализованы страхом, тем больше уверены в самих себе, тем легче нам противостоять враждебному миру. И наоборот, чем меньше у нас сил, и если они к тому же не подкрепляются более уважением нашей семьи, защитой и спокойствием, которые мы черпаем в собственном доме, тем менее мы способны встретить лицом к лицу опасности окружающего мира. Но если человек не может рассчитывать на

защищенность в своей семье, в отношениях с близкими, он должен быть уверен, что окружающий его мир преисполнен дружбы и поддержки. Тирания государства подталкивает своих подданных к мысли: стань таким, каким хочешь видеть тебя государство, и ты избавишься от всех трудностей, восстановишь ощущение безопасности во внешней и внутренней жизни. Ты обретишь спокойствие и поддержку в своем доме и получишь возможность восполнять запасы эмоциональной энергии. Можно суммировать следующим образом: **чем сильнее тирания, тем более деградирует ее подданный, тем притягательней для него возможность "обрести" силу через слияние с тиранией и через ее мощь восстановить свою внутреннюю целостность. Но это возможно лишь ценой полной идентификации с тиранией, т.е. отказа от собственной автономии. Для некоторых людей выбор пути был настолько тяжел, что они кончали жизнь самоубийством.** Причем, у них даже не было необходимости самим себя убивать - достаточно было неосторожно брошенной фразы, остальное происходило автоматически. Многие так и поступали. Другие покорно ждали прихода СС, не пытаясь скрыться, поскольку подсознательно желали покончить со всем этим, даже попав в концлагерь. Выжить в концлагере было значительно труднее, но внутренний разлад личности был там уже не столь велик. Не требовалось, скажем, ни гитлеровского приветствия, ни любого другого проявления любви к фюреру. Можно было разрядить свою ненависть к режиму в любых словах без боязни, что на тебя донесут. Но главное, что ты попадал в руки врага вопреки своему желанию и был бессилен что-либо сделать. Человек оказывался в роли ребенка, неспособного сопротивляться воле родителей, тогда как до заключения он вынужден был добровольно низводить себя до состояния детской зависимости и послушания. Конечно, и заключенного насильственно приводили в то же состояние, но уже по воле СС. Если же и в концлагере человек сам, добровольно старался превратиться в ребенка, то различие улетучивалось - он становился "стариком", слившимся с лагерной жизнью. До заключения раскол был в душе: одна ее часть требовала сопротивления, другая - покорности, в лагере же лишь внешний мир требовал подчинения. Внутренний конфликт превращался в конфликт с внешним миром, и в этом - и только в этом - смысле заключение приносило временное облегчение. Временное - поскольку очень скоро проблема выживания в лагере ввергала человека в новые неразрешимые конфликты.

Не надо отчаиваться.

Таким образом, большинство, если не все немцы, которые не были убежденными фашистами, теряли уважение к себе по следующим причинам: они делали вид, что не знают, что творится вокруг; они жили в постоянном страхе; они не боролись, хотя чувствовали себя обязанными сопротивляться. Потеря самоуважения могла компенсироваться двумя путями: самоутверждением в семейной жизни или признанием в работе. Оба источника были перекрыты для тех, кто отрицал нацизм. **Их домашняя жизнь была отравлена вмешательством государства. Их детей принуждали шпионить за ними, разрушая даже стабильные и счастливые семьи. Социальный статус и профессиональный успех полностью контролировались партией и государством.** Даже продвижение в тех сферах, которые во многих странах рассматриваются как частное предпринимательство и свободные профессии, жестко регламентировалось государством. Для них оставался лишь один способ укрепить пошатнувшееся самоуважение и сохранить хотя бы видимость цельной личности быть немцем, гражданином великой страны, которая день ото дня наращивала свои политические и военные успехи. Чем меньше было ощущение собственной значимости, тем более

настойчивой становилась потребность в источнике внешней силы, на которую можно опереться. И большинство немцев, внутри и вне концентрационных лагерей, припадали к этому "отравленному источнику" удовлетворения и самоуважения. **Лишь немногие немецкие граждане могли выдержать давление тирании и выжить в условиях моральной изоляции и одиночества. Для этого необходимо было быть очень крепко выстроенной личностью и сохранить ее с помощью близких людей, или иметь такие достижения, которыми можно гордиться и которые дают удовлетворение, даже когда никто другой не знает о них.** У большинства немцев, которые не были убежденными нацистами, само существование лагерей вызывало, хотя и опосредованно, серьезные изменения личности. Эти изменения не были столь радикальными, как у заключенных в лагере, но вполне устраивали государство. Новый тип личности характеризовался чрезвычайно низким уровнем собственного достоинства. Собственно, для большинства людей, когда они вынуждены выбирать между понижением человеческого уровня и невыносимым внутренним напряжением, неизбежным будет выбор в пользу первого для сохранения внутреннего покоя. Но великая правда состоит в том, что в условиях тирании это не покой человеческого существования, а покой смерти. Отсюда вывод: не надо отчаиваться. По моему глубокому убеждению, в переживаемый нами период технологической, индустриальной и социальной революции, как и в эпохи других великих революций человечества, после некоторой задержки человек вновь найдет в себе необходимые внутренние ориентиры и достигнет еще большей целостности, чтобы справиться с новыми условиями существования. Очень часто мы не приемлем новые социальные и технологические преобразования, ибо боимся, что они поработят человека. Подобный страх испытали, в частности, Маркс и его современники в период начала индустриальной революции, когда казалось, что рабочих ждет постоянная эксплуатация и обнищание. Однако вместо этого мы видим, как растущая механизация производства все более освобождает их от тяжелого труда и как растет жизненный уровень в развитых обществах. Революционные изменения действительно приводят к социальному кризису, который продолжается до тех пор, пока человек не достигнет более высокой ступени интеграции, позволяющей не только адаптироваться к новой ситуации, но и овладеть ею. Если кому-то этот взгляд покажется слишком оптимистичным, он может обратиться к гитлеровскому государству, многие жертвы которого сами рыли себе могилы и ложились в них, или добровольно шли в газовые камеры. Все они были в авангарде шествия к спокойствию смерти, о чем я уже говорил. Люди - не муравьи. Они предпочитают смерть муравьиному существованию. И в этом состоит смысл жертв СС, решивших покончить с жизнью, переставшей быть человеческой. И для человечества это - главное. Во времена великих кризисов, внутренних и внешних революций в любых сферах жизни может случиться, что человек будет иметь лишь такой выбор; либо покончить с жизнью, либо достичь высшей самоорганизации. Мы, разумеется, ее еще не достигли, но это не означает, что у нас осталась только первая возможность. Если я правильно читаю знаки нашего времени, мы делаем, лишь первые шаги к овладению новыми условиями существования. Но не стоит и обманывать себя: борьба будет долгой и тяжелой, и потребует от нас всех интеллектуальных и моральных сил. Если, конечно, мы хотим очутиться в мире разума и человечности, а не в "1984".

Инесс Гольдберг, Николай Денисенко

Корреляция графологического и соционического анализа психологического портрета Путина на основе типологии К.Юнга

Графологический анализ психологического портрета Путина

Интровертность: узкие высокие буквы, много белого незаписанного пространства, большие промежутки между словами и строками, образующие порой белые вертикальные и диагональные «дыры», окончания слов не продвинуты вперед (вправо), либо уменьшаются, либо заканчиваются тупым штрихом. Интуиция: колебания хода строк, буквы не сидят на одной линии (каждая на своем уровне), нитеобразность штрихов, буквы не выписаны отчетливо и плохо читаются, их форма нестандартна (изобретена своя собственная), перепады цвета линий, полураздельное письмо, пустоты в тексте. Перед нами — личность не простая, скрывающая много противоречий и внутренних конфликтов. Характер этого человека совсем непростой (наверняка близкие ему люди подтвердят это). Дело в том, что этому человеку в течение жизни приходилось «впитывать», словно «губке», невероятное количество негативного и нелегкого жизненного опыта. В сочетании со своим достаточно драматическим восприятием, все это очень повлияло на личность, наложило неизгладимый отпечаток на человека. Автор данного отрывка очень зажат, и мышечно и психологически, хотя, чувствуя это и желая избавиться или хотя бы скрыть ненавистную неуверенность и заниженную самооценку, всеми силами старается компенсировать свои проблемы в интеллектуальной, духовной, рациональной сферах. Он как бы стремится стать еще выше и значимее — для достижения уважения, и прежде всего самоуважения, которое было проблематично взрастить при таком критичном и подавляющем выражении индивидуальности, воспитании, которое прошел этот человек (предположительно, с отцовской стороны особенно). Наш герой из тех, кто «закрывается» и живет «себе на уме», закономерно имеющаяся недоверчивость и преувеличенная осторожность по отношению к людям. Яркая особенность данной личности — сочетание холодного разума с вспышками импульсивности, порой — с негативистическими настроениями или реакциями. Это — человек высокоразвитого, выше среднего, интеллекта, редкостный индивидуалист, обязательно имеющий на все свое, иное мнение. Однако не обладающий гармоничной адаптивностью. Ему часто приходилось (приходится?) протестовать против всего того и тех, кто (или что), по его мнению, представляет угрозу его праву быть таким, какой он есть. В данном почерке (а значит, и личности) ярко выражен «синдром жертвы», т.е. своего рода «ментальность обиды», когда личность все время ощущает себя в роли обиженного, оскорбленного, дискриминированного. Такие люди часто способны заразить своим настроением и повести за собой других обиженных, в чьих душах (и складах личностей) нотки гнева, слова о правах и несправедливости найдут такой же эмоциональный отклик. Автор почерка может быть весьма «колючим» и скептическим в общении — таков «защитный механизм» личности, но так это проявляется внешне. Он может направлять свои интеллектуальные, либо саркастические «стрелы» в сторону несогласных с ним. По причине затронутых выше слабых сторон личности, этот человек не обладает достаточным терпением и терпимостью, психологическим пониманием людей вообще, а женщин в частности. Он весьма упрям, неуступчив. Он очень критичен — ко всему миру, людям, но в том числе и к себе самому, настоящий «самоед»: его принципы, ценности, самоконтроль часто чересчур жестки и могут загонять его самого в тупик. Нет гибкости дипломата. Мыслит глобально, непрактичен. Склад ума — логический, но

с большой долей интуитивных способностей. Именно интуитивное «чутье» часто с лихвой компенсирует ему нехватку практичности или каких-либо «прикладных», или более «приземленных» качеств.

Соционический анализ психологического портрета Путина

ЭГО «Знаю». Я знаю, что и как должны делать мои подчиненные. Если возникает кризисная ситуация я, знаю бесконечное количество вариантов выхода из кризиса. Я знаю, что успех в подробном анализе подробностей.

Супер-ЭГО «Надо». Я должен избегать отрицательных эмоций со стороны окружающих. Поэтому мое общение на работе имеет форму холодной корректности. В целом я малообщителен, предпочитаю говорить только по интересующей меня теме. Я склонен к деятельности, при которой нет необходимости постоянно взаимодействовать с коллегами. Не могу выполнять работу, которая, по моему мнению, лишена смысла.

ИД «Могу». В повседневной жизни я могу жить экономно и расчетливо. Не люблю делать лишней работы. Стараюсь не допускать повторения ошибок, предусматривать кризисные ситуации, нежелательные результаты своих поступков. Если это не удалось предотвратить, могу решиться на радикальные перемены.

Супер-Ид «Хочу». Я хочу, чтобы на работе и дома царила доброжелательная атмосфера. Я готов ответить на инициативу сближения с людьми. Я не умею устранить дискомфорт в межличностных отношениях, благодарен за проявленную инициативу в этом направлении.

ПРИЛОЖЕНИЕ №5

У. Буллит, З.Фрейд

Фрагменты из книги «Вудро Вильсон 28 Президент США»

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ

Предлагаемая книга является глубинным психологическим исследованием личности 28-го президента США Вудро Вильсона, проведенным основоположником психоанализа Зигмундом Фрейдом и профессиональным американским дипломатом Уильямом Буллитом, который ранее работал под руководством Вудро Вильсона и знал всех его близких друзей и знакомых.

Исследование Фрейда во всей глубине поднимает проблему инфантилизма и его разрушительного воздействия, как на ее носителя, так и на общество. На примере Вильсона трагически проявились оба эти аспекта. Представляя собой не цельную, а расщепленную, инфантильную личность, покрытую налетом религиозного фанатизма, Вильсон являлся крайне ненадежным партнером, с которым трудно было вести какие-либо дела, ибо он имел обыкновение давать много обещаний, которые был не в состоянии выполнить. И этот невротик, фанатично молящийся и почитающий Бога, отождествлял себя с Иисусом Христом и считал, что был призван облагодетельствовать человечество!

Как предсказывал Зигмунд Фрейд в письме к своему близкому другу и соратнику Шандору Ференци, результат его деятельности будет катастрофичным для Германии:

«Я ожидаю страшных вещей в Германии — намного более страшных, чем те, которые произошли с тобой или с нами. Только подумай об ужасном напряжении этих 4 с половиной лет и о том громадном разочаровании, которое царит сейчас, когда такое напряжение внезапно ослабло. В Германии возникнет сопротивление этому, кровавое сопротивление. Этот Вильсон является неизлечимым романтиком, он недооценивает революцию, так же как он недооценил войну. Он не знает, что век рыцарства окончился вместе с Дон Кихотом». Однако последующее глубинное исследование личности президента породило у Фрейда по отношению к нему известную долю жалости перед непомерностью той задачи, которую Вильсон пытался взвалить на свои плечи.

При прочтении этой книги у некоторых читателей может сложиться впечатление некоторой искусственности и подтасовки под известные факты, систематизированные Фрейдом, под давлением его собственного мировоззрения и перенесенные на отношения между Вильсоном и отцом, младшим братом, матерью и сестрами. Но читатель легче воспримет проводимый Фрейдом анализ личности Вильсона, если при прочтении этой книги он не будет отступать от главного, может быть даже интуитивного, представления о том, что любой человек тем или иным образом достаточно однообразно и стереотипно воссоздает свои детские отношения, на которых он зафиксировался в первые годы жизни. Другими словами, не надо забывать пословицу: «От себя не убежишь». Более того, **невроз разыгрывается не только в межличностных отношениях, которые активно воссоздаются и обязательно присутствуют в эмоциональной жизни невротика, но также (посредством фетишизма) заряд либидинозной энергии часто переносится с таких лиц на эмоционально связанные с ними объекты, такие, как Родина и т. д. В этом отношении внимательному читателю нетрудно будет заметить, что отношение Вильсона к Америке, Англии и Германии является отражением его детского конфликта, характеризуемого его амбивалентным отношением к матери, отцу и младшему брату.** Так Америка у Вильсона ассоциируется с матерью, Англия — с отцом, Германия, которая являлась объектом его амбивалентной ревности и ненависти, — с младшим братом.

То, что это далеко не наша фантазия, хорошо видно из анализа, проведенного Фрейдом, его бессознательного воспроизведения на протяжении своей жизни тех эмоциональных взаимоотношений, на которых зафиксировалось его либидо в первые годы жизни: «Я уже говорил, что все дружеские и враждебные чувства допускают сведение к моим отношениям с племянником, бывшим на год старше меня; он угнетал меня, я научился бороться с ним; в общем, мы жили мирно и любили друг друга, хотя, как свидетельствуют показания наших родителей, нередко дрались и жаловались один на другого. Все мои позднейшие друзья воплощали для меня в известном смысле этого первого друга-врага. Близкий друг и ненавистный враг всегда были необходимыми объектами моего чувства; я бессознательно старался постоянно вновь находить их, и детский идеал нередко осуществлялся даже в такой мере, что друг и враг сливались в одном лице — понятно, не одновременно, как то было в период моего раннего детства».

Фрейд был удивительно образованным человеком. В совершенстве владея несколькими иностранными языками, прекрасно зная историю, культуру, архитектуру, музыку, он очень значимо и любовно относился к человеку и к его культуре, в том числе и к религии человека. Так, он писал преподобному Пфистеру, который также практиковал психоанализ: «С терапевтической точки зрения я могу только позавидовать вашей возможности сублимации такими религиозными способами. Но красота религии определенно не принадлежит к сфере психоанализа. Естественно, наши пути расходятся в этом пункте терапии, и это допустимо». Однако за счет своей исследовательской проницательности и высочайшей культуры

он дошел до таких слоев человеческой культуры и жизни, что вынужден был к самой культуре (и к религии в частности) относиться не как к явлению, которое призвано спасти человечество, а как к процессу, отражающему развитие индивидуальной и коллективной духовной жизни, то есть с позиции исследователя.

Отдавая дань религии как явлению, Фрейд тем не менее видел в фанатичной религиозности Вудро Вильсона, как в любом фанатизме, результат действия постоянного саморазрушающего личностного внутреннего конфликта. Он также подчеркивал существование тесной связи между отчуждением Вудро Вильсона от мира реальности и его фанатичной религиозностью. Так, в своей речи в Сан-Франциско в 1919 году Вудро Вильсон сказал, что если бы не верил в Бога, то сошел бы с ума. Он никогда не сомневался в справедливости своих действий, считая, что им руководит и направляет его действия разумная высшая сила вне его. Однако ему никогда не дано было осознать, что силой, направляющей его действия, являлась власть его детской невротической констелляции, никогда не преодоленной им.

Как отмечал К. Юнг в работе «Значение отца для судьбы каждого», глубоким убеждающим элементом религии в течение тысячелетий являлась власть инфантильной констелляции, которая, подобно деснице Бога или дьявола, незримо управляла всем поведением невротического индивида. «Подобно высшей судьбе, руководит ребенком власть родителей. Но когда дитя подрастает, начинается борьба инфантильной констелляции с индивидуальностью, влияние родителей, берущее свое начало в доисторические (первые годы жизни) времена, вытесняется, уплывает в бессознательное, но этим не устраняется, продолжает быть незримыми нитями связано с кажущимся индивидуальным творчеством созревающего духа, которым это влияние управляет. Инфантильная констелляция, как все, что уходит в бессознательное, посылает в сознание лишь неясные чувствования — предчувствия именно того, что участь человека таинственно направляется чьим-то потусторонним влиянием»¹.

С годами все более императивной становилась потребность Вудро Вильсона бессознательно отождествлять себя с Христом, призванным облагодетельствовать человечество, причем все факты, мешающие такому отождествлению, забывались им или вытеснялись в бессознательное. Однако вытеснение является наихудшим способом приспособления к реальности, ибо вытесненный материал недоступен критике разума и продолжает оказывать незримое воздействие на индивида, используя сознательную часть рассудка невротика в качестве орудия для рационализации и осуществления бессознательных влечений. С течением времени вытесненный материал также имеет тенденцию захватывать все новые области психической жизни, приводя к тяжелым задержкам в развитии личности.

Фанатичная религиозность Вудро Вильсона была необходимым и компенсаторным механизмом его внутренней патологии. Но политические лидеры, обладающие подобным фанатизмом, как показывает история, всегда приводили общество в тупик военных конфликтов. И это далеко не случайно, ибо такое отчуждение от мира реальности необходимо приводит подобных политических лидеров (живущих в мире своих фантазий) к отождествлению себя с благодетелями человечества, а в реальных действиях эти люди начинают воспринимать народ как неодушевленный материал, «сырую глину», из которой можно лепить что угодно. Они подставляют под удар миллионы людей во имя спасения своей фанатичной идеи, которая сама является отражением их глубинного внутреннего конфликта.

Как отмечал З. Фрейд: «Человек может вытеснить знание о неприятном факте и загнать его в бессознательное, но оно остается там, пытаясь прорваться в сознание, и он вынужден вытеснять не только воспоминание об этом факте, но также все тесно связанные с ним другие факты для того, чтобы продолжать не помнить о нем. Его душевная целостность нарушается, и он

неуклонно движется в сторону от этого факта, все более и более отрицая его существование. Человек, который «смотрит в лицо» фактам, какими бы неприятными они ни были, сохраняет свою душевную целостность. Те факты, которым Вильсону приходилось «смотреть в лицо», были, конечно, крайне неприятными: он призывал своих соотечественников следовать за ним в «крестовом походе» за мир. И они последовали за ним храбро и самоотверженно. Он обещал как им, так и врагу, да и всему человечеству заключить абсолютно справедливый мир, основанный на 14 пунктах. Он выступал как пророк, готовый пойти на смерть ради своих принципов. И он убежал от борьбы. Если, хотя бы очень робко, вместо изобретения успокаивающих рационализации Вильсон сказал бы себе: «Я нарушил свои обещания, так как опасаясь борьбы», он бы не распался душевно как личность, что с ним произошло после апреля 1919 года».

*Кандидат философских наук
В.В. Старовойтов
Е.Н. Царев*

ИЗ ВСТУПИТЕЛЬНОГО СЛОВА УИЛЬЯМА С. БУЛЛИТА

Следование фактам, куда бы они не могли привести, требует храбрости, на которую способны не многие мужчины. З. Фрейд обладал бесстрашием проследить факты до глубин человеческого рассудка и описывать те желания, которые он смог распознать в недрах бессознательного. Его описания разбивали многие заветные надежды и мечты, лелеемые людьми. Его поносили, но он продолжал радоваться всякий раз, когда какая-либо теория опровергалась непокорным фактом. Истина была его страстью.

В конце концов, только безумец может отвергать реальные факты. В настоящее время человечество принимает, без какого-либо следа былой ярости, доказательство Галилея о том, что Земля вращается вокруг Солнца, и открытия Фрейда начинают находить понимание среди людей. Психология была ответвлением философии, а не наукой, пока Фрейд не изобрел метод исследования, названный психоанализом. Психология стала теперь наукой, основанной на фактах, а Фрейд считается одним из благодетелей человечества.

Мы с ним дружили в течение нескольких лет до того, как решили сотрудничать в написании данной книги. Фрейд находился в Берлине, где ему должны были сделать небольшую операцию. Я зашел к нему и нашел его подавленным. Он мрачно сказал, что ему недолго осталось жить и что его смерть не будет иметь никакого значения ни для него, ни для кого-либо еще, так как он уже написал все, что хотел написать, и его душа пуста.

Он спросил меня, чем я занимаюсь. Я ответил, что работаю над книгой о Версальском договоре, в которой будет дано исследование деятельности Клемансо, Орландо, Ллойда Джорджа, Ленина и Вудро Вильсона, которых мне довелось знать лично. Глаза Фрейда загорелись, и он стал очень оживленным, Фрейд быстро задал мне несколько вопросов, на которые я ответил, затем, к моему удивлению, сказал, что хотел бы сотрудничать со мной в написании главы о Вильсоне в моей книге.

Я рассмеялся и заметил, что эта мысль очень заманчива, хотя и эксцентрична. Моя книга будет интересна специалистам в области иностранных дел. Исследование же Вильсона Фрейдом, возможно, будет иметь непреходящую ценность, сродни анализу Платона, сделанному Аристотелем. Каждый образованный человек захочет прочесть эту работу. Если же Фрейд ограничится в написании о Вильсоне одной главой в моей книге, то результатом будет полнейшая нелепость; эта часть книги окажется намного важнее всей книги.

Фрейд продолжал настаивать, говоря, что я могу считать его предложение смешным, но что оно, тем не менее, серьезно. Совместная работа со мной принудит

его снова начать писать. Это вдохнет в него новые силы. Более того, он был недоволен своими исследованиями Леонардо да Винчи и статуи Микеланджело «Моисей», так как был вынужден строить свои заключения на немногих фактах, и он имеет давнишнее желание провести психологическое исследование современника, относительно которого можно было бы собрать многочисленные сведения. Его интересовала личность Вильсона с тех пор, как он узнал, что они оба родились в 1856 году. Он не мог самостоятельно провести исследование, необходимое для анализа характера Вильсона, однако для меня это не представляло большого труда, так как я когда-то работал с Вильсоном и знал всех его близких друзей и знакомых. Он надеялся, что я приму его предложение.

Я ответил, что мне было бы очень приятно серьезно обсудить этот вопрос, если бы не моя уверенность в том, что психологическое исследование Вильсона нельзя вместить в одну главу. Принять данное предложение значило бы отказаться от моей книги. Два дня спустя я снова позвонил Фрейду, и после длительного обсуждения мы согласились сотрудничать в написании книги.

Мы сразу же начали работать над этой книгой, но для ее завершения потребовалось около 10 лет. Мы прочли все речи и все опубликованные книги Вильсона, а также все тома о Вильсоне, опубликованные Реем Стэннардом Бейкером, которого Вильсон выбрал своим биографом и который имел доступ ко всем личным бумагам Вильсона. Затем мы прочитали «Архив полковника Хауза», который был самым близким другом Вильсона в те годы, когда Вильсон был президентом; книгу «Вудро Вильсон — каким я знал его», написанную его секретарем Джозефом П.Тьюмалти, а также книги о Вильсоне, написанные Уильямом Элленом Уайтом, Джеймсом Кирни, Робертом Эдвардом Аннином, Дэвидом Лоуренсом и многими другими авторами. Кроме того, я прочитал множество книг, описывающих различные аспекты карьеры Вильсона, как, например, «Экономические последствия Версальского мирного договора» Дж.Мэйнарда Кинеса, а Фрейд в свою очередь ознакомился со всем этим тоже.

Обсуждение накопленного материала принудило нас «смотреть в лицо» двум фактам: первое — наше исследование Вильсона составит большую книгу; второе — будет нечестным пытаться писать анализ характера Вильсона, если мы не сможем углубить понимание нами его натуры, используя частную, неопубликованную информацию от его близких.

Я вылетел в Америку с целью сбора информации. На основе... частных бесед и документов я составил записи, объем которых превышал 1500 страниц печатного текста. По моем возвращении в Вену Фрейд прочел эти записи, и мы тщательно обсудили содержащиеся в них факты. Затем мы приступили к написанию книги. Каждый из нас сделал первый черновой набросок рукописи. Затем мы критиковали, исправляли или переписывали черновик другого до тех пор, пока не получилось совместное целое, за которое мы несем общую ответственность.

Мы оба были упрямы и придерживались разных вероисповеданий. Фрейд был неверующим евреем, я всегда оставался истинным христианином. Мы часто спорили, но никогда не ссорились. Напротив, чем больше мы работали вместе, тем прочнее становилась наша дружба. Однако весной 1932 года, когда наша рукопись в окончательном виде была готова к печати, Фрейд внес изменения и дополнения в текст, против чего я возражал. После нескольких дискуссий мы решили отложить эту рукопись на 3 недели, а затем попытаться прийти к общему согласию. Когда мы встретились снова, наши мнения не изменились.

Я собирался вылететь в США для участия в предвыборной кампании Франклина Д. Рузвельта на должность президента и считал, что никогда больше не смогу найти время для работы над этой рукописью. Ранее мы с Фрейдом решили, что наша книга должна быть опубликована в США и что дата публикации будет

контролироваться мною. В конце концов, я предложил, что так как ни один из нас не является абсолютно глухим к доводам рассудка, то вполне вероятно, что когда-либо в будущем мы придем к согласию; пока же эта книга не будет издаваться. Однако нам обоим следует подписать каждую главу с тем, чтобы, по крайней мере, существовал один подписанный рукописный экземпляр. Так мы и сделали.

Прошло 6 лет. В 1938 году нацисты разрешили Фрейду выехать из Вены в Лондон. Путь его лежал через Париж, где в то время я был американским послом. Я встретил его на вокзале и предложил провести еще одно совместное обсуждение нашей книги после того, как он устроится в Лондоне.

Я передал рукопись Фрейду и был рад, когда он согласился снять те добавления, которые внес в самом конце работы. Мы договорились о некоторой доработке рукописи, продиктованной временем.

Я снова навестил его в Лондоне, и мы одобрили окончательный вариант рукописи. Этот текст приводится в настоящей книге. Я больше не встречался с Фрейдом. Он умер в 1939 году. Он был человеком, обладающим бесстрашной интеллектуальной честностью: Великим человеком.

ИЗ ВСТУПЛЕНИЯ ЗИГМУНДА ФРЕЙДА

Когда автор высказывает свое мнение об исторической личности, он, как правило, с самого начала заверяет своих читателей в том, что старался быть объективным и непредубежденным, что он работал «без гнева и беспристрастно». Я должен, однако, начать данное психологическое исследование Томаса Вудро Вильсона с признания в том, что личность этого американского президента, с самого начала его появления на европейской арене, не вызвала у меня симпатии и что антипатия с течением времени становилась тем сильнее, чем больше я узнавал о нем и чем больше страданий довелось нам испытать вследствие его вмешательства в нашу судьбу.

При более близком знакомстве с его личностью было нетрудно найти веские причины в защиту такой антипатии. Сообщалось, что Вильсон, став президентом, потряс одного из политиков, упомянувшего о своих заслугах в ходе предвыборной кампании, словами: «Богу было угодно, чтобы я стал следующим президентом США. Ни тебе, ни другому смертному не удалось бы помешать этому». Этим политиком был Уильям Ф. Маккомбс, председатель демократического национального комитета. Я не знаю, как воздержаться от заключения о том, что человек, способный столь буквально принимать на веру религиозные иллюзии и столь убежденный в особой личной интимности с Всемогущим, неспособен построить отношения с обычными смертными. Как известно каждому, вражеский лагерь в годы войны также имел Божьего избранника: немецкого кайзера. В высшей степени жаль, что позднее у противной стороны также появился свой избранник. Из этого ничего хорошего не получилось: уважения к Богу также не прибавилось. Еще одна явная особенность президента, на которую он сам часто обращал внимание, во многом повинна в том, что мы не знаем, с чего начать постижение его личности, которая представляется нам экзотичной. В ходе длинной и трудной эволюции мы научились разграничивать внутренний мир нашей психики и внешний мир реальности. Этот последний мир мы можем понять только в процессе его наблюдения, изучения и систематизации сделанных открытий. В ходе проведения этой тяжелой работы нам было нелегко отказаться от объяснений, соответствующих нашим желаниям и подтверждающих наши иллюзии. Но такая победа над собой окупилась с лихвой. Она привела нас к такому господству над природой, о каком мы не могли и мечтать.

Недавно мы начали применять аналогичную процедуру к содержанию мира нашей психики. Посредством этого еще больше возросли наше уважение к фактам реальности и наша самокритика. В этой области мы также рассчитываем на подобный успех. Чем более обширным и глубоким будет становиться наше знание психических процессов, тем большей властью мы будем обладать в отношении сдерживания и управления своими инстинктами. Вильсон же, наоборот, неоднократно заявлял, что голые факты не имеют для него никакого значения, что он высоко ценит только человеческие мотивы и мнения. Как результат такого отношения, его образу мышления было свойственно игнорирование фактов реального внешнего мира и даже отрицание их существования, если они противоречили его надеждам и чаяниям. Таким образом, у него не было побудительной причины уменьшить свое невежество путем изучения фактов. Для него ничто не имело значения, кроме благородных намерений. Когда он пересек океан для того, чтобы принести раздираемой войной Европе справедливый и прочный мир, он оказался в плачевном положении благодетеля, который хочет восстановить пациенту зрение, но не знает строения глаза и не умеет оперировать.

Этот же способ мышления, вероятно, ответствен за ту неискренность, ненадежность и тенденцию отрицать правду, которые проявлялись в контактах Вильсона с другими людьми и которые всегда столь неприятно встречать у идеалиста. Настоятельная потребность говорить правду, должно быть, одобряется этикой, но она основана на уважении к фактам.

Я должен также выразить свою уверенность в том, что существовала очень тесная связь между отчуждением Вильсона от мира реальности и его религиозными убеждениями. Многие в его общественной деятельности очень напоминают отношение христианской науки к политике. Бог — это благо, болезнь — это зло. Болезнь противоречит природе Бога. Поэтому, так как Бог существует, болезнь не существует. Нет никакой болезни. Можно ли ожидать от такого целителя интереса к симптоматике и диагнозу?

Позвольте мне возвратиться к началу этих замечаний, к признанию моей антипатии к Вильсону, с тем чтобы сказать кое-что в его оправдание. Все мы знаем, что не несем полную ответственность за результаты наших действий. Мы действуем с определенным намерением; затем наше действие порождает результаты, которые противоречат нашим намерениям и не могли быть заранее предвидены. В силу этого мы часто пожинаем больше ненависти и недоверия, а иногда — больше похвал и почестей, чем заслуживаем. Но когда, как в случае с Вильсоном, человек достигает почти прямой противоположности того, чего он хотел достичь, когда он показывает себя прямой противоположностью той власти, которая «всегда желает зла и всегда творит добро», когда претензия освободить мир от зла оборачивается лишь еще одним подтверждением той опасности, которую может причинить фанатик общему благу, то не приходится удивляться тому недоверию, которое возникает у наблюдателя и которое делает симпатию невозможной.

Конечно, когда под влиянием Буллита я занялся более тщательным исследованием жизни президента, мое отношение к Вильсону претерпело известное изменение. У меня появилась по отношению к нему некоторая доля симпатии, но симпатии особого рода, смешанной с жалостью, такой, какую ощущаешь, читая Сервантеса, к его герою, наивному рыцарю из Ла-Манчи. И наконец, когда сравниваешь силу этого человека с величием той задачи, которую он взвалил на свои плечи, жалость становится столь громадной, что подавляет все другие эмоции. Поэтому в конечном счете я могу просить читателя не отвергать эту работу, несмотря на мое предубежденное отношение к Вильсону. Хотя при написании этой книги не обошлось без участия сильных эмоций, все они тщательно

прорабатывались и искоренялись. То же самое я могу сказать относительно Уильяма С. Буллита, соавтором которого по данной книге я являюсь.

Буллит, знавший Вильсона лично и работавший под его руководством (надо отметить, что в это время Буллит был ему предан со всем энтузиазмом молодости), подготовил краткие сведения о жизни и юности Вильсона. Что касается аналитической части этой книги, мы несем за нее равную ответственность.

Представляется уместным сделать некоторые дополнительные пояснения. Возможно, читатель будет возражать против того, что наша работа, представленная на его суд, называется «Психологическое исследование», хотя мы применяли метод психоанализа при исследовании нашей темы и неограниченно использовали психоаналитические гипотезы и термины. Такое представление сделано вовсе не в угоду предрассудкам публики. Наоборот, данное заглавие выражает наше убеждение в том, что психоанализ — это не что иное, как психология, одна из частей психологии, и что нет надобности извиняться за применение аналитических методов в психологическом исследовании, в котором изучаются более глубокие психические факторы.

Опубликование результатов такого исследования глубоких психических механизмов и предоставление их на суд публики до тех пор, пока жив данный индивид, определено недопустимо. То, что данный субъект согласится на публикацию при жизни, в равной степени мало вероятно. Терапевтический анализ проводится между врачом и пациентом при обещании секретности, при этом исключаются все посторонние. Однако, когда умирает индивид, чья жизнь и деятельность оказали большое влияние на настоящее и будущее, он становится, по общему согласию, подходящей темой для биографического исследования, и прежние ограничения более не имеют места. Затем может возникнуть вопрос о периоде посмертной неприкосновенности для биографического изучения, но такой вопрос редко когда-либо поднимался. Будет нелегко прийти к согласию относительно длительности такого периода и тем более к обеспечению его выполнения. Томас Вудро Вильсон умер в 1924 году.

Наконец, мы должны высказаться против ложного суждения о том, что мы написали эту книгу с единственной целью доказать, что Вильсон обладал патологическим характером и не был нормальным человеком и что мы стремились подорвать почтение к его достижениям. Нет! Это не являлось нашей целью. И даже если бы мы этого и хотели, мы не смогли бы, посредством написания данной книги, добиться такого результата. Ибо наша наука давно уже отказалась от веры в узкие рамки нормальности и от веры в резкую разграничительную черту между нормальным и аномальным в психической жизни. Все более тонкая техника диагностики показала нам всевозможные образцы неврозов там, где мы менее всего ожидали их обнаружить; так что почти полностью верным становится утверждение о том, что невротические симптомы и запреты, до определенной степени, стали обычными для всех людей, живущих в условиях цивилизации. Нам даже кажется, что мы понимаем ту острую необходимость, которая породила это явление.

Далее, мы были вынуждены прийти к заключению, что для суждения о психических явлениях категория «нормальный — патологический» является такой же неадекватной, как и предшествующая ей всеохватывающая категория «хороший — плохой». Лишь в подавляющем меньшинстве случаев психические расстройства могут быть прослежены до воспалительных процессов или до введения токсических веществ в организм. И даже в этих случаях влияние данных факторов является косвенным.

В большинстве случаев количественные факторы вызывают лавину патологических результатов: такие факторы, как чрезмерно сильные стимулы, воздействующие на определенную часть аппарата психики, большая или меньшая

выработка тех внутренних секретий, которые незаменимы для функционирования нервной системы, временные расстройства — слишком раннее или запоздалое развитие психической жизни. Мы снова обнаруживаем ту разновидность количественной причинности, когда с помощью психоанализа изучаем то, что в настоящее время представляется нам элементарным материалом психического явления. Относительная сила любого из многих инстинктов, вырабатывающих психическую энергию, особая глубина одного из тех отождествлений, посредством которых обычно формируется характер, особенно мощное реактивное образование, в ходе действия которого вытесняются импульсы, — такие количественные факторы определяют конечную форму личности, наделяют ее определенной индивидуальностью и направляют ее активность в соответствующее русло.

В своем описании мертвого Брута шекспировский Марк Антоний говорит:

«...все стихии

Так в нем соединились, что природа

Могла б сказать: "Он человеком был!"»

В качестве примечания к этим словам поэта испытываешь искушение добавить, что элементы психической конституции всегда одни и те же. Все изменения в их совокупности происходят в результате их расположения в различных областях психической жизни и их привязанности к различным объектам. Согласно определенному критерию, мы затем оцениваем индивида как нормальную, или патологическую, или как проявляющую патологические черты личность. Но такие критерии никоим образом не являются единственными, надежными или постоянными. Их трудно обосновать научным образом, ибо в своей основе они являются лишь практическими средствами, часто условного происхождения. «Нормальный» обычно означает просто «средний» или «близкий к среднему». Наше суждение о том, следует или нет какую-либо черту характера или действие считать патологическими, часто определяется на основании того, являются ли или нет они вредными для индивида или для общества, членом которого он является. Несмотря на неопределенность этих понятий, мы не можем в практической жизни обойтись без проведения различий между ними; но нас не должно останавливать, если устанавливаемое различие не удовлетворяет другим важным критериям.

Глупцы, мечтатели, страдающие от иллюзий, невротики и лунатики во все времена играли громадную роль в истории человечества, и не только тогда, когда они были знатного происхождения. Обычно они сеяли хаос, но не всегда. Такие лица оказывали далеко идущее воздействие на настоящее и будущее, они способствовали многим важным движениям культуры и совершали великие открытия. С одной стороны, они были способны к таким достижениям с помощью «неповрежденной» части их личности, то есть несмотря на свою аномальность, но, с другой стороны, часто именно патологические черты их характера, односторонность их развития, аномальная сила определенных желаний, некритическое и неограниченное следование какой-либо одной цели, давали им силу тащить за собой других и преодолевать всевозможные препятствия.

Великие достижения столь часто совершаются людьми с психическими отклонениями, что невольно испытываешь искушение предполагать, что они неотделимы друг от друга. Однако такому предположению противоречит тот факт, что во всех областях человеческого знания можно найти великих людей, удовлетворяющих требованиям нормальности.

Мы надеемся, что сделанные нами предположения и замечания снимут с нас подозрения в том, что в этой книге содержится еще что-либо, кроме психологического исследования Томаса Вудро Вильсона. Однако мы не можем отрицать в этом, как и в любом другом случае, что более интимное знание человека может способствовать более точной оценке его достижений.

**ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ТОМАСА ВУДРО ВИЛЬСОНА,
ПРОВЕДЕННОЕ УИЛЬЯМОМ С.БУЛЛИТОМ И
ЗИГМУНДОМ ФРЕЙДОМ**

I

...до сих пор Вильсон остается, даже для его биографов и близко знавших его людей, противоречивым характером, загадкой. 10 июня 1919 года, во время последнего месяца работы мирной конференции, полковник Эдвард М. Хауз записал в своем дневнике: «Мне кажется, что я нигде более не встречал человека, чья внешность столь разительно меняется от часа к часу. И это касается не только его лица. У него один из самых сложных характеров, с каким я когда-либо сталкивался. Он столь противоречив, что в его адрес трудно высказать какое-либо суждение». К этому заключению в конечном счете пришли все близко знавшие Вильсона люди.

У Вильсона действительно был сложный характер, и будет нелегко найти ключ к тому единству, которое скрывается за явными противоречиями этого характера. Более того, нам не следует обольщаться ложными надеждами. Мы никогда не сможем провести исчерпывающий анализ его характера. Мы ничего не знаем о многих сторонах его жизни и его натуры. Те факты, которые нам известны, представляются менее важными, чем те, которых мы не знаем. Все то, что нам хотелось бы узнать, могло бы быть открыто только в том случае, если бы он был жив и подвергался психоанализу. Он мертв. Никто никогда не узнает этих фактов. Поэтому мы не можем проанализировать решающие события его психической жизни. Вследствие этого мы не можем называть эту работу психоанализом Вильсона. Данная работа является психологическим исследованием, основанным на доступном в настоящее время материале, и ничем большим.

С другой стороны, мы не хотим недооценивать имеющиеся в нашем распоряжении сведения. Нам известно о многих аспектах жизни и характера Вильсона. Нам приходится отказаться от надежды провести исчерпывающий анализ; тем не менее, нам достаточно многое известно о его личности, чтобы оправдать нашу надежду на то, что нам, возможно, удастся наметить основной путь его психического развития. К тем фактам, которые нам известны о нем как об индивидуе, мы добавим новые, которые, как открыл психоанализ, справедливы для всех людей. В конце концов, Вильсон был одним из нас и подчинялся тем же законам психического развития, что и другие люди, а всеобщность этих законов была доказана психоанализом на громадном количестве индивидов.

Говоря это, мы не имеем в виду, что психоанализ открыл последние загадки человеческой жизни. Образно выражаясь, психоанализ открыл дверь, ведущую к душевной жизни человека, и позволил нам узнать о существовании немногих объектов, расположенных рядом с этой дверью, хотя те объекты, которые расположены в большей глубине, все еще окутаны мраком. Психоанализ позволил нам немного осветить многое неизвестное, так что теперь мы в состоянии различать контуры определенных объектов в темноте. Мы можем описать определенные механизмы, которые используются глубинными пластами психики, описать которую в целом мы не можем. Наша наука еще очень молода, и дальнейшие исследования, несомненно, докажут, что те контуры, по которым мы в настоящее время пытаемся различать эти объекты, не были окончательно истинными. Но наше ожидание того, что позднее придется изменить некоторые детали современных концепций, не должно служить нам помехой для использования этих концепций в

настоящее время. Работа Ньютона не объявлялась бессмысленной, потому что после него был Эйнштейн; и если бы не было Ньютона, то, возможно, не было бы и Эйнштейна. Поэтому мы будем, как само собой разумеющееся, применять определенные теоремы, разработанные психоанализом на основании открытых им фактов, которые он в настоящее время требует принимать на веру. Представляется необходимым привести, как можно в более сжатом виде, некоторые из этих концепций и предположений перед тем, как мы начнем исследовать ту психологическую проблему, которая представлена характером Вильсона. Мы начинаем с аксиомы о том, что в психической жизни каждого человека с момента его рождения действует активная сила, которую мы называем либидо и определяем как энергию Эроса.

Либидо должно где-то размещаться. Мы полагаем, что оно «наполняет» определенные области и части нашего аппарата психики, как электрический ток заполняет батарейку или «аккумулятор»; что, подобно электрическому заряду, либидо подвержено количественным изменениям; что при задержке разрядки оно вызывает напряжение, пропорциональное количеству заряда, и ищет выхода; далее, что оно постоянно питается и снова поставляется физическими генераторами. Либидо вначале накапливается в любви к себе — нарциссизме. Эта фаза хорошо видна у младенца. Его интерес ограничен актами и продуктами своего тела. Он находит все источники удовольствия в себе. Конечно, даже неотнимаемый от груди, ребенок имеет объект любви, материнскую грудь. Он может, однако, путем интроекции сделать этот объект частью себя и относиться к нему как к части себя.

Мы противопоставляем нарциссизму объектную любовь. Иногда состояние, сходное с нарциссизмом новорожденного, сохраняется взрослым, который в этом случае кажется нам ужасным эгоистом, неспособным любить кого-либо или что-либо, кроме себя; но обычно в ходе жизни часть либидо направляется на внешние объекты. Другая часть продолжает прочно держаться себя. Нарциссизм является первым пристанищем либидо и остается его самым гостеприимным домом. У разных индивидов пропорция между нарциссической и объектной любовью очень сильно варьирует; основной заряд либидо может размещаться в себе или в объектах, но ни один человек не обходится полностью без любви к себе.

Наша вторая теорема гласит: все человеческие существа являются бисексуальными. Каждый индивид, является ли он мужчиной или женщиной, состоит из элементов мужественности и женственности. Психоанализ установил этот факт так же прочно, как химия установила наличие кислорода, водорода, углерода и других элементов во всех телах органического происхождения.

Когда приходит конец первой фазе чистого нарциссизма и объектная любовь начинает играть свою роль, либидо начинает наполнять три «аккумулятора»: нарциссизм, мужественность и женственность. Под выражением женственности мы понимаем все те желания, которые характеризуются пассивностью, основной потребностью быть любимым и склонностью подчиняться другим, что находит свое выражение в мазохизме, желании, чтобы тебе причиняли боль другие. С другой стороны, мы называем мужественными все желания, которые служат проявлением активности характера, подобно желанию любить и желанию достичь власти над другими людьми, контролировать внешний мир и изменять его в соответствии со своими желаниями. Поэтому мы связываем мужественность с активностью, а женственность — с пассивностью.

Основными объектами любви, которые ребенок находит, являются его мать и отец или их заместители. Его самые ранние отношения с родителями являются пассивными по своей природе: ребенок нянчится и ласкается ими, управляется согласно их желаниям и наказывается ими. Либидо ребенка сначала разряжается через эти пассивные отношения. Затем можно наблюдать реакцию со стороны

ребенка. Он желает стать активным по отношению к ним, ласкать их, командовать ими и отомстить им за себя. Вследствие этого, вдобавок к нарциссизму, для его либидо открыты четыре выхода: через пассивность к своему отцу и матери и через активность по отношению к ним. Из этой ситуации развивается Эдипов комплекс.

Для того чтобы объяснить Эдипов комплекс, мы должны ввести аксиому психоанализа, предположение из теории инстинктов, которое объявляет, что в психической жизни человека два основных инстинкта являются активными: Эрос, то есть любовь в самом широком смысле этого слова, чью энергию мы назвали либидо, и второй инстинкт, который мы назвали, в соответствии с его конечной целью, инстинктом смерти. Инстинкт смерти представляется нам как импульс к разрушению. Он является противником Эроса, который всегда пытается создавать все большие и большие объединения, совместно связанные либидо. Оба инстинкта с самого начала одновременно наличествуют в психической жизни и редко когда-либо проявляются в чистом виде, а являются, как правило, перемешанными в различных пропорциях.

Поэтому то, что представляется нам мужественностью или женственностью, никогда не состоит из чистого либидо, а всегда несет с собой добавочный элемент желаний нападать и разрушать. Мы предполагаем, что этот дополнительный элемент является намного сильнее в случае мужественности, чем в случае женственности.

Позвольте нам еще раз подчеркнуть тот факт, что каждая зарядка либидо приносит с собой некоторую долю агрессии и возвращение к Эдипову комплексу. Мы будем, однако, обсуждать лишь Эдипов комплекс мальчика.

Мы отмечали, что либидо ребенка заполняет 5 «аккумуляторов»: нарциссизм, пассивность по отношению к матери, пассивность по отношению к отцу, активность по отношению к матери и активность по отношению к отцу — и начинает разряжаться через эти желания. Конфликт между этими различными течениями либидо порождает Эдипов комплекс маленького мальчика. Вначале ребенок не ощущает никакого конфликта: он находит удовлетворение в разрядке всех своих желаний и не обеспокоен их несовместимостью. Но постепенно для маленького мальчика становится затруднительным примирять свою активность по отношению к отцу и матери со своей пассивностью по отношению к ним либо из-за возрастания интенсивности его желаний, либо из-за возникающей потребности объединить, или синтезировать, все эти расходящиеся потоки либидо.

Для маленького мальчика особенно трудно примирить свою активность, по отношению к матери, с пассивностью по отношению к отцу. Когда он желает полностью выразить свою активность по отношению к матери, он встречает на своем пути отца. Тогда он желает избавиться от отца как от помехи, мешающей обладанию матерью; но, с другой стороны, заряд либидо, размещенный в пассивности по отношению к отцу, заставляет его желать подчиниться отцу, даже вплоть до желания стать женщиной, своей собственной матерью, чье место по отношению к отцу он желает занять. Из этого источника развивается впоследствии отождествление с матерью, которое становится постоянным ингредиентом в бессознательном поведении мальчика.

Желание маленького мальчика избавиться от отца становится несовместимым с его желанием быть пассивным по отношению к отцу. Эти желания ребенка вступают в конфликт. Поэтому нарушается разрядка либидо из всех этих «аккумуляторов», за исключением нарциссизма, и ребенок находится в состоянии конфликта, который мы называем Эдиповым комплексом.

Разрешение Эдипова комплекса является самой трудной проблемой, с которой лицом к лицу сталкивается мальчик в своем психическом развитии. В случае маленького мальчика страх поворачивает большую часть либидо от матери к

отцу, и его основной проблемой становится несовместимость его желания убить отца с его в равной степени сильным желанием полностью подчиниться ему.

Все лица мужского пола используют один метод решения основной дилеммы Эдипова комплекса: отождествление с отцом. Будучи в равной степени неспособен убить отца или полностью подчиниться ему, маленький мальчик находит выход, который примерно равен устранению отца и одновременно уходу от убийства. Он отождествляет себя с отцом. Вследствие этого он удовлетворяет как свои нежные, так и враждебные желания по отношению к отцу. Он не только выражает любовь к отцу и восхищение им, но также устраняет отца путем включения его в себя, как если бы он совершил акт каннибализма. С этого времени он сам становится великим обожаемым отцом.

Этот ранний шаг отождествления с отцом делает понятным более позднее честолюбивое стремление превзойти отца и стать более великим, чем отец, которое мы столь часто наблюдаем в юности. Тот отец, с которым маленький мальчик отождествляет себя, не является тем отцом, каков он есть в реальной жизни и каким он признается позднее сыном, но является отцом, чье могущество и добродетели достигли громадных размеров, а чьи слабости и ошибки отрицаются. Он является таким отцом, каким он представлялся маленькому мальчику. Позднее по сравнению с этой идеальной фигурой действительный отец неизбежно будет казаться малой пешкой; и когда юноша желает превзойти отца, он просто поворачивает от реального отца к отцовской фигуре своего детства.

Этот всемогущий, всеумудрый, обладающий всеми добродетелями отец детства в результате его интроецирования ребенком становится внутренней психической силой, которую в психоанализе мы называем Идеал-Эго или Супер-Эго.

Супер-Эго проявляет себя на протяжении всей последующей жизни мальчика через свои приказы и запреты. Его негативная запрещающая функция хорошо известна всем нам как совесть. Его позитивная управляющая сторона является, возможно, менее заметной, но определенно более важной. Она находит выражение через все сознательные и бессознательные чаяния индивида. Так из неудовлетворенного желания мальчика убить отца возникает отождествление с отцом, Идеал-Эго и Супер-Эго.

Конечно, образование Супер-Эго не решает все трудности Эдипова комплекса, но оно порождает «аккумулятор» для определенного количества оттока части либидо, которое первоначально заряжало агрессивность по отношению к отцу. Однако в обмен на это Супер-Эго становится источником новых трудностей, с которыми начиная с этих пор приходится иметь дело Эго. Ибо Супер-Эго на всем протяжении оставшейся жизни предостерегает, запрещает, вытесняет и пытается изолировать и отвести от целей все те либидинозные желания, которые не удовлетворяют его идеалам. Во многих людях эта борьба в Эго между либидо и Супер-Эго не является жестокой либо из-за того, что либидо является слабым и легко подчиняется Супер-Эго, либо из-за того, что Супер-Эго является столь слабым, что оно может лишь смотреть, в то время как либидо идет своим путем, или из-за того, что идеалы Супер-Эго не превышают возможностей человеческой природы и тем самым не требуют от либидо большего, чем свойственно либидинозным влечениям данного индивида. Последняя разновидность Супер-Эго приятна для человека, обладающего им; но она имеет тот недостаток, что порождает очень заурядных людей. Супер-Эго, которое не требует многого от либидо, получает немного; человек, ожидающий от себя немногого в жизни, получает это немногого.

В качестве противоположной крайности выступает Супер-Эго, идеалы которого столь грандиозны, что оно требует от Эго невозможного. Супер-Эго такого

рода порождает мало великих людей, но много психотиков и невротиков. Тот путь, каким развивается такое Супер-Эго, легко понятен. Мы отмечали, что у каждого ребенка имеется преувеличенное представление о величии и мощи отца. Во многих случаях такое преувеличение столь велико, что тот отец, с которым маленький мальчик отождествляет себя, образ которого становится его Супер-Эго, превращается в самого всемогущего Отца — Бога. Такое Супер-Эго постоянно требует от Эго невозможного. Не имеет значения, чего Эго может действительно достичь в жизни. Супер-Эго никогда не удовлетворяется достигнутым. Оно постоянно требует: ты можешь сделать невозможное возможным! Ты являешься любимым сыном Отца! Ты сам являешься Отцом! Ты — Бог!

Супер-Эго такого сорта не является редкостью. Психопроанализ может подтвердить, что отождествление отца с Богом является обычным, если не общим, явлением в психической жизни. Когда сын отождествляет себя с отцом, а своего отца — с Богом и делает такого отца своим Супер-Эго, он чувствует, что внутри него есть Бог, что он сам станет Богом. Все, что он делает, должно быть справедливым, так как сам Бог делает это. То количество либидо, которое заполняет эту идентификацию с Богом, становится столь огромным у некоторых людей, что они теряют способность признавать существование фактов в мире реальности, которые противоречат такому отождествлению. Они кончают в сумасшедших домах. Но тот человек, Супер-Эго которого построено на этом предположении, который с уважением относится к фактам и реальности, может, если он обладает способностью, совершить великие дела в мире. Его Супер-Эго требует многого и получает многое.

Примирение себя с миром реальности является, естественно, одной из основных задач каждого человека. Эта задача нелегка для ребенка. Ни одно из влечений его либидо не может найти полного удовлетворения в реальном мире. Каждому человеку (который живет в мире) приходится достигать такого примирения с миром реальности. Тот, кому абсолютно не удастся выполнить эту задачу, впадает в психоз, слабоумие. Тот, кто может достичь только частичного и потому ненадежного решения конфликта, становится невротиком. И только тот человек, который достигает полного примирения, становится нормальным здоровым человеком. Конечно, мы должны добавить, что такое разрешение конфликта никогда не является столь полным, что оно не может быть разрушено, если на человека обрушится достаточное количество внешних несчастий. Поэтому мы вполне можем сказать, что все люди являются более или менее невротичными. Тем не менее у некоторых людей разрешение этого конфликта покоится на таком прочном фундаменте, что они могут выдержать огромные несчастья, не впадая в невроз, в то время как для других достаточна лишь малая толика невзгод, чтобы вынудить их развить невротические симптомы.

Каждое человеческое Эго является результатом попытки примирения всех этих конфликтов: конфликтов между противоречивыми влечениями либидо и влечениями либидо с требованиями Супер-Эго и с фактами реального мира человеческой жизни. В конечном счете устанавливаемый тип примирения определяется относительной интенсивностью врожденной мужественности и женственности у данного индивида и зависит от тех переживаний, которым он подвергается в детстве. Конечным продуктом всех этих попыток примирения является характер.

Объединение влечений либидо друг с другом и с требованиями Супер-Эго, а также с требованиями внешнего мира является, как мы уже сказали, нелегкой задачей для Эго: все влечения должны быть удовлетворены тем или другим образом. Супер-Эго настаивает на своих требованиях, и нельзя избежать адаптации к реальности. Для выполнения этой задачи Эго применяет, когда непосредственное

удовлетворение либидо невозможно, три механизма: вытеснение, отождествление и сублимацию.

Вытеснение является способом отрицания существования инстинктивного желания, которое требует Удовлетворения, обращаясь с ним, как если бы оно не существовало, изгоняет его в бессознательное и забывает о нем.

Отождествление пытается удовлетворить инстинктивное влечение, трансформировать само Эго в желаемый объект, так что Эго представляет одновременно и желающего субъекта, и желаемый объект.

Сублимация является способом дать инстинктивному влечению частичное удовлетворение путем замены недостижимого для него объекта родственным объектом, который не отвергается Супер-Эго или внешним миром: таким образом инстинктивное влечение переносится со своей приносящей наибольшее удовлетворение, но недопустимой цели или объекта на такую цель или объект, которые, возможно, приносят меньшее удовлетворение, но более легко достижимы.

Вытеснение является наименее эффективным из этих способов достижения желаемого примирения конфликта, так как невозможно, в конечном счете, игнорировать инстинктивные влечения. В конце концов, давление либидо становится слишком большим, вытеснение рушится и либидо прорывается наружу. Более того, давление вытесненного либидо очень сильно возрастает вследствие вытеснения, так как ему не только не дают разрядки, но также удаляют от смягчающего воздействия рассудка, который считается с реальностью. Вытеснение может иметь успех в том, что либидо, в конечном счете, не разряжается по пути к своей первоначальной цели, но оно вынуждено пробивать новый выход и извергается на другой объект.

Например, мальчик, полностью вытеснивший свою враждебность к отцу, не освобождается таким образом от инстинктивного желания убить отца. Наоборот, под влиянием плотины вытеснения его агрессивность против отца возрастает до тех пор, пока не становится слишком сильной для сдерживания. Вытеснение рушится, его враждебность к отцу прорывается наружу и с силой направляется либо против отца, либо против заместителя отца.

Враждебность по отношению к отцу неизбежна для любого мальчика, который претендует хоть на малейшую мужественность. А если мужчина в детстве полностью вытеснил этот инстинктивный импульс, он неизбежно в более поздней жизни будет развивать враждебные отношения с представителями отца. Он будет проявлять свою враждебность безотносительно к тому, заслуживают это представители отца или нет. Они будут вызывать его гнев из-за какой-либо мелочи, которая тем или иным образом напомнит ему об отце. В таких случаях его враждебность проистекает почти исключительно от него самого и почти не имеет внешнего источника. Если же случается так, что у него вдобавок имеется реальная причина для враждебности, то его эмоциональная реакция становится чрезмерной и его враждебность превышает всякую соразмерность с внешней причиной. Как правило, для такого человека трудно поддерживать дружеские отношения с другими мужчинами равного положения, способностей и власти. Для него будет невозможно сотрудничать с людьми, стоящими выше его по положению, способностям и власти: он вынужден ненавидеть таких людей.

Мы не можем закончить обсуждение темы вытеснения, не обратив внимания на то, какие способы применяет Эго для проведения индивидуальных актов вытеснения. Для этой цели Эго использует реактивные образования, обычно путем усиления влечений, которые противостоят тем влечениям, которые требуется вытеснить. Так, например, из вытеснения пассивности к отцу может развиться чрезмерная мужественность, которая может проявлять себя в самонадеянном отвержении каждого представителя отца. Психическая жизнь мужчины является крайне сложной вещью. Реактивные образования против вытесненных инстинктивных

влечений играют огромную роль в конструировании характера, определяемого двумя основными отождествлениями с отцом и матерью.

Тот способ отождествления, который применяет Эго для удовлетворения влечений либидо, является очень полезным и многократно используемым механизмом. Мы уже объясняли, как отождествление с отцом и Супер-Эго развивается из агрессивности по отношению к отцу; множество других отождествлений применяется каждый день всеми людьми. Ребенок, у которого отняли котенка, может компенсировать свою потерю этого объекта любви путем отождествления себя с котенком: он будет ползать, мяукать и есть с пола, как котенок. Ребенок, который привык «кататься» на плечах отца, «играя в лошадку», может (если отец долгое время отсутствует) посадить на плечи какую-нибудь куклу и носить ее, как носил его отец, таким образом представляя себя отцом. Мужчина, потерявший любимую женщину, может (пока не найдет новой любви) пытаться заменить потерянный объект любви собой. Мы увидим поучительный пример действия такого механизма в жизни Вильсона. Мужчина, чья пассивность по отношению к отцу не может найти непосредственной разрядки, часто помогает себе путем двойной идентификации. Он отождествляет себя со своим отцом и находит молодого человека, которого отождествляет с собой; затем он начинает проявлять по отношению к этому молодому человеку такую любовь, которую заставляет желать от своего отца его неудовлетворенная пассивность по отношению к отцу. Во многих случаях мужчина, пассивность которого по отношению к отцу не находит какого-либо непосредственного выхода, разряжает себя посредством отождествления с Иисусом Христом. Психоанализ обнаружил, что такое отождествление имеется у абсолютно нормальных лиц.

Есть еще один путь окончательного разрешения проблемы отца в Эдиповом комплексе, который ведет через двойное отождествление. Когда мальчик становится мужчиной и отцом сына, он отождествляет сына с собой как с ребенком, а себя — с отцом. Его пассивность по отношению к отцу находит тогда разрядку посредством его отношений с сыном. Он проявляет к сыну ту любовь, которую страстно желал получить в детстве от отца. Такое решение основной дилеммы Эдипова комплекса является единственным нормальным решением, предлагаемым природой; но для него требуется, чтобы у мужчины был сын. Таким образом, пассивность по отношению к отцу добавляется во все другие мотивы, питающие желание иметь сына.

Мы уже упоминали о том, что отождествление с матерью возникает от пассивности по отношению к отцу. Теперь мы должны обратить внимание на усиление такого отождествления, которое имеет место, когда во время расщепления Эдипова комплекса на составляющие мальчик отказывается от матери как от объекта любви. Он переносит часть своих активных и пассивных желаний по отношению к матери на других женщин, которые являются ее заместителями; но эти желания никогда полностью не удовлетворяются, и отождествление с матерью является результатом накопления этого неудовлетворенного либидо. Используя уже описанный нами выше механизм, ребенок компенсирует потерю им своей матери путем отождествления себя с ней. Затем, на всем протяжении своей последующей жизни, он будет проявлять по отношению к другим мужчинам, которые напоминают ему о его собственном детстве, большее или меньшее количество любви, которую ребенком желал получить от матери.

Сублимация, третий способ, применяемый Эго для примирения своих конфликтов, включает в себя, как мы уже отмечали, замену первоначальных объектов либидо другими, которые не подвергаются осуждению со стороны Супер-Эго или общества. Такая замена достигается посредством перенесения заряда либидо с одного объекта на другой. Например, мальчик поворачивает часть своего

либидо от матери к своим сестрам или подружкам сестер, а затем — к женщинам вне его семьи, в которых он влюбляется, до тех пор, пока, следуя этим путем, он в конечном счете не находит себе жену. Чем больше его жена напоминает ему о матери, тем большим будет отток его либидо в этот брак; но многие инстинктивные садистские импульсы, которые имеют тенденцию разрушить брак, также сопутствуют таким материнским взаимоотношениям.

Человеческие индивиды применяют многочисленные сублимации для разрядки либидо, и этим сублимациям мы обязаны всеми высшими достижениями цивилизации. Неудовлетворенные сублимированные желания либидо породили искусство и литературу. Само человеческое общество скрепляется сублимированным либидо; пассивность мальчика по отношению к отцу трансформируется в любовь к своим приятелям и в желание служить человечеству. Если бисексуальность человеческих чувств и индивидов временами представляется огромным несчастьем и источником бесчисленных трудностей, мы должны помнить, что без нее человеческое общество вообще не могло бы существовать. Если бы мужчина являлся олицетворением только агрессивной деятельности, а женщина — только пассивной, человеческий род уже давным-давно прекратил бы свое существование, так как мужчины взаимно истребили бы друг друга.

Перед тем, как мы завершим краткое представление фундаментальных принципов психоанализа, представляется разумным описать еще некоторые из открытий.

Каждое препятствие в разрядке либидо вызывает накопление психической энергии, и возрастание давления в затрагиваемом «аккумуляторе» может распространиться на другие «аккумуляторы». Либидо всегда ищет места для накопления и разрядки, оно не может сдерживаться постоянно или когда его заряд превышает определенный предел. Если оно не может найти места для накопления или разрядки путем использования одного «аккумулятора», оно размещает себя и разряжается посредством использования других «аккумуляторов».

Интенсивность, или, продолжая наше сравнение, количество либидо, сильно варьирует у разных индивидов. Некоторые из них обладают очень могущественным либидо, другие — очень слабым. Либидо отдельных индивидов может быть сравнимо с электрической энергией, порождаемой крупной электростанцией, в то время как либидо других может напоминать слабый ток, порождаемый магнето автомобиля.

Либидо всегда будет отказываться от иного выхода, если свободен выход, лежащий ближе к первоначальным инстинктивным влечениям, при условии, что сопротивление Супер-Эго и внешнего мира не является большим, чем в случае иного выхода. Например, оно всегда готово отказаться от сублимации, если может найти другой объект, более близкий к первоначальному объекту либидо.

Закономерно то, что человек переносит значительную долю ненависти на лицо, к которому он наиболее привязан, а любви на лицо, которое ненавидит. То или другое из этих антитетических инстинктивных влечений вытесняется либо целиком, либо частично в бессознательное. Мы называем это принципом амбивалентности.

Рождение меньшего брата вызывает определенную реакцию у маленького мальчика: он чувствует себя «преданным» отцом и матерью. Укор за такое «предательство» и ненависть по отношению к своим родителям могут затем быть им трансформированы либо полностью, либо частично по отношению к брату. Ребенок, развивающийся нормально, освобождается от такой ненависти и чувства «предательства», совершенного по отношению к нему, путем типичной идентификации: он как бы становится отцом появившегося ребенка, а его «превращает» в себя. Но при менее нормальном развитии упрек в «предательстве»

продолжает оставаться и относиться к брату, таким образом, старший брат на протяжении всей своей жизни продолжает опасаться, что те из его друзей, которые напоминают ему меньшего брата, повторят по отношению к нему акты «предательства».

Чувство «предательства», описанное выше, проистекает от обманутых надежд в отношении удовлетворения, как активных, так и пассивных влечений либидо: но из вытеснения пассивности по отношению к отцу может возникнуть нечто, намного более серьезное. Оно может привести мужчин к форме преследования, свойственной паранойе: мании преследования. Как правило, страдающий от мании преследования верит в то, что он преследуется и «предается» тем лицом, которого больше всего любит. Мания предательства и преследования часто не имеет никакой фактической основы, а проистекает единственно из потребности убежать от любимого человека, так как тот возбуждает, но не удовлетворяет пассивность данного индивида. Если страдающий верит в то, что лицо, которое он любит, «предает» и преследует его, тогда на смену любви приходит ненависть и он способен убежать от любимого человека. Легко проследить все случаи неоправданного Недоверия и мании преследования к вытесненной пассивности по отношению к отцу.

Всевозможные крушения планов и несчастья имеют тенденцию вновь возвращать либидо к прежним местам обитания, например возвращать либидо от сублимаций к его первоначальным объектам влечения. Мы называем это регрессией.

В ходе человеческой жизни психическое развитие вместо продолжения своей эволюции может внезапно останавливаться и заканчиваться. В таком случае некоторое травматическое переживание заполняется либидо, загоняя его в те «аккумуляторы», которых оно придерживается вплоть до самой смерти или душевного распада личности. Мы называем это фиксацией. Теперь, когда мы изложили некоторые открытия психоанализа, мы будем пользоваться ими как аксиомами при проведении психологического исследования личности Томаса Вудро Вильсона. До сих пор мы излагали факты, справедливые для всех мужчин, рожденных в этом мире; давайте теперь обратимся к тому человеку, который родился в доме пастора в Стэнтоне, штат Виргиния, 28 декабря 1856 года и провел детство в Огапе, штат Джорджия.

Читатель, конечно, сочтет нас слишком осторожными и придет к собственным заключениям относительно мощи либидо Вильсона. Возможно, он отметит тот факт, что Вильсон, почти наверняка, оставался девственным до своего первого вступления в брак, то есть до двадцати восьми с половиной лет, и сделает заключение, что либидо Вильсона было крайне слабым. Прежде чем принять такое поспешное заключение, читателю следует припомнить несколько фактов: первое, что либидо может находить разрядку тысячами других способов, отличных от прямого сексуального выражения; второе, что в физическом отношении Вильсон был слабым и, предположительно, не испытывал сильного соматического давления, нуждающегося в разрядке; третье, что «идеал чистоты» был частью Супер-Эго Вильсона и мог, в некоторой степени, помогать ему отводить разрядку либидо от непосредственного сексуального выхода.

С другой стороны, читатель, размышляющий о частых замечаниях Вильсона по поводу «интенсивности» его чувств, может испытывать искушение заключить, что либидо Вильсона было очень сильным. Но такое ощущение интенсивности на самом деле имеет мало общего с мощью либидо. Оно просто сопровождает определенные влечения либидо и может вызываться отводом этих индивидуальных влечений из-под контроля Эго или переполнением их энергией либидо вследствие Нерешенного конфликта. Невротик или психотик, суммарное либидо которого

невелико, может проявлять большую интенсивность, чем любой нормальный мужчина. Нормальный мужчина с очень мощным либидо не ощущает и не проявляет какой-либо интенсивности чувств, если в его Эго нет нерешенных конфликтов. Когда Вильсон писал: «Я слишком чувствительный», он указывал скорее не на то, что обладает могучим либидо, а на то, что внутри него существует нерешенный конфликт между противоположными влечениями; скорее не на то, что его желания были сильными, а на то, что его Эго не нашло удовлетворительного решения Эдипова комплекса.

Если читатель, размышляющий над огромной любовью Вильсона к отцу, над его пристрастием к публичным выступлениям и его сильной ненавистью ко многим мужчинам, будет пытаться вывести из этих данных заключение о том, что либидо Вильсона было очень интенсивным, ему следует вспомнить, что многие мужчины кажутся обладающими могучим либидо, достигая видимости этого путем направления потока либидо по немногим каналам; но психоанализ таких людей часто показывает, что на самом деле их либидо является слабым и что посредством такой концентрации большая часть психической жизни остается без достаточного тока либидо, необходимого для адекватного ведения этой стороны жизни. Мы ничего не знаем о богатстве внутренней жизни Вильсона, но мы точно знаем, что та часть его либидо, которая выходила во внешний мир, была сконцентрирована на немногих вещах. Диапазон его интересов был крайне узок. Более того, внутри этого узкого диапазона интересов он еще больше сконцентрировал поток своего либидо. Одной из самых поразительных черт характера Вильсона было то, что он назвал своим «узконаправленным разумом». Для него было невозможно направлять свой интерес сразу на несколько интеллектуальных целей. То есть, иначе говоря, одна интеллектуальная цель была достаточна для того, чтобы забрать всю энергию его либидо, которое разряжалось через его интеллектуальные интересы. А это вполне могло объясняться тем, что его либидо было столь слабым, что для того, чтобы достичь какой-либо интеллектуальной цели, ему приходилось сосредоточивать энергию своего либидо на этом объекте. Поэтому разумнее будет не делать каких-либо заключений. И давайте не будем стыдиться признать наше невежество. Научиться говорить «Я не знаю» является началом интеллектуальной целостности.

Либидо маленького Томми Вильсона, подобно либидо любых других человеческих существ, вначале начало накапливаться в нарциссизме и находить разрядку в любви к себе. Было бы очень необычным, если бы Томми, единственный сын своих родителей, болезненный, оберегаемый, балуемый и любимый отцом, матерью и сестрами, избежал чрезмерного сосредоточения интереса на себе. На самом деле он всегда чрезмерно любил себя. Все имеющиеся у нас факты говорят о том, что он всегда восхищался собой или грандиозностью своих планов.

Более того, как мы увидим позднее, для того чтобы быть счастливым, ему нужно было иметь похожего на него человека для проявления своей любви к нему. Посредством такой любви он давал дополнительный выход огромному заряду своего либидо, который размещался в нарциссизме. Несомненно, большая доля его либидо на протяжении всей его жизни продолжала Разряжаться через нарциссизм — используя для такой Разрядки даже часть либидо, которое разряжалось посредством объектной любви.

Существуют две формы выбора объекта: по опорному типу и нарциссический. При выборе объекта по опорному типу либидо непосредственно направлено на другого человека: на мать или отца ребенка, на его брата или сестру или постороннее лицо. Такой объект ценен сам по себе, своей собственной личностью, которая может быть совершенно отличной от личности ребенка. Такую разновидность выбора объекта мы называем любовью «опорного» типа, потому что ребенок вначале «основывается», или «опирается», в своих сексуальных

влечениях на инстинкты самосохранения и выбирает объектами своей любви тех лиц, которые удовлетворяют его физические потребности. С другой стороны, при нарцисстическом типе выбора объекта либидо ребенка направлено к другому лицу, которое тем или иным образом похоже на него. Он любит ту часть себя, которую видит в данном объекте. Он любит объект не за те качества, которыми тот отличен от него, а лишь за те качества, которыми объект походит на него. Поэтому через любовь к объекту он любит себя, и его нарциссизм находит таким окольным путем дополнительный выход.

Нет необходимости заново перечислять факты из детства Вильсона, которые были приведены ранее. Просто вспомним об одном факте его жизни, который превосходит по важности все прочие: отец Томми Вильсона был для него огромным объектом любви. Отец был великой фигурой его детства. Действительно, по сравнению с ним мать выглядела очень жалко. Ясно, что намного большее количество либидо Вильсона находило выход посредством его отношений с отцом, чем с матерью. Поэтому нам следует ожидать, что задача его Эго относительно примирения конфликтных влечений по отношению к отцу была намного более трудной, чем аналогичная задача по отношению к матери. Так оно и было. Его Эго легко примирило его конфликтные влечения по отношению к матери. Его отношения с женщинами стали нормальными и обычными (ничем не примечательными); но его Эго никогда не удалось примирить его противоречивые влечения по отношению к отцу.

...значительная доля его либидо, должно быть, размещалась в агрессивности по отношению к отцу. Мы знаем, что он должен был испытывать враждебность по отношению к отцу и выражать ее тем или иным способом. Что касается фактов, то почти все необычные черты характера Вильсона развились из вытеснений, отождествлений и сублимаций, посредством которых его Эго пыталось примирить его агрессивность с непреодолимой пассивностью по отношению к отцу. Отношение Вильсона к отцу и к отцовским представителям, поэтому будет занимать большую часть исследования его характера.

Эго маленького Томми Вильсона не испытывало особых затруднений в примирении его противоречивых влечений по отношению к матери. Эти влечения не были слишком сильными: основные заряды его либидо были сосредоточены в его влечениях по отношению к отцу. Более того, к счастью для него, у него были родные и двоюродные сестры, на которых его Эго легко могло перенести те влечения, которые первоначально были направлены на мать.

Маленькие мальчики, у которых есть сестры, имеют громадное преимущество. Сестры образуют тот мост, по которому либидо мальчика легко может быть перенесено от матери к женщинам, находящимся вне круга семьи. Эго маленького мальчика, у которого нет сестры, вынуждено заставлять его либидо одним прыжком преодолеть пропасть между матерью и внешним миром. Как мы уже указывали, маленький мальчик, имеющий сестру, как правило, переносит на нее часть либидо, которое было привязано к матери, а через сестру — на подружек сестры. Таким образом, путем легких перенесений его либидо достигает женщин вне круга семьи. Эго маленького мальчика, у которого нет сестры, вынуждено переносить его либидо непосредственно от матери к некоей женщине вне семейного круга, что является намного более трудной задачей и для многих мужчин представляет непреодолимую трудность. Либидо таких мужчин может оставаться фиксированным на матери в течение всей их жизни. Они неспособны отделить себя от матери. Если сын по тем или иным причинам лишается матери, он нередко отождествляет себя с ней, проявляя по отношению к людям, которые похожи на него, ту любовь, которую он желал получить от своей матери.

Томми Вильсону особенно повезло. Путь к женщинам вне круга его семьи был для него очень легким и беспрепятственным благодаря существованию не только родных сестер, глубоко любивших его, заботившихся о нем и игравших с ним, но также благодаря маленьким двоюродным сестрам.

Когда мы пытаемся найти свидетельство прямого выражения Томми Вильсоном враждебности к отцу, мы видим, что на протяжении всех 68 лет его жизни не было ни одной враждебной мысли или действия, направленных против отца. Отец был его наставником и советчиком до самой своей смерти. И до конца своих дней Вильсон продолжал говорить об отце с любовью и восхищением. Лишь в выборе профессии он отказался подчиниться воле отца, который хотел, чтобы он стал пастором, а не государственным деятелем.

Мы указывали на то, что вытеснение является наименее эффективным из всех методов примирения, используемых Эго, потому что вытесненное влечение продолжает искать разрядки и неуязвимо для критики рассудка, так как оно вытеснено из сознания, и что вследствие изоляции такого влечения и его отхода от сдерживающего влияния рассудка оно накапливает огромное количество либидо. Мы видим, что та доля враждебности Томми Вильсона к отцу, которая была столь сильно вытеснена и ни разу не разряжалась непосредственно против отца, а продолжала искать разрядки, в течение его жизни много раз, прорывалась наружу против других людей. На всем протяжении своей жизни ему было трудно поддерживать дружественные отношения с мужчинами, обладавшими более развитым интеллектом или занимавшими более высокое положение, поэтому он предпочитал окружать себя женщинами или мужчинами, стоящими ниже его по уму и общественному положению. Та доля его агрессивности по отношению к отцу, которая находила выход посредством отождествления с отцом, создала у него крайне могущественное и возвышенное Супер-Эго. Мы уже упоминали о том, как обычно маленький мальчик заменяет свое желание убить отца другим способом преодоления отца, посредством отождествления себя с отцом, и как такое отождествление порождает Супер-Эго. Томми Вильсон Думал мыслями отца, повторял его слова, подражая ему, произносил речи с церковной кафедры перед воображаемыми прихожанами, одевался в юности так, что его часто ошибочно принимали за пастора, и женился, подобно отцу, на женщине, рожденной и воспитанной в доме пресвитерианского пастора.

Он никогда не освободился от такого отождествления с отцом. Его достоинства и недостатки остались точь-в-точь такими же, как у отца. Он не мог представить себя совершеннее, чем отец. Наиболее полно отец выражал себя в чтении проповедей, произносимых с церковной кафедры. Томми Вильсон также выражал себя в проповедях, читаемых с кафедры, какой для него был Белый дом. Отец пел, Томми тоже пел. Отец читал по вечерам своей семье, и в этом Томми следовал ему. Все, что делал отец, имело для него смысл делать. Все, чего он не делал, не стоило делать. Отец очень много курил. Томми не курил никогда. «Отец за свою жизнь выкурил столько, что хватит на нас обоих», — объяснял он. Так что даже в этом случае, хотя ему не удалось скопировать отца, он все же очень ясно выразил свое чувство — он и отец одно целое: полнейшее отождествление. Он повторил жизнь отца, только с большим размахом.

Представление в его бессознательном о «несравненном отце», развившееся из детских преувеличений достоинств отца, которое стало его Супер-Эго, оказывало на него громадное влияние в ходе всей последующей Жизни. Действительно, его карьера представляет исключительный интерес как пример той мощи возвышенного Супер-Эго, которая позволяет слабому в физическом отношении мужчине добиться высокого положения в обществе.

Как мы уже указывали, такое Супер-Эго никогда не может быть удовлетворено. Не имеет значения, чего может достичь несчастный обладатель такого Супер-Эго, он всегда будет чувствовать, что сделал недостаточно много. Он не будет получать никакой радости от выполненной работы, всегда будет недоволен собой, и его будет преследовать мысль о том, что он не оправдал своих надежд. Он никогда не сможет завершить то, чего требует от него Супер-Эго, так как оно требует невозможного. Такая неудовлетворенность собой была одной из характерных черт Вильсона на протяжении всей его жизни.

...такой ребенок ощущает, что внутри него есть Бог. В своем бессознательном он сам является Богом. Все, что он делает, справедливо, так как это делает Бог. Томми Вильсон мог оправдывать многие свои странные действия вследствие такого бессознательного убеждения. Что бы он ни делал, должно было быть правильным, так как это делал Бог. Иногда он признавал, что заблуждался. Но никогда не признавал, что поступил несправедливо. Его Супер-Эго не позволяло делать таких признаний. Он скорее предпочитал забыть или исказить факты, полностью уйти от мира реальности и построить в своем воображении факты, удовлетворяющие требованиям его Супер-Эго.

Нет ничего необычного в том, что обладание таким Супер-Эго приводит одних мужчин к величию, а других — к неврозу и психозу. Его требования ненасытны; и если они не удовлетворяются в достаточной степени, такое Супер-Эго мучает своего несчастного обладателя. Поэтому обладатель такого Супер-Эго вначале пытается удовлетворить требования Супер-Эго посредством действительных свершений и часто достигает очень многого; если же его достижения недостаточно удовлетворяют Супер-Эго, оно снова начинает мучить его. Он не может достичь больше того, чего достиг. Поэтому для того, чтобы избежать упреков своего Супер-Эго, он придумывает мнимые свершения. Он разрушает мир фактической действительности. Он может стать психотиком. Если он прочнее придерживается реальности, он просто страдает от упреков своего Супер-Эго и становится невротиком. Таким образом, мужчина, который делает Бога своим Супер-Эго, взбирается на острый гребень горы величия, опасно балансируя между пропастью невроза, с одной стороны, и пропастью психоза, с другой. Если ему повезет, то до конца жизни он не свалится ни в ту, ни в другую пропасть. Мы увидим, как Супер-Эго маленького Томми Вильсона заставляло его карабкаться вверх по этой отвесной скале, как Много раз он был близок к неврозу, как под конец своей карьеры он почти впал в психоз.

Стоит напомнить, что бисексуальность является одним из фактов человеческой природы, который сам по себе должен был бы возбуждать не больше эмоций, чем тот факт, что 99% человеческого тела состоит из воды. Если бы человеческие существа не были бисексуальными, они не были бы людьми. Рождение бисексуальным является таким же нормальным, как рождение с двумя глазами. Мужчина или женщина без элемента бисексуальности были бы такими же нечеловеческими существами, как циклопы. Подобно художнику, который, используя одни и те же краски, может создать шедевр или уродливую картину, Эго может комбинировать первоначальную мужественность и женственность человека для формирования либо прекрасного, либо уродливого характера.

На протяжении всей жизни Вильсона большая часть его либидо находила выход посредством произнесения речей. Некоторое количество пассивности Вильсона по отношению к отцу находило выход посредством прямого подчинения отцу, но то подчинение, которого он желал достичь в своем бессознательном, было намного более глубоким и специфичным, чем то подчинение, которое он мог достичь в жизни. Поэтому он искал другие пути для подчинения. Он нашел выход,

полностью одобренный его Супер-Эго, через подчинение Богу, который представлял в его бессознательном отца.

Вильсон по крайней мере дважды говорил: «Я верю в божественное провидение. Если бы я в него не верил, я бы сошел с ума». Посредством отождествления с матерью Вильсон находил еще один выход своей пассивности по отношению к отцу.

...он отождествлял себя с матерью. Несмотря на свое сознательное желание быть похожим на отца, Вильсон походил на свою мать не только в физическом отношении, но также характером. Вот его поразительное признание Дадли Филду Мэлоуну: «Когда я чувствую себя плохо, раздражен и нахожусь в подавленном состоянии и мне кажется, что все идет не так, тогда я ощущаю в себе преобладание характера матери. Но когда жизнь представляется мне веселой, приятной и великолепной, тогда я знаю, что та часть моего отца, которая есть во мне, взяла верх». Обычно он чувствовал себя плохо, был раздраженным и подавленным.

Томас Вудро Вильсон был довольно трогательным маленьким мальчиком, который у всех вызывал симпатию и жалость: слабый, болезненный и нервный, замедленный в своем развитии ребенок, с плохим зрением, страдающий расстройствами желудка и головными болями. То, что он был нервным, не представляется чем-то исключительным. Нервозность не является видимым признаком внутреннего конфликта, который Эго не смогло решить. И, не говоря уже о многих незначительных инцидентах, которые могли беспокоить его, у него было много причин для нервозности вследствие конфликта между Супер-Эго, которое требовало, чтобы он был целиком мужественным, самим Богом, и его пассивностью по отношению к отцу, вплоть до становления всецело женственным.

...мы знаем, что в физическом отношении Вильсон был хилым, и знаем также то, что у него неизменно возникали неврастенические симптомы как реакция на возникавшие проблемы. Особенно трудным был для него период с весны 1874 по весну 1884 года. Он подошел к этому моменту полным сил 17-летним юношей. А спустя десятилетие, когда ему было уже 27 лет, он все еще льнул к привычкам своего детства и оставался девственным, с большой нервозностью, диспепсией, головными болями и идеалами. Отмечая специфичность его физических заболеваний в это время, мы можем лишь заключить, что его «нервозность» и «напряженность» вызывались конфликтом между его женственностью и его возвышенным Супер-Эго, которое требовало, чтобы он был исключительно мужественным. Если бы нас спросили, почему время от времени его симптомы усиливались до точки «срыва», мы могли бы ответить только общей фразой о том, что интенсивность его симптомов возрастала всегда, когда события его жизни вызывали обострение основного конфликта.

В сентябре 1875 года, после 15 месяцев болезни, Вильсон отправился в Принстон, отчаянно решившись преодолеть свою слабость и сделать себя лидером, как того требовало его Супер-Эго. Его ожидал громадный успех. Его карьера, начиная с 1876 года в Принстоне и до того дня, когда его принимали в Париже как спасителя человечества, являет собой замечательный пример могущества сильного Супер-Эго, ведущего к успеху человека со слабым телом и невротической конституцией. Во время 2-го года обучения в Принстоне Вильсон вступил на тот путь, которому суждено было привести его к посту президента Соединенных Штатов и вершителя судеб мира. Свой 1-й год он провел, пытаясь ликвидировать недостатки в интеллектуальной подготовке для учебы в колледже, а также занимаясь лечением желудка. Он написал отцу, что обнаружил у себя незаурядный ум и окончательно и бесповоротно решил стать государственным деятелем, а не пастором.

К 21-летнему возрасту характер Томаса Вудро Вильсона почти окончательно сформировался.

Проблема поисков счастья в жизни, которая заботит всех людей, является в большой степени проблемой экономного расходования психической энергии. Индивид обладает определенным количеством либидо, которое накапливается в различных аккумулирующих структурах и ищет разрядки посредством многочисленных выходов. Если Супер-Эго не препятствует потоку либидо, требующему разрядки, а также, если не сдерживается тот поток либидо, который наличествует в данное время, и при этом чрезмерно не опустошается тот или иной резервуар либидо, человек чувствует себя счастливым. И наоборот, если выходы не одобряются Супер-Эго или являются недостаточно большими или слишком большими, индивид чувствует себя несчастным. Современная психология ничего нового не может добавить к классической формуле счастья — «умеренность во всем», за исключением замечания о том, что умеренность в требованиях Супер-Эго является столь же существенной, сколь и умеренность во всех прочих вещах. И даже если человек готов жить согласно этому древнему правилу, он не сможет легко достичь счастья или продолжать вести счастливую жизнь продолжительное время. Найти разрядки для фундаментальных, часто противоречивых влечений крайне трудно; и даже если найдены удовлетворительные разрядки, изменяющиеся обстоятельства жизни не позволяют им оставаться неизменными. Смерть, болезнь, потеря любви или положения неотделимы от человеческой жизни, и все они вовлекают в себя потерю разрядок для либидо. Так что самый мудрый и самый умеренный человек не может рассчитывать на постоянное счастье. Менее мудрые люди, среди которых должно упомянуть Томаса Вудро Вильсона, не могут достичь больше скоротечных проблесков счастья.

Взросшая уверенность в своих силах позволила Вильсону во время 2-го года обучения добиться лидерства среди своих товарищей в Принстоне и завести большое число обычных, без особого эмоционального накала дружеских связей. В рождественские праздники 1879 года, когда Вильсону было около 23 лет, он в первый раз в своей жизни влюбился. Как и его мать, она была родом из Чилликотэ, штат Огайо. Ее отца, подобно отцу его матери, звали Томас Вудро. Вильсон начал писать ей «отчасти пылкие» письма. Его возросшая в то время мужественность не привела его сколько-нибудь ближе к телу женщины.

Большая часть его либидо все еще была направлена на отца.

В Виргинском университете Вильсона избрали президентом дискуссионного клуба имени Джефферсона, несмотря на питаемую им неприязнь к личности Джефферсона. Такая враждебность к Джефферсону и аналогичная враждебность к Дизраэли кажется на первый взгляд чем-то экстраординарным у молодого человека, который стремится стать государственным деятелем. Джефферсон являлся одним из наиболее видных американских государственных деятелей, а Дизраэли — не менее знаменитым государственным деятелем Англии. Однако найти объяснение враждебности Вильсона не так сложно. Он видел себя «христианским государственным деятелем» — Гладстоном. Ни Джефферсон, ни Дизраэли не являлись христианскими государственными деятелями. Джефферсон был деистом, а Дизраэли — евреем. К тому же Дизраэли был личным противником его учителя, Гладстона. Это были подходящие враги (сыны ада) для того Бога-Отца, с которым он отождествлял себя. Когда позднее Вильсон стал государственным деятелем и «божеством» в своем бессознательном, он частенько облакал своих оппонентов в «наряд сатаны».

В декабре 1880 года обычные для Вильсона головные боли и диспепсия стали столь интенсивными, что ему пришлось оставить учебу в университете. Не получив диплома, он возвратился в дом отца, где ему был обеспечен надлежащий уход. Нет

никаких свидетельств, говорящих о том, что он перестал быть девственным. Он все еще писал письма своей двоюродной сестре Генриетте. Он чувствовал себя очень несчастным. Его диспепсия и головные боли закрывали от него тот путь, который, как он надеялся, приведет его к карьере государственного деятеля, вплоть до весны 1882 года. Пробыв 18 месяцев дома, он наконец отправился в Атланту работать в области юриспруденции, что, как он был уверен, должно было привести его к карьере государственного деятеля. Но в Атланте он не нашел ни одного клиента. Казалось, путь к карьере государственного деятеля был для него закрыт. Он отправился навестить свою любимую двоюродную сестру, которую когда-то сшиб с дерева. Она была замужем, но там он встретил Эллен Эксон, и она стала для него той представительницей матери, в которой он нуждался. Неудивительно, что он сразу же влюбился в нее. Она росла в той же среде, что и его мать, родные и двоюродные сестры. Подобно матери и сестрам, она была дочерью пастора пресвитерианской церкви. Ее мать умерла, и она заменяла мать троем малышам. Ее положение в доме почти полностью совпадало с положением его матери, когда отец женился на ней. Прося Эллен Эксон выйти за него замуж, Вильсон снова отождествлял себя с отцом. В их позднейших отношениях есть множество указаний на то, что Эллен Эксон являлась для Вильсона полной и законченной представительницей матери.

Влюбиться в представительницу матери — значит сделаться рабом фортуны. Такое отношение столь полно забирает практически весь поток либидо, направленный на женщин, что оно становится либо источником величайшего счастья и силы для мужчины, либо источником громадного несчастья и слабости. Она не только глубоко полюбила его, но продолжала любить до конца своих дней. С того осеннего дня 1883 года, когда она обещала выйти за него замуж, до своей кончины в 1914 году Вудро Вильсон обладал величайшим источником силы, какой только может существовать в жизни любого мужчины: индивидуальной любовью законченной представительницы матери. Трудно переоценить ту помощь, которую она оказала ему. Его отношения с мужчинами продолжали оставаться неустойчивыми на протяжении всей жизни, вызывая конфликты, которые истощали силы. Его отношения с женщинами пришли в порядок.

Будучи студентом Университета Джона Гопкинса, он написал книгу «Конгрессиональное правление», которая производила на читателя впечатление, что автор очень хорошо знаком с деятельностью конгресса по личным контактам. Но он ни разу не отправился взглянуть на описываемый им конгресс, хотя Вашингтон находился примерно в часе езды поездом от Балтимора, где он работал над книгой. Такое увиливание от контакта с мужчинами и фактами продолжалось на всем протяжении его жизни.

В июне 1885 года Вильсон женился на Эллен Эксон. До самой ее смерти в августе 1914 года он не проявлял ни малейшего сексуального интереса к какой-либо другой женщине. Конечно, он писал сотни длинных писем в расчете завоевать симпатии миссис Гилберт и других леди. Эти письма более напоминают попытки воссоздать заново отношения со своими старшими сестрами, нежели отношения со своей матерью. Именно на груди Эллен Эксон, а не на груди какой-либо из его корреспонденток он находил вдохновение.

Несмотря на свою любовь, в то время, когда большинство мужчин находятся на вершине блаженства, он был очень несчастен. Его нервозность и подавленность были столь острыми и странными, что не могли проистекать только от его Супер-Эго.

Основное недовольство было вызвано тем, что заведение, в котором он работал, было женским. Здесь мы сразу же подмечаем предполагаемые отношения маленького Томми Вильсона со своим отцом. Ни его активность, ни пассивность по

отношению к отцу не находили удовлетворительного выхода. Обучение юношей предполагало выход для обоих этих влечений. Ему не хватало отождествления себя с ребенком. Тогда он смог бы играть по отношению к себе одновременно роль отца и сына и восстановить то инфантильное отношение, которое делало его столь счастливым. В женском окружении такое отождествление становилось не только невозможным, но и непереносимым, так как он становился отцом, читающим лекции девушке, которая представляла его же. Он снова почувствовал себя женщиной, и это было ужасно. Не пробыв в Брин-Море и 6 месяцев, он начал искать другую работу.

Преподавание в Принстоне стало его целью. Он отправился в Нью-Йорк для выступления на банкете в честь выпускников Принстона, надеясь произвести на своих слушателей достаточное впечатление и таким образом получить место преподавателя в этом колледже. Во время его выступления над ним шутили, посмеивались, ходили по залу — словом, его речь никого не интересовала. Эта рана, нанесенная его нарциссизму, очевидно, была весьма болезненной, поэтому неудивительно, что впоследствии он проявлял мало почтения к чему-либо, связанному с Нью-Йорком.

Он снова вернулся к своему лелеемому самоотождествлению с Гладстоном. Он отправился в Вашингтон и попытался получить должность в госдепартаменте. Неудача. И снова его активность по отношению к отцу оказалась заблокированной.

Его жена была беременна. Он мечтал о сыне, посредством которого нашел бы выход одновременно своей активности и пассивности по отношению к отцу. Жена родила дочь. И вновь поток либидо, связанный с отношением к отцу, не находил выхода. Он становится все более и более нервным. Его жена снова забеременела. И опять родившийся ребенок оказался девочкой. Его нервность возросла. Он писал своему другу Роберту Бриджесу: «Я очень опасаясь, что у меня наступит упадок сил, если я пробуду здесь еще год». И опять он ищет выход посредством государственной деятельности, пытаясь получить пост помощника государственного секретаря. Вновь неудача. Он чувствовал приближение нервного расстройства, писал о себе как об «остро нуждающемся в мужском обществе» и назвал эту зиму, 1887 — 1888 годов, «ужасной зимой».

Читатель, размышляющий относительно причин нервозности и несчастья в жизни этого молодого женатого мужчины, живущего в прекрасном доме и пользующегося уважением в Брин-Море, вероятно, склонен прийти к заключению, что его отношения с женой не приносили ему удовлетворения. Это, конечно, не так. Как и всегда, Эллиен Эксон великолепно удовлетворяла ту меньшую долю его либидо, которая была направлена на женщин. И он находил удовольствие в своих дочерях.

Но основной поток его либидо снова и снова не мог найти выход через желаемые каналы. Его отношения с мужчинами были для него настолько важнее отношений с женщинами, что никакое количество домашнего блаженства не могло сделать его счастливым.

Его реакция на смерть матери и на конец «ужасной зимы» проливает некоторый свет на эту диспропорцию в его натуре. Он писал одному из своих друзей: «Моя мать была для меня матерью в самом полном, самом нежном смысле этого слова, и ее потеря оставила меня с печальным, тяжелым ощущением до некоторой степени внезапной *потери моей юности*. Я чувствую себя старым, с намного большим грузом ответственности... Однако самым тяжелым для меня является не собственная тяжелая утрата, а тяжелая участь отца, обе дочери которого замужем и который, так как мой брат учится в колледже, остался практически один в доме. Мне кажется в тяжелые моменты, что моя счастливая семейная жизнь здесь в сравнении с его несчастьем служит мне укором...»

Это письмо не является криком души о потерянном объекте. Его слова о кончине матери слишком вежливые и общепринятые. Эллиен Эксон уже заняла ее место. Но его пассивность по отношению к отцу была глубоко взволнована мыслью о том, что отец нуждается в жене. В своем бессознательном он всегда желал занять место матери для своего отца. Теперь он незамедлительно занял это место. Его наполняло не ощущение того, что он потерял мать, а чувство того, что он потерял свою юность. Смерть матери устранила одно из препятствий к тому, чтобы стать в его бессознательном женой своего отца. Он почувствовал себя «старым, с намного большим грузом ответственности», ощутил необходимость дать приют отцу. Ощущается желание сказать, что в своем бессознательном он чувствовал себя старой женщиной — своей матерью. Неудивительно, что он предложил отцу на какое-то время переехать жить к себе и постольку, поскольку это было возможно, играл роль преданной жены по отношению к преподобному Раглесу Вильсону до самой его смерти. Так нашла выход его пассивность по отношению к отцу.

9 марта 1890 года он писал жене: «...отдаленное *чувство* зрелости — или, вернее, взросления — пришло ко мне. *Мальчишеское* отношение, которое сохранялось и лелеялось столь долго, сознательно уступает место иному чувству...» — и добавил, что «наконец-то он начинает становиться уверенным в своих силах (возможно, способным отстаивать свои права) мужчиной». Сознательно ему казалось, что он наконец-то становится взрослым человеком, но представляется вероятным, что в своем бессознательном он стал взрослой женщиной. Так, даже смерть матери послужила выполнению его неудовлетворенного влечения быть любимым в качестве жены своим отцом. Он стал взрослым мужчиной в своем бессознательном лишь после смерти отца.

«Острая нужда в мужском обществе» для частичной разрядки своей активности и пассивности по отношению к отцу заставила его ухватиться за возможность сменить Брин-Мор на Уэслианский университет. Здесь было нужно ему мужское общество, и его здоровье и настроение сразу улучшились. Последующие 7 лет его жизни были наиболее счастливыми. В течение всего этого периода у него не было ни одного «упадка сил» и его обычные симптомы не очень донимали его. Для всех основных «аккумуляторов» его либидо были найдены сравнительно удовлетворительные выходы. Его нарциссизм был удовлетворен успехом, которым пользовались его лекции, и тем общим уважением, которое ему оказывали повсюду. Жена превосходно удовлетворяла его активность и пассивность по отношению к матери. Его пассивность по отношению к отцу находила выход не только посредством принятия им роли жены по отношению к отцу, но также посредством отождествления с теми молодыми людьми, которым он читал лекции. Конечно, его активность по отношению к отцу удовлетворялась не полностью; но значительная доля его либидо выходила вследствие отождествления им себя с отцом во время чтения лекций, так что уменьшилась его потребность в нахождении выхода для своей активности посредством государственной деятельности. Даже его Супер-Эго, по всей видимости, было более или менее удовлетворено успехами в академическом мире. Его лекции, во время чтения которых он играл роль своего отца и изливал на своих слушателей свое душевное тепло и множество величественных обобщений на манер пастора, читающего проповедь церковной кафедры, пользовались огромным успехом.

Даже во время этого периода сравнительного счастья Вудро Вильсон постоянно помнил об отце, каждая разлука с которым заставляла его братья за перо, чтобы написать старому пастору.

Факты являются врагами обобщений, и та нелюбовь к фактам, которую он столь часто выражал, была, несомненно, частично обусловлена их способностью делать обобщения трудными. Они препятствовали легкому выходу его либидо через

отождествление со своим отцом, а также угрожали его вере и подчинению отцу. Так факты стали на пути к выходу его либидо из двух самых огромных «аккумуляторов», активности и пассивности по отношению к отцу. Нет ничего удивительного в том, что он развил привычку забывать их, когда для него было неудобно их помнить. Он игнорировал неприятный факт существования секретных договоров у союзников. Поэтому его борьба за «справедливый и прочный мир» была заранее обречена на неудачу. Он забыл о местонахождении Бреннерского перевала и таким образом пропустил 250 тысяч австрогерманцев в Италию. К концу своей жизни он стал способен забывать любой факт, который препятствовал потоку его либидо через выходы для активности и пассивности по отношению к отцу, и значительной части человечества пришлось страдать из-за той чрезмерной любви, которую возбудил преподобный Джозеф Раглес Вильсон в своем сыне.

Несмотря на болезнь Вильсона, можно полагать, что у него было все, чтобы ощущать себя счастливым. Рядом с ним находились преданная жена и три очаровательные маленькие дочери. Его любимый отец подолгу гостил у него в доме. Друг, который был ему очень дорог, навещал его. Он строил дом в оживленном городе. Его потребность в мужском обществе была удовлетворена. Ему сопутствовал крайний успех. Его лекции не только в Принстонском университете, но также в Университете Джона Гопкинса были приняты студентами с энтузиазмом. И тем не менее он был несчастен. Почему? Мы, вероятно, окажемся недалеко от истины, если ответим, что присутствие отца в его доме возбудило вытесненную им агрессивность, направленную против него, и что эта часть его либидо не находила адекватного выхода.

Его повторяющуюся жалобу на свою бездеятельность, очевидно, можно объяснить как желание вступить в общественную жизнь в качестве руководителя. Однако мы видели, что в бессознательном становление государственным деятелем означало для него отождествление себя с «несравненным отцом» своего детства, который имел лицо Гладстона, и таким образом, посредством «каннибалистического» отождествления, уничтожение старика отца. Мы можем поэтому подозревать, что в своем бессознательном «нечто», что он желал «делать», было уничтожением преподобного Джозефа Раглеса Вильсона. Но вытеснение им этого влечения столь могущественно подкреплялось его пассивностью по отношению к отцу, что он не мог ни в мыслях, ни в действии совершить враждебный акт по отношению к действительному отцу и не мог в то время стать государственным деятелем. В данном психологическом исследовании Вильсона мы уделяли мало внимания сознательной части его рассудка, и мы не можем предложить какого-либо извинения за наше сосредоточение на его более глубоких душевных механизмах. Более важная доля его рассудка, подобно основной части айсберга, расположена в глубине. Бессознательное невротика использует сознательную долю рассудка в качестве орудия для осуществления своих влечений. Утверждения невротика являются рационализациями, изобретенными для того, чтобы оправдать влечения его либидо. Принципы невротика являются одеждой, применяемой для прикрытия наготы бессознательных влечений.

Тем не менее та культура, в которой воспитывается ребенок, влияет на его характер. Она, по крайней мере, определяет тот стиль одежды, в которую следует одеть его влечения, чтобы они казались respectable. Ребенок впитывает из атмосферы своей семьи и общины представления о том, каким джентльменом ему следует стать, и эти идеи становятся частью его Идеала Эго и определяют форму его убеждений. Характер такого джентльмена не остается неизменным. Его вид постоянно изменяется во времени и пространстве. Бог одного времени становится дьяволом для другого. Христианский дьявол носит рога Пана и его раздвоенное копыто.

Томас Вудро Вильсон еще ребенком впитал в себя идеи и идеалы среднего класса британцев. Влечения его либидо неизбежно облачались в одобряемые деяния этого класса.

Самыми сладкими плодами человеческого духа для него были продукты Лоллардрии и пресвитерианства. Его враждебность к другим точкам зрения на жизнь была незыблемой. Например, Вильсон начисто исключил из составленного им в 1894 году «Календаря великих американцев» Томаса Джефферсона, автора «Декларации независимости», основателя Виргинского университета, архитектора, философа, президента Соединенных Штатов, на том основании, что «Джефферсон не был истинным американцем из-за приверженности французской философии в своем мышлении». Он считал, что «истинный американец» должен иметь понятия и идеалы британского среднего класса.

При любом бессознательном отождествлении Вильсон, по-видимому, ощущал себя англичанином среднего класса. Он был отрезан от непосредственного контакта с европейской жизнью из-за своего незнания европейских языков. Все его герои были британскими: Берк, Брайт, Бэдждот, Гладстон. Когда он в 1903 году впервые отправился в Европу, то нашел Францию, Италию и Германию столь отвратительными, что очень скоро вернулся домой. Вплоть до 1919 года он не был в Европе. Его сознательный рассудок всю жизнь оставался рассудком шотландского пресвитерианского пастора.

Четыре раза во время очередных приступов болезни он посещал Англию. Его пребывание в Ирландии ограничилось несколькими днями презрения; но Шотландию он полюбил, а английские университеты привели его в состояние экстаза. Английский «район озер» стал его любимым местом. Он решил, что проведет свою старость именно здесь.

Упадок сил, отдых, затем возвращение к работе с безжалостной решимостью утвердить свою мужественность — все это стало формулой его жизни. Поэтому за каждым упадком сил следовало проявление усиленной агрессии. Причина этого явления ясна. Его неудовлетворенная враждебность к отцу побуждала его «убегать» в обычные для него симптомы. Его агрессивность все еще не была удовлетворена. Возможность выдвинуться на руководящий пост представилась быстро. 21 октября 1896 года его попросили произнести речь по случаю празднования 150-летия со дня основания Принстона. Тему своего выступления он определил как «Принстон на службе страны». В заключение им были произнесены следующие слова: «На нас лежит обязанность жить одной жизнью со страной... Ничто не поднимает общественную службу на такую высоту, как религия... Мысленно я представляю себе превосходное место обучения... где ярко светит солнце, а каждый обучающийся с надеждой смотрит на небо, ожидая подтверждения своей веры. Кто покажет нам путь к такому месту?»

Последний вопрос был задан им с явной надеждой, что его аудитория ответит, по крайней мере молчаливо: «Вудро Вильсон».

Его речь была одобрена, но не привела к каким-либо немедленным результатам. Вильсона ожидало 6 лет хронического разочарования, головных болей и расстройства желудка. Весной 1899 года в связи с обострением болезни он вновь посещает Англию. А вернувшись в Принстон, испытывает обычное для него разочарование. К 1900 году Вильсон настолько отчаялся в своем будущем, что серьезно обдумывал мысль о том, чтобы посвятить остаток своей жизни литературной работе. Игнорируя обещание не покидать Принстон, он попросил совет попечителей университета предоставить ему годовой отпуск для подготовки материала к монументальному тому «Философия политики», написание которого заставляет его отказаться от преподавательской работы.

Наконец-то поток его либидо, связанный с активностью по отношению к отцу, мог найти выход посредством отождествления, установленного им 25 лет тому назад.

Открытие этого давно желанного выхода для его агрессивности по отношению к отцу плюс удовлетворение от избрания его президентом Принстона, полученное его Супер-Эго и его нарциссизмом, сразу же ослабили его недовольство. Он писал жене: «Я считаю... что мое избрание на пост президента очень благоприятно отразилось на мне. Оно устроило мое будущее и дало мне чувство *веса* и определенные, реальные задачи, которые устранят из моей души *метание* и беспокойство». Слово «метание» является столь женским в данном контексте, что не каждый мужчина станет применять его для описания своего состояния; но так как Вильсон использовал его и даже подчеркнул, мы можем заметить, что оно великолепно его характеризует. Большую часть своей жизни он провел в метании.

Три месяца спустя после торжественного вступления Вильсона на пост президента Принстона умер его отец. Вся его жизнь определялась отношением к отцу. Поэтому его потеря неизбежно вызвала значительную перестройку выходов для его либидо.

В обычной для себя манере он заменил умершего отца собой и с этих пор в своем бессознательном был больше, чем когда-либо, преподобным Джозефом Раглесом Вильсоном. Так он нашел новый выход для своей агрессивности по отношению к отцу, который добавился к недавно открывшемуся оттоку агрессивности в результате отождествления себя с Гладстоном. Он не мог более находить разрядку для этого гипертрофированного заряда либидо посредством подчинения отцу или играя по отношению к нему роль заботливой жены. А именно эти два выхода были основными для его пассивности. Он также не нашел выхода для своей пассивности путем подчинения заместителю отца. Но после смерти отца его пристрастие к риторике, которое и до этого было чрезмерным, выросло до фантастических размеров; его желание найти друга для переноса на него своей любви стало императивной потребностью. Очевидно, что потеря основных выходов для его пассивности к отцу вызвала большую нагрузку на побочные выходы и увеличила разрядку либидо через произнесение речей, страстную дружбу, подчинение Богу и отождествление себя с Христом.

Более того, после смерти отца возросло его желание переделать мир, усилилась необоснованная ненависть к видным политическим деятелям, с которыми он был в чем-то не согласен. Как мы уже указывали, Эго неизменно использует реактивное образование для помощи в вытеснении сильного влечения. То количество пассивности Вильсона к отцу, которое приходилось вытеснять после его смерти, было слишком велико, и для его подавления требовалась огромная сила реактивного образования. Это реактивное образование находило выход через его попытки перестроить мир и через враждебные действия против отцовских представителей.

Первоначальным источником всех этих черт характера была, конечно, пассивность маленького Томми Вильсона к своему «несравненному отцу». Преподобный Джозеф Раглес Вильсон, которого ни в каком отношении нельзя рекомендовать в качестве образца для отцов, сделал любовь своего сына к нему столь глубокой и смиренной, что возбужденный им поток пассивности не мог быть удовлетворен каким-либо другим мужчиной или какой-либо деятельностью. Нахождение выхода для такого потока пассивности было нелегким делом для человека, Супер-Эго которого требовало, чтобы он был целиком мужественным: самим Богом. Экстраординарный профессор риторики и мертвый продолжал подавлять своего сына.

Став президентом Принстона, Вильсон активно взялся за дело: уволил нескольких профессоров, увеличил сложные экзамены, ввел более строгую дисциплину, резко выступал против попыток отмены обязательного дневного посещения церкви и полностью реорганизовал процесс обучения. В своих действиях он был не одинок. Большинство преподавателей и студентов поддерживали его. Самым страстным поборником нововведений Вильсона стал профессор Джон Гриэр Гиббен, к которому после смерти отца Вильсон привязался еще сильнее. Ясно, что посредством отождествления Гиббена с собой как с ребенком он ухитрялся проявлять по отношению к себе ту любовь, которую хотел и не мог более получать от отца.

Несмотря на свободный поток активности через руководящие действия и на то удовлетворение, которое давала ему дружба с Гиббеном, его здоровье вновь ухудшается, и в конце учебного (1903) года он ищет отдохновения в Европе. Однако вскоре Европа ему надоедает, и он возвращается в Америку. К январю 1905 года болезнь снова обостряется. Врачи находят у него грыжу. В феврале 1905 года была сделана операция, после которой он отправился на отдых во Флориду.

3 февраля 1906 года на одном из приемов полковник Джордж Гарви, демократ, предложил избрать Вильсона кандидатом от демократической партии на пост президента Соединенных Штатов. Вильсон сделал вид, что не принял это предложение всерьез. Но ввиду его крайнего желания стать государственным деятелем совершенно очевидно, что слова Гарви глубоко его затронули. Настоящая государственная деятельность давала лучший выход для его отождествления себя с Гладстоном, чем его «малая государственная деятельность» в сфере образования. Более того, никакая «малая государственная деятельность» не могла удовлетворить его Супер-Эго. Оно требовало большего размаха: президент Соединенных Штатов, «президент мира» и «президент Неба». Об истинном впечатлении, которое произвели слова Гарви на Вильсона, можно, вероятно, судить по тому факту, что они заставили его в корне изменить свое прежнее, крайне неприязненное отношение к Джефферсону и начать восхищаться им. Джефферсон боготворился демократами, и нельзя было добиться избрания кандидатом на пост президента Соединенных Штатов от их партии без словесных заявлений о своем восхищении автором «Декларации независимости». Таким образом, Вильсону ничего не оставалось, как постараться найти положительные качества у этого государственного деятеля, у которого ранее он находил одни лишь недостатки. По словам самого Вильсона, он «подготовил не менее четырех вариантов» своей речи о Джефферсоне, которую произнес 16 апреля 1906 года перед аудиторией демократов.

На всем протяжении этой зимы Вильсон много выступал, что не могло не отразиться на его здоровье: усилились головные боли и желудочная болезнь, а также появились боли в руках и ногах. В мае 1906 года он ослеп на левый глаз.

Последовательность событий, начиная от триумфального установления им наставнической системы в октябре до упадка сил в мае, представляет собой явную картину невротической уступки конфликту в его бессознательном. Давайте попытаемся определить точную природу этого конфликта.

Тот факт, что за триумфом, достигнутым осенью, последовали не удовлетворение и довольство, какие испытывал бы нормальный человек, а крайняя неудовлетворенность, является первым симптомом, который мы должны рассмотреть.

Его пассивность требовала выхода, его Супер-Эго требовало, чтобы он стал Богом. Его Эго стало ареной борьбы: с одной стороны стояла его подавленная пассивность к отцу, требующая, чтобы он был целиком женственным; с другой стороны — его активность по отношению к отцу, требующая, чтобы он был всецело деятельным и мужественным. Таким образом, мы видим, что конфликт,

послуживший причиной его неудовлетворенности, болезни и лихорадочных выступлений зимой 1905 — 1906 годов, был все тем же старым конфликтом между его активностью и пассивностью по отношению к отцу, который его Эго никогда не было в состоянии разрешить. Он до сих пор не разрешил основную дилемму Эдипова комплекса. И его неудовлетворенность усилилась вследствие чрезмерных требований со стороны Супер-Эго.

Публичные выступления спасли его от обычного для него «упадка сил», но привели к более серьезному заболеванию — слепоте левого глаза. Как было установлено, это было вызвано атеросклерозом. Таким образом, хотя несправедливо было бы говорить о том, что слепота была вызвана конфликтом в Эго Вильсона, мы должны заметить, что невроз, породивший его чрезмерную активность, явился содействующей причиной. В то же самое время мы не должны забывать, что физическое состояние его артерий, несомненно, увеличило интенсивность тех психических симптомов, которые проявлялись ранее. Мы знаем, например, что психические состояния могут вызывать интенсивные физические воздействия на организм. Например, смерть от «разбитого сердца» не является лишь поэтическим вымыслом. Для человека возможно умереть от разрыва сердца, вызванного чисто психическими причинами.

Осенью 1906 года Вильсон возвращается в Америку с решимостью утвердиться на должности руководителя. Эта решимость напоминает ту, с которой он возвратился после болезни в 1896 и 1905 годах. И действительно, она проистекала из тех же бессознательных источников — его активность и реактивное образование против пассивности к отцу очень возросли. Он одержим идеей реорганизации всей университетской жизни путем объединения студентов в ассоциации независимо от учебы, по образцам колледжей Оксфорда и Кембриджа.

Те связи, которые устанавливает ненависть, являются не менее прочными, чем узы любви. Агрессивность к отцу является столь же фундаментальной, как и любое другое желание. Ненависть, подобно любви, должна находить выход. Вильсон был привязан к Весту нерушимыми узами ненависти, — узами, которые в действительности стали столь прочными, что связывали его до самой смерти. Он не мог позволить Весту уйти от него. Ему нужен был Вест для выражения ненависти, для поражения и унижения. Он был абсолютно уверен в том, что сможет победить Веста. Поэтому, скрывая свою ненависть, он убедил его остаться в Принстоне, а затем, как гром среди ясного неба, выдвинул свой план реорганизации.

Несколько дней спустя Вест встретил Вильсона и очень решительно высказал свое мнение об этой реорганизации. Вильсон был глубоко оскорблен, и едва не разразилась открытая ссора. Начиная с этого времени отношения между ними стали строго официальными. Вильсон ненавидел Веста интенсивной невротической ненавистью. Осуществление своего плана реорганизации и борьба с Вестом стали главными целями в жизни Вильсона. Чего бы это ни стоило Принстону, он должен был победить этого огромного темноволосого мужчину, который в его бессознательном представлял отца. Его действия на всем протяжении его дальнейшего пребывания на посту президента Принстона определялись этим навязчивым побуждением, которое черпало силу как в его агрессивности к отцу, так и в его реактивном образовании против своей пассивности. Это навязчивое влечение было чрезмерно интенсивным и побуждало Вильсона ко многим странным действиям. Действительно, тот способ, которым бессознательное использует сознательную часть рассудка в качестве инструмента для осуществления влечений либидо, используя рассудок для оправдания действий, желаемых бессознательным, редко когда проявлял себя более наглядно, чем с помощью тех аргументов, которые использовал Вильсон в период между 1906 и 1910 годами. Факты прекращали

существовать для него, если вступали в конфликт с его бессознательными влечениями.

Итак, Вильсон находился на вершине популярности. Он предложил свой план реорганизации и был абсолютно уверен, что он будет принят. Однако совет попечителей не сразу одобрил его предложение, а назначил комиссию под председательством самого Вильсона для изучения его плана. Вильсон понял, что ему придется бороться против оппозиции, но это не пугало его. Тем не менее он почувствовал переутомление и отправился на Бермудские острова на отдых. Две недели он восстанавливал силы, по воскресеньям читая проповеди в местных церквях. Таким образом, как обычно, он расходовал либидо из своих конфликтующих стремлений активности и пассивности посредством старого выхода через ораторскую деятельность.

18 октября 1907 года попечители Принстона собрались для того, чтобы вынести окончательное решение по плану реорганизации. Вильсон, находясь в очень нервном состоянии из-за потери дружбы с Гиббеном, удивил их своей необоснованной претензией на то, что якобы «основной замысел и цель этого плана» были уже ими приняты, так как была одобрена его резолюция о «разработке» этого плана. Это утверждение Вильсона, по-видимому, знаменовало начало его умственной дегенерации, которая привела его к подписанию Версальского договора, а затем заставила его назвать этот договор «несравненным осуществлением чаяний человечества», «первым договором, когда-либо сделанным великими державами, который был заключен не ради их выгоды», «99%-ной гарантией против войны». Он явно забыл, что был вынужден вычеркнуть из своей резолюции слово «осуществление», так как один из попечителей настаивал на том, чтобы совету предоставили «возможность дальнейшего обсуждения этой проблемы».

Указание на источник такого искажения фактов является необходимым не потому, что этот инцидент сам по себе важен, а потому, что искажение фактов стало неотъемлемой чертой характера Вильсона. Остаток его жизни отмечен тысячами искаженных, игнорируемых или забытых фактов.

Настоящая поддержка была оказана Вильсону полковником Джорджем Гарви, тем самым Гарви, который 3 февраля 1906 года предложил выдвинуть его кандидатом на пост президента США, а теперь собирал поддержку для него среди консервативных демократов. В стране росла волна протеста против плутократической верхушки. Таким образом, Вильсону было необходимо, не потеряв расположение консерваторов, заручиться поддержкой и прогрессистов-демократов, чья сила стремительно росла. Дискуссия по поводу плана реорганизации давала ему возможность убить сразу двух зайцев.

Вильсон начал турне выступлений в ноябре, как бы с целью обращения к «жителям избирательного округа Принстона» для получения поддержки своему плану реорганизации. Он представил вопрос в таком свете, как если бы он заключал в себе борьбу между бедной демократической Америкой, которую олицетворяет он, и плутократами-снобами, таким образом расположив к себе прогрессистов. В то же самое время он не забывал задобрить нью-йоркских консерваторов, делая специфические политические высказывания, подобно его заявлению 19 ноября 1907 года: «Я приписываю финансовую панику, царящую в настоящее время, агрессивному отношению законодательства к железным дорогам». Таким образом, посредством своих речей он не только находил выход для своей ненависти к Весту, представляя его и его сторонников пособниками плутократической верхушки, но также преподносил себя как поборника за права демократически настроенных бедняков. Та ловкость, которую он проявил в достижении своей цели в это время и позднее, замечательна. Мы не можем сказать, что она была неожиданной. Его

обильный нарциссизм всегда делал его крайне чувствительным ко всему, что могло повлиять на его карьеру. Даже до того, как он стал Богом в своем бессознательном, он смог улучшить благосостояние земного Вудро Вильсона. Благосостояние Принстона, который он представил перед публикой как место проживания плутократов и снобов, от этого не улучшилось.

В январе 1908 года у Вильсона снова наблюдался упадок сил. Жена приписала его «потере друга, которого Вильсон прижал к своей груди». Возможно, она была права. Он не нашел какой-либо адекватной замены Гиббену; и, несомненно, к упадку сил привела его неудовлетворенная пассивность по отношению к отцу. Он отправился на Бермудские острова, мучимый неврозностью, невритом, головной болью и желудочными расстройствами. В конце февраля он возвратился в Америку и снова интенсивно начал выступать. Его здоровье не улучшалось, а к июню 1908 года значительно ухудшилось.

Разве он мог в это время предполагать, что спустя 10 лет мир будет приветствовать его как нового спасителя человечества. Однако достижение Вильсона далеко не является уникальным. На протяжении человеческой истории много невротиков внезапно приходили к власти. Часто в жизни требуются в большей степени те качества, которыми обладает невротик, нежели те, которыми обладают здоровые люди. Поэтому с точки зрения достижения «успеха в жизни» психическое расстройство в действительности может быть преимуществом. Более того, невротический характер Вильсона очень хорошо удовлетворял требованиям его времени. Америка, а затем и весь мир нуждались в пророке. И мы не должны забывать, что Вильсон обладал этими качествами вследствие своих дефектов: если его пассивность по отношению к отцу была чрезмерной, то активность, развиваемая его реактивным образованием против пассивности, даже превзошла его пассивность и позволяла действовать ему с грубой мужественностью; если его бессознательная уверенность в том, что он — Бог, поднимала его над реальностью, она также порождала могучую уверенность в себе; если нарциссизм делал его непривлекательным как человека, он порождал его сосредоточенность на своей особе, что помогало поддерживать небольшой запас физической энергии и использовать все то, что у него было, для собственного продвижения; если его громадный интерес к публичным выступлениям был до некоторой степени смешным, то он же породил способность влиять на толпу словом; если Супер-Эго терзало его, требуя, чтобы он свершил невозможное, то оно же привело его к значительным свершениям. Однако невроз является непрочной основой, на которой можно строить жизнь. Хотя история полна именами невротиков, они обычно так же внезапно лишались своего положения. Вильсон не был исключением из этого правила. Те качества, которыми он обладал вследствие своих недостатков, привели его к власти; но те дефекты, которые сопутствовали этим качествам, привели его в конечном счете к огромному фиаско.

В целях восстановления душевного и физического здоровья Вильсон колесил на велосипеде по южной Шотландии. К середине августа он был достаточно здоров и решил навестить Эндрью Карнеги, проживавшего в то время в Шотландии, в замке Скайбоу. Он надеялся получить от него те миллионы, которые были необходимы для осуществления плана реорганизации Принстона, и таким образом поставить Веста и попечителей перед необходимостью либо принять план реорганизации, либо отказаться от огромного дара. Но он не получил от Карнеги никаких средств и был недоволен тем, как его приняли в замке, считая, что к нему отнеслись с недостаточным уважением.

Гровер Кливленд, 22-й президент Соединенных Штатов, самый выдающийся деятель из попечителей Принстона, умер в то время, когда Вильсон находился еще на пути в Шотландию. Вильсон восхищался Кливлендом, доходя в этом почти до

низкопоклонства, до тех пор, пока Кливленд не поддержал Веста. Услышав о смерти Кливленда, Вильсон писал: «Я не думаю, что знание того, как он разочаровал нас и не оправдал наших надежд в течение последних двух лет... помешает моему восхищению его великими качествами и его необычной прекрасной карьерой». Однако воспоминание об оппозиции Кливленда все же «мешало его восхищению» им на протяжении всей его последующей жизни. В речи, которую Вильсон произнес по возвращении осенью этого года в университет, он ни словом не упомянул о смерти Кливленда и в противоречии с традицией Принстона не отдал распоряжения провести службу в память Кливленда. Его ненависть к Весту была достаточно большой для того, чтобы включить в себя всех сторонников избранного им врага.

Смерть Кливленда лишила Веста самого влиятельного сторонника в совете попечителей, и в феврале 1909 года Вильсон осмелился нанести прямой удар по своему заветному отцовскому представителю. Он убедил попечителей передать контроль над отделением аспирантуры из рук декана совету факультета, который назначался без согласования с деканом, хотя тот оставался председателем этого совета. Вест заявил протест, сказав, что такая акция несправедлива по отношению к нему. Вильсон ответил: «Мне бы хотелось довольно твердо сказать декану, что ему следует спокойнее относиться к тем процессам, которые происходят в университете». Тогда Вест напомнил о том, как его просили остаться в Принстоне в 1906 году. На что Вильсон сказал: «Не следует придавать слишком большого значения бумажкам». Бог-Отец действовал.

На это Вест сделал ответный ход, который ранее пытался сделать Вильсон. Тот дар, который не удалось получить Вильсону от Карнеги, Вест получил для своего проекта от Уильяма Купера Проктера. 10 мая 1909 года Вест передал Вильсону письмо от Проктера, в котором тот предлагал полмиллиона долларов для постройки колледжа аспирантов при условии, что этот проект будет разрабатываться по плану Веста и будут собраны дополнительные полмиллиона долларов для его постройки и что место для колледжа должен одобрить Проктер. Почти сразу же были обещаны дополнительные полмиллиона долларов от друзей Принстона, так что Вильсон столкнулся с дилеммой: либо признать свое полное поражение, либо отказаться от миллиона долларов для сооружения того самого колледжа аспирантов, постройку которого он первоначально одобрял.

Университет столь длительное время нуждался в отвечающем современным требованиям колледже аспирантов, что предложение о пожертвовании денег для его постройки было встречено с восторгом всеми сотрудниками Принстона. Такой колледж должен был повысить престиж Принстона в мире науки, и представлялось невообразимым, что кто-то попытается подвергнуть сомнению ценность этого дара. Вильсон, находящийся в плену своей навязчивости, все же выступил против. Он не мог позволить Весту победить его, чего бы это ни стоило Принстону. Он выступил против принятия дара Проктера. И снова его бессознательное начало использовать рассудок для нахождения оправданий для желаемых им действий.

Проктер хотел, чтобы колледж строился либо в Мервике, где проживали большинство аспирантов, либо на месте площадок для игры в гольф, которые находились примерно в полумиле от университетских зданий. Рассудок Вильсона, находящийся в плену реактивного образования против пассивности к отцу, заставил его занять твердую моральную позицию против постройки колледжа на том основании, что его постройка на территории университетского городка будет огромным успехом и победой сил демократии, в то время как его возведение в полумиле к востоку явится страшным поражением и подчинением нажиму плутократов-снобов. В результате его доводов число людей, противостоящих принятию дара Проктера не очень-то возросло, и тогда он придумал другое высокоморальное оправдание для своего отказа принять этот дар. Он утверждал, что принятие даров на каких-либо

условиях на самом деле означает преклонение чистой науки перед золотым мешком. Так как он ранее с радостью принял наследство Свэнна для постройки колледжа аспирантов, которое содержало намного более жесткие требования, чем дар Проктера, это утверждение Вильсона звучало маловероятно и мало кого убедило. Затем он перешел к юридическим уверткам, утверждая, что если строительство будет вестись на площадках для гольфа, то это будет означать потерю дара Свэнна, который настаивал на постройке колледжа аспирантов на территории университета, а в то время, когда был сделан этот дар, эти площадки еще не принадлежали университету. 21 октября 1909 года совет попечителей проголосовал за принятие дара Проктера в том случае, если будет удовлетворительно решен этот юридический вопрос. Комиссия из девяти видных адвокатов решила его против Вильсона, и казалось, что он потерпел поражение.

Однако навязчивость не зря называется навязчивостью. Она подчиняет себе деятельность. Вильсон вынужден был пытаться победить Веста. Он не достиг какого-либо успеха с помощью своих высокоморальных аргументов и юридических уверток. В день Пасхи 1909 года он попробовал применить угрозу. Он написал мистеру Мозесу Тэйлору Пайну письмо, в котором угрожал выйти в отставку в том случае, если не будет изменено постановление совета попечителей от 21 октября. Истинная причина его противодействия дару Проктера, которую он ранее пытался скрыть с помощью высокоидейных соображений, наконец-то была названа в этом письме: «Идея постройки колледжа аспирантов, по поводу которой ведется столь много споров, была первоначально задумана Вестом, и изменение его взглядов и целей немало способствовало тому, что он лишился доверия своих академических коллег. К данному моменту он полностью лишился их доверия, и ни одно мероприятие, проводимое им в соответствии с его целями, в настоящее время не может иметь успеха. Действительно, ничто, задуманное им, не может в настоящее время иметь успеха». Вильсон крайне не желал открывать истинную причину своего противодействия. Спустя неделю после написания письма м-ру Пайну он писал другому попечителю: «Если мы недвусмысленно перенесем этот спор на почву наших разногласий с Вестом и всего того, что он поддерживает, то, как мне кажется, наши друзья истолкуют этот акт почти наверняка неправильно и будет значительно подорван наш авторитет... Действительно, мы теперь знаем, что дар м-ра Проктера был сделан для того, чтобы привести к власти Веста, но мы не можем сделать это предметом публичного обсуждения». Он понимал, что, если всем станет известно, что он предпочитает, чтобы Принстон потерял один миллион долларов, выделенных на постройку колледжа аспирантов, его положение в «избирательном округе Принстона» станет непрочным.

Попечители до некоторой степени были напуганы его угрозой отставки. Они уже предчувствовали ту критику, которую он может развернуть против них и Принстона, если уйдет со своего поста в ореоле мученика.

Следует также отметить, что принятие его отставки улучшило бы его политические шансы. Полковник Гарви был уверен в том, что сможет убедить босса Смита из Нью-Джерси поддержать избрание Вильсона на пост губернатора этого штата в сентябре текущего года. Если бы Вильсону удалось выступить в роли жертвы плутократов-снобов, его шансы получить поддержку от прогрессистов-демократов на выдвижение его кандидатуры на пост президента США, несомненно, возросли. Поражение в области «малой государственной службы» помогло бы ему в области большой государственной службы. Он знал об этом, когда угрожал подать в отставку. Его личное положение было намного более прочным, чем в 1908 году, когда был выдвинут его план реорганизации. И не только его политические перспективы были обнадеживающими. Он также получил приглашение стать президентом университета Миннесоты. Ему больше не угрожало возвращение к

юридической практике в Виргинии. В противном случае его осторожный нарциссизм, по-видимому, не позволил бы ему пригрозить отставкой.

Желая избежать различных осложнений, попечители искали компромиссное решение вопроса. 13 января 1910 года перед собранием попечителей собрался совет факультета, заведующий аспирантурой. Вильсон сообщил совету, что он предлагал Проктеру компромисс: согласиться на строительство колледжа на месте площадок для игры в гольф, в то время как дар Свэнна будет использоваться для постройки второго колледжа аспирантов на территории университета. Проктер отказался от такого предложения. Тогда м-р Пайн зачитал письмо от Проктера, в котором говорилось, что, не желая, чтобы постройка колледжа сорвалась, он согласен принять предложение Вильсона о строительстве двух колледжей аспирантов. Вильсон был ошеломлен. После некоторого смущения он сказал, что, так как м-р Проктер уже однажды отклонил его предложение, этот вопрос не должен подниматься заново, открыв, таким образом, неискренность своих маневров. Затем, значительно изменив прежний образ действий, он объяснил, что в обсуждении не было достаточной откровенности. «Вопрос о месте постройки не является столь важным. При должном содействии со стороны моего факультета это строительство будет иметь успех в любом месте округа Мерсер. Вся соль проблемы заключается в том, что идеи и идеалы декана Веста не являются идеями и идеалами Принстона». Принимая во внимание его привычку облекать свои желания в покров идеалов, он едва ли мог сказать более ясно: «Вся трудность заключается в том, что я ненавижу Веста».

Некоторые из попечителей, поняв это, были в дальнейшем достаточно решительны в срывании покров идеалов с ненависти Вильсона. Ему напомнили о его неоднократном публичном одобрении плана декана Веста и особенно о написанном им вступлении к брошюре Веста относительно «перспектив развития» университета. Вильсон ответил, что, когда он писал вступление, он не читал эту брошюру. И снова память сработала в его интересах. Вновь он искажил факт. Действительно, в основу его вступительного слова лег почти целиком один из параграфов отчета перед советом попечителей от 21 октября 1902 года. В то время брошюра Веста еще не была закончена. Но как только Вильсон ознакомился с этой работой, он внес существенные изменения в ранее написанный текст вступительной статьи.

Противники Вильсона среди попечителей, опасаясь, что в результате всех этих дрызг усилятся публичные нападки на Принстон и на них лично, приняли решение назначить комитет во главе с самим Вильсоном для рассмотрения этого вопроса и отчета перед советом. В этот комитет Вильсон включил трех своих сторонников и двух оппонентов. Они подготовили отчеты большинства и меньшинства, так что все было готово для окончательного поражения Вильсона на назначенном заседании совета попечителей 10 февраля 1910 года. Но за неделю до этого жители избирательного округа Принстона были возмущены, прочитав в передовой статье «Нью-Йорк тайме» о нападках на университет. Ни у кого не вызывало сомнений, что вдохновителем их был либо Вильсон, либо кто-то из его окружения. Друзья Вильсона с негодованием отрицали свое отношение к статье. Однако на самом деле один из сторонников Вильсона профессор Робер Рут предложил эту передовую статью редактору м-ру Герберту Б. Брокэму, предварительно заручившись одобрением Вильсона, который не только дал добро на ее публикацию, но и внес некоторые изменения. Таким образом, м-р Брокэм стал одним из доверенных лиц Вильсона, Публикация статьи была явно рассчитана на то, что Проктер, прочтя ее, откажется субсидировать строительство. Именно так все и получилось. Негодуя на действия Вильсона, в феврале 1910 года за четыре дня до

того, как должен был собраться совет попечителей, м-р Проктер отказался от своего предложения.

Вильсона переполняла радость. Принстон потерял миллион долларов для постройки колледжа аспирантов, но зато он, Вильсон, победил Веста. Он убедил себя в том, что одержал громадную моральную победу, и, по-видимому, не испытывал никаких угрызений совести. Действительно, его рассудок, повинующийся либидо, которое питало его реактивное образование против пассивности к отцу, был в состоянии убедить его, что, лишив Принстон миллиона долларов для постройки колледжа аспирантов, он содействовал процветанию университета. Измученный, но в радостном настроении он отплыл 14 февраля 1910 года на Бермудские острова. Впервые в жизни его начали мучить галлюцинации. В своем письме жене он жаловался: «Я не осознавал, пока не добрался сюда, как тяжело отразились на мне события последнего месяца... Беспокойство, скрытое в моем рассудке, выходит на поверхность в сновидениях. Каждую ночь не прекращается изнуряющая борьба с моими врагами по колледжу...»

Вильсон вернулся в Америку в начале марта и обнаружил, что многие из его коллег уже в курсе истинной причины потери колледжа аспирантов и что растет враждебное отношение к нему среди жителей «избирательного округа Принстона». Он победил Веста, но применявшиеся им методы пошатнули его положение в Принстоне. Через полковника Гарви он уже вступил в переговоры с боссом демократов из округа Эссекс относительно выдвижения своей кандидатуры на пост губернатора штата Нью-Джерси, но этот вопрос еще не был окончательно решен. Он решил начать предвыборное турне, преследуя двойную цель: «оправдать свой отказ от постройки колледжа аспирантов и поднять свой политический престиж как врага снобов-плутократов». Чем далее продвигались переговоры Гарви со Смитом, тем менее в речах Вильсона затрагивались вопросы образования и тем больше в них было политики. После того как его речь, произнесенная 7 апреля перед собранием выпускников Принстона в Нью-Йорке, вместо аплодисментов, к которым он привык, была встречена враждебным молчанием, он заметил: «Кстати, я не вижу никакой необходимости держаться за эту работу. Передо мной открываются большие политические перспективы».

14 апреля 1910 года на собрании совета попечителей Вильсону пришлось убедиться в том, что его победа над Вестом была более кажущейся, нежели реальной. Поддерживаемое им предложение относительно отделения аспирантуры и передачи дополнительной власти в ней совету факультета было отвергнуто. В то же время вновь был поднят вопрос о деньгах Проктера. Предлагалось убедить Проктера пересмотреть свой отказ от дара. С этого собрания Вильсон ушел вне себя от ярости. Он понимал, что отказ от колледжа аспирантов бьет по нему же. Ранее он считал, что Вест был окончательно побежден. Теперь было очевидно, что позиции Веста стали еще прочнее, чем ранее. Представлялось вероятным, что, если Проктер возобновит свое предложение, оно будет принято, несмотря на его оппозицию: Вест победит его.

То смятение в рассудке Вильсона, которое было вызвано вновь возникшей угрозой победы Веста, отразилось в его речи, произнесенной 2 дня спустя перед принстонским клубом Питтсбурга. Это была яростная попытка получить политическую поддержку прогрессистов. Очевидно, она проистекала из осознания того факта, что ему придется смириться с поражением в области «малой государственной службы», добившись победы в области большой государственной службы. В течение многих лет Вильсон лелеял мечту оставить учебную деятельность и заняться политикой. Переход с поста президента Принстона на пост губернатора штата Нью-Джерси, который давал ему шанс стать президентом Соединенных Штатов, принес бы огромную радость, если бы не его

неудовлетворенная ненависть к Весту. Он все еще не мог позволить Весту победить себя. Его навязчивость была столь же активной, как и ранее. Никакой триумф, каким бы огромным он ни был, не мог полностью удовлетворить его, пока не был побежден Вест.

18 мая 1910 года умер Исаак Л. Уаймен и по завещанию оставил примерно 2 миллиона долларов на постройку колледжа аспирантов, назначив Веста одним из 2 своих доверенных лиц. Вильсон чувствовал себя раздавленным. Он уже подумывал, как бы противодействовать принятию этого дара, но вскоре осознал, что вряд ли сможет убедить попечителей принять свою сторону. Проктер возобновил свое предложение. Вест одержал победу. Вильсон покорился.

Он не сразу ушел с поста президента Принстона, так как не был вполне уверен в своем выдвижении на пост губернатора штата Нью-Джерси. Босс Смит относился к нему с явной неприязнью, называя «пресвитерианским пастором». Босс не давал какого-либо определенного обещания и опасался, что Вильсон, став губернатором, попытается его уничтожить. Он требовал от Вильсона заверения в своей преданности. Вильсон дал такую гарантию, написав 23 июля 1910 года одному из агентов Смита следующее: «Я с большой готовностью заверяю м-ра Смита в том, что, если меня изберут губернатором, я не стану вести борьбу и разрушать существующую демократическую организацию, заменяя ее собственной организацией». Смит признал такое заверение «вполне подходящим» и, положившись на него, согласился отдать предписание на выдвижение кандидатуры Вильсона на пост губернатора штата Нью-Джерси.

На церемонии закладки колледжа аспирантов Вильсон изо всех сил сдерживал свои эмоции, но, когда слово взял представитель от группы аспирантов, на его глазах показались слезы.

Осенью Вильсон оставил Принстон, чтобы начать политическую карьеру, к которой он стремился с того самого дня, когда прикрепил портрет Гладстона над своей партией. Но воспоминания о Принстоне и Весте не оставляли его. Снова и снова в его разговорах и снах появляется Вест. Во время первой мировой войны ему снилось, что он «сражается» с Вестом. В конце жизни имя Веста все еще приводило его в ярость. Перед смертью он опять же видел во сне Веста, Его агрессивность по отношению к отцу и реактивное образование против его пассивности по отношению к отцу в ходе жизни нашли много новых выходов, но часть этих потоков либидо продолжала оставаться фиксированной на Весте. Несмотря на все его усилия, этот темноволосый человек победил его. В сердце Вильсона всегда оставалась незаживающая рана. Он называл ее Вестом. На самом деле она была преподобным Джозефом Раглесом Вильсоном.

Итак, босс Смит, полагаясь на обещания Вильсона не пытаться разрушить его власть, предписал, хотя и без особого энтузиазма, выдвинуть кандидатуру Вильсона на пост губернатора штата Нью-Джерси. 15 сентября 1910 года Вильсон получил голоса тех демократов, которых контролировал Смит. 7 недель спустя Вильсон, избранный губернатором штата Нью-Джерси, начал борьбу со Смитом. Спустя 7 месяцев после данного им обещания не разрушать организацию Смита он полностью разрушил ее. Вильсон понимал, что его политический статус и шанс быть выдвинутым от демократов на пост президента США возрастут, если он станет известен как человек, положивший конец власти Смита. Так как он считал, что является представителем Бога на земле, для него было нетрудно поверить в то, что продвижение его собственной карьеры является более высокой моральной обязанностью, нежели верность данному им слову. Позднее он часто спорил со своими близкими, утверждая, что ложь оправдана в случаях, когда речь идет о чести женщины либо благосостоянии нации. Считая, что благосостояние нации

может быть достигнуто лишь при условии его собственного руководства ею, он придерживался этого же принципа в случаях, от которых зависела его карьера.

24 ноября 1911 года Вильсон приехал в Нью-Йорк-Сити и поселился в отеле «Готэм», решив обратить свою любовь на Хауза. Он сразу же перенес на Хауза то либидо, которое ранее находило разрядку через Гиббена. Хауз писал в своем дневнике: «Спустя несколько недель после нашей встречи мы поведали друг другу такие конфиденциальные сведения, которыми редко обмениваются мужчины после нескольких лет дружбы. Я спросил его, осознает ли он тот факт, что мы знакомы лишь несколько недель. Он ответил: «Мой дорогой друг, мы всегда знали друг друга». В следующем году Вильсон сказал: «М-р Хауз является моим вторым «Я». Он — мое независимое «Я». Его и мои мысли одно и то же. Если бы я был на его месте, то поступал бы так, как он предлагает... Если кому-либо кажется, что посредством любого своего действия он отражает мое мнение, то так оно и есть». Вильсон позднее часто не мог вспомнить, родилась ли та или иная мысль в его мозгу или в мозгу Хауза, и часто повторял Хаузу от первого лица те мысли, которые ранее были высказаны самим Хаузом. Все те многочисленные факты, которые мы смогли собрать относительно дружбы Вильсона и Хауза, ведут к заключению о том, что Хауз, подобно любимому Гиббenu, представлял в бессознательном Вудро Вильсона маленького Томми Вильсона. И снова, посредством нарцисстического выбора объекта любви, Вильсон восстановил инфантильное отношение со своим «несравненным отцом». Посредством отождествления себя с Хаузом, с одной стороны, и со своим отцом — с другой, он мог получать для себя ту любовь, которую хотел, и не мог более получать от покойного экстраординарного профессора риторики. И снова его пассивность к отцу могла находить выход посредством страстной дружбы.

Хауз идеально подходил для того, чтобы играть роль маленького Томми Вильсона. Он был ниже ростом, моложе и, подобно Томми Вильсону, имел белокурые волосы. Он также перенес тяжелое заболевание в детстве, и ему приходилось заботиться о своем здоровье. Подобно Томми Вильсону, у него была страсть к политике. Однако он, вероятно, мог считаться противником Вудро Вильсона, так как не рвался к власти. Он хотел лишь быть тайным другом мужчины, находящегося у власти. Так, посредством Хауза, Вильсон смог в совершенной форме воссоздать свои отношения с отцом.

Вильсон был так ослеплен дружбой с Хаузом, что, когда тот сказал ему, что без поддержки Уильяма Дженнингса Брайана он не сможет быть выдвинут кандидатом на пост президента и что Брайан считает его «орудием Уолл-стрита» из-за энтузиазма Гарви, Вильсон не задумываясь расстался с Гарви.

Разрыв отношений с человеком, который первым выступил за выдвижение его кандидатом в президенты и трудился для достижения этой цели без какой-либо выгоды для себя в течение 6 лет, породил общее мнение, что Вильсон не позволит ни дружбе, ни благодарности или лояльности стоять на пути его карьеры. Рекламные агенты Вильсона распространили историю о том, что разрыв с Гарви произошел из-за того, что Вильсон отказался получить финансовую помощь от одного из друзей Гарви с Уолл-стрита. Затем Гарви был публично осужден как ложный друг, оставивший Вильсона из-за его почетного отказа, а Вильсон был провозглашен «бескорыстным» поборником «простых людей». В этой истории не было ни слова истины, но это беспокоило Вильсона ничуть не больше, чем то, что он не только испортил карьеру Гарви, но и нанес ему оскорбление. Он был столь озабочен своей карьерой, столь нарцисстичен и столь уверен в своей миссии, что не мог позволить никакому факту встать у себя на пути. Он нуждался в поддержке Брайана. Поэтому Гарви пришлось уйти. Он наконец завоевал доверие Брайана, посвятив страстную речь превозношению этого старого демократического лидера,

которого он презирал. Брайан «обнял Вильсона и дал ему свое благословение». Поддержка Брайана, усилия Хауза и Маккомбса, деньги Кливленда Доджа, Баруха и Моргентау и его публичные выступления были основными факторами, обеспечившими ему выдвижение кандидатом в президенты от демократов 2 июля 1912 года.

5 ноября 1912 года Вудро Вильсон был избран президентом Соединенных Штатов. У двух республиканских кандидатов, Теодора Рузвельта и Уильяма Хоуарда Тафта, суммарно было на 1 312 000 голосов больше, чем у Вильсона, но он опередил Рузвельта, своего ближайшего соперника, на 2 170 000 голосов. Группе студентов, которые пришли поздравить его, он сказал следующее: «Я не чувствую себя ликующим или радостным. Я ощущаю большую торжественность. У меня нет какого-либо побуждения прыгать от радости и ломать себе шею. По-видимому, на меня давит тяжелый груз серьезности и ответственности. Я испытываю большое желание преклонить колени и молить Бога ниспослать мне силы сделать то, что от меня ожидается». А Маккомбсу, председателю комитета по его избранию, он сказал: «Много или мало вы сделали, помните, что Бог предначертал, чтобы я был следующим президентом Соединенных Штатов. Ни ты, ни кто-либо из смертных не смог бы помешать этому». М-р Рей Стэн-нард Бейкер записал, что позднее, когда Вильсону советовали принять меры для своей безопасности, он ответил: «Я бессмертен до тех пор, пока не наступит мой час».

Читатель, следивший за развитием отношений Вильсона с Богом, не удивится, что он верил в то, что Бог избрал его президентом США или что в Белом доме он чувствовал себя личным представителем Всемогущего. А также что в тот момент, когда Вильсон достиг честолюбивого желания своей жизни, он чувствовал себя не «ликующим или радостным», а «торжественным», с «тяжелым грузом серьезности и ответственности», давящим на него. Избрание президентом Соединенных Штатов принесло Вильсону лишь чувство того, что он сделал недостаточно много. Его Супер-Эго было ненасытным.

4 марта 1913 года он вступил в Белый дом. Он чувствовал себя уставшим, больным человеком, не мыслящим своего существования без таблеток. К тому же его беспокоило финансовое положение: он задолжал 5000 долларов. Он считал профанацией начинать свою административную деятельность с традиционного бала, посвященного вступлению в должность нового президента. Он был избранником Божиим, осуществляющим Его миссию на земле, а танцы не считались хорошей традицией среди пресвитерианцев. Он отменил бал. То, что мужчина 56 лет, с физическим и душевным состоянием, как у Вудро Вильсона, окажется в состоянии выполнять ту работу, которую выполнял Вильсон в течение шести с половиной лет, отделявших его вступление в должность президента в марте 1913 года до полного упадка сил в сентябре 1919 года, является крайне необычным. За этот период времени он перенес несколько кризисов, но ни разу не был полностью сломлен болезнью. По-видимому, этому способствовали два фактора: внимательная забота Кэри Т. Грейсона, его личного врача в Белом доме, и необычная комбинация психических удовлетворений.

Грейсон тщательно изучил каждую деталь личной жизни Вильсона. Он прописал президенту строгую диету и заставил его отказаться от многих лекарств, которые тот долгое время употреблял. Он также убедил Вильсона каждое утро, если только это возможно, играть в гольф, а в полдень совершать длительную прогулку на автомобиле. Грейсон следил за тем, чтобы у президента было 9 часов никем не нарушаемого сна. Тем не менее президент выглядел весьма уставшим. Но в действительности он редко сидел за письменным столом больше четырех часов в день. Он никогда не работал вечерами, за исключением поры больших политических кризисов, любил ходить в театр и проводить время в кругу семьи.

Чтение вслух успокаивало его нервы, так же как и просмотр водевилей в театре Кейта.

Президент вел необычно изолированный образ жизни: почти совсем не встречался с членами кабинета и лидерами своей партии в конгрессе, так как не доверял им. Принимал гостей весьма скупно, вызывая этим различные толки и обиды. Вильсон не курил и не пил и считал, что и гостям не стоит этого предлагать. Он принял решение ежемесячно экономить 2000 долларов и поступал соответственно. Серьезный разговор во время еды вызывал у него расстройство желудка. Вильсон избегал личных контактов и во многом полагался на мнения Хауза и Тьюмалти. Он отказался стать членом загородного клуба «Чейви Чейз», где мог бы войти в контакт с лидерами политической и социальной жизни, предпочитая играть в гольф в одиночестве или с Грейсоном. Таким образом он сохранял физические силы для исполнения своих обязанностей президента.

Несмотря на все старания Грейсона, его психические конфликты, несомненно, привели бы к обычным «расстройствам здоровья», если бы судьба не предоставила превосходных выходов для его конфликтующих влечений. Небольшой поток либидо, ранее направленный на мать, теперь направлялся на жену. Конечно, его Супер-Эго не могло удовлетвориться никаким достижением, но до тех пор, пока он был президентом, перед ним всегда вставала новая цель, достижение которой могло временно успокоить его Супер-Эго. Более того, его руководящие действия давали полнейший выход его отождествлению себя с отцом, а также его активности к отцу и большой доли его реактивного образования против пассивности к отцу. Имелось много видных политических противников, которых он ненавидел и с которыми мог бороться, таким образом находя выход для любого избытка либидо, накопившегося в его реактивном образовании.

В выборе кабинета и дипломатических представителей Вильсона направляли Хауз и Тьюмалти. А его известная программа реформ 1912 — 1914 годов была в основном программой из книги Хауза «Филипп Дрю: "Администратор"». Частью этой программы явилась тарифная реформа, в которую входило создание федерального резервного управления. Ее принятие принесло Вильсону не радость, а лишь свойственное ему чувство неудовлетворенности. Он ввел одно новшество в отношении администрации, которое было целиком его плодом. Своими корнями оно уходило в навязчивые идеи его молодости, когда юный Вильсон был одержим идеей перестроить работу конгресса по образцу английской палаты общин. А именно: он перестал направлять конгрессу свои письменные послания, как это было принято еще с 1797 года, а стал их зачитывать лично. Конституция США не позволяла ему быть премьер-министром. Но постольку, поскольку это было в его власти, он копировал своего кумира Гладстона. Перед вступлением в должность президента Вильсон заметил одному своему другу: «Будет иронией судьбы, если моей администрации придется в основном заниматься международными делами». В течение 40 лет он интересовался внутренней политикой государства и был уверен в своей способности решить любые внутренние проблемы, но никогда не пытался вникнуть в международную жизнь. Его невежество в вопросе международных отношений было столь же глубоким, сколь и его незнание зарубежных стран. Правда, о Великобритании он кое-что знал. О его дилетантстве в этом вопросе свидетельствует тот факт, что он назначил государственным секретарем человека, знакомого с международной политикой столь же плохо, как и он сам, — Уильяма Дженнингса Брайана, лишь бы получить поддержку своей программы внутренних реформ. Это назначение означало, что он решил быть своим собственным государственным секретарем, ибо не доверял суждениям Брайана. Однако его презрение к интеллектуальным способностям Брайана было скорее поверхностным, нежели глубоким. Брайан вполне мог бы быть членом его семьи.

Незнание президентом мира, окружавшего США, позволило ему более свободно использовать внешнюю, нежели внутреннюю, политику для выражения своих бессознательных влечений. Его внутренняя политика дала хорошие результаты, и к весне 1914 года внутренняя программа Филиппа Дрю была в основном воплощена в законодательстве. Международная программа Филиппа Дрю осталась нереализованной. Хауз пытался заинтересовать Вильсона своим проектом международного соглашения об оказании помощи слаборазвитым странам и сохранении мира в Европе. Хотя Вильсона мало интересовали европейские дела, он разрешил Хаузу попытаться разработать нечто похожее. Как мы уже отмечали, духовная жизнь Вильсона всегда была привязана к США и Англии. Он оставался удивительно невежественным в вопросах европейской политики, географии и национального состава. Даже после произнесения им величественных речей, посвященных международным событиям, его знание Европейского континента оставалось элементарным. Он прекрасно говорил, но часто не понимал значения собственных слов. Направляясь на мирную конференцию, Вильсон сказал, что намеревается отдать Богемия Чехословакии. Когда его спросили, каким образом он собирается поступить с тремя миллионами немцев, проживающими в Богемии, он ответил: «Три миллиона немцев в Богемии! Любопытно! Масарик никогда не говорил мне об этом!» На одном из обедов в Белом доме в феврале 1916 года разговор зашел о евреях. Вильсон настаивал на том, что еврейское население составляет по крайней мере 100 миллионов человек. Когда ему сказали, что их меньше 15 миллионов, он послал за Альманахом мира и даже после того, как увидел эту цифру, с трудом мог поверить, что ошибся. Он отдал Южный Тироль Италии, так как не знал, что южнее перевала Бреннера жили австрийцы немецкой крови.

Весной 1914 года Вильсон позволил Хаузу отправиться за рубеж в качестве своего личного эmissара. 1 июня 1914 года Хауз разговаривал с кайзером относительно желательности выработки общего понимания между Германией, Англией, США и другими великими державами. Кайзер ответил, что одобряет проект Хауза, и полковник, обрадованный, отправился в Париж, а затем в Англию для встречи с сэром Эдуардом Греем, к которому питал почти сыновье доверие.

Грей заставил Хауза с неделю ожидать себя в Лондоне. 17 июня 1914 года он встретился с ним. Хотя Грей, как обычно, очаровал Хауза, он не сказал последнему ни слова для передачи кайзеру. Хауз терпеливо ждал от Грея послания к кайзеру. Но 28 июня бесспорный наследник тронов Австрии и Венгрии эрц-герцог Франц Фердинанд был убит в Сараеве. 3 июля Хауз наконец узнал от Тиррела, что Грей собирается довести до кайзера о мирных намерениях Англии с целью дальнейших переговоров. Хауз написал письмо, передающее эту информацию кайзеру, лишь 7 июля. Послание Хауза не попало в руки кайзера, так как в это время он находился в круизе у берегов Норвегии. Он получил его лишь после вынужденного возвращения в Берлин в связи с ультиматумом, сделанным Австрией Сербии 23 июля 1914 года. Так окончилась первая попытка Хауза и Вильсона выработать международное соглашение по сохранению мира. Началась война. 4 августа 1914 года Вильсон провозгласил нейтралитет Соединенных Штатов. 6 августа 1914 года умерла Элли Эксон Вильсон. Она была превосходной женой Вудро Вильсону: чудесной представительницей матери, «центром спокойствия». В течение 29 лет заряд либидо, помещенный в его влечениях по отношению к матери, не нуждался ни в каком другом выходе. Его отношения с женщинами всегда были лишены страсти. Количество либидо Вильсона, направленное на женщин, было чрезмерно малым по сравнению с потоком, направленным на мужчин. Но выход для этого количества либидо был тем не менее абсолютно необходим, и утрата Элли Эксон пошатнула устой его характера. Он не мог выйти из депрессии, вызванной ее смертью.

Грейсон, Тьюмалти и Хауз пытались поддержать его, но безуспешно. Самым большим утешением для Вильсона была дружба с Хаузом, к которому он обращался в письмах того периода как «мой дорогой», «дорогой друг» или «дражайший друг». Однако дружбы Хауза было недостаточно. Вильсон крайне нуждался в женщине, которая бы заботилась о нем, как мать и Эллиен Эксон. 12 декабря 1914 года он писал миссис Тоу: «Я лишился всей своей эластичности. Я еще не научился избавляться от бацилл печали и живу, как имел обыкновение жить раньше, в мыслительной и духовной работе, несмотря на все это. Даже книги перестали иметь для меня какое-либо значение. Я читаю детективные истории, чтобы забыть, мужчина на моем месте напился бы!» Забавная описка в последней фразе показывает, что в своем бессознательном Вильсон отдалил себя от мужского пола и отождествил с женским. Мы можем быть уверены в том, что, до тех пор пока он не нашел другой представительницы матери, он заменил потерянный им суррогат матери собой, так же как он заменил свою кухню Генриетту Вудро собой, когда стал Вудро Вильсоном.

Тяжелая депрессия Вильсона продолжалась в течение всех рождественских праздников 1914 года и усилилась в январе 1915 года в связи с отъездом Хауза за рубеж. Граф фон Бернсторф, немецкий посол, уверил Вильсона в том, что немецкое правительство готово заключить разумный мир и Хауз должен немедленно отправиться в Берлин. 25 января 1915 года Хауз покинул Вашингтон. В этот вечер он записал в своем дневнике: «Глаза президента были влажными, когда он говорил мне последние слова прощания. Он сказал: «Твоя бескорыстная и интеллектуальная дружба так много значила для меня» — и снова и снова выражал мне свою благодарность, называя меня своим «самым верным другом». Он сказал, что я единственный человек в мире, которому он может полностью открыть свою душу... Он настаивал на том, чтобы проводить меня до вокзала. Он вышел из машины и прошел со мной к билетной кассе, а затем к самому поезду, отказываясь уезжать, пока я не сяду в поезд».

После отъезда Хауза Вильсон полностью погрузился в себя. Врач, Кэри Грейсон, опасаясь за его здоровье, настаивал на том, чтобы он принимал гостей и слушал музыку. Среди друзей невесты д-ра Грейсона была 43-летняя вдова по имени Эдит Боллинг Голт. В апреле 1915 года, восемь месяцев спустя после смерти Эллиен Эксон Вильсон, ее пригласили в Белый дом на музыкальный вечер. Вильсон влюбился в нее с первого взгляда.

Миссис Голт была уважаемой, широкогрудой американкой, владелицей ювелирного магазина. Полная, приятная и умеренно богатая, она обладала избытком жизненных сил, но не отличалась ни интеллектуальной, ни физической живостью. Она была довольно робкой и до встречи с Вильсоном жила в тихой безвестности. Представляется долгом вежливости воздержаться от обсуждения причин, по которым Вильсон выбрал именно ее, используя некоторые черты сходства, посредством бессознательной идентификации, как заместительницу матери. Необходимо отметить, что сама личность заместителя материнского образа имела второстепенное значение. Через эту идентификацию была осуществлена бессознательная психическая связь, и тем самым было удовлетворено требование его пассивной установки к противоположному полу. Он снова обрел «центр спокойствия» в своей жизни и «материнскую грудь, на которой мог отдыхать».

После женитьбы Вильсон был столь поглощен своей женой, что практически не занимался общественными делами. Эллиен Эксон Вильсон быстро отошла на задний план. Такой резкий поворот от покойной жены к миссис Голт являлся скорее доказательством, нежели опровержением его глубокой любви к бывшей жене. Он не мог жить без ее заместителя. Он нашел заместителя в миссис Голт и из глубин депрессии быстро вскарабкался на вершины экзальтации. 58-летний президент,

находящийся в упоении любви весной этого года, внезапно столкнулся с чрезвычайно серьезной проблемой. Хауз не встретил в Берлине никакого желания заключить разумный мир, а 7 мая 1915 года был потоплен английский лайнер «Лузитания», на борту которого находились 124 американских пассажира. До этого Вильсон чувствовал себя в стороне от европейского конфликта. Ему казалось невероятным, что США будут втянуты в войну. Его старания положить конец войне были стараниями относительно спокойного внешнего наблюдателя, пытающегося положить конец войне, разрушающей цивилизованный мир. Потопление «Лузитании» принудило его в первый раз серьезно задуматься над вопросом: что он лично может сделать для того, чтобы уберечь США от вступления в войну?

Вильсон не был пацифистом. Он сказал Хаузу, что «не разделяет точки зрения многих нынешних государственных деятелей, полагающих, что война губительна для экономики, но не видит более славного пути умереть, чем в сражении!». Более того, он сильно симпатизировал союзникам. Его английские предки, его преклонения перед Берком, Брайтом, Бэдждотом и Гладстоном, его любовь к Ридалу, его преданность идеям и идеалам английского среднего класса, его невежество относительно европейской жизни и тонкостей европейской политики сделали неизбежным то, что его симпатии оказались на стороне Англии. Однако личная симпатия не привела его в 1914 году к заключению о том, что следует ввергнуть США в войну в качестве союзника Англии. Он очень хорошо сознавал, что, хотя в Америке и имеются ярые просоюзнические и прогерманские группировки, большинство американцев вовсе не желают войны. Он понимал, что его действия не будут оправданы, если он втянет Америку в войну, которой не желает народ.

Несмотря на свою симпатию к Англии, Вильсон в то время четко разграничивал интересы Англии и Соединенных Штатов, чего нельзя сказать о Хаузе.

Симпатия, питаемая Вильсоном к Англии, его романтическое чувство, что смерть в сражении является прекрасной, и влияние Хауза — все это вместе взятое пробуждало в нем желание втянуть США в эту войну. Все эти сознательные мотивы поддерживались бессознательными источниками. В своем бессознательном он отождествил себя с еврейским Иеговой, которому нравилось убивать своих врагов, а его Супер-Эго постоянно требовало, чтобы он стал правителем мира. Но с другой стороны, его чувство ответственности перед американским народом также поддерживалось бессознательной силой. Большая доля его пассивности к отцу наполняла его бессознательное отождествление себя с Христом и находила выход посредством любви «народа в массе». Он ежедневно дважды в день читал Библию, и ему, безусловно, была хорошо знакома фраза: «По делам их узнаете их». Он хотел породить не плод войны, а плод мира. В первые дни 1915 года его отождествление себя с Христом было достаточно могущественным, чтобы уравновешивать его воинственные побуждения.

Потопление «Лузитании» ввергло Вильсона в состояние неуверенности, в котором он пребывал 6 дней; затем, следуя совету Хауза, он подготовил и зачитал своему кабинету ноту, требующую от германского правительства официального подтверждения непричастности к потоплению «Лузитании», репарации и обещания, что подобные акты не будут повторяться. В ноте была угрожающая фраза: «Имперскому германскому правительству не следует ожидать, что правительство Соединенных Штатов откажется от какого-либо слова или действия...» Но как только Вильсон занял такую угрожающую войной позицию, он тут же начал колебаться. После заседания кабинета, на котором была одобрена нота Вильсона, госсекретарь Брайан, будучи пацифистом, убеждал президента в том, что американский народ не хочет войны и что угроза войной со стороны Америки не

находится в соответствии с христианской доктриной. Брайан начал вести переговоры о заключении мирных договоров с 30 странами. Основным условием этих договоров являлось следующее: возможные в ходе переговоров разногласия с США должны быть переданы на рассмотрение комиссии по их расследованию, во время сессий которой, в течение по крайней мере 9-месячного периода, спорящие стороны не будут предпринимать друг против друга военных действий. Германия, единственная из всех европейских великих держав, отказалась подписать такой договор с США. Брайан убедил Вильсона разрешить ему послать инструкцию Джеймсу В. Джерарду, американскому послу в Берлине, одновременно с нотой по поводу «Лузитании», приказывающую Джерарду уведомить германское правительство о том, что правительство Соединенных Штатов согласно предоставить рассмотрение вопроса о гибели «Лузитании» комиссии по расследованию, действующей на основании договоров Брайана. Таким образом, Вильсон решил одновременно отправить в Берлин публичную ноту протеста, грозившую войной, и секретную инструкцию, предлагающую сделать невозможным для США вступление в войну с Германией, по крайней мере, в течение 9 месяцев. Конфликт в его душе вряд ли мог получить лучшую иллюстрацию. Посредством этой алогичной акции он нашел выражение как для своего желания начать войну, так и для своего желания сохранить мир.

28 мая из Берлина был получен ответ. В нем говорилось, что «Лузитания» была вооруженным крейсером и транспортом и, следовательно, являлась военным судном. 9 июня 1915 года Вильсон отклонил эти доводы как необоснованные и потребовал гарантий в том, что подобный акт не повторится. Брайан, разочарованный тем, что сорвался его план с инструкцией Джерарду, и чувствуя, что нота американского правительства неминуемо приведет к войне, вышел в отставку. Вместо него государственным секретарем был назначен Лансинг.

Германское правительство медлило с ответом на вторую ноту Вильсона по поводу «Лузитании». А 19 августа 1915 года был потоплен английский пароход «Арабик», державший курс на Нью-Йорк. На его борту находились двое американцев. 21 августа Вильсон написал Хаузу, прося у него совета, как поступить в связи с гибелью «Арабика». Хауз в ответ посоветовал Вильсону отозвать Джерарда и отправить домой Бернсторфа и добавил, что это означает войну. Вильсон не захотел последовать его совету, и Хауз отметил в своем дневнике: «Меня удивляет занимаемая им позиция. Он явно стремится как можно дольше оттягивать вступление США в войну».

1 сентября 1915 года терпение Вильсона было вознаграждено. Бернсторф официально сообщил Лансингу: «Лайнеры не будут потопляться нашими подводными лодками без предупреждения и без сохранения жизни невоенному персоналу при условии, что они не будут стремиться уйти и не окажут сопротивления...»

Несмотря на официальное заявление немцев, Вильсон понимал, что нападения на корабли будут возобновлены, как только немецкое правительство сочтет целесообразным начать военные действия против них. Более того, его сильно беспокоили натянутые отношения между Англией и США.

В конце лета 1915 года он понял, что члены его правительства все более и более клонят его к наложению эмбарго на поставку военных запасов и снаряжения англичанам, которых он любил, и, таким образом, к помощи в обеспечении победы Германии, которую он ненавидел.

Вильсон не знал, что делать. Он был шокирован оккупацией Бельгии, ужаснулся при известии о гибели «Лузитании» и возмутился по поводу жестокостей, будто бы имевших место в Бельгии, в истинности которых ручался лорд Брюс. Более того, его «односторонний рассудок» был занят миссис Голт, и

поворот от личных дел к общественным стал для него весьма трудным делом. Он влюбился в эту женщину с безрассудством 60-летнего человека, внезапно ощутившего чудо возрождения страсти и почувствовавшего себя молодым, полным страсти, сил, богоподобным.

Полковник Хауз предложил Вильсону выступить организатором мирной конференции, на которой он должен заявить, что США поддержат любую воюющую сторону, принимающую условия мира, способные обеспечить безопасность Европы от агрессии в будущем, и объявить, что США вступят в войну против любой страны, которая отвергнет предложенное Вильсоном решение данного вопроса.

План Хауза шел вразрез с убеждением Вильсона в том, что ему следует держать США в стороне от европейского конфликта, а также с традиционной американской политикой — быть в стороне от войн в Европе. Хауз записал свою первую попытку убедить Вильсона принять его план следующими словами: «Я очень коротко обрисовал ему пришедший мне в голову план... Я считаю, что мы упустили возможность порвать дипломатические отношения с Германией... шансы Германии на победу были велики как никогда, а если Германия победит, то следующими на очереди окажемся мы; а мы не только не были подготовлены к этому, но и не имели ни одного союзника, который помог бы нам вынести первый шок. Поэтому следовало предпринять нечто решительное — нечто, что должно было либо покончить с войной таким образом, чтобы положить конец милитаризму, либо привести нас в лагерь союзников, чтобы помочь им покончить с войной. Мое предложение заключалось в том, чтобы попросить союзников дать мне неофициально знать о том, будет ли для них приемлемым, если мы потребуем прекращения боевых действий. Мы выдвинули бы такое требование на высокоморальном основании: нейтральные страны страдают вместе с воюющими сторонами, и мы имеем такие же, как и они, права, и поэтому мирные переговоры должны начаться на базе широкого, как военного, так и мирного, разоружения...

Президента поразили этот план. Он, казалось, давал молчаливое согласие. У меня не было времени добиваться дальнейшего продвижения этого плана, ибо вся наша встреча продолжалась не более 20 минут».

Хауз принес Вильсону секретное послание, полученное им от сэра Эдуарда Грея, министра иностранных дел Великобритании, датированное 22 сентября 1915 года. Грей писал: «Для меня великая задача искоренения милитаризма и разбоя на морях является залогом обеспечения в будущем гарантии против агрессивной войны. Насколько решительно готовы Соединенные Штаты двигаться в этом направлении? Не предложит ли президент создать Лигу Наций, обязующуюся выступить против любой страны, которая нарушит договор, или нарушит определенные правила ведения войны на суше или на море (такие правила, конечно, следует выработать после окончания этой войны), или откажется, в случае спора, принять некоторый другой способ разрешения спора, кроме военного?»

Президент Вильсон «согласился, что Хаузу следует вчерне набросать ободряющий ответ сэру Эдуарду Грею как первый шаг в предоставлении американской помощи, если Германия откажется принять условия США, которые совпадают с провозглашенными союзниками военными целями». Эти цели включали в себя возвращение Эльзаса-Лотарингии Франции, полное восстановление границ Бельгии и Сербии, передачу Константинополя России и создание Лиги Наций, чтобы гарантировать выполнение условий мира и предотвратить агрессивную войну. Секретные военные цели союзников были совсем другими.

Трудно анализировать поведение Вильсона за период с октября 1915 по май 1916 года. Его слова и действия были столь противоречивыми, что их невозможно объяснить как результат одной рациональной идеи; но с помощью логики мы

сможем, возможно, объяснить их иррациональность. Давайте попытаемся это сделать.

Вначале осознаем, что Вильсон столкнулся с очень трудной ситуацией. Он любил Англию и ненавидел Германию. Он опасался победы Германии, которая усугубила бы и без того трудное положение союзников, которое могло возникнуть в результате вынужденного частичного разрыва английской блокады. Более того, он не верил немцам, обещавшим не нападать на суда нейтральных стран, и чувствовал, что взял на себя и США такие веские обязательства, что, связанный долгом чести, вынужден будет ответить на возобновление военных действий немецкими подводными лодками разрывом дипломатических отношений с Германией. А такой разрыв неминуемо приведет к войне. Таким образом, он считал, что война с Германией практически неизбежна. Он опасался, что в случае вступления США в войну без заключения предварительного соглашения с союзниками об окончательных условиях мира после победы над Германией он может столкнуться с шовинистическими правительствами в Англии, Франции и России, которые будут стараться навязать Германии Карфагенский мир, отличный от провозглашенных военных целей союзников. В этом случае он наверняка окажется не в состоянии помешать установлению мира, который будет не миром, а продолжением войны в иной форме.

Такое интеллектуальное оправдание его действий основывалось на столь многих гипотезах, что, безусловно, само по себе оно не обладало бы никакой силой, если бы за ним не стояли могущественные бессознательные влечения. В действительности здесь мы сталкиваемся еще с одним примером способности его бессознательного использовать рассудок для нахождения предлогов, оправдывающих желаемые им действия.

Мы отмечали, когда изучали поведение Вильсона в ходе подготовки первой ноты по поводу гибели «Лузитании» и противоречивой добавочной инструкции, что его желания, вызванные войной, находились в состоянии конфликта. Нота по поводу «Лузитании» ослабила его враждебность к отцу, а добавочная инструкция дала выход его пассивности по отношению к нему. Эти желания все еще находились в состоянии конфликта. С одной стороны, он хотел выразить свою сознательную ненависть Германии и свое бессознательное желание быть Иеговой. С другой стороны, мечтал быть принцем мира. Его проблема заключалась в нахождении некоторого образа действий, который удовлетворит оба эти заряда либидо и в то же самое время будет приемлем для его Супер-Эго. Схема, предложенная Хаузом, давала великолепный выход, в высшей степени приемлемый как для его Супер-Эго, так и для его конфликтных желаний. Если посредством победы над Германией он сможет продиктовать условия прочного мира для всего человечества, он действительно будет принцем мира! Хауз убедил Вильсона, что это явится результатом вступления Америки в войну на стороне союзников после предварительного обсуждения с ними условий мира. Вот что он писал по этому поводу Вильсону 10 ноября 1915 года: «...Мне представляется, что мы должны использовать влияние нашей нации в целях защиты плана, который будет предписывать выполнение международных обязательств, посредством осуществления которого может сохраняться мир во всем мире. Нам следует сделать это не только ради будущего цивилизации, но и ради нашего собственного благосостояния — ибо кто может сказать, когда мы можем быть втянуты в мировую войну, опустошающую в настоящее время Европу. Не следует ли нам быть стороной, выступающей в защиту новых и более гуманных приемов ведения войны, и не должны ли мы использовать свое влияние для достижения свободы на земле и на море? Эту роль, как мне кажется, предназначено судьбой сыграть Вам в этой мировой трагедии, и это самая благородная роль, которая когда-либо выпадала на

долю человека. Страна последует по этому, указанному Вами пути и не остановится ни перед какими жертвами».

Вудро Вильсон, который в своем бессознательном был Богом и Христом, не мог устоять перед такими словами. Все его отождествления себя с Божеством требовали, чтобы он сыграл «самую благородную роль, которая когда-либо выпадала на долю человека». Хауз убедил его в этом. Таким образом вся сила его отождествления себя с Христом была переведена со стороны мира на сторону войны. Он решил продолжать воевать за мир. Будучи ребенком, он много раз пел с отцом: «Сын Бога отправляется на войну, чтобы завоевать королевскую корону». Завоевать королевскую корону принца мира стало целью жизни Вудро Вильсона. Его Супер-Эго, его активность и пассивность к отцу объединили свои силы в этом желании, и оно стало крайне мощным. Для его бессознательного было нетрудным делом заставить рассудок найти интеллектуальные оправдания для этого действия, свершения которого он столь глубоко желал.

17 октября 1915 года Хауз и Вильсон совместно подготовили письмо сэру Эдуарду Грею, подписанное Хаузом, в котором предлагалось вовлечь США в войну «для достижения мира на основе тех принципов», которые ранее обсуждались. Вильсон «признавал это предложение абсолютно справедливым» и молил Бога, чтобы оно принесло результаты. Среди ожидаемых им результатов были смерти тысяч американских юношей и уничтожение миллиардов долларов американского богатства. Но его глаза смотрели на другие вероятные результаты: он станет диктатором условий мира, мировым судьей; он заложит такой прочный фундамент для мира, что люди более никогда не будут погибать в войнах; он будет принцем мира, который в конце войны станет судить как живых, так и мертвых.

Как только Грею было отправлено это письмо, Вильсон вновь занялся своими любовными делами. Миссис Голт была для него в данный момент важнее, чем все остальное человечество. Хауз, с нетерпением ожидающий в Нью-Йорке ответа Грея, записал в своем дневнике: «20 ноября... Сообщения из Вашингтона говорят о повсеместно наблюдаемой любопытной инерции. Конечно, она главным образом обусловлена поведением президента. Он столь поглощен своей невестой, что не уделяет достаточного внимания делам. Я отправился бы в Вашингтон, только знаю, что буду не очень желанным гостем в данное время, особенно если попытаюсь пробудить его к действию... Время от времени более полно проявляется одна особенная черта характера президента, а именно что он избегает затруднений. Если я докладываю ему о чем-то неприятном, то потом с очень большим трудом могу побудить его обсуждать данный вопрос. Я убежден, что некоторые из его затруднений в Принстоне были вызваны такой проволочкой в решении неприятных проблем... Еще одной его характерной чертой является крайняя предубежденность против людей. Он любит немногих и очень лоялен по отношению к ним... Он испытывает большую трудность при беседе с людьми, против которых по какой-либо причине испытывает предубеждение и у которых он не может найти никаких положительных качеств...»

«27 ноября... Перед обедом и во время обеда мы с президентом имели непродолжительный конфиденциальный разговор. К моему большому удивлению, он сказал мне, что не читал письма сэра Эдуарда Грея, которое я ранее отослал ему и содержание которого очень важно. Он принес его с собой, чтобы мы совместно обсудили его содержание...»

Ни Вильсон, ни Хауз не подозревали в то время, что Грей ведет секретные переговоры о разделе Германской и Оттоманской империй и что секретные военные цели англичан совпадали с провозглашенными ими военными целями лишь по одному пункту — восстановлению Бельгии. Секретные военные цели англичан были следующими: уничтожение германского ВМФ, конфискация германского

торгового флота, ликвидация Германии как экономического конкурента, получение от Германии всевозможных контрибуций, аннексия германской Восточной Африки и Камеруна, аннексия всех германских колоний, расположенных на юге экватора и в Тихом океане, включая территорию острова Науру, контроль над Месопотамией, Трансиорданией, Палестиной и частью Сирии, которую удастся отхватить у Франции, расширение своего влияния в Персии, признание своими протекторатами Кипра и Египта и большое число менее важных пунктов. Если бы Грей принял предложение Вильсона, Англия могла бы получить после окончания войны в лучшем случае лишь то, что было провозглашено в ее военных целях, которые были достаточно респектабельны, чтобы их можно было опубликовать. Тогда ей пришлось бы отказаться от тех колоссальных преимуществ, которые она получила после войны. Не желая отказываться от этих преимуществ, правительство Великобритании считало более предпочтительным сражаться без помощи США.

18 декабря 1915 года Вильсон, вне себя от счастья, женился на миссис Голт. 28 декабря 1915 года Хауз отправился в Англию. Вильсон встретил Хауза 6 марта 1916 года с распростертыми объятиями. После двухнедельного «медового месяца» он вернулся к радостям прежней семейной жизни и находился в состоянии экзальтированного счастья. Он снова обладал представительницей матери и считал, что Хауз устроил все для того, чтобы его призвали диктовать мир на земле. Все основные потоки его либидо нашли более обширные выходы, чем когда-либо ранее. Пребывая в состоянии счастья, президент ожидал разрешения от министра иностранных дел Англии на вступление США в войну для достижения провозглашенных военных целей союзников и становления Вудро Вильсона принцем мира.

Ответа от Грея не приходило, а 24 марта 1916 года счастье Вильсона было поколеблено торпедированием в Ла-Манше французского судна «Сассекс». Хауз советовал отослать Бернсторфа домой и готовиться к немедленной войне. Вильсон колебался. Его желание продиктовать совершенный мир имело столь глубокие корни, что он не мог от него отказаться. Его главным желанием было ввести США в войну после достижения соглашения с союзниками о том, что ему будет позволено диктовать условия мира. Но он все еще с ужасом думал о перспективе вступления Америки в войну, которая может закончиться заключением несправедливого мира. Он хотел породить мир, а не войну, окончательный совершенный мир был для него всегда благородным концом, оправдывающим военное вмешательство.

Вильсон наконец начал понимать, что союзники, а не Германия стоят между ним и осуществлением его желания быть спасителем человечества. Как только перспектива стать принцем мира стала отдаляться, он вновь почувствовал себя неудовлетворенным и больным. Опять появились изматывающие головные боли и участились желудочные приступы. Он стал проявлять несдержанность в отношениях со своими коллегами. А 3 мая 1916 года он объявил, что не желает более занимать пост президента и мечтает об отставке. Единственным близким человеком в этот период была для него миссис Вильсон.

16 июня 1916 года Вильсон был единогласно переизбран демократами, и лозунг его 2-й кампании в борьбе за президентство первым прокричал губернатор Нью-Йорка Глинн: «Он уберег нас от войны!» Вильсон, зная, что в предшествующие 8 месяцев он делал все возможное для вступления Америки в войну на его собственных условиях, чувствовал себя столь неловко, что избегал в своих предвыборных речах затрагивать этот вопрос. Он также старался не давать каких-либо обещаний по поводу этого на будущее. Тем не менее он понимал, что не сможет быть переизбранным без голосов от западных штатов, настроенных весьма резко против войны. Поэтому он санкционировал использование лозунга «Он уберег нас от войны!» его партией; и через тысячи плакатов и тысячи голосов эта идея

вбилась в головы американцев: Вильсон уберег нас от войны и спасет нас от нее в будущем. Голосовать за Вильсона значило голосовать за мир. Если бы американцы знали об истинном положении дел, он потерпел бы сокрушительное поражение.

На всем протяжении президентской кампании Вильсон продолжал находиться в плохом настроении. Он срывал свое раздражение как на друзьях, так и на врагах.

Так как союзники отказывались признать его спасителем человечества, он начал считать их почти такими же могучими врагами Бога, как и немцев, которых называл «дикими гуннами». Его желание превратить войну в крестовый поход, который он сможет возглавить, и его растущая уверенность в том, что союзники могут оказаться столь же неверными, как и немцы, перемешались в его речи от 5 октября 1916 года, в которой он сказал: «Необычность настоящей войны заключается в том, что ее причины и цели не были открыты... Для объяснения этой войны потребуется длинное историческое исследование. Но Европа не должна понять нас неправильно. Мы держимся в стороне не потому, что являемся менее озабоченными, а потому, что, когда мы применяем силу нации, мы хотим знать, ради каких целей мы это делаем... Когда нас спрашивают: «Не хотите ли вы воевать?» — ответ: «Да, мы ожидаем чего-то стоящего, чтобы за это сражаться; мы не ищем пустяковых ссор, а ищем такой ссоры, в которой затрагиваются все права человека, мы ищем некую причину, которая возвысит наш дух, а не ввергнет его в уныние. Таковую причину, за которую почетно пролить человеческую кровь, если это окажется необходимым». Это до некоторой степени расплывчатое заявление, переведенное на простой язык, означает: "Союзники, вероятно, столь же эгоистичны, как и немцы. Я не желаю вступать в войну из-за «мелочной ссоры» с Германией по поводу применения ею подводных лодок. Я крайне желаю возглавить крестовый поход за совершенный мир"».

Спустя 2 недели он получил сообщение от германского правительства, которое информировало его о том, что, если он в скором времени не осуществит шагов к мирному урегулированию, будут возобновлены неограниченные военные действия подводных лодок, Его настроение резко ухудшилось. Даже Хауз начал ощущать тяжесть его гнева. 2 ноября 1916 года Хауз записал в своем дневнике: «Прибыл президент. Маккормик и я встретили его и отправились с ним на яхту «Мэйфлауэр». Мы беседовали с ним в течение полутора часов, и это было наиболее язвительное обсуждение, которое я имел с ним за длительный промежуток времени... Он считал, что Нью-Йорк «прогнил до сердцевины» и его нужно снести с карты земли... Он считал, что у Маккормика и у меня были свои люди в Нью-Йорке и что кампанию следует вести где-нибудь в другом месте... Однако перед тем, как мы расстались, президент обнял нас обоих и выразил признательность за все то, что мы делаем... Он сказал: «Я не верю, что американский народ пожелает вступить в войну безотносительно к тому, сколь много американцев погибнет на море». Он сказал, что ему жаль, что это так, но тем не менее таково его мнение».

Вильсон потерял интерес к предвыборной кампании. Несмотря на свой нарциссизм и Супер-Эго, которые, конечно, требовали победы, временами, казалось, он испытывал полнейшее безразличие к тому, переизберут его или нет. Хауз записал в своем дневнике: «Президент препоручил все нам и не звонит, не высказывает какого-либо предложения и не подает никакого совета, хотя его шансы на успех весьма проблематичны». Вильсон решил немедленно уйти в отставку, если будет избран Хьюз, вместо того чтобы находиться на посту президента в течение еще 4 месяцев своего конституционного срока. 7 ноября 1916 года Вильсон был переизбран президентом США. Своим избранием он был обязан голосам «сомнительных» западных штатов, настроенных резко против войны.

Летом и в начале осени 1916 года президент был не в ладах почти со всеми и со всем в жизни. Еще зимой и в начале весны 1916 года он чувствовал себя счастливым человеком. Что привело его к разочарованию? В его личной жизни не произошло никаких изменений. Второй брак Вильсона принес ему такое же удовлетворение, как и первый. Жена полностью удовлетворяла его; но удовлетворение слабого потока его либидо, которое было направлено на женщин, не могло компенсировать отсутствие удовлетворения для тех огромных потоков либидо, которые были направлены на его отца. Зимой и в начале весны 1916 года он был так счастлив, он верил, что вскоре США вступят под его началом в войну и он станет диктовать условия мира. Мы видели, что этот проект давал великолепный выход всем потокам его либидо, направленным на отца. В течение лета его вынудили осознать более ясно, чем когда-либо прежде, что люди Америки ждут от него мира. Так он вынужден был отказаться от этого выхода для своих влечений, направленных на отца, которые давали ему такое счастье. Ранее он представлял себя выполняющим «самую благородную роль, которая когда-либо выпадала на долю человека». Все основные заряды его либидо объединились в непреодолимое желание играть эту роль. Он не мог быть счастлив без надежды на то, что он скоро станет спасителем человечества. Если он не мог возглавить США в войне, которая могла бы стать крестовым походом за мир, продиктованный им, он не очень заботился о том, будет он президентом или нет. Вильсон почувствовал ужас, исходивший от германского сообщения от 18 октября 1916 года. Он понял, что может оказаться вынужденным втянуть народ США в «мелочную ссору», в результате которой не только погибнут тысячи американцев и будет нанесен огромный экономический ущерб стране, но также установится несправедливый мир. Ему ничего не было известно о секретных целях союзников. Но их отказ принять помощь США ради достижения провозглашенных ими военных целей убедил его в том, что секретные цели союзников были ничуть не более благородными, чем цели Германии. Его желание избежать войны, в результате которой установится несправедливый мир, который неизбежно приведет к новым войнам, было почти столь же сильным, как и его желание стать во главе крестового похода за совершенный мир. Он хотел породить не войну, а мир. Его бессознательное отождествление себя с Христом удерживало его от вступления в войну без твердой уверенности, что это будет война за мир. После своего переизбрания Вильсон решил, что имеется лишь единственный путь выхода из затруднений: он должен требовать прекращения войны во имя благоденствия человечества независимо от того, будут ли его действия одобряться Англией или нет.

14 ноября 1916 года Вильсон послал за Хаузом, и они весь день спорили, «снова и снова рассматривая вопрос о том, что лучше всего предпринять». Хауз утверждал, что на данный момент нет необходимости предпринимать что-либо и что следует ждать дальнейшего развития событий; президент утверждал, что ситуация, вызванная действиями подводных лодок, не позволяет им оттягивать решение этого вопроса и что имеет смысл обдумать последствия, прежде чем разрывать отношения с Германией.

Несмотря на доводы Хауза, Вильсон решил написать воззвание к миру, но Хауз убедил его сделать воззвание менее эмоциональным и подождать с его распространением. Воззвание было готово, но Вильсон все еще испытывал колебания относительно его оглашения, когда 12 декабря 1916 года германское правительство опубликовало заявление, выражающее готовность Германии принять участие в мирной конференции. Вильсон, не проконсультировавшись с Хаузом, опубликовал свое воззвание, снабдив его объяснением по поводу того, что оно не было вдохновлено германским предложением. Это воззвание подписал секретарь Лансинг. В нем Вильсон ясно давал понять, что стал относиться к союзникам и к

немцам почти с одинаковым подозрением. Он писал: «...те цели, которые были официально провозглашены государственными деятелями обеих воюющих стран, являются, в сущности, одними и теми же, как они излагаются в общем виде перед народами этих стран и всего мира».

Воззвание Вильсона не привело ни к какому конкретному результату, и он был крайне подавлен неудачей своей попытки умиротворения. Однако ужас перед тем путем, который он видел перед собой, был столь велик, что Вильсон продолжал бороться за достижение немедленного мира, несмотря на усилия Хауза убедить его ничего не делать. Он столь сильно желал уберечь США от войны с Германией, что иногда подумывал о заключении договора с немцами, который отдалит угрозу войны для США хотя бы на 9 месяцев. Таким образом, он приближался к той пацифистской позиции, которую побуждал его занять Брайан после потопления «Лузитании». Действительно, Вильсон никогда не был столь убежденным пацифистом, как в течение этих 2 месяцев, которые предшествовали объявлению неограниченного ведения боевых действий немецкими подводными лодками. Сдерживаемый в своем желании вступить на путь войны, видя себя в роли спасителя человечества, он остается принцем мира, но чуть меньшим.

Вильсон начал верить в то, что немецкое правительство намеревается позволить ему диктовать условия мира, как год тому назад он ждал такого жеста от английского правительства. 4 января 1917 года он сказал: «Не будет никакой войны. Наша страна не желает быть вовлеченной в эту бойню. Мы являемся единственной из великих наций, свободной в настоящее время от бремени войны, и будет преступлением против цивилизации, если мы также в нее вступим».

К 19 января 1917 года Вильсон был настолько уверен в том, что Германия намеревается передать ему свои условия мира и эти условия будут разумными, что попросил Хауза заранее подготовить и зашифровать послание к Бальфуру и Ллойд Джорджу, излагающее условия немцев и предпринимаемые ими шаги, указывающие на их готовность заключить мир на этих условиях. В этот же самый день, без ведома Вильсона, Бернсторф получил от немецкого правительства не разумные условия мира, а сообщение о том, что с 1 февраля 1917 года будут возобновлены неограниченные военные действия подводных лодок.

Вильсон, веря в то, что он стоит накануне заключения мира, произнес 22 января 1917 года одну из самых выдающихся речей в своей жизни, требуя «мира без победы» (какой-либо из сторон). Бернсторф, все еще пытаясь предотвратить войну с США, но понимая, что она неизбежна, написал Хаузу 20 января 1917 года: «...я боюсь, что ситуация в Берлине уходит из-под нашего контроля. Чрезмерные требования наших врагов и их резкие послания президенту, по-видимому, привели в ярость общественное мнение в Германии до такой степени, что результатом может быть все, что угодно, кроме благоприятных для нас мирных планов».

До этого он надеялся, что, не вовлекая США в войну, ему удастся добиться справедливого мира. Теперь он понял, что ему, по всей вероятности, придется вовлечь США в войну без какой-либо гарантии того, что последующий мир будет справедливым. Он пришел к мнению о том, что цели союзников были такими же эгоистичными, как и цели Центральных стран, и чувствовал, что может стать орудием союзников. Ему придется вступить в войну без конечного справедливого мира. Для отождествления им себя с Христом это было непереносимо.

3 февраля 1917 года Вильсон объявил конгрессу, что принял решение порвать дипломатические отношения с Германией. Он подчеркнул при этом мирный характер политики, которую надеялся проводить. Он не мог заставить себя признать тот факт, который понимал почти всякий американец, что за разрывом дипломатических отношений неизбежно последует война. Он все еще с ужасом отворачивался от судьбы, которую столь долго пытался избежать. Он не возражал против войны в

принципе, но одобрял один вид войны и ненавидел другой. Он с огромной радостью возглавил бы США в войне, которая, по его мнению, была бы крестовым походом за мир; но отнюдь не был уверен, что эта война будет таковой. Действительно, он был почти уверен в том, что война кончится несправедливым миром. Эта мысль была для него слишком тяжела. Ему надо было найти некоторый выход для своего желания быть принцем мира.

Гнев против Германии переполнял его. Германия заставила его оказаться в таком положении, в котором было невозможно отождествление себя с Христом. К гневу примешивалось горькое негодование против немецкого правительства. Он считал, что правители Германии дурачили его, обманывая относительно своих намерений в январе 1917 года, и поклялся, что никогда более не поверит немецкому правительству. Он испытывал ненависть ко всему правящему классу Германии. Этот класс стал для него гидрой, втягивающей его в такую войну, против которой он столь долго боролся. Он продолжал включать в свою «любовь человечества» немецкий народ, но правители Германии стали для него с этих пор дьяволами. Это различие, которое Вильсон неизменно проводил между немецким правительством и немецким народом, вначале было сделано в его бессознательном.

Он почувствовал себя очень больным. Его мучили бессонница, сильные головные боли и диспепсия. Он чувствовал, что вступает не в ту войну, в которой ему хотелось участвовать, а в войну, «которую хотели союзники, и что они будут следовать курсом, против которого выступала и боролась Америка». Тем не менее перед народом он выступал, как если бы возглавлял США в крестовом походе в борьбе за совершенный мир.

Это похоже на лицемерие, но тщательное исследование показывает, что это не было лицемерием. Лицемерие Вильсона было почти всегда самообманом. Он обладал громадной способностью игнорировать факты и огромной верой в слова. Его отношение к фактам и фразам было прямо противоположно отношению к ним ученого. Он не мог позволить, чтобы прекрасная фраза была убита неоспоримым фактом. Он радовался, позволяя прекрасной фразе уничтожить неприятный факт. Когда он изобретал чудесную фразу, он начинал в нее верить безотносительно к каким-либо фактам. В начале марта 1917 года он оказался перед дилеммой, решить которую вначале ему не представлялось возможным. Факты говорили ему, что война закончится несправедливым миром. До тех пор пока он придерживался фактов, у него было лишь два выбора. Он мог занять позицию: война закончится несправедливым миром, но действия Германии принуждают нас вступить в войну, или, так как война закончится несправедливым миром, я отказываюсь вступить в нее, несмотря на провокации со стороны Германии. Он не мог заставить себя принять какую-либо из этих двух альтернатив. С одной стороны, он столь ясно и неоднократно заявлял о намерении США вступить в войну, если Германия возобновит без предупреждения потопление судов, что отказ от вступления США в войну сделал бы его и США всемирным посмешищем. С другой стороны, он не мог заставить себя сказать конгрессу: Германия совершает против нас военные действия, поэтому нам придется объявить войну. Я сожалею, так как война будет стоить нам много тысяч жизней, и громадных ресурсов, и, в конечном счете, будет заключен несправедливый мир, который обречет человечество на новую войну, еще хуже предыдущей. Его отождествление себя с Христом было столь сильным, что он не мог ратовать за войну, если только она не будет средством достижения мира. Ему оставалось верить, что каким-либо образом он выйдет из этой войны спасителем человечества. В конце марта 1917 года ему пришлось просить об объявлении войны. Он не мог делать это иначе, как в качестве крестового похода за мир.

С 1 апреля 1917 года и до его смерти в рассудке Вильсона были 2 абсолютно разных набора фактов, имевших отношение к войне и миру: действительные факты,

вытесненные настолько, насколько это было возможно, и факты, которые изобретали его желания. Отрыв от реальности, который в конечном счете привел его к прославлению Версальского договора как «99%-ной гарантии против войны», несомненно, корнями уходил в его детство, но начал свободно проявляться в ту ночь, когда он писал декларацию об объявлении войны и не мог смотреть в лицо фактам. Вильсон объявил, что война является крестовым походом за мир, хорошо зная в глубине своего рассудка, что «его крестоносцы» никогда не достигнут «святой земли», но веря, что посредством тех слов, которые он узнал, сидя на коленях отца, он приведет все армии дорогой бескорыстия к «священной гробнице» всеобщего мира, где они найдут его самого.

Неуверенность Вильсона в течение 2 месяцев, которые отделяют объявление неограниченных боевых действий подводными лодками с 1 февраля 1917 года от его решения вступить в войну 1 апреля 1917 года, по-видимому, требует некоторого дополнительного комментария. Тьюмалти описал ее следующим образом: «В течение некоторого времени он сидел в кабинете бледный и молчаливый. Наконец он сказал: «Подумать только, чему они аплодируют. Моя сегодняшняя декларация означает смерть для наших молодых людей. Как странно аплодировать этому... Хотя я казался безразличным к критике, которая доставалась на мою долю в эти критические дни, немногие попытались понять мою цель и симпатизировали мне на всем протяжении борьбы за претворение ее в жизнь.

Сила желания Вильсона возглавить крестовый поход за мир, который закончится тем, что он станет судьей мира, была видна по его желанию играть эту роль в октябре 1915 года и, по его несчастью, в последующие за маем месяцы 1916 года, когда он убедился в том, что Англия не позволит ему этого. Как только он смог заставить себя поверить в то, что сможет сделать войну крестовым походом за мир, он успокоился, стал относительно счастливым и сильным. Для такого большого человека, каким являлся Вильсон, подобные нагрузки были весьма тяжелы, тем не менее он не испытывал «полного упадка сил». Его Супер-Эго, нарциссизм, активность и пассивность по отношению к отцу, а также реактивное образование против пассивности по отношению к отцу были обеспечены вследствие войны крайне удовлетворительной разрядкой. Нельзя отрицать, что он исполнял невозможное, был одним из величайших людей в мире, способным послать своих соотечественников на смерть и в то же время представляющим спасителем человечества, по-настоящему любившим только двух людей — жену и Хауза.

Вильсон делал все для того, чтобы сделать вступление США в войну эффективным и решающим. Он выступал за введение закона о воинской повинности и добился этого. Он организовал новые правительственные агентства для решения различных военных проблем. Он назначил главами этих агентств наиболее способных людей, которых смог найти, безотносительно к их партийной принадлежности. В некоторых случаях назначенные им люди оказались крайне полезными, в других — крайне неспособными. У него не было ни физических сил, ни желания руководить работой этих новых агентств и департаментов. Он взял в свои руки руководство внешней политикой. Бальфур сменил Грея на посту министра иностранных дел Великобритании. Он прибыл в Америку в апреле 1917 года для того, чтобы сообщить Вильсону об отчаянном положении союзников и о возможном выходе из войны России. Он также рассказал об ужасном моральном состоянии французских войск и о бедственном финансовом положении Англии, в связи с чем США придется взять на себя намного более тяжелое бремя войны, чем предполагалось ранее. Он был готов открыть Вильсону по крайней мере некоторые из секретных договоров союзников и обсудить с ним военные цели, естественно предполагая, что Вильсон будет настаивать на определении именно тех целей, ради достижения которых он должен призывать народ США проливать свою кровь.

И Вильсон, и Хауз проглядели тот факт, что все воюющие державы детально обсуждали свои условия мира, и это не мешало им активно участвовать в войне. Бальфур упомянул Вильсону о существовании некоторых секретных договоров и обещал прислать их ему, но не вытолнил своего обещания и, сделав все для получения наибольшей военной помощи от США, уехал домой счастливым.

Хотя Вильсону не удалось разрешить с Бальфуром вопрос о секретных договорах, во всех своих публичных выступлениях он выражал абсолютную уверенность в том, что установит справедливый и прочный мир, и снова, и снова говорил о своем расположении к немецкому народу и о своем убеждении в том, что поражение принесет ему не страдание, а благо.

Однако неудобоваримый факт о существовании секретных договоров осел в голове Вильсона и беспокоил его. 21 июля 1917 года он писал Хаузу: *«Англия и Франция никоим образом не разделяют аналогичных с нашими взглядов на вопрос о мире. Когда война закончится, мы сможем принудить их принять нашу точку зрения, так как к этому времени они будут... в финансовом отношении в наших руках. Но мы не можем склонить их к этому в настоящее время, и любая попытка говорить за них или выражать наше общее мнение породит раздоры, которые неизбежно всплывут перед публикой и лишат все наши усилия эффективности... Наши истинные условия мира — те, на которых мы, несомненно, будем настаивать, — в настоящее время не приемлемы ни для Франции, ни для Италии (даже если не рассматривать отношение к ним Великобритании)».*

Вильсон, с его любопытной привычкой повторять Хаузу его же собственные мысли, занял позицию игнорирования секретных договоров на протяжении всей войны, так как старался избежать трений с союзниками. Он утверждал о своей решимости принудить союзников пойти на его условия мира после победы, используя финансовую мощь США. Он был уверен, что, используя экономические санкции и свою власть над людьми посредством слов, сможет достичь желаемого мира. Снова и снова он публично обещал немецкому народу абсолютно справедливый мир.

Самые глубокие влечения Вильсона стояли за его желанием добиться такого мира. В разговоре с одним из авторов этой книги после своего экзальтированного обращения от 4 декабря 1917 года Вильсон высказал свои истинные чувства: «Не правда ли, это ужасно? Все эти конгрессмены и сенаторы аплодируют всему тому, что не приходится говорить о войне, игнорируя все то, что для меня имеет действительное значение. Я ненавижу эту войну! Я ненавижу всякую войну, и единственное, о чем я забочусь на земле, — это о мире, который я собираюсь установить». Судя по всему, Вильсон полностью верил в свою миссию. Он был сыном Бога, начавшим войну ради обеспечения совершенного мира на всем земном шаре. Он давал немецкому народу обещания абсолютно искренне.

Поскольку Вильсон высказывал такие обещания, но не пытался претворить их в жизнь путем немедленных переговоров с союзниками, он чувствовал себя глубоко обязанным перед немецким, американским и всеми другими народами. 8 января 1918 года он вручил конгрессу послание, в котором перечислил 14 пунктов, ставших основой соглашения о перемирии и Версальского договора. Для определения военных целей даже в такой общей характеристике, как эта, он не обладал достаточным знанием Европы и основывал свои пункты главным образом на рекомендациях, полученных от исследовательской организации, состоящей из профессоров, которую Вильсон предложил сформировать Хаузу в сентябре прошлого года в целях подготовки данных для мирной конференции.

К январю 1918 года Вильсон полностью верил в то, что сможет обратить войну в крестовый поход за принципы, предначертанные Богом, используя силу своих слов. Его отождествление себя с Христом определяло его речи. Успешное

наступление Людендорфа 22 марта 1918 года принудило Вильсона сделать основой своих речей поднятие американского военного духа, оттеснив на задний план христианские мотивы. Лишь в сентябре 1918 года, когда немецкие войска терпели поражение на всех фронтах, он снова вернулся к христианскому содержанию.

29 сентября 1918 года Людендорф, считая, что его армии стоят перед полным крахом, потребовал, чтобы немецкое правительство попросило о немедленном перемирии. 5 октября 1918 года немецкий канцлер принц Макс Баденский попросил немедленного перемирия и принял «как основу для мирных переговоров программу, выдвинутую президентом США в послании к конгрессу от 8 января 1918 года и в его последующих заявлениях, особенно в его речи от 27 сентября 1918 года». Вильсон послал Хауза в Париж для обсуждения с союзниками переговоров о перемирии 19 октября 1918 года. Когда Клемансо, Ллойд Джордж и Соннино встретились с Хаузом, они отказались заключать перемирие на основе 14 пунктов.

14 ноября 1918 года Вильсон послал каблогранму Хаузу относительно организации мирной конференции: «Я также смею предполагать, что буду избран председательствовать». Хауз ответил, что, так как мирная конференция должна проводиться в Париже, дипломатический этикет требует, чтобы председательствовал Клемансо, и что для Вильсона, может быть, неразумно участвовать в мирной конференции. Вильсон был крайне недоволен. 16 ноября 1918 года он послал каблогранму Хаузу: «Это расстраивает все наши планы. Такое изменение программы приводит меня в крайнее замешательство... Я могу только предположить, что французы и англичане боятся, что американский президент поведет против них малые нации. Я крайне возражаю против того, чтобы гордость могла помешать нам достичь тех результатов, к которым мы стремились всем сердцем...»

Утверждение Божьего закона перед нациями предлагало такой великолепный выход для глубочайших влечений Вильсона, что простое предложение о том, что для него может быть более разумным не участвовать в конференции, повергло его «в крайнее замешательство». Он хотел лично быть судьей мира, реально присутствовать, восседая на троне и обладая неограниченной властью. Он не мог отказаться от участия в мирной конференции.

Так же как в 1912 году он чувствовал, что избран Богом для того, чтобы стать президентом США, так и в 1918 году Вильсон полагал, что Бог приказал ему принести на Землю вечный мир. Он отправился в Париж как посланник Бога.

Он отправился переделывать мир с женой и со своей личной свитой, состоящей из врача и двух стенографов.

Он также взял профессоров из организации «Исследование», которые прочли много книг, но не были искушены в международных переговорах. Во время аудиенции на борту корабля «Джордж Вашингтон», во время которой он продемонстрировал свое невежество в европейских делах, Вильсон сказал им: «Говорите мне, что правильно, и я буду сражаться за это; дайте мне твердую позицию».

Неразбериха в его работах и его рассудке стала ужасной.

Тем не менее во время первых недель пребывания в Европе он верил в то, что собирается дать миру обещанный им совершенный мир. Он встречался с народами Европы как Спаситель. К низкопоклонству Франции и Англии добавилось восхищение Италии, где крестьяне зажигали свечи перед его портретом, и отчаянной верой в него Германии, где усталые солдаты, возвращаясь домой, распевали о нем песни.

Вильсон провел в Европе три счастливые недели, наслаждаясь своей славой, и неудивительно, что возросла его уверенность в себе и своей миссии. В Букингемском дворце после обеда он произнес речь, в которой царственно отзывался о гражданах США как о «своих людях». В Милане он, побив все пресвитерианские прецеденты, отправился в оперу. Здесь крикливое обожание

толпы перешло в иступление. Вильсон обменивался с толпой воздушными поцелуями, пока бредовое состояние толпы не перешло в экстаз. Неудивительно, что он возвратился из своих поездок, убежденный в том, что народы Европы поднимутся и пойдут за ним даже против своих правительств. Он вернулся в Париж 7 января 1919 года с желанием приступить к работе. Но не было достигнуто соглашения относительно какой-либо программы конференции.

Так что практические преимущества плана Вильсона относительно ведения конференции были, мягко выражаясь, довольно проблематичными. Он считал, что основание Лиги Наций посредством установления безопасности, предшествующей миру, даст государственным деятелям, собравшимся в Париже, такое чувство безопасности и братства, что сможет вызвать у них отношение ко всем нациям в духе божественных предначертаний и что «все очень серьезные трудности отпадут». Однако изменения позиций Ллойдом Джорджем, Клемансо и Орландо были столь сомнительными, что мы должны подозревать, что рассудок Вильсона снова действовал в угоду его либидо и что реальные мотивы его поступков находились в его бессознательном.

Война была окончена. В финансовом отношении союзники оказались в руках Вильсона, как он и предполагал.

Но в какое-то время между переговорами о перемирии и его приездом в Париж 14 декабря 1918 года он решил сражаться за желаемый им мир не этими мужскими, а женскими средствами, не силой, а убеждением. В его руках были крайне могущественные экономические и финансовые средства борьбы. Все страны союзников жили на поставках и кредитах из Америки. Но использование этих средств подразумевало как раз такую борьбу, которую он никогда не вел и не мог вести лично, если его не принуждало к этому реактивное образование против пассивности по отношению к отцу. Он никогда не осмеливался в своей жизни участвовать в кулачной драке. Он воевал словом. Послав из Белого дома резкую каблогранму Хаузу, он предоставил возможность сражаться ему одному. Изолированный в своей «комфортабельной цитадели», он мог греметь подобно Иегове, но когда он лично приблизился к полю битвы с Клемансо и Ллойд Джорджем, глубокая женская основа его природы начала контролировать его действия. Вильсон обнаружил, что не хочет сражаться с ними посредством силы. Он мечтал, как Христос, через проповедь обратить их в праведников. В Париже он был истинным сыном преподобного Джозефа Раглеса Вильсона, переполненным пассивностью по отношению к отцу.

Рассудок Вильсона, находящийся в услужении у испытываемого им страха мужской борьбы, и его бессознательное желание быть Христом изобрели успокаивающую теорию о том, что он может достичь всего желаемого без борьбы, что он может передать все средства борьбы своим врагам и превратить их вследствие этого благородного жеста в святых. Он решил не использовать экономические и финансовые средства воздействия, не воздерживаться от гарантии мира до тех пор, пока условия мира не будут составлены таким образом, как он того желал. А вместо всего этого он решил продолжать давать колоссальные кредиты союзникам, основать Лигу Наций и гарантировать мир до того, как условия мира будут рассмотрены. Послушный рассудок говорил Вильсону, что государственные деятели, собравшиеся в Париже, ощутят в этом случае такое чувство безопасности и братства и такую любовь к его благородной натуре, что послушаются его призывов относиться ко всем нациям в духе Божьего милосердия. Он начал рассматривать мирную конференцию в той форме, которая была знакома и глубоко близка ему: в форме братского дискуссионного клуба, в форме клуба «Быстроногих» и дискуссионных клубов Дэвидсона, Принстона, Виргинского университета, Университета Джона Гопкинса и Уэслианского университета. Он снова намеревался

составить конституцию для дискуссионного клуба, который будет назван Лигой Наций, и представлял себя произносящим речь на братской ассамблее во время мирной конференции, чтобы «повести малые нации» против более могущественных. Профессора из организации «Исследование» скажут ему, что нужно делать, и во время дебатов он будет за это бороться. На этой ассамблее «братьев» он «заставит людей исполниться духом самопожертвования» и преодолет, говоря его словами, любую оппозицию, а также приведет человечество к прочному миру, а себя — к бессмертию. Такая перспектива чрезмерно прельщала его. Она не только позволяла Вильсону «увильнуть от опасности», но также давала возможность показать перед правителями мира те из его качеств, которыми он больше всего гордился.

К сожалению, его гипотеза не имела ничего общего с фактами. Вера Вильсона в то, что, если Лига Наций станет свершившимся фактом, почти все серьезные затруднения отпадут, не имела реальной основы, а имела источник лишь в его бессознательном. Основание Лиги Наций ни в коей мере не изменило характеры государственных деятелей, собравшихся в Париже. На самом деле ее основание дало им последний козырь для использования против Вильсона. Они вскоре осознали, что Лига Наций стала для Вильсона святым делом, частью его самого, его титулом к бессмертию, его законом. Они поняли, что он не сможет заставить себя отказаться от гарантии мира безотносительно к тому, какие условия мира они потребуют, и что они сами могут использовать Лигу как оружие против него, угрожая ему потерей ее, если не будут приняты их условия.

Убедив себя в том, что если будет основана Лига Наций, то все тени исчезнут перед солнцем христианской любви, Вильсон всю свою энергию направил на разработку устава Лиги. Он не обращал внимания на военные, экономические и территориальные проблемы конференции. Так продолжалось вплоть до 24 января 1919 года, когда он был вынужден взглянуть в лицо неприятной реальности. В этот день, выступая от лица Британской империи, Ллойд Джордж сказал, что он против возвращения Германии какой-либо из ее колоний. Его ответ ожидался с острым нетерпением не только из-за интереса к колониям, но также потому, что данный ответ должен был характеризовать тот способ, которым президент США намеревался бороться за свои 14 пунктов. «Президент Вильсон сказал, что, по его мнению, все согласны в том, чтобы воспрепятствовать восстановлению немецких колоний». Таким образом, сражения не получилось. Вильсон не дрался. Германия потеряла свои колонии, а Вильсон начал свой путь к Версальскому договору.

Ллойд Джордж, ободренный неспособностью Вильсона сражаться, перешел к более смелому наступлению. «Он хотел бы, чтобы конференция считала захваченные территории частью тех государств, которые их захватили». Это было уже чересчур для Вильсона. Он сделал огромную уступку в том, что колонии должны быть отняты у Германии, но не мог заставить себя допустить, что они уже были аннексированы Британской империей. Он настаивал на том, что моральная завеса, называемая мандатом, должна составляться по поводу каждой аннексии.

14 февраля 1919 года, перед своим отплытием в Америку, Вильсон зачитал на пленарной сессии мирной конференции соглашение о создании Лиги Наций. Он ликовал. Он был уверен в том, что это соглашение положит прочный мир во всем мире, заключив свою речь словами, которые ясно показывали, какое воздействие, по его мнению, это соглашение окажет на все человечество, включая Ллойда Джорджа и Клемансо: «Много страшных событий произошло в ходе этой войны, джентльмены, но в результате ее произошли также некоторые чудесные вещи. Несправедливость была побеждена. Человечество ощутило все величие справедливости. Люди, ранее с подозрением относящиеся друг к другу, теперь могут жить как братья и друзья в единой семье и желают так жить. С миазмой недоверия и интриг покончено. Люди смотрят в глаза друг другу и говорят: "Мы братья, и у нас общая цель. Мы не осоз-

навали этого раньше, но мы осознали это теперь, и это есть наше соглашение о мире и дружбе"». Он верил в то, что принес человечеству мир. Весь страх, ненависть, жадность и жестокость исчезнут. Соглашение стало свершившимся фактом.

Заряд его либидо был столь могущественным, что Вильсон не мог отказаться от отождествления себя с Христом даже в мае 1916 года, когда стало очевидным, что его не призовут спасти человечество. Он был вынужден попытаться стать таким же Спасителем в мире реальности, каким он был в своем бессознательном. Его бессознательное отождествление себя со спасителем, по всей видимости, стало фиксацией.

Клемансо, ясно видя те преимущества, которые дает Франции предложение президента США о сокращении немецких вооруженных сил до такого минимального уровня, и вполне понимая, что мирный договор — будет он или нет назван «предварительным» — будет означать мир, и все еще полный решимости включить политические, экономические и финансовые условия, сказал, что готов согласиться с предложением Вильсона, «однако до этого ему хотелось бы получить более точную информацию по определенным пунктам... Хотя отчет экспертов будет вскоре получен, он не хотел бы обсуждать такой важный вопрос в отсутствие президента Вильсона».

М-р Клемансо сказал, что он «полностью удовлетворен».

И у него были все основания для полного удовлетворения, так как Вильсон предложил уничтожение немецкой армии и флота, кроме сохранения минимальных сил для поддержания внутреннего порядка, и не стал противодействовать включению в предварительные условия мира тех территориальных и финансовых условий, которые Клемансо считал необходимыми.

Невозможно избежать заключения о том, что Вильсон имел в виду три разных состояния международных отношений: «временное перемирие», «предварительный мир» и «окончательный мир». И также очевидно, что он упустил из виду тот факт, что мирный договор, называется он или нет предварительным, означает мир и должен быть ратифицирован сенатом США для того, чтобы быть утвержденным в Америке; В международном кодексе нет такого понятия, как состояние предварительного мира. Есть война, временное перемирие и мир. Слово «предварительный» ничего не меняет. «Предварительный мирный договор» с Германией, включающий в себя одни лишь военные условия, должен быть ратифицирован сенатом США, а после ратификации покончит с состоянием войны и восстановит мир. Последующий договор, содержащий дополнительные требования, называемый окончательным договором, или «окончательным миром», будет договором уже не между воюющими сторонами, а между бывшими воюющими сторонами. Таким образом, то предложение, которое Вильсон столь решительно поддерживал, включало в себя заключение мирного договора, который не включал в себя создание Лиги Наций. Самым лелеемым чаянием Вильсона было сделать Лигу Наций неотъемлемой частью мирного договора, но к 12 февраля 1919 года он выступал в защиту как можно скорейшего принятия мирного договора, хотя и названного им предварительным, но, тем не менее, договора о мире, который не включал в себя создание Лиги Наций, и 14 февраля указал Хаузу те положения, которые должны быть включены в этот договор.

Одним из наиболее важных вопросов была выработка программы предварительных мер, необходимых для установления предварительного мира с Германией. Таким образом, программа сводилась к следующим пунктам:

1. Сокращение германской армии и флота до нужд мирной жизни.
2. Определение границ Германии. Сюда должен входить вопрос о лишении ее колоний.
3. Та сумма денег, которую следует заплатить за репарацию, и то время, в

течение которого она должна выплачиваться.

4. Соглашение относительно экономического положения Германии.

Ясно, что Вильсон не изменил своего мнения о том, что будет желательным включить Лигу Наций в мирный договор, но он считал, что добавление слова «предварительный» к словам «мирный договор» вызовет магический результат, сделав мирный договор действительным мирным договором, когда он того пожелает, а когда он того не будет желать, этот договор не будет считаться таковым. Переговоры закончатся временным перемирием, он «свяжет» Германию и сделает «безопасность предшествующей миру», но этот договор не должен будет ратифицироваться сенатом США и не будет «окончательным миром». И снова Вильсон пришел к немыслимому заключению из-за своей уверенности в том, что сила слов может трансформировать факты в соответствии с его желаниями.

Несмотря на триумф бессознательного отождествления Вильсоном себя со спасителем человечества, он был крайне нервозен и истощен. В течение 5 недель в Париже он работал более напряженно, чем когда-либо до этого. 24 февраля 1919 года Вильсон высадился в Бостоне и сразу же «атаковал» своих противников эмоциональным посланием — пытаясь заставить соотечественников «проникнуться духом самопожертвования». Его речь была весьма туманна. Он говорил об американских солдатах как о «сражавшихся за мечту» и следующим образом оценил мощь своих слов: «Я получил сладостное удовлетворение. Говоря с полнейшей откровенностью от имени народа США, я называл целями этой войны идеалы, и одни лишь идеалы, и война была выиграна вследствие такого воодушевления». Его идеалы не просто выиграла войну, но также сотворили дальнейшие чудеса. «А теперь эти идеалы сотворили новое чудо, сплотив все народы Европы и вселив в них дух доверия и надежды, так как они считают, что мы находимся накануне новой эры, когда нации будут понимать друг друга, когда нации будут поддерживать друг друга в любом справедливом деле, когда нации объединят все свои моральные и физические силы для того, чтобы преобладала справедливость. Если Америка в этот момент не оправдает надежд мира, что получится из этого?»

На Америку его речь не произвела большого впечатления. Она не походила на истину. Вильсон, по-видимому, пытался устранить факты посредством слов. Американские либералы чувствовали, что не Америка, а Вильсон намеревается не оправдать надежды мира, а американские консерваторы считали, что Вильсон не оправдывает надежд Америки.

Противники договора заняли в 1919 году позицию, в точности аналогичную той, которую занял Вильсон в величественной речи, обращенной к сенату, относительно «мира без победы» 22 января 1917 года, в которой он утверждал, что имеется лишь одна разновидность мира, гарантировать которую может народ Америки: «Договоры и соглашения, которые положат конец войне, должны выдвинуть такие условия, которые гарантируют истинный мир, стоящий того, чтобы его гарантировать и сохранять, мир, который завоеует одобрение человечества, а не такой, который будет служить интересам и сиюминутным целям вовлеченных в войну наций». Вильсон, приписывая договору почти магическую исцеляющую мощь, позабыл о своих убеждениях в предшествующие 2 года.

4 марта 1919 года Лодж объявил в сенате, что 37 сенаторов обязались голосовать против ратификации договора из-за Лиги Наций. Вильсон тем же вечером ответил Лоджу с вызовом и угрозой, сказав: «Когда этот договор о мире вернется сюда, джентльмены, сидящие здесь, найдут в нем не только соглашение о создании Лиги Наций, но столь много нитей договора, связанных с этим соглашением, что вы не сможете оторвать соглашение от договора, не разрушив всю органическую структуру договора». Так, его прощальная угроза Лоджу перед отъездом из Нью-Форка во Францию, истощенного и осунувшегося, была: либо

соглашайтесь на договор с предложенным мною соглашением о создании Лиги Наций, либо не получите никакого договора.

Вильсон произнес эту угрозу, так как знал, что народ США желал как можно быстрее прийти к миру, и был уверен, что народ предпочтет немедленный договор, заключающий в себе создание Лиги Наций, неопределенным проволочкам в демобилизации, связанным с военным положением. Таким образом, связывая в одно целое мирный договор и соглашение о создании Лиги Наций, Вильсон надеялся вызвать по отношению к Лоджу, как к противнику быстрого заключения мира, ненависть и принудить его признать создание Лиги Наций. Но он проглядел тот факт, что до своего отъезда в Париж отдал распоряжение о подготовке предварительного мира, включающего в себя военные, морские, территориальные, экономические и финансовые условия, которые могут выбить у него из рук, то оружие, которое он выбрал для борьбы против Лоджа. Сенат мог ратифицировать предварительный договор и, таким образом, заключить мир с Германией и мог отвергнуть последующий «окончательный» договор, который включал в себя создание Лиги Наций. Очевидно, что Вильсон не имел ни малейшего понятия о том, что мирный договор — именуемый «предварительным», — за который он выступал, в действительности мог восстановить мир.

Нежелание Вильсона относиться к лидерам союзников с бескомпромиссной враждебностью, несомненно, проистекало из его невежества в делах Европы. Он был на незнакомой почве и мог быть утрачен любыми пугалами, подобно угрозе о том, что его бескомпромиссная позиция по отношению к Ллойд Джорджу и Клемансо ввергнет всю Европу в большевизм. Он боролся с лидерами союзников не мужскими, а женскими средствами: возваниями, мольбами, уступками, подчинением.

Он возвратился во Францию как Сын Бога, собирающийся сражаться за Господа, своего Бога, которым, в его бессознательном, также был он сам. Он все еще верил в то, что Бог избрал его для того, чтобы дать миру справедливый и прочный мир, и надеялся, что, сделав «безопасность предшествующей миру», он сделал для себя возможным перевести переговоры в русло божественной проповеди. Несмотря на защиту Вильсоном «договоров о мире, к которым приходят в ходе открытого обсуждения», по прибытии в Париж 14 марта 1919 года он принял в офисе Хауза, расположенном в отеле «Крийон», Ллойд Джорджа и Клемансо. Вильсон был полон решимости перевести переговоры в русло божественной проповеди, не идти ни на какие компромиссы, а также направить лидеров союзников на праведный путь, а если они не изменят своих взглядов, то обрушить на них мощь Иеговы — отказать в финансовой поддержке США Англии, Франции и Италии, покинуть конференцию и объявить Ллойд Джорджа и Клемансо врагами человечества.

Редко в человеческой истории будущий ход мировых событий зависел от одного человека так, как он зависел в то время от Вильсона. Когда он встретился с Клемансо и Ллойд Джорджем 14 марта 1919 года, судьба мира зависела от характера его личности. Он начал сражаться за тот мир, который обещал человечеству, сделав самую расточительную уступку, которую когда-либо делал. «В момент энтузиазма» он согласился заключить договор о союзнестве, гарантирующий немедленное вступление США в войну на стороне Франции в случае нападения на нее Германии. Он сделал это по той же самой причине, по которой настаивал на гарантировании мира до заключения условий мира, чтобы сделать «безопасность предшествующей миру» и таким образом направить обсуждение действительных условий мира в русло братской любви. Вильсон надеялся возвысить Клемансо до духа братства посредством заключения соглашения. В своем безнадежном желании вести мирные переговоры в атмосфере

христианской любви и не прибегать к использованию оружия Иеговы он полностью забыл о том глубоком недовольстве, которое американцы и сенат питали к заключению «обязывающих союзов». Он также забыл и о том (в чем ранее был убежден), что союзы с европейскими державами противоречат интересам американского народа. Его предложение было жестом женщины, которая говорит: «Я полностью подчиняюсь вашим желаниям, так будьте же добры ко мне. Ответьте на мое подчинение равной уступкой». Но Клемансо остался Клемансо: стариком с навязчивым желанием силой добиться обеспечения безопасности Франции.

15 марта 1919 года Вильсон опубликовал удивительное «официальное заявление», ведя себя таким образом, как если бы он полностью забыл свои слова в Совете десяти от 12 февраля и свои приказания, данные Хаузу 14 февраля, говоря о предварительном договоре не как о своем детище, а как об «интриге» против него. В книге м-ра Бейкера «Вудро Вильсон и вопросы мирного урегулирования» это действие Вильсона описывается следующим образом: «...Тем временем он действовал с ошеломляющей смелостью и прямотой. В субботу утром, 15 марта, около 11 часов он связался по секретному каналу, непосредственно соединяющему рабочий кабинет в его резиденции с отелем «Крийон», со мной. Вильсон попросил меня опровергнуть молву, в то время повсеместно распространенную в Европе — и до некоторой степени и в Америке, — что будет иметь место сепаратный предварительный мирный договор с немцами за спиной Лиги Наций. «Я хочу, чтобы вы сказали, что мы находимся там же где находились 25 января, когда мирная конференция приняла резолюцию, делающую соглашение о создании Лиги Наций неотъемлемой частью общего мирного договора». Поэтому я составил заявление, принес его президенту и, получив от него одобрение, немедленно его опубликовал».

Далее следует это заявление:

«Сегодня, 15 марта 1919 года, президент заявил, что решение, принятое мирной конференцией на пленарной сессии 25 января 1919 года относительно образования Лиги Наций, должно стать неотъемлемой частью мирного договора. Оно является окончательным, и нет никаких оснований для сообщений о том, что намечается изменение этого решения...»

«Это смелое заявление, — продолжает Бейкер, — было подобно взрыву бомбы. Оно низвергло одним быстрым ударом наиболее важные постановления союзников, принятые во время отсутствия президента. Неясные тенденции, «темные силы», которые действовали в течение прошлого месяца, были повергнуты одним ударом... Это был удар огромной силы... Он разрушил паутину интриги, плетущейся во время его отсутствия, отложил рассмотрение всей программы предварительного договора, в которой Лига не должна была иметь места».

Нет сомнения в том, что Вильсон так же, как и Бейкер, считал, что все так и случилось. Бейкер в то время находился в ежедневном контакте с Вильсоном. По просьбе Вильсона он опубликовал «смелое заявление». Вильсон не читал окончательный вариант рукописи «Вудро Вильсон и вопросы мирного урегулирования», но дал Бейкеру документы и бумаги и выразил ему свое мнение по этому вопросу. Более того, Вильсон и миссис Вильсон были настолько довольны книгой Бейкера, что позднее поручили ему подготовку официальной биографии Вильсона. Поэтому несомненно, что Бейкер писал то, что думал Вильсон.

На самом же деле «бомба» Вильсона от 15 марта разрушила «интригу», которая существовала лишь в рассудке Вильсона. Ранее он сам выступал за заключение предварительного договора о мире и не упоминал о включении в него вопроса о создании Лиги Наций. Кроме того, не было никаких «неясных тенденций» или «темных сил». Присутствующие на конференции Клемансо и Ллойд Джордж сражались за те же самые требования, за которые они выступали в самом начале конференции. А поверить в то, что полковник Хауз участвовал, хотя и неясно, в

«интриге» с целью изменения всей программы Вильсона, значило уйти из реальности в страну фантазии, в которой факты являются воплощениями бессознательных желаний.

Итак, своим «заявлением» Вильсон сообщил человечеству, что не будет предварительного мира и что уставшим солдатам придется и далее сидеть в окопах, а населению Германии и Австрии — продолжать голодать в условиях блокады, пока не будет подписан окончательный договор о мире с включением в него Лиги Наций. Вильсон столь резко изменил свою позицию от 12 и 14 февраля, что 17 марта, 2 дня спустя после своей «бомбы», настаивал на том, чтобы мир был заключен одновременно с Германией, Австро-Венгрией и Турцией. В своем дневнике Хауз писал: «Так как и Австро-Венгрия, и Турция лишены возможности членства, они будут откладывать заключение мира на неопределенное время».

17 марта 1919 года, на встрече Высшего военного совета, Вильсон завершил свое уничтожение предварительного мирного договора, за заключение которого он выступал на собрании того же самого Высшего военного совета 12 февраля 1919 года. Он сказал, что имел в виду временное предварительное соглашение, пока не будет готов окончательный договор, и что оно явится кратковременным военным перемирием, условия которого будут включены в формальный договор. Если бы такое предварительное соглашение было представлено на рассмотрение сенату для общего обсуждения, то, как ему известно, прошло бы несколько месяцев, до того как оно могло быть ратифицировано.

Он не упомянул действительную причину своей оппозиции против предварительного договора, не сказав о том, что если предварительный договор был бы ратифицирован, то тогда бы то оружие, с помощью которого он надеялся заставить Лоджа смириться с созданием Лиги Наций, было бы выбито из его рук. Таким образом, возвращение Вильсона во Францию ознаменовалось двумя поразительными политическими акциями и двумя, в равной степени поразительными, эмоциональными реакциями: он предложил союз с Францией и объявил, что не будет заключаться никакого предварительного договора без создания Лиги Наций.

После 14 марта 1919 года Вильсон ежедневно встречался с Клемансо и Ллойд Джорджем на секретных переговорах и, по словам м-ра Бейкера, «сжав зубы, мужественно сражался, пытаясь посредством чистой логики и воззванием к более высоким мотивам заставить Клемансо изменить свою позицию, убедить его в том, что все эти военные средства никогда не гарантируют Франции того, что она в действительности хочет, и что имеются лучшие — не только более справедливые, но и более практичные — способы обеспечения будущего Франции». В приведенном выше описании лишь одно слово представляется нам до некоторой степени неточным: слово «мужественно», возможно, следует заменить словом «по-женски».

Клемансо слушал. 20 марта Хауз, которого Вильсон более не информировал о ходе своих обсуждений с главами государств, спросил у Клемансо, как обстоят дела. «Превосходно, — сказал Клемансо, — мы разошлись во взглядах по всем вопросам».

Трудно восхищаться стратегией и тактикой, применяемыми президентом США в его борьбе за достижение того мира, который он обещал человечеству, но невозможно не симпатизировать уставшему, больному человеку, который, цепляясь за свою веру в то, что Всемогущий Отец послал его на Землю для того, чтобы дать миру справедливый и прочный мир, растрачивал свои убывающие силы в призывах к Клемансо и Ллойд Джорджу. В конце концов, Вильсон стоял за человеческое достоинство, и, хотя он был слабым борцом за него, он стоял за дело, защищать которое почетно.

Ему было 62 года, уставший и больной, лишившийся единственного близкого друга из-за своего недоверия к нему, он был очень одинок. Клемансо оставался непоколебимым. Ллойд Джордж переходил от вопроса к вопросу с такой ошеломляющей быстротой, что Вильсон не успевал за ходом его мыслей. 26 марта Хауз сказал Вильсону, что «Ллойд Джордж отказывается от данного им накануне обещания включить соглашения о создании Лиги Наций в мирный договор, утверждая, что ничего не обещал». Президент ответил: «Тогда он лжет, ибо он не только согласился, но согласился в присутствии Орландо и Клемансо, которые могут подтвердить это». Бедный Томми Вильсон, который всю свою жизнь боготворил английских государственных деятелей и презирал французских, оказался в кризисной ситуации, презирающим Ллойда Джорджа и уважающим Клемансо.

К 27 марта Вильсон, все еще делающий призывы и воззвания, был близок к нервному коллапсу. Клемансо требовал 30-летней оккупации Рейнской области и аннексии Саара. В припадке раздражительности Вильсон ответил, что французы поднимают территориальные вопросы, которые не имеют ничего общего с военными целями какой-либо страны, что никто не слышал об их намерении аннексировать Саарскую область до того, как было подписано соглашение о временном перемирии. Клемансо гневно ответил: «Вы прогерманец. Вы хотите разрушить Францию». «Это неправда, и вы знаете, что это неправда», — ответил Вильсон. Затем Клемансо сказал, что, если Франция не получит Саар, он не подпишет мирный договор. Вильсон спросил: «Если Франция не получит того, что она хочет, она отказывается сотрудничать с нами? В этом случае не лучше ли мне будет вернуться домой?» «Я не хочу, чтобы вы отправились домой, но намереваюсь сделать это сам», — сказал Клемансо и, надев шляпу, покинул совещание.

М-р Бейкер следующим образом описывает то, что последовало далее: «В полдень, во время перерыва, президент, глубоко оскорбленный, отправился на продолжительную прогулку в Булонский лес». Во 2-й половине дня Вильсон выступил с речью, которая, по словам Грейсона, была одной из наиболее сильных речей, когда-либо произнесенных президентом.

«Речь Вильсона, — продолжает Бейкер, — очень растрогала м-ра Клемансо. Пожав президенту руку, он сказал: «Вы хороший человек, м-р президент, вы — великий человек». Хотя президент затронул чувства Клемансо, он не смог заставить его уступить. «Разновидность женского рассудка» — так охарактеризовал президент своего трудного оппонента».

Мнение Вильсона о том, что Клемансо обладает «разновидностью женского рассудка», проливает больше света на личность Вильсона, чем на личность Клемансо. Нельзя вообразить ничего менее женственного, чем отказ Клемансо быть повергнутым в прах разглагольствованиями Вильсона, и трудно представить себе что-либо более женственное, чем реакция Вильсона на поведение Клемансо в это утро. Клемансо нарушил границы вежливости. Он оскорбил Вильсона, и мало найдется мужчин, которые отказались бы после этого применить те мужские средства борьбы, которые были в руках Вильсона. Но Вильсон в своей речи снова обрисовал свое видение мира. Таким образом, ответ Вильсона был продуктом чистой женственности, а его замечание о том, что Клемансо обладает «разновидностью женского рассудка», явно было попыткой убедить себя в том, что его собственное поведение не является женственным, посредством перенесения своего собственного отношения на Клемансо. Как и всегда, он и в мыслях не мог допустить, что женственность взяла верх в его натуре. Compliment Клемансо был, несомненно, искренним.

Вильсон избегал, пока только это было возможно, личного контакта с Хаузом. Но вечером 2 апреля 1919 года он позвонил Хаузу по телефону, и Хауз

записал в своем дневнике: «Мы обсудили сложившуюся ситуацию от начала до конца... Он заявил, что старик упрям и что он не может заставить его прийти к решению. Что Вильсон в действительности имел в виду, так это то, что он не может заставить Клемансо прийти к его способу мышления... Президент спросил, считаю ли я, что Ллойд Джордж ведет с ним искренний диалог... Складывается общее впечатление о том, что Ллойд Джордж ведет его к разрыву с Францией... Я спросил Вильсона, ведутся ли кем-либо на встречах Совета четырех записи. Вильсон ответил, что профессор Мэнтоукс присутствует на встречах в качестве переводчика сеньора Орландо и делает какие-то записи. Президент признал, что, по его мнению, Мэнтоукс не любит его. И добавил: "Действительно, я не уверен в том, что кто-либо меня любит"».

В словах «действительно, я не уверен в том, что кто-либо меня любит» заключен искренний пафос. Они были сказаны президентом США, которого тремя месяцами ранее принимали Франция, Англия и Италия с такой искренней любовью и благоговением, что он казался всем и самому себе Властелином мира. И действительно, по его призыву все еще откликнулись бы и пошли за ним в бой столько людей, сколько их не имел никто ни до, ни после него. Он все еще оставался лидером всех идеалистов. Они были озадачены и обеспокоены, так как он не звал их на битву, но они еще не потеряли веру в него. Он сам потерял веру в себя. Конфликт между его решимостью вступить в борьбу, которая ожидала его, и его страхом борьбы снова сделал из него маленького Томми Вильсона: слабого, болезненного, в очках, с головными болями и диспепсией, который не осмеливался играть с грубыми мальчишками на улицах Огасты, ощущая себя изгоем.

На следующий день после своего разговора с Хаузом он занемог, испытывая полное нервное и физическое истощение. «Он был охвачен яростными приступами кашля, которые были столь сильными и частыми, что затрудняли его дыхание. У него была лихорадка с температурой 103 по Фарингейту и сильный понос... его состояние представлялось крайне тяжелым». Ранним утром 4 апреля 1919 года состояние Вильсона резко ухудшилось. Он корчился в постели от болей в животе, его рвало, не прекращался сильный понос с кровью. Он задыхался от кашля, испытывал стреляющую боль от воспаления предстательной железы и неврита в левом плече. Левую сторону лица сводило судорогой. Но физические мучения в данный момент были, возможно, менее страшными для него, чем умственные. Он стоял перед двумя альтернативами, обе из которых были ужасны. Он мог нарушить свои обещания и стать орудием в руках союзников, а не «принцем мира», или мог сдержать свои обещания отказать Европе в финансовой поддержке, заклеить Клемансо и Ллойд Джорджа, возвратиться в Вашингтон и оставить Европу на — что? — и себя на — что?

Он пришел в ужас от возможных последствий применения мужских средств борьбы, преувеличивая опасность и сводя до минимума шанс на успех. Достаточно было одной его угрозы покинуть Францию и оставить ее наедине с Германией, чтобы заставить Клемансо пойти на компромисс; достаточно было одного удара кнутом финансовых санкций, чтобы поставить Ллойд Джорджа на колени. Но больному человеку, прикованному к постели, мир снова начал представляться глазами маленького Томми Вильсона. Он воображал кошмарную картину возможных последствий своих действий. Он страшился, что его отъезд с конференции вызовет немедленное возобновление войны в Европе, что голодающие французские армии пройдут маршем по телам голодающих немцев, австрийцев, венгров, русских и установят в конечном счете мир намного хуже того, чем это может сделать он. Вильсон опасался, что такие события могут вызвать столь широкое революционное движение, что весь Европейский континент подпадет под власть большевизма, и, самое главное, он страшился даже мысли о такой возможности. Он

ненавидел и боялся коммунистов гораздо более сильно и глубоко, чем ненавидел и боялся милитаристов. В его теле не было ни искры радикализма. Он был «христианским государственным деятелем», посланным просветить капиталистический мир посредством пересказа божественной проповеди. Его видение совершенного мира было видением «новой свободы» — видением процветающих маленьких городков, подобных тем, в которых он прожил большую часть своей жизни. На самом деле коммунистическая революция как во Франции, так и в Англии была вне границ возможности, но она фигурировала в опасениях Вильсона. Снова и снова в эти дни и ночи, когда судьба мира зависела от его решения, он повторял: «Европа в огне, и я не могу подливать масла в огонь!»

А каков будет результат борьбы не на жизнь, а на смерть? Он представлял себе, как его поносят во всем капиталистическом мире, а это был его единственный мир.

Таким образом, альтернатива отъезда с конференции была для него непереносима; но его другая альтернатива была в равной степени непереносима. Одним из его самых глубоких чувств было чувство того, что, если он привел США к войне, он должен вести страну к войне за мир. Почти вся энергия его чрезмерно могущественной пассивности по отношению к отцу заряжала его бессознательное отождествление себя с Христом. Что подумают все те молодые люди, которые верили в него? Что он сам подумает о себе? Он предстанет перед миром не как Сын Бога, который вступил в войну, чтобы добиться королевской короны и получить ее, а как Сын Бога, который вступил в войну и проиграл, когда увидел крестное знамение.

Таким образом, 6 апреля 1919 года Вильсон принял решение либо отправиться домой, если в течение нескольких последующих дней Клемансо и Ллойд Джордж не согласятся с условиями мира, соответствующими их обещаниям заключить мир на основе 14 пунктов, либо настаивать на том, чтобы они открыто высказывали свои предложения, и таким образом бороться против них в открытую. Такое решение позволяло ему «увильнуть от затруднений» еще на несколько дней и снова выражало утешительную надежду на то, что он наконец-то сможет поднять мирную конференцию до уровня университетских дискуссионных клубов, в которых он доминировал за счет своей моральной честности и ораторского искусства.

И снова, как и в 1918 году, он надеялся, что ему не придется использовать мужественные средства борьбы.

Позднее, вечером того же воскресного дня, 6 апреля 1919 года, он, по-видимому, действительно пришел к решению сражаться. Он находился в постели, рядом с которой сидела с вязаньем в руках миссис Вильсон, когда Грейсон привел к нему Бернарда М. Баруха, близость которого с Вильсонами начала расти по мере охлаждения отношений с Хаузом. Вильсон сказал, что его терпение истощилось в спорах с англичанами, французами и итальянцами и придется каким-либо образом оказать на них давление. Барух предложил прекратить их кредитование. Вильсон решил держать корабль наготове, чтобы иметь возможность сразу же покинуть Францию, если Ллойд Джордж и Клемансо не захотят выполнять свои обещания заключить мир на основе 14 пунктов. Когда Клемансо, говоря о цели Вильсона, приказавшего привести корабль «Джордж Вашингтон» в Брест, сказал: «Это запугивание, не правда ли?» — Грейсон с полнейшей искренностью ответил: «Он ни на йоту не обладает ничем подобным в своем характере».

В то же воскресенье, 6 апреля 1919 года, Грейсон по просьбе одного из авторов этой книги пытался получить от Вильсона решение относительно предложения советского правительства о мире, срок которого истек 10 апреля. Вильсон, «однонаправленный разум» которого был целиком поглощен Германией,

сказал, что передал этот вопрос для рассмотрения Хаузу, и отказался лично беспокоиться о мире в России и с Россией. Ленин предлагал заключить немедленное перемирие на всех фронтах и признать де-факто установление антикоммунистических правительств, которые возникли в следующих областях на территории бывшей русской империи: 1) Финляндия, 2) Мурманск — Архангельск, 3) Эстония, 4) Латвия, 5) Литва, 6) Польша, 7) Западная Белоруссия, 8) Румыния, включая Бессарабию, 9) более половины Украины, 10) Крым, 11) Кавказ, 12) Грузия, 13) Армения, 14) Азербайджан, 15) весь Урал, 16) вся Сибирь.

Таким образом, Ленин предлагал ограничить власть коммунистов Москвой и небольшой прилегающей площадью плюс городом, известным теперь как Ленинград. Будучи коммунистом, Ленин, естественно, рассчитывал расширить область большевистского правления, как только он сможет безопасно это сделать, невзирая ни на какие обещания, которые он вынужден будет дать. Однако, сокращая коммунистическое государство до площади, немного больше той, которая была у первого русского диктатора, назвавшего себя царем, — Ивана Грозного, — Ленин предлагал Западу уникальную возможность предотвратить насильственное завоевание коммунистами прилегающих областей. Между прочим, Ленин также предложил принятие советской республикой долгов Российской империи.

Последствия отказа Вильсона обратить внимание на вопрос о России были значительными. Действительно, мы даже по сегодняшний день не знаем, сколь колоссальны могут быть последствия этого. Может оказаться и так, что отказ Вильсона перегружать свой «однаправленный разум» Россией в конечном счете окажется единственным, самым важным решением, которое он принял в Париже.

И мы можем быть шокированы, но не удивлены, узнав о том, что в полдень 8 апреля 1919 года, спустя менее 24 часов после того, как он сделал все эти заявления м-ру Бейкеру, он в первый раз после своей болезни принял премьер-министров и уступил их требованиям, приняв соглашение о репарациях, которое разрушило экономическую жизнь Европы. Хауз записал в своем дневнике: «К моей большой радости, они пришли к пробному соглашению по вопросу о репарациях. Президент уступил больше, чем, как мне казалось, ему следовало уступить, но не больше того, чем требовалось в данном случае».

Начиная с этого момента падение Вильсона к Версальскому договору было быстрым.

Весь поток человеческой жизни может быть изменен вследствие характера одного индивида. Если бы Мильтиад бежал из Марафона или Карл Мартелл бежал из-под Пуатье, западная цивилизация развивалась бы иным образом. И вся жизнь текла бы по-иному, если бы Христос отрекся от своей веры, стоя перед Пилатом. Когда Вильсон покинул Париж, поток западной цивилизации был направлен в такое русло, о котором не очень приятно размышлять.

Психологические последствия его морального поражения были, возможно, такими же серьезными, как и политические и экономические последствия. Человечество нуждается в героях, и так же, как герой, который оправдывает веру в него человечества, вносит свой вклад в развитие цивилизации, герой, который предает надежды человечества, снижает уровень развития общества. Вильсон великолепно проповедовал, обещал великие свершения, а затем позорно бежал от данных им обещаний. Обещать и убежать от обещаний не соответствует лучшей американской традиции и не является общепринятой линией поведения в Европе. Западному миру нелегко будет стереть из памяти трагикомическую фигуру своего героя, президента, который обещал и убежал от выполнения обещанного. Поэтому нам кажется, что мы не должны каким-либо образом оправдывать нашу попытку определить точную причину и момент поражения Вильсона.

Если бы Вильсон был жив и подвергся психоанализу, могло бы оказаться возможным точно определить, почему и когда он отказался от обещанной им борьбы. В действительности, располагая материалами об этом периоде, мы в состоянии указать лишь на возможную причину этого. Ясно, что кризис начался 3 апреля с болезни Вильсона и закончился 10 дней спустя. Так как вечером

7 апреля Вильсон, по-видимому, был преисполнен решимости вести борьбу и уступил в полдень следующего дня в важном вопросе репараций, никогда более не вступая в борьбу (за исключением второстепенного вопроса о порте Фиуме), то представляется очевидным, что в ночь с 7 на 8 апреля или утром 8 апреля он решил прекратить борьбу. Но 6 апреля он говорил Хаузу, что согласится с «репарационным компромиссом», так что его уступка 8 апреля была уступкой, которую он согласился сделать ранее. Действительно, начиная с этого времени он, возможно, вообще не принимал никаких решений и просто распадался как личность.

Вильсон не умел и не желал смотреть фактам в лицо, и ни одно из его будущих оправданий или действий не указывает на то, что он сознательно понимал правду о себе. Напротив, они указывали на то, что он вытеснил ее, загнав в бессознательное, а сознательно убедил себя в том, что путем компромисса достигнет всего того, и даже большего, что могло бы быть достигнуто вследствие борьбы.

Мы отмечали, что для того, чтобы разрешить внутренний конфликт, терзающий его, Вильсон нуждался лишь в нахождении некоторой рационализации, которая позволит ему одновременно уступить и остаться в своей собственной вере спасителем человечества. Мы находим, что он обнаружил не только одну такую рационализацию, а целых три! В месяц, последующий за его компромиссом 8 апреля 1919 года, Вильсон снова и снова повторял три рационализации. Конечно, его самой главной рационализацией была Лига Наций. Каждый раз, когда он шел на компромисс, несовместимый с обещанием, данным ранее человечеству, заключить мир на основании 14 пунктов, он говорил сопровождающим его лицам: «Я никогда не сделал бы этого, если бы не был уверен в том, что Лига Наций пересмотрит это решение». Он убедил себя в том, что Лига изменит все несправедливые постановления договора. Когда его спросили о том, как Лига сможет изменить договор, если она не является парламентом, а каждый член совета Лиги обладает абсолютным вето, он ответил, что в данное время Лига действительно не может изменить договор, но уверен, что когда-нибудь она станет столь могущественной, что сможет изменить его. Таким образом он освободил себя от какой-либо моральной ответственности бороться. В тот момент, когда он поверил в то, что условия мирного договора являются лишь временными и будут заменены постоянной Лигой, он мог поверить в то, что в действительности ничто не имеет большого значения, кроме существования Лиги. В это он крайне хотел верить, так как создание Лиги Наций, по его мнению, даровало ему бессмертие. Он закрыл глаза на тот факт, что Лига может оказаться временной, а условия мира — постоянными, пока они не будут изменены войной. В своем желании быть крестным отцом Лиги он абсолютно забыл о своей точке зрения, которой придерживался в прошлом году, а именно: просить американский народ вступить в Лигу Наций, чтобы гарантировать условия мирного договора, если этот договор будет столь справедливым, что сделает новые войны крайне маловероятными. Он так сильно нуждался в рационализации, что был способен закрыть глаза на тот факт, что Лига по своему существу являлась органом, который должен был гарантировать неизменность условий Версальского договора, а также поверить в то, что Лига по своей сути была органом, созданным для пересмотра тех самых условий мира, которые она должна будет гарантировать как неизменные! Путем использования этой

рационализации он смог одновременно подчиниться и сохранить свою веру в то, что все еще является спасителем человечества.

Его вторая рационализация была и продолжает быть вызывающей изумление. Он всегда был способен найти некоторый принцип для прикрытия поведения, которое является шокирующим для обычной человеческой личности и порядочности. Тем не менее вызывают удивление его уверения в том, что он сделал Версальский договор вопросом принципа. Вильсон изобрел великолепный софизм: он говорил своим друзьям, что так как прибыл в Европу для установления принципа международного сотрудничества, то должен поддерживать этот принцип и сотрудничать с Ллойд Джорджем и Клемансо даже за счет компромиссов, которые трудно было примирить с 14 пунктами. Его компромиссы, сделанные во имя принципа международного сотрудничества, делали его невозможным. Он боролся за международное сотрудничество, подготавливая решение о репарациях и «польский коридор»! Он применял этот принцип не к реальности, а к своей совести с таким успехом, что снова чувствовал себя освобожденным от обязанности бороться. Действительно, вопросом принципа стало не вступать в борьбу! И опять, как столь часто случалось в его жизни, красивая фраза пришла ему на помощь и убила злобный факт, который угрожал миру в его душе.

Его последней рационализацией был большевизм. Снова и снова он рисовал картины того, что произойдет, если он будет бороться и покинет мирную конференцию вместо того, чтобы пойти на компромисс. Снова и снова он повторял: «Европа в огне, и я не могу подливать масла в огонь». Таким образом, он окончательно смог убедить себя в том, что подавил свое личное мужское желание вести борьбу для того, чтобы спасти Европу от тех страшных последствий, которые были бы неизбежны при его участии в борьбе. Не сражаться стало для него равносильно принесению себя в жертву. Посредством такого, до некоторой степени окольного, пути рассуждений он смог еще более убедить себя в том, что жертвует собой ради благосостояния человечества и поэтому напоминает Христа.

Вильсон, по всей видимости, полностью и окончательно принял эти рационализации во 2-ю неделю апреля 1919 года. Ему хотелось верить в их законность, поэтому он поверил в них. Так крайне удовлетворительным для себя образом он избежал внутреннего конфликта, который мучил его. Но все его рационализации основывались на игнорировании фактов, а факты нелегко игнорировать. Человек может вытеснить знание о неприятном факте и загнать его в бессознательное, но оно остается там, пытаясь прорваться в сознание, и он вынужден вытеснять не только воспоминание об этом факте, но также все тесно связанные с ним другие факты для того, чтобы продолжать не помнить о нем. Его душевная целостность нарушается, и он неуклонно движется в сторону от этого факта, все более и более отрицая его существование. Человек, который «смотрит в лицо» фактам, какими бы неприятными они ни были, сохраняет свою душевную целостность. Его душевная жизнь, начиная с апреля и по сентябрь 1919 года, была диким бегством от факта. Такой душевный распад является добавочным указанием на то, что в апреле 1919 года он не мог «смотреть в лицо» своей женственности и страху, а просто окончательно ухватился за рационализации, которые позволяли ему уходить от правды. Во время этого кризиса Вильсон фактически был подавлен своей пассивностью и своим страхом перед отцом. Но, по-видимому, он никогда не позволил знанию этого факта пробиться в свое сознание. Очевидно, что, когда он решил позволить изменить 14 пунктов в Версальском договоре, он осознавал лишь самые благородные мотивы. Он предал то доверие, которое питало к нему человечество, как «дело принципа». Когда Вильсон решил уступить до конца, нежели вступить в борьбу, и спас свое отождествление со Спасителем, убедив себя в том, что Лига Наций изменит все несправедливые постановления, которые он может

допустить в мирном договоре, и установит прочный мир, он поразительно быстро пошел на уступки. 7 апреля он угрожал уехать с конференции, а неделю спустя, 14 апреля, договор о мире оказался настолько продвинутым, что германскому правительству предложили послать делегатов в Версаль для подписания договора.

Как мы видели, Вильсон настаивал на образовании Лиги Наций и дал гарантию с американской стороны в том, что мир будет заключен до определения каких-либо условий мира, в надежде на то, что посредством этого он сможет поднять переговоры на уровень божественной проповеди и избежать борьбы. А затем, в апреле, когда он испугался вступить в борьбу, принял создание Лиги как свое моральное оправдание. Ллойд Джордж и Клемансо наконец осознали, что Вильсон и помыслить не может о том, чтобы остаться без этой мечты, что он готов согласиться ради ее создания с любыми условиями мира. Так что, когда Вильсон возражал против условий заключения мира, которые нельзя было примирить с 14 пунктами, Ллойд Джордж вежливо напоминал ему о том, что дальнейшее сопротивление «положит конец Лиге Наций».

Нет необходимости детально описывать те уступки, которые Вильсон сделал в оставшиеся апрельские дни 1919 года.

Версальский договор был вручен немцам 7 мая в Веймаре. При его чтении президент национальной ассамблеи заметил: «Непостижимо, чтобы человек, который обещал человечеству справедливый мир, на котором будет основано содружество наций, мог поддержать этот проект, продиктованный ненавистью». Первый официальный ответ Германии на этот договор был дан 10 мая 1919 года. В нем говорилось, что «по существенным пунктам нарушены требования о справедливом мире, на которые согласились воюющие стороны», что некоторые из требований являются таковыми, что «их не потерпит ни одна нация» и что «многие из пунктов договора, вероятно, не могут быть осуществлены».

Это заявление привело Вильсона в ярость. Он стремился вычеркнуть из своей памяти тот факт, что заключил мир, который нельзя примирить с его 14 пунктами. Очевидно, что он отказался читать немецкую критику не потому, что ни во что ее не ставил, а потому, что она столь много значила для него. Его чрезмерно могущественное Супер-Эго все еще требовало, чтобы он был справедливым судьей человечества. И, в конце концов, именно он в свое время настаивал на том, чтобы союзники приняли как часть соглашения о временном перемирии его заявление от 27 сентября 1918 года, включавшее в себя требование справедливого отношения ко всем нациям. Ни один человек, который произносил бы такие речи, как он, и обладал таким Супер-Эго, не мог бы читать комментарии немцев по поводу договора без чувства личного стыда — возможно, вытесненного, однако жгучего. В конце концов, он предал человечество, и его чувство вины, должно быть, было громадным; и каждый раз, когда его внимание обращали на совершенное им предательство, его чувство вины, очевидно, грозило прорваться из его бессознательного в сознание.

Многие из соотечественников Вильсона почти ничего не знали о международных событиях и об условиях Версальского договора. Более того, под влиянием пропаганды они испытывали преувеличенную ненависть к Германии, так что строгость договора была близка им по духу. Но большинство американцев также выступало против «впутывания в дела Европы», и, так как Лига в качестве неотъемлемой части договора рассматривалась как впутывание США в европейские склоки, имело место значительное недовольство по поводу ратификации договора даже среди тех американцев, которые не возражали против его условий и были готовы нападать как на «прогерманца и большевика» на каждого, кто говорил правду об условиях заключенного мира.

Кроме того, те немногие американцы, которые более или менее разбирались в международных событиях и могли представить политические и экономические последствия такого мира, резко протестовали против его ратификации из-за порочности его условий. Даже среди членов американской делегации в Париже критика договора была яростной. Ремонтные требования, как предполагалось, ввергнут Европу в экономический хаос, политические требования посеют семена новых войн, а положения Лиги сделают возможным вовлечение США в такие войны. Эта критика, большей частью, проходила за закрытыми дверями, так как многие члены американской делегации чувствовали себя участниками преступления, соучастниками в совершившемся факте, а другие не решались подать в отставку из-за опасения прослыть «прогерманцами и большевиками». Однако 17 мая 1919 года один из авторов этой книги подал в отставку и открыл публичную атаку на договор публикацией следующего письма, адресованного Вильсону:

Уважаемый м-р Президент!

Я передал сегодня государственному секретарю прошение о своей отставке с поста помощника председателя государственного департамента, атташе американской комиссии по ведению переговоров о мире. Я был одним из миллионов, который полностью и беспрекословно доверял Вашему руководству и считал, что Вы не согласитесь ни с чем, кроме «прочного мира», основанного на «бескорыстной и беспристрастной справедливости». Но наше правительство согласилось в данное время подвергнуть страдающие народы земли новым притеснениям, зависимости и раздробленности, ведя человечество к новому веку войн. Я более не могу убеждать себя в том, что возможна эффективная работа за «новый порядок в мире» в качестве слуги этого правительства.

Россия, «большое испытание нашей доброй воли», как для меня, так и для Вас, не была даже понята. Несправедливые решения конференции относительно провинции Шаньдун, Тироля, Фракии, Венгрии, восточной части России, Данцига, Саарской области и отказ от принципа свободы морей делают новые международные конфликты неизбежными. По моему мнению, существующая в настоящее время Лига Наций будет беспомощна предотвратить эти войны и США будут втянуты в них вследствие обязательств, заключенных в договоре об образовании Лиги и в отношениях с Францией. Поэтому обязанностью правительства США перед своим народом и человечеством является отказ от подписания или ратификации этого несправедливого договора, отказ от гарантирования принятых в нем решений посредством неприсоединения к Лиге Наций, отказ от дальнейшего впутывания США в дела Европы вследствие особых соглашений с Францией.

Хорошо известно, что Вы лично значительно противодействовали принятию этих несправедливых решений и согласились на них лишь под огромным давлением. Тем не менее, по моему мнению, если бы Вы вступили в открытую борьбу, а не вели переговоры за закрытыми дверями, то мировое общественное мнение было бы на Вашей стороне. Вы смогли бы противостоять оказываемому на Вас давлению и, возможно, установили бы «новый международный порядок, основанный на всеобъемлющих и универсальных принципах правоты и справедливости», о которых Вы имели обыкновение говорить. Мне жаль, что Вы не сражались до конца за наше дело и что Вы питали столь малое доверие к миллионам людей, которые, подобно мне, верили в Вас.

Май 17, 1919

Искренне Ваш, Уильям С. Буллит

Влияние этого письма было огромным. Конечно, его заклеили как «пронемецкое» и «большевистское» те люди, которые были столь охвачены ненавистью к Германии и России, что не желали возвращаться к реальности. Но оно

породило всемирную волну одобрения и благодарности у тех, кто был знаком с реалиями международных отношений. Эта реакция была особенно сильна в Англии. Вильсон не ответил на письмо, но неделю спустя ему пришлось столкнуться с выражаемой в нем точкой зрения.

На мирной конференции Вильсон не пытался «набить себе карманы». Его презрение к Ллойд Джорджу и британской политике, взывающей к милосердию и в то же время грабящей, в июне 1919 года стало яростным. Развенчались все его детские иллюзии относительно благородства британских государственных деятелей. Он начал испытывать дружеские чувства к Клемансо, который говорил правду и не подслащивал требования Франции английским моральным мармеладом. Он устал от всей этой грязной сделки и хотел лишь скорейшего подписания договора, чтобы вернуться в Америку и добиться его ратификации сенатом, основав, таким образом, Лигу Наций. Чем большую критику в отношении договора высказывали Ллойд Джордж и другие, тем с большей отчаянностью Вильсон цеплялся за свою рационализацию о том, что Лига изменит все, что нужно изменить в договоре.

Силы Вильсона были на исходе. Его состояние вновь ухудшилось. С неохотой он предпринял давно откладываемую поездку в Бельгию и возвратился в Париж 20 июня. В этот день он, Клемансо и Ллойд Джордж уполномочили Фоша в случае отказа Германии подписать договор до 23 июня начать боевые действия. Вечером 23 июня договор был подписан.

Подчинение Германии не вызвало восторга у Вильсона. Его ненависть и отвращение почти ко всему человечеству (что в глубине души означало его ненависть и отвращение к себе) достигли фантастического уровня. Его переполняла раздражительность. И ненависть, которую он не осмеливался направить против Клемансо или Ллойд Джорджа, прорвалась против Пуанкаре, президента Французской Республики. Пуанкаре произнес речь по случаю прибытия Вильсона во Францию, которая заставила президента США усомниться в своих выдающихся риторических способностях. Он отказался присутствовать на прощальном банкете, который Пуанкаре намеревался дать в его честь. Ясно, что «нечто в его характере», удивившее участников мирной конференции, было его реактивным образованием против пассивности по отношению к отцу. Он боялся разрядить заряд либидо, который накопился у него против Клемансо и Ллойд Джорджа, несмотря на их крайне провокационное поведение по отношению к нему. И он временно уступил Лоджу, внеся поправки в договор о создании Лиги Наций, в надежде сделать этот договор приемлемым для Лоджа. Таким образом, либидо, наполнявшее реактивное образование против его пассивности по отношению к отцу, не находило выхода и достигло такого уровня интенсивности, что должно было против кого-то прорваться. Этой жертвой оказался Пуанкаре не только потому, что он был президентом, но и потому, что обладал большими риторическими способностями и, следовательно, являлся превосходным заменителем преподобного Джозефа Раглеса Вильсона. В конце концов Вильсон уступил Пуанкаре, и смешанный заряд либидо и инстинкта смерти снова не нашел выхода и оставался вытесненным, дожидаясь Лоджа.

28 июня 1919 года, в день подписания Версальского договора, Хаузу пришлось говорить с Вильсоном в последний раз. На следующий день он записал в своем дневнике: «Мой последний разговор с президентом не был обнадеживающим.

В день подписания договора Вильсон выступил перед американцами: «Был подписан мирный договор. Если он будет ратифицирован и выполняться искренне и в полном соответствии с заключенными в нем положениями, он заложит основу нового положения дел в мире. ...Он раз и навсегда покончит со старым и невыносимым порядком, при котором небольшие кучки эгоистичных людей могли использовать народы великих империй для удовлетворения собственного

честолюбивого стремления к власти и господству. ...При этом имеется возможность достижения глубокого удовлетворения, всеобщего спокойствия и искренней надежды».

Вильсон избежал чувства вины, которое переполняло Хауза, твердо цепляясь за веру в то, что Лига изменит любые несправедливости в договоре, а также что эти несправедливости не столь уж сильны. Он возвратился в Америку и сбросил с «крыльев своих желаний» те неприятные факты, которые беспокоили его до тех пор, пока не исчезли из поля зрения его рассудка. Теперь он смог заявить, что договор является почти совершенным, «99%-ной гарантией против войны».

Прогресс духовного и физического краха Вильсона, который последовал через 3 месяца после подписания им Версальского договора 28 июня 1919 года, можно проследить на основании внимательного изучения его публичных высказываний. Его душевное равновесие зависело от его способности заставить Лоджа подчиниться и от вытеснения им истины относительно мирной конференции.

Он представил договор для ратификации сенату 10 июля 1919 года и в своей речи, принимая во внимание его неустойчивое физическое и душевное состояние, был на удивление здравомыслящим.

В течение следующего месяца он мучился, ожидая решения сената. Договор был так же далек от ратификации, как и 19 августа 1919 года, когда состоялась встреча Вильсона с членами сенатского комитета, на которой обсуждался этот договор. Вильсон начал эту встречу с заявления, в котором пытался представить Лоджа противником желаемого нацией возвращения к мирной жизни. Он приписал застой американской торговли неудаче сената ратифицировать договор, применив, таким образом, то средство борьбы, ради сохранения которого разрушил «предварительный договор». Затем, отвечая на вопросы, он проявил крайний душевный распад. Его аргумент в отношении статьи X договора о создании Лиги Наций, приведенный в форме силлогизма, звучит следующим образом:

1. Статья X налагает определенные моральные обязательства.
2. Юридические законы менее важны, чем моральные обязательства.

Следовательно, возражения против статьи X неразумны, так как обязательства, принимаемые в ней, не являются юридическими, а следовательно, и обязательными».

Но еще более удивительным было его свидетельство относительно секретных договоров союзников. Он подтвердил, что ничего не знал о них до своего приезда в Париж на мирную конференцию, говоря: «Тогда для меня все открылось впервые». Далее, он заявил, что его не информировали о договоре, заключенном в Лондоне. Сенатор Джонсон перечислил список договоров, включая договор, заключенный в Лондоне, договор с Румынией и другие договоры, разделяющие «Малую Азию», и спросил: «Знали ли Вы о них что-либо до начала конференции?» — на что Вильсон ответил: «Нет, сэр, я могу с уверенностью сказать, что лично я ничего о них не знал».

Известно, что Вильсон был информирован о существовании секретных договоров в 1917 году, во время приезда Бальфура в Америку (если не ранее). И не остается никакой другой альтернативы, кроме как заключить, что Вильсон либо лгал, либо действительно забыл об этом, отвечая сенатору Джонсону. Однако он мало чего мог достичь, отрицая свое знание о существовании секретных договоров, и мог много потерять, если бы ему указали на то, что он лжет. И почти наверняка он мог быть пойман на этой лжи. Поэтому трудно поверить в то, что он лгал умышленно.

Осознание того, что он включил многие из условий секретных договоров в договор, который представил миру как реализацию своих 14 пунктов, было бы непе-

реносимым для него. Поэтому представляется вероятным, что он не лгал и что его вытеснение своего знания о том, что Версальский договор является претворением в жизнь секретных договоров, завоевало дополнительное место в его рассудке. Такое вытеснение факта существования секретных договоров, несомненно, получило усиление вследствие его бессознательного желания считать себя жертвой заговора — предательства Иисуса Христа.

После этой встречи с сенаторами физическое состояние Вильсона ухудшилось. Он решил, несмотря на возражения своего врача, жены и секретаря, отправиться в турне по Америке, чтобы призывать американский народ поддержать его в борьбе за договор.

Поездка Вильсона была крайним выражением невроза, который управлял его жизнью.

Он описал Версальский договор как: «Это ни с чем не сравнимое исполнение надежд человечества». Позднее в Ричмонде, штат Индиана, он сказал: «Это первый договор из когда-либо принятых великими державами, который заключен не в их пользу. Он является новым Священным писанием. Ни Англия, ни Франция, ни Италия не стремились добиться для себя какой-либо выгоды. Они аннексировали немецкие колонии, «расчленили» Австрию, Венгрию и Турцию, отделили Восточную Пруссию от Германии, «распотрошили» Тироль, конфисковали немецкий торговый флот и все немецкое частное имущество, на которое они могли наложить руки, и обложили Германию данью, без границ во времени или в размере выплат; но все это не в свою пользу!»

Вечером 5 сентября 1919 года во время вечерней речи в Сент-Луисе он заявил: «Истинной причиной только что закончившейся войны являлось опасение Германии по поводу коммерческой конкуренции других держав». Менее чем 24 часа спустя в Дес-Мойнесе, штат Айова, он заявил: «Деловые люди Германии не хотели войны, через которую мы прошли. Банкиры, владельцы предприятий и купцы знали, что война является несомненной глупостью. Почему? Потому, что Германия, вследствие своего индустриального гения, начинала экономически доминировать над миром и ей нужно было лишь подождать». То, что один и тот же человек мог произнести эти противоположные утверждения в пределах одних суток, указывает, что его рассудок все больше и больше подпадал под контроль бессознательного, в котором противоречия счастливо могут сосуществовать бок о бок, так как всемогущественным является желание, а не разум. Он добавил: «Формула пангерманизма, как вы помните, является — от Бремена до Багдада — от Бремена, расположенного у Северного моря, до Багдада в Персии». И завершил свою речь следующим описанием Версальского договора: «Я хочу сказать, что это ни с чем не сравнимое достижение разумной цивилизации. До своего последнего дня я буду считать высшей привилегией в своей жизни то, что мне было позволено поставить свою подпись на таком документе».

Вильсон не смог бы сделать столь извращающего истину утверждения, кроме как в качестве защиты против невыносимых укоров совести. Ясно, что он находился в «руках инквизиции», проводимой его Супер-Эго. Для того чтобы избежать своей душевной пытки, он готов был верить всему и говорить что угодно. К 6 сентября 1919 года его потребность забыть парижские события вплотную подвела его к психозу. Факты стали тем, во что он хотел верить. В последующую неделю стало ясно, что он желал верить в то, что заключил в Париже абсолютно такой договор, какой обещал заключить; что он выполнил все свои обещания и что Версальский договор был почти совершенен. В Спокане, Вашингтон, 12 сентября он заявил, что Версальский договор является «99%-ной гарантией против войны», причем это было не единственное его заявление такого рода.

На следующий день, 13 сентября 1919 года, у Вильсона начались сильнейшие головные боли, которые не прекращались до 26 сентября — до его краха как личности. Вдобавок вновь появились желудочные боли, повышенная раздражительность и т. д. Левую сторону лица сводило судорогой.

В воскресенье 14 сентября он отдыхал и молился. 15 сентября в Портленде, штат Орегон, он начал свою речь с утверждения: «Больше всего я уважаю факты», однако его речь содержала не факты, а устрашающие предсказания. В заключение он сказал: «Я рад за каждого, кто дожил до сегодняшнего дня. Я дожил до того дня, когда после изучения мной истории и традиций Америки, которому я посвятил большую часть жизни, мне внезапно предстает видение кульминации американской надежды и истории — все ораторы видят воплощенными свои мечты, если их дух смотрит с небес. Все люди, высказывавшие самые благородные пожелания Америке, оттаяли сердцем при виде великой нации, откликнувшейся на их пожелания и осуществляющей их мечты, говоря: "Наконец-то мир знает Америку как спасительницу мира!"». Трудно избежать впечатления, что в этот момент потребность маленького Томми Вильсона в одобрении своим «несравненным отцом» породила фантазию о том, что преподобный Джозеф Раглес Вильсон перегнулся через золотую перегородку рая и сказал: «Наконец-то знает весь мир, как всегда было известно мне, что мой Томми является спасителем человечества».

17 сентября в Сан-Франциско бедный Вильсон поднял Клемансо, Ллойд Джорджа и Орландо до уровня божественной проповеди, таким образом завершив, по крайней мере в собственном рассудке, то чудо, которое он столь долго и безуспешно пытался осуществить в Париже. Он описал мирную конференцию следующими словами: «Отблеск глубокого понимания человеческих дел освещает неторопливый ход этой конференции, равной которой нет в истории... Я рад, что после начала мною переговоров я вошел в небольшой коллектив, который назывался «Большой четверкой»... Это был очень непринужденный совет друзей. Задушевные разговоры, которые велись в маленькой комнате, определяли ход конференции, и они велись людьми, цели и намерения которых, полностью совпадали. Сердца людей, подобных Клемансо, Ллойд Джорджу и Орландо, бьются в унисон с сердцами народов мира, а также с сердцами народов их стран. Они испытывают те же чувства, что и мы с вами, и знают, что есть лишь один путь борьбы за мир, заключающийся в борьбе за справедливый мир».

В конце своей речи он сказал: «Мои соотечественники, я верю в Божественное провидение. Если бы я не обладал верой, я бы сошел с ума. Если бы я считал, что направление дел в этом беспорядочном мире зависит от нашего ограниченного разума, я не знал бы, как рассматривать мое стремление к здравомыслию; но я верю в то, что никакая группа людей, как бы они ни напрягали свои усилия или использовали свою власть, не может сокрушить это великое мировое предприятие, которое, в конце концов, является делом божьей милости, мира и доброй воли». Этот божественный договор был дан человечеству Сыном Бога — Вудро.

Таким образом к 17 сентября Версальский договор стал божественным, а на следующий день американская армия стала божественным войском: «Эта слава будет связываться с воспоминаниями о великой американской армии, которая не только разбила германские армии, но также принесла человечеству мир. Эта армия величественнее той, что сражалась за Святую землю, величественнее тех армий, которые пытались спасти гроб Господень, а также армий, сражавшихся под руководством мечтательной и чудесной девушки Жанны д'Арк, величественнее, чем армии американской революции, которые пытались освободить нас от несправедливого гнета Англии, и даже величественнее армий, сражавшихся в годы

Гражданской войны и спасших страну, ибо эта доблестная американская армия спасла человечество!»

В последующие дни бедный Вильсон все ближе и ближе приближался к «жертвенному алтарю», говоря, например, в Лос-Анжелесе 20 сентября 1919 года следующее: «Самым трудным, что мне пришлось перенести... было ношение гражданской одежды во время войны, не надевать военную форму, не рисковать ничем, кроме репутации. Мы знаем, что был воздвигнут алтарь, на который можно было принести более почетную жертву, чем та, которая когда-либо ранее выпадала на долю человечества, и мы желаем принести себя в жертву для блага человечества. Так мы и сделаем, мои сограждане». Человечество будет спасено, в крайнем случае кровью Вильсона.

Совершенство договора все возрастало, пока наконец 24 сентября в Чейенне, штат Вайоминг, они не стали шедевром человечества: «Этот договор является уникальным документом. Я осмелюсь сказать, что это самый замечательный документ в истории человечества, так как в нем записано полное уничтожение тех способов правления, которые были характерны практически для всей истории человечества... мы говорили, что это должен быть мир для всех народов. Таким он и стал. Ни один человек не сможет опровергнуть это утверждение, читая условия этого великого договора, с которым я возвратился из Парижа. Это настолько полный мир для всех народов, что в каждом пункте договора любая мысль о достижении личных выгод, о политическом или территориальном усилении великих держав отметалась, отбрасывалась в сторону самими представителями этих держав... Они не претендовали ни на один кусок территории».

Ясно, что, когда Вильсон произносил такие утверждения, он не лгал сознательно. Он начал с вытеснения своего знания о том, что сделал в Париже, и обычным способом вытесненная область захватила соседнюю территорию, пока для него не стало невозможным помнить, что он или кто-либо другой делал в Париже. Он был близок к психозу.

Вечером следующего дня, 25 сентября 1919 года, в Пуэбло, штат Колорадо, бедный маленький Томми Вильсон, который научился говорить подобно Богу, слушая своего «несравненного отца», говорил, как Бог, в последний раз. Факты в его речи были фантастически искажены: «Победители не притязают ни на пядь территории, они не требуют какого-либо подчинения своему диктату».

Однако конец речи был чудесным. Он задал вопрос: «Какие торжественные обещания мы даем тем, кто пал во Франции?» И ответил: «Эти люди были борцами за идею. Они сражались не для того, чтобы доказать мощь США. Они сражались за то, чтобы в мире восторжествовала правда и справедливость, и все человечество видит в них борцов за мир, а их ни с чем не сравнимый подвиг заставил все человечество поверить в Америку так, как оно не верит ни одной другой нации в современном мире. Мне видится, что между нами и отвержением или принятием этого договора стоят ряды этих парней в хаки, не только тех, которые все еще возвращаются или вернулись домой, но и тех дорогих нам душ, которые бродят по полям Франции».

Друзья, в последний день награждений я отправился на прекрасный косогор, расположенный недалеко от Парижа, где размещалось кладбище Суреснес, кладбище, отданное для погребения погибших американцев. Позади меня, на склонах, рядами стояли живые американские солдаты, а передо мной, на равнине, были ряды могил погибших американских парней. Справа от того места, где я произносил речь, стояла небольшая группа французских женщин, «усыновивших» эти могилы, женщин, которые сделались матерями этих дорогих всем нам душ, каждый день принося на их могилы цветы, как если бы они были их собственными погибшими сыновьями или любимыми. Они отдали свою жизнь за общее дело. Франция и весь

мир стали свободны, так как им на помощь пришла Америка! Мне бы хотелось, чтобы некоторые общественные деятели, которые в настоящее время выступают против принятия мирного договора, за который многие американцы отдали свои жизни, смогли бы посетить это место. Я бы хотел, чтобы желание, исходящее из этих могил, смогло проникнуть в их сознание. Как бы мне хотелось, чтобы они смогли почувствовать ту моральную ответственность, которая не позволяет нам обмануть ожидания этих парней, но заставляет нас продумать и довести дело до конца, оказавшись достойными их жертвы во имя человечества. Ибо от этого решения зависит освобождение и спасение людей и всего мира». Вильсон разрыдался. Он действительно верил в то, что принес божественный мир, за который умирали американские парни. Но эта вера была построена над зияющей ямой его чувства вины, зияющей ямой факта в его бессознательном.

Этой ночью в поезде последовал его душевный и физический крах как личности. Грейсону было ясно, что турне необходимо прервать. Посоветовавшись с Тьюмалти, он решил уговорить Вильсона вернуться домой. Вильсон со слезами на глазах умолял Грейсона и Тьюмалти позволить ему продолжать поездку, говоря: «Неужели вы не понимаете, что, если вы отмените эту поездку, сенатор Лодж и его друзья назовут меня трусом, поездка на Запад провалится и договор не будет ратифицирован?» Он не сказал то, что мы можем сказать за него, — неужели вы не понимаете, что, если вы отмените эту поездку, я не умру за человечество, я не буду Христом, не добьюсь победы над своим отцом и не буду Богом? Турне было прервано. Вильсон возвратился в Белый дом. 3 дня спустя в 4 часа утра он потерял сознание в ванной. Его разбил паралич.

По крайней мере, ясно, что им двигало желание к разрушению вследствие старого конфликта, который он никогда не был в состоянии разрешить, конфликта между его активностью и пассивностью по отношению к отцу. Он никогда не разрешил основную дилемму Эдипова комплекса и в конце концов был разрушен тем самым «несравненным отцом», который его породил. Вильсон прожил еще 4 года и 4 месяца. Мы не можем сделать каких-либо выводов относительно его характера до паралича на основании его поведения после паралича, так как невозможно сказать, сколь сильно физическое расстройство повлияло на его психическую жизнь. Его поведение могло вызываться более этой органической болезнью, нежели психическими причинами. Тромбоз, вызвавший паралич левой части тела, находился в правом полушарии мозга, контролирующем моторные функции, и на первый взгляд не затронул его рассудок. Но рассудок невротика является лишь орудием его бессознательного, и физические болезни мозга неизменно вызывают психические отклики. Тромбоз Вильсона породил явные изменения в его характере, и, хотя, может быть, не интересно исследовать физическую сущность, называемую Вудро Вильсоном, до могилы, мы должны признать, что как характер Томас Вудро Вильсон, которого мы изучали, умер 25 сентября 1919 года.

Вудро Вильсон, который продолжал жить, был патетическим инвалидом, ворчливым стариком, полным ярости, слез, ненависти и жалости к себе. Он был столь тяжело болен, что ему позволялось сообщать лишь такую информацию, которая не могла повредить его здоровью. Этот факт подкрепляет наше нежелание выводить любые заключения из его характера после паралича. Его поведение могло вызываться неправильной информацией или отсутствием информации. Он более не был независимым человеческим существом, а являлся инвалидом, нуждающимся в тщательном уходе. Официально он оставался президентом США до 4 марта 1921 года; но в течение последних 18 месяцев его правления миссис Вильсон была в большой степени главным должностным лицом США. Так как Вильсон считал, или по крайней мере говорил, что считает, будто «освобождение и спасение мира» зависит от ратификации договора, замечательно, что он никогда не проявил ни

малейшего желания идти на компромисс с Лоджем. Ранней весной 1920 года сенатор Хичкок умолял Вильсона сделать некоторую уступку Лоджу, говоря: «М-р президент, возможно, пришло время вручить Лоджу и его сторонникам в интересах справедливого решения вопроса оливковую ветвь мира». Вильсон ответил неумолимо: «Пусть Лодж протянет нам оливковую ветвь мира!»

Договор, вновь представленный на утверждение с поправками Лоджа, был еще раз отвергнут по просьбе Вильсона. Вильсон занял к этому времени позицию, при которой «ясным и единственным выходом из этого тупика» было «предоставление следующим выборам формы великого и торжественного референдума» относительно Лиги Наций. Он верил, что американский народ поддержит договор и сокрушит Лоджа. Но демократический кандидат потерпел поражение с разницей в 7 миллионов голосов, и Гардинг, один из «непримиримых» республиканцев, был избран президентом. «Они обесчестили нас в глазах мира», — сказал Вильсон Тьюмалти; но он продолжал верить, что каким-либо образом договор будет ратифицирован. «Вы не можете победить Бога!» — кричал он своим посетителям. Этот договор был Божьим договором. Он был написан Вудро Вильсоном.

Чем ближе он был к смерти, тем меньше вспоминал о тех днях, когда был президентом США, и все больше уходил в свою молодость. Снова и снова он возобновлял борьбу с Вестом и эмоционально переживал «предательство» Гиббена, забыв о неприязни к Лоджу и о «предательстве» Хауза. Снова и снова он рассказывал старые истории о своем «несравненном отце».

3 февраля 1924 года он умер во сне.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 6

Л.Я.Гозман, А.М.Эткинд

«Люди и власть: от тоталитаризма к демократии», из сборника статей "В человеческом измерении", Москва, "Прогресс", 1989 г.

Перед режимами открываются два пути: распад и преобразование. Нам повезло, мы застали и то и другое. Брежневская эпоха была временем распада, когда лидеры немощными руками цеплялись за последние символы культа власти, а народ смеялся над тем, что для него стало не более чем побрякушками. Но ни власть, ни общество не предлагали политической альтернативы. Отдельные выступления несогласных при всем их значении не меняли общее восприятие того, что имеющаяся власть, при всей ее нелепости, пребудет такой вечно. Ресурсы страны представлялись неисчерпаемыми и, казалось, могли бесконечно оплачивать все то, во что бездарное руководство обходилось стране. Власть по-прежнему видела себя тоталитарной, но в разных слоях общества зрели анклавные формы политического сознания. Разрушались основы тоталитарной механики, народ и власть больше не были монолитом, а распадались на большие и малые группы, живущие внутренними интересами. Одни пытались игнорировать власть, как интеллигенция. Другие — надо сказать, более успешно — старались освоить и подчинить власть, как деятели теневой экономики. Государство должно идти на какие-то изменения в собственной организации. Наиболее распространенным, психологически легким для власти путем является смягчение, известное послабление режима. При этом структура власти сохраняется, аппарат подавления держится в боевой готовности, но используется в значительно меньших масштабах. В последние годы режима Франко в Испании говорили, что положение в стране, как на дороге, когда полиция установила ограничение скорости, но не штрафует за его превышение. Граждане

спокойно и привычно нарушают правила, но все виноваты и в любой момент могут быть наказаны. Такой способ трансформации режима быстро демонстрирует свою неэффективность. Чувствуя слабость власти, активизируются различные антисоциальные группы, возникает мафия, теневая экономика и т.д. Противоречие между законом, по которому «ничего нельзя», и повседневной практикой, убеждающей, что «все дозволено», провоцирует на проверку реальных границ запретов. Это периодически толкает власть на защиту своего престижа, демонстрацию силы: в самосознании власти она еще остается тоталитарной, противодействие ей — оскорбление. Так среди всеобщего послабления возникают вдруг призраки прошлых суровых времен. Теряя последние рычаги, власть огрызается непоследовательными, бессмысленными, жесткими мерами, какими были процессы над диссидентами и директорами, бросающие сегодня специфический свет на все послесталинские десятилетия. При всем том, что различало, скажем, Иосифа Бродского и Ивана Худенко, оба они, как и тысячи других пострадавших, пытались просто заниматься своим делом, выделить узкую область компетенции, в которой могли бы реализовать себя помимо власти. Курчатову, Королеву, Туполеву это удалось, тут государство признало полезность их профессиональной независимости и пошло на локальные отступления от тоталитарной идеи. Всем тем, кто не претендовал, что их талант даст власти победу в будущей войне, нечего было рассчитывать на признание их профессионального достоинства. И все же власть отступила. Политические процессы так же не смогли помешать личной популярности диссидентов, как суловский контроль над идеологией не смог помешать распространению самиздата и второй культуры. Распоряжения властей систематически не выполнялись, все более массивные области жизни уходили из-под контроля, приказы приходилось повторять как заклинания, а чудеса все не приходили. Власть теряет магическую силу, за рубежом и у молчаливого большинства внутри страны формируется вполне адекватное представление о жизни. С уходом прежних верований меняется и политический идеал. Тоталитарная личность с ее энтузиазмом и скромностью уходит в легендарное прошлое. Карьеру делают циничные и безразличные к делу люди, пробивающие свой путь взятками и анонимками. Игра в личную верность начальству сочетается со сложными интригами за его спиной. Защищаясь от нелепости жизни, люди уходят в разные формы «социальной обороны»: в замкнутую от общества семью (мой дом — моя крепость), в хобби и появляющиеся «клубы по интересам», в мафиозные уголовно-экономические структуры, в церковь, в национальные движения. Власть, еще недавно бывшая всемогущей и всепроникающей, сталкивается со своей беспомощностью перед всем тем, что она клеймит как мещанство, местничество, ведомственность, национализм и что на деле является уродливо деформированным, но совершенно естественным процессом самоорганизации общества. Сохраняются, однако, и мощные зоны тоталитарного режима. В армии и партаппарате, школах и тюрьмах поддерживается атмосфера подчинения и единомыслия. Все это можно описать как процесс постепенного разложения тоталитарной власти и вытеснения ее иным типом власти — авторитарным. Нам представляется продуктивным предложенное А. Миграняном разделение авторитарных и тоталитарных систем. Авторитарная система, обеспечивая любым путем, в том числе и прямым насилием, политическую власть и не допуская в сфере политики никакой конкуренции, не вмешивается в те области жизни, которые не связаны с политикой непосредственно. Относительно независимыми могут оставаться экономика, культура, отношения между близкими людьми. Личная независимость в известных пределах не рассматривается как вызов существующей системе правления. Поэтому в авторитарных системах люди в принципе имеют возможность выбирать между различными центрами влияния или

конкурирующими друг с другом мафиями. В тоталитарной системе мафии невозможны; или, точнее, вся она представляет из себя одну огромную, победившую конкурентов мафию. Авторитарное общество в своем доведенном до логического конца варианте построено на принципе «разрешено все, кроме политики». Власть отказывается от несбыточных претензий на полный контроль и выделяет лишь несколько зон, в которых оставляет управление за собой: это собственная безопасность, оборона, внешняя политика, социальное обеспечение, стратегия развития и пр. Экономика, культура, религия, частная жизнь остаются без отеческого внимания. Такая организация власти в наиболее чистом виде существует в Южной Корее, Таиланде, Чили, постепенно она устанавливается в Китае. Авторитарные режимы оказываются устойчивыми, им удается сочетать экономическое процветание с политической стабильностью, и на определенном этапе общественного развития сочетание сильной власти со свободной экономикой является наилучшим из возможных. Отдавая богу богово, а кесарю требуя лишь кесарева, авторитарная власть способна удовлетворить все потребности граждан, кроме одной, но зато ее удовлетворить эта власть не может в принципе. Это — потребность в политике. Она существует у многих, доказательства легко найти в тех же антиутопиях, но у сильной власти есть хорошие шансы в борьбе с теми, для кого политическое участие выше личного благополучия. Рецепт давно известен. Булгаковский Понтий Пилат допрашивает Иешуа именно на этот предмет: занимался ли он политикой, упоминал ли имя великого кесаря, называл ли себя царем иудейским. Если нет — пусть делает, что хочет, пусть проповедует что угодно. Прокуратора интересует только политика, религия и мораль — вопросы не его, а специалистов-жрецов, которые не властны лишить человека жизни и свободы. Для Пилата достаточно, чтобы Иешуа отрицал свою прикосновенность к власти: политическое участие — дело субъективное. Но раз преступник говорит, что власть кесаря не вечна, приходится умыть руки. Решение Пилата — образец авторитарного управления. Далеко не худший способ применения власти в сравнении с современной Булгакову практикой. В нашей стране переход от тоталитарного к авторитарному режиму правления постепенно происходил — а кое в чем еще происходит — в течение всех десятилетий после 1953 года, но символом этих изменений стал приход к власти Ю.В. Андропова. Как специалист, он вряд ли заблуждался в истинном отношении народа к власти. Любви нет и не стоит ее добиваться — достаточно требовать послушания. Тональность идеологии стала меняться. Политическим идеалом власти стал профессионализм. Каждый должен заниматься своим делом. Честное и точное выполнение должностных инструкций лучше всякого энтузиазма поможет подъему страны. Специалисты нужны и в управлении страной, и в писании картин, и в науке, и в разведке. Все наши беды от некомпетентности, коррупции и безделья. Само по себе признание ценностей профессионализма было шагом вперед по сравнению с орденоносной бездарностью прежнего руководства. Это было понято и с надеждой принято обществом. Хорошая работа стимулировалась, однако, мерами, которые диктовались профессионализмом в области репрессий и полным дилетантизмом в политике. Массовые проверки того, кто чем занимается в рабочее время, стали образцом активной некомпетентности власти. В том же духе оказались выдержаны и позднейшие плоды — Указ о нетрудовых доходах и антиалкогольное законодательство. Авторитарное общество порождает глубокую пропасть между народом и властью, причем любых возможных мостов через эту пропасть чуть ли не в равной мере избегают и государство, и общество. Важнейшим феноменом авторитарного сознания является массовое отчуждение от власти. Для тоталитарного сознания отчуждение не характерно — люди сливаются с властью и идентифицируются с лидерами, либо становятся нелюдьми. Вместе с отчуждением авторитарный режим

порождает характерные чувства недоверия, тревоги, апатии и даже отвращения к действиям власти. Всякие, даже разумные, решения вызывают скепсис и горькую усмешку. Отчуждение от политики связано с подавлением некоторых основных человеческих потребностей и, как таковое, обязательно ведет к компенсаторным действиям. Алкоголизм, ставший образом жизни миллионов, был, как нам представляется, одним из побочных следствий отчуждения от политики. Авторитарный режим формирует новую интеллигенцию, которая уже не боится заниматься своим делом, но больше всего на свете не любит политику. Политика — грязное дело. Как говорил герой Чехова, порядочные люди в политику не суются. Мандельштам сказал: «Власть отвратительна, как руки брадобрея». Одни интеллигенты, продолжающие сотрудничать с властью, практиковали разлагающее их двоемыслие: лицемерие на собраниях было платой за возможность заниматься своим делом. Другие, имевшие мужество отказаться от сотрудничества, работали дворниками и шоферами и реализовывали себя в неофициальных социальных структурах — невидимых колледжах, артистических кафетериях, самиздатовских журналах второй культуры. Всех их объединяло глубокое неприятие политики. Даже диссиденты разделяли это общее чувство. Сергей Королев, проведенный 12 лет в лагере и ссылке за редактирование «Хроники текущих событий», важнейшего политического органа эпохи, говорит: «Лично мне и некоторым из хорошо мне известных правозащитников свойственно неистребимое интуитивное отвращение к политике». Лариса Богораз, вышедшая в 1968 году на Красную площадь с протестом против вторжения в Чехословакию, на изумленный вопрос корреспондента: «Разве то, чем вы занимались, не было видом политической деятельности?» — отвечает: «Я искренне надеюсь, что нет». Политическим идеалом авторитарного сознания являются независимость и профессионализм. Независимость — в пределах существующих законов, узаконивающих бесправие. Профессионализм — не обязательно на работе, в рабочее время надо пить чай и дружить с начальством. Все это ведет к половинчатости, расщепленности авторитарного сознания, беспомощному стоицизму. Интеллигентский уход от политики в эзотерические проблемы духовной жизни делает интеллигенцию еще более зависимой, а власти — еще менее компетентными. Уклонение обеих сторон от участия в общественном диалоге, шедшее с двух концов разрушение всех формальных и неформальных каналов обратной связи дорого обошлось нашему обществу. Интеллигенция состоит из людей, обязанных видеть, думать, предупреждать, и она, наряду с властью, несет ответственность за состояние нашего общества. К сожалению, она оказалась подвластна суевериям тоталитаризма и не сумела избавиться от них с переменой режима. Более того, многие из нас даже не почувствовали этой перемены. Некоторые не чувствуют ее и сегодня.

Подведем итоги нашего очерка типов политического сознания. Они различаются по пяти основным признакам.

Первым является характер и мера осуществления власти. В тоталитарном обществе это всеобщий, не знающий границ контроль и насилие; в авторитарном обществе возникают анклавов, недоступные контролю; в либеральном власть ведет диалог с независимыми группами, созревшими в этих анклавах, и сама определяет его результаты; в демократическом обществе власть осуществляется представителями граждан, избранными в соответствии с законом.

Вторым является отношение людей к власти: не «за» или «против» конкретной власти, а общая характеристика взаимодействий общества с политической властью. Для тоталитарного сознания характерно слияние с властью,

для авторитарного — отчуждение от власти, для либерального — влияние на нее, для демократического — выбор конкретных носителей власти. Статус горизонтальных социальных структур является третьим дифференциальным признаком, различающим разные типы организации власти. Тоталитарный режим разрушает любые горизонтальные структуры. Авторитарный допускает их в той мере, в какой они носят неполитический характер. Либеральный разрешает любые организации, кроме тех, которые претендуют на власть. В демократическом строе структура общественных организаций становится основой политической системы. В любом обществе есть своя сфера допустимого и запретного, и характер этих запретов является четвертым дифференциальным признаком. В тоталитарном обществе разрешено то, что приказано властью, все остальное запрещено. В авторитарном обществе разрешено то, что не имеет отношения к политике. В либеральном обществе разрешено все, кроме смены власти. В демократическом обществе разрешено все, кроме того, что запрещено законом. Пятым признаком является характер политических идеалов. Он определяет тот тип личности, который признается наиболее соответствующим целям власти, и тот тип власти, который наиболее соответствует ценностям общества. В тоталитарном обществе от власти требуется всемогущество, от людей — энтузиазм и скромность. В авторитарном обществе от власти требуется компетентность, от людей — профессионализм и послушание. В либеральном обществе от власти требуется нравственность, от людей — активность и безответственность. В демократическом обществе от власти и от граждан требуется одно — соблюдение законов. Как видим, с развитием политического сознания требования к властям и гражданам становятся все более умеренными. Но как же трудно их выполнить...

ПРИЛОЖЕНИЕ № 7

Из книги К. Хорни. «Невротическая личность нашего времени»,

М. 1993.

Чем более невыносимой является тревожность, тем более основательными должны быть меры защиты. В нашей культуре имеются четыре основных средства, которыми индивид пытается защитить себя от базальной тревожности: любовь, подчинение, власть и реакция ухода (отстранения).

Первое средство: получение любви в любой форме, может служить в качестве могущественной защиты от тревожности. Формулой здесь будет: если вы меня любите, вы не причините мне зла.

Второе средство, подчинение, может быть условно разделено в соответствии с тем, относится оно или нет к определенным лицам или институтам. Например, это может быть подчинение общепринятым традиционным взглядам, религиозным ритуалам или требованиям некоторого могущественного лица. Следование этим правилам или повиновение этим требованиям будет служить определяющим мотивом для всего поведения. Такое отношение может принимать форму необходимости быть "хорошим", хотя дополнительная смысловая нагрузка понятия "хороший" видоизменяется вместе с теми требованиями или правилами, которым подчиняются. Когда отношение подчинения не связано с каким-либо социальным институтом или лицом, оно принимает более обобщенную форму подчинения потенциальным желаниям всех людей и избегания всего, что может вызвать возмущение или обиду. В таких случаях человек

вытесняет все собственные требования, критику в адрес других лиц, позволяет плохое обращение с собой и готов оказывать услуги всем. **Далеко не всегда люди осознают тот факт, что в основе их действий лежит тревожность, и твердо верят, что действуют таким образом, руководствуясь идеалами бескорыстия или самопожертвования, вплоть до отказа от собственных желаний.** Для обоих случаев формулой является: **если я уступлю, мне не причинят зла.** Отношение подчинения может также служить цели обретения успокоения через любовь, привязанность, расположение. Если любовь столь важна для человека, что его чувство безопасности зависит от этого, тогда он готов заплатить за него любую цену, и в основном это означает подчинение желаниям других. Однако часто человек неспособен верить ни в какую любовь и привязанность, и тогда его отношение подчинения направлено не на завоевание любви, а на поиски защиты. Есть люди, которые могут чувствовать свою безопасность лишь при полном повиновении. У них столь велики тревожность и неверие в любовь, что полюбить и поверить в ответное чувство для них невообразимо.

Третье средство защиты от базальной тревожности связано с использованием власти - это стремление достичь безопасности путем обретения реальной власти, успеха или обладания. Формула такого способа защиты: **если я обладаю властью, никто не сможет меня обидеть.**

Четвертым средством защиты является уход. Предыдущие группы защитных мер имели одну общую черту - желание бороться с миром, справляться с трудностями тем или иным путем. Однако защита также может быть осуществлена посредством бегства от мира. Не стоит это понимать буквально как полное уединение; это означает достижение независимости от других в удовлетворении своих внешних или внутренних потребностей. Например, независимость в отношении внешних потребностей может быть достигнута через накопление собственности, что в корне отличается от накопления ради обретения власти или влияния. Использование данной собственности также иное. Там, где собственность копится ради достижения независимости, обычно тревожность слишком велика, чтобы извлекать из собственности удовольствия. Она оберегается со скупостью, потому что единственной целью является застраховать себя от всевозможных случайностей. Еще одно средство, которое служит той же самой цели стать внешне независимым от других, - ограничить свои потребности до минимума. Независимость в удовлетворении внутренних потребностей может быть найдена, например, в попытке эмоционального обособления. Это означает подавление своих эмоциональных потребностей. Одной из форм выражения такого отстранения является уход от серьезного отношения к чему бы то ни было, включая собственное "Я". Такая установка чаще господствует в интеллектуальных кругах. Не следует путать неприятие всерьез своего "Я" с тем, что собственному "Я" не придают важного значения. В действительности эти отношения могут быть противоречащими друг другу. Эти средства отстранения имеют сходство со способами подчинения и покорности в том, что и те и другие означают отказ от собственных желаний. Но, в то время, как во второй группе такой отказ служит цели быть "хорошим" или подчиняться желаниям других ради собственной безопасности, в первой группе мысль о том, чтобы быть "хорошим", не играет абсолютно никакой роли и целью отказа является достижение независимости от других. **Здесь формула такова: если я реагирую отстранением, уходом, ничто не заденет меня.** Для того чтобы оценить роль, которую играют в неврозах эти различные попытки защиты от базальной тревожности, необходимо осознать их потенциальную силу. Они вызываются не стремлением удовлетворить желание удовольствия или счастья, а

потребностью в успокоении. Это не означает, однако, что они каким-либо образом являются менее властными или менее настоятельными, чем инстинктивные влечения. Например, опыт показывает, что честолюбивое стремление может быть столь же сильным, как сексуальное влечение, или даже сильнее. Любой из этих четырех способов, при условии использования только его или преимущественно его, может быть эффективным в обретении желаемого успокоения, если жизненная ситуация позволяет следовать им без сопутствующих конфликтов - даже если такое одностороннее следование оплачивается ценой обеднения личности как целого.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 8

Фрагменты из книги А. Гитлера «Моя борьба»

«Ибо одно надо помнить и не забывать: большинство и здесь никогда не может заменить собою одного. Большинство не только всегда является представителем глупости, но и представителем трусости. Соберите вместе сто дураков и вы никак не получите одного умного. Соберите вместе сто трусов и вы никак не получите в результате героического решения. Но чем меньше становится ответственность отдельного руководителя, тем больше будет расти число таких типов, которые, не обладая даже минимальнейшими данными, тем не менее чувствуют себя призванными отдать в распоряжение народа свои бессмертные таланты. Многим из них просто невтерпеж, когда же наконец очередь дойдет до них. Они становятся в очередь в длинном хвосте и со смертельной тоской глядят, как медленно приближается их судьба. Они рады поэтому каждой смене лиц в том ведомстве, в которое они метят попасть. Они благодарны каждому скандалу, который может вытолкнуть из стоящих в хвосте впереди них хоть нескольких конкурентов. Когда тот или другой из счастливых, ранее попавших на теплое местечко, не хочет так скоро расстаться с этим местом, остальные смотрят на это, как на нарушение священных традиций и общей солидарности. Тогда они начинают сердиться и будут уже, не покладая рук, вести борьбу хотя бы самыми бесстыдными средствами вплоть до того момента, когда им удастся прогнать конкурента с теплого местечка, которое должно теперь перейти в руки других. Низвергнутый божок уже не так скоро попадает на то же самое место. Когда эта фигура снята с поста, ей придется опять стать в очередь в длинном хвосте, если только там не подымется такой крик и брань, которые помешают вновь занять очередь.

Результатом всего этого является ужасающе быстрая смена лиц на важнейших государственных должностях. Результаты этого всегда неблагоприятны, а иногда прямо таки катастрофичны. Чаще всего оказывается, что не только дурак и неспособный падает жертвой таких обычаев, но как раз способный человек, поскольку только судьба вообще дает возможность способному человеку попасть на руководящий пост. Против способного руководителя сейчас же образуется общий фронт. Как же, ведь он вышел не из "наших" рядов. Мелкие людишки принципиально хотят быть только в своей собственной компании. Они рассматривают как общего врага всякого человека с головой, всякого, кто способен среди нулей играть роль единицы. В этой области инстинкт самосохранения у них особенно обострен. Результатом всего этого неизбежно является все прогрессирующее умственное обеднение руководящих слоев. Какой результат при этом получается для нации и государства, это легко понимает всякий, если только он сам не принадлежит к этому же сорту "вождей".

Религиозная потребность сама по себе глубоко заложена в душе человека, но выбор определенной религии есть результат воспитания. Политическое же мнение массы является только результатом обработки ее души и ее разума - обработки, которая зачастую ведется с совершенно невероятной настойчивостью.

Наибольшая часть политического воспитания, которое в этом случае очень хорошо обозначается словом пропаганда, падает на прессу. В первую очередь именно она ведет эту "просветительную" работу. Она в этом смысле представляет собою как бы школу для взрослых. Беда лишь в том, что "преподавание" в данном случае

находится не в руках государства, а в руках зачастую очень низменных сил. Надо видеть эту низкую еврейскую манеру: сразу же, как по мановению волшебной палочки начинают поливать честного человека грязью из сотен и тысяч ведер; нет той самой низкой клеветы, которая не обрушилась бы на голову такой ни в чем неповинной жертвы; надо ближе ознакомиться с таким методом покушения на политическую часть противника, чтобы убедиться в том, насколько опасны эти негодяи прессы.

Для этих разбойников печати нет ничего такого, что не годилось бы как средство к его грязной цели. Он постарается проникнуть в самые интимные семейные обстоятельства и не успокоится до тех пор, пока в своих гнусных поисках не найдет какой-нибудь мелочи, которую он раздует в тысячу крат и использует для того, чтобы нанести удар своей несчастной жертве. А если несмотря на все изыскания он не найдет ни в общественной ни в частной жизни своего противника ничего такого, что можно было бы использовать, тогда этот негодяй прибегнет к простой выдумке. И он при этом твердо убежден, что если даже последует тысяча опровержений, все равно кое-что останется. От простого повторения что-нибудь да прилипнет к жертве. При этом такой мерзавец никогда не действует так, чтобы его мотивы было легко понять и разоблачить. Боже упаси! Он всегда напустит на себя серьезность и "объективность". Он будет болтать об обязанностях журналиста и т. п. Более того, он будет говорить о журналистской "чести" - в особенности, если получит возможность выступать на заседаниях съездов и конгрессов, т. е. будет иметь возможность воспользоваться теми поводами, вокруг которых эти насекомые собираются в особенно большом числе.

Именно эти негодяи более чем на две трети фабрикуют так называемое "общественное мнение". Из этой именно грязной пены потом выходит парламентская Афродита. Если же окажется, что тот или другой народ в своей борьбе за права человека потерпел поражение, то это значит, что он был слишком легковесен и недостоин сохраниться как целое на земле. Вечно справедливое провидение уже заранее обрекло на гибель тех, кто не обнаружил достаточной готовности или способности бороться за продолжение своего существования.

Для трусливых народов нет места на земле. Пусть запомнят это все тщеславные писаки нашего времени: великие перевороты в этом мире никогда не делались при помощи пера.

Нет, перу предоставлялось только теоретически обосновать уже совершившийся переворот.

Испокон веков лишь волшебная сила устного слова была тем фактором, который приводил в движение великие исторические лавины как религиозного, так и политического характера. Широкие массы народа подчиняются прежде всего только силе устного слова. Все великие движения являются народными движениями. Это - вулканическое извержение человеческих страстей и душевных переживаний. Их всегда вызывает к жизни либо суровая богиня-нужда, либо пламенная сила слова. Никогда еще великие движения - не были продуктами лимонадных излиятий литературных эстетов и салонных героев.

Повернуть судьбы народов может только сила горячей страсти. Пробудить же страсти других может только тот, кто сам не бесстрастен. Только страсть дарит избранным ею такие слова, которые как ударами молота раскрывают ворота к сердцам народа. Кто лишен страстности, у кого уста сомкнуты, того небеса не избрали вестником их воли.

Человеку, который является только писателем, можно сказать, что пусть он сидит за столом со своей чернильницей и занимается "теоретической" деятельностью, если только у него имеются для этого соответствующие способности; вождем же он не рожден и не избран.

Всякому движению, ставящему себе большие цели, нужно поэтому самым тщательным образом добиваться того, чтобы оно не теряло связи с широкими слоями народа.

Такое движение должно каждую проблему рассматривать в первую очередь именно под этим углом зрения. Все его решения должны определяться этим критерием.

Такое движение должно далее систематически избегать всего того, что может уменьшить или даже только ослабить его влияние на массу. И это не из каких-либо "демагогических" соображений. Нет. Этим надо руководствоваться по той простой причине, что без могучей силы народной массы ни одно движение, как бы превосходно и благородно ни были его намерения, не может достичь цели.

Пути к нашей цели определяются жесткой необходимостью. Кто не хочет идти неприятными путями, тому приходится просто-напросто отказаться от своей цели. Это не зависит от наших добрых желаний. Так уж устроен наш грешный мир. Еврейское государство никогда не было территориально ограничено; оно всегда было универсально с точки зрения территории, но очень ограничено с точки зрения собственного расового состава. Вот почему народ этот всегда и составлял государство в государстве. Одним из гениальнейших трюков, изобретенных евреями, является то, что они сумели контрабандно выдать свое государство за "религию" и этим обеспечили себе терпимое отношение со стороны арийцев, которым религиозная веротерпимость всегда была особенно свойственна. На деле религия Моисея есть не что иное, как учение о сохранении еврейской расы. Вот почему она и охватывает все необходимые для этого отрасли знания, в том числе социологию, политику и экономику.

Первопричиной к образованию всех человеческих общностей является инстинкт сохранения рода. Но именно благодаря этому государство является народным организмом, а не организмом хозяйственным. Это громадная разница, хотя и остающаяся совершенно непонятной современным так называемым государственным "деятелям". Наши государственные мужи полагают, что они могут построить государство исключительно на хозяйстве; в действительности же государство искони было и будет только продуктом той деятельности и тех свойств, которые заложены в первую очередь в воле к сохранению вида и расы. Эти последние свойства присущи не торгашескому эгоизму, а героической добродетели, ибо сохранение существования вида непременно предполагает готовность к самопожертвованию со стороны индивидуума. В этом и заключается смысл сказанного поэтом: "и кто свою жизнь отдать не готов, тот жизнью владеть недостоин". Готовность пожертвовать личным существованием необходима, чтобы обеспечить сохранение вида. Отсюда ясно, что важнейшей предпосылкой образования и сохранения государства является прежде всего наличие определенного чувства общности, основанное на принадлежности к одинаковому роду и виду, наличие готовности всеми средствами бороться за сохранение этой общности. У народов, располагающих своей собственной территорией, это приводит к процветанию

добродетели и героизма. У народов-паразитов это приводит к процветанию лицемерия и коварной жестокости если только эти последние малопочтенные качества не были уже первопричиной того, что данное государство вообще могло возникнуть. Образование того или другого государства всегда неизбежно (во всяком случае на первых ступенях своего развития) обуславливается именно вышеуказанными факторами. При этом в борьбе народов за свое самосохранение терпят поражение, т. е. попадают под иго и тем самым раньше или позже обрекаются на вымирание, именно те народы, которые отличаются наименьшим героизмом и наименьшими добродетелями, равно и те народы, которые не сумели во время разгадать лживость и коварство паразитарных государств. В этих последних случаях дело идет не столько о недостатке ума, сколько о недостатке мужества и решимости, причем недостаток мужества часто пытаются спрятать под мантией "гуманности". Вечной истиной остается следующее:

Никогда еще в истории ни одно государство не было создано мирной хозяйственной деятельностью; государства всегда создавались только благодаря инстинкту сохранения вида, независимо от того, определялся ли этот инстинкт героической добродетелью или хитрым коварством; в первом случае получались арийские государства труда и культуры, во втором случае - еврейские паразитарные колонии. Как только у того или другого народа или государства берут верх чисто хозяйственные мотивы, результат получается только тот, что само хозяйство становится причиной подчинения и подавления этого народа. Почти все попытки истребить то или иное учение при помощи голого насилия, без определенной идейной основы, которая стояла бы за насилием, кончились неудачей и нередко приводили к прямо противоположным результатам.

Но первой предпосылкой успеха кампании, ведущейся с помощью силы, во всяком случае является систематичность и настойчивость. Победить то или иное учение силой можно только в том случае, если сила эта прежде всего будет применяться в течение долгого времени с одинаковой настойчивостью. Но как только начинаются колебания, как только преследования начинают чередоваться с мягкостью и наоборот, так можно наверняка сказать, что подлежащее уничтожению учение не только будет оправляться от преследований, но даже будет крепнуть в результате их. Как только спадет волна преследований, подыметесь новое возмущение по поводу перенесенных страданий, и это только завербует новых сторонников в ряды преследуемого учения. Старые его сторонники еще больше закалятся в ненависти к преследователям, отколовшиеся были сторонники после устранения опасности преследования вернуться вновь к своим старым симпатиям и т. д. Главнейшей предпосылкой успеха преследований является таким образом непрерывное, настойчивое применение их. Но настойчивость в этой области может являться только результатом идейной убежденности. То насилие, которое не проистекает из твердого идейного убеждения, непременно будет не уверено в себе и будет испытывать колебания. Такому насилию никогда не хватит постоянства, стабильности. Только то мировоззрение, в которое люди фанатически верят, дает такое постоянство. Такая настойчивость зависит конечно от энергии и брутальной решимости того лица, которое руководит операцией. Исход дела поэтому в известной мере зависит также от личных качеств вождя. Кроме того необходимо иметь в виду еще следующее.

О каждом мировоззрении (будь оно религиозного или политического происхождения - провести здесь грань иной раз бывает трудно) можно сказать, что оно не столько борется за то, чтобы уничтожить идейную базу противника, сколько за то, чтобы провести свои собственные идеи. Но благодаря этому борьба получает не столько оборонительный, сколько наступательный характер.

Цель борьбы устанавливается тут легко: эта цель будет достигнута, когда собственная идея победит. Куда труднее сказать, что идея противника уже окончательно побеждена и победа над ней окончательно гарантирована. Установить момент, когда именно эта последняя цель может считаться достигнутой, всегда очень нелегко. Уже по одному этому наступательная борьба за собственное мирозерцание всегда будет вестись более планомерно и с большим размахом, нежели оборонительная борьба. В этой сфере, как и во всех областях, наступательная тактика имеет все преимущества перед оборонительной. Но насильственная борьба, ведущаяся против определенных идей, непременно будет носить характер оборонительной борьбы лишь до тех пор, пока меч сам не станет носителем, провозвестником и пропагандистом нового идейного учения.

В итоге можно сказать так:

Любая попытка побороть определенную идею силою оружия потерпит поражение, если только борьба против упомянутой идеи сама не примет форму наступательной борьбы за новое мирозерцание. Лишь в этом случае, если против одного мирозерцания в идейном всеоружии выступает другое мирозерцание, насилие сыграет решающую роль и принесет пользу той стороне, которая сумеет его применить с максимальной беспощадностью и длительностью.

Но именно этого до сих пор не хватало в той борьбе, какая велась против марксизма. Вот почему борьба эта и не привела к успеху. Начав все глубже вникать во все вопросы политики, я не мог не остановить своего внимания и на проблемах военной пропаганды. В пропаганде вообще я видел инструмент, которым марксистско-социалистические организации пользуются мастерски. Я давно уже убедился, что правильное применение этого оружия является настоящим искусством и что буржуазные партии почти совершенно не умеют пользоваться этим оружием. Только христианско-социальное движение, в особенности в эпоху Люэгера, еще умело с некоторой виртуозностью пользоваться средствами пропаганды, чем и обеспечивались некоторые его успехи.

Но только во время мировой войны стало вполне ясно, какие гигантские результаты может дать правильно поставленная пропаганда. Когда народы на нашей планете ведут борьбу за свое существование, когда в битвах народов решаются их судьбы, тогда все соображения о гуманности, эстетике и т. п. конечно отпадают. Ведь все эти понятия взяты не из воздуха, а проистекают из фантазии человека и связаны с его представлениями. Когда человек расстается с этим миром, исчезают и вышеупомянутые понятия, ибо они порождены не самой природой, а только человеком. Носителями этих понятий являются только немногие народы или, лучше сказать, немногие расы. Такие понятия как гуманность или эстетика исчезнут, если исчезнут те расы, которые являются творцами и носителями их.

Вот почему, раз тот или другой народ вынужден вступить в прямую борьбу за само существование на этом свете, все подобного рода понятия сразу получают только подчиненное значение. Раз понятия эти идут вразрез с инстинктом самосохранения народа, которому теперь приходится вести такую кровавую борьбу, они не должны более играть никакой сколько-нибудь решающей роли в определении форм борьбы. Задача пропаганды заключается не в том, чтобы дать научное образование немногим отдельным индивидуумам, а в том, чтобы воздействовать на массу, сделать доступным ее пониманию отдельные важные, хотя и немногочисленные факты, события, необходимости, о которых масса до сих пор не имела и понятия.

Все искусство тут должно заключаться в том, чтобы заставить массу поверить: такой-то факт действительно существует, такая-то необходимость действительно неизбежна, такой-то вывод действительно правилен и т. д. Вот эту простую, но и великую вещь надо научиться делать самым лучшим, самым совершенным образом. И вот, так же как в нашем примере с плакатом, пропаганда должна воздействовать больше на чувство и лишь в очень небольшой степени на так называемый разум. Дело идет о том, чтобы приковать внимание массы к одной или нескольким крупным потребностям, а вовсе не о том, чтобы дать научное обоснование для отдельных индивидуумов, и без того уже обладающих некоторой подготовкой.

Всякая пропаганда должна быть доступной для массы; ее уровень должен исходить из меры понимания, свойственной самым отсталым индивидуумам из числа тех, на кого она хочет воздействовать. Чем к большему количеству людей обращается пропаганда, тем элементарнее должен быть ее идейный уровень. А раз дело идет о пропаганде во время войны, в которую втянут буквально весь народ, то ясно, что пропаганда должна быть максимально проста.

Чем меньше так называемого научного балласта в нашей пропаганде, чем больше обращается она исключительно к чувству толпы, тем больше будет успех. А только успехом и можно в данном случае измерять правильность или неправильность данной постановки пропаганды. И уж во всяком случае не тем, насколько удовлетворены постановкой пропаганды отдельные ученые или отдельные молодые люди, получившие "эстетическое" воспитание.

Искусство пропаганды заключается в том, чтобы правильно понять чувственный мир широкой массы; только это дает возможность в психологически понятной форме сделать доступной массам ту или другую идею. Только так можно найти дорогу к сердцам миллионов. Что наше чересчур умное начальство не поняло даже этого, лишний раз говорит о невероятной умственной косности этого слоя.

Но если правильно понять сказанное, то отсюда вытекает следующий урок.

Неправильно придавать пропаганде слишком большую многосторонность (что уместно, может быть, когда дело идет о научном преподавании предмета).

Восприимчивость массы очень ограничена, круг ее понимания узок, зато забывчивость очень велика. Уже по одному этому всякая пропаганда, если она хочет быть успешной, должна ограничиваться лишь немногими пунктами и излагать эти пункты кратко, ясно, понятно, в форме легко запоминаемых лозунгов, повторяя все это до тех пор, пока уже не может быть никакого сомнения в том, что и самый отсталый из слушателей наверняка усвоил то, что мы хотели. Как только мы откажемся от этого принципа и попытаемся сделать нашу пропаганду многосторонней, влияние ее сейчас же начнет рассеиваться, ибо широкая масса не в состоянии будет ни переварить, ни запомнить весь материал. Тем самым результат будет ослаблен, а может быть, и вовсе потерян.

Таким образом, чем шире та аудитория, на которую мы хотим воздействовать, тем тщательнее мы должны иметь в виду эти психологические мотивы. Ведь миллионы народа состоят не из дипломатов и не из профессиональных юристов. Народ не состоит из людей, всегда способных здраво рассуждать. Народная масса состоит из людей, часто колеблющихся, из детей природы, легко склонных впадать в сомнения, переходить от одной крайности к другой и т.п. Как только мы допустили хоть тень сомнения в своей правоте, этим самым создан уже целый очаг сомнений и колебаний. Масса уже оказывается не в состоянии решить, где же кончается неправота противника и где начинается наша собственная неправота. Масса наша в этом случае становится недоверчивой, в особенности когда мы имеем дело с противником, который отнюдь не повторяет такой глупой

ошибки, а систематически бьет в одну точку и без всяких колебаний взваливает всю ответственность на нас. Что же тут удивительного, если в конце концов наш собственный народ начинает верить враждебной пропаганде больше, чем нашей собственной. Беда эта становится тем горше, когда дело идет о народе, и без того легко поддающемся гипнозу "объективности". Ведь мы, немцы, и без того привыкли больше всего думать о том, как бы не причинить какую-нибудь несправедливость противнику. Мы расположены думать так даже в тех случаях, когда опасность очень велика, когда дело идет прямо об уничтожении нашего народа и нашего государства. Душа народа отличается во многих отношениях женственными чертами. Доводы трезвого рассудка на нее действуют меньше, нежели доводы чувства.

Народные чувства не сложны, они очень просты и однообразны. Тут нет места для особенно тонкой дифференциации. Народ говорит "да" или "нет"; он любит или ненавидит. Правда или ложь! Прав или неправ! Народ рассуждает прямолинейно. У него нет половинчатости. Серьезная пропаганда существует не для того, чтобы

удовлетворять потребность пресыщенных интеллигентов в интересном разнообразии, а для того, чтобы убеждать прежде всего широкие массы народа. Массы же в своей косности всегда нуждаются в значительном промежутке времени, раньше чем они даже только обратят внимание на тот или другой вопрос. Для того же, чтобы память масс усвоила хотя бы совершенно простое понятие, нужно повторять его перед массой тысячи и тысячи раз.

Подходя к массе с совершенно различных сторон, мы ни в коем случае не должны менять содержание своей пропаганды и каждый раз должны ее подводить к одному и тому же выводу. Пропагандировать наш лозунг мы можем и должны с самых различных сторон. Освещать его правильность тоже можно по-разному. Но итог всегда должен быть один и тот же, и лозунг неизменно должен повторяться в конце каждой речи, каждой статьи и т.д. Только в этом случае наша пропаганда будет оказывать действительно единообразное и дружное действие. Нельзя не отметить также усилившуюся борьбу против догматов каждой из церквей. Что ни говори, а в нашем мире религиозные люди не могут обойтись без догматических обрядностей. Широкие слои народа состоят не из философов: для массы людей вера зачастую является единственной основой морально-нравственного мирозерцания. Пущенные в ход суррогаты религии не дали успеха. Уже из одного этого следует, что заменять ими прежние религиозные верования просто нецелесообразно. Но если мы хотим, чтобы религиозные учения и вера действительно господствовали над умами широких масс народа, то мы должны добиваться того, чтобы религия пользовалась безусловным авторитетом. Присмотритесь к обычной нашей жизни и условностям ее. Сотни тысяч умственно более высоко развитых людей отлично проживут и без этих условностей. Для миллионов же людей условности эти совершенно необходимы. Что для государства его основные законы, то для религии ее догмы. Только благодаря догмату религиозная идея, вообще говоря, поддающаяся самым различным истолкованиям, приобретает определенную форму, без которой нет веры. Вне определенных догматов церкви религия оставалась бы только философским воззрением, метафизическим взглядом, не больше. Вот почему борьба против догматов церкви есть примерно то же самое, что борьба против основных законов государства. Последняя приводит к государственной анархии, первая - к религиозному нигилизму. Политику приходится прежде всего думать не о том, что данная религия имеет тот или другой недостаток, а о том,

есть ли чем заменить эту хотя и не вполне совершенную религию. И пока у нас нет лучшей замены, только дурак и преступник станет разрушать старую веру.

Есть на свете много истин, казалось бы, совершенно очевидных, и тем не менее именно в силу их очевидности люди зачастую их не замечают или, во всяком случае, не понимают их значения. Мимо таких самоочевидных истин люди иногда проходят как слепые, а затем бывают чрезвычайно удивлены, когда кто-либо внезапно откроет то, что, казалось бы, все должны были знать. Куда ни кинешь взглядом, всюду тысячи колумбовых яиц, а вот самих-то Колумбов в жизни встречается совсем мало.

Все без исключения люди каждый день так или иначе общаются с природой, знакомятся с ее тайнами и воображают, что им понятно почти все, а между тем за единичными редкими исключениями люди совершенно слепо проходят мимо одного из важнейших явлений, связанных с их собственным бытием: а именно, люди совершенно не замечают, что все живущее на земле строго разделено на отдельные замкнутые в себе группы, из которых каждая представляет отдельный род или вид.

Уже при самом поверхностном наблюдении нельзя не заметить тот почти железный закон, что хотя жизненная энергия природы почти безгранична, формы размножения и продолжения рода и вида очень ограничены. Каждое животное спаривается только со своим товарищем по роду и виду. Синичка идет к синичке, зяблик к зяблику, скворец к скворчиче, полевая мышь к полевой мыши, домашняя мышь к домашней мыши, волк к волчице и т.д.

Изменить это могут только какие-либо чрезвычайные обстоятельства, прежде всего например обстановка лишения свободы или какие-нибудь другие обстоятельства, мешающие спариванию в пределах одного и того же рода и вида. В этих случаях природа тут же начинает оказывать сопротивление и выражает свой протест либо тем, что отказывает этим животным в способности к дальнейшему размножению или ограничивает рождаемость следующих поколений этих ублюдков. В громадном же большинстве случаев природа лишает этих ублюдков силы сопротивления болезням и нападению врагов. Это вполне естественно. В результате скрещивания двух существ, стоящих на различных ступенях развития, неизбежно получается потомство, ступень развития которого находится где-то посередине между ступенями развития каждого из родителей. Это значит, что потомство будет стоять несколько выше, нежели отсталый из родителей, но в то же время ниже, нежели более развитой из родителей. А из этого в свою очередь вытекает то, что такое потомство впоследствии должно будет потерпеть поражение в борьбе с более развитыми представителями рода и вида. –Такое спаривание находится в полном противоречии со стремлениями природы к постоянному совершенствованию жизни. Основной предпосылкой совершенствования является конечно не спаривание вышестоящего существа с нижестоящим, а только победа первого над вторым. Более сильный должен властвовать над более слабым, а вовсе не спариваться с более слабым и жертвовать таким образом собственной силой. Только слабые могут находить в этом нечто ужасное. На то они именно и слабые и ограниченные люди. Если бы в нашей жизни господствовал именно этот закон, то это означало бы, что более высокое развитие органических существ становится вообще невозможным.

Результатом этого заложенного во всей природе стремления к расовой чистоте является не только строгое отграничение отдельных рас друг от друга, но и известная однородность внутри каждой из них. Лиса всегда остается лисой, гусь - гусем, тигр - тигром и т.д.; разница тут может заключаться только в большей или меньшей выносливости отдельных экземпляров, в большем или меньшем уме,

понятливости и т. д. Но никогда нельзя встретить лисы, которая обнаруживала бы какие-нибудь гуманные намерения по отношению к гусю, как никогда мы не встретим кошки, склонной к дружбе с мышами.

Борьба между теми и другими является результатом не столько прирожденной вражды, сколько результатом голода и любви. В обоих случаях природа смотрит на эту борьбу с полным спокойствием и даже с известным удовлетворением. Борьба за пропитание приводит к тому, что наиболее слабое и болезненное терпит поражение. Борьба самцов из-за самки обеспечивает право и возможность размножения только за более сильным. Но всегда и неизменно борьба только способствует здоровью и увеличению силы сопротивления данного рода и вида. Тем самым борьба является фактором более высокого развития.

Если бы дело обстояло не так, то это означало бы, что на нашей земле вообще прекратилось бы прогрессивное развитие. Тогда скорее наступило бы обратное. С количественной стороны слабое всегда имеет перевес над сильным. И если бы способность к размножению у обоих была одинакова, то в течение некоторого времени слабое расплодилось бы в таких огромных размерах, что совершенно затмило бы собой сильное. Вот почему природа и вносит известную поправку в пользу более сильного. Эту поправку природа реализует тем, что ставит слабое в более тяжелые условия существования; таким путем природа ограничивает это слабое уже в количественном смысле; но мало того, природа делает еще отбор и из этого числа и предоставляет возможность к размножению лишь наиболее крепким и здоровым экземплярам.

Природа противится спариванию более слабых существ с более сильными. Но в еще большей степени противно ей смешение высокой расы с нижестоящей расой. Такое смешение ставит под вопрос всю тысячелетнюю работу природы над делом усовершенствования человека. Идя против железной логики природы, человек попадает в конфликт с теми принципами, которым он сам обязан своим существованием. Так, его борьба против природы неизбежно приводит к его собственной гибели.

Здесь приходится часто выслушивать истинно еврейское по своей наглости и совершенно глупое возражение современных пацифистов: "но ведь человек на то и человек, чтобы преодолевать природу!"

Миллионы людей бессмысленно повторяют эту еврейскую нелепость и в конце концов сами убеждают себя в том, будто люди могут "преодолевать" природу. Что хотят сказать этим наши пацифистские дурачки, в сущности говоря, даже понять нельзя. Не будем уже говорить о том, что на деле человеку еще ни в чем не удалось преодолеть природу; не будем говорить уже о том, что человеку в лучшем случае удастся лишь постигнуть ту или другую загадку или тайну частицы природы; не будем напоминать о том, что в действительности человек ничего не изобретает, а только открывает, т. е. другими словами, что не он господствует над природой, а природа над ним, и что только, постигнув отдельные законы природы и тайны ее, человеку удастся стать над теми существами, которые лишены этого знания; не будем уж говорить обо всем этом; достаточно будет констатировать, что никакая идея не в состоянии преодолеть то, что является предпосылкой бытия и существования, хотя бы уже по одному тому, что сама идея зависит только от человека. Вне человека не может быть никакой человеческой идеи на этой земле. Но ведь из этого вытекает, что сама идея предполагает сначала существование человека, а стало быть и всех тех законов, которые сами служат предпосылкой появления человека на земле. Что же! Идеи гуманизма и пацифизма действительно, может быть, будут вполне у места тогда, когда вышестоящая раса предварительно завоеует весь мир и в самом деле

станет господствовать над всей землей. Если так поставить вопрос, то идеи пацифизма и гуманизма перестанут быть вредными. К сожалению, только на практике такой ход развития трудно осуществим и, в конце концов, невозможен.

Итак - сначала борьба, а потом может быть и пацифизм! В ином случае пришлось бы сказать, что человечество прошло уже через свой кульминационный пункт развития и что нас ожидает не победа той или иной другой этической идеи, а варварство и в результате этого хаос. Пусть смеется, кто хочет, но ведь мы знаем, что наша планета в течение миллионов лет носилась в эфире без людей. Это вполне может повториться, если люди позабудут, что их существование подчиняется безжалостным железным законам природы, а вовсе не выдумкам отдельных слабоумных "идеологов".

Все, чему мы изумляемся в этом мире, - наука и искусство, техника и открытия - все это только продукт творчества немногих народов, а первоначально, быть может, только *одной* расы. От них и зависит существование всей нашей культуры. Если бы эти немногие народы погибли, то вместе с ними сошло бы в могилу все прекрасное в этом мире.

Все великие культуры прошлого погибли только в результате того, что творческий народ вымирал в результате отравления крови.

Причина этой гибели всегда в последнем счете лежала в забвении той истины, что всякая культура зависит от человека, а не наоборот; что таким образом, дабы сохранить культуру, надо сохранить данного творящего эту культуру человека. Но такое сохранение целиком подчинено железному закону необходимости, сохранению права на победу за более сильным и более высоким.

Итак, кто хочет жить, тот должен бороться, а кто в этом мире вечной борьбы не хочет участвовать в драке, тот не заслуживает права на жизнь.

Пусть это жестоко, но это так! По-нашему гораздо более горька участь того человека, которому кажется, что он в состоянии преодолеть природу, но который на деле только издевается над природой. В этом последнем случае природе ничего не остается, как ответить этому человеку болезнями, несчастьями, нуждой. Человек, не понимающий законов расового развития и пренебрегающий этими законами, сам себя лишает счастья, которым он мог бы воспользоваться. Такой человек мешает победному шествию лучшей из рас и тем самым уничтожает основную предпосылку всякого человеческого прогресса. Такой человек уподобляется беспомощному животному, несмотря на то, что он сохраняет органы чувств человека. Единственной причиной отмирания старых культур было

смещение крови и вытекающее отсюда снижение уровня расы. Люди гибнут не в результате проигранных войн, а в результате ослабления силы сопротивляемости, присущей только чистой крови.

Все в этом мире, что не есть добрая раса, является мякиной. Только проявления инстинкта сохранения рас имеют всемирно-историческое значение - как положительное, так и отрицательное. Прямую противоположность арийцу представляет иудей. Ни у одного другого народа в мире инстинкт самосохранения не развит в такой степени, как у так называемого, избранного народа.

Доказательством этому служит один факт существования этой расы на земле. Где вы найдете еще один такой народ, который в течение последних двух тысяч лет претерпел бы так мало изменений в смысле характера, внутреннего мира и т. д.? Какой еще другой народ принимал участие в столь громадных переворотах и тем не менее вышел из всех катастроф человечества таким же, каким был и раньше? Что за бесконечно цепкая воля к жизни, к сохранению своего рода и вида!

Интеллектуальные свойства евреев вырабатывались в течение тысячелетий. Еврей считается ныне очень "умным" и умным был он до известной степени во все

времена. Но ум его есть не результат собственного развития, а результат наглядных уроков, получаемых им на опыте других народов. Ум человеческий тоже не может подниматься вверх иначе как по ступенькам; при каждом шаге вверх ему надо опираться на фундамент прошлого, т. е. чувствовать за собою всю предыдущую культуру человечества. Всякое мышление в огромной мере является результатом опыта предыдущих времен и лишь в небольшой мере определяется мыслительными способностями данного человека. Человек, сам того не замечая, заимствует из опыта прошлого бездну знаний, созданных всей предшествующей культурой человечества. Вооруженный этими знаниями, человек постепенно идет дальше. Наш современный мальчик, например, растет в обстановке таких громадных технических завоеваний, что то, что сто лет назад являлось еще загадкой для самых выдающихся людей, для него теперь является чем-то само собою разумеющимся. Результаты технических завоеваний всех последних столетий оказывают громадное воздействие на нашего мальчика, между тем как он даже не замечает их. Если бы на минуту предположить, что из гроба может восстать какой-либо из самых гениальных людей, скажем, 20-х годов прошлого столетия, то несомненно, что ему трудней было бы ориентироваться во всей нашей обстановке, чем самому обыкновенному 15-летнему мальчику наших дней. И это по той простой причине, что воскресшему из мертвых гениальному человеку недоставало бы тех бесконечно важных сведений, которые люди за последнее столетие, так сказать, вобрали в себя, сами того не замечая.

Евреи, как мы уже знаем, никогда не имели своей собственной культуры (почему именно это так, мы объясним ниже).

И вот именно по этой причине умственное развитие евреев всегда находилось в зависимости от других народов. Интеллект евреев во все времена развивался за счет работы окружающего его культурного мира. Обратных примеров не было никогда. Инстинкт самосохранения развит у еврейского народа никак не меньше, а скорее больше, нежели у других народов; его умственные способности кажутся также не меньшими, нежели умственные способности других рас; но евреям похватает первой и основной предпосылки необходимой для самостоятельного культурного развития - идеализма.

Воля к самопожертвованию у еврея не идет дальше голого инстинкта самосохранения. Чувство солидарности у еврея проявляется внешним образом очень сильно, но на самом деле это только примитивный инстинкт стадности, который можно видеть и у многих других живых существ на этой земле. Инстинкт стадности побуждает евреев к взаимопомощи лишь до тех пор, пока им угрожает общая опасность. В этой обстановке они считают неизбежным и целесообразным действовать сообща. Возьмите пример любой стайки волков. Нападать на добычу они считают удобным сообща, но как только они насытили свой голод, они разбредаются в разные стороны. То же приходится сказать и относительно лошадей. Когда на них нападают, они держатся вместе. Как только опасность миновала, они бросаются врассыпную. Таков же и еврей. Его готовность к самопожертвованию только мнимая. Такая готовность существует у него лишь до того момента, пока этого безусловно требуют интересы безопасности отдельного еврея. Но как только общий враг побежден, угрожавшая всем евреям опасность устранена, добыча спрятана в надежное место, так тотчас же исчезает и мнимая гармония между самими евреями, уступая место их естественным инстинктам. Евреи единоклюшны лишь до тех пор, пока им угрожает общая опасность или пока их привлекает общая добыча. Как только исчезают эти два импульса, сейчас же вступает в свои права самый резко выраженный эгоизм. Народ, который только что казался единоклюшным, тут же превращается в стаю голодных грызущихся друг с другом крыс. Если бы евреи

были одни на этом свете, они неизбежно задохлись бы в своей собственной грязи и нечистотах. Вся их жизнь превратилась бы вероятно в сплошную истребительную борьбу друг против друга, разве только свойственная им всем трусость и отсутствие готовности к самопожертвованию превратили бы и собственную их войну в комедию.

Неверно было бы поэтому из того факта, что в борьбе против общего врага или, точнее, в борьбе за общий грабеж евреи выступают солидарно, умозаключение будто евреям не чужд известный идеализм. Нет, евреями и в этом случае руководит голый эгоизм. Вот почему и государство евреев территориально совершенно не ограничено. А между тем, ведь именно государство и должно являться живым организмом, служащим к сохранению и размножению расы. У евреев не может быть государства с определенной территорией, ибо такое государство требует того, чтобы населяющаяся его раса, во-первых, отличалась известным идеализмом, а во-вторых, имела бы правильное и здоровое представление о том, что такое труд. Если данной расе похватает того и другого, то об образовании ею государства с определенной территорией не может быть и речи; а тем самым отпадает и главная основа, на которой только и может возникнуть определенная культура. Вот почему мы и видим, что еврейский народ - при всем том, что внешне он кажется очень развитым - на самом деле никакой истинной культуры не имеет, а в особенности не имеет никакой своей собственной культуры. Внешняя культура современного еврея на деле есть только извращенная им культура других народов. Когда мы оцениваем роль еврейской нации в культурном развитии всего человечества, мы прежде всего не должны забывать того факта, что, например, еврейского искусства никогда не было на свете и нет и теперь; что, например, два главных вида искусства - архитектура и музыка - решительно ничем не обязаны

евреям. Подвиги евреев в области искусства сводятся только либо к сомнительным "усовершенствованиям" чужих произведений, либо к прямым плагиатам. Но это и значит, что евреям не хватает прежде всего тех важнейших дарований, без которых нет культурно-одаренной и творческой расы. Еврей умеет только подражать чужому искусству, а точнее будет сказать - искажать его. Это видно хотя бы уже из того, что чаще всего еврей подвизается в области сценического искусства, где собственной выдумки почти не нужно.

Нет, никакой культурно-созидательной силы евреи не представляют и представлять не могут по той простой причине, что у евреев недостает первой и основной предпосылки для этого: идеализма. Их интеллект не конструктивен, он только разрушителен. Только в редких единичных случаях евреи подадут импульс к чему-либо хорошему. Как правило же человеческий прогресс идет вперед не благодаря евреям, а вопреки им.

Евреи никогда не имели своего государства со своей определенной территорией, а по этой причине никогда не имели и своей собственной культуры. Между прочим, именно отсюда и возникло то представление, будто в лице евреев мы имеем дело с народом, ранее принадлежавшим к числу *номадов*. Это большая и опасная ошибка. Кочевые народы тоже всегда имели свою определенную территорию, они только не обрабатывали ее, как это делают оседлые крестьяне, а жили тем, что получали от своих стад, вместе с которыми они кочевали в пределах своей территории.

Причиной того, что кочевые народы поступали так, а не иначе являлось недостаточное обилие их почвы, в результате чего оседлая жизнь становилась просто невозможной. Еще более глубокая причина заключалась в разрыве между уровнем технической культуры данного народа и природной скудностью

его территории. Есть такие территории, где и арийцам только после тысячи лет технического развития удавалось заставить землю родить достаточно, чтобы можно было зажить оседлой жизнью. Пока арийцы не имели техники, им тоже приходилось либо избегать таких территорий, либо тоже вести кочевую жизнь, поскольку тысячелетние привычки оседлой жизни не делали для них совершенно непереносимой жизнь номадов. Напомним, что в эпоху открытия американского континента многочисленным арийцам пришлось вначале жить на положении охотников, дровосеков и т.д. и зачастую большими лагерями с женами и детьми, постоянно меняя место, вести жизнь почти совершенно такую же, как жизнь кочевников. Но как только число арийцев возросло и выросла их техника, как только им удалось в достаточной мере расчистить землю и подчинить себе туземцев, они начали селиться оседло. Очень вероятно, что и арийцы некогда были номадами и лишь с течением времени стали оседлыми. Но именно поэтому арийцы никогда ведь и не являлись евреями! Нет, евреи никогда не были кочевниками, ибо и у кочевников тоже было свое представление о "труде", послужившее основой всего дальнейшего их развития: у кочевников эта необходимая духовная предпосылка была налицо.

Пусть чувство идеализма у кочевников было развито только относительно слабо, но все-таки оно у них было. Вот почему арийские народы могли относиться к ним с известной симпатией. У евреев же именно ничего подобного не было.

Евреи никогда не являлись номадами, а всегда являлись паразитами на теле других народов. Если евреи иногда меняли свое местожительство, то это вытекало не из их собственных намерений, а было результатом только того, что время от времени их выгоняли те народы, гостеприимством которых они чересчур злоупотребляли. Евреи распространялись дальше именно так, как распространяются типичные паразиты. Они постоянно ищут только новой пищи для своей расы.

Но это ничего общего не имеет с кочевничеством, ибо еврей, занявший ту или другую территорию, и не думает потом ее очищать. Он остается там, где он сидит, и цепляется за эту территорию так крепко, что прогнать его оттуда можно только силой. Когда евреи найдут, что в других новых странах для них создалась подходящая обстановка, они начинают распространяться и туда. Однако, в отличие от номадов, они при этом ни в коем случае не покидают и свое старое жилье. Евреи были и остаются типичными паразитами, они живут за чужой счет. Подобно вредным бактериям, они распространяются туда, где для бактерий создается подходящая питательная среда.

Еврей несет с собой только смерть. Куда ни ступит его нога, там народ, до сих пор живший своим трудом, раньше или позже начнет вымирать.

Так во все время евреи гнездились в чужих государствах и образовывали внутри них свое собственное государство, маскируя последнее под псевдонимом "религиозная община". Под этим флагом евреи прятались до того момента, пока это казалось им выгодным. Но как только евреи чувствуют себя достаточно сильными, чтобы обойтись без этого прикрытия, они сбрасывают маску и являются перед изумленными людьми тем, чем они всегда были: евреями.

Евреи живут, как паразиты, на теле других наций и государств. Это и вырабатывает в них то свойство, о котором Шопенгауэр должен был сказать, что "евреи являются величайшими виртуозами лжи". Все существование еврея толкает его непрерывно ко лжи. То же, что для жителя севера теплая одежда, то для еврея ложь.

Длительно жить среди других народов евреи могут лишь до тех пор, пока им удается создавать представление, будто евреи не особый народ, а только особая

"религиозная община". Вот вам первая большая ложь. Чтобы длительно вести жизнь паразита на теле других народов, евреям опять-таки приходится скрывать важнейшие черты своего характера. Чем интеллигентнее каждый отдельный еврей, тем скорее удастся ему этот обман. Дело доходит до того, что значительные группы трудящегося народа, среди которого живут евреи, действительно начинают верить, что перед ними француз или англичанин, немец или итальянец, имеющий только свою особую религию. Жертвой этого обмана особенно легко становятся власти предрешающие, ибо они реже всего отличаются особой гениальной прозорливостью. В кругах "начальства" самостоятельное мышление иногда считается прямо грехом. Только этим и можно объяснить то обстоятельство, что, например, в аварском министерстве внутренних дел и до сих пор понятия не имеют о том, что евреи являются определенным народом, а вовсе не одной лишь определенной "религией". А между тем, достаточно было бы нашему мудрому начальству хотя бы немножко заглядывать в еврейские газеты и тогда им не трудно было бы разгадать загадку. Но разве начальство обязано читать какие-либо газеты, кроме официальных? Ну, а так как газета "Еврейское эхо" еще не является официальным правительственным органом, то в нее конечно можно и не заглядывать.

Евреи всегда представляли собою определенный народ с определенными расовыми свойствами и никогда не являлись просто религиозной общиной... Только условия жизни еврейского народа уже с ранних пор побудили его искать такое средство, которое отвлекло бы чрезмерное внимание от сынов этого народа. Какое же другое средство могло показаться евреям более невинным и вместе с тем более целесообразным, кроме того, чтобы спрятаться под маской религиозной общины? Присвоив себе видимость религиозной общины, евреи опять совершили кражу. На деле евреи не могут представлять собою и религиозной общины хотя бы потому, что им и для этого не хватает необходимого идеализма, а тем самым не хватает веры в какую бы то ни было загробную жизнь. Между тем, любая религия, как она свойственна арийцам, требует именно известной веры в загробную жизнь. Посмотрите на талмуд. - Разве эта книга для загробной жизни? Нет, эта книга посвящена исключительно вопросу о том, как создать себе на практике жизнь лучше в этом лучшем из миров.

Чтобы как следует изучить еврея, лучше всего проследить тот путь, который он прошел в течение столетий, гнездясь среди других народов. Чтобы получить необходимые выводы, достаточно проследить это только на одном примере. Так как все еврейское развитие во все времена было в общем одно и то же, среди каких народов ни жили бы евреи, то лучше всего будет описать это развитие схематически. Для простоты мы будем обозначать отдельные периоды развития буквами алфавита.

Первые евреи появились в Германии в период продвижения римлян. Как всегда, они явились в качестве торговцев. В грозе и буре великого переселения народов евреи как будто вновь исчезли. Поэтому, эпоху нового проникновения евреев в центр и на север Европы приходится считать со времени образования первых германских государств. Во всех тех случаях, когда евреи проникают в среду арийских народов, мы видим в общем одну и ту же картину развития. Как только возникают первые места прочной оседлой жизни, евреи внезапно тут как тут. Сначала евреи появляются в качестве торговцев, считая еще необходимым скрывать свою народность. Черты внешнего расового различия между ними и тем народом, который оказывает им гостеприимство, еще слишком бросаются в глаза. Значение чужих языков у евреев еще слишком мало развито. А с другой стороны, и сам народ, оказывающий им гостеприимство, еще слишком представляет собою замкнутое целое. И вот в

результате всего этого еврей вынужден выступать открыто как торговец и как чужой. При ловкости еврея и при неопытности того народа, у которого он ищет гостеприимства, еврейю для данного периода даже выгодно выступать открыто, ибо чужаку идут особенно охотно навстречу как гостю.

б) Затем евреи начинают постепенно пролезать в хозяйственную жизнь, выступая при этом не в роли производителей, а исключительно в роли посредников. При их тысячелетнем торговом опыте и при беспомощности, а также безграничной честности арийцев евреи сразу завоевывают себе известное превосходство, и через короткое время вся торговля грозит стать монополией евреев. Еврей начинает выступать в роли заимодавца, причем деньги дает только на ростовщических процентах. Проценты вообще изобрел еврей. Опасностей ростовщичества вначале никто не замечает. Наоборот, так как кредит в начале приносит некоторое облегчение, то все его приветствуют.

в) Затем еврей становится оседлым. Другими словами, он угнездился в определенных городах, местечках, в определенных кварталах и все больше образует государство в государстве. Торговлю и все вообще денежные дела он начинает рассматривать как свою собственную привилегию, и этой привилегией он пользуется до конца.

г) Затем кредит и торговля стали полностью его монополией. Еврейское ростовщичество начинает вызывать некоторое сопротивление. Возрастающая еврейская наглость порождает возмущение, а рост его богатства - зависть. Чаша переполняется, когда еврейю удастся сделать и землю объектом своих торговых операций. Сам еврей на земле не работает, он рассматривает ее как объект своей жадной эксплуатации, предоставляя христианину по-прежнему обрабатывать эту землю, с тем только что нынешний владыка будет выжимать из него соки. Благодаря этому возникает уже открытая ненависть к евреям. Евреи уже настолько тиранят народ и настолько высасывают его кровь, что дело доходит до эксцессов. Теперь к этим чужакам начинают внимательнее присматриваться и открывают в них все более отталкивающие черты. В конце концов создается непроходимая пропасть.

В годы особенно тяжелой нужды терпению приходит конец, и разоренные евреями народные массы в отчаянии прибегают к мерам самопомощи, чтобы как-нибудь избавиться от этого бича божия. В течение нескольких столетий народные массы на своей спине испытали гнет евреев, и теперь они начинают понимать, что одно его существование равносильно чуме.

д) Но теперь только еврей по-настоящему начинает разворачиваться. При помощи гнусной лести он пролезает в правительственные круги. Он пускает в ход свои деньги и обеспечивает себе новые льготы, дающие ему возможность по-прежнему грабить. Если народный гнев против этих пиявок там или сям приведет к вспышке, то это тем не менее не мешает евреям через некоторое время появиться в том же самом месте вновь и опять взяться за старое. Никакие преследования не в состоянии отучить евреев от их системы эксплуатации людей, никакими преследованиями от них, надолго не спастись. Проходит небольшой промежуток времени, и еврей, нисколько не изменившись, опять тут как тут.

Чтобы избегнуть по крайней мере самого худшего, евреям запрещают приобретать земли, дабы таким образом не позволить ростовщикам сосредоточить в своих руках еще и земельные фонды.

е) Поскольку за это время усилилась власть князей, еврей теперь начинает пролезать и в эту среду. Новые владыки почти всегда находятся в трудных финансовых обстоятельствах. Еврейю охотно приходят к ним на "Помощь" и за это выклянчивают у них льготы и привилегии. Как дорого ни заплатил бы еврей за

эти последние, все равно проценты и проценты на проценты в течение короткого времени покروют ему все расходы. Как настоящие пиявки, евреи присасываются к телу несчастного народа, пока наступает момент, когда князья снова нуждаются в деньгах, и тогда они из самой пиявки выпускают немного крови в свою пользу. После этого игра начинается сначала. Роль, которую при этом играют так называемые немецкие князья, нисколько не лучше роли самих евреев. Эти господа князья были настоящим наказанием Божиим для их "возлюбленных" народов. Роль этих господ можно сравнить только с ролью иных современных министров.

Именно немецких князей должны мы благодарить за то, что немецкой нации так и не удалось окончательно избавиться от еврейской опасности. К сожалению, в этом отношении ничего не изменилось и в более поздние времена. Впоследствии сами евреи сторицей воздали князьям мира сего за все те преступления, которые эти владыки совершили по отношению к своим народам. Князья мира вступили в союз с дьяволом и были наказаны поделом.

ж) Опутав господ князей, евреи затем приводят их к гибели.

Медленно, но неуклонно позиции князей ослабевают, ибо они перестали служить своим народам и начали думать только о себе. Евреи прекрасно отдают себе отчет в том, что конец этих владык близок, и они с своей стороны стараются только ускорить этот конец. Сами евреи делают все возможное, чтобы увеличить их нужду в деньгах, для чего стараются отвлечь их от действительно важных задач; ползая перед ними на коленях и усыпляя их гнусной лестью, евреи втягивают "своих" князей во все мыслимые пороки, стараясь сделать себя самих как можно более незаменимыми в глазах своих покровителей. Опираясь на свое дьявольское искусство во всем, что связано с деньгами, евреи самым бесстыдным образом подсказывают своим покровителям все новые, все более жестокие средства выкачивания последней копейки из подданных. Большие фонды, собираемые самыми жестокими средствами, пускаются на ветер. Тогда евреи придумывают новые средства ограбления народа. Каждый двор имеет своих "придворных евреев", как стали называть этих чудовищ. Их главная функция - придумывать новые средства выкачивания денег из народа ради безумных удовольствий правящей клики. Кто же удивится после этого, что за такие заслуги вырождаков человеческого рода начинают еще возводить в дворянское достоинство. Разумеется, институт дворянства становится благодаря этому только смешным, но яд благополучно проник и в эту среду.

Теперь евреи еще лучше используют свои привилегии в своих интересах. В конце концов еврею надо только креститься, и он получит все права и преимущества коренных граждан. Он охотно пойдет и на это. Представители церкви будут радоваться по поводу нового завоеванного сына церкви, а сам этот "сын" - об удавшемся гешефте.

з) Теперь в еврейском мире начинается новая полоса. До сих пор евреи слыли евреями, т. е. они не старались выдать себя за кого-либо другого, да это было и невозможно, так как слишком резко еще были выражены расовые черты евреев, с одной стороны, и окружающих их народов, с другой. Еще в эпоху Фридриха Великого никому не могло придти в голову видеть в евреях что-либо другое, чем "чужой" народ. Еще Гете ужасался по поводу одной мысли, что на будущее закон уже не запрещает браков между христианами и евреями. А ведь Гете, упаси боже, не был реакционером или другом рабства. В Гете говорил только голос крови и здравого рассудка. Вопреки всем позорным махинациям придворных кругов сам народ инстинктивно видел в евреях чужеродное тело и соответственно этому относился к ним.

И вот теперь наступила пора, когда все это должно было перемениться. В течение более чем тысячи лет евреи настолько изучили языки приютивших их народов, что теперь они решаются уже начать затушевывать свое еврейское происхождение и как можно настоятельнее начать подчеркивать, что они "немцы". Как это ни смешно, как это ни чудовишно, а у евреев все-таки хватает наглости объявлять себя "германцами", в данном случае "немцами". Начинается самый гнусный обман, какой только можно себе представить. Из всего немецкого еврей с грехом пополам овладел только способностью говорить на немецком языке, - да и то на каком ужасном немецком языке. Только на этом знании языка он обосновывает свою принадлежность к немецкому народу. Но ведь действительный признак принадлежности к определенной расе заложен исключительно в крови, а вовсе не в языке. Это лучше всего знают евреи. Именно поэтому они так и блюдают чистоту своей собственной крови и вовсе не придают большого значения чистоте своего собственного языка. Человек легко может взять себе другой язык и пользоваться им с большими или меньшими удобствами. Но, и пользуясь новым языком, он будет выражать на нем свои старые мысли. Внутренний же мир человека измениться не может. Лучше всего это видно на примере именно еврея - он может говорить на тысяче языков и все-таки остается тем же евреем. Его характерные особенности останутся теми же, какими они были, когда он две тысячи лет назад торговал хлебом в древнем Риме и говорил на латинском языке, и какими они являются в наш век, когда он спекулирует мукой и коверкает немецкий язык. Еврей остался все тот же. Что этой простой истины никак не могут усвоить иные современные тайные советники и высокопоставленные полицей-президенты, в этом мало удивительного. Ведь редко найдешь людей столь бездушных и столь лишенных всякого здорового инстинкта, как иные представители наших самых "высоких" сфер.

Мотивы, по которым евреи теперь решают начать выдавать себя за "немцев", совершенно очевидны. Евреи чувствуют, что почва начинает уходить из-под ног княжеских владык, и евреи начинают поэтому заблаговременно создавать для себя новую платформу. К тому же и их финансовая власть над всем нашим хозяйством достигла уже таких размеров, что, не имея всех "государственных" прав, евреи не могут уже далее удерживать всю систему; во всяком случае без этого евреям трудно расширять свое влияние дальше. Но удержать завоеванные позиции и добиться роста своего влияния еврею необходимо во что бы то ни стало. Чем выше восходят евреи по ступеням власти, тем больше влечет их старая заветная конечная цель: достижение полного господства над всем миром. Наиболее дальновидные из евреев замечают, что эта цель приблизилась уже совсем вплотную. Вот почему теперь все главные усилия направлены на то, чтобы завоевать себе всю полноту "гражданских" прав. Такова действительная причина того, что еврей старается развязаться с гетто.

и) Так "придворный еврей" медленно и постепенно превратился в обыденного "народного еврея". Конечно еврей по-прежнему будет стараться оставаться в окружении высоких господ; он будет проявлять даже еще больше рвения, чтобы проникать в эту среду. Но в то же время другая часть еврейской расы делает все возможное, чтобы подделаться под народ. Задача эта не легка для евреев. Припомните только, сколь много грешил еврей в отношении народной массы в течение долгих веков, как безжалостно высасывали евреи из массы последние соки, как постепенно народные массы научились ненавидеть еврея и видеть в нем прямую кару божия). Да, нелегкая это задача изображать из себя "друга человечества" как раз в глазах тех, с кого в течение столетий еврей сдирает кожу. Евреям теперь приходится вначале предпринять кое-какие

шаги, которые хоть немного заставили бы народную массу позабыть о прежних их преступлениях. Отсюда и то, что евреи начинают играть роль филантропов и благодетелей. Они имеют для этого весьма прозаические основания, и поэтому евреям отнюдь не приходится руководиться библейским правилом - пусть левая рука не знает, что дает правая. Евреи ставят себе задачей, чтобы как можно большее количество людей узнало, как близко к сердцу принимает теперь еврей страдания народных масс и на какие громадные личные жертвы готов он пойти в интересах общества. Со свойственной ему прирожденной скромностью еврей теперь на весь мир трезвонит о своих собственных заслугах и делает это до тех пор, пока ему и впрямь в этом отношении начинают верить. Лишь очень несправедливые люди откажутся теперь поверить в щедрость евреев. В течение короткого времени евреям начинает удаваться представить дело так, будто и вообще во все предыдущие времена к ним относились только несправедливо, а вовсе не наоборот. Особенно глупые люди начинают этому верить и начинают высказывать искреннее сочувствие бедным, "несчастливым", обиженным евреям. Разумеется, при этом приходится иметь в виду, что при всей своей "щедрости" еврей себя не забывает и теперь. Они очень хорошо умеют считать. Еврейские "благоденствия" очень похожи на то удобрение, которое употребляется в сельском хозяйстве. Ведь расходы на удобрение всегда окупаются сторицей. Но как бы то ни было, спустя короткое время весь мир уже знает, что евреи ныне превратились в "благодетелей и друзей человечества". Какое замечательное превращение, не правда ли!

Что люди должны приносить известные жертвы для других, к этому, вообще говоря, привыкли. Но когда известные жертвы приносят евреи, это не может не повергнуть в изумление, ибо от них этого никто никогда не ожидал. Вот почему даже пустяковые даяния евреев за считаются им больше, нежели кому бы то ни было другому. Мало того. Евреи неожиданно становятся также либералами и начинают вслух мечтать о необходимости человеческого прогресса. Постепенно евреи становятся выразителями стремлений всей новой эпохи. На деле вся просвещенная деятельность евреев направлена конечно на то, чтобы разрушить все основы действительно общепольной хозяйственной работы. Через овладение акцией евреи контрабандным путем проникают в кругооборот всего национального производства, превращают нашу промышленность в простой объект купли-продажи и таким образом вырывают из-под наших предприятий здоровую базу. Именно благодаря этой деятельности евреев между работодателями и рабочими возникает та внутренняя отчужденность, которая впоследствии приводит к классовому расколу. Наконец через биржу еврейские влияния достигают ужасающих размеров. Евреи становятся уже не только фактическими владельцами наших предприятий, но к ним же переходит действительный контроль над всей нашей национальной рабочей силой. Чтобы усилить свои политические позиции, евреи ныне стараются покончить со всеми расовыми и гражданскими перегородками, мешающими им теперь на каждом шагу. С этой целью евреи теперь со свойственной им цепкостью начинают борьбу за религиозную веротерпимость. Франкмасонство, находящееся целиком в руках евреев служит для них превосходным инструментом в мошеннической борьбе за эти цели. Через нити масонства евреи опутывают наши правительственные круги и наиболее влиятельные в экономическом и политическом отношениях слои буржуазии, делая это настолько искусно, что опутываемые этого даже не замечают. Трудненько только евреям опутать весь народ как таковой или, вернее сказать, то его сословие, которое как раз пробудилось к новой жизни и готовится вести борьбу за свои собственные права и свободу. Это-то как раз и является сейчас главным предметом заботы для евреев. Евреи прекрасно чувствуют, что

окончательно достигнуть своей цели они могут лишь в том случае, если на нынешней стадии развития кто-нибудь им протопчет дорогу. Выполнить эту задачу по их расчетам должна была бы для них буржуазия, включая самые широкие слои мелкой буржуазии и мелкого люда вообще. Но перчаточников и ткачей не поймашь на тонкую удочку франкмасонства, тут нужны средства более простые, но вместе с тем столь же действенные. Таким средством в руках евреев является пресса. Со всей цепкостью овладевают евреи прессой, пуская в ход для этого все уловки. Получив в свои руки прессу, евреи начинают систематически опутывать общественную жизнь страны, при помощи прессы они могут направить дело в любую сторону и оправдать мошенничество. Сила так называемого "общественного мнения" теперь находится целиком в руках евреев, а что это значит, теперь хорошо известно. При этом еврей неизменно изображает дело так, что лично он жаждет только знаний; он восхваляет прогресс, но по большей части только такой прогресс, который ведет других к гибели. На деле же и знания и прогресс еврей всегда рассматривает под углом зрения их пользы только для еврейства. Если он не может получить от них пользы для еврейского народа, он станет самым беспощадным врагом и ненавистником науки, культуры и т. д. Все, чему он научается в школах других народов, всем этим он пользуется исключительно в интересах своей собственной расы.

Свою собственную народность евреи в эту фазу охраняют более, чем когда бы то ни было. Направо и налево кричат евреи о "просвещении", "прогрессе", "свободе", "человечности", и т. д. а сами в то же время строжайшим образом соблюдают чистоту своей расы. Своих женщин они, правда, иногда навязывают в жены влиятельным христианам, но что касается мужчин, то тут они принципиально не допускают браков с другими расами. Евреи охотно отравляют нрав других наций, но, как зеницу ока, охраняют чистоту своей собственной крови. Еврей почти никогда не женится на христианке, зато христиане часто женятся на еврейках. Таким образом в еврейской среде людей смешанной крови не оказывается. Часть же нашего высшего дворянства в результате кровосмешения гибнет окончательно. Евреи прекрасно отдают себе отчет в этом, и они совершенно планомерно прибегают к этому способу "обезоруживания" идейного руководства своих расовых противников. Чтобы замаскировать все это и усыпить внимание своих жертв, евреи все громче и громче кричат о необходимости равенства всех людей, независимо от расы и цвета кожи, а дураки начинают им верить.

Но всеми своими чертами еврей все-таки продолжает еще отталкивать широкую массу людей, от него все еще пахнет чужаком. И вот для удовлетворения массы еврейская пресса начинает изображать евреев в таком виде, который совершенно не соответствует действительности, но зато вызывает представления, которые нужны евреям. В этом отношении особенно характерна юмористическая печать. В юмористических листках всегда нарочно стараются изобразить евреев как в высшей степени смиренный народец. Читателю внушают ту мысль, что, может быть, у евреев имеются некоторые комические черты, зато по сути дела этот народ добрый, не желающий никому вредить. Читателю дают понять, что, может быть, некоторая часть евреев действительно не представляет собой героев, но зато во всяком случае не представляет собой и сколько-нибудь опасных врагов.

Конечной целью евреев на этой стадии развития является победа демократии или же, в их понимании, - господство парламентаризма. Система парламентаризма более всего соответствует потребностям евреев, ибо она исключает роль личности и на ее место ставит количество, т.е. силу глупости,

неспособности, трусости. Конечным результатом всего этого будет низвержение монархии. Немного раньше или немного позже монархия погибнет неизбежно.

к) Теперь гигантское хозяйственное развитие страны приводит к новому социальному расслоению народа. Мелкое ремесло медленно отмирает, благодаря этому рабочий все более теряет возможность снискать себе пропитание как самостоятельный мелкий производитель; пролетаризация становится все более очевидной; возникает индустриальный "фабричный рабочий". Самой характерной чертой последнего является то, что в течение всей своей жизни он не сможет стать самостоятельным предпринимателем. Он является наинизшим в подлинном смысле этого слова. На старости лет ему приходится мучиться и оставаться без обеспеченного куска хлеба.

Аналогичное положение мы видели и раньше. Требовалось найти во что бы то ни стало разрешение вопроса, и такое разрешение действительно нашлось. В такое положение кроме крестьян и ремесленников постепенно попали также чиновники и служащие. Они тоже стали наинизшими в подлинном смысле этого слова. Но государство нашло выход из этого, взяв на себя заботу о тех государственных служащих, которые сами не в состоянии были обеспечить свою старость: государство ввело пенсию. Постепенно этому примеру последовали также и частные фирмы, так что теперь почти каждый служащий у нас стал обеспечен пенсией, если только он служит у фирмы более или менее крупной. Только после того как мы обеспечим старость государственного служащего, мы можем опять воспитать в нем чувство безграничной преданности государству - то чувство, которое в довоенное время было самой благородной чертой немецкого чиновничества. Эта умная мера вырвала целое сословие из когтей социальной нищеты и тем самым создала здоровые взаимоотношения между этим сословием и всей остальной нацией.

Теперь этот вопрос заново поставлен перед государством и нацией и притом в гораздо больших размерах. Все новые и новые миллионные массы оставляли деревню и постепенно переселялись в большие города, ища себе кусок хлеба в качестве фабричных рабочих в новых промышленных предприятиях. Общие условия труда и жизни этого нового сословия были более чем печальны. Уже самая обстановка труда совершенно не походила на прежнюю обстановку ремесленника или крестьянина. Индустриальному фабричному рабочему приходилось напрягать свои силы куда в большей, мере, нежели ремесленнику. Величина рабочего дня для ремесленника имела гораздо меньшее значение, нежели для фабричного рабочего. Если формально рабочий день рабочего оставался даже таким же, как прежде у ремесленника, то и для него (рабочего) создавалось куда более трудное положение. Ремесленник не знал такой интенсивности труда, с какой теперь приходится работать фабричному рабочему. Если раньше ремесленник так или иначе мог примириться даже с 14-15-часовым рабочим днем, то теперь это становится совершенно непереносимым для фабричного рабочего, каждая минута которого используется самым напряженным образом. Бессмысленное перенесение прежней продолжительности рабочего дня на современное фабричное производство оказало величайший вред в двух направлениях: во-первых, благодаря этому подрывалось здоровье рабочих, а во-вторых, в рабочих подрывалась вера в высшую справедливость. К этому надо прибавить еще, с одной стороны, жалкую зарплату, а с другой стороны, относительно более быстрое возрастание богатства работодателя. Ранее в сельском хозяйстве социальной проблемы не могло быть, ибо и хозяин и работник делали одну и ту же работу, а

главное ели из одной и той же миски. Теперь и в этом отношении положение резко изменилось. Теперь во всех областях жизни окончательно совершилось отделение рабочего от работодателя. Насколько в жизнь нашу проник еврейский дух, лучше всего видно из того недостатка уважения или даже прямо из того презрения, с которыми у нас теперь относятся к физическому труду. Это не имеет ничего общего с германским характером. Только по мере того как в жизнь нашу стали проникать чуждые, по сути дела еврейские влияния прежнее уважение к ремеслу сменилось известным пренебрежением ко всякому физическому труду.

Так возникло у нас новое, мало кем уважаемое сословие; и в один прекрасный день неизбежно должен был встать вопрос: либо нация сама найдет в себе достаточно сил, чтобы создать вполне здоровые взаимоотношения между этим сословием и всем остальным обществом, либо сословное различие превратится в классовую пропасть. Одно несомненно: это новое сословие включало далеко не худшие элементы, во всяком случае к нему принадлежали самые энергичные элементы. Чрезмерная утонченность так называемой культуры здесь не могла еще произвести своей разрушительной работы. Новое сословие в своей основной массе не подверглось еще действию пацифистского яда, оно обладало физической силой, а, если нужно было, то и брутальностью. Пока буржуазия совершенно беззаботно и равнодушно проходит мимо этой в высокой степени важной проблемы, евреи не спят. Они сразу поняли громадную важность этой проблемы для всего будущего. И вот они поступают так: с одной стороны, они разжигают эксплуатацию рабочих до самых крайних пределов, а с другой стороны, они начинают подслуживаться к жертвам своей собственной эксплуатации и в течение короткого времени завоевывают себе роль вожаков рабочих в борьбе этих последних против работодателей. Таким образом евреи внешне становятся как бы руководителями борьбы против самих себя. На деле это конечно не так, ибо эти виртуозы лжи, понятно, всегда умеют взвалить всю ответственность на других, а себя изобразить невинными младенцами. Благодаря тому, что у евреев хватило наглости самим стать во главе борьбы масс, этим последним не приходится даже в голову, что их обманывают самым подлым образом. И все-таки это было именно так. Не Успел еще этот новый класс как следует сложиться, а евреи уже сразу увидели, что из этого сословия они могут сделать для себя орудие своих дальнейших планов. Сначала евреи использовали буржуазию как свое орудие против феодального мира, а затем рабочего как свое орудие против буржуазного мира. Прячась за спиной буржуазии, еврей сумел завоевать себе гражданские права. Теперь же, эксплуатируя борьбу рабочих за существование, евреи надеются, прячась за спиной этого сословия, окончательно водрузить свое господство над землей. Отныне рабочему приходится на деле бороться только за будущее еврейского народа. Сам того не сознавая, рабочий попал во власть той силы, против которой он, как ему кажется, ведет

борьбу. Рабочему внушают, будто он борется против капитала, а на самом деле его заставляют бороться за капитал. Громче всех евреи кричат о необходимости борьбы против интернационального капитала, а на деле они организуют борьбу против национального хозяйства. Губя национальное хозяйство, евреи рассчитывают на трупе его воздвигнуть торжество интернациональной биржи. Евреи поступают так: Втираясь в ряды рабочих, они лицемерно притворяются их друзьями и делают вид, что страшно возмущены тяжелыми страданиями рабочих. Таким образом они завоевывают доверие рабочих. Евреи дают себе труд тщательным образом изучать во всей конкретности все действительные и мнимые тяготы повседневной жизни рабочих. Опираясь на это знание всей конкретной обстановки, евреи всеми силами начинают раздувать стремление рабочих к изменению этих условий существования. В каждом арийце, как

известно, живет глубокое стремление к большей социальной справедливости. И вот евреи самым хитрым образом эксплуатируют это чувство, постепенно превращая его в чувство ненависти к людям более богатым и счастливым. Таким путем евреям удастся наложить свой отпечаток и придать свое мировоззрение всей борьбе рабочих за лучшую жизнь. Так закладывают евреи основу учения марксизма.

Евреи нарочно переплетают свою марксистскую проповедь с целым рядом конкретных требований, которые сами по себе с социальной точки зрения вполне справедливы. Этим они сразу убивают двух зайцев. Во-первых, таким путем марксистское учение получает громадное распространение. А во-вторых, они отталкивают многих приличных людей от поддержки этих социально справедливых требований именно тем, что требования эти сопровождаются марксистской пропагандой. Уже благодаря этому сопровождению требования эти начинают рассматривать как несправедливые и совершенно невыполнимые. И действительно под покровом этих чисто социальных требований евреи прячут свои дьявольские намерения. Порою об этих намерениях совершенно нагло говорится открыто. Учение марксизма представляет собою причудливую смесь

разумного с нелепейшими выдумками человеческого ума. Но при этом еврей систематически заботится о том, чтобы в живой действительности находила себе применение только вторая часть этой проповеди, но ни в коем случае не первая. Систематически отклоняя роль личности, а тем самым и нации и расового "содержания" последней, марксистское учение постепенно разрушает все самые элементарные основы человеческой культуры, судьбы которой зависят как раз от этих факторов. Вот в чем заключается действительное ядро марксистского мировоззрения, поскольку это исчадие преступного мозга вообще можно рассматривать как "мировоззрение". Устранив роль великой личности и расы, еврей устранил и самое важное препятствие к господству низших. А эти низшие как раз и есть евреи. Вся преступная суть марксистского учения заключается как раз в его экономической и политической стороне. Именно эта сторона отталкивает от марксизма все интеллигентное. Интеллигентные люди начинают отворачиваться и от справедливых требований рабочих. А в то же время наименее развитая рабочая масса толпами переходит под знамена марксизма. Рабочее движение, каково бы оно ни было, нуждается в своей интеллигенции. Честную интеллигенцию евреям удалось оттолкнуть от рабочего движения. И вот теперь евреи готовы принести "жертву"; они поставляют из своих рядов интеллигенцию для рабочего движения. Так возникает движение рабочих физического труда, находящееся под полным руководством евреев. По внешности движение это имеет целью улучшение положения рабочих. В действительности дело идет о порабощении и в сущности о полном уничтожении всех других нееврейских народов.

Франкмасонство берет на себя задачу систематического пацифистского расслабления инстинкта национального самосохранения в кругах интеллигенции. В кругах же широких народных масс и прежде всего в кругах бюргерства эту же задачу берет на себя пресса, все больше концентрирующаяся в руках евреев. К этим двум орудиям разложения теперь присоединяется еще третье, куда более страшное - организация голой силы. При помощи первых двух орудий евреи провели всю подготовительную подрывную работу. Теперь штурмовая колонна марксизма должна закончить все дело и нанести обществу решающий удар. На наших глазах разыгрывается нечто совершенно неслыханное. Как раз те самые учреждения, которые больше всего твердят о себе, что они являются единственными носителями пресловутого государственного авторитета, - как раз

они-то и оказываются совершенно парализованными в борьбе против марксизма. В сущности говоря евреи во все времена своей "просвещенной" деятельности находили себе лучших помощников как раз в кругах высоких и высочайших чиновников наших государственных учреждений (отдельные исключения конечно не в счет). Эти круги чиновничества всегда отличались необычайным лакейством в отношении еще более "высоких" кругов, с одной стороны, и необычайным высокомерием в отношении к более "низким" кругам, с другой. Их ограниченность могла помериться только с их самомнением. Но это как раз и есть то, что нужно еврею. Именно такие представители власти пользуются наибольшей его любовью. Практически дело развивается примерно) следующим образом: Соответственно своим конечным целям, заключающимся как в экономическом завоевании, так и в политическом порабощении всего мира, евреи разделяют свою организацию на две части, друг от друга будто бы отдаленные, но на деле представляющие ад бою неразрывное целое. А именно - они делят движение на политическую партию, с одной стороны, и профсоюзную организацию, с другой. Евреи становятся во главе профессионального движения. Это для них, тем легче, что ведь в действительности задачей их деятельности является вовсе не честная борьба за устранение социального зла; реальной их целью является создание такой боевой экономической организации, которая слепо будет подчиняться им и послужит орудием в борьбе за уничтожение экономической независимости национального государства. Подлинно здоровая социальная политика должна была бы руководиться двумя критериями: с одной стороны сохранения здоровья собственного народа, а с другой - интересами обеспечения экономической независимости своего национального государства. Для евреев конечно не существует ни тот, ни другой критерий. Напротив, их целью является ударить и по тому и по другому. Евреи добиваются не сохранения экономической независимости национального государства, а уничтожения его, поэтому евреи не испытывают ни малейших угрызений совести, выдвигая от имени рабочих такие экономические требования, которые не только практически невыполнимы, но которые на деле означают гибель национального хозяйства. Но евреям не нужна также здоровая нация и физически здоровый рабочий класс, им нужна физически слабая толпа, которую легче покорить под ярмо. Это, в свою очередь, позволяет им выставлять самые нелепые требования, практическое выполнение которых для них заведомо невозможно, - такие требования, которые вообще ничего изменить не могли бы и годятся только для того, чтобы натравливать массы. Вот действительные цели евреев. До честного улучшения социального положения рабочих им нет никакого дела. И так как еврей всегда является не обороняющейся, а наступающей стороной, то врагом своим он считает не только того, кто на него нападет, но и того, кто пытается оказывать ему хотя бы малейшее сопротивление. Ну, а средства, которые еврей употребляет в своей борьбе против честных и стойких людей, известны: это не борьба честными средствами, а борьба с помощью лжи и клеветы. В этой области еврей не останавливается ни перед чем. Тут он поистине "велик" в своей изобретательности. Недаром же наш народ видит олицетворение самого дьявола в еврею. Народ легко становится жертвой еврейского похода лжи. С одной стороны, этому содействует недостаточная подготовленность широких слоев народа и как результат этого неспособность разобраться во всех ходах евреев. С другой стороны, этому содействует ограниченность кругозора и полное отсутствие здоровых инстинктов в наших высших слоях.

Стоит только евреям напасть на того или другого выдающегося человека, оказывающего сопротивление их планам, как

наши высшие слои из прирожденной трусости немедленно отворачиваются от этого человека; широкие же массы народа по простоте и глупости всему поверят. Государственные же власти либо отмалчиваются, либо, что бывает еще чаще, сами присоединяются к преследованию данного человека, воображая, что таким путем они положат конец крикам в газетах. А в глазах иного облеченного властью осла именно такой образ действий обеспечивает "тишину и порядок" и сохраняет "государственный авторитет".

Постепенно для всех приличных людей страх перед клеветой в марксистской печати становится угрозой, парализующей и ум и сердце. Люди начинают просто трепетать перед ужасным врагом и тем самым окончательно становятся его жертвой.

л) Теперь господство евреев в государстве уже настолько упрочено, что они не только могут называть себя евреями, но могут уже открыто признать, какими именно политическими и национальными идеями определяются все их действия. Часть еврейской расы начинает уже открыто признавать себя чужим народом. Однако и тут опять не обходится без лганья. Сионизм доказывает направо и налево, что если евреям удастся образовать в Палестине самостоятельное государство, то это и будет все, что нужно евреям как нации. Но на деле это только наглая ложь, опять-таки имеющая целью обмануть глупых "гоев". Еврейское государство в Палестине нужно евреям вовсе не для того, чтобы там действительно жить, а только для того, чтобы создать себе там известную самостоятельную базу, не подчиненную какому бы то ни было контролю других государств, с тем, чтобы оттуда можно было еще более невозбранно продолжать политику мирового мошенничества. Палестина должна стать убежищем для особо важной группы негодяев и университетом для подрастающих мошенников.

В одно и то же время часть евреев нагло признает себя особой расой, а другая часть продолжает утверждать, что они немцы, французы, англичане и т. д. В этом новом явлении приходится видеть только лишнее доказательство того, насколько обнаглели евреи, насколько безнаказанными чувствуют они себя. Насколько уверены евреи в том, что их победа уже совсем близка, видно из того, как обращаются они теперь с сынами и дочерьми других народов.

Черноволосый молодой еврейчик нахально вертится около нашей невинной девушки, и на его наглom лице можно прочесть сатанинскую радость по поводу того, что он сможет безнаказанно испортить кровь этой девушки и тем самым лишить наш народ еще одной здоровой немецкой матери. Всеми средствами стараются евреи разрушить расовые основы того народа, который должен быть подчинен их игу. Евреи не только сами стараются испортить как можно большее количество наших женщин и девушек. Нет, они не останавливаются и перед тем, чтобы помочь в этом отношении и другим народам. Разве не евреи привезли к берегам Рейна негров все с той же задней мыслью и с той же подлой целью – через кровосмешение принести как можно больший вред ненавистной белой расе, низвергнуть эту расу с ее политической и общекультурной высоты, а затем самим усесться на ее спине. Подчинить себе народ, сохранивший свою расовую чистоту, евреи никогда не смогут. Евреи в этом мире всегда будут господствовать только над народами, потерявшими чистоту крови. Вот почему евреи и стараются самым планомерным образом разрушить чистоту расы и с этой целью прибегают к систематическому отравлению крови отдельных лиц.

В политической же сфере евреи начинают заменять идею демократии идеей диктатуры пролетариата. Организовав массы под знаменем марксизма, еврей выковал себе то оружие, которое теперь позволяет ему обойтись без демократии и дает ему возможность с помощью кулака подчинить себе другие народы,

которыми он хочет управлять теперь диктаторским способом. Работу революционизирования евреи планомерно ведут в двух направлениях: в экономическом и политическом. Те народы, которые обнаруживают слишком сильное сопротивление, евреи окружают густой сетью врагов, затем ввергают их в войну, а когда война началась, они водружают знамя революции уже на самих фронтах. Благодаря своим интернациональным связям, евреям вовсе не трудно это сделать. В экономическом отношении евреи вредят государству до тех пор, пока государственные предприятия становятся нерентабельными, денационализируются и переходят под еврейский финансовый контроль. В политическом отношении еврей бьет целые государства тем, что лишает их нужных средств, разрушает все основы национальной защиты, уничтожает веру в государственное руководство, начинает позорить всю предыдущую историю данного государства и забрасывает грязью все великое и значительное. В культурном отношении евреи ведут борьбу против государства тем, что вносят разложение в сферу искусства, литературы, театра, извращают здоровые вкусы, разрушают все правильные понятия о красивом, возвышенном, благородном и хорошем, внушают людям свои собственные низменные идеалы.

Евреи насмеваются над религией. Евреи подтачивают всякую нравственность и мораль, объявляя все это отжившим. Так продолжается до тех пор пока удастся подточить последние основы существования данного государства и данной народности.

м) Тогда евреи считают, что наступила пора сделать последнюю великую революцию. Захватив политическую власть, евреи считают, что теперь можно уже окончательно сбросить маску. Из "народного еврея" вылупляется кровавый еврей - еврей, ставший тираном народов. В течение короткого времени старается он совершенно искоренить интеллигенцию, носительницу национальной идеи. Лишив народ идейных руководителей, он хочет окончательно превратить его в рабов и закрепить навеки.

Самым страшным примером в этом отношении является Россия, где евреи в своей фанатической дикости погубили 30 миллионов человек, безжалостно перерезав одних и подвергнув бесчеловечным мукам голода других, - и все это только для того, чтобы обеспечить диктатуру над великим народом за небольшой кучкой еврейских литераторов и биржевых бандитов. Однако конец свободе поработанных евреями народов становится вместе с тем концом и для самих этих паразитов. После смерти жертвы раньше или позже издыхает и сам вампир.

Еще и еще раз продумывая все причины нашей германской катастрофы, мы неизбежно приходим все к тому же выводу: основной решающей причиной нашего крушения было непонимание важности расовой проблемы и в особенности непонимание еврейской опасности.

С результатами наших поражений на фронтах в августе 1918г. мы могли справиться шутя. Не эти поражения привели к нашему краху. Крах наш подготовила та сила, которая подготовила и сами эти поражения. А сделала она это тем, что в течение многих десятилетий систематически и планомерно разрушала политические и моральные инстинкты нашего народа, лишая его того, без чего вообще нет здорового и крепкого государства.

Старая германская империя совершенно пренебрегала проблемой расы. Проходя мимо этой проблемы, империя пренебрегала тем правом, которое одно только является основой существования народов. Народы, которые допускают до того, чтобы их лишили чистоты крови, совершают грех против воли провидения. И если более сильный народ столкнет их с пьедестала и сам займет их место, то в этом не приходится видеть несправедливости, а напротив, необходимо видеть торжество права. Если данный народ не хочет соблюдать чистоты крови,

данной ему природой, то он не имеет права потом жаловаться, что лишился своего земного существования.

Все на этой земле можно поправить. Каждое поражение может стать отцом будущей победы. Каждая потерянная война может стать толчком к новому подъему. Каждое бедствие может вызвать в людях новый приток энергии. Любой гнет может стать источником новых сил к новому возрождению. Все это возможно, пока народы сохраняют чистоту своей крови. Только с потерей чистоты крови счастье потеряно навсегда. Люди падают вниз уже навеки и из человеческого организма уже никак не вытравишь последствий отравления крови. Стоит только сравнить гигантскую важность этого фактора с ролью всех любых факторов иного происхождения, и мы сразу убедимся, что все остальные проблемы по сравнению с расовой играют до смешного малую роль. Все остальные факторы имеют преходящее значение. Проблема же чистоты крови будет существовать до тех пор, пока будет существовать и сам человек.

Все серьезные симптомы распада, обнаружившиеся уже у нас в довоенную эпоху, в последнем счете связаны с расовой проблемой. Все равно, идет ли речь о проблемах всеобщего избирательного права или о ненормальностях в области экономики, о печальных симптомах в области культурной жизни или о симптомах вырождения в области политики, о неправильной постановке дела воспитания или о плохих влияниях, оказываемых прессой на взрослых, - все равно в последнем счете вся беда была в пренебрежительном отношении к проблемам расы, в непонимании тех опасностей, которые несли нам чужие расы. Вот чем объясняется и то обстоятельство, что ни к каким серьезным последствиям не могли привести ни реформы, ни меры социальной помощи, ни усилия чисто политического характера. Серьезного значения не имели также ни экономический подъем, ни рост всей суммы наших научных знаний. Напротив, и нация и государство, т.е. тот организм, который только и дает возможность нации жить и развиваться на земле, не становились здоровее, а постепенно теряли здоровье. При всем внешнем расцвете старой германской империи не удавалось скрыть ее внутренней слабости. Всякая попытка действительно поднять и укрепить империю неизбежно разбивалась о то, что мы игнорировали самую важную из проблем.

Было бы конечно неправильно думать, что все без исключения представители различных политических направлений в нашей стране и все без исключения наши правители, пытавшиеся лечить Германию, были плохими или злонамеренными людьми. Нет, деятельность их не имела успеха только потому, что в лучшем случае все они видели только внешние проявления болезни и закрывали глаза на действительных возбудителей ее. Кто хорошенько вдумается в историю развития нашей старой империи, тот, объективно рассуждая, должен будет придти к выводу, что уже в эпоху объединения Германии и связанного с ним подъема были налицо симптомы распада. Такие наблюдатели должны будут признать, что несмотря на все политические успехи и несмотря на огромный рост богатств общее положение страны из года в год все же становилось хуже. Об этом можно судить уже по одним только результатам выборов в рейхстаг. Систематический рост голосов, подаваемых за марксистов, тоже ведь говорил ни о чем другом, как о приближении внутреннего и внешнего краха. Все успехи так называемых буржуазных партий не имели никакого значения не только потому, что буржуазные партии не сумели даже положить предел росту марксистов, но и потому, что внутри самих буржуазных партий шел уже процесс разложения. Буржуазный мир, сам того не замечая, был уже отравлен трупным ядом марксистских представлений, а борьба буржуазных партий против марксизма больше являлась продуктом конкуренции со стороны честолюбивых вождей,

нежели действительно принципиальной борьбой решившихся идти до конца противников. Одни только евреи уже в эту эпоху вели систематическую и неуклонную борьбу в определенном направлении. Чем более ослабевала воля к самосохранению в нашем народе, тем выше поднималась, тем ярче сияла еврейская звезда - звезда Давида.

Вот почему и в августе 1914 г. перед нами был не единый спаянный народ, наступающий на твердыни противника. Нет, этого не было! Мы стали свидетелями только последней вспышки инстинкта национального самосохранения, последнего судорожного усилия сбросить с себя марксистско-пацифистское иго, давно уже подтачивающее здоровье нашего народа. И в эту роковую минуту мы тоже оказались неспособными понять, где же находится наш подлинный внутренний враг. Вот почему и всякое внешнее сопротивление оказалось напрасным. Провидение не дало нам победы и воздало каждому по его заслугам.

Вот из всех этих соображений и исходили мы, когда разрабатывали основы всего нашего нового движения. Мы глубоко убеждены, что только наше движение способно задержать дальнейшее падение немецкого народа, а затем пойти дальше и создать гранитный фундамент, на котором в свое время вырастет новое государство. Это будет не такое государство, которое чуждо народу и которое занято только голыми хозяйственными интересами. Нет, это будет подлинно народный организм, это будет - германское государство, действительно представляющее немецкую нацию.

ПРИЛОЖЕНИЕ №9

Выдержки из издания: С. Сигеле. "Преступная толпа. Опыт коллективной психологии", издательство Ф. Павленкова, СПб., 1896 г., текст приведен к нормам современного русского языка.

Та же истина проявляется и в обществах, более или менее определенных, образуемых низшими существами. Будут ли эти общества представлять неопределенное скопище, будут ли они иметь известную организацию с разделением труда между отдельными членами — случай, встречающийся весьма часто — свойства их элементов имеют определяющее значение для целого. Если нам будут даны индивиды с известной структурой и с инстинктами, являющимися результатом этой структуры, то общество, из них составленное, поневоле будет представлять определенные черты, и всякое общество, представляющее те же черты, не может состоять из членов, одаренных иной организацией и иными инстинктами".¹

Говорить, что качества частей определяют качество целого, — значит повторять истину, хорошо применимую как к обществу, так и ко всему вообще остальному. На этой-то истине и зиждутся социологические доктрины Спенсера, считающего научной аксиомой, что главнейшие, характерные черты человеческого общества соответствуют главнейшим чертам человека.

Таким образом он подтвердил идею О. Конта, который, резюмируя ту же мысль, сказал, что *человеческое общество должно быть рассматриваемо, как одна всегда существовавшая личность.*

Шопенгауэр в своем сочинении "Мир, как воля и представление" пришел к тому же заключению.

---

¹ Г. Спенсер. *Введение в изучение социологии*, гл. III.

"С самых отдаленных времен, — писал он, — человека всегда рассматривали, как **микрокосм**; я опровергнул это мнение и доказал, что мир — **макантроп** в том смысле, что воля и представление дают определение сущности мира так же полно, как и сущности человека".

Оставив на время вопрос об аналогии между человеком и человеческим, обществом, — аналогии, доходящей до того, что общество представляют в виде настоящего организма, возможно ли отвергать, что во всяком обществе находятся известные явления, представляющие прямой результат явлений, свойственных членам названного общества; что — другими словами — агрегат представляет ряд свойств, определяемых свойствами его составных частей? Достаточно задать себе вопрос, что произошло бы, если бы человек оказывал предпочтение тому, кто делает ему зло, — и всякий поймет, что социальные отношения были бы тогда совершенно противоположны нынешним отношениям, которые все основаны на присущей человеку склонности предпочитать тех, кто оказывает ему больше удовольствия. Достаточно спросить себя, что случилось бы, если бы, вместо выискивания самых легких средств для достижения своих целей, люди стали искать средств самых трудных, — и всякому станет ясно, что общество, обладающее такими свойствами, не было бы ни в чем сходно с теми, какие нам известны.

Эта аналогия в строении, а следовательно и в функциях, являющаяся вполне очевидной и неоспоримой, при сравнении человека с обществом, проявляется еще не только в главных свойствах, но даже и в некоторых незначительных чертах между индивидами, принадлежащими к определенному классу, и этим классом, рассматриваемым, как коллективная единица.

Мы знаем, что общество не есть однородное, одинаковое во всех своих частях целое, — конгломерат почвенных отложений, *медленно образовавшийся из остатков бесконечного ряда существ*, что оно — организм, который, подобно телу животного, имеет ткани, различающиеся по структуре и чувствительности. Эти ткани, отложения или социальные группы, образовавшиеся понемногу в продолжении известного времени, вследствие постоянного и прогрессивного перехода от простого к сложному, от однородного к разнородному — в чем и состоит закон эволюции — эти ткани, подобно различным животным и растительным тканям, имеют органические и технические черты, свойственные каждой из них и воспроизводящие специальные свойства составляющих их индивидов.

Самое простое наблюдение доказывает нам это весьма ясно. Если мы бросим взгляд на историю, то увидим, что отделение победителей от побежденных, хозяев от рабов, знатных от плебеев — не было простым политическим и экономическим разделением, но что оно создавало совершенно различные миры. Воспитание, язык, привычки, одежда, образ жизни — все имело специфический характер, определяемый очень строгими обычаями и записанными даже традиционными правилами, уклоняться от которых считалось непозволительным.

Кому неизвестно, что аристократия (по таланту ли, денежная, или родовая), магистратура, духовенство, военные, простой народ — все вообще социальные классы (воспроизводящие в наше время древние касты, с тем только различием, что у древних принадлежность к известной касте определялась рождением, у нас же она определяется свободным выбором или же избранием) представляют не только характер человека вообще, но и отличительные черты аристократа, судьи, священника или солдата в частности? Кто не знает, что привычки, идеи, чувствования, стремления, все, одним словом, функции, свойственные каждому из этих классов, очень резко отличают их один от другого?

Итак, аксиома — что характер агрегата зависит от характера единиц, его составляющих, — должна применяться не только к коллективному организму общества, но и к отдельным организмам, его составляющим.

Иначе не может и быть, так как если на человеческом обществе, представляющем из себя только частицу Вселенной, или вернее, частный случай всеобщей эволюции, подтверждаются все естественные законы, управляющие органическим миром, — то тем более главные социальные законы должны распространяться и на те организмы, из которых оно состоит. Это — по удачному замечанию Энрико Ферри — похоже на тот случай, когда минералогические свойства кристалла воспроизводятся самым типичным образом в его осколках.

Аристид Габелли, известный итальянский писатель, которого, к несчастью, Италия недавно потеряла, попытался анализировать причины этого явления.

"Говорят, — писал он, — что комиссии, советы, одним словом, все учреждения, пользующиеся властью сообща, представляют из себя гарантию против преступлений. Посмотрим, представляют ли они из себя эту выгоду. В самом деле, мы даем такого рода власть с тем, чтобы извлечь себе из этого выгоду. Если же от даваемых нами полномочий нельзя получить требуемой пользы, то лишнее и давать их. Вот такого рода гарантию и представляет численность, благодаря партийному духу, благодаря тем раздорам, которые рождает корысть, — вследствие различия в мнениях и прихотях, вследствие того наконец, что один хочет того, чего не угодно другому; что один болен, а другой путешествует etc. Часто все дело с большой потерей времени должно быть отложено, так как, раз трудно найти во всех талант, то еще труднее найти в них решительность и стойкость. Сверх того, не чувствуя за собой ответственности, каждый старается уклониться от решения вопроса; далее, тот, кто имеет полномочия и не пользуется ими, служит помехой тому, который желает пустить их в ход; наконец, **человеческие силы, будучи соединены, не складываются, а уничтожаются.** Последнее до такой степени верно, что часто посредственный результат бывает плодом собрания таких людей, из которых каждый сумел бы решить тот же вопрос гораздо лучше. "Люди, — говорит Габелли, — не представляют из себя лошадей, впряженных в карету и тянущих ее вместе: они скорее свободные лошади, бегущие и обгоняющие друг друга".²

Эта-то мысль — что человеческие силы, будучи соединены, не складываются, а скорее уничтожаются — высказанная Габелли только в нескольких словах и весьма, по-моему, глубокая и верная, была широко развита Максом Нордау, человеком науки, заслуживающим, как я думаю, гораздо большей известности:

"Соедините 20 или 30 Гете, Кантов, Гельмгольцев, Ньютонов etc., — писал он, — и дайте им на обсуждение практические, современные вопросы; их споры будут, пожалуй, отличны от тех споров, которые ведутся на первых попавшихся собраниях (хотя я не утверждаю даже и этого), но что касается результатов этих споров, то я уверен, что они не будут отличаться от результатов, даваемых всяким другим собранием. Почему же? Потому, что каждое из 20 или 30 выбранных лиц, кроме личной оригинальности, отличающей его от других, обладает и наследственными, видовыми признаками, не отличающими его не только от его соседа по собранию, но даже и от всех снующих по улице прохожих. Можно сказать, что все люди в нормальном состоянии обладают известными признаками, являющимися общими для всех, равными, положим, x , это количество увеличивается в вышеозначенных индивидах на другую величину, различную у различных индивидов, которая

---

² А. Габелли. "Образование в Италии". В той же книге Габелли применяет к частному случаю те общие идеи, который я высказал выше. "При избрании ректора - пишет он, говоря об университетах - случается подчас, как и при всяком другом избрании, довольно странная на первый взгляд вещь, которая однако не так трудно объяснима, как кажется. На некоторых выборах случается нередко, что большинство голосов получает лицо, которое каждый избиратель считает ниже себя, хотя, подавая за него голос, он ставит его выше себя. То же происходит и при выборе ректора".

поэтому должна быть для каждого из них названа иначе, например, **a**, **b**, **c**, **d** и пр. Предположив это, мы получим, что в собрании из 20 человек, хотя бы самых высоких гениев, будет 20 **x** и только 1 **a**, 1 **b**, 1 **c** и т. д. Ясно, что 20 **x** неизбежно победят отдельные **a**, **b**, **c**, т. е., что человеческая сущность победит личную индивидуальность, и что колпак рабочего совершенно покроем собою шляпу медика и философа".³

Древняя поговорка гласила: *Senatores boni viri, senatus autem mala bestia* (Сенаторы — почтенные мужи, сенат же — плохая скотина). И в наше время народ повторяет и подтверждает это наблюдение, говоря относительно известных социальных групп, что лица, их составляющие, — честные люди, если их рассматривать поодиночке, взятые же вместе — плуты.

Если мы от этих собраний, в которых по меньшей мере замечается известный подбор индивидов, перейдем к собраниям другого рода, образованным случайно, каковы: слушатели, присутствующие на какой-либо лекции, зрители в театре, народ в тех неожиданных скопищах, которые образуются на площадях, публичных местах и т. п., то мы увидим, что явление, нас занимающее, проявляется в более резком виде и здесь. Эти собрания людей уже вовсе не воспроизводят психологических черт тех индивидов, из которых состоят; это известно всякому и доказывать это бесполезно.

Не может быть таким образом и сомнения в том, что очень часто, вопреки логике, результат, данный совокупностью нескольких людей, не равен тому, который должен бы получиться от сложения способностей всех собравшихся лиц. Другими словами, не может быть сомнения в том, что очень часто принцип Спенсера оказывается весьма несостоятельным, — принцип, гласящий, что характер агрегата определяется характером единиц, его составляющих. Ферри предчувствовал эту истину, говоря:

"Совокупность нескольких способных людей не всегда служит гарантией их общей способности: собрание здравомыслящих людей может быть лишены единодушия, как в химии от соединения двух газов может получиться жидкость".

Среди названных нами человеческих агрегатов, более или менее разнородных и неорганических, каковы: суд присяжных, съезды, театры, вообще всякого рода кратковременные собрания, которые более чем всякие другие не подчинены законам социологии и вполне управляются законами коллективной психологии, можно, если не ошибаемся, назвать толпу.

В самом деле, толпа представляет из себя человеческой агрегат, разнородный по преимуществу, так как она составлена из индивидов обою пола, всех возрастов, классов, социальных состояний, всех степеней нравственности и культуры, и по преимуществу же неорганический, так как она образуется без предварительного соглашения, произвольно, неожиданно.

"Толпа, — писал Тард, — это — груда разнородных, незнакомых между собою элементов. Лишь только искра страсти, перескакивая от одного к другому, наэлектризует эту нестройную массу, последняя получает нечто вроде внезапной, самопроизвольно зарождающейся организации. Разрозненность переходит в связь, шум обращается в нечто чудовищное, стремящееся к своей цели с неудержимым упорством. Большинство пришло сюда, движимое простым любопытством; но лихорадка, охватившая нескольких, внезапно завладевает сердцами всех, и все стремятся к разрушению. Человек, прибежавший только с тем, чтобы

---

³ М. Нордау, "В поисках за истиной", гл. III. Мы далее еще вернемся к этому остроумному объяснению, имеющему весьма важную биологическую подкладку.

воспрепятствовать смерти невинного, одним из первых заражается стремлением к человекоубийству и, что еще удивительнее, совершенно не удивляется этому". Что непонятно в толпе, так это — ее внезапная организация. В ней нет никакого предварительного стремления к общей цели, следовательно невозможно, чтобы она обладала коллективным желанием, обусловленным возбужденными элементарными силами всех составляющих ее лиц. Между тем, среди бесконечного разнообразия ее движений мы видим некоторую целесообразность в поступках и стремлениях и слышим определенную ноту, несмотря на диссонанс тысячи голосов. Само слово *толпа*, как имя собирательное, указывает на то, что масса отдельных личностей отождествляется с одной личностью. Таким образом, является настоятельной необходимостью определить — хотя бы и не было возможности дать себе в этом ясного отчета — действие того *нечто*, которое служит причиной единства мыслей, наблюдаемого в толпе. Это нечто не есть появление на сцене самых низких умственных сил и вместе с тем не может претендовать на степень известной интеллектуальной способности; поэтому наиболее подходящим для него определением будет: *душа толпы*.

По мнению Бордье, причиной этого: "способность подражания, имеющая целью — подобно диффузии газов, стремящейся уравновесить газовое давление, — уравновесить социальную среду во всех ее частях, уничтожить оригинальность, сделать однообразными характерные черты известной эпохи, известной страны, города, малого кружка друзей. Каждый человек расположен к подражанию, и эта способность достигает *maximum'a* у людей, собранных вместе. Доказательством последнему могут служить театральные залы и публичные собрания, где малейшего хлопанья руками, малейшего свистка достаточно, чтобы побудить к тому или другому залу".

И действительно, стремление человека к подражанию — одна из самых резких черт его природы; это — неоспоримая и неоспариваемая истина. Достаточно бросить взгляд вокруг себя, чтобы увидеть, что весь социальный мир представляет из себя не что иное, как ряд сходств, произведенных разнообразными видами подражания: подражанием-модой или подражанием-привычкой, подражанием-симпатией или подражанием-повиновением, подражанием-образованием или подражанием-воспитанием, наконец добровольными рефлексивными подражаниями.⁴

С известной точки зрения, общество может быть уподоблено спокойному озеру, в которое от времени до времени бросают камни; волны расширяются, распространяясь все дальше и дальше от того места, где упал камень, и достигают наконец берегов. То же бывает в мире — с гением: он бросает идею в стоячее болото интеллектуальной посредственности, и эта идея, найдя сначала немного последователей и плохую оценку, распространяется впоследствии подобно волне на гладкой поверхности озера.

Люди, по словам Тарда, это — стадо овец, среди которых рождается подчас глупая овца, гений, которая одною только силою примера увлекает за собою других.

И в самом деле, все существующее, представляющее результат человеческого труда — начиная от материальных предметов и кончая идеями — представляет собою подражание или более или менее измененное повторение идей, открытых когда-то более высокой личностью. Подобно тому, как все употребляемые нами слова, сделавшиеся в настоящее время весьма обыкновенными, были некогда новыми, точно также и то, что сегодня известно всем, некогда было весьма оригинальным, принадлежа только одному лицу.

---

⁴ Г. Тард. "Законы подражания", гл. I.

Оригинальность, по весьма остроумному замечанию М. Нордау, есть не что иное, как зародыш банальности. Если оригинальность не заключает в себе условий для дальнейшего существования, то она не находит подражателей и погибает в забвении, подобно тому, как проваливается комедия, освистанная при первой постановке на сцене; если же, наоборот, она заключает в себе зародыш добра или пользы, то подражатели ее увеличиваются до бесконечности, как и число представлений какой-нибудь драмы.

Сущность тех идей, которые мы сегодня презираем, благодаря их общеизвестности, была плодом умозаключений древних философов, и самые общие места самых обыкновенных споров начали свою карьеру блестящими искрами оригинальности.

То же самое встречается и в истории великих событий, то же — в хронике общественной жизни. Весь мир — самые серьезные и самые легкомысленные люди, самые старые и самые молодые, самые образованные и невежи — все обладают, хотя и в различной степени, инстинктом подражания тому, что видят, слышат, знают. Направление общественного мнения — в политике, как и в торговле — всегда определяется этим инстинктом.

"Сегодня, — *говорит Беджот*, — вы видите людей капитала предприимчивыми, возбужденными, полными силы, готовыми купить, готовыми отдавать приказания; неделей позже вы увидите их почти всех унылыми, беспокойными, мучающимися мыслью: как бы продать. Если вы станете доискиваться причин этого пыла, этой вялости, этой перемены, то вы навряд ли их найдете; если же и сумеете открыть, то они окажутся имеющими очень мало значения. Причин этому на самом деле нет никаких, а есть только инстинкт подражания, направивший общественное мнение в ту или другую сторону. Случись, например, что-нибудь, что может казаться почему-либо радостным, тотчас же пылкие самонадеянные люди подымут голос, и толпа, следуя их примеру, делает то же. Несколько дней спустя, когда уже надоест говорить одним и тем же тоном, случается опять что-нибудь, что на этот раз может казаться несколько менее приятным; тотчас же начинают говорить люди с печальным и беспокойным характером и то, что они говорят, повторяется всеми остальными".

То, что происходит в политике и торговле, встречается и во всех видах человеческой деятельности. Все, начиная с покроя платья и кончая управлением, честные поступки и преступления, самоубийства и сумасшествие, все, как самые ничтожные по значению, так и самые великие, как самые печальные, так и самые веселые проявления человеческой жизни, — все является продуктом подражания. Таким образом весьма естественно, что это врожденное человеку и животным свойство не только удваивается, но делается даже и во сто раз больше среди толпы, где у всех возбуждено воображение, где единство времени и места ускоряет необычайным, даже страшным образом обмен впечатлений и чувств.

Но сказать, что человек *подражает*, — для нас в данном случае объяснение весьма недостаточное; нам нужно знать, *почему* человек подражает, т. е. нам нужно объяснение, не ограничивающееся поверхностной причиной, но открывающее основную причину явления.

Многие писатели, заметив, что подражание принимает подчас весьма резкие формы, распространяясь широко и с большой интенсивностью, и видя сверх того, что оно в некоторых случаях является скорее бессознательным, чем добровольным, пытались объяснить это явление, прибегая к гипотезе о нравственной эпидемии.

"В явлениях подражания, — *говорит доктор Эббар*, — есть нечто таинственное, какое-то притяжение, которое лучше всего можно сравнить с неотразимым и всемогущим инстинктом, побуждающим нас, почти без нашего сознания, повторять те действия, которых мы были свидетелями, и которые очень сильно подействовали

на наши чувства и воображение. Такого рода действия до того распространены и настолько достоверны, что мы все в большей или меньшей степени подвержены их власти. В них есть особого рода обаяние, против которого не могут устоять некоторые слабые натуры".

Жоли выразился еще яснее:

"Подражание, это — настоящая эпидемия, зависящая от примера так же, как возможность заразиться оспой зависит от того яда, при помощи которого последняя распространяется. Подобно тому, как в нашем организме находятся болезни, которые ждут самой ничтожной причины, чтобы развиться, точно также в нас находятся страсти, которые остаются немymi, когда работает рассудок, и которые могут проснуться благодаря одному только подражанию".

Депин, Моро де Тур, а впоследствии и много других писателей присоединились к Эбрару и Жоли, и все единодушно уверяли, что нравственная эпидемия так же достоверна, как и другие физические эпидемии.

"Подобно тому, — *говорил Депин*, — как звук известной высоты заставляет колебаться настроенные в унисон струны, точно также проявление известного чувства или страсти возбуждает тот же элемент, делает его деятельным, приводит его, так сказать, в колебательное движение у всякого индивида, способного по своему нравственному уровню более или менее сильно испытать данное чувство".⁵

На этом основании нравственной эпидемией объяснялись эпидемии самоубийства, следовавшие за каким-нибудь знаменитым самоубийством, весьма сильно заинтересовавшим общественное мнение; равным образом от нравственной эпидемии считали зависящими преступления, следовавшие за каким-нибудь зверским преступлением, о котором много кричали в журналах; по той же самой причине нравственную эпидемию считали причиной тех политических и религиозных движений, которые сразу увлекали целые народы за смелыми словами вдохновенного трибуна или демагога.

На том же основании — если не на большем — мы можем приписывать нравственной эпидемии все неожиданные и на первый взгляд необъяснимые народные манифестации.

Тард уже более семи лет тому назад понял эту необходимость и предложил новую тогда и очень смелую гипотезу, что нравственные эпидемии имеют причину в явлениях внушения.

"Какова бы ни была клеточная функция, вызывающая мышление, — *писал он*, — нельзя сомневаться, что она воспроизводится, повторяется внутри мозга в каждое мгновение нашей умственной жизни, и что всякому понятию соответствует определенная клеточная функция. Только такое бесконечное, неистощимое существование этой сложной функции и образует память или привычку, смотря по тому, заключено ли данное многократное повторение в нервной системе или же оно, выйдя из ее пределов, овладело мускульной системой. Память, если угодно, является таким образом чистой нервной привычкой, привычка — мускульной памятью".

Если же (я резюмирую теорию Тарда) каждая идея или образ, о которых мы помним, были заложены первоначально в нашем мозгу, благодаря разговору или чтению; если всякое привычное действие ведет свое начало или от непосредственного наблюдения, или только от знания об аналогичном действии, производимом другим, — то ясно, что эта память и эта привычка, прежде чем

---

⁵ Сила эпидемии в самоубийстве проявляется более, чем во всех, может быть, других явлениях этого рода. Известен случай, когда в 1772 году 15 инвалидов повесились один за другим на одном и том же крюке, находившемся в темном коридоре инвалидного дома, в продолжение очень короткого промежутка времени. Известно также, что после того, как какой-то лорд, получивший отвращение к жизни, бросился в кратер Везувия, много англичан следовало его примеру. Можно было бы привести здесь массу подобных фактов.

сделаться бессознательным подражанием, были более или менее сознательным подражанием внешнему миру.

Таким образом, с психологической точки зрения, вся интеллектуальная жизнь есть не что иное, как внушение, передаваемое одной мозговой клеткой другой; рассматриваемая же с социальной точки зрения, с целью доискаться основной причины, она не что иное, как влияние (*suggestion*) одной личности на другую.

Теория эта, одобренная большим числом известных философов (Тэн, Рибо, Эспинас и др.), кажущаяся мне замечательной по своей простоте, не приобрела себе однако многих учеников, которые сейчас же стали бы ее распространять; зато она имела честь видеть, как, спустя несколько времени, там и сям стали появляться новые теории, воспроизводившие ее в ее сущности, хотя их авторы, конечно, и не знали об ее существовании.

Такова, например, теория Серги (*Sergi*), который в своей книжке, озаглавленной *Psicosi epidemica*, развил совершенно самостоятельно неизвестные ему теории Тарда.

Серги, целиком воспроизводя Тарда, имеет однако перед ним то преимущество, что не останавливается над обобщениями, и что ему неизвестна нерешительность французского философа; он более ясно и более точным образом излагает то, что можно назвать *физическим основанием* внушения. Вот почему я считаю полезным привести здесь его собственные слова.

"**Душа**, — *говорит он*, — это общий вид активности, тождественный всякой другой без исключения органической активности. Всякий, имеющий понятие об этого рода активности, знает, что деятельность органической ткани возбуждается только при помощи раздражителей. Когда последняя возбуждена каким-нибудь внешним агентом, то она обнаруживает деятельность, пропорциональную природе и силе возбудителя.

Примером может нам служить мускульная ткань: в самом деле, мы видим, что мускулы сокращаются только тогда, когда какой-нибудь внешний деятель пробуждает в них эту способность. Это происходит, благодаря находящейся в них душе; но в последней нет ничего самопроизвольного, ничего автономного: она проявляет активность, когда ее возбуждают, и это проявление вполне зависит от природы возбудителей.

Я нахожу **восприимчивостью** — способность принимать извне впечатления и **рефлексом** — способность обнаруживать возбужденную активность, сообразно с полученными впечатлениями. Оба эти условия могут соединиться в один основной закон души — **рефлекторную восприимчивость**.

Уже долгое время некоторые психиатры занимаются явлениями внушения во время **гипноза** и думают, что это явление бывает вообще тогда, когда объекты их исследования находятся в гипнотическом сне. Они не заметили, что так называемое ими **внушение** является весьма резким проявлением основных элементов души, что это — восприимчивость, доходящая до болезненности, благодаря которой явления принимают весьма резкую форму и делаются более очевидными, чем в нормальном состоянии. Гипнотическое внушение открывает только те состояния, к которым душа предрасположена, ее основные условия, по которым она действует. Внушение сводится таким образом на вышесказанную восприимчивость, которая в свою очередь сводится к основному закону организма, что последний может быть приведен в действие только от полученных стимулов".

Таким образом, по Серги и Тарду, всякая идея, всякое душевное движение индивида — не что иное, как рефлекс на полученный извне импульс. Итак, всякий движется, действует, думает только благодаря некоторому внушению, которое может возникнуть от рассматривания известного предмета, от произнесенного перед нами слова или звука, от какого бы то ни было движения, произведенного вне нашего

организма. Это внушение может распространиться или только на одного индивида, или на нескольких, или даже на большое число лиц; оно может распространиться подобно настоящей эпидемии, далеко в обществе, оставляя одного совершенно свободным от своего влияния, других — слегка задетыми, третьих — пораженными весьма сильно. В последнем случае явления, которые оно производит, как бы они ни были странны или ужасны, являются самой высокой степенью, более резким выражением простого, неперменного явления внушения, представляющего первую причину всякого психологического явления. Варьирует только интенсивность явления, природа же его — всегда одна и та же.

Благодаря этому удачному выводу, Тард и Серги явление подражания, наблюдаемое у большого числа людей, сводят на менее резкое явление подражания, свойственное отдельному лицу; эпидемическое подражание они приравнивают подражанию спорадическому и объясняют как то, так и другое внушением, причину и основные свойства которого они объясняют тут же.

Мы видим, что эта теория подтверждается всеми формами и видами человеческой деятельности.

Всякий вынужден согласиться, что подобное эпидемическое внушение может сделаться больше как по интенсивности, так и по распространенности, если этому благоприятствуют условия места и характер лиц, от которых оно исходит и на которых оно действует.

Убеждения некоторых политических и религиозных сект доходят подчас до того, что обращаются в настоящее эпидемическое сумасшествие. Начиная от древних арабских и индийских дервишей до демономаньяков средних веков, которых последние остатки встречаются еще и теперь в Италии; от кликуш, перфекционистов, шекеров Северной Америки до штундистов, шелапут и скопцов России; от народных масс, ведомых Иудой Голонитом и Теудой, предшествующих возникновению христианства, до тех, которые предшествовали возрождению Германии, — во всем этом мы имеем бесконечное разнообразие нравственных эпидемий, эпидемических психозов, которые сначала поражают нас совершающимися благодаря им жестокостями и гнусностями, но которые, будучи исследованы, представляют из себя в сущности болезненное преувеличение акта внушения, являющегося самым всеобщим законом социального мира.

Подобно тому, как, говоря о нормальной жизни, мы можем от влияния (suggestion) одного индивида на другого, учителя на ученика, сильного на слабого и т. д., поднятые до влияния одного лица на целую толпу, до влияния гения мысли или чувства на всех своих современников, главы секты на ее членов, — точно также, говоря о болезненном случае, можно от влияния одного сумасшедшего на другого сумасшедшего же подняться до влияния сумасшедшего на всех его окружающих.

Последнее служит доказательством не только того, что патология управляется теми же законами, что и физиология, но и того, что внушение — универсально.

Легран Дюсоль прекрасно описал сумасшествие вдвоем; эта странная форма умопомешательства происходит от того влияния, которое оказывает помешанный на индивида, склонного конечно к такого рода болезни, который мало-помалу теряет рассудок и получает ту же форму помешательства, что и его подстрекатель.

С этого времени между такими двумя личностями появляется известного рода зависимость; один господствует над другим; последний представляет из себя эхо первого: он делает то, что делает первый, и сила его подражания до того велика, что подчас он видит те же галлюцинации, что и его товарищ.

От этого умопомешательства вдвоем (представляющего в болезненном виде то же, что и влияние учителя на ученика, одного из двух влюбленных на другого — в нормальной жизни) можно подняться до сумасшествия втроем, вчетвером, впятером

и т. д.,⁶ что происходит так же, как и сумасшествие вдвоем. Сумасшедший всегда оказывает влияние на своих родителей, на тех, кто постоянно около него; своим примером он сообщает им свои большие идеи и расстроенные способности; понемногу он достигает того, что сознание у них затемняется и уступает место сумасшествию, которое проявляется или в совершенно такой же форме, как и у него, или же в более легком виде.

Кроме этих достоверных фактов внезапного коллективного умопомешательства, все единодушно приписывают сумасшедшему способность внушения — менее интенсивную, но более общую — по отношению ко всем его окружающим.

"Живя постоянно с лицами, бессвязно думающими, нелогично рассуждающими и поступающими, — *говорит Рамбосон*, — наш мозг, получая от них постоянно ненормальные толчки, стремится принять то же направление, и оно, благодаря своему влиянию на наши интеллектуальные способности, заставляет нас подражать их поступкам".

"Даже один вид больного, — *писал Сепилли* — высказываемые им идеи возбуждают в мозгу лиц, его окружающих, те же самые образы, чувства и движения, могущие, смотря по своей интенсивности и продолжительности, более или менее изменить человека".

Еще до этого относительно сожителства с сумасшедшими Маудсли писал следующее: "Никто не может привыкнуть к непоследовательности в мыслях, чувствах и поступках без того, чтобы искренность и цельность его характера не получили некоторого удара, чтобы не уменьшились ясность и сила его ума".

Кроме такого главного, но медленного, малоинтенсивного, непредвидимого заражения, существует среди умалишенных (особенно у эпилептиков) непосредственное, быстрое, как молния, заражение. Последнее явление отлично от приведенных выше, но причины и происхождение его одинаковы: это — внушение (*suggestion*).

Ван-Свитен заметил, что конвульсивные движения, проявляемые некоторыми детьми, воспроизводятся всеми, кто имеет несчастье быть тому свидетелем. Общеизвестен факт, имевший место в Гарлемском госпитале, где одна молодая девушка, пораженная эпилепсией, внушила моментально эту болезнь всем остальным больным.

Та же постепенность в явлении внушения — одного на другого, одного на нескольких человек, одного на многих — которую мы видели в *умопомешательстве*, целиком воспроизводится и в *самоубийстве*, и в *преступлении*.

Что касается самоубийства, то существует *самоубийство вдвоем*, например, двух влюбленных, из которых один убеждает, внушает другому умереть с ним вместе, — форма весьма частая в наше время; *самоубийство втроем, вчетвером, впятером*, самоубийство целых семейств, которые решаются покончить с жизнью почти всегда вследствие нужды, до которой они бывают доведены. Обыкновенно у отца является мысль о самоубийства; он сообщает ее своей жене и детям и заставляет их последовать своему примеру. Я здесь могу привести два типичных случая одновременного самоубийства нескольких человек; один с семьей Гейем (отец, мать, четверо детей), члены которой покончили с собой при помощи угара в 1893 г. в Париже, и другой — с бретанской семьей Поль (отец, мать и трое детей), бросившейся в море в 1885 г. Существуют еще наконец и *эпидемические*

---

⁶ Роскиоли приводит случай сумасшествия вчетвером. У честных и работающих супругов было 3 дочери. Младшая, молодая 19-тилетняя девушка, неожиданно подверглась в церкви острым припадкам помешательства и в таком состоянии была приведена домой. Это так подействовало на отца, что, спустя только 8 дней, он находился уже в беспокойном состоянии панофобии. Спустя немного и мать подверглась той же участи, и наконец, через 15 дней, старшая дочь также была охвачена умственным исступлением.

самоубийства, чему можно привести массу примеров. По Эбру, в Лионе некоторые женщины, разочаровавшись в жизни, бросались по 2 и по 3 вместе в Рону. В Марселе несколько молодых девушек сообща лишили себя жизни из-за любви.

Что касается преступления, то о нем можно повторить буквально то же, что и о самоубийстве: существуют преступления, совершенные вдвоем, причем прирожденный преступник влияет (*suggestionne*) и увлекает за собой случайного преступника, делая его своим рабом; существуют *преступные ассоциации*, главы которых увлекают юных случайных преступников единственно силою своей воли и той нравственной властью, которую они пользуют над ними. Существуют наконец и *эпидемии преступления*, имеющие место преимущественно среди многочисленных разбойничьих банд, и особенно в преступлениях против нравственности. Когда бедная девушка делается жертвою многих негодяев, они не довольствуются ее обесчещением; достаточно одному из них сделать попытку к ее истязанию, чтобы все его сотоварищи, находясь в настоящем исступлении, стали ему сейчас же подражать. Это именно и случилось с одной несчастной женщиной, которая, будучи схвачена и изнасилована шайкою в 15 человек, должна была потом переносить самые гнусные жестокости. Один из разбойников показал пример; остальные моментально стали ему весьма охотно подражать, распевая и прыгая около тела несчастной.

Итак, неужели не очевидно, что такое внушение должно быть также причиною и манифестаций толпы? Неужели не очевидно, что и среди толпы крик одного человека, слова оратора, поступок нескольких смельчаков — являются внушением по отношению ко всем тем, кто слышит этот крик и эти слова, или видит этот поступок, и что оно доводит их, как покорное стадо, даже до преступных деяний? Не ясно ли, что в толпе-то именно и проявляется самым резким образом явление внушения и что там оно переходит от формы *вдвоем* к *эпидемической*, так как в толпе единство времени и места и непосредственное общение индивидов доводят быстроту эмоционального заражения до *nes plus ultra*.

Я приведу несколько прекрасных мест из книги Эспинаса "Социальная жизнь животных", переведенной на русский язык.

В них мы найдем — весьма ясно и точно — физиологическое объяснение психологии толпы.

Известный французский натуралист, говоря о возникших из семьи обществах, и приводя в пример ос, замечает, что у этих животных разделение труда достигло большого совершенства, и что есть даже осы, исключительно предназначенные для забот об общественной безопасности. Дело происходит при этом так: гнездо охраняется часовыми, оберегающими вход; заметив опасность, они входят внутрь и уведомляют об этом других ос, которые в гневе вылетают и жалят своих врагов.

По нашему мнению, единственной причиной этого — **один только вид возбужденного индивида, так как в пределах духовной жизни следующий закон является всеобщим: проявление известного душевного состояния возбуждает такое же состояние у того, кто его наблюдает.**⁷ Ниже тех пределов, где царит ум, для полного однообразия в движениях необходимо, чтобы внешние обстоятельства подействовали одновременно на всех индивидов; но там, где возможно представление, достаточно, чтобы хоть один индивид был возбужден внешними

---

⁷ Этот закон, исследованию которого много содействовал как Эспинас, так и другие известные современные психологи, был уже в начале нынешнего столетия сформулирован Кабанисом. "Благодаря одному только могуществу своих внешних проявлений, писал он, впечатления могут передаваться от одного чувствующего существа - другим, которые, чтобы их получить, по-видимому отождествляются с первым". Впрочем, закон этот был подмечен еще гораздо раньше. Гораций в *Arts poetica* говорит: "как смех вызывает смех, так и слезы вызывают плач, главное здесь - внешность: если хочешь видеть меня плачущим, заплачь сам".

обстоятельствами для того, чтобы все почти сейчас же были возбуждены точно также. В самом деле, **возбужденный индивид выражает свое состояние сознания весьма энергично; оса, например, жужжит особенным образом, соответствующим соотношению гнева и беспокойства; остальные осы слышат и представляют себе это жужжание; но они не могут себе его представить без того, чтобы нервные нити, производящие его обыкновенно, не были более или менее возбуждены.**

У высших животных легко заметить такой психологический факт, что всякое представление о каком-либо действии заставляет начать исполнение этого действия: коза, которой показывают кусок сахара, собака, которую манят куском мяса, облизывают губы и выделяют слюну, как будто они уже имеют эти лакомые для них вещи у себя во рту. Ребенок и дикарь сопровождают свой рассказ усиленной мимикой.

Чем менее сконцентрирована мысль, тем порывистее происходят движения, порожденные таким образом. Наши осы, видя, что одна из них входит в гнездо и затем быстро из него вылетает, сами собой направляются к выходу, и на жужжанье, издаваемое первой, отвечают тем же. Отсюда общее возбуждение всех членов общества".

Это мастерское описание Эспинаса достаточно, я полагаю, объясняет нам психологию толпы.

Рамбосон в своих "*Phénomènes nerveux*" приложил к нервным и интеллектуальным явлениям, которые распространяются при помощи заразы, закон распространения и трансформации экспрессивного движения. Он допускает, что всякому психологическому состоянию соответствует движение частичек мозга, проявляющее наружу изменениями физиономии, осанки, жестами, координированными особым образом. Это движение не останавливается, но распространяется в пространстве и сообщается, не изменяясь, другому мозгу, воспроизводя то же явление. Смех, печаль распространяются согласно с этим законом. Передача церебрального движения на расстоянии является причиной распространенности всех, как самых простых, так и самых сильных явлений нервной активности. Ясно, что теория эта, в сущности, та же, что и теория Эспинаса, который на нескольких страницах развил ее яснее, чем Рамбосон в целом томе.

III.

Однако, заметит кто-нибудь, все то, что вы до сих пор сказали, достаточно для объяснения некоторых движений или известных поступков толпы, но отнюдь не объясняет всего. Это объяснит нам, почему, если аплодирует один, то аплодируют все; если бежит один, то обращаются в бегство и все; почему чувство гнева, испытываемое одним, отражается сейчас же на лицах всех. Но это не объясняет нам, почему гнев влечет к дурным поступкам, к человекоубийству; этого недостаточно, чтобы объяснить, каким образом толпа доходит до таких крайностей, как убийство и резня, до ужасных жестокостей, которых, может быть, самый страшный пример мы видим во французской революции. В подобных случаях ваша теория — по которой душевное движение распространяется благодаря тому, что один какой-нибудь индивид проявлением этого душевного движения оказывает влияние (*suggestion*) на всю толпу, и что в последней, непосредственно вслед за представлением об известном действии, следует импульс — совершенно недостаточна. Вы не можете сказать, что какой-нибудь человек убивает исключительно потому, что видит, как убивает другой, или что последний принял только соответствующую позу. Чтобы сделать из человека убийцу, нужна другая причина.

"Что, — спрашивает Барбаст (*Barbaste*), — происходит в сердцах людей, когда они подобным образом увлекаются сообщая к убийству, к пролитию крови? Откуда появляется эта подражательная способность, заставляющая и увлекающая их уничтожать друг друга? **Результатом исследования этого вопроса является предположение о врожденном предрасположении к убийству, о каком-то инстинктивном бешенстве — печальных атрибутах человечества, находящихся могущественную поддержку в склонности к подражанию.** Внешние обстоятельства всякого рода, действуя на эти скрытые способности, возбуждают их и заставляют прорываться наружу.

В одном случае — вид крови порождает идею о пролитии ее; в другом, прозелитизм, корпоративный и партийный дух побуждают к действию всякого рода дурные страсти, вооружающие человеческую руку для пролития крови. Иногда все сводится к воображению, усиленно работающему, благодаря раздражительности темперамента, приводящего человека в беспокойство при рассказе о каких-либо несчастных случаях, заставляющему его бросать грома и молнии, когда они преданы гласности, и обращающему в один миг самого робкого человека в настоящего дикого зверя".

Еще до Барбаста, Лавернь для объяснения преступлений толпы прибегнул к предположению о природной склонности человека к убийству. "Подражательный центр, — писал он, — находится в одном ряду с центром драчливости и жестокости. Во время анархии и революций все совершаемые преступления являются результатом функций этих трех пунктов мозга, бесконтрольно властвующих над умом и рассудком, которым они должны быть подчинены. Человек, жестокий от рождения, засучивает тогда рукава и делается поставщиком гильотины. Подражать ему явится толпа тех, которые желали образца, ждали только толчка к тому, что они чувствовали себя способными сделать. Их жертвами будут слабые и недеятельные люди, вообще такие, которые, благодаря хорошим образцам, хорошим примерам мудрости и рассудительности, сделались гуманными и благочестивыми, и у которых органы жестокости и подражания, хотя и имеют над ними большую силу и значение, должны были однако уступить *labori improbo* ума и чувства".⁸

Прежде всего следует отметить, что толпа вообще больше расположена ко злу, чем к добру.

Героизм, доблесть, доброта могут быть качествами одного индивида; но они никогда, или почти никогда, не являются отличительными признаками большого собрания индивидов. В этом нас убеждает самое обыкновенное наблюдение: толпа индивидов всегда наводит страх; очень редко от нее ждут чего-нибудь хорошего. Весь мир знает по опыту, что пример развратника или помешанного может увлечь толпу к преступлению; очень немногие верят, и на самом деле это происходит весьма редко, чтобы голос порядочного или смелого человека мог убедить толпу успокоиться.

Коллективная психология, как это было сказано нами во введении, богата сюрпризами: сто, тысяча человек, соединившись, могут совершать поступки, которых не совершит ни один из них в отдельности, но эти сюрпризы по большей части печального свойства. От соединения хороших людей вы почти никогда не получите прекрасных результатов; часто результат будет только посредственным, подчас даже очень скверным.

---

⁸ Шопенгауэр говорит, что преимущественно в народных восстаниях появляются на сцене эгоизм и жестокость, основные качества человека. "Когда остервенелая толпа нарушила законы или порядок, тогда во всей силе выступает известная *bellum omnium contra omnes*, удивительную картину которой Гоббс нарисовал в первой главе своего *De cive*. Тогда делается ясным, как каждый не только похищает у других то, чего он жаждет, но и уничтожает счастье и существование себе подобных с единственной целью сделать хоть ничтожную прибавку к своему благоденствию". (*Мир, как воля и представление*, кн. IV).

Толпа — это субстрат, в котором микроб зла развивается очень легко, тогда как микроб добра умирает почти всегда, не найдя подходящих условий жизни. Почему же так?

Не говоря здесь о разнообразных элементах, из которых состоит толпа, где рядом с сердечными людьми, находятся индифферентные и жестокие, рядом с честными — очень часто бродяги и преступники, и ограничиваясь на минуту общим обзором, мы можем ответить на этот вопрос, сказав, что среди множества лиц хорошие качества отдельных индивидов, вместо того, чтобы слагаться, взаимно уничтожаются.

Они уничтожаются, во-первых, вследствие естественной, скажу даже, арифметической необходимости. Подобно тому, как среднее арифметическое нескольких чисел не может, конечно, равняться большему из них, точно так же собрание людей не может отражать в своих поступках более возвышенные способности, свойственные только некоторым из них; оно будет представлять только те отличительные черты, которые свойственны всем или большей части индивидов.

"Самые последние и лучшие наслоения в характере, — *говорит Серги,* — образованные и собранные в нескольких индивидах цивилизацией и воспитанием, и сделавшие их, таким образом, привилегированными, затемняются средними слоями, являющимися достоянием всех; в общей сумме первые исчезают, последние одерживают верх".

С точки зрения *нравственности*, в толпе происходит то же, что, как мы показали выше, происходит в многочисленных собраниях людей, с *интеллектуальной* точки зрения. Сотоварищество одинаково — по отношению к общему результату — уменьшает как талант, так и добрые чувства.

Этим нам совсем не желательно сказать, что толпа совершенно неспособна ни к какому благородному и великому поступку,⁹ что она далека от великих мыслей или чувств. У нас очень много фактов, могущих опровергнуть это: так, главным образом все те, которые берут свое начало из любви к отечеству и которые — начиная от 300 спартанцев, умерших при Фермопилах, до последних мучеников за итальянскую независимость — образуют, так сказать, священный путь, доказывающий сам по себе, что толпа так же хорошо, как и один индивид, может подняться до самой высшей степени самоотвержения и героизма.

Я хотел только констатировать, что толпа, вследствие рокового арифметического закона психологии, предрасположена ко злу более, чем к добру, точно так же, как всякое собрание людей предрасположено давать интеллектуальный результат более низкий, чем должна дать сумма таких единиц. В толпе находится скрытое стремление к жестокости, являющееся, так сказать, сложным органическим фактором ее будущих поступков и этот фактор, подобно антропологическому фактору в индивиде, может принять хорошее или дурное направление, смотря по обстоятельствам и тому внушению, которое будет на него действовать извне.

Точно так же, как и собрание, представляющее средний интеллектуальный уровень, может подчас подняться до понимания гениальной идеи или благородного чувства, если кто-нибудь сумеет их изложить в соответственной форме, точно так же, повторяем, и толпа со средним и даже низким нравственным уровнем может прийти в некоторых случаях до совершения героических подвигов, если найдется апостол

---

⁹ В первом издании этого сочинения я указал на случай, когда индивид может быть увлечен толпой к добру скорее, чем ко злу. Я сказал, что в политических революциях возможно, что человек, увлеченный энтузиазмом и возбуждением толпы, делается героем или мучеником, тогда как в обыкновенное время он был бы простым, добрым гражданином, или даже плохим гражданином, если бы жил среди испорченных людей. По этому поводу я привел слова Мора, относительно парижского гамена, который "в мирное время к 16-ти годам занимается уже грязными делишками, делается вором, убийцей и т. п., и с 28-летнего возраста поступает в тюрьму Ларокет, откуда получает билет в Новую Каледонию; во время же баррикад - он умирает, как герой".

или атаман, умеющий ею руководить... Жалкая посредственность в первом случае и жестокость — во втором могут таким образом превратиться в великие и даже прекрасные мысли и чувства, благодаря оратору, вождю или вообще тому, кто является виновником данного поступка толпы.

Последнее условие было изложено Пюльезом в великолепном сравнении: "Толпа возбуждена; но сила, способная привести ее в движение, подобно взволнованному морю, не начала еще своего действия; — котел находится под давлением пара, но еще не открыта заслонка, долженствующая выпустить пар; — куча пороху приготовлена, но никто не поднес к ней огня, чтобы ее воспламенить... Но вот подымается человек, появляется идея или слышится крик: "смерть такому-то, врагу народа!" или: "освободим такого-то, друга бедных!" — и толчок дан, заслонка открыта, порох воспламенен. Вот — толпа".

Итак, в толпе, как и в индивидуе, всякое действие обусловлено двумя рядами факторов: антропологическим и социальным¹⁰: толпа потенциально может быть чем угодно, и только случай дает тот или другой исход ее силам. Однако, здесь есть некоторая особенность: *случай*, т. е. слово или крик человека, является по отношению к толпе бесконечно более важным, чем по отношению к отдельному человеку. Отдельный человек — в обществе, в нормальном состоянии — всегда более или менее маловоспламеняемая материя: приблизьте к ней горящий трут, она будет гореть более или менее медленно, а то и совсем потухнет. Толпа, наоборот, всегда похожа на кучу сухого пороха: если вы приблизите к ней фитиль, то взрыв не заставит себя долго ждать. Случай, таким образом, является в толпе, весьма *страшным, благодаря своей непредвидимости*.¹¹

---

¹⁰ Наверяд ли нужно прибавлять, что, говоря о двух рядах факторов, антропологическом и социальном, мы совсем не желаем исключать физические факторы. Мы говорим специально о двух первых потому, что они одни только и интересны при нашей аргументации.

Ломброзо и Ляши занимались вопросом о влиянии климата на революции и мятежи. Приводя статистические данные возмущений в древности по месяцам и временам года, они пришли к следующим выводам: летом число вспышек всегда более велико, зимой менее; число это достигает максимума в продолжение месяца, следующего за началом самой сильной жары, - в *июле*, и, напротив, оно делается минимальным в *ноябре*, когда начинаются холода.

Не имея времени собрать самые новые данные по этому вопросу, я совершенно оставил изучение физических факторов.

¹¹ Эту истину можно доказать и для других случаев, кроме тех, где рассматриваются преступления толпы, например вовремя народных политических выборов. Имя, искусно и во время брошенное в толпу, привлекает всех далее помимо их воли и только потому, что оно произнесено. Если бы тогда назвать другого, эффект был бы тот же. Этому можно привести тысячи примеров; вот один: когда турецкий султан Осман был низложен, никто из свергнувших его не думал делать этого; они только униженно просили о справедливом удовлетворении нескольких жалоб. Вдруг один голос, который никогда не был узан, случайно выделился из толпы: произнесено было имя Мустафы, и нежданно-негаданно Мустафа стал султаном. (Монтескье. "Персидские письма", письмо 81).

Если верно, что все зависит от случая, то не менее вероятно и то, что случай оказывается дурным гораздо чаще, чем хорошим.

Это происходит вот почему: если бы в толпе число людей, желающих вести ее на доброе дело, было равно числу людей, стремящихся увлечь ее к дурному поступку, то последние в большей части случаев одержат верх. Злоба — качество гораздо более *активное*, чем добродушие, ибо класс злых состоит из тех, кто желает нанести другим вред, тогда как класс добрых составляют люди, *не делающие никогда другим зла* (люди пассивные) и затем, вообще, такие, которые не только никогда не причинили другим зла, но которые желают делать добро и делают его, но легко понять, что пассивная доброта не может влиять на толпу и руководить ею: эти отрицательные качества делают пассивно добрых людей слепыми орудиями тех, кто сумеет одержать верх.

Что касается до *активно* добрых, то их влияние встречает массу затруднений, так как если они попытаются вмешаться, реагировать против влияния злых, если они захотят восстановить спокойствие, то очень часто наткнутся на превратное толкование своих мыслей, на обвинения в трусости или в чем-нибудь еще более худшем.

Вот почему если они и дерзнут когда-нибудь на реакцию, то вторично уж этого не сделают, и влияние (suggestion) тех, которые желают создать что-нибудь серьезное, не встретит никакого препятствия. Сколько людей кричат во время народных восстаний: "смерть!" или "да здравствует!" только потому, что боятся, если будут безмолвствовать, обвинения со стороны соседей в трусости. И сколько, на том же самом основании, переходит от слов к поступкам! Необходима недюжинная сила воли, чтобы воспротивиться тем крайностям, который совершает окружающая вас толпа, и очень немногие обладают такого рода силой. Большая часть понимает, что поступает дурно, и все-таки делает это, потому что ее толкает и увлекает толпа. Члены ее знают, что не последуй они за общим течением, им придется расплатиться за это званием подлецов и сделаться жертвами чужого гнева. Чисто материальный страх быть обруганным и получить побои соединяется с моральным страхом — прослыть трусом.

Так как всякое состояние сознания, по словам Рибо,¹¹ сопровождается определенными телесными движениями, которые являются не только его следствием, но необходимым условием, то между состоянием сознания и его внешними проявлениями всегда существует взаимное отношение в том смысле, что первое не может появиться без того, чтобы не произвести вторых, и наоборот.

"Лица, — *говорит Рибо*, — бросающаяся в пропасть из страха туда упасть; те, которые наносят себе порезы бритвой, из страха обрезать, и известное всем чтение мыслей, представляющее не что иное, как чтение мускульных сокращений, — все это кажется обществу странным только потому, что последнему неизвестен основной психологический закон, по которому всякий образ заключает в себе стремление вызвать известное движение".

является не только проявлением страсти, но скорее даже ее основным элементом. Выразите на вашем лице какое-нибудь душевное состояние — гнев ли, удивление или злобу — и в вас не преминет появиться это именно состояние, и совершенно напрасно старание испытать какое-нибудь чувство в то время, когда черты вашего лица выражают совершенно другое душевное состояние".

"Обыкновенное мускульное движение, — *весьма удачно замечает Маудсли*, — является не только проявлением страсти, но скорее даже ее основным элементом. Выразите на вашем лице какое-нибудь душевное состояние — гнев ли, удивление или злобу — и в вас не преминет появиться это именно состояние, и совершенно напрасно старание испытать какое-нибудь чувство в то время, когда черты вашего лица выражают совершенно другое душевное состояние".

Шарко резюмировал следующим образом: "всякое движение, получаемое нашими мышцами извне, всякая нервная сила, развивающаяся в организме, возбужденном какой-нибудь посторонней и произвольной причиной, определяет целый ряд состояний мозга и изменений в ходе мыслей, способных передаваться при помощи известной осанки и сопровождающих ее экспрессивных движений".

Итак ясно, что толпа, в которой было выражено какое-нибудь душевное состояние, вроде гнева или ярости, в одно мгновение будет возбуждена не только чисто внешним образом, но и приведена в самую реальную ярость. Отсюда легко понять,

---

каким образом, не находясь даже под влиянием антропологического фактора, она может прийти до преступления.

Все индивиды, входящие в состав толпы, находятся в психологических условиях, аналогичных с тем, в которых находится один лично возбужденный и оскорбленный индивид. Поэтому-то преступление, ими совершенное, не будет непонятным зверским поступком, а скорее реакцией (справедливой или несправедливой, но всегда естественной и вполне свойственной человеку) против причины или того, что считается причиной этого возбуждения, чувствуемого, благодаря эпидемии, всеми.

Антропологический фактор, без сомнения, играет немалую роль в преступлениях такого рода, но главным мотивом, тем не менее, будет реальное чувство гнева и реальное раздражение большинства. Такое чувство гнева производит преступления толпы, весьма похожие на действия случайных преступников, доходящих, как известно, до преступления только тогда, когда их толкает на это сила обстоятельств или внутренние побуждения.

Мы говорим здесь о неоспоримом психологическом законе, по которому интенсивность душевного движения возрастает прямо пропорционально числу лиц, разделяющих это движение в одно и то же время и в одном и том же месте. В этом заключается причина того неистовства, до которого доходит подчас энтузиазм или порицание в театрах или в каком-нибудь другом собрании.

Теперь мы находимся перед явлением, которое было названо Энрико Ферри *психологическим брожением*: зародыши всех страстей поднимаются из глубины души, и, как в химических реакциях между несколькими веществами получают новые и отличные вещества, точно так же от психологических реакций между некоторыми чувствованиями возникают новые, страшные, неизвестные до этого времени человеческой душе порывы.¹¹

В подобных случаях, когда нет возможности не только рассуждать, но даже ясно видеть и слышать, самый ничтожный факт принимает грандиозные размеры и малейшее возбуждение доводит до преступления. В этих-то случаях толпа предаёт смерти невинного человека, не выслушав даже его, так как, по словам Максима Дюкана, "достаточно одного подозрения; протесты бесполезны; убеждение — глубоко".

Отсюда естественно заключить, что возбуждение и гнев толпы, которая, как было показано выше, чувствует их очень глубоко, переходят в короткое время, благодаря одному только влиянию численности, в настоящее бешенство. После этого нет ничего удивительного в том, что толпа доходит до самых ужасных преступлений.

Это страшное влияние численности, которое, по моему мнению, замечено всеми и которое мы пытались выше объяснить, подтверждается наблюдениями всех естествоиспытателей. Так, хорошо известен факт, что храбрость какого-нибудь животного увеличивается прямо пропорционально числу сотоварищей, которых он видит перед собою, и таким же образом уменьшается от большей или меньшей степени его изолированности.

Эволюционист в душе, я не могу одобрить тех, которые хотят при помощи насилия дать возможность восторжествовать известной идее: "насилие и истина, — сказал Паскаль, — это две могущественные силы, не действующие друг на друга: истина не может управлять насилием, и последнее никогда не пользовалось для своих целей истиной".

Всякая диктатура по необходимости приводит к деспотизму и несправедливости, так как тот, кто имеет возможность сделать все, на все решается. Это считается психологическим законом.

Таким образом вполне естественно, что 100, 1000, и 2000 человек, случайно собранные вместе, сознавая свою силу и видя себя хозяевами известного места, считают себя вправе быть судьями, а подчас даже и палачами. "Неожиданное всемогущество и безнаказанность за убийство, — писал Тэн, — чересчур крепкое вино для человеческой головы: головокружение наступает быстро, перед глазами появляются красные круги, и от иступления человек доходит до жестокости".

В подобных случаях на сцене появляются самые зверские страсти; даже в цивилизованном человеке просыпается мгновенно свирепость, и чтобы объяснить это явление, нам почти против воли приходится обратиться к гипотезе Барбаста и Лаверня: что в человеке просыпается врожденное стремление к убийству себе подобных, скрытое подобно огню, находящемуся под пеплом, но ожидающее только искры, чтобы, вспыхнув, проявиться наружу.

Понятно, что этому-то мы и должны сверх *внешних*, вышеозначенных причин — приписать преступления толпы. Потому что, если описание человеческого характера, сделанное Серги, имеет твердое основание, а не представляет из себя простого уподобления, то очень логично и естественно допустить, что самые низкие слои характера поднимаются наверх, когда психологическая буря совершенно переворачивает наш организм.

Однако то, что какой-нибудь человек, в особенности человек народа, которого долгие века цивилизации приучили к состраданию, делается в одно мгновение неограниченным властителем и в тоже время палачом, — не проходит для него безнаказанно. Хотя его и толкает на преступление просыпающийся в нем дикий инстинкт, хоть он и возбужден против своих жертв, нанося им оскорбления и несправедливости, но при всем том он смутно чувствует, что совершает какой-то необычайный поступок, и душа его, подобно Макбетовой, "полна скорпионов". Если верно, что толпа совершает подчас такие жестокости, которые никогда даже не снились самому пылкому воображению, но также истинно и то, что иногда она не совершает многих чудовищных преступлений, даже будучи в состоянии их совершить.

Рядом со слепой, жестокой, неукротимой, потерявшей всякое чувство справедливости, находящейся в состоянии буйного умопомешательства толпой — существует толпа, которая не переходит через известные границы, которая раскаивается, совершив какое-нибудь преступление, и следует советам того, кто желает водворить в ней спокойствие.

Доказательством этому может служить история всех революций, как больших, так и малых, как политических, так и религиозных и экономических, и это разнообразие в манифестациях весьма ясно указывает на то, что причиной преступлений толпы бывает не одно только внушение, влияние численности и нравственное опьянение, являющееся результатом победы атавизма над медленным, вековым трудом воспитания.

Никакие эпизоды не могут быть лучше тех, которыми изобилует французская революция. Народ был тогда диким зверем, ненасытным в своей жажде к грабежу и убийству. Никто не мог обуздать своей ярости; видя подачку своему кровавому, жестокому инстинкту, всякий остервенялся все более и более.

"В спокойное время, — *говорит Карлье*, — когда усмирненные политические страсти не штурмуют каждое утро власть-имущих, полицейская администрация пользуется нравственной властью над содержателями всяких подозрительных мест, фланерами, бродягами, вообще над всеми подонками общества, — властью, которая несколько

сдерживает последних. Всю жизнь свою они скрываются, и приближение полицейского агента обращает их в бегство. Но пусть только начнет просыпаться общественное мнение; пусть ежедневная пресса начнет вести себя наступательно по отношению к легальности некоторых поступков префекта полиции: тотчас все эти люди сделаются высокомерными и задерут голову. Они начнут сопротивляться агентам и бороться с ними; они будут участвовать во всех мятежах, и если получат откуда-нибудь удар, то станут считать себя в числе политических жертв. Приходят революции, и они со своими друзьями, которых увлекают с собою, делаются самыми жестокими, самыми двусмысленными ее деятелями"...

"Этот класс людей без определенной профессии,- *прибавляет Гиске*, — (класс многочисленный, составленный из людей, не имеющих почти никакого крова, которых дурные наклонности заставили сбросить с себя узду закона и нравственности) -является в количественном отношении весьма малой частью народонаселения; но, принимая во внимание его лень и несчастья, взвесив бродящие в нем дурные страсти, мы придем к убеждению, что **тут-то преимущественно и находится ужасная угрожающая все ниспровергнуть сила**. Эта масса пользующихся дурной славой людей неустанно пополняется и увеличивается во время смятения авантюристами, людьми с запятнанной репутацией, потерявшими кредит и доброе имя в департаментах и пришедшими в Париж искать убежища. К ним можно еще присоединить завсегдаев кабаков и всевозможных притонов, одним словом, сомнительных личностей всех родов; и когда вся эта грязь приводится в движение политическими страстями, то к ним присоединяются также и люди с расстроенным воображением, чувствующие потребность в сильных ощущениях и находящие их в уличных драмах, в народных волнениях".

Всякий знает по опыту, насколько это справедливо. Лишь только появляется на горизонте какая-нибудь политическая буря и на улицах обнаруживается некоторое необычайное одушевление, выражающееся в собраниях и спорах, тотчас же там и сям появляются зловещие фигуры, которых до сих пор никто никогда не встречал. Все задают себе один и тот же вопрос: откуда они взялись, и задумываются над этими личностями, которые, почуяв издали запах падали, выходят из своих логовищ.

В Париже в страшные дни 1793 года эти личности являлись душою всех злых дел, которые тогда были совершены.

Очевидец рассказывает, что большое число бродяг, показавшихся в Париже вскоре после первых признаков революции, шныряло по городу и увеличивалось в числе, соединяясь с рабочими, вышедшими из мастерских. Вооруженные всевозможными родами оружия, они оглашали воздух мятежными криками. Жители разбегались при приближении этих ватаг; ворота домов запирались; все улицы казались пустынными и необитаемыми, кроме тех, по которым шли эти бешеные орды. "Когда я, — говорит Матье Дюма, — пришел к себе в квартал Сен-Дени, один из самых людных кварталов Парижа, многие из этих разбойников палили в воздух из ружей, желая вселить ужас в жителей".

Однако в числе всех вышеуказанных личностей не одни только преступники принимали участие в революции: между ними были и сумасшедшие. Вышедшие из госпиталей, которых двери были им открыты революционной толпой, они совершенно свободно могли предаваться безумию на площадях и улицах. Большое число этих несчастных бегало по Парижу, внося повсюду беспорядок и ужас.

"Сын одной сумасшедшей (*рассказывает Тебальди*), проводивший обыкновенно свою жизнь или в тюрьме, или в больнице умалишенных, был одним из самых

неумолимых сыщиков, убийц, поджигателей. Но самой знаменитой из всех была Ламбертина Теруан, эта кровавая героиня, поведшая толпу на штурм инвалидного дома и взятие Бастилии, и умершая в Сальпетриэре, ползая голая по полу и роясь в находящихся там нечистотах".

Преступники, умалишенные, дети умалишенных, алкоголики,¹¹ вообще социальная грязь, лишенная всякого нравственного чувства и развращенная преступлением, — составляли самую главную часть бунтовщиков и революционеров.

Мы не говорим о нравственной испорченности прирожденного преступника, которая не повреждает его интеллектуальных способностей; здесь речь идет о настоящем умопомешательстве, выделяющем из среды ему подобных того, кто совершает такие гнусные поступки. — Что толпа находилась в состоянии такого именно умопомешательства, мы имеем доказательства не только в гнусности преступлений, ею совершаемых, но и в той ничтожной степени рассудка, которую она проявляет перед их совершением. Толпа предпочитает убить своих друзей (или по крайней мере тех, кого она считает такими) вместе с врагами, чем ждать, пока они отойдут в сторону.

Эта способность опомниться, которая невозможна у прирожденного преступника, тем паче невозможна у толпы, содержащей настоящих преступников и достигшей высшей степени безумия. Думать, будто ее можно укротить спокойствием и энергией, совершенно то же, что полагать, будто можно укротить спокойствием и энергией убийцу, нападающего на вас ночью среди дороги, или буйного сумасшедшего, который вам угрожает.

"Гипнотическое внушение, — *говорит Лядам*, — действует на больной и усыпленный мозг совершенно так же, как и обыкновенное внушение, когда человек уверяет других в том, в чем он желает их убедить, Гипнотическое внушение тождественно с убеждением, которое имеет место в нормальном состоянии; оно только значительно усиливает могущество оказываемого нами на других влияния, подавляя сопротивление, существующее в состоянии бодрствования".

Итак, возможно ли при помощи гипнотического внушения заставить человека совершить какое угодно преступление? Возможно ли совершенно уничтожить его личное "я" и направить его к совершению поступков, которых он никогда не совершил бы, будучи в состоянии бодрствования и имея возможность рассуждать?

Если положиться на школу Нанси, то придется ответить утвердительно.

Льебо писал: "Усыпитель может внушить сомнамбулистам что угодно и заставить их исполнять его приказания не только в состоянии сна, но даже и после того, как они проснутся". По его мнению, сомнамбулист слепо повинуетя внушению: "он идет к цели с той фатальностью, с какой падает брошенный нами камень". И многие факты могут по-видимому утвердить абсолютную справедливость этого положения.

Только после целого ряда постепенных внушений индивид может подчиняться опасным и рискованным приказаниям. Всякий раз, как он выказывает некоторое сопротивление или отказывается безусловно повиноваться, повторяют внушение, прибавляя к нему пояснения, делающие его более отчетливым и понятным: т. е. поясняют содержание какого-либо акта целым правильным рядом положительных и отрицательных внушений. При первых словах сомнамбулист часто протестует, но если настоятельно повторять утверждение, ум его колеблется, он по-видимому размышляет; кажется, будто в нем просыпается смущающее его

воспоминание; наконец приведенный в уныние неустанно нарастающими внушениями, он автоматически им уступает.

Гипнотизируемый повинуетсЯ хотя и автоматически, но не без некоторого сопротивления, не без того, чтобы сейчас же впасть в истерию, которая доказывает, чего ему стоило повиноваться полученному приказанию. Это, если можно так выразиться, — *посмертный протест* организма, совершившего против своей воли какой-нибудь поступок, против которого он возмущен, и который внушает ему ужас.

Таким образом, если подчас и верно, что даже в случае упорного сопротивления известного субъекта можно заставить его исполнить данное ему приказание, повторяя внушение все более и более настоятельно и с большой решительностью, то при всем том совершенно нелепо, будто "автоматизм (как утверждает Бони) совершенно абсолютен, так что субъект теряет самопроизвольность и волю, имея их лишь столько, сколько оставляет ему гипнотизирующий; он реализует в самом прямом смысле этого слова известный идеал: быть слепым орудием в руках своего обладателя".

Сомнамбулист всегда, хоть *несколько*, остается самим собою, так как он проявляет свою волю, выражая это в тех усилиях, которые ему приходится делать, чтобы противиться внушению. И если подчас он уступает, то это показывает только его индивидуальную слабость, а не всемогущество внушения, прежде чем он совершает воображаемые преступления не без сопротивления, и впоследствии никогда их не повторяет.

Впрочем случаи, когда субъект, имея вообще силу сопротивляться, повинуетсЯ внушению, оскорбляющему нравственное чувство, весьма редки. Эти случаи, исследованные преимущественно в школе Сальпетриэр, и доказывают неосновательность мнения школы Нанси. Против уверений Льебо, Льежуа, Бони мы можем выставить наблюдения Шарко, Бруарделя, Фере, Лорана, Дельбефа и др.

"Сомнамбулист, — *говорит Жиль Делатурет*, — совсем не машина, которую можно заставить вертеться как угодно: он обладает некоторой индивидуальностью, уменьшенной, правда, до *minimum'a*, но в некоторых случаях являющейся во всей своей силе". "Сомнамбулист, — *замечает Фере*, — может сопротивляться определенному внушению, находящемуся в противоречии с его основным чувством", и — *прибавляет Бруардель* — "он реализует только приятные или безразличные внушения". *Наконец Питр уверяет*, что "неответственность загипнотизированных субъектов не всегда безусловна".

Если при гипнотическом внушении, самом сильном и могущественном из всех внушений, нельзя достичь полного уничтожения человеческой индивидуальности, а только одного лишь ее ослабления, то на гораздо большем основании мы можем сказать, что эта индивидуальность сохранится в состоянии бодрствования, даже если бы внушение достигло самой высшей степени, как например среди толпы.

Преступление, совершенное индивидом среди разъяренной толпы, всегда будет таким образом иметь часть своих мотивов (как бы они ни были малы) в физиологической и психологической организации его виновника. Следовательно, последний всегда будет за него в ответе пред законом.

Истинно честный человек не будет повиноваться преступным приказаниям гипнотизера и точно также не попадет в тот водоворот эмоций, куда влечет его толпа.

К несчастью, могучие натуры, выходящие с победой из всех соблазнов, избегающие всякого уклонения с принятого ими однажды направления, весьма редки. Если, как говорит Бальзак, существуют *люди-дубы* и *люди-кустарники*, то последние, конечно, составляют большинство. Для большей части людей жизнь является целым рядом уступок, так как, не имея силы принудить среду приспособиться к себе, они принуждены сами приспособляться к среде.

В этом обширном классе слабых личностей существуют бесконечные переходы от таких, которых Бенедикт назвал *неврастеничными*, не оказывающих никакого сопротивления внешним импульсам, до таких, которых Серги отметил именем *низкопоклонников*, из подлости подчиняющихся чужой воле и ради выгоды поворачивающихся туда, куда дует ветер; от добрых, но трусливых и легковерных существ, принимающих какую угодно предлагаемую им идею, до людей, меняющихся, благодаря непостоянству и раздражительности их темперамента.

Воля, говорит Рибо, подобно уму, имеет своих идиотов и своих гениев со всеми возможными, как в той, так и в другой крайности, оттенками.

Но слабость характера, как бы она ни была достойна презрения, как бы она ни была велика, имеет в общем следующий неминуемый результат: она делает человека более или менее податливым относительно внушений, исходящих из окружающей среды.

"В каждом действии лица со слабой волей часть его поступков, — *говорит Рибо*, — определяемая индивидуальным характером, **минимальна**, между тем как часть, обуславливаемая внешними обстоятельствами, **максимальна**".

Поместите этих людей в благоприятную среду, подвергните влиянию хороших внушений, и они останутся честными, по крайней мере перед лицом закона; наоборот, если их поместить в неблагоприятную среду, окружить вредными внушениями, то они превратятся в случайных преступников или преступников в состоянии аффекта.

Слабость характера заставляет их легко впитывать в себя все, что их окружает: как доброе, так и дурное, причем при одном образе жизни внешние обстоятельства управляют ими легче, чем при другом.

Итак, если подобные метаморфозы происходят в мирной, регулярной, нормальной жизни, то что же будет происходить среди толпы, где в одно мгновение концентрируется такая масса внушений, какой никогда не бывает во всяком другом случае? Не очевидно ли, что все эти личности уступят, и что совершат преступление даже те честные, но слабые люди, которые может быть завтра же обнаружат громадный альтруизм на том же основании, на каком сегодня они позволяют себя увлечь потоком ненависти?

В толпе, *благодаря революции*, происходит то же, и что в частной жизни — *благодаря эволюции*. Коренное изменение характера, начавшееся на первых порах медленно, под влиянием дурных примеров или благодаря развращенному товарищу, — который заставил вас упасть в бездну порока, открыл вам дорогу туда, откуда нет возврата, — увеличивается все более и более, пока совершенно не изменит человека, пока не уничтожит его характера; — все это происходит в толпе в течение нескольких мгновений.

Кроме постепенного и медленного падения, делающего честного еще человека случайным преступником, а впоследствии и преступником по привычке, в толпе существует мгновенное падение, делающее честного человека преступником в состоянии аффекта.

Демонстрации образуются всегда меньшим числом людей, чем то, которое в конце концов принимает в них участие. В этом случае подражательное внушение

оказывает свое влияние не только *непосредственно*, в том смысле, что к первой группе демонстраторов присоединяются из любопытства уличные празднующиеся, но и *косвенным образом*, в том смысле, что большинство, узнав из газет или каким-либо иным образом, что такая то демонстрация будет в такой-то день и в таком то месте, скажет себе: — нужно будет пойти посмотреть! — и пойдет туда на самом деле.

Таким образом, во всех сборищах — лиц, знающих истинную их цель, очень мало: большинство идет, как оно само выражается, *посмотреть*.

ПРИЛОЖЕНИЕ №10

Из книги В.РАЙХА Психология масс и фашизм

WILHELM REICH The mass psychology of fascism

A Condor Book Souvenir Press [Educational] & Academic LTD

Перевод с английского Ю.М. Донца

Предлагаемая вниманию читателя работа В.Райха представляет собой классическое исследование взаимосвязи психологии масс и фашизма. Она была написана в период экономического кризиса в Германии (1930 — 1933 гг.), впоследствии была запрещена нацистами. К несомненным достоинствам книги следует отнести ее уникальный вклад в понимание одного из важнейших явлений нашего времени — фашизма. В этой книге В.Райх использует свои клинические знания характерологической структуры личности для исследования социальных и политических явлений. Райх отвергает концепцию, согласно которой фашизм представляет собой идеологию или результат деятельности отдельного человека; народа; какой-либо этнической или политической группы. Не признает он и выдвигаемое марксистскими идеологами понимание фашизма, которое ограничено социально-политическим подходом. **Фашизм, с точки зрения Райха, служит выражением иррациональности характерологической структуры обычного человека, первичные биологические потребности которого подавлялись на протяжении многих тысячелетий. В книге содержится подробный анализ социальной функции такого подавления и решающего значения для него авторитарной семьи и церкви,**

Значение этой работы трудно переоценить в наше время. Характерологическая структура личности, служившая основой возникновения фашистских движений, не прекратила своего существования и по-прежнему определяет динамику современных социальных конфликтов. Для обеспечения эффективности борьбы с хаосом страданий необходимо обратить внимание на характерологическую структуру личности, которая служит причиной его возникновения. Мы должны понять взаимосвязь между психологией масс и фашизмом и другими формами тоталитаризма.

*"Любовь, труд и познание —
вот источники нашей жизни.
Они должны определять ее ход".
Вильгельм Райх.*

Обширные и кропотливые терапевтические исследования человеческого характера позволили мне сделать вывод, что при оценке человеческих реакций мы, как правило, имеем дело с тремя различными слоями биопсихической структуры. Как показано в моей книге «Анализ характера», эти слои характерологической структуры возникают в результате общественного развития и функционируют независимо друг от друга. Для поверхностного уровня личности среднего человека характерны сдержанность, вежливость, сострадание, ответственность, добросовестность. Не было бы никаких общественных трагедий, если бы этот поверхностный пласт личности человека находился в непосредственном контакте с его глубинной, естественной основой. К сожалению, дело обстоит иначе. **Поверхностный слой личности не соприкасается с глубинной биологической основой индивидуальности; он опирается на второй, промежуточный слой характера, который состоит исключительно из импульсов жестокости, садизма, сладострастия, жадности и зависти.** Это то, что Фрейд называл «бессознательным». На языке сексуальной энергетике «бессознательное» — совокупность всех так называемых «вторичных влечений».

Биофизика органа позволила понять фрейдовское бессознательное, т. е. антисоциальное, в человеке как вторичный результат подавления первичных биологических влечений. После прохождения второго слоя «извращений» и погружения в биологический субстрат человека всегда обнаруживается третий, самый глубокий слой, который мы называем биологической основой. В этой основе, при благоприятных условиях, человек, как правило, представляет собой искреннее, трудолюбивое, склонное к сотрудничеству, любящее и, при наличии достаточной мотивации, рационально ненавидящее существо. В то же время представляется совершенно невозможным освобождение характерологической структуры современного человека путем проникновения в этот самый глубокий и столь перспективный слой без предварительного удаления ложного, социального поверхностного слоя. Сбросьте маску воспитания, и пред вами предстанет не естественная общительность, а лишь извращенный, садистский слой характера. В результате неудачной структурной компоновки каждый естественный, социальный, либидозный импульс, стремящийся к реализации на биологической основе, вынужден проходить через слой вторичных извращенных влечений и таким образом подвергаться искажению. Это искажение трансформирует и извращает исходную социальную природу естественных импульсов, препятствуя любому подлинному проявлению жизни.

Теперь мы перенесем нашу структуру личности в социально-политическую сферу.

Нетрудно заметить, что различные распределения общества по политическим и идеологическим группам соответствуют различным слоям характерологической структуры. И тем не менее мы отказываемся признать ошибку идеалистической философии, которая настаивает на вечной неизменности этой структуры. После преобразования исходных биологических потребностей человека и включения их в состав его характерологической структуры, под влиянием общественных условий и изменений эта структура воспроизводит социальный строй общества и его идеологию.

После распада первичной рабоче-демократической формы общества биологическая основа человека осталась без социального представительства. Все «естественное» и «возвышенное» в человеке, все, что объединяло его с космосом, находило подлинное выражение в великих произведениях искусства, особенно в музыке и живописи. И тем не менее оно до сих пор не оказало существенного влияния на формирование человеческого общества, если под обществом понимать

общество всех людей, а не культуру малочисленного сословия богачей.

В этических и общественных идеалах либерализма мы видим защиту особенностей поверхностного слоя характера, который центрируется на самообладании и терпимости. В либерализме такого вида подчеркивается значение этики для удержания в повиновении «чудовища в человеке», то есть нашего слоя «вторичных влечений», фрейдовского «бессознательного». Естественная общительность самого глубокого, третьего слоя, не свойственна либералу. Он сожалеет об извращении человеческого характера и стремится преодолеть его с помощью этических норм, тем не менее общественные потрясения XX века свидетельствуют о том, что при таком подходе ему не удалось достичь значительных успехов.

Все подлинно революционное (подлинное искусство и наука) возникает на естественной, биологической основе личности. Ни одному истинному революционеру, художнику и ученому пока не удавалось завоевать расположение народных масс и выступить в качестве их руководителя; а если даже и удавалось, то он не мог удержать их интереса к жизненно важной сфере в течение сколько-нибудь продолжительного периода времени.

В отличие от либерализма и подлинной революции в случае фашизма дело обстоит совершенно иначе. В его сущности воплощаются не поверхностный и глубинный слои, а, как правило, второй, промежуточный характерологический слой вторичных влечений.

Когда я работал над первым вариантом этой книги, фашизм было принято рассматривать как «политическую партию», которая, подобно другим «общественным группам», отстаивала организованную «политическую идею». Согласно этой оценке «фашистская партия» стремилась институировать фашизм с помощью силы и политических интриг.

В отличие от вышеприведенной оценки мой врачебный опыт работы с мужчинами и женщинами различных сословий, рас, наций, религиозных верований и т. д. позволяет мне утверждать, что «фашизм» лишь служит организованным политическим выражением характерологической структуры среднего человека, существование которой не ограничивается определенными расами, нациями и партиями, а носит всеобщий и интернациональный характер. С точки зрения характера человека «фашизм» представляет собой основное, эмоциональное отношение «подавленного» в человеке к нашей авторитарной, машинной цивилизации и ее механистически мистическому пониманию жизни.

Механистически мистический характер современного человека порождает фашистские партии, а не наоборот.

В результате ошибочного политического мышления даже теперь фашизм рассматривается как определенная национальная особенность немцев и японцев. Все дальнейшие ошибочные интерпретации следуют из этой исходной ошибочной концепции.

В противоположность подлинному стремлению обрести свободу, фашизм рассматривался, да и поныне рассматривается, как диктатура немногочисленной реакционной клики. Живучесть этого заблуждения объясняется нашей боязнью взглянуть в лицо реальности, а именно: фашизм — это международное явление, проникшее во все общественные органы всех стран. Это заключение вполне подтверждается международными событиями последних пятнадцати лет.

Опыт, приобретенный в области характерологического анализа, позволил мне убедиться в том, что не существует ни одного индивидуума, в структуре которого не содержались бы элементы фашистского восприятия и мышления. Как политическое движение фашизм отличается от других реакционных партий тем, что в качестве его носителя и поборника выступают народные массы.

Я вполне сознаю огромную ответственность, связанную с таким утверждением, и в интересах этого разорванного на части мира я хотел бы, чтобы и трудящиеся массы так же ясно осознали свою ответственность за фашизм.

Необходимо проводить различие между обычным милитаризмом и фашизмом. Германия времен кайзера Вильгельма была милитаристской, но не фашистской.

Поскольку фашизм, независимо от времени и места его появления, является движением народных масс, он обладает всеми особенностями и противоречиями, присущими характерологической структуре массового индивида. В отличие от общепринятого мнения фашизм — это не чисто реакционное движение, он представляет собой сплав мятежных эмоций и реакционных социальных идей.

Если под революционностью понимать разумный протест против невыносимых условий жизни в человеческом обществе, разумное стремление «добраться до корня всех вещей» и изменить жизнь к лучшему, — тогда фашизм никоим образом не является революционным. Разумеется, он может появляться под маской революционных эмоций. Однако революционным мы называем не того врача, который лечит болезнь с помощью безответственных инвектив, а того, кто спокойно, мужественно и скрупулезно исследует причины болезни и ведет с ней борьбу. Фашистский протест всегда возникает там, где из-за страха перед истиной революционная эмоция искажается, принимая иллюзорный характер.

В чистом виде фашизм представляет собой совокупность всех иррациональных характерологических реакций обычного человека. Для недалёкого социолога, которому недостает мужества признать ведущую роль иррациональности в истории человечества, фашистская расовая теория отражает лишь империалистическое стремление или, мягко выражаясь, является «предрассудком». Это утверждение справедливо и для безответственного политика-болтуна. Масштаб и широта распространения «расовых предрассудков» свидетельствует о том, что их источником является иррациональная область человеческого характера. Расовая теория не проистекает из фашизма. Напротив, фашизм возникает на основе расовой ненависти и служит ее политически организованным выражением. Отсюда следует, что существует немецкий, итальянский, испанский, англосаксонский, еврейский и арабский фашизм. **Расовая идеология — это чисто биопатическое выражение характерологической структуры оргастически импотентной личности.**

Садистски извращенный характер расовой идеологии проявляется и в ее отношении к религии. Полагают, что фашизм воплощает возвращение к язычеству и является заклятым врагом религии. Это совершенно неверно. Фашизм служит высшим выражением религиозного мистицизма, который принимает определенную общественную форму. Фашизм поддерживает религиозность, которая возникает в результате сексуального извращения, и трансформирует мазохистский характер древней религии. Короче говоря, он переводит религию из «потусторонней» области философии страдания в «посюстороннюю» область садистского убийства.

Фашистская ментальность — это ментальность «маленького человека», поработанного, стремящегося к власти и в то же время протестующего. Не случайно, что все фашистские диктаторы происходят из реакционной среды «маленьких людей». Магнат-промышленник и милитарист-феодал используют этот социальный факт для своих целей после его выявления в контексте общего подавления жизненных импульсов. В форме фашизма механистическая, авторитарная цивилизация извлекает из подавленного «маленького человека» то, что в течение многих веков она насаждала в поработанном человечестве с помощью мистицизма, милитаризма и автоматизма. Этот «маленький человек»

досконально изучил поведение «большого человека» и поэтому воспроизводит его в искаженном и гротескном виде. Фашизм — это сержант колоссальной армии нашей глубоко больной, промышленно развитой цивилизации. Высокая политика превратилась перед «маленьким человеком» в балаганное представление. Маленький сержант превзошел генерала-империалиста во всем: в маршевой музыке, в «гусином шаге» в умении командовать и подчиняться; в способности съезжиться от страха перед идеями; в дипломатии, стратегии и тактике; в умении одеваться и проводить парады; в знаках отличия и почетных наградах. Во всех этих вещах кайзер Вильгельм выглядит жалким фальсификатором по сравнению с Гитлером, сыном голодного чиновника. Увешивая всю грудь медалями, «пролетарский» генерал показывает, что «маленький человек» «ничем не хуже» «настоящего» большого генерала.

Широкие и тщательные исследования характера подавленного «маленького человека», а также близкое знакомство с его закулисной жизнью совершенно необходимы для понимания — ил, на которые опирается фашизм.

В мятеже огромного числа оскорбленных людей против пустой благовоспитанности ложного либерализма (который не следует смешивать с подлинным либерализмом и подлинной терпимостью) проявился характерологический слой, состоящий из вторичных влечений.

Безумного фашиста невозможно обезвредить, если искать его в соответствии с существующими политическими обстоятельствами только в немце или японце, а не одновременно и в американце, и в китайце; если не обнаруживать его в себе самом; если мы не знакомы с социальными институтами, в которых ежедневно занимаются его воспитанием.

Фашизм можно сокрушить только в том случае, если вести с ним борьбу объективно и практически на основе глубокого знания жизненных процессов. В области политической интриги, дипломатии и зрелищ он не знает себе равных. И все же он должен дать ответ на практические вопросы жизни, поскольку он видит все только в зеркале идеологии или в форме национального мундира.

Когда вам доведется услышать, как фашистский деятель, независимо от разновидности, читает проповеди о «чести нации» (а не о чести человека) или «спасении священной семьи и расы» (а не общества трудящегося человечества), когда вы увидите, как, раздуваясь от важности, он выкрикивает лозунги, — пусть ему при всем народе спокойно и просто зададут следующие вопросы:

«Что вы делаете на практике, чтобы накормить народ без уничтожения других народов?

Что вы делаете как врач для борьбы с хроническими заболеваниями?

Что вы делаете как педагог, чтобы ребенок радовался жизни?

Что вы делаете как экономист для искоренения бедности?

Что вы делаете как работник социального обеспечения для облегчения жизни многодетных матерей?

Что вы делаете как архитектор для улучшения санитарно-гигиенических условий жизни в жилых помещениях?

Хватит болтовни. Дайте нам прямой и конкретный ответ или замолчите!»

Отсюда следует, что международный фашизм невозможно победить с помощью политических интриг. Его победит естественная организация труда, любви и познания на международном уровне.

В нашем обществе любовь и знание еще пока не определяют человеческое существование. Действительно, эти мощные силы позитивного принципа жизни не сознают своей глобальности, своей необходимости, своего огромного значения для общества. По этой причине в настоящее время, год спустя после военной победы

над партийным фашизмом, общество все еще стоит на краю бедности. Падение нашей цивилизации станет неизбежным, если трудящиеся, ученые, работающие во всех областях живого (а не мертвого) знания, и лица, которые дарят и получают естественную любовь, как можно быстрее не осознают свою огромную ответственность.

Жизненный порыв может существовать без фашизма, а фашизм без него существовать не может. Фашизм — это вампир, присосавшийся к телу живого существа, получившее свободу влечение к убийству, так же как весной любовь стремится к свершению.

Каким путем будет развиваться индивидуальная и общественная свобода, саморегуляция нашей жизни и жизни наших потомков? Мирным или насильственным? Никто не знает ответа на этот вопрос.

И все же ответ известен тому, кто понимает, как протекает жизнь в животном и новорожденном ребенке, тому, кто понимает смысл беззаветной работы — независимо от того, является он механиком, исследователем или художником. Такой человек перестает мыслить понятиями, получившими распространение в обществе благодаря деятельности партийных функционеров. Жизненный порыв не может «захватить власть насильственным путем», так как он не знает, что с ней делать. Означает ли этот вывод, что жизненный импульс всегда будет его жертвой и мучеником? Означает ли это, что псевдополитик всегда будет сосать кровь жизни? Это — ложный вывод.

Моя работа как врача заключается в лечении болезней. В качестве исследователя я должен пролить свет на неизвестные взаимосвязи в природе. Таким образом, если появится пустозвон-политик и попытается заставить меня покинуть своих пациентов и отложить в сторону свой микроскоп, я не позволю, чтобы мне мешали. Я просто вышвырну его вон, если он откажется уйти добровольно. Необходимость применения силы против незваных гостей для защиты моей работы с живыми людьми зависит не от меня и моей работы, а от степени наглости незваных гостей. Представим себе теперь, что все те, кто занят важной, живой работой, смогли бы сразу узнать в политике пустозвона. Они поступили бы так же, как и я. В этом упрощенном примере, возможно, содержится в общих чертах ответ на вопрос, каким образом жизненный порыв должен будет, рано или поздно, защищаться от незваных гостей и разрушителей.

«Психология масс и фашизм» обдумывалась в годы кризиса в Германии с 1930 по 1933 г. Книга была написана в 1933 году; первое издание появилось в сентябре 1933 года, а второе — в апреле 1934 года в Дании.

Десять лет минуло с тех пор. Разоблачение иррациональной природы фашистской идеологии в этой книге нередко получало шумное одобрение всех политических лагерей. Через немецкую границу перевозилось большое количество экземпляров этой книги, порой изданной под псевдонимом. Нелегальное революционное движение в Германии оказало книге теплый прием. В течение многих лет она служила источником связи с немецким антифашистским движением.

В 1936 году фашисты запретили эту книгу наряду со всеми публикациями по политической психологии¹¹. Выдержки из книги печатались во Франции, Америке, Чехословакии, Скандинавии и других странах. Она подвергалась анализу в статьях. И лишь социалисты, с их узкоэкономическим подходом, а также платные партийные чиновники, контролировавшие органы политической власти, не знали, да и теперь не знают, как к ней относиться. В Дании и Норвегии, например, она подвергалась яростной критике со стороны руководства коммунистической партии и была осуждена как «контрреволюционная». С другой стороны, представляется знаменательным, что сексуально-энергетическое объяснение иррациональной

природы расовой теории нашло понимание у молодежи из фашистских групп с революционной ориентацией.

В 1942 году один из английских корреспондентов предложил осуществить перевод книги на английский язык. Таким образом, передо мной встала задача проверить правильность книги через десять лет после ее написания. Результат проверки точно отражает колоссальные изменения, которые произошли в мышлении за последнее десятилетие. Кроме того, это была проверка обоснованности сексуально-энергетической социологии и ее влияния на социальные революции нашего столетия. Я не держал книгу в руках в течение ряда лет. Когда я начал вносить в книгу исправления и дополнения, я был ошеломлен ошибками в рассуждениях, которые я сделал 15 лет назад, кардинальными изменениями, происшедшими в мышлении за это время, а также теми огромными усилиями, которые потребовались от науки, чтобы преодолеть фашизм.

Прежде всего, я вполне мог позволить себе отпраздновать великую победу. За прошедшее время анализ фашистской идеологии с позиций сексуальной энергетики выстоял под огнем критики и его основные положения были полностью подтверждены событиями последнего десятилетия. Он пережил крушение чисто экономической, вульгарной концепции марксизма, с помощью которой марксистские партии Германии пытались одолеть фашизм. Тот факт, что через 10 лет после первого издания понадобилось вновь издать «Психологию масс и фашизм», говорит в ее пользу. На новое издание не может претендовать ни одна из марксистских работ, авторы которых осуждали сексуальную энергетику.

В переработке второго издания нашли отражение кардинальные изменения, происшедшие в моем мышлении.

В 1930 году у меня не было никакого представления о естественных демократических отношениях между трудящимися — мужчинами и женщинами. Поскольку я все еще верил в фундаментально научный характер марксистских партий, мне трудно было понять, почему члены этих партий обрушивались с острой критикой на социальные последствия моих медицинских исследований именно в то время, когда массы служащих, промышленных рабочих, мелких предпринимателей, студентов и т. д. устремлялись в сексуально-энергетические организации, чтобы получить знания о живой жизни. Я никогда не забуду «красного профессора» из Москвы, которому было поручено в 1928 году посетить одну из моих лекций в Вене, чтобы защитить от меня «партийную линию». Между прочим этот профессор заявил, что «Эдипов комплекс — полнейшая чепуха» и что такой вещи вообще не существует. Четырнадцать лет спустя его русские товарищи гибли под танками поработанных фюрером немцев.

Разумеется, можно было ожидать, что партии, провозглашавшие борьбу за свободу человечества, будут вполне удовлетворены результатами моей политической и психологической деятельности. Как убедительно свидетельствуют архивы нашего института, дело обстояло совсем иначе. Чем значительнее были социальные последствия нашей деятельности в области массовой психологии, тем решительнее были контрмеры, принимавшиеся партийными политиками. Еще в 1929—30 годах австрийские социал-демократы закрыли двери своих культурных организаций для лекторов нашей организации. В 1932 году, несмотря на энергичные протесты своих членов, социалистические и коммунистические организации запретили распространение публикаций серии «Издатели за сексуальную политику» (издательство находилось в Берлине). Меня лично предупредили, что я буду расстрелян, как только марксисты придут к власти в Германии. В том же году коммунистические организации Германии запретили врачам, выступавшим в защиту сексуальной энергетики, присутствовать в своих залах для собраний. Это

решение также было принято вопреки воле членов этих организаций. Меня исключили из обеих организаций на том основании, что я внедрял сексологию и показывал ее влияние на формирование структуры личности. В период с 1934 по 1937 год функционеры коммунистической партии всегда предупреждали фашистские круги в Европе об «опасности» сексуальной энергетики. Это можно доказать на основании документов. Публикации по сексуальной энергетике задерживались на границе Советской России и отправлялись обратно, как, впрочем, и толпы беженцев, стремившихся спастись от немецкого фашизма. Этому нет никакого оправдания.

Вышеупомянутые события, представлявшиеся мне в то время бессмысленными, приобрели полную ясность в процессе переработки книги «Психология масс и фашизм». Сведения из области сексуальной энергетики и биологии были втиснуты в терминологию вульгарного марксизма как слон в лисью нору. Во время переработки своей книги о молодежи¹¹ в 1938 году я заметил, что по прошествии восьми лет все термины сексуальной энергетики сохранили свое значение, тогда как все партийные лозунги, которые я включил в книгу, стали бессмысленными. Это утверждение справедливо и для третьего издания «Психологии масс и фашизма».

Вообще говоря, теперь ясно, что фашизм — это не дело рук какого-нибудь Гитлера или Муссолини, а выражение иррациональной структуры массового человека. В настоящее время стало более очевидным, чем десять лет назад, что расовая теория является биологическим мистицизмом. Кроме того, мы располагаем значительно большим объемом сведений, которые позволяют нам понять оргастические влечения человека, и поэтому мы уже начали интуитивно понимать, что фашистский мистицизм представляет собой оргастическое влечение, ограниченное мистическим искажением и подавлением естественной сексуальности. Положения сексуальной энергетики, относящиеся к фашизму, теперь представляются более обоснованными, чем десять лет назад.

Означает ли это, что марксистская экономическая теория по сути своей неверна? Я хотел бы ответить на этот вопрос с помощью примера. Был ли «неверным» микроскоп времен Пастера или построенный Леонардо да Винчи водяной насос? Марксизм является научной теорией экономики, которая возникла в общественных условиях начала и середины XIX столетия. Однако процесс общественного развития не остановился и принял в XX веке совершенно иную форму. В этом новом социальном процессе мы находим все существенные особенности, существовавшие в XIX веке, подобно тому, как мы вновь открываем принципиальную конструкцию пастеровского микроскопа в современном микроскопе или основной принцип насоса Леонардо да Винчи в современной системе водоснабжения. И все же в настоящее время оказываются бесполезными как микроскоп Пастера, так и насос Леонардо да Винчи. Они устарели благодаря совершенно новым процессам и функциям, соответствующим совершенно новой концепции и технологии. Деятельность марксистских партий в Европе не увенчалась успехом (говоря это, я отнюдь не испытываю злорадного чувства радости), поскольку на основе понятий XIX века они пытались понять фашизм XX века, являвшийся собой нечто совершенно новое. В качестве общественных организаций они утратили энергию, поскольку им не удалось сохранить и развить существенные возможности, присущие всем научным теориям. Я не сожалею о том, что в течение многих лет принимал участие в качестве врача в деятельности марксистских организаций. Мое знание общества не основано на книгах; по существу, оно было приобретено благодаря практическому участию в борьбе народных масс за достойную и свободную жизнь. Фактически мои лучшие

интуитивные открытия в области сексуальной энергетики были сделаны на основе ошибок в мышлении тех же самых народных масс, т. е. ошибок, подготовивших их к приходу фашистской чумы. В качестве врача я так понимал рабочих с их проблемами, как их не мог понять партийный политик. Партийный политик видел только «рабочий класс», которому он стремился «внушить классовое сознание». Я рассматривал человека как живое существо, оказавшееся во власти наихудших из всех возможных общественных условий, которые он сам создал, носил в себе как часть своего характера и тщетно стремился освободиться от них. Разрыв между чисто экономическим и биосоциологическим подходом стал непреодолим. Теория «классового человека» противопоставлялась иррациональной природе общества живых людей.

В настоящее время всем известно, как глубоко марксистские экономические идеи проникли в мышление современного человека. И все же отдельные экономисты и социологи нередко не признают источник своих идей. Общеизвестны такие понятия, как «класс», «прибыль», «эксплуатация», «классовое противоречие», «товар» и «прибавочная стоимость». Несмотря на это, ни одну партию нельзя считать в настоящее время наследником и живым представителем научного богатства марксизма, когда речь идет о реальном развитии социологии, а не о лозунгах, утративших свой первоначальный смысл.

В период с 1937 по 1939 год была разработана новая сексуально-энергетическая концепция — «рабочая демократия». В третье издание этой книги включено изложение основных особенностей новой социологической концепции. Она содержит лучшие, все еще действенные, социологические достижения марксизма. В ней учитываются социальные изменения, которые произошли в понятии «рабочий» за последние сто лет. По своему опыту я знаю, что «единственные представители рабочего класса», а также прежние и новые «руководители международного пролетариата» выступают против указанного расширения социального понятия «рабочий» на том основании, что оно является «фашистским», «троцкистским», «контрреволюционным», «враждебным по отношению к партии» и т. д. Организации рабочих, которые изгоняют из своих рядов негров и осуществляют на практике гитлеризм, не могут считаться творцами нового свободного общества. Гитлеризм, однако, не ограничивается нацистской партией или границами Германии; он проникает как в рабочие организации, так и в либеральные и демократические круги. Фашизм — это не политическая партия, а особая концепция жизни, отношения к человеку, любви и труду. Этого не меняет тот факт, что политические методы предвоенных марксистских партий исчерпали себя и не имеют будущего. Аналогично тому, как в психоанализе была утрачена концепция сексуальной энергии, которая вновь возродилась при открытии «оргона», так и концепция интернационального рабочего утратила свое значение в деятельности марксистских партий, чтобы возродиться в рамках сексуально-энергетической социологии. Это связано с тем, что деятельность сторонников сексуальной энергетики может быть реализована только в рамках общественно необходимого труда, а не в рамках реакционно-иллюзорной бездеятельности.

Сексуально-энергетическая социология возникла на основе стремления привести глубинную психологию Фрейда в соответствие с экономической теорией Маркса. Инстинктивные и социально-экономические процессы определяют жизнь человека. В то же время нам необходимо отказаться от эклектических попыток произвольно объединять «инстинкт» и «экономику». Сексуально-энергетическая социология разрешает противоречие, которое побудило психоанализ предать забвению социальный фактор, а марксизм — происхождение человека от животного. В другом месте я отметил, что психоанализ является матерью

сексуальной энергетики, а социология — ее отцом. Однако ребенок — это нечто большее, чем суммарный итог своих родителей. Он представляет собой новое, независимое существо — семя будущего.

В соответствии с новым, сексуально-энергетическим, пониманием концепции «труда» в терминологию настоящей книги были внесены следующие изменения. Термины «коммунистический», «социалистический», «классовое сознание» и т. д. были заменены на такие более конкретные социологические и психологические термины, как «революционный» и «научный». Они означают «радикальное революционизирование», «разумную деятельность», «постижение сути».

При этом учитывается нарастающее революционизирование не коммунистических и социалистических партий, а (в отличие от них) множества групп и общественных классов, которые не примыкают ни к какой партии. Другими словами, учитывается стремление многих аполитичных групп и классов к установлению принципиально нового, разумного общественного строя. В результате борьбы с фашистской чумой общество включилось в процесс огромных международных революционных изменений. Это явление нашло отражение в нашем общественном сознании и было отмечено даже старыми буржуазными политиками. Слова «пролетарий» и «пролетарский» были созданы более ста лет назад для обозначения обманутого класса общества, который был обречен на массовое обнищание. Разумеется, такие социальные группы и теперь существуют, однако взрослые внуки пролетариев XIX века стали высококвалифицированными промышленными рабочими, которые сознают свое мастерство, незаменимость и ответственность. «Классовое сознание» было заменено на «сознание своего мастерства» и «социальную ответственность».

В марксизме XIX века применение термина «классовое сознание» ограничивалось работниками физического труда. Лицам других необходимых профессий, без которых не могло функционировать общество, приклеивались ярлыки «интеллигентов» и «мелкой буржуазии». Их противопоставляли «пролетариату физического труда». Это схематическое и теперь уже неприемлемое сопоставление сыграло весьма существенную роль в победе фашизма в Германии. Концепция «классового сознания» характеризуется не только чрезмерной узостью, она вообще не соответствует структуре класса работников физического труда. Поэтому термины «промышленная работа» и «пролетариат» были заменены на «жизненно важный труд» и «трудящийся». Эти два термина распространяются на всех лиц, которые выполняют важную для жизни общества работу. Наряду с промышленными рабочими к таким лицам следует причислять врачей, учителей, техников, лаборантов, писателей, общественных деятелей, фермеров, научных работников и т. д. Эта новая концепция устраняет разрыв, который немало способствовал расколу общества трудящихся и поэтому привел к фашизму как черной, так и красной разновидности.

Благодаря незнанию массовой психологии марксистская социология противопоставляла «буржуазию» «пролетариату». С точки зрения психологии такое противопоставление следует признать неверным. Характерологическая структура не ограничивается капиталистами, она существует и среди трудящихся всех профессий. Существуют либеральные капиталисты и реакционные рабочие. Характерологический анализ не признает существования классовых различий. Поэтому чисто экономические понятия «буржуазия» и «пролетариат» были заменены понятиями «реакционный» и «революционный» или «свободомыслящий», которые соотносятся не с принадлежностью человека к определенному общественному классу, а с его характером. Эти изменения были навязаны нам фашистскими извергами.

Диалектический материализм, обрисованный в общих чертах в «Анти-Дюринге» Энгельса, превратился в энергетический функционализм». Это развитие стало возможным благодаря открытию биологической энергии, или «оргона» (1936 — 38 гг.). Социология и психология приобрели таким образом прочную биологическую основу. Такое развитие должно было неизбежно оказать влияние на наше мышление. Расширение сферы нашего познания вызывает изменения в старых концепциях; новые концепции занимают место утративших силу концепций. Марксистский термин «сознание» заменен на «динамическую структуру», «потребность» — на «оргонные инстинктивные процессы», «традиция» — на «биологическую и характерологическую ригидность» и т. д.

Благодаря иррациональной природе человека общепринятая в вульгарном марксизме концепция «частного предпринимательства» была совершенно неправильно истолкована в том смысле, что социалистическое развитие общества исключает любую форму частного владения. Естественно, что такое толкование было широко использовано политической реакцией в своих целях. Представляется вполне очевидным, что общественное развитие и индивидуальная свобода не имеют отношения к так называемой отмене частной собственности. Марксистская концепция частной собственности не распространяется на брюки, рубашки, пишущие машинки, туалетную бумагу, книги, кровати, сбережения, дома, недвижимость и т. д. Эта концепция использовалась исключительно в связи с частной собственностью на общественные средства производства, т. е. такие средства производства, которые определяют развитие общества в целом. К таким средствам производства относятся: железные дороги, гидротехнические сооружения, электростанции, угольные шахты и т. д. «Обобществление средств производства» стало камнем преткновения потому, что было истолковано в соответствии с идеологией экспроприированных лиц как «лишение права частной собственности» на кур, рубашки, книги, дома и т. д. В течение прошлого столетия национализация общественных средств производства стала вторгаться в область частной собственности на такие средства производства. В той или иной мере этот процесс затронул все капиталистические страны.

Поскольку структура личности трудящегося и его способность к восприятию свободы были настолько придавлены, что он не мог приспособиться к быстрому темпу развития общественных организаций, «государство» выполняло те функции, право на которые фактически резервировалось за «обществом» трудящихся.

Что касается Советской России, этой, как утверждают, цитадели марксизма, то здесь не приходится говорить об «обобществлении средств производства». Марксистские партии просто смешали «обобществление» с «национализацией». Во время последней войны выяснилось, что правительство Соединенных Штатов обладает юридическими правами и средствами для национализации слабых отраслей промышленности. Обобществление средств производства, передача их из частного владения отдельными лицами в общественное владение воспринимается менее ужасно, когда поднимаешь, что в настоящее время в результате войны в капиталистических странах осталось немного независимых собственников, тогда как многие концерны теперь подотчетны в своей деятельности перед государством; и не столь уж ужасным представляется обобществление, когда сознаешь, что в Советской России отрасли промышленности управляются не теми, кто в них трудится, а группами государственных функционеров. Обобществление средств производства станет актуальным или возможным лишь тогда, когда массы трудящихся будут структурно готовы, т. е. осознают свою ответственность за управление ими. В настоящее время массы, в своем подавляющем большинстве, не только не стремятся к такому управлению, но и недостаточно готовы к нему. Более

того, с социологической и экономической точки зрения обобществление крупных отраслей промышленности, в результате которого управление ими перейдет в руки только работников физического труда без участия техников, инженеров, директоров, администраторов, брокеров и др., представляется бессмысленным. В настоящее время работники физического труда сами отказались от этой идеи. Если бы дело обстояло иначе, марксистские партии уже повсюду пришли бы к власти.

В этом заключена суть социологического объяснения того, что свободное предпринимательство XIX века всё больше и больше превращается в государственную капиталистическую плановую экономику. Необходимо подчеркнуть, что даже в Советской России существует не государственный социализм, а государственный капитализм в строго марксистском смысле этого понятия. По словам Маркса, да и по мнению вульгарных марксистов, существование «капитализма» определяется наличием не отдельных капиталистов, а определённых «капиталистических способов производства». Короче говоря, в основе капитализма лежит рыночная экономика, оплаченный труд народных масс и избыток продукта производства — независимо от того, происходит накопление такого избытка за счёт государства или отдельных капиталистов путём присвоения результатов общественного производства. В таком строго марксистском понимании капиталистическая система продолжает существовать в России, причем она будет существовать до тех пор, пока в народных массах будут существовать иррациональная мотивация и стремление к власти.

Сексуально-энергетическая психология личности дополняет экономический подход к обществу новой интерпретацией характера и биологии человека. Устранение индивидуальных капиталистов и установление в России государственного капитализма вместо частного капитализма не внесло никаких изменений в типичную бессильную рабскую психологию народных масс.

Кроме того, политическая идеология европейских марксистских партий опиралась на экономические условия, существование которых ограничивается двухсотлетним периодом, с семнадцатого по девятнадцатый век, когда происходило развитие машин. С другой стороны, фашизм XX века поставил основной вопрос характера человека, его мистицизма и стремления подчиняться власти, который охватывает период от четырех до шести тысячелетий. И в этом случае вульгарный марксизм также стремился затолкать слона в лисью нору. Развитие структуры личности, которая составляет основной предмет сексуально-энергетической социологии, не ограничивается последним двухсотлетним периодом; напротив, она отражает авторитарно-патриархальную цивилизацию, которая возникла много тысячелетий тому назад. Действительно, сексуальная энергетика берет на себя смелость утверждать, что неприглядные крайности капиталистической эры (хищнический империализм, обман трудящихся, покорение рас и т. д.) были возможны только потому, что психологическая структура безымянных масс, на долю которых выпали все эти лишения, оказалась в полной зависимости от авторитета, утратила способность к свободе и стала в высшей степени доступной влиянию мистицизма. Тот факт, что эта структура не является врожденной и была навязана общественными условиями, отнюдь не устраняет последствий ее деятельности; однако здесь содержится указание на выход из создавшегося положения, который заключается в изменении структуры. Если под радикальностью понимать стремление «добраться до сути», тогда точка зрения сексуально-энергетической биофизики характеризуется неизмеримо большей радикальностью в строгом и позитивном смысле этого слова, чем точка зрения вульгарного марксизма.

Из вышесказанного следует, что меры социальной защиты, выработанные за последние три столетия, можно считать не более эффективными в борьбе с

массовой фашистской чумой, чем попытки затолкать слона (шесть тысячелетий) в лисью нору (три столетия).

Таким образом, победить фашизм можно на основе открытия существования естественной биологической основы рабочей демократии в международных связях человечества. Это утверждение останется справедливым даже в том случае, если никому из современных сторонников сексуальной энергетики, оргонных биофизиков или рабочих демократов не удастся дожить до того времени, когда полностью реализуется рабочая демократия и будет одержана победа над иррациональностью в общественной жизни.

В годы, предшествовавшие приходу Гитлера к власти, движение за свободу в Германии опиралось на социально-экономическую теорию Карла Маркса. Поэтому понимание немецкого фашизма должно проистекать из понимания марксизма. В первые месяцы после захвата национал-социалистами власти в Германии даже те люди, чья революционная стойкость и готовность к действию получили неоднократно подтверждение, выражали сомнения в правильности выдвинутой Марксом основной концепции социальных процессов. Появление этих сомнений было вызвано тем вначале непостижимым, хотя и неопровержимым фактом, что фашизм, который по своим задачам и природе был наиболее крайним представителем политической и экономической реакции, стал международной реальностью и, бесспорно, одержал вполне очевидную победу над социалистическим революционным движением. Тот факт, что эта реальность нашла наиболее сильное выражение в нескольких промышленно развитых странах, лишь обострил проблему. Подъем национализма во всех странах мира компенсировал неудачу рабочего движения на этапе современной истории, когда, как утверждали марксисты, «капиталистический способ производства экономически созрел для взрыва». Положение усугублялось еще и глубоко укоренившейся памятью о неудаче III Интернационала в начале второй мировой войны и о разгроме революционных восстаний за пределами России в годы с 1918 по 1923.

В 1930 году на некоторых собраниях в Германии выступали интеллигентные, искренние, хотя и с националистически-мистической ориентацией, революционеры, к числу которых, например, можно отнести Отто Штрассера. Их возражения марксистам обычно сводились к следующему: «Вы, марксисты, любите в свою защиту цитировать теории Маркса. Маркс учил, что теория проверяется только практикой. Но ваш марксизм потерпел неудачу. Вы всегда находите оправдания поражению Рабочего Интернационала. Поражение 1914 года вы оправдываете «отступничеством социал-демократов»; для объяснения поражения 1918 года вы указываете на их обман и «предательскую политику». В ситуации существующего мирового кризиса массы обращаются не к левым, а к правым партиям, и этому факту у вас тоже есть готовые «оправдания». Но ваши оправдания не скрывают факта ваших поражений! Прошло восемьдесят лет, и где же конкретное подтверждение теории социальной революции? Ваша основная ошибка заключается в том, что вы отвергаете и осмеиваете душу и ум, вы не понимаете того, что движет всем». На такие доводы у сторонников марксизма не было ответа. Становилось все более очевидным, что их политическая массовая пропаганда, которая сводилась исключительно к обсуждению объективных социально-экономических процессов в кризисный период (капиталистические способы производства, экономическая анархия и т.д.), не интересовала никого, кроме немногочисленных новобранцев левого фронта. Розыгрыша таких политических карт, как нужда и голод, было

недостаточно, так как эти карты разыгрывались всеми политическими партиями, даже церковью. Таким образом, мистицизм национал-социалистов одержал победу над экономической теорией социализма, причем в то время, когда обнищание и экономический кризис достигли кульминации. Поэтому следует признать, что в пропаганде и концепции социализма в целом существовало вопиющее упущение; более того, это упущение служило источником его «политических ошибок». Ошибка заключалась в Марксовом понимании политической реальности, и тем не менее в методах диалектического материализма содержались все предпосылки для ее исправления. Они просто никогда не использовались на практике. Резюмируя вышесказанное, можно сказать, что в своей политической практике марксисты не учитывали характерологической структуры масс и социальных последствий мистицизма.

Диалектический материализм не применялся для осмысления новых исторических реальностей. А ведь фашизм был реальностью, о существовании которой было неведомо ни Марксу, ни Энгельсу. И только Ленин обратил внимание на зарождавшийся фашизм. Реакционная концепция реальности закрывает глаза на действительные условия и противоречия фашизма. Реакционная политика автоматически использует социальные силы, препятствующие прогрессу, и будет преуспевать в этом до тех пор, пока наука не обнаружит такие революционные силы, которые неизбежно должны одержать победу над реакционными силами. В дальнейшем мы убедимся, что в протесте мелкой буржуазии, которая впоследствии составила массовую основу фашизма, нашли проявление не только регрессивные, но и весьма энергичные, прогрессивные социальные силы. Это противоречие осталось без внимания. Действительно, на роль мелкой буржуазии не обращали никакого внимания вплоть до захвата Гитлером власти.

Представители вульгарного марксизма полагали, что экономический кризис 1929 — 1933 годов достиг такого масштаба, что угнетённые массы неизбежно придут к идеологической ориентации левого крыла. Несмотря на то, что даже после январского поражения в 1933 году по-прежнему обсуждалось «революционное возрождение» в Германии, реальное положение дел свидетельствовало о том, что в результате экономического кризиса, который, как ожидалось, должен был привести массы в стан левого крыла, в пролетарских слоях населения произошел существенный идеологический сдвиг в сторону правого крыла. Таким образом, появился раскол между экономическим базисом, тяготевшим к левому крылу, и идеологией широких слоев общества, тяготевших к правому крылу. Этот раскол остался незамеченным, и никто не задумался над вопросом, почему широкие слои населения, оказавшиеся в крайней нищете, пришли к национализму. Такие объяснения, как «шовинизм», «психоз» и «последствия Версаля», следует признать несостоятельными, поскольку они не позволяют нам преодолеть стремление бедствующего среднего класса присоединиться к радикалам правого толка. Кроме того, в этих столкновениях фактически не учитываются характерные для такого стремления процессы. Действительно, к правому крылу обратились не только средние сословия, но и многие, притом далеко не худшие представители пролетариата. Остался незамеченным тот факт, что напуганные успехом революции в России средние классы прибегли к новым, на первый взгляд странным, превентивным мерам (таким, как «Новый курс» Рузвельта), которые не были поняты и проанализированы рабочим движением. Кроме того, остался без внимания и тот факт, что в самом начале и на первых этапах превращения в массовое движение

фашизм был направлен против крупной буржуазии, и поэтому от него нельзя было отмахнуться на том основании, что он был «лишь оплотом финансовых воротил». Население высокоразвитых промышленных стран в большинстве своем живет в безысходной нищете; в Европе насчитывается около пятидесяти миллионов безработных; сотни миллионов рабочих впадают в голодное существование. Тем не менее экспроприация экспроприаторов не состоялась и, вопреки ожиданиям, на перекрестке дорог к «социализму и варварству» общество остановило свой выбор на дороге к варварству. Это свидетельствовало об укреплении международных позиций фашизма и отставании рабочего движения. Те, кто все еще надеялся, что революция вспыхнет в результате давно ожидаемой второй мировой войны, которая тем временем стала реальностью (т. е. те, кто рассчитывал, что массы обратят вложенное им в руки оружие против внутреннего врага), упустили из виду развитие новых методов ведения войны. Трудно было отказаться от мысли о маловероятности вооружения масс во время следующей войны. В соответствии с этой концепцией борьба будет направлена против безоружных масс крупных промышленных центров, причем такую борьбу будут вести в высшей степени надежные, отборные" военные профессионалы. Поэтому непременным условием новой революционной практики была переориентация своего мышления и оценок. Вторая мировая война подтвердила эти ожидания.

Наличие раскола между социальным положением трудящихся масс и их осознанием этого положения означает, что вместо улучшения своего социального положения рабочие массы ухудшают его. Именно эти обнищавшие массы помогли фашизму — крайней политической реакции — прийти к власти.

Примечательно, что независимо от числа представителей среднего класса, отдавших свои голоса за партии левого крыла, и числа рабочих, отдавших свои голоса за партии правого крыла, полученные нами показатели идеологического распределения приблизительно соответствуют данным выборов 1932 г. Коммунисты и социал-демократы получили 12—13 миллионов голосов, тогда как НСДАП и немецкие националисты получили 19—20 миллионов голосов. Таким образом, с точки зрения практической политики решающую роль сыграло не экономическое, а идеологическое распределение. Короче говоря, политическое значение мелкой буржуазии оказалось выше, чем предполагалось.

В период быстрого спада экономической активности в Германии рост числа голосов, отданных за НСДАП¹¹, выглядел следующим образом: 800 000 в 1928 г., 6400000 осенью 1930 г., 13 000 000 летом 1932 г. и 17000000 в январе 1933 г. По подсчетам Егера («Гитлер» — «Ротер Ауфбау», октябрь, 1930), число голосов, отданных рабочими, составило 3000000 из 6400000 голосов, полученных национал-социалистами в 1930 г.

Карл Радек, насколько мне известно, уже в 1930 году, после первого подъема НСДАП достаточно ясно осознал проблематику указанного социологического процесса. Он писал:

«Этому нет аналогий в истории политической борьбы, особенно в стране с твердо установленной политической дифференциацией, при которой каждая новая партия вынуждена отвоевывать каждую позицию у старых партий. В высшей степени характерным представляется тот факт, что ни в буржуазной, ни в социалистической литературе ничего не говорится о партии, которая занимает второе место в политической жизни Германии. У этой партии нет прошлого. Ее

появление на сцене политической жизни Германии произошло столь же неожиданно, как появление посреди моря острова под действием вулканических сил».

«Выборы в Германии» — «Ротер Ауфбау», октябрь, 1930.

У этой партии, несомненно, есть свое прошлое и ее появление следует своей внутренней логике.

На основе всего предшествующего опыта можно утверждать, что выбор между «откатом к варварству» и «восхождением к социализму» (марксистская альтернатива) должен определяться идеологической структурой угнетенных классов. Либо эта структура соответствует экономической ситуации, либо не соответствует, как, например, в крупных обществах Азии, где народ безропотно переносит страдания, или в современной Германии, где существует раскол между экономической ситуацией и идеологией.

Таким образом, основная проблема заключается в следующем: что служит причиной этого раскола или, другими словами, что препятствует совпадению экономической ситуации с психологической структурой масс? Короче говоря, проблема заключается в понимании природы психологической структуры масс и ее соотношения с экономическим базисом, на основе которого она возникла.

, ...вульгарные марксисты стараются изо всех сил не замечать структуру и динамику идеологии; они отмечают ее как «психологию», которая не может быть «марксистской», и оставляют субъективный фактор, так называемую «психическую жизнь» в истории, на усмотрение метафизического идеализма политической реакции, варварам и розенбергам, которые полностью возлагают ответственность за прогресс истории на «ум» и «душу» и, как ни странно, благодаря этому тезису добиваются огромного успеха. Забвение этого аспекта социологии в материализме XVIII века подвергалось критике самим Марксом. С точки зрения вульгарных марксистов, психология, несомненно, является метафизической системой, и поэтому они не проводят абсолютно никакого различия между метафизическим характером реакционной психологии и основными элементами психологии, которые были открыты в процессе новаторских психологических исследований и подлежат дальнейшему развитию. Вместо конструктивной критики вульгарные марксисты предлагают «голое» отрицание и, отвергая в качестве «идеалистических» такие реальности, как «влечение», «потребность» и «внутренний процесс», чувствуют себя «материалистами». В результате этого они сталкиваются с трудностями и терпят одну неудачу за другой, так как в политической деятельности они вынуждены постоянно обращаться к помощи практической психологии и говорить о «потребностях масс», «революционном сознании», «воле к забастовке» и т. д. Чем энергичнее вульгарные марксисты отрицают психологию, тем чаще они прибегают на практике к метафизическому психологизму и безжизненному лицемерию. Так, например, они пытаются объяснить историческую ситуацию «психозом Гитлера», утешить массы и убедить их не терять веру в марксизм. Несмотря ни на что, они заверяют, что прогресс не остановился, революцию не сломить и т. д. Не говоря ничего существенного о сложившейся ситуации и не понимая, что произошло, они, наконец, опускаются до попыток внушить людям иллюзорное мужество. То, что политическая реакция неизменно находит выход из трудного положения, а острый экономический кризис может привести как к варварству, так и к социальной свободе, остается для вульгарных марксистов книгой за семью печатями. Их мысли и поступки не определяются социальной реальностью. Напротив, они преобразуют реальность в своем воображении так, чтобы она соответствовала их желаниям.

...именно политическая психология, а не социальная экономия способна исследовать характерологическую структуру личности в данную эпоху, мышление и поведение человека, пути разрешения проблем и противоречий его существования и т.д. Разумеется, она изучает только отдельных мужчин и женщин. Если же политическая психология обращается к исследованию типичных психических процессов, общих для одной категории, класса, профессиональной группы и т.д., тогда она превращается в психологию масс.

Когда «идеология в свою очередь начинает оказывать воздействие на экономический процесс», это означает, что она превратилась в материальную силу. Когда идеология превратится в материальную силу, т. е. как только она приобретёт способность приводить в действие массы, тогда мы должны задать вопрос: каким образом это произошло? Каким образом идеологический фактор может привести к материалистическому результату? Другими словами, каким образом теория может оказывать революционное воздействие? Ответ на этот вопрос также должен быть ответом на вопрос реакционной массовой психологии, т. е. этот ответ должен внести ясность в проблему «психоза Гитлера».

...в психологической структуре человека возникает противоречие, соответствующее противоречию между влиянием его материального положения и влиянием идеологической структуры общества. Например, жизнь рабочего обуславливается его экономической ситуацией и общей идеологией общества. Поскольку же человек, независимо от его классовой принадлежности, является не только объектом указанных влияний, но и воспроизводит их в своей деятельности, то его мышление и поступки должны быть столь же противоречивыми, как и общество, которое служит источником их возникновения. В то же время, поскольку социальная идеология изменяет психологическую структуру человека, она не только репродуцируется в человеке, но и, что более важно, превращается в материальную силу, действующую в человеке, который, в свою очередь, претерпевает определенные изменения, и вследствие этого его действия приобретают иной, противоречивый характер. Именно таким, и только таким образом обеспечивается возможность воздействия идеологии общества на экономический базис, который служит источником ее возникновения. При рассмотрении «воздействия» с точки зрения функционирования характерологической структуры социально активной личности оно, несомненно, утрачивает метафизический и психологический характер и становится объектом естественно-научных характерологических исследований. Таким образом, утверждение о том, что скорость изменения «идеологии» ниже скорости изменения экономического базиса, представляется неопровержимым. Основные особенности характерологических структур, соответствующие определенной исторической ситуации, формируются в раннем детстве и характеризуются значительно большей консервативностью, чем силы технического производства. В результате этого психологические структуры со временем начинают отставать от быстрых изменений общественных условий, в которых они возникли, и затем вступают в противоречие с новыми формами жизни. В этом проявляется основная особенность так называемой традиции, т. е. противоречия между старой и новой социальными ситуациями.

...социальная экономика может дать полное объяснение социальному явлению, которое служит разумной цели, т. е. удовлетворяет непосредственную потребность, отражает и делает выпуклой экономическую ситуацию. С другой

стороны, социально-экономическое объяснение утрачивает силу в тех случаях, когда мысли и действия человека не соответствуют экономической ситуации, т. е. иррациональны.

Чем больше социолог ориентируется на механицизм и экономизм, тем легче он может стать жертвой поверхностного психологизма в области массовой пропаганды. Вместо исследования и разрешения психологических противоречий, присущих представителям широких масс, он либо прибегает к лицемерию, либо объясняет националистическое движение «массовым психозом»¹¹. Поэтому отправной точкой массовой психологии служит неадекватность непосредственного социально-экономического объяснения. Означает ли это, что массовая психология и социальная экономика преследуют противоположные цели? Нет. Ибо мышление и действия масс, которые противоречат непосредственной социально-экономической ситуации (т. е. иррациональные мышление и действия), сами являются результатом предшествующей, старой социально-экономической ситуации. Для объяснения вытеснения социального сознания обычно обращаются к так называемой традиции. И тем не менее до сих пор не было осуществлено ни одного исследования, чтобы определить, что представляет собой «традиция», какие психические элементы она формирует. Ограниченные экономисты неоднократно упускали из виду тот факт, что основная проблема заключается не в осознании рабочими своей социальной ответственности (это не требует доказательств), а в том, что препятствует развитию такого сознания ответственности.

Незнание характерологической структуры народных масс неизменно приводит к постановке бесполезных вопросов. Например, коммунисты утверждают, что неправильная политика социал-демократов позволила фашистам захватить власть. В действительности такое объяснение ничего не объясняет, так как именно социал-демократы обольщали народ несбыточными надеждами. Короче говоря, такой подход не привел к новому виду действий. Объяснение успеха политической реакции в форме фашизма тем, что она «запутала», «развратила» и «загипнотизировала» массы, столь же неэффективно, как и другие объяснения. Фашизм будет преследовать эту цель до тех пор, пока будет существовать. Такие объяснения неэффективны потому, что не предлагают выход. Опыт учит нас, что такие разоблачения не в состоянии убедить массы, сколь бы часто они ни повторялись. Другими словами, одного социально-экономического исследования недостаточно. Не будет ли точнее такая постановка вопроса: какой процесс протекал в массах, в результате которого они не смогли понять цель фашизма? Такие утверждения, как: «Рабочие должны осознать...» или «Мы не поняли...» — совершенно несостоятельны. Почему рабочие не осознали? Почему они не поняли? Вопросы, послужившие основой для дискуссии между правыми и левыми в рабочих движениях, также следует признать бесплодными. Правые утверждали, что рабочие не имеют склонности к борьбе; с другой стороны» левые опровергали это утверждение, заявляя, что рабочие по своей сути революционны и утверждение правых свидетельствует об измене революционным идеям. Поскольку в обоих случаях не учитывается проблематика в полном объеме, оба утверждения следует признать механистическими. При реалистической оценке следовало бы указать, что средний рабочий заключает в себе определенное противоречие, а именно: у него отсутствует ясная очерченность как революционности, так и консервативности. Основой его психологической структуры служит, с одной стороны, социальная ситуация (которая готовит почву для революционных отношений), а с другой стороны — общая атмосфера авторитарного общества. При этом обе основы противоречат друг другу.

Выявление такого противоречия и точное знание механизма приведения в столкновение реакционной и прогрессивно-революционной сторон в самих рабочих имеют огромное значение. Это откосится и к средней буржуазии. Её протест против «системы» вполне можно объяснить, хотя с социально-экономической точки зрения нелегко понять, почему, несмотря на ужасающее обнищание средней буржуазии, она испытывает страх перед прогрессом и переходит на сторону крайней реакции. Короче говоря, средняя буржуазия также заключает в себе противоречие между чувствами протеста и реакционными целями и содержанием.

При анализе конкретных экономических и политических факторов, которые непосредственно привели к войне, мы не даём им полного социологического объяснения. Дело в том, что такие факторы, как стремление Германии накануне 1914 года к захвату железных рудников (в Бри и Лонжи), индустриального бельгийского центра и к расширению своих колониальных владений на Ближнем Востоке или имперские устремления Гитлера к бакинским нефтяным скважинам, заводам Чехословакии и т. д., — составляют лишь часть общей картины. Несомненно, экономические интересы немецкого империализма были непосредственными решающими факторами, но при этом не следует преуменьшать роль психологии масс как основы мировых войн. Необходимо задать вопрос: как могло случиться, что психологическая структура масс впитала империалистическую идеологию и превратила империалистические лозунги в деяния, диаметрально противоположные мирным, аполитичным настроениям населения Германии? Утверждение о том, что причиной этому послужило «рenegатство руководителей Второго Интернационала», следует признать недостаточным. Почему бесчисленные массы свободолюбивых рабочих с антиимпериалистической ориентацией позволили, чтобы их предали? Боязнь последствий сознательного протеста можно объяснить лишь незначительное число случаев.

Несомненно, в психологической структуре масс апатию одних и энтузиазм других людей следует отнести к исходным моментам, обеспечившим возможность войны. Психологию масс, участвовавших в обеих мировых войнах можно понять только с сексуально-энергетической точки зрения, которая заключается в следующем: империалистическая идеология внесла конкретные изменения в структуру характера рабочих масс для обеспечения их соответствия требованиям империализма. Сказать, что социальные потрясения вызываются «военным психозом» или «одурачиванием масс», — значит ничего не сказать. Такие объяснения ничего не объясняют. Кроме того, полагать, что можно достигнуть своей цели только с помощью одурачивания масс. — значит недооценивать массы. Дело в том, что каждый общественный строй создает в массах своих членов психологическую структуру, которая необходима ему для достижения своих основных целей¹¹. Без создания такой психологической структуры в массах не могла бы состояться ни одна война. Между экономической структурой общества и массовой психологической структурой членов данного общества существует важная взаимосвязь, для которой характерны две особенности: господствующая идеология является идеологией правящего класса и, что более важно для решения конкретных политических задач, противоречия экономической структуры общества включены в психологическую структуру поработанных масс. В противном случае было бы непонятно, каким образом экономические законы общества обеспечивают достижение конкретных результатов только на основе деятельности масс, подчиняющихся этим законам.

Нам необходимо объяснить, почему мистицизм одержал победу над научной социологией. Эта задача может быть выполнена только тогда, когда направление наших исследований обеспечит возможность спонтанного зарождения нового типа действий на основе нашего объяснения. При отсутствии ясной очерченности реакционности и революционности рабочего, внимание которого приковано к противоречию между реакционными и революционными тенденциями, мы можем прямо указать на это противоречие, а это должно привести к возникновению нового типа действия, парализующего консервативные психические силы с помощью революционных сил. Высмеивание мистицизма как «запутывания» или «психоза» не приводит к разработке программы борьбы с ним. Однако при правильном понимании мистицизма неизбежно будет найдено противоядие. Для выполнения этой задачи необходимо в полном объеме понять, насколько позволяют наши средства познания, взаимосвязь между социальной ситуацией и структурным формированием, особенно иррациональными идеями, которые не поддаются объяснению только на социально-экономической основе.

Даже Ленин отметил иррациональную особенность поведения масс накануне и в процессе мятежа. Во время солдатского мятежа в 1905 году он писал: «Дело крестьян находило понимание у солдат; при одном только упоминании о земле их глаза вспыхивали от сильного чувства. Военная власть несколько раз переходила в руки солдат, но вряд ли эта власть могла быть применена с достаточной решительностью. Солдаты дрогнули. Через несколько часов после того, как они разделились с ненавистным командиром, они освободили остальных офицеров, вступили в переговоры с властями, а затем подверглись расстрелу, наказанию шомполами и снова впряглись в ярмо».

Любой мистик объяснит это поведение на основе вечной нравственной природы человека, которая, по его утверждению, запрещает бунтовать против божественного промысла, «авторитета государства» и его представителей. Вульгарный марксист просто не обращает внимания на такие явления. У него нет для них ни понимания, ни объяснения, так как их невозможно рассматривать с чисто экономической точки зрения. Фрейдовская концепция значительно ближе подходит к вышеупомянутым явлениям, поскольку рассматривает такое поведение как результат младенческих чувств вины по отношению к фигуре отца. Тем не менее она не позволяет понять социальное происхождение и назначение этого поведения и поэтому не приводит к практическому решению. Кроме того, фрейдистская концепция упускает из виду связь между указанным поведением, с одной стороны, и вытеснением и извращением сексуальной жизни широких масс, с другой стороны.

Маркс открыл, что общественная жизнь определяется условиями экономического производства и классовыми противоречиями, которые возникают благодаря этим условиям в определенный момент истории

Маркс был социологом, а не психологом и в то время научной психологии не существовало. Остался без ответа вопрос: почему человек позволял, чтобы его эксплуатировали и подвергали нравственным унижениям, или, короче говоря, почему он подчинялся рабству на протяжении многих тысячелетий? Удалось выяснить только экономический процесс, протекающий в обществе, и механизм эксплуатации.

Полвека спустя, используя специальный метод (названный Фрейдом психоанализом), Фрейд открыл процесс, который управляет психической жизнью. К его наиболее значительным открытиям, вызвавшим разрушение и крутую ломку большого числа существующих идей (событие, которое вначале вызвало ненависть общества к нему), следует отнести следующее:

1. Сознание занимает лишь небольшое место в психической жизни; оно само контролируется психическими процессами, которые протекают бессознательно и поэтому недоступны для сознательного контроля. Все психические переживания, сколь бы бессмысленными они ни казались (например, сновидения, бесполезные действия, абсурдные высказывания психически больных и т. д.), имеют определенную цель и «значение» и могут быть полностью поняты, если удастся установить их причины. Таким образом, психология, которая в процессе вырождения постепенно превращалась в некую физику мозга («мозговую мифологию») или теорию о таинственном объективном духе (Geist), вошла в область естественной науки.

Второе великое открытие, сделанное Фрейдом, заключается в том, что даже у маленького ребенка активно развивается сексуальность, которая не имеет никакого отношения к размножению. Термины сексуальность и размножение, сексуальное и генитальное не тождественны. Критический анализ психических процессов далее показал, что сексуальность, или, скорее, сексуальная энергия, либидо, которая имеет телесное происхождение, является основным двигателем психической жизни. Поэтому биологические предпосылки и социальные условия жизни частично совпадают

Третье великое открытие заключается в том, что детская сексуальность, в которой особое место занимают отношения ребенка к своим родителям («Эдипов комплекс»), обычно подавляется из-за страха перед наказанием за сексуальные акты и помыслы (в основном из-за «страха перед кастрацией»); детская сексуальная деятельность блокируется и вытесняется из памяти. При этом вытеснение детской сексуальности из сферы влияния сознания не ослабляет ее силы. Напротив, оно усиливает сексуальность и дает ей возможность проявляться в виде различных патологических расстройств психики. Поскольку среди «цивилизованных людей» трудно найти исключение из этого правила Фрейд мог сказать, что его пациентом является все человечество.

В этой связи следует упомянуть четвертое значительное открытие, которое заключается в том, что нравственные нормы человека (отнюдь не божественного происхождения) обязаны своим появлением применяемым родителями воспитательным мерам и родительским установкам в раннем детстве. В принципе, эти воспитательные меры оказываются весьма действенными в борьбе с детской сексуальностью. Исходный конфликт между желаниями ребенка и родительским подавлением этих желаний в дальнейшем превращается в конфликт между инстинктом и моралью, протекающий внутри самой личности. У взрослых нравственные нормы, которые сами по себе бессознательны, функционируют вопреки пониманию законов сексуальности и бессознательной психологической жизни; эти нормы поддерживают сексуальное подавление («сексуальное сопротивление») и позволяют понять широко распространенное нежелание «раскрывать» детскую сексуальность.

Психоаналитическая социология пыталась анализировать общество так, как

она анализировала отдельного человека, устанавливать абсолютное различие между процессом воспитания и сексуальным удовлетворением, рассматривать деструктивные инстинкты как основные биологические реальности, неизменно определяющие судьбу человека, а также отрицать существование периода первобытного матриархата. В конечном счете, отойдя от результатов своих собственных открытий, она пришла к уродливому скептицизму. Ее враждебность к исследованиям на основе этих открытий имеет многолетнюю историю, и ее представители неизменно оказывают противодействие таким исследованиям. И все же эта позиция не в состоянии поколебать нашу решимость защищать великие открытия Фрейда от любых нападков, откуда бы они ни исходили.

Сексуально-энергетическая социология, в основе которой лежат вышеупомянутые открытия, отнюдь не стремится дополнить, заменить или смешать Маркса и Фрейда. В одном из предыдущих абзацев была упомянута область исторического материализма, в которой психоанализ должен выполнить научную задачу, оказавшуюся не по силам социальной экономике: осмысление структуры и динамики идеологии, а не ее исторической основы. Объединяя интуитивные открытия психоанализа, социология достигает более высокого уровня познания реальности и, в конечном счете, принципов формирования личности. Только ограниченный политик может бранить аналитическую психологию, занимающуюся исследованием характерологической структуры личности, за неспособность делать непосредственные практические выводы. И только крикливый политик подвергает ее огульному порицанию, приписывая ей все искажения консервативной точки зрения. Однако подлинный социолог рассматривает психоаналитическое понимание детской сексуальности как в высшей степени значительный, революционирующий науку акт.

Сексуально-энергетическая социология как наука развивается, опираясь на социологический фундамент, заложенный Марксом, и на психический фундамент, заложенный Фрейдом. По сути своей она является массовой психологией и сексуальной социологией одновременно. Отвергая фрейдовскую философию культуры¹¹, она начинается там, где заканчивается область клинических психологических исследований, осуществляемых психоанализом.

Психоанализ открывает результаты и механизмы сексуального подавления и вытеснения, а также их патологические последствия в психике индивидуума. Сексуально-энергетическая социология идет дальше и задает вопрос: по каким социологическим причинам осуществляется подавление и вытеснение сексуальности в обществе? Церковь полагает, что это делается ради спасения на том свете; с точки зрения мистической морали подавление и вытеснение сексуальности следуют непосредственно из вечной нравственной природы человека; фрейдовская философия культуры уверяет, что это происходит в интересах культуры. Такие объяснения вызывают сомнение в их справедливости, и тогда возникает вопрос, каким образом мастурбация малолетних детей и половые сношения подростков могут препятствовать строительству газозаправочных станций и производству самолетов. Очевидно, что не культурная деятельность, а лишь существующие в обществе формы этой деятельности требуют подавления и вытеснения сексуальности, и поэтому возникает желание принести в жертву эти формы, если таким образом можно уничтожить ужасающую нищету детей и подростков. Тогда проблема заключается не в культуре, а в общественном строе. При изучении динамики сексуального подавления и этиологии сексуального вытеснения выясняется, что эти процессы не восходят к истокам развития культуры; другими

словами, подавление и вытеснение не являются исходными предпосылками развития культуры. Первые признаки подавления сексуальности стали проявляться сравнительно недавно, при установлении авторитарного патриархата и при начале деления общества на классы. Вообще говоря, на этом этапе сексуальные влечения начинают использоваться меньшинством с целью извлечения материальной прибыли; это положение находит основательное организационное выражение в патриархальном браке и семье. При ограничении и подавлении сексуальности происходит изменение характера человеческих чувств; возникает религия, отрицающая существование секса; эта религия постепенно создает свою сексуально-политическую организацию — церковь, со всеми ее предшественниками, — которая ставит своей целью не что иное, как искоренение сексуальных влечений человека, а следовательно, и того малого счастья, что существует на земле. С точки зрения ныне процветающей эксплуатации человеческого труда всему этому найдется вполне приемлемое объяснение.

Для понимания взаимосвязи между сексуальным подавлением и эксплуатацией человека необходимо проникнуть в суть основной социальной организации, в которой переплетаются экономическая и сексуально-энергетическая ситуация авторитарно-патриархального общества. Без анализа этой организации невозможно понять сексуальную энергетику и идеологический процесс, характерный для патриархального общества. Психологический анализ мужчин и женщин всех возрастов, стран и общественных классов показывает, что переплетение социально-экономической структуры с сексуальной структурой общества и структурное воспроизведение общества в человеческом характере происходят в первые 4—5 лет в авторитарной семье. Таким образом, авторитарное государство проявляет большой интерес к авторитарной семье: она превращается в фабрику, на которой формируется структура и идеология государства.

Мы нашли социальную организацию, в которой происходит соединение сексуальных и экономических интересов авторитарной системы. Теперь возникают вопросы: каким образом происходит это соединение и как функционирует эта организация. Безусловно, анализ типичной характерологической структуры людей с реакционной ориентацией (в том числе и рабочих) может дать ответ только при условии понимания важности постановки таких вопросов. В результате морального сдерживания естественной сексуальности ребенка, которая на последнем этапе приводит к существенному ослаблению его генитальной сексуальности, у ребенка развивается пугливость, робость, страх перед авторитетом, покорность, «доброта» и «послушание» в авторитарном смысле этих слов. Такое сдерживание парализует действие мятежных сил в человеке, так как каждый жизненный порыв теперь обременен страхом; поскольку секс стал запретной темой, критическая способность и мысль человека также становятся запретными. Короче говоря, задача морали заключается в формировании покорных личностей, которые, несмотря на нищету и унижение, должны соответствовать требованиям авторитарного строя. **Таким образом, семья представляет собой авторитарное государство в миниатюре, в котором ребенок должен научиться приспосабливаться к социальным условиям.** Необходимо ясно понимать, что авторитарная структура личности в основном формируется путем погружения сексуальных запретов и страхов в живую субстанцию сексуальных импульсов.

Подавление примитивных материальных потребностей приводит к иному

результату, чем подавление сексуальных потребностей. Если подавление материальных потребностей побуждает к сопротивлению, то подавление сексуальных потребностей предотвращает сопротивление обеим формам подавления. Во втором случае подавление приводит к вытеснению сексуальных потребностей из сознания, причем само подавление принимает форму моральной защиты. В действительности торможение самого сопротивления осуществляется бессознательно. В сознании среднего аполитичного человека мы не найдем даже следа сопротивления.

Вышеупомянутый процесс приводит к возникновению консерватизма, страха перед свободой — одним словом, реакционного мышления. С помощью этого процесса сексуальное вытеснение усиливает политическую реакцию, превращает массового индивидуума в пассивную аполитичную личность и создает вторичную силу в структуре личности — искусственную потребность, которая активно поддерживает авторитарный строй. Благодаря процессу вытеснения сексуальность не достигает естественного удовлетворения и поэтому стремится к различным заменителям удовлетворения. Так, например, в результате извращения естественная агрессивность выражается в форме грубого садизма, который занимает значительное место в массово-психологической основе империалистических войн, разжигаемых немногочисленной группой лиц.

Приведем еще один пример. С точки зрения массовой психологии в основе милитаристского феномена лежит либидозный механизм. Сексуальное воздействие военного мундира, эротически провоцирующее воздействие ритмического «гусиного шага» и эксгибиционистский характер военных распорядков оказались более доступными пониманию молоденьких продавщиц и секретарш, чем речи всесторонне образованных политиков. С другой стороны, политическая реакция сознательно использует в своих интересах сексуальные влечения. Она не только создает для мужчин модели бросающихся в глаза мундиров, но и поручает привлекательным женщинам вести вербовку добровольцев. В заключение напомним тиражируемые воинственными властями вербовочные плакаты, на которых были примерно такие надписи: «Хочешь побывать в других странах? Поступай на службу в королевский флот!» При этом другие страны изображались в виде экзотических женщин. Почему эти плакаты эффективны? Потому что в силу сексуального подавления наша молодежь испытывает сексуальный голод. Сексуальная мораль, препятствующая реализации воли к свободе, и силы, реализующие авторитарные стремления, получают энергию от вытесненной сексуальности. Теперь мы лучше понимаем значение процесса «возведения идеологии на экономический базис»: сексуальное торможение так изменяет структуру личности экономически подавленного человека, что он действует, чувствует и мыслит вопреки своим материальным интересам.

Так, в 1905 году солдаты воспринимали своих офицеров как своих отцов в детстве (трансформированных в представлении о боге), отрицавших существование сексуальности, которых нельзя было убить, — несмотря на то, что они лишили их радости жизни. Чувства раскаяния и нерешительности, охватившие солдат после захвата власти, служат выражением противоположного чувства ненависти, превратившейся в жалость, которая как таковая не может реализовываться в виде действия.¹¹

Практическая задача психологии масс заключается в активизации пассивного большинства населения, которая всегда помогает политической реакции одержать

победу, а также в устранении торможений, препятствующих развитию стремления к свободе, которое возникает благодаря социально-политической ситуации. Освобожденная от оков и направленная на достижение разумных щелей освободительного движения психическая энергия обычных людей, которые увлекаются футболом и дешевыми мюзиклами, не позволит себя закабалить. В своем сексуально-энергетическом исследовании мы будем придерживаться вышеизложенной точки зрения.

Если когда-нибудь в будущем динамика социальных процессов позволит реакционному историку поразмыслить о прошлом Германии, он, несомненно, увидит в успехе Гитлера в период с 1928 по 1933 год доказательство того, что великий человек творит историю в той мере, в какой он «зажигает» массы «своей идеей». Действительно, национал-социалистическая пропаганда создавалась на основе «фюрерской идеологии». Историческая основа национал-социалистического движения была доступна пониманию пропагандистов национал-социализма в той ограниченной мере, в какой они понимали механику своего успеха. Это прекрасно показано в опубликованной в те годы статье национал-социалиста Вильгельма Стапеля «Христианство и национал-социализм». Он пишет: «Поскольку национал-социализм является стихийным движением, к нему невозможно подступиться с помощью «аргументов». Аргументы были бы эффективны только в том случае, если бы движение завоевало власть с помощью дискуссий».

В своих выступлениях на национал-социалистических митингах ораторы мастерски манипулировали эмоциями масс и тщательно избегали соответствующих доводов. В своей книге «Майн кампф» Гитлер подчеркивает, что настоящая массовая психологическая тактика обходится без доказательств, постоянно удерживая внимание масс на «великой конечной цели». На примере итальянского фашизма нетрудно показать, в чем заключалась конечная Цель после захвата власти. Аналогично этому указы Геринга, направленные против экономических организаций средних классов, отказа от «второй революции», прихода которой ожидали сторонники национал-социализма, выполнение социалистических преобразований и т. д. обнажили реакционную цель фашизма. Следующее рассуждение показывает, как мало сам Гитлер понимал механизм своего успеха:

«В сочетании с постоянным, последовательным акцентированием, эта широта перспективы, от которой мы никогда не должны отходить, позволит нам достичь окончательного успеха. И тогда, к нашему удивлению, мы увидим, к каким потрясающим результатам приводит такое упорство — результатам, которые находятся почти за пределами *нашего понимания*, (выделено В. Р.).¹¹

Разумеется, успех Гитлера невозможно объяснить на основе его реакционной роли в истории капитализма, поскольку эта роль достигла бы противоположной цели, если бы она открыто призналась в его пропаганде. Исследование психологического воздействия Гитлера на массы должно исходить из предпосылки, что **фюрер или борец за идею может достичь успеха (если не в исторической, то по крайней мере в ограниченной перспективе) только в том случае, если его личная точка зрения, идеология или пропаганда имеет определенное сходство со средней структурой широкой категории индивидуумов.** Тогда возникает вопрос: какой исторической и социологической ситуации обязаны своим происхождением указанные массовые структуры? Таким образом, центр исследования массовой психологии переносится с метафизики «идей фюрера» на реальность общественной жизни. «Фюрер» может творить историю только тогда, когда структура его личности соответствует личностным структурам широких групп. Постоянный или только временный характер воздействия фюрера на историю зависит лишь от того,

---

соответствует его программа направлению развития прогрессивных социальных процессов или возникает на их основе. Следовательно, стремясь объяснить успех Гитлера демагогией национал-социалистов, «запутыванием масс», их «обманом» или применяя неопределенный термин «нацистский психоз», как это делали впоследствии коммунисты и другие политики, исследователь становится на ложный путь, ибо проблема заключается в понимании, почему массы поддались обману, запутыванию и психозу.

Эту проблему невозможно решить без точного знания того, что происходит в массах. Недостаточно утверждать, что гитлеровское движение было реакционным. Успех НСДАП в массах противоречит этой предполагаемой реакционной роли, ибо почему тогда многие миллионы соглашались с тем, чтобы их угнетали? В этом заключается противоречие, объяснить которое способны не политика и экономика, а социальная психология.

В работе с различными классами национал-социализм использовал различные средства, давая различные обещания в зависимости от конкретных нужд того или иного общественного класса в данное время. Например, стремясь привлечь на свою сторону промышленных рабочих, нацистская пропаганда подчеркивала весной 1933 года революционный характер нацистского движения и поэтому «торжественно отметила» праздник 1-го мая, но только после умиротворения аристократии в Потсдаме. И тем не менее приписывать успех только политическому мошенничеству — значит вступить в противоречие с основной идеей свободы и практически исключить возможность социальной революции. В действительности необходимо ответить на вопрос: почему массы позволяют, чтобы их обманывали в политическом отношении? Массы имели возможность дать оценку пропаганде различных партий. Почему они не заметили, что, обещая рабочим лишить прав собственности владельцев средств производства, Гитлер обещал капиталистам защитить их права?

Для понимания национал-социализма не имеют значения структура личности Гитлера и его автобиография. И все же интересно отметить, что мелкобуржуазное происхождение его идей в основном совпадает с личностными структурами масс, которые с готовностью приняли эти идеи.

Как и в случае каждого реакционного движения, Гитлер опирался на поддержку различных слоев мелкой буржуазии. Национал-социализм раскрывает все противоречия, характеризующие психологию мелкобуржуазных масс. Теперь необходимо понять сами противоречия и общую причину их возникновения в условиях империалистического производства. Мы ограничимся рассмотрением вопросов сексуальной идеологии.

Фюрер мятежного среднего класса Германии был сыном государственного служащего. Он рассказывает о конфликте, особенно характерном для личностной структуры средней буржуазии. Его отец захотел, чтобы он стал государственным служащим. Однако сын воспротивился желанию отца и, преисполненный решимости «ни в коем случае» не уступать отцу, стал художником. Со временем он оказался в бедственном материальном положении. В то же время наряду с неповиновением отцу в его душе сохранились уважение к отцу и признание его авторитета. Это амбивалентное отношение к авторитету — сочетание неповиновения с признанием авторитета и повиновением — является одной из основных особенностей любой личностной структуры среднего класса, начиная с периода полового созревания и кончая совершеннолетием, и находит особенно отчетливое выражение у лиц, жизнь которых проходила в материально стесненных обстоятельствах.

Гитлер с большим чувством говорит о своей матери. Он уверяет нас, что плакал только один раз в жизни, а именно когда умерла его мать. Его неприятие секса и невротическое поклонение материнству ясно проступают в его рассуждениях о расах и сифилисе (см. следующую главу).

Когда Гитлер жил в Австрии, он стал националистом и решил встать на борьбу с австрийской династией, которая подвергла «немецкую родину славянизации». В его полемике с Габсбургами видное место занимает упрек в том, что среди них было несколько сифилитиков. На этом не стоило бы подробно останавливаться, если бы идея «отравления нации» и общее отношение к сифилису не выносились постоянно на обсуждение и впоследствии, после захвата власти, не составили бы основной части внутренней политики Гитлера.

Вначале Гитлер с сочувствием относился к социал-демократам, так как они вели борьбу за всеобщее избирательное право, а это могло ослабить презираемый им «режим Габсбургов». В то же время у него вызывали неприязнь подчеркивание социал-демократами классовых различий, их отрицание нации, авторитета государства, частной собственности на средства производства, религии и морали. В конечном счете его оттолкнуло от социал-демократов предложение вступить в их профсоюз. Он отказался от этого предложения и свой отказ обосновал тем, что он впервые понял роль социал-демократии.

Его кумиром становится Бисмарк, поскольку тот объединил немецкий народ и выступил на борьбу с австрийской династией. На его дальнейшее развитие оказывают значительное влияние антисемит Люгер и немецкий националист Шенерер. Отныне его программа опирается на национал-империалистические задачи, которые он намеревается осуществлять другими, более подходящими средствами, чем средства, используемые старыми «буржуазными» националистами. Выбор средств определяется его признанием эффективности организованной силы марксизма и значения масс для любого политического движения.

«..Только в том случае, когда мы противопоставим интернационалистскому мирозерцанию, руководимому марксизмом, столь же организованную силу, руководимую нашими взглядами,— только тогда при одинаковом напряжении энергии успех в конечном счете склонится на сторону вечной истины».

«Майн кампф», стр 384

«...Что дало победу интернационалистскому мировоззрению, так это его строго организованная политическая партия, построенная по-военному. Что приносило до сих пор поражение за поражением противоположному мирозерцанию, так это то, что до сих пор мы не имели единой и хорошо организованной партии. С успехом бороться и победить наше мирозерцание может' не тогда, когда оно предоставит всякому и каждому толковать наши взгляды как заблагорассудится, а лишь тогда, когда взгляды наши получают строго очерченное истолкование и когда мы создадим себе крепкую политическую организацию».

«Майн кампф», стр 385

Гитлер вскоре признал несостоятельность социал-демократической политики и бессилие старых буржуазных партий.

«Все это неизбежно следовало из отсутствия новой антимарксистской философии, наделенной мощной волей к победе».

«Майн кампф», стр.173

«Чем больше я задумывался над необходимостью изменения отношения правительства к социал-демократии как воплощению современного марксизма, тем больше я понимал отсутствие адекватной замены этому учению. Что можно было бы предложить массам, если бы, предположим, социал-демократия была сломлена?

Не существовало ни одного движения, которое могло бы вовлечь в сферу своего влияния громадные массы рабочих, освободившихся, в большей или меньшей степени, от влияния своих марксистских вождей. Совершенно нелепо и более чем глупо думать, что интернациональный фанатик, только что покинувший ряды одной классовой партии, тут же согласится вступить в ряды другой, тоже классовой, но буржуазной партии».

«Майн кампф», стр 173

«Буржуазные (как они сами себя называют) партии никогда не смогут перетянуть в свой лагерь „пролетарские массы". Ибо здесь противостоят друг другу два мира, разделенные частью искусственно, а частью и естественно. Взаимоотношения этих двух миров могут быть только взаимоотношениями борьбы. Победа же в этой борьбе неизбежно достанется более молодой партии, т. е. в данном случае марксизму».

«Майн кампф», стр.174

Антисоветская позиция национал-социализма стала очевидной с самого начала его существования.

«Если бы понадобились новые земли в Европе, их, вообще говоря, можно было бы получить только за счет России, а это означает, что новый Рейх должен снова идти древней дорогой тевтонских рыцарей добывать немецким мечом землю немецкому плугу и хлеб насущный немецкому народу».

«Майн кампф», стр 140

Гитлер столкнулся со следующими вопросами. Как привести национал-социалистическую идею к победе? Каким образом можно вести эффективную борьбу с марксизмом? Каким образом можно пробиться к массам?

С учетом этих вопросов Гитлер обращается к националистическим чувствам и принимает решение разработать свою технологию пропаганды для создания по примеру марксистов массовой организации на основе последовательного применения этой технологии.

Гитлер стремился — и это открыто признается — воплотить в жизнь националистический империализм с помощью методов (в том числе и методов массовой организации), заимствованных у марксистов. Однако успехом своим эта массовая организация обязана массам, а не Гитлеру. Ибо укорениться его пропаганда смогла только благодаря авторитарной структуре личности, испытывающей страх перед свободой. Поэтому с социологической точки зрения своими достижениями Гитлер обязан не своей личности, а тому значению, которое придавали ему массы. Проблема, однако, значительно усложняется тем абсолютным презрением, с каким Гитлер относился к народным массам, с помощью которых он собирался реализовать свои империалистические стремления. Для доказательства этого утверждения нет нужды приводить множество примеров. Здесь достаточно упомянуть одно откровенное признание: «...настроение в народе всегда обуславливалось только тем, как общественное мнение обрабатывалось сверху» («Майн кампф», стр. 128).

Теперь мы прямо укажем на суть вопроса: что происходило в массах, в результате чего они пошли за партией, руководство которой объективно и субъективно занимало позицию диаметрально противоположную интересам трудящихся масс?

Отвечая на этот вопрос, мы должны в первую очередь учитывать, что при первом своем успешном выступлении национал-социалистическое движение опиралось на широкие слои так называемого среднего класса, т. е. миллионы государственных

чиновников, служащих частных фирм, средних торговцев, мелких и средних фермеров. С точки зрения социальной основы национал-социализм был мелкобуржуазным движением, и таким он был везде, где бы он ни появлялся, будь то в Италии, Венгрии, Аргентине или Норвегии. Поэтому мелкая буржуазия, которая прежде поддерживала различные буржуазные демократии, должна была пройти этап внутренней трансформации, вызвавшей изменение ее политической позиции.

Социальная ситуация и соответствующая ей психология мелкой буржуазии позволяют объяснить основные сходства и различия между идеологией либеральной буржуазии и фашизмом.

Мелкая буржуазия, ставшая на сторону фашизма, была той силой, которая поддерживала либеральную демократию на другом этапе развития капитализма. Во время выборов с 1930 по 1932 год национал-социалисты получили новые голоса только за счет немецкой национальной партии и мелких партий германского рейха. В то же время католический центр удержал свои позиции даже во время прусских выборов в 1932 году. Проникнуть в массы промышленных рабочих национал-социалистам удалось лишь на следующих выборах. Средняя буржуазия была и осталась главной опорой свастики. Отстаивая дело национал-социализма, эта буржуазия выступила на арену политической борьбы и в период жесточайших потрясений капиталистической системы (1929 — 1932 гг.), задержала революционное переустройство общества. Политическая реакция дала абсолютно верную оценку значения среднего класса. В листовке немецкой национальной партии от 8 апреля 1932 года мы читаем: «Средний класс имеет решающее значение для существования государства».

Тот факт, что после захвата власти национал-социализм стал быстро превращаться в империалистический национализм, который стремился изгнать из движения все «социалистическое» и использовал все доступные средства для подготовки к войне, не противоречит другому факту, а именно: с точки зрения опоры в массах фашизм действительно был движением среднего класса. Гитлер никогда не получил бы его поддержки, если бы не дал обещания начать борьбу против крупных корпораций. Средний класс помог ему одержать победу потому, что был против большого бизнеса. Под его давлением власти были вынуждены принять антикапиталистические меры аналогично тому, как некоторое время спустя они были вынуждены отказаться от них под давлением со стороны крупных предпринимателей. Невозможно достигнуть какого-либо понимания, не установив различия между субъективной заинтересованностью реакционного движения в приобретении опоры в массах и его объективной реакционной ролью. При этом необходимо учитывать, что, несмотря на противоречия между этими двумя сторонами, на начальном этапе они находили примирение в общем контексте нацистского движения. Если первая сторона связана с реакционными интересами фашистских масс, то вторая имеет непосредственное отношение к реакционной роли фашизма. Все противоречия берут начало в противопоставлении указанных двух сторон фашизма в той мере, в какой их примирение в одной форме — «национал-социализме» — характеризует гитлеровское движение. Национал-социализм был вынужден подчеркивать, что он является движением среднего класса, и поэтому он действительно имел антикапиталистическую и революционную направленность. И тем не менее, поскольку национал-социализм не отобрал права у крупных предпринимателей и был вынужден укреплять и держаться за захваченную власть, капиталистическая сторона его деятельности стала все более

выдвигаться на передний план, пока, наконец, он не превратился в крайнего поборника империализма и капиталистической экономики. В этом отношении представляется совершенно незначительным факт существования и число руководителей партии с подлинной или неподлинной социалистической ориентацией (в их понимании этого термина). Точно так же представляется незначительным факт существования и число откровенных мошенников и политических авантюристов. Радикальная антифашистская политика не может опираться на такие соображения. Все необходимое для понимания немецкого фашизма можно было бы почерпнуть из истории итальянского фашизма, так как итальянский фашизм также выполнял эти две совершенно противоположные функции, находившие примирение в его общем контексте.

Тех, кто отрицает значение массовой основы фашизма или не учитывает ее должным образом, приводит в замешательство следующее соображение. Поскольку средний класс не владеет основными средствами производства и не работает с ними, он не может выступать в качестве постоянной движущей силы истории и поэтому вынужден колебаться между капиталом и рабочими. При этом не учитывается, что, как свидетельствует развитие итальянского и немецкого фашизма, средний класс может выступать и действительно выступает в качестве если не постоянной, то по крайней мере временной «движущей силой истории». Здесь мы имеем в виду не только разгром рабочих организаций, бесчисленные жертвоприношения и вспышки варварства, но и, что самое Южное, предотвращение развития экономического кризиса и превращения его в социальную революцию. Очевидно, что чем более многочисленным и значительным становится средний класс нации, тем более важной становится его роль в качестве действенной социальной силы. В годы с 1933 по 1942 мы сталкиваемся со следующим парадоксом: фашизм опередил социал-революционный интернационализм в качестве международного движения. Социалисты и коммунисты были настолько уверены в том, что революционное движение опережает в своем развитии политическую реакцию, что фактически совершили политическое самоубийство.

Включившись в фашистское движение, средний класс проявился в качестве социальной силы. Поэтому проблема заключается не в реакционных целях Гитлера или Геринга, а в социальных интересах различных групп среднего класса. Благодаря своей характерологической структуре средний класс играет социальную роль, которая значительно превосходит его экономическое значение. Этот класс в течение нескольких тысячелетий поддерживает существование патриархата со всеми его противоречиями.

Вообще говоря, само существование фашистского движения, несомненно, служит социальным выражением националистического империализма, и все же превращение фашизма в массовое движение и захват власти (с последующим выполнением своей империалистической задачи) следует отнести за счет полной поддержки его со стороны среднего класса. Понять проявление фашизма можно только с учетом вышеупомянутых противоречий.

Социальное положение среднего класса обуславливается: 1) его положением в капиталистическом производственном процессе, 2) его положением в аппарате авторитарного государства в 3) его особым семейным положением, которое непосредственно определяется его положением в производственном процессе и служит ключом к пониманию его идеологии. Действительно, несмотря на различия в экономическом положении мелких фермеров, чиновников и средних

предпринимателей, основной характер их семейного положения остается одинаковым.

Быстрое развитие капиталистической экономики в XIX столетии, непрерывная и быстрая механизация производства, а также слияние различных предприятий в монополистические синдикаты и тресты создают основу для постепенного обнищания мелких торговцев и ремесленников. Мелкие предприятия не могут конкурировать с более рентабельными крупными предприятиями и поэтому разоряются.

Накануне выборов президента республики в 1932 году немецкие националисты предостерегали: «Эта система ничего не может предложить среднему классу, кроме безжалостного уничтожения. Вопрос стоит так: либо мы все погрузимся в серую мглу пролетарского существования, где нас ждет только одно, а именно — ничто, либо энергия и усердие снова позволят каждому человеку наживать добро упорным трудом!» В своей пропаганде национал-социалисты действовали не так прямолинейно, как немецкие националисты, опасаясь усугубить разрыв между средним классом и основной массой промышленных рабочих, и такой подход позволил им достигнуть более высоких результатов.

Борьба с универсами занимала важное место в пропаганде НСДАП. Противоречия между той ролью, в которой национал-социализм выступал перед крупными предпринимателями, и интересами среднего класса, у которого он получил свою основную поддержку, нашло отражение в беседе Гитлера с Никербокером:

«Мы не собираемся ставить германо-американские отношения в зависимость от какой-нибудь галантерейной лавки (здесь имеется в виду участь, постигшая магазин Вулворта в Берлине) существование таких предприятий поощряет распространение большевизма.. Они губят множество мелких предприятий. Поэтому мы относимся к ним с неодобрением; но вы можете быть уверены, что к вашим предприятиям такого рода в Германии будут относиться так же, как и к аналогичным немецким предприятиям..»¹¹

Под давлением кризиса различные группы мелкой буржуазии вынуждены были создавать объединения. В то же время экономическая конкуренция между мелкими предприятиями препятствовала возникновению такого чувства солидарности, как у промышленных рабочих. В силу своего общественного положения мелкий буржуа не мог примкнуть ни к своему общественному классу, ни к промышленным рабочим. Если к своему классу он не мог примкнуть из-за царившей в его среде конкуренции, то к промышленным рабочим он не мог примкнуть из-за чувства страха перед пролетаризацией. И тем не менее фашистам удалось объединить различные группы мелкой буржуазии. Что в психологии масс послужило основой этого объединения?

Ответ на этот вопрос дает социальное положение мелких и средних чиновников и служащих частных фирм. Экономическое положение среднего служащего хуже экономического положения среднего квалифицированного промышленного рабочего; худшее положение служащего частично компенсируется за счет слабой надежды продвинуться по службе, а в случае чиновника — за счет ожидания пожизненной пенсии. Таким образом, для этого класса характерны зависимость от государственной власти и конкурентное отношение к сослуживцам, которое препятствует развитию чувства солидарности. Социальное сознание чиновника характеризуется не солидарностью с сослуживцами, а его отношением к правительству и «нации». Оно заключается в полной идентификации с государственной властью¹¹, а в случае служащего частной компании — в

идентификации с компанией. Чиновник столь же покорен, как и промышленный рабочий. Почему у него не возникает чувство солидарности, как у промышленного рабочего? Это объясняется его промежуточным положением между органом управления и основной частью работников ручного труда. Подчиняясь вышестоящему, он является представителем власти для нижестоящих и в качестве такового занимает привилегированное моральное (но не материальное) положение. В психологии масс такой тип персонифицируется армейским сержантом. Примерами власти вышеупомянутой идентификации могут быть дворецкие, лакеи и другие слуги аристократических семей. Перенимая у господ образ мышления и нормы поведения, они полностью изменяются, причем их стремление устранить последствия своего низкого происхождения нередко превращает их в карикатуры на лиц, у которых они находятся в услужении.

Идентификация с властью, фирмой, государством, нацией и т. д., которую можно выразить формулой: «Я — государство, власть, фирма, нация», конституирует психическую реальность и служит замечательным примером превращения идеологии в материальную силу. Вначале в сознании служащего или чиновника зарождается лишь смутная мысль о том, что хорошо быть таким, как начальник, однако под давлением материальной зависимости его личность полностью изменяется в соответствии с требованиями правящего класса. У всегда готового приноровиться к начальству буржуа возникает раскол между его экономическим положением и его идеологией. Жизнь его проходит в материально стесненных обстоятельствах, но в своем стремлении подражать господам он нередко доходит до смешного. Он недоедает, но придает большое значение «приличному костюму». Цилиндр и фрак превращаются в материальный символ его характерологической структуры. Одежда людей дает замечательную возможность составить суждение об их массовой психологии на основании первого впечатления. Приспособительная установка позволяет установить конкретное отличие психологической структуры мелкого буржуа от структуры промышленного рабочего¹¹.

Как далеко проникает идентификация с авторитетом? Мы уже убедились, что такая идентификация существует. Вопрос, однако, заключается в том, каким образом, наряду с экономическими условиями жизни, оказывающими непосредственное влияние на мелкого буржуа, эмоциональные факторы настолько укрепляют его психологическую установку, что характерологическая структура его личности остается неизменной во время кризиса и даже тогда, когда безработица разрушает непосредственную экономическую основу его жизни. Как уже отмечалось, различные группы мелкой буржуазии отличаются по своему экономическому положению, но основные особенности их семейной ситуации остаются одинаковыми. Именно в этой семейной ситуации хранится ключ к пониманию эмоциональных основ вышеупомянутой структуры.

На начальном этапе семейная ситуация различных групп мелкой буржуазии не отличается от их непосредственного экономического положения. Семья представляет собой мелкое хозяйство или предприятие. (Это не относится к семьям чиновников.) Члены семьи мелкого торговца работают на его предприятии и таким образом избегают расходов на постороннюю помощь. На мелких и средних фермерских хозяйствах совпадение семьи и способа производства еще более ярко выражено. В принципе, на такой деятельности построено хозяйство великих патриархов (например, хозяйство Загруды). В тесном переплетении семьи и

хозяйства таится ответ на вопрос, почему крестьянство «привязано к земле» и «традициям» и, как следствие этого, доступно влиянию политической реакции. Это отнюдь не означает, что привязанность к земле и традициям определяется только экономическим характером жизни. Фермерский способ производства приводит к установлению жестких семейных отношений между всеми членами данной семьи при условии предварительного подавления и вытеснения сексуальных влечений, чреватых серьезными последствиями. Тогда на этой двойной основе возникает типично крестьянское мировоззрение. Его суть составляла патриархально-сексуальная мораль. В одной из своих работ я охарактеризовал трудности, с которыми пришлось столкнуться Советскому правительству при коллективизации сельского хозяйства. Эти трудности были вызваны не только «любовью к земле», но и, что самое важное, семейными узами, обусловленными владением землей.

«Уже одна возможность сохранить в качестве фундамента всей нации здоровое крестьянское сословие имеет совершенно неограниченное значение. Ведь многие наши нынешние беды являются только следствием нездоровых взаимоотношений между городским и сельским населением. Наличие крепкого слоя мелкого и среднего крестьянства всегда было лучшей защитой против социальных недугов, от которых мы сейчас страдаем. Более того, это единственное решение, позволяющее нации зарабатывать хлеб насущный в рамках своей экономики. Таким образом, устраняется пагубная роль промышленности и торговли, и они занимают надлежащее место в общей структуре национальной экономики со сбалансированным спросом и предложением».

«Майн кампф», *стр. 138*

Такова была позиция Гитлера по крестьянскому вопросу. Несмотря на ее бессмысленность (с экономической точки зрения) и низкую эффективность попыток политической реакции ограничить механизацию крупных сельских хозяйств и остановить разорение мелких хозяйств, с точки зрения массовой психологии эта пропаганда была действенной, так как оказывала определенное влияние на прочную структуру семьи мелкого крестьянина.

В конечном счете тесная взаимосвязь между семейными отношениями и сельскохозяйственными формами экономики нашла выражение у националистов после захвата ими власти. Поскольку по своей массовой основе и идеологической структуре гитлеровское движение было движением среднего сословия, одним из первых его законодательных актов, направленных на защиту интересов этого сословия, был указ от 12 мая 1933 года о «Новом порядке владения земельной собственностью», который возвращался к древним законодательным нормам, основанным на «нерасторжимом единстве крови и земли».

Фермерским хозяйством, унаследованным в соответствии с законом о заповедном имуществе, может владеть только тот фермер, который является немецким гражданином и немцем по происхождению. Немцем по происхождению считается только тот, у кого на протяжении четырех поколений среди предков по мужской линии не было ни одного лица еврейского или «цветного» происхождения. Очевидно, что в соответствии с буквой этого закона каждый германец считается лицом немецкого происхождения. Брак с лицом, не имеющим немецкого происхождения, не позволяет ребенку от этого брака стать владельцем фермерского хозяйства, унаследованного в соответствии с настоящим законом.

Связь между индивидуалистическими способами производства и авторитарной семьей в среде мелкой буржуазии служит одним из многих источников фашистской идеологии «большой семьи».

Основные элементы фашистской идеологии, «фюрерский принцип», семейная политика и т. д. имеют индивидуалистический характер. Если в основе коллективных элементов фашизма лежат социалистические тенденции народных масс, то в основе индивидуалистических элементов лежат интересы крупных предпринимателей и принципы фашистского руководства.

Ввиду естественной структуры личности указанная экономическая и семейная ситуация прекратила бы свое существование, если бы ее надежность не обеспечивалась особыми взаимоотношениями между мужчиной и женщиной и характером сексуальности, определяемым этими взаимоотношениями. Мы называем эти взаимоотношения патриархальными.

...понятия «порядочности» и «долга» играют весьма значительную роль в жизни мелкой буржуазии. Это невозможно объяснить только стремлением скрыть грубую материалистическую подоплеку. Ибо, несмотря на все лицемерие, высокие чувства, вызываемые понятиями «порядочности» и «долга», неподдельны. Вопрос заключается только в их источнике.

Источники этих чувств следует искать в бессознательной эмоциональной жизни. Вначале на них мало обращают внимание, а затем просто не хотят замечать их связь с вышеупомянутой идеологией. И тем не менее анализ связей в мелкобуржуазной среде не оставляет сомнений в существенном значении взаимосвязи между сексуальной жизнью и идеологией «долга» и «порядочности».

Прежде всего следует отметить, что политическое и экономическое положение отца отражается в его патриархальном отношении к остальным членам семьи. В лице отца авторитарное государство имеет своего представителя в каждой семье, и поэтому семья превращается в важнейший инструмент его власти.

Авторитарное положение отца отражает его политическую роль и раскрывает связь семьи с авторитарным государством. Отец занимает в семье такое же положение, какое занимает по отношению к нему начальник в производственном процессе. В своих детях, особенно в сыновьях, он воспроизводит свое раболепное отношение к авторитету. Благодаря этим условиям возникает пассивно сервильное отношение мелкого буржуа к фигуре фюрера. Далекий от действительного понимания природы мелкой буржуазии, Гитлер имел в виду именно эту ее особенность, когда писал:

«По своей природе и мировоззрению народ в подавляющем большинстве настолько женствен, что его мысли и поступки определяются эмоциями и чувствами в значительно большей мере, чем доводами здравого смысла.

Душа народа в высшей степени проста и цельна. Для нее не существует множества оттенков. Она не признает никакой половинчатости. Для нее существует только настоящее и ненастоящее, любовь и ненависть, правильное и неправильное, правда и ложь»

«Майн кампф», стр 183

Здесь мы имеем не «врожденную склонность», а типичный пример воспроизведения авторитарной системы в структуре ее членов.

Вышеупомянутое положение неизбежно приводит к жесткому подавлению женской и детской сексуальности. Если под влиянием мелкобуржуазной среды у женщин развивается покорность, усиленная вытесненной сексуальной непокорностью, то у сыновей, наряду с раболепным отношением к авторитету, формируется глубокая идентификация с отцом, которая служит основой эмоциональной идентификации с любой формой авторитета. Вероятно, долго останется неразгаданной загадка процесса формирования психологических структур опорных слоев общества, который обеспечивает их подгонку к социальной структуре в соответствии с

задачами правящих кругов, не уступающую по точности подгонке деталей прецизионного станка. Как бы там ни было, то, что мы описываем как структурное воспроизведение экономической системы общества в психологии масс, представляет собой основной механизм формирования политических идей.

Для авторитарной семьи характерны не только конкуренция между детьми и взрослыми, но и потенциально более серьезные последствия конкуренции среди детей данной семьи в их взаимоотношениях с родителями. В детские годы эта конкуренция, которая при достижении совершеннолетия и во время жизни за пределами семьи приобретает преимущественно экономический характер, реализуется на основе сильных эмоциональных взаимосвязей (любовь — ненависть) между членами одной семьи.

...достаточно лишь отметить, что сексуальные торможения и ослабления, составляющие наиболее существенные предпосылки существования авторитарной семьи и определяющие структурное формирование психологии мелкого буржуа, осуществляются с помощью религиозного страха, который возникает на основе чувства сексуальной вины и глубоко коренится в эмоциональной сфере. Таким образом, мы приходим к проблеме отношения религии к отрицанию самого факта существования полового влечения. Сексуальное бессилие приводит к ослаблению чувства уверенности в себе. В одних случаях это возмещается огрублением сексуальности, а в других — жесткость становится особенностью характера. Принуждение к установлению контроля над своей сексуальностью и поддержанию сексуального вытеснения приводит к возникновению патологических эмоционально окрашенных понятий чести и долга, мужества и самообладания¹¹. Однако патологический и эмоциональный характер таких психологических установок во многом не согласуется с реальным поведением личности. Человек, способный достигнуть генитального удовлетворения, отличается честностью, надежностью, отвагой и сдержанностью. Эти особенности органически входят в состав его личности. Человек с ослабленными гениталиями и противоречивой сексуальной структурой вынужден постоянно напоминать себе о необходимости сдерживать свои сексуальные влечения, сохранять свое сексуальное достоинство и мужество перед лицом искушений. Борьба с искушением мастурбировать знакома всем без исключения детям и подросткам. В процессе этой борьбы формируются реакционные элементы психологической структуры личности. В различных группах мелкой буржуазии реакционная структура приобретает значительную прочность, укореняясь наиболее глубоко в психике. Принудительное подавление сексуальных влечений служит основным источником энергии и содержания мистицизма. Поскольку различные группы промышленных рабочих находятся под воздействием одних и тех же социальных факторов, у них формируются соответствующие отношения. В то же время, благодаря явному отличию их образа жизни от образа жизни мелкой буржуазии проявление сексуально-позитивных сил имеет у рабочих более отчетливый и сознательный характер. Аффективное укоренение таких структур является причиной бессознательной тревоги, а их сокрытие под покровом психологических особенностей не позволяет разумным доводам проникать в глубинные пласты личности.

Мы часто сталкиваемся с рядом таких понятий, как личная честь, семейная честь, расовая честь, национальная честь. Эти понятия соответствуют различным пластам индивидуальной структуры личности. В этом ряду, однако, отсутствуют понятия, связанные с общественно-экономическим базисом: капитализм или, точнее, патриархат; установление обязательного брака; подавление сексуальной

сферы; борьба личности против своей сексуальности; индивидуальное компенсаторное чувство чести и т. д. Самое важное положение в указанном ряду занимает идеология «национальной чести», которая соответствует иррациональной сущности национализма. Чтобы достаточно ясно понять это положение, нам снова придется отклониться от нашей основной темы.

Борьба авторитарного общества против детской и подростковой сексуальности (а впоследствии и борьба индивидуума против своей сексуальности в пределах своего эго) осуществляется в рамках авторитарной семьи, которая является лучшей формой организации для успешного ведения такой борьбы. Сексуальные желания, естественно, побуждают индивидуума вступать в различные отношения с обществом, устанавливая с ним разнообразные связи. В случае подавления таким желанием остается только одна возможность для своего проявления — разрядка в тесных рамках семьи. Сексуальное торможение составляет основу как семейной замкнутости индивидуума, так и его самосознания. Следует учитывать, что динамика метафизических, индивидуальных и семейных чувств отражает лишь различные грани одного и того же процесса отрицания существования сексуальности, причем лишенное всякой мистики, ориентированное на реальность мышление характеризуется свободным отношением к семье и по меньшей мере безразличным отношением к идеологии аскетической сексуальности. Поэтому представляется существенным установление связи с авторитарной семьей на основе торможения сексуальности. При этом исходная биологическая связь ребенка со своей матерью, а также привязанность матери к своему ребенку создают преграду для; сексуальной реальности и приводят к прочной сексуальной фиксации и неспособности вступать в другие отношения¹¹. Связь с матерью составляет основу всех семейных уз. По своей субъективно-эмоциональной сути понятия родины и народа являются понятиями матери и семьи. В сознании различных групп среднего *сжатия* образ матери ассоциируется с образом родины для ребенка, аналогично тому как семья предстает в виде «народа в миниатюре». Это позволяет нам понять, почему в национал-социалистическом ежегоднике за 1932 год национал-социалист Геббельс взял в качестве девиза для своих десяти заповедей следующие слова: «Никогда не забывай, что твоя страна — это твоя мать». Ему, очевидно, не был известен более глубокий смысл этих слов. По случаю Дня Матери в 1933 году «Ангрифф» писала:

«День Матери. Народная революция смела все мелочное а) своего пути. Идеи снова вступили в свои права, объединяя семью, общество, народ. Идея Дня Матери вполне подходит для почитания того, что символизирует немецкая идея: Немецкая Мать! Только в новой Германии придается такое значение жене и матери. Она — защитница семейной жизни, на основе которой рождаются новые силы, способные повести наш народ вперед. Она — немецкая мать — служит единственной носительницей идеи немецкой нации. Идея «матери» неотделима от идеи «немецкого». Что еще может сблизить нас больше, чем совместное почитание матери?»

С точки зрения психологической структуры личности эти утверждения представляются верными, независимо от их социально-экономической необоснованности. Ибо националистические чувства формируются на основе семейных уз и, аналогично семейным узам, коренятся в фиксированной¹¹ связи с матерью. С точки зрения биологии это невозможно объяснить, так как связь с матерью становится социальным продуктом в той мере, в какой она в дальнейшем превращается в семейную и националистическую связь. В период возмужания связь с матерью допускает существование других привязанностей, т. е. естественных половых отношений, при условии, что сексуальные ограничения не приведут к её

закреплению. В качестве социально мотивированного закрепления эта связь составляет основу формирования националистических чувств в период возмужания индивидуума, и только на этой стадии она превращается в реакционную социальную силу. Националистические чувства не нашли столь отчетливого выражения у промышленных рабочих, как у мелких буржуа. Это объясняется различиями в социальных условиях жизни и — как следствие — более свободными семейными отношениями.

Семьи разделены и противопоставлены так же, как и народы. В обоих случаях в основе этого разделения и противопоставления лежит экономическая причина. Проблемы пропитания и другие насущные нужды постоянно тревожат семью мелкого буржуа (служащего, низкооплачиваемого технического работника и др.). Поэтому экспансионистские тенденции большой семьи мелкого буржуа также воспроизводят тенденции империалистической идеологии: «Народу нужны пространство и пропитание». Этим объясняется особая податливость мелкого буржуа влиянию империалистической идеологии. Он способен полностью идентифицировать себя с персонифицированной концепцией нации. Таким образом, семейный империализм воспроизводится в национальном империализме на идеологическом уровне.

В этой связи представляет интерес высказывание Геббельса в брошюре «Ди верфлюхтен хакенкрейцер» (Эгер Ферлаг, Мюнхен, стр. 16 и 18). Она была написана в ответ на вопрос, является ли еврей человеком.

«Если кто-нибудь ударит кнутом вашу мать по лицу, разве вы станете его благодарить? Разве он человек!? Тот, кто так поступает, — не человек. Это скот! Сколько же тяжелых страданий причинил и причиняет еврей нашей матери Германии! Он — еврей — развратил нашу расу, ослабил нашу энергию, разрушил наши обычаи и подорвал наши силы. Еврей, этот демон распада, начинает преступное избиение народа».

Здесь необходимо учитывать значение идеи кастрации как наказания за сексуальное удовольствие. Кроме того, необходимо также учитывать сексуально-психологический фон бредовых идей ритуального убийства и фон антисемитизма как такового. И, наконец, необходимо дать правильную оценку чувствам сексуальной вины и тревоги реакционера с учетом ударного воздействия таких бессознательно составленных формулировок на бессознательную эмоциональность обычного читателя. В таких высказываниях и их бессознательно-эмоциональном воздействии мы находим корни национал-социалистического антисемитизма. Полагают, что фашисты «запутывают». Разумеется, и запутывают тоже. Но при этом упускается из виду, что с идеологической точки зрения фашизм отражает сопротивление сексуально и экономически больного общества болезненным, но необходимым революционным стремлениям к сексуальной и экономической свободе, той свободе, одна мысль о которой вселяет в реакционера смертельный ужас.

...авторитарная семья служит важнейшим источником воспроизведения всех видов реакционного мышления. По существу, она представляет собой своего рода предприятие по производству реакционных структур и идеологий. Поэтому первая заповедь любой реакционной политики в области культуры заключается в «защите семьи», а именно большой авторитарной семьи. В принципе, именно такой смысл таит в себе формулировка «защита государства, культуры и цивилизации».

Во время президентских выборов в 1932 году НСДАП опубликовала воззвание

(Адольф Гитлер, «Моя программа»), в котором говорилось следующее: «По своей природе и судьбе женщина является помощницей мужчины. Таким образом, мужчина и женщина — товарищи в жизни и работе. В течение многих столетий шло развитие экономики, которое изменило сферу деятельности мужчины, вызвав, таким образом, определенные изменения в сфере деятельности женщины. Кроме необходимости совместно трудиться, долг мужчины и женщины заключается в сохранении жизни человека. В этой благородной задаче, поставленной перед представителями противоположного пола, мы также усматриваем основу индивидуальных талантов, которыми Провидение, в своей вечной мудрости, неизменно наделяет мужчину и женщину. Поэтому высшая цель состоит в обеспечении возможности создания семьи товарищами по работе и жизни. Ее окончательное уничтожение привело бы к прекращению существования высших форм человечества. Независимо от пределов сферы деятельности женщины, конечная цель организованного и закономерного развития неизменно должна заключаться в создании семьи. Она является наименьшим, но самым ценным первичным элементом всей государственной системы».

Далее в том же воззвании в разделе «Сохранение крестьянства означает сохранение немецкой нации» говорится: «В сохранении и поощрении развития экономически независимого крестьянства я также вижу лучшую защиту от социальных бед и расового разложения нашего народа».

Во избежание ошибок не следует упускать из виду значение традиционных семейных уз крестьянства. Далее в воззвании говорится:

«Я убежден, что для повышения сопротивляемости народ не должен жить, руководствуясь исключительно разумными принципами; он также нуждается и в духовно-религиозной поддержке. Отравление и разложение народного тела под влиянием культурного большевизма столь же ужасны, как и под влиянием политико-экономического коммунизма»

Поскольку фюрер знает, каким образом можно пробудить в массах эмоциональные семейные связи, он также олицетворяет и фигуру авторитарного отца. Он использует в своих целях все эмоциональные особенности, которые прежде приписывались строгой, но внушительной (в глазах ребенка) фигуре отца-защитника. В дискуссиях с горячими поборниками национал-социализма по поводу несостоятельности и противоречивости программы НСДАП мне нередко приходилось слышать, что Гитлер лучше их разбирается во всем — «он все устроит». В этом случае отчетливо проступает потребность ребенка в защите со стороны отца. В условиях социальной действительности потребность народных масс в защите позволяет диктатору «все устраивать». Такая позиция существенно затрудняет осуществление общественного самоуправления, т. е. разумной независимости и сотрудничества. Никакая подлинная демократия не может и не должна быть построена на основе такой позиции.

Более важной, однако, представляется роль идентификации массовых индивидов с «фюрером». Чем беспомощней становится «массовый индивид» (благодаря своему воспитанию), чем отчетливее проступает его идентификация с фюрером и тем глубже детская потребность в защите прячется в чувстве его единства с фюрером. Эта склонность к идентификации составляет психологическую основу национального нарциссизма, т. е. уверенности отдельного человека в себе, которая ассоциируется с «величием нации». Мелкобуржуазный индивид ощущает себя в фюрере, в авторитарном государстве. Благодаря такой идентификации он ощущает себя защитником «национального наследия» и «нации». Это ощущение не позволяет ему презирать «массы» и противопоставлять себя им в качестве индивидуума. Ужас его материального и сексуального положения настолько затмевается возвышающей

идеей принадлежности к расе господ и существования выдающегося фюрера, что со временем он полностью утрачивает понимание всей ничтожности своей слепой преданности.

В соответствии с коллективными навыками труда у промышленных рабочих должно сформироваться более сильное чувство коллектива, тогда как у мелких предпринимателей должен сформироваться более сильный индивидуализм. Работники крупных фирм должны были бы иметь коллективное чувство, аналогичное чувству коллектива в среде промышленных рабочих. Но, как мы уже убедились, психологическая структура и социальная ситуация редко совпадают. Мы проводим различие между ответственным рабочим, сознающим свое профессиональное мастерство, и реакционером с мистически-националистической ориентацией. Оба типа встречаются во всех общественных классах и профессиональных группах. Существуют миллионы промышленных рабочих с реакционным мировоззрением. В то же время существует много врачей и учителей, которые сознают свое профессиональное мастерство и отстаивают дело свободы. Отсюда можно заключить, что между социальной ситуацией и характерологической структурой не существует простой механической связи. Социальная ситуация является лишь внешним условием, оказывающим влияние на реализацию идеологического процесса в индивидууме.

Фашизм проникает в различные группы рабочих с двух сторон. Проникновение в среду «люмпен-пролетариата» (термин, против которого все возражают) осуществляется на основе прямой коррупции. С другой стороны, проникновение в среду «рабочей аристократии» осуществляется с помощью как коррупции, так и идеологического влияния. Немецкий фашизм, с присущей ему политической беспринципностью, обещал всем все. В статье доктора Ярмера «Капитализм» («Ангрифф», 24 сентября, 1931 г.) мы находим следующие утверждения:

«На съезде Немецкой национальной партии в Штеттине Гугенберг вполне определенно осудил интернациональный капитализм. В то же время он подчеркнул необходимость существования национального капитализма. При этом он провел грань между немецкими националистами и национал-социалистами, которым прекрасно известно, что капиталистическую экономику, разваливающуюся во всех странах мира, необходимо заменить другим экономическим строем, так как даже в национальном капитализме не остается места для справедливости»

Эти утверждения выглядят почти коммунистическими. Здесь мы имеем образчик фашистской пропаганды, которая обращается непосредственно к революционному энтузиазму промышленных рабочих с целью обмануть их. Тем не менее основной вопрос заключается в следующем: почему промышленные рабочие, выступающие в защиту национал-социализма, не заметили, что фашизм обещает дать все всем? Известно, что Гитлер вел переговоры с промышленными магнатами, получил у них финансовую поддержку и пообещал запретить забастовки. Таким образом, в силу психологической структуры среднего рабочего указанные противоречия остались без внимания, несмотря на активную разъяснительную деятельность революционных организаций в среде рабочих. В своем интервью американскому журналисту Никсрбокеру Гитлер заявил следующее о признании долгов частных фирм иностранным государствам:

«Я убежден, что интернациональные банки скоро поймут, что при национал-социалистическом правительстве Германия станет надежным местом для инвестиций, причем ставка в размере трех процентов будет охотно выплачиваться

по кредитам».

Расовая теория является теоретической осью немецкого фашизма. В фашистской идеологии экономическая программа так называемых 25 пунктов ставит своей целью только «генетическое улучшение германской расы и защиту ее от расового смешения», которое, по мнению национал-социалистов, неизменно приводит к упадку «высшей расы». Действительно, национал-социалисты убеждены, что даже культура обязана своим упадком смешению рас. В Германии и в оккупированных Германией странах использовались все доступные средства для практического осуществления этой теории в форме преследования евреев.

В основе расовой теории лежит предположение о существовании в природе «железного закона», в соответствии с которым спаривание каждого животного должно осуществляться только с представителем или представительницей своего вида. Только такие исключительные обстоятельства, как жизнь в неволе, могут привести к нарушению этого закона и расовому смешению. В этих случаях природа начинает мстить, используя все возможные средства для борьбы с такими нарушениями. Мечь природы выражается в стерилизации ублюдков или ограничении рождаемости следующих поколений этих ублюдков. При каждой метизации живых существ, стоящих на различных «уровнях» развития, метис неизбежно занимает промежуточное положение между этими уровнями. Но природа стремится к созданию высших форм жизни, и поэтому метизация вступает в противоречие с основным стремлением природы. В повседневной борьбе за выживание реализуется закон естественного отбора. При этом гибнут более слабые, т. е. неполноценные в расовом отношении, существа. Этот процесс соответствует «стремлению природы», ибо улучшение породы прекратилось бы, если бы слабые, которые всегда в большинстве, могли вытеснить сильных, которые всегда в меньшинстве. Поэтому для ограничения числа слабых существ природа предусматривает для них более суровые условия жизни. С другой стороны, природа исключает возможность неразборчивого размножения остальных существ, подвергая их безжалостному отбору на основе критериев энергии и здоровья.

Далее национал-социалисты приступают к применению этого гипотетического закона природы к народам. При этом они рассуждают примерно следующим образом. Исторический опыт показывает, что «смешение арийской крови» с кровью «низших» народов неизбежно приводит к вырождению основателей цивилизации, понижению уровня расы, за которым наступает духовный и физический регресс. Таковы признаки начала «упадка». Северо-американский континент, по мнению Гитлера, будет сильным «до тех пор, пока он (немец, проживающий в Америке) не падет жертвой осквернения крови»¹¹, т. е. до тех пор, пока его кровь не смешается с кровью негроидных народов.

«Содействовать развитию такого процесса — значит грешить против воли Всевышнего Творца»¹¹.

Эти рассуждения, несомненно, имеют мистический характер: природа «регулирует» и «стремится» «в соответствии с разумом». Здесь мы имеем дело с логическим развитием биологической метафизики.

По мнению Гитлера, человечество следует подразделять на три расы: основатели культуры, носители культуры и разрушители культуры. Только арийскую расу можно считать основательницей культуры, ибо она «заложила основание и возвела стены храма человеческих творений». Азиатские народы, например японцы¹¹ и китайцы, лишь переняли арийскую культуру, придав ей свою форму. Поэтому они являются носителями культуры. В то же время еврейскую расу можно отнести к

разрушителям культуры. Существование «низших людей» служит основным условием создания высшей культуры. Первая культура человечества опиралась на использование низших рас. В древности для пахоты в ярмо впрягали побежденных, и лишь впоследствии для этой цели стали использовать лошадь. В качестве победителя ариец подчинял своей воле покоренные народы и управлял их деятельностью в соответствии с арийскими потребностями для осуществления арийских задач. Тем не менее, по мере того как покоренные народы перенимали языки и обычаи «господ», происходило стирание ясно очерченных границ между господами и рабами, ариец утрачивал чистоту своей крови и «временное пребывание в раю». Таким образом, он утрачивал и гений своей культуры. Разумеется, мы не забыли, что Адольф Гитлер есть расцвет культуры:

«Единственной причиной вымирания культур было смешение крови и, как следствие, снижение уровня развития расы. Ибо люди гибнут не в результате проигранных войн, а в результате ослабления силы сопротивления, присущей только чистой крови».

«Майн кампф», *стр.296*

В данном случае мы не будем подробно останавливаться на опровержении основной идеи расовой теории фашизма, поскольку оно представляется очевидным как с объективной, так и с методологической точки зрения. Она опирается на дарвиновскую теорию естественного отбора, некоторые элементы которой столь же реакционны, сколь революционно выдвинутое Дарвином доказательство происхождения видов от низших организмов. Более того, за этой идеей скрывается империалистическая цель фашистской идеологии. Ибо если арийцы — единственные основатели культуры, тогда в силу своего божественного предназначения они могут претендовать на мировое господство. Действительно, одно из основных притязаний Гитлера заключается в необходимости расширения границ Германской империи, особенно в «восточном направлении», т. е. за счет территории Советской России. Таким образом, как нетрудно убедиться, прославление империалистической войны вполне вписывается в рамки фашистской идеологии.

«Цель, стоявшая перед нами в мировой войне, за достижение которой мы вели нечеловеческую борьбу, была самой благородной. Мы вели борьбу за свободу и независимость нашего народа, за обеспеченный кусок хлеба, за будущее и честь нации».

«Майн кампф», *стр.177*

В данном случае нас интересует только иррациональный источник вышеупомянутой идеологии, которая с объективной точки зрения соответствует устремлениям немецкого империализма. В первую очередь для нас представляют интерес существующие противоречия и несоответствия расовой теории. Сторонники расовой теории, которые для обоснования своей позиции ссылаются на биологический закон, оставляют без внимания тот факт, что племенное животноводство является артефактом. Проблема заключается не в том, испытывают ли кошка и собака «инстинктивное отвращение» к межвидовому скрещиванию, а в том, испытывают ли аналогичное отвращение колли и борзая, немец и славянин.

Теоретики расизма, столь же древнего, как и сам империализм, стремятся установить расовую чистоту народов, у которых в результате экспансии мировой экономики смешанные браки зашли настолько далеко, что расовая чистота сохранила какой-то смысл только для болвана. Мы не будем останавливаться здесь на других нелепых утверждениях. Например, будто бы в природе царят закон расового ограничения, а не противоположный закон, закон беспорядочного спаривания в рамках одного вида. В настоящем исследовании не может быть и речи

о разумном содержании расовой теории, которая в своих построениях идет не от фактов к оценкам, а от оценок к искажению фактов. Бесполезно выдвигать разумные доводы против фашиста, который нарцисстически убежден в величайшем превосходстве своего германского духа только потому, что оперирует иррациональными чувствами, а не доводами разума. Поэтому попытки доказать фашисту, что негры и итальянцы не стоят «ниже» германцев в расовом отношении, обречены на неудачу. Он ощущает, что «выше», вот и все. Расовую теорию можно опровергнуть только путем выявления ее иррациональных целей. При этом выделяются две основные цели: выражение определенных бессознательных и эмоциональных потоков, существующих в психике человека с националистической ориентацией, и утаивание определенных психических тенденций. Здесь мы рассмотрим только последнюю цель.

Особое внимание обращает на себя тот факт, что Гитлер упоминает о «кровосмешении» в связи со смешанными браками между арийцами и неарийцами, тогда как под кровосмешением обычно понимаются половые связи между родственниками. Как объяснить наличие таких глупостей в «теории», которая считается фундаментом нового мира, «Третьего рейха»? Если учесть, что в конечном счете иррационально-эмоциональная основа такой теории обязана своим существованием определенным экзистенциальным факторам, и если освободиться от представления о том, что обнаружение иррациональных истоков мировоззрения, возникшего на разумной основе, вызывает необходимость переноса проблемы в сферу метафизики, тогда откроется путь к истокам самой метафизики. Нам понятны не только исторические условия, в которых возникает метафизическое мышление, но и его материальное содержание. Об этом говорят результаты нашего исследования.

Отсутствие различия между объективной и субъективной функцией идеологии нередко приводит к неправильному пониманию связи идеологии с ее исторической функцией. Прежде всего необходимо иметь в виду, что взгляды диктатора можно понять только с учетом экономической основы, определяющей их формирование. Вообще говоря, фашистская расовая теория и националистическая идеология имеют конкретную связь с империалистическими целями правящего класса, который стремится к разрешению трудностей экономического характера. В годы первой мировой войны немецкий и французский национализм апеллировал к «величию нации», за которым скрывались экспансионистские устремления монополистического капитала Германии и Франции. Экономические факторы составляют не сущность соответствующей идеологии, а лишь социальную почву для взращивания националистических идеологий. Короче говоря, они являются необходимым условием для возникновения таких идеологий. Сущность национализма не всегда получает социальное представительство и поэтому не соответствует расовым взглядам. В Австро-Венгрии национализм совпадал не с понятием расы, а с понятием «родины», т. е. с Австро-Венгрией. Если бы Бетман-Гольвег, призывавший в 1914 году «германский дух на борьбу со славянами», решил быть последовательным, ему пришлось бы выступить против Австрии, которая была преимущественно славянским государством. Отсюда видно, что экономические условия возникновения идеологии позволяют понять ее экономическую основу, не обеспечивая при этом непосредственный доступ к ее иррациональной сущности. Ибо иррациональной основой идеологии является характерологическая структура личности. В зависимости от конкретных экономических условий жизни общества человек воспроизводит в своей идеологии

определенный экономический процесс. Создавая идеологии, человек изменяет самого себя: сущность человека необходимо искать в процессе, посредством которого он создает идеологии. Таким образом, оказывается, что идеология имеет двойную материальную основу: экономическую структуру общества и типовую структуру личностей, создающих ее, т. е. структуру, которая определяется экономической структурой общества. Отсюда ясно, что иррациональный процесс формирования идеологии придает иррациональный характер психологической структуре личности.

Фашизм характеризуется метафизическим мышлением, неортодоксальными взглядами, одержимостью абстрактными этическими идеалами и верой в божественное предназначение фюрера. Эти основные особенности связаны с более глубоким слоем, для которого характерно наличие прочной авторитарной связи с идеалом фюрера или нации. Для национал-социалистических масс вера в «расу господ» стала основным источником связи с «фюрером» и основанием добровольного признания своей рабской покорности. Кроме того, высокая степень идентификации с фюрером привела к существенным последствиям, поскольку скрывала реальное положение человека как малозначительного представителя масс. Несмотря на вассальное положение, каждый национал-социалист ощущал себя «маленьким Гитлером». Теперь нам хотелось бы рассмотреть характерологическую основу этих психологических особенностей. Для этого необходимо выявить динамические функции, которые, при всей их детерминированности воспитанием и общей социальной атмосферой, настолько изменяют психологические структуры, что в них начинают проявляться реакционно-иррациональные тенденции, причем в силу полной идентификации с «фюрером» массы утрачивают восприимчивость к таким оскорбительным ярлыкам, как «низшие».

Если закрыть глаза на ослепительный фейерверк идеологической фразеологии, сосредоточить внимание на ее иррациональном содержании и показать воздействие такого содержания на процесс формирования идеологии, тогда сразу обратит на себя внимание отождествление стереотипов «расовое отравление» и «отравление крови». Что это означает?

Отсутствие различия между объективной и субъективной функцией идеологии нередко приводит к неправильному пониманию связи идеологии с ее исторической функцией. Прежде всего необходимо иметь в виду, что взгляды диктатора можно понять только с учетом экономической основы, определяющей их формирование. Вообще говоря, фашистская расовая теория и националистическая идеология имеют конкретную связь с империалистическими целями правящего класса, который стремится к разрешению трудностей экономического характера. В годы первой мировой войны немецкий и французский национализм апеллировал к «величию нации», за которым скрывались экспансионистские устремления монополистического капитала Германии и Франции. Экономические факторы составляют не сущность соответствующей идеологии, а лишь социальную почву для взращивания националистических идеологий. Короче говоря, они являются необходимым условием для возникновения таких идеологий. Сущность национализма не всегда получает социальное представительство и поэтому не соответствует расовым взглядам. В Австро-Венгрии национализм совпадал не с понятием расы, а с понятием «родины», т. е. с Австро-Венгрией. Если бы Бетман-Гольвег, призывавший в 1914 году «германский дух на борьбу со славянами», решил быть последовательным, ему пришлось бы выступить против Австрии, которая была преимущественно славянским государством. Отсюда видно, что экономические условия возникновения идеологии позволяют понять ее

экономическую основу, не обеспечивая при этом непосредственный доступ к ее иррациональной сущности. Ибо иррациональной основой идеологии является характерологическая структура личности. В зависимости от конкретных экономических условий жизни общества человек воспроизводит в своей идеологии определенный экономический процесс. Создавая идеологии, человек изменяет самого себя: сущность человека необходимо искать в процессе, посредством которого он создает идеологии. Таким образом, оказывается, что идеология имеет двойную материальную основу: экономическую структуру общества и типовую структуру личностей, создающих ее, т. е. структуру, которая определяется экономической структурой общества. Отсюда ясно, что иррациональный процесс формирования идеологии придает иррациональный характер психологической структуре личности.

Фашизм характеризуется метафизическим мышлением, неортодоксальными взглядами, одержимостью абстрактными этическими идеалами и верой в божественное предназначение фюрера. Эти основные особенности связаны с более глубоким слоем, для которого характерно наличие прочной авторитарной связи с идеалом фюрера или нации. Для национал-социалистических масс вера в «расу господ» стала основным источником связи с «фюрером» и основанием добровольного признания своей рабской покорности. Кроме того, высокая степень идентификации с фюрером привела к существенным последствиям, поскольку скрывала реальное положение человека как малозначительного представителя масс. Несмотря на вассальное положение, каждый национал-социалист ощущал себя «маленьким Гитлером». Теперь нам хотелось бы рассмотреть характерологическую основу этих психологических особенностей. Для этого необходимо выявить динамические функции, которые, при всей их детерминированности воспитанием и общей социальной атмосферой, настолько изменяют психологические структуры, что в них начинают проявляться реакционно-иррациональные тенденции, причем в силу полной идентификации с «фюрером» массы утрачивают восприимчивость к таким оскорбительным ярлыкам, как «низшие».

Если закрыть глаза на ослепительный фейерверк идеологической фразеологии, сосредоточить внимание на ее иррациональном содержании и показать воздействие такого содержания на процесс формирования идеологии, тогда сразу обратит на себя внимание отождествление стереотипов «расовое отравление» и «отравление крови». Что это означает?

«...наряду с политическим и нравственным разложением народа осуществлялось не менее ужасное отравление народного организма посредством сифилиса».

«Майн кампф», стр.246

Основную причину разложения следует искать в проституировании любви.

«Основная причина заключается в проституировании любви. Если бы даже проституция не приводила к сифилису, то уже одних ее моральных последствий было бы достаточно, чтобы уничтожить целый народ медленно, но верно. Эта еврейзация нашей духовной жизни и маммонизация полового инстинкта рано или поздно приведут к уничтожению всего нашего молодого поколения».

«Майн кампф», стр. 247

Гитлер обобщает свою точку зрения следующим образом:

«Грехи против крови и расы являются самыми страшными грехами на этом свете. Нация, которая предаётся этим грехам, обречена на гибель».

"Майн кампф», стр.249

Таким образом, согласно этой точке зрения, расовое смешение приводит к кровосмешению, которое, в свою очередь, вызывает «отравление крови народного организма».

«Наиболее очевидные последствия массового разложения (с помощью сифилиса) можно обнаружить у наших детей. В болезнях детей находят свое выражение грехи родителей. Они свидетельствуют о неудержимом разложении нашей половой жизни».

«Майн кампф», стр 248

«Грехи родителей» здесь могут означать только смешение с расово чуждой кровью, особенно еврейской кровью, посредством которой еврейская «всемирная зараза» проникает в «чисто арийскую кровь». Замечательно, настолько близко связана эта теория отравления крови с политическим тезисом об отравлении германского духа «всемирным евреем Карлом Марксом». Иррациональный страх перед сифилисом служит одним из основных источников возникновения политических взглядов национал-социализма и его антисемитизма. Тогда отсюда следует, что расовая чистота, т. е. **чистота крови**¹¹ представляет собой нечто такое, к чему надо стремиться и за что необходимо бороться всеми доступными средствами.

Гитлер неоднократно подчеркивал, что говорить с массами необходимо на языке чувств и верований, а не разумных доводов, доказательств и знания. Смутное и мистическое настолько заметны в языке национал-социализма, в языке Кейзерлинга, Дриша, Розенберга и других, что анализ этой особенности, безусловно, окажется плодотворным.

Чем пленял массы мистицизм фашизма?

Ответ на этот вопрос дает анализ «доказательств», предлагаемых Розенбергом в «Мифе XX столетия» для обоснования справедливости расовой теории фашизма. Вначале Розенберг пишет: «В состав живого сознания еще не вошли ценности души расы, т.е. те ценности, которые являются движущими силами нового мировоззрения. И все же душа — это раса, рассматриваемая изнутри, и, наоборот, раса — это внешний мир души».

Здесь мы имеем образчик типичной национал-социалистической фразеологии, которая на первый взгляд либо ничего не означает, либо умышленно скрывает свой смысл от всех и, возможно, от самого автора. Для понимания иррационально-политического воздействия таких формулировок необходимо признать, что они оказывают существенное влияние на психологию масс. Далее Розенберг замечает:

«Поэтому история расы является одновременно историей природы и души мистицизма. История религии крови, однако, является всемирной историей великих достижений и падений народов, их героев и мыслителей, их изобретателей и художников».

Признав реальность воздействия этих формулировок, мы приходим к пониманию смысловой тождественности таких фраз, как «борьба крови» и «интуитивный мистицизм экзистенциальных явлений». Здесь говорится не о различных явлениях, а об одном явлении, получившем различное выражение. «Борьба крови», «интуитивный мистицизм экзистенциальных явлений», «расцвет и упадок народов», «отравление крови», «всемирная еврейская зараза» — все это звенья одной цепи, которая начинается с «борьбы крови» и заканчивается кровавым террором против «еврейского материализма» Маркса и геноцидом против евреев.

Одним осмеянием такого мистицизма невозможно отстоять дело свободы. С него необходимо сорвать маску и показать его иррациональное содержание. Основное место в мистицизме занимает биоэнергетический процесс, который служит крайней

формой выражения идеологии реакционной сексуальности с иррациональных и мистических позиций. Вера в «душу» и ее «чистоту» является верой в сексуальность, «сексуальную чистоту». В принципе, она служит симптомом сексуального вытеснения и сексуальной робости, причиной возникновения которых является патриархально-авторитарное общество.

«Схватка между кровью и окружающей средой, между кровью и кровью,— вот последняя, достижимая для нас реальность, за которой не осталось места для поисков и исследований»,— утверждает Розенберг. Он заблуждается. Мы настолько нескромны, что собираемся исследовать и, отбросив сентиментальность, обнажить живой процесс «между кровью и кровью». Более того, мы собираемся уничтожить столп национал-социалистической веры.

Мы позволим самому Розенбергу доказать, что суть фашистской расовой теории заключается в смертельном страхе перед естественной сексуальностью и ее оргазмической функцией. На примере древних греков Розенберг стремится доказать обоснованность утверждения о том, что в основе возникновения и упадка народов лежит расовое смешение и «отравление крови». Согласно его теории греки изначально воплощали в себе чистоту нордической расы. Боги Зевс и Аполлон и богиня Афина были «символами искреннего благочестия», защитниками «благородного и радостного», «хранителями и учителями порядка, внутренней гармонии и художественных ценностей». Гомер, по утверждению Розенберга, не испытывал ни малейшего интереса к «экстатическому». Об Афине он пишет, что она была

«...символом разящей молнии, мудрой и вдумчивой девой, возникшей из головы Зевса: защитницей эллинов и надежным щитом в их битвах.

Эти возвышенные творения греческой души свидетельствуют о безграничной чистоте внутренней жизни нордического народа; в высшем смысле они служат выражением религиозной веры и доверия к своему народу».

Далее эти боги, символизирующие чистоту, возвышенность и религиозность, противопоставляются богам ближневосточных народов:

«Если греческие боги являются героями света и неба, то боги неарийских, ближневосточных народов наделены земными достоинствами».

Розенберг утверждает, что Гермес и Деметра были органическим продуктом «души этих рас». Дионис, бог экстаза, чувственного наслаждения и необузданного менадизма означал «вторжение чуждой расы этрусков и знаменовал начало упадка эллинизма».

Стремясь обосновать свой тезис о душе расы, Розенберг произвольно подразделяет богов на две группы. Богов, олицетворяющих «позитивный» процесс в развитии эллинской культуры, он называет греческим. Других богов, также возникших в рамках эллинизма, он называет чужеземными. Вину за наше неправильное понимание греческой истории Розенберг возлагает на исторические исследования, в которых содержится «расовая фальсификация» и ошибочная интерпретация эллинизма.

«Благоговение и трепет охватывали великих немецких романтиков при созерцании мрачных покровов, скрывавших от их взора сияющих небесных богов. Погружаясь в бездны инстинктивного, аморфного, демонического, сексуального, экстатического, хтонического, они приходили к почитанию матери (выделено автором). И все это до сих пор считалось характерным для греков». Во всех видах идеалистической философии отсутствует исследование условий, благодаря которым в определенные культурные эпохи проявляется «экстатическое» и «инстинктивное» начало. Вместо этого представители идеалистической философии стремятся дать абстрактную оценку этим явлениям с точки зрения культуры, столь высоко вознесшейся над

«земным» (естественным), что результат оказывается ничтожным. Мы также попытаемся дать оценку указанным явлениям, однако в своей оценке мы будем исходить из условий социального процесса, которые свидетельствуют об «упадке» культуры. Такой подход позволяет определить движущие и тормозящие силы, понять феномен упадка как историческое событие, а также отыскать семя новой культуры и помочь его росту. Когда Розенберг — ввиду упадка авторитарной культуры XX столетия — напоминает нам о судьбе греков, он становится на сторону консервативных исторических тенденций вопреки своим торжественным заявлениям о «возрождении» германского духа. Если нам удастся понять точку зрения политической реакции, мы значительно продвинемся в исследовании подходов к культурной революции и ее сексуально-энергетической основы. Для реакционного философа существуют только две возможности: покорность и скептицизм либо поворот истории вспять с помощью «революционных» средств. Но если при смещении фокуса культурной перспективы приходит понимание, что крушение древней культуры означает падение не культуры вообще, а лишь культуры определенной, а именно авторитарной, тогда происходит изменение оценки элементов культуры, которые прежде рассматривались как положительные или отрицательные. При этом становится понятным, что старая форма культуры «ведет борьбу» с новой, основанной на подлинной свободе формой. Проблема в основном заключается в понимании революционного подхода к явлениям, которые рассматриваются политической реакцией как признаки упадка. В этой связи представляется симптоматичным, что политическая реакция отстаивает в этнологии теорию патриархата, тогда как новаторы отдают предпочтение теории матриархата. Наряду с объективными историческими факторами, в двух противоположных социологических течениях действуют факторы, соответствующие ранее неизвестным процессам сексуальной энергетики. Матриархат, существование которого было доказано историками, соответствует не только структуре естественной рабочей демократии, но и обществу, основанному на естественной сексуальной энергетике¹¹.

С другой стороны, патриархат имеет авторитарную экономику и его сексуально-энергетическая структура характеризуется катастрофичностью.

Отказавшись от научных исследований, церковь продолжала пропагандировать метафизическую доктрину «нравственной природы» человека, его склонности, к моногамии и т. д. По этой причине результаты исследований Бахофена поставили под угрозу существование традиции. Замечательным в матриархате представляется не столько существование совершенно иной, системы кровного родства, сколько связанный с ней механизм естественной саморегуляции сексуальности. Морган и Энгельс признавали, что при матриархате не существовало частной собственности на общественные средства производства. В качестве фашистского идеолога Розенберг был вынужден отрицать, что древнегреческая культура ведет свое происхождение от матриархата (доказанный факт), и отстаивать гипотезу, согласно которой «на этом (дионисийском) этапе греки переняли особенности, чуждые их культуре как в физическом, так и в духовном отношении». В отличие от христианской идеологии (как мы увидим в дальнейшем) фашистская идеология отделяет оргастическое стремление человека от психологической структуры личности, возникающей в условиях авторитарного патриархата, и соотносит ее с различными расами: нордическое отождествляется со светлым, величественным, небесным, асексуальным, чистым, тогда как «ближневосточное» отождествляется с инстинктивным, демоническим, сексуальным, экстатическим, оргастическим. Этим объясняется, почему «интуитивные и романтические» исследования Бахофена были отвергнуты на том основании, что в них содержится

теория «вымышленной» жизни древних греков. В фашистской расовой теории оргазмическая тревога человека, подчиненного авторитету абсолютизируется, закрепляется в качестве «чистой» и противопоставляется животному и оргастическому. Таким образом, «все греческое» и «все расовое» превращается в эманацию «всего чистого» и «асексуального», причем «все расово чуждое», «этрусское» связывается со «всеим животным» и поэтому «низшим». Эти рассуждения приводят к выводу о том, что патриархат является источником истории арийцев:

«Первая великая битва между расовыми ценностями состоялась на греческой земле; исход битвы был решен в пользу нордического характера. С этого момента подход человека к жизни стал определяться дневным светом, самой жизнью. Все, что мы называем греческой культурой и нашим великим наследием античности, возникло благодаря закону света и неба, духу и природе отца».

С точки зрения фашиста Розенберга, в дионисийскую эпоху происходит смешение и, как результат этого, гибель «хтонического» и «аполлонистического». Фаллос, по мнению Розенберга, становится символом восприятия мира в Греции. Поэтому возвращение естественной сексуальности воспринимается фашистами как признак упадка, похотливости, распутства и безнравственности. Однако это нельзя назвать лишь плодом фашистской фантазии; возвращение естественной сексуальности соответствует реальной ситуации, возникшей в результате вопиющего противоречия, заключенного в образе жизни людей в эту эпоху. «Дионисийские праздники» соответствуют маскарадам и балам, устраиваемым нашими реакционными сословиями. Тем не менее необходимо знать, что именно происходит на таких праздниках, чтобы не пасть жертвой распространенного заблуждения, когда в «дионисийском» событии видят воплощение сексуального опыта. Нигде столь великолепно, как на этих праздниках, не обнажаются нерушимые противоречия между распутными сексуальными стремлениями и подточенной моралью способностью к переживанию. *«Дионисов закон безграничного удовлетворения половых вожделений означает беспрепятственное расовое смешение между греками и азиатами всех племен и мастей»* (Розенберг. «Миф XX столетия»). Подумайте только, что в 4000 году какой-нибудь историк станет изображать сексуальные праздники XX столетия в виде беспрепятственного смешения немцев с неграми и евреями «всех племен и мастей»!

Во всем этом ясно проглядывает смысл идеи борьбы против расового смешения. Она заключается в защите от дионисийского начала, корнящегося в экономической заинтересованности в сохранении обязательного брака в условиях патриархального общества. Поэтому даже в мифе о Ясоне обязательный брак изображен как оплот борьбы против гетеризма.

Гетеры — это женщины, которые отказываются впрячься в ярмо обязательного брака и отстаивают право распоряжаться своей половой жизнью. Это требование, однако, приводит к конфликту с полученным в детстве воспитанием, которое лишает организм сексуальной восприимчивости.

Поэтому, чтобы спастись от своего лесбиянства, гетера бросается из одного приключения в другое либо ведет неуравновешенный, лишенный организующего центра образ жизни. Гетеризм дополняется мужским гомосексуализмом. В силу обязательности супружеской жизни мужчины убегают к гетерам и сладострастницам, чтобы восстановить свою сексуальную восприимчивость. Этим объясняется неизбежность сходства между сексуальной обстановкой платонической эпохи и сексуальной структурой фашистов, которые заявляют о необходимости самой жесткой формы патриархата и фактически возрождают в рамках семьи сексуальный образ жизни времен Платона, т. е. «чистоту» в идеологии, а в

действительности распад и патологию. Розенберг и Блюхер рассматривают государство только как мужское государство, созданное на гомосексуальной основе. Любопытно наблюдать, как на основе этой идеологии возникает мнение о никчемности демократии. Пифагор отвергается потому, что он выступал в качестве проповедника равенства всех людей, «глашатая демократического теллуризма, общества товаров и женщин». Эта идея внутренней связи «общества товаров и женщин» играет основную роль в антиреволюционной борьбе.

Демократизация правления римских патрициев, при котором вплоть до пятого столетия триста аристократических семей избирали триста сенаторов, началась с пятого столетия, когда были разрешены смешанные браки между патрициями и плебеями, а это привело к «вырождению расы». Таким образом, даже демократизация политической системы интерпретируется как признак расового упадка. Здесь обнаруживается реакционный характер теории, так как теперь половые связи между греками и римлянами, принадлежащими к различным классам, рассматриваются как губительное для расы смешение. Представители угнетенных классов приравниваются к представителям чуждой расы. В другом месте Розенберг характеризует движение рабочих как *«восхождение асфальтового человечества больших городов, заполненных отбросами азиатчины»*. Таким образом, за идеей смешения с чуждыми расами кроется идея половых связей с представителями угнетенного класса. На более глубоком уровне существует стремление политической реакции установить различия, которые представляются строгими с точки зрения сексуальной морали, но одновременно и совершенно неосуществимыми в силу сексуальных ограничений, налагаемых на женщин среднего сословия. В то же время половые связи между различными классами влекут за собой разрушение классового господства, обеспечивая таким образом возможность «демократизации», или, другими словами, пролетаризации, «аристократической» молодежи. При этом у низших сословий каждого общественного строя формируются сексуальные представления и привычки, которые создают серьезную угрозу для правителей любого авторитарного строя¹¹.

Если окажется, что в основе идеи расового смешения лежит идея смешения представителей правящего и угнетаемого классов, тогда мы получим ключ к решению проблемы роли сексуального подавления в классовом обществе. В этой связи можно выделить несколько моментов. Известно, например, что материальное угнетение связано только с низшими сословиями, но это не относится к сексуальному подавлению. Связи между сексуальным подавлением и классовым обществом значительно сложнее. Здесь необходимо выделить два момента.

1. Поскольку причиной сексуального подавления является экономическая заинтересованность в браке и закон о наследовании, оно начинается в пределах самого правящего класса. Вначале требования морали (и целомудрия) строго применяются к женщинам правящего класса. Она предназначена для защиты ценностей, приобретенных путем эксплуатации низших классов.

2. На ранних стадиях капитализма и в больших феодальных обществах Азии правящий класс еще не заинтересован в сексуальном подавлении поработанных классов. Сексуально-моральные запреты начинают действовать, когда материально угнетенные классы начинают организованную борьбу за социально-политические улучшения и повышение культурного уровня широких слоев масс. Только тогда правящая каста начинает проявлять интерес к «морали» угнетаемых классов. Таким образом, одновременно с возникновением организованного рабочего класса начинается противоположный процесс, а именно процесс идеологического уподобления правящему классу.

Таким образом, сексуальные привычки масс представляют для правящего класса не только психологическую, но и социальную опасность, причем правящий класс ощущает угрозу существованию его института семьи. До тех пор, пока правящие касты будут сохранять политическую и экономическую власть, они без труда будут сохранять свою полную сексуально-моральную отъединенность от масс. Примером тому может быть английская буржуазия середины XIX столетия. В периоды потрясения основ власти правящего класса и особенно во время острого кризиса (как, например, кризис, возникший в начале XX столетия в центральной Европе и Англии) происходит ослабление моральных ограничений на сексуальность в среде самого правящего класса. Распад сексуального морализма начинается с искоренения семейных уз. Вначале, при наличии полной идентификации с крупной буржуазией и ее моралью, различные группы мелкой и средней буржуазии становятся настоящими поборниками официальной, надежно защищенной антисексуальной морали. При проявлении признаков развала мелкобуржуазной экономики естественная сексуальность неизбежно создает определенную угрозу дальнейшему существованию сексуальных установлений. Поскольку мелкая буржуазия служит главной опорой авторитарного строя, этот строй придает особое значение своей «морали» и «сохранению чистоты», несмотря на «влияние низших рас». Любой диктатор столкнется с серьезной опасностью, если моралистическое отношение мелкой буржуазии к сексу ослабеет до такой степени, что она утратит промежуточное положение между промышленными рабочими и крупной буржуазией. Ибо в среде мелкой буржуазии также таится «дракон Пифон», всегда готовый разбить свои оковы, а следовательно, и реакционные тенденции. Поэтому во время кризиса диктатура всегда усиливает пропаганду «морали» и «укрепления брачных и семейных уз». Это объясняется тем, что авторитарная семья служит мостиком между жалким социальным положением мелкой буржуазии и реакционной идеологией. В случае разрушения основ буржуазной семьи в результате экономических кризисов, пролетаризации среднего класса и войн под угрозой оказывается существование и авторитарной системы, столь прочно укоренившейся в психологической структуре масс.

Мы вынуждены согласиться с Ленгом, национал-социалистом, биологом, сторонником расовой теории из Мюнхена, который утверждал, что авторитарная семья является стержнем культурной политики. Он сделал это заявление в 1932 году на заседании национал-социалистического общества «Дойчер штаат». Поскольку подобные замечания имеют далеко идущие последствия, мы можем добавить, что авторитарная семья является стержнем как реакционной, так и революционной политики в области культуры.

Мы убедились, что фашизм следует рассматривать как проблему масс, а не как проблему Гитлера или политики национал-социалистической партии. Мы показали, почему обнищавшие массы народа столь бурно обратились к архиреакционной партии. Для того чтобы в данном исследовании постепенно подойти к практическим выводам для реализации сексуальной политики, нам в первую очередь необходимо обратить внимание на символы, использованные фашистами для сковывания сравнительно незаторможенных психологических структур масс. У фашистов отсутствовало понимание используемого ими метода.

Национал-социалистам понадобилось немного времени, чтобы сплотить в штурмовые отряды (СА) рабочих, которые в своем большинстве были безработными либо очень молодыми. Следует отметить, что эти рабочие в значительной степени были революционно настроены и все еще придерживались

авторитарных взглядов. Поэтому национал-социалистическая пропаганда была противоречивой и определялась тем классом, к которому она была адресована. Только в одном она была ясной и последовательной — в манипулировании мистическими чувствами масс. В беседах со сторонниками национал-социалистической партии, особенно с членами штурмовых отрядов, со всей очевидностью было установлено, что революционная фразеология национал-социализма играла решающую роль в деле привлечения масс на свою сторону. Один из моих собеседников узнал от национал-социалистов, что Гитлер не представляет интересы капитала. Другой собеседник слышал, как штурмовики предупреждали Гитлера, что он не должен предавать дело «революции». Третий собеседник узнал от штурмовиков, что Гитлер — это немецкий Ленин. Из лагеря социал-демократии и центристских либеральных партий на сторону национал-социализма переходили революционно настроенные люди. Накануне перехода для большинства из них были характерны либо аполитичность, либо политическая неопределенность. Те, кто перешел на сторону национал-социализма из коммунистической партии, были нередко революционно настроены, но совершенно не могли разобраться в противоречивых политических лозунгах немецкой коммунистической партии. На некоторых из них произвели большое впечатление внешние атрибуты гитлеровской партии, ее военный характер, безапелляционность и другие особенности. Прежде всего необходимо обратить внимание на символику флага, который выделялся среди остальных символов, используемых в целях пропаганды.

«Мы — армия свастики —

Поднимем выше красные стяги.

Проложим для немецкого рабочего

Путь к свободе».

По своему эмоциональному содержанию этот текст, несомненно, революционен. Национал-социалисты сознательно использовали революционные мелодии, под которые они распевали реакционные стихи. В гитлеровских газетах публиковались сотни политических формул, построенных в этом духе. Например:

«Политическая буржуазия скоро сойдет с исторической сцены. Для выполнения своей исторической миссии на сцену теперь выходит угнетенный класс, труженики с нахмуренными лицами и сжатыми кулаками, рабочий класс».

Здесь явственно слышится отзвук коммунистической пропаганды. Революционный характер национал-социалистических масс отчетливо проступает в продуманной композиции флага, о котором Гитлер пишет следующее:

«Для нас, национал-социалистов, наш флаг олицетворяет программу наших действий. Красный цвет олицетворяет социальные идеи нашего движения. Белый цвет — идею национализма. В свастике заложена идея борьбы за победу арийцев и творческого труда, который всегда был и будет антисемитским»

«Майн кампф», стр.496

Красное и белое наводят на размышление о противоречивости психологической структуры личности. Что остается неясным, так это роль свастики в эмоциональной жизни. Чем объясняется притягательность этого символа для мистических чувств? Гитлер утверждал, что свастика служит символом антисемитизма. Но свастика приобрела это значение значительно позже и поэтому вопрос иррационального содержания антисемитизма пока остается открытым. Неправильное толкование естественной сексуальности как чего-то «непристойного и плотского» помогает понять иррациональное содержание расовой теории. В этом отношении представляется характерным, что в сознании фашиста отсутствует различие между евреем и негром. Это относится и к американскому фашизму. В Америке расовая борьба с неграми идет преимущественно в сфере защиты сексуальных интересов. На

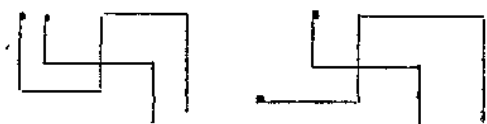
негров смотрят как на похотливых скотов, насилующих белых женщин. В связи с оккупацией французскими войсками, среди которых было много негров, земли Рейна Гитлер писал:

«Только во Франции сейчас существует внутреннее единство стремлений контролируемой евреями фондовой биржи и государственных деятелей с шовинистическими убеждениями. Но в этом единстве заключена огромная опасность для Германии, и поэтому Франция остается самым страшным нашим врагом. Благодаря нарастающему притоку негритянской крови и общему с евреями стремлению к мировому господству французы создают постоянную угрозу существованию белой расы в Европе. Ибо стремление наводнить Европейский континент убудками, привезя негров на берега Рейна, вполне согласуется как с извращенной садистской жадной мести нашего традиционного врага, так и с хладнокровными расчетами евреев. Заражая народ кровью низшей расы, они надеются подорвать основы независимого существования белой расы в центре Европы».

«Майн кампф», стр.624

Нам постоянно нужно обращать пристальное внимание на то, что именно говорят фашисты. Это отнюдь не вздор. Теперь мы лучше понимаем эмоциональное содержание этой концепции, которая, в сочетании с теорией отравления нации, производит впечатление одержимости манией преследования. Свастика также обладает содержанием, способным затронуть глубинные эмоции личности, но совершенно иным образом, чем мог бы представить себе Гитлер.

Прежде всего следует отметить, что свастика существовала и у семитов. Так, например, она была найдена в Миртовом дворе Альгамбры в Гранаде. Была обнаружена она Гертой Гейнрих и в развалинах синагоги Эдд-Дикке на Генисаретском озере. В этом случае она выглядела следующим образом¹¹:

Свастикку нередко находят вместе с фасеткой. В этом случае свастика является символом мужского принципа, а фасетка — женского. Перси Гарднер нашел свастикку в Греции, тое она называлась хемерой и служила символом солнца, олицетворяя мужской принцип. Левенталь приводит описание свастики ХTV века, изображение которой он обнаружил на напрестольной пелене (Maria Zur Wiese in Soest). Она украшена вульвой и двойным крестом. В этом случае свастика, по-видимому, символизирует грозное небо, а фасетка — плодородную землю. Смигорский обнаружил индийский вариант свастики в виде молнии с четырьмя ветвями, причем возле конца каждой ветви помещались три точки¹¹:

Лихтенберг нашел свастики с черепами вместо трех точек. Таким образом, свастика изначально была сексуальным символом. Со временем она принимала различные значения, в том числе и значение мельничного колеса, которое символизировало труд. С эмоциональной точки зрения труд и сексуальность были первоначально тождественны. Это позволяет нам понять надпись на свастике, обнаруженной Билмансом и Пенгеротсом на митре святого Фомы Бекетского, которая восходит к индо-германским временам: «Приветствую тебя, о Мать людей. Расцветай в объятиях Бога. Изобилуй плодами на благо людей».

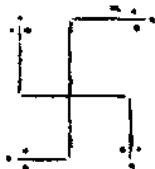
Здесь плодородие олицетворяется половым актом Матери-Земли и Бога-Отца. Как утверждает Зеленин, древнеиндийские лексикографы называли самца и самку свастиками. Другими словами, крючкообразный крест символизирует половой

инстинкт.

Если мы теперь обратимся к свастикам, изображенным на предыдущей странице, то увидим схематическое, но легко узнаваемое изображение двух соединенных человеческих фигур. Свастика, расположенная слева, изображает половой акт в положении лежа, а свастика, расположенная справа — половой акт в положении стоя. Отсюда видно, что свастика символизирует основную функцию жизненного процесса.

Воздействие свастики на бессознательную эмоциональность личности не объясняет успех массовой пропаганды фашизма, но, безусловно, способствует ему. Произвольное тестирование мужчин и женщин, различающихся по возрасту и социальному положению, показывает, что, посмотрев некоторое время на свастику, большинство людей раньше или позже приходят к интуитивному пониманию ее значения. Поэтому можно предположить, что свастика, изображающая две соединенные фигуры, оказывает мощное воздействие на глубинные слои психики, причем сила ее воздействия определяется степенью неудовлетворенности и интенсивностью полового влечения личности. Восприятие свастики существенно облегчается, когда ее представляют как эмблему честности и верности. Таким образом, учитываются защитные стремления моралистического эго. Однако не следует полагать, что, раскрывая сексуальное значение свастики, мы стремимся преуменьшить степень его воздействия. Во-первых, мы, безусловно, не собираемся уменьшать ценность полового акта, а во-вторых, в своей деятельности мы можем столкнуться с сильным противодействием со стороны моралистического лицемерия. Сексуально-энергетическая психология имеет в виду нечто иное.

Поскольку авторитарное общество воспроизводит себя в индивидуальных структурах масс с помощью авторитарной семьи, отсюда следует, что политическая реакция должна рассматривать и защищать авторитарную семью как основу существования «государства, культуры и цивилизации». В своей пропаганде реакционные политики могут рассчитывать на глубинные иррациональные факторы психологии масс. При этом они опасаются открыто заявлять о своих истинных намерениях, так как трудно предположить, что у большинства немцев нашел бы отклик, скажем, лозунг, призывающий к «завоеванию всего мира». Поскольку политическая пропаганда ставит своей целью психологическое воздействие на массы, сфера ее деятельности охватывает психологические структуры личности, а не экономические процессы. Это соображение предписывает необходимость применения определенного подхода, и поэтому неприменение такого подхода может привести к ошибкам в области массовой психологии. Следовательно, революционная сексуальная политика не может обходиться одной лишь констатацией существования объективной основы авторитарной семьи. Для оказания определенного воздействия на психологию масс она должна апеллировать к страстному желанию человека обрести счастье в жизни и любви.

С точки зрения общественного развития семью следует рассматривать не как основу авторитарного государства, а лишь в качестве одного из важнейших институтов, на которые опирается государство. И тем не менее мы будем рассматривать семью как клетку зародыша политической реакции, важнейший центр производства реакционеров (мужчин и женщин). Благодаря возникновению и развитию на основе определенных общественных процессов семья превращается в

важнейший институт для сохранения авторитарной системы, которая формирует ее. В этом отношении до сих пор сохраняют силу результаты исследований Моргана и Энгельса. Однако нас не интересуют исторические аспекты возникновения и развития семьи. В настоящее время нам представляется важной проблема создания методов эффективной борьбы сексуальной энергетикой с реакционной политикой в области сексуальности и культуры, в которой авторитарная семья играет решающую роль. Подробный анализ основы авторитарной семьи и результатов её воздействия имеет огромное значение еще и потому, что даже в революционных кругах отсутствует ясность по этому вопросу.

Для создания эффективной системы сексуально-энергетической гигиены на массовой основе необходимо подробно рассмотреть одно из противоречий, заключенных в существовании авторитарной семьи.

Наряду с экономической зависимостью жены и детей от мужа и отца институт авторитарной семьи нуждается в дополнительных факторах для своего существования. Угнетенные сословия в состоянии выносить эту зависимость только при условии максимального блокирования пробуждения у женщин и детей сознания своей сексуальной природы. Жена должна играть роль не только роженицы, но и сексуального существа. В принципе, идеализация и обожествление материнства, которые находятся в вопиющем противоречии с тем жестоким обращением, которому подвергаются матери в среде трудящихся, позволяют блокировать у женщин проявление сексуального сознания, подавляя сексуальные инстинкты и поддерживая существование сексуальной тревоги и чувства сексуальной вины. Признание прав сексуально пробужденных женщин неизбежно приведет к полному крушению авторитарной идеологии. Консервативные реформаторы в области сексуальности неизменно допускают ошибку, выдвигая лозунг, гласящий: «Каждая женщина имеет право распоряжаться своим телом». Вместо этого им следовало бы выступить в защиту прав женщины как сексуального существа по крайней мере с такой же энергией, с какой они защищают ее материнские права. Более того, в своей сексуальной политике консервативные реформаторы исходят из задач деторождения, тогда как им следовало бы вести борьбу с реакционными убеждениями, отождествляющими сексуальность и деторождение. По этой причине реформаторы оказались не в состоянии вести эффективную борьбу с мистицизмом. Идеология, превозносящая «достоинства больших семей», необходима для сохранения авторитарной семьи и обеспечения реализации устремлений воинственного империализма. Ее основная задача заключается в том, чтобы в отличие от функции деторождения скрыть сексуальную функцию женщины. Отчетливое различие между «матерью» и «проституткой», которое можно найти, например, в работах философа Вейнингера, соответствует различию, проводимому реакционером между возделением и деторождением. С этой точки зрения занятие сексом ради удовольствия принижает достоинство женщины и матери. Проститутка — это женщина, которая одобряет удовольствие и живет ради него. Ос-явной особенностью реакционной сексуальной политики является представление о том, что сексуальность моральна только тогда, когда служит задачам деторождения. Все, что не соответствует задачам деторождения, аморально. Это представление остается реакционным и в том случае, когда его отстаивают такие коммунисты, как Залкинд и Столяров.

Понять, почему во время выборов гитлеровская партия, подобно центристским партиям, в основном возлагала надежды на голоса женщин, можно только с учетом ее иррационализма. В дан-ном случае действует иррациональный механизм противопоставления двух функций женщины — рождение детей и сексуальная жизнь. Эти соображения позволяют нам лучше понять взгляды фашистов, типичный

образчик которых можно найти, например, в статье, опубликованной 14 октября 1931 года в «Фелькишер Беобахтер».

«Сохранение уже существующих больших семей определяется социальным чувством; сохранение формы большой семьи определяется биологической концепцией и национальным характером. Большую семью необходимо сохранять не потому, что она голодает; большую семью необходимо сохранять потому, что она является важной и необходимой частью немецкого народа. Большая семья важна и необходима не только потому, что только она может обеспечить сохранение населения в будущем, но еще и потому, что национальная мораль и национальная культура находят в ней самую сильную поддержку. Сохранение существующих больших семей и сохранение формы большой семьи суть две нераздельные проблемы... Сохранение формы большой семьи диктуется национальной, культурной и политической необходимостью.. С этой точки зрения необходимо категорически возражать против отмены параграфа 218. Прекращение беременности противоречит смыслу существования семьи, чья задача заключается в воспитании будущего поколения. Кроме того, прекращение беременности приведет к окончательному уничтожению большой семьи».

Таким образом, семейная политика реакционеров позволяет лучше понять проблему прекращения беременности, чем ранее выдвинутые на первый план факторы — промышленная резервная армия и пушечное мясо для империалистических войн. Довод в пользу промышленной резервной армии почти полностью утратил силу в годы экономического кризиса, когда в Германии насчитывалось несколько миллионов безработных. В 1932 году во всем мире насчитывалось около 40 миллионов безработных. Когда политические реакционеры непрерывно твердят нам о необходимости сохранения закона, запрещающего искусственное прерывание беременности, в интересах семьи и «морального порядка» и когда социолог Гротьян, который сам был социал-демократом, выдвигает в этой связи такие же доводы, как и национал-социалисты, тогда мы должны согласиться с ними в том, что «авторитарная семья» и «моралистическая этика» являются существенно важными реакционными силами.

...интерес к авторитарной семье как институту, который ставит своей целью «сохранение государства», занимает центральное место среди всех вопросов реакционной сексуальной политики. Он соответствует аналогичным интересам всех представителей среднего сословия, владеющих небольшими предприятиями, для которых семья является — или по крайней мере являлась — хозяйственной единицей. Именно с этой точки зрения фашистские идеологи рассматривают государство, общество, экономику и политику.

В западной Германии существовало множество преимущественно «социалистически» настроенных групп, выступавших в защиту регулирования рождаемости. В 1931 году во время кампании Вольфа Кинле был поставлен на голосование закон об абортах. При этом оказалось, что женщины, отдавшие свои голоса за центристские партии и НСДАП, высказались за отмену этого закона, тогда как их партии энергично возражали против отмены. Эти женщины проголосовали за сексуально-энергетическое регулирование рождаемости, стремясь добиться права на сексуальное наслаждение. В то же время они проголосовали за НСДАП и партии центра, но не потому, что не знали о реакционных намерениях этих партий, а потому, что их сознание все еще было пропитано реакционной идеологией «чистого материнства», для которой характерно противо— поставление между материнством и сексуальностью. Кроме того, в большинстве своем они находились под влиянием авторитарной идеологии. Ничего не зная о социологическом значении авторитарной

семьи в условиях диктатуры, эти женщины испытывали на себе воздействие сексуальной политики политических реакционеров. Они одобряли регулирование рождаемости и в то же время опасались ответственности перед революционным обществом.

Сексуальная реакция не церемонилась в выборе средств для использования сексуальной тревоги в своих целях. В связи с отсутствием соответствующей сексуально-энергетической контрпропаганды со стороны революционеров нижеприведенный образчик пропаганды неизменно производил определенное впечатление на жен обычных рабочих и мелких буржуа, которые придерживались христианских или националистических убеждений.

В 1918 году Союз борьбы с большевизмом отпечатал плакаты следующего содержания:

«НЕМЕЦКИЕ ЖЕНЩИНЫ

Знаете ли вы, какую участь уготовил вам большевизм?

Большевизм собирается обобществить женщин:

1. Отменяется право собственности на женщин в возрасте от 17 до 32 лет.
2. Все женщины становятся собственностью народа.
3. Прежние владельцы сохраняют приоритетное право на своих жен.
4. Каждый мужчина, желающий воспользоваться образчиком народной собственности, должен получить разрешение в комитете рабочих.
5. Каждый мужчина имеет право пользоваться женщиной в пределах трех часов и не более трех раз в неделю.
6. Каждый мужчина обязан сообщить о женщине, оказавшей ему сопротивление.
7. Каждый мужчина, который не принадлежит к рабочему классу, обязан платить ежемесячный взнос в размере 100 рублей за право пользования указанной общественной собственностью».

Омерзительность такой пропаганды столь же очевидна, как и ее лживость. Но если обычную женщину такой текст приводит в ужас, то реакция прогрессивной женщины может выглядеть следующим образом:

«Я допускаю, что для нас, рабочих, существует только один выход из нынешнего страдания, и таким выходом является социализм. Но он должен оставаться в определенных разумных пределах и не отвергать все ранее существовавшее как неправильное и ненужное. В противном случае это приведет к огрублению обычаев, что еще хуже, чем нынешнее печальное материальное положение. К сожалению, брак, этот чрезвычайно важный и возвышенный идеал, подвергается критике со стороны социалистов. Они требуют полной свободы, абсолютной распущенности и в какой-то мере сексуального большевизма. Каждый должен жить «на полную катушку», предаваться разгулу свободно и без запретов. Муж и жена не должны принадлежать друг другу. В зависимости от настроения муж будет проводить время каждый день с новой женщиной. Это называется свободой, свободной любовью, новой моралью половой жизни. Но эти красивые слова не в состоянии скрыть тот факт, что здесь таятся серьезные опасности. Такой образ жизни приведет к вырождению у мужчин таких возвышенных и благородных чувств, как любовь, верность, жертвенность. Представляется совершенно невозможным, что мужчина или женщина может одновременно любить много других женщин или мужчин. Это противоречит природе. В результате произойдет ужасное огрубление нравов, которое приведет к разрушению культуры. Я не знаю, как обстоит дело в Советском Союзе но либо русские особые люди, либо они не разрешили такую абсолютную свободу и у них еще существуют определенные запреты. - Какой бы прекрасной ни была социалистическая теория и как бы я ни соглашалась с вами по всем экономическим вопросам, все же я не понимаю вас, когда вы рассуждаете о

проблемах секса, и поэтому я нередко начинаю во всем сомневаться».

(Письмо рабочей к редактору.)

В этом письме отражается конфликт, с которым сталкивается обычный человек: его заставляют верить, что он должен сделать выбор между обязательной сексуальной моралью, с одной стороны, и сексуальной анархией — с другой. Обычный человек не знает о существовании сексуально-энергетического регулирования, которое стоит столь же далеко от обязательной морали, как и от анархии. Реакция на жесткое принуждение выражается у него в форме неупорядоченных импульсов. Он защищается и от обязательной морали, и от анархии. Мораль воспринимается им как тяжкое бремя, а инстинкт — как огромная опасность. Воспитанный и связанный авторитетом человек не знает о существовании естественного закона саморегулирования. Он не доверяет себе. Он боится своей сексуальности, так как не научился естественному отношению к ней. Поэтому он отказывается брать на себя ответственность за свои поступки и решения и требует, чтобы им руководили.

Не вызывает удивления следующее описание семейных отношений в России, приведенное немецким профессором Зельхаймом: *«Произошло полное возвращение к сексуальным порядкам доисторических времен, на основе которых в процессе развития сформировались брак и приемлемый сексуальный порядок».*

Обязательный характер супружеской и семейной жизни также подвергались нападкам. Провозглашалась полная свобода половых связей. Известная коммунистка Смидович разработала план сексуальной морали¹¹, регламентирующей поведение юношей и девушек. План выглядит примерно следующим образом:

1. Каждый студент рабфака, даже несовершеннолетний, имеет право и обязан удовлетворять свои половые потребности
2. В тех случаях, когда мужчина испытывает желание обладать девушкой (студенткой университета, рабочей или просто школьницей), она обязана уступить его желанию. В противном случае ее следует считать буржуазной девушкой, которая не может претендовать на звание настоящей коммунистки. «Правда» вполне открыто писала: «У нас между мужчиной и женщиной существуют только половые отношения. Мы не признаем существования любви. Любовь следует рассматривать как нечто психологическое. У нас только физиология имеет право на существование. В соответствии с таким коммунистическим подходом каждая женщина и девушка обязана удовлетворять половые потребности мужчин. Поскольку это не всегда происходит на добровольной основе, изнасилование женщин в Советском Союзе превратилось в настоящее бедствие».

Антиреволюционное движение возникает на основе реакционных убеждений, объединяемых идеологическим мистицизмом и мелкобуржуазным характером экономики. В центре культурной политики реакционеров стоит проблема сексуальности. Поэтому в центре революционной политики в области культуры также должна стоять проблема сексуальности.

Только сексуальная энергетика может устранить неразбериху, возникшую в результате противоречия между обязательной моралью и половой распущенностью.

При возрастании экономического гнета трудящихся масс появляется тенденция к ужесточению норм обязательной морали. Цель этого процесса заключается в предотвращении протеста трудящихся против социального гнета путем усиления их чувств сексуальной вины и моральной зависимости от существующего порядка. Каким образом это происходит?

Вообще говоря, при исследовании фашистской идеологии необходимо учитывать

психологическое воздействие мистицизма, поскольку распространение мистических настроений является существенно важным психологическим условием усвоения массами фашистской идеологии.

Когда после изгнания Брюнинга весной 1932 года к власти пришло правительство Папена¹¹, одним из его первых актов было заявление о намерении осуществлять «более строгое нравственное воспитание нации». Впоследствии эта программа была выдвинута правительством Гитлера¹¹.

В указе о воспитании молодежи говорилось следующее:

«Молодежь будет способна справиться со своей трудной судьбой и высокими требованиями будущего только тогда, когда она научится руководствоваться в своем поведении принципами народа и государства, это означает, что она должна научиться нести ответственность и жертвовать собой ради общего блага. Мягкость и преувеличенное внимание к каждой индивидуальной склонности совершенно неуместны в работе с молодежью, которая должна быть готова к жизни, полной лишений. Молодежь будет вполне готова к служению народу и государству только тогда, когда она научится объективно относиться к работе, ясно мыслить и выполнять свои обязанности, а также тогда, когда она приучится к дисциплинированному, послушному выполнению распоряжений воспитателей и добросовестному подчинению их авторитету.. Воспитание подлинного уважения к государству должно дополняться и углубляться немецким образованием на основе исторических и культурных ценностей немецкого народа... путем погружения в героическое наследие нашей нации... Воспитание уважения к государству и обществу черпает внутреннюю силу в христианских истинах. Преданность и ответственность перед народом и отечеством глубоко коренятся в христианской вере Поэтому мой долг неизменно заключается в обеспечении правильного и свободного развития христианской школы и христианских основ образования».

... национал-социализм отвергал «Ветхий Завет» как «еврейское» произведение. Во всяком случае, такова была позиция известного поборника национал-социализма Розенберга, который придерживался крайне правых воззрений. Аналогично этому интернационализм римской католической церкви также считался «еврейским». Интернациональную церковь необходимо было заменить «немецкой национальной церковью». И действительно, после захвата власти церковь была приведена в соответствие с этой точкой зрения. При этом была ограничена сфера ее политического влияния, но существенно расширена сфера ее идеологического влияния.

«Безусловно, когда-нибудь немецкий народ найдет форму для своего восприятия бога. Эта форма будет определяться его нордической кровью, и только тогда будет достигнута полнота триединства крови, веры и государства».

Готфрид Федер, «Программа НСДАП», стр.49

Необходимо было любой ценой устранить отождествление еврейского бога со святой троицей. Определенные затруднения вызывал тот факт, что Иисус был евреем. Но Стапель быстро нашел выход из этого положения: поскольку Иисус был сыном божьим, его нельзя считать евреем. Еврейские догмы и традиции необходимо было заменить на «опыт своего сознания». Терпимость следовало заменить «идеей личной чести».

Поскольку фашизм столь успешно использует в своих целях мистическое мышление и настроение масс, то борьба с ним может быть эффективной только при условии понимания мистицизма и использования методов просвещения и

психогигиены для ликвидации мистической заразы в массах. Скорость распространения научного мировоззрения значительно отстает от скорости распространения мистической заразы. Причина этого отставания заключается в неадекватности нашего понимания мистицизма как такового. Научное просвещение масс началось с разоблачения коррупции церковных сановников. При этом научно-просветительская деятельность адресовалась не чувствам, а интеллекту масс. Сколь бы искусными ни были разоблачения церковных сановников, они не производили никакого впечатления на мистически настроенного человека. Подробные объяснения того, как государство¹¹ использует жалкие гроши рабочих на поддержку церкви, производили на такого человека не большее впечатление, чем исторический анализ религии в работах Маркса и Энгельса.

Необходимо понять, что авторитарное государство контролирует и использует родительский дом, церковь и школу для прикрепления молодежи к своей системе и миру своих идей. Государство использовало весь свой аппарат власти, чтобы сохранить неприкосновенными эти институты. Поэтому упразднить их могла только социальная революция.

«Стремясь к подавлению всего индивидуального, большевизм разрушает семью, которая всегда придавала человеку индивидуальный характер. Поэтому он ненавидит все национальные стремления. Все народы должны быть приведены к единообразию и покорности большевикам. Но все усилия подавить личную жизнь человека будут тщетны до тех пор, пока он будет хоть немного хранить в своей душе религиозное чувство, ибо свобода личности от внешнего мира будет неизменно проявляться в религии, прорываясь сквозь все преграды». Реакционер (фашист) предполагает наличие тесной связи между семьей, нацией и религией. Эта особенность осталась совершенно незамеченной в социологических исследованиях. Прежде всего следует отметить правильность сексуально-энергетической оценки, а именно: то, что религия называет свободой от внешнего мира, в действительности означает не реальное, а созданное воображением и замещающее удовлетворение. Это вполне соответствует марксистской теории религии как опиума для народа. Это более, чем метафора.

Брауман пишет в типичной для реакционных идеологов манере: «Но у большевизма существует еще один способ уничтожения религии, а именно путем систематического разрушения супружеской и семейной жизни. Большевикам слишком хорошо известно, что религия черпает огромные силы в семье. Поэтому заключение и расторжение браков упрощено до такой степени, что супружество в России граничит со свободной любовью». По поводу «губительных для культуры» последствий введения в Советской России пятидневной недели мы читаем следующее:

«Такое нововведение способствует разрушению семейной жизни и религии. Особое беспокойство вызывают те разрушения, которые производятся большевиками в сексуальной сфере. Разрушая супружескую и семейную жизнь, большевики поощряют моральное разложение настолько, что разрешили противоестественные половые отношения между братьями и сестрами, родителями и детьми. (Здесь имеется в виду отмена наказания за акты инцеста в Советском Союзе) Большевизм не признает никаких моральных запретов».

В советских работах по вопросам брака нередко предпринимаются попытки защитить себя — вместо того, чтобы отражать реакционные нападки на основе

точного описания естественных сексуальных процессов. Совершенно неверно утверждается в таких работах, что сексуальная жизнь в Советском Союзе «аморальна»; сейчас снова происходит укрепление брака. Такие попытки защищаться были не только неэффективны с политической точки зрения, но и не соответствовали действительности. С христианской точки зрения сексуальность в Советском Союзе действительно была аморальна. В связи с упразднением института брака в авторитарном и мистическом смысле этого слова не могло быть и речи об укреплении браков. Наиболее распространенной формой брака в Советском Союзе до 1928 года была разновидность брака, соответствующая тому, что в Соединенных Штатах называется гражданским (фактическим) браком. Эта разновидность брака была законна и практична. Таким образом, русские коммунисты ослабили обязательность супружеских и семейных уз и покончили с морализмом¹¹. Далее оставалось лишь довести до сознания народных масс их противоречие, а именно: страстно желая в душе того, что совершила социальная революция, они также соглашались с морализмом. Для выполнения этой задачи, однако, необходимо разъяснить взаимосвязи между обязательным институтом семьи, мистицизмом и сексуальностью.

Мы уже показали, что националистические настроения проистекают непосредственно из настроений авторитарной семьи. Но мистические чувства также служат источником формирования националистической идеологии. Поэтому отношения патриархальной семьи и мистический склад ума являются основными психологическими элементами опоры фашизма и империалистического национализма в массах. Короче говоря, на массовой основе получено психологическое подтверждение превращения мистического воспитания в основу фашизма в тех случаях, когда социальные потрясения приводят в движение массы. 14 августа 1942 года в газете «Нью-Йорк таймс» была опубликована статья Отто Д. Толишуса об империалистической идеологии Японии. (Создается такое впечатление, будто автор изучал нашу «Психологию масс и фашизм».) В статье автор пишет следующее:

«В феврале этого года в Токио была издана брошюра, принадлежащая перу профессора Чикао Фудзисавы, одного из ведущих представителей японской политологии и философии. В ней содержится поразительное откровение о военных настроениях и амбициях, господствующих не только в милитаристских и ультранационалистических кругах, которые доминируют в японском правительстве, но и в среде интеллигенции.

Согласно этой брошюре, рассчитанной на самые широкие читательские круги, Япония в качестве исконной родины человечества и мировой цивилизации ведет священную войну за воссоединение воюющего человечества в единую мировую семью, в которой каждый народ займет подобающее ему место под верховной властью японского императора, прямого потомка богини солнца, в «центре абсолютной космической жизни», который был покинут народами и в который они должны вернуться. В брошюре содержится обобщение, систематизация и применение к нынешней войне идей, заимствованных из мифологии синтоизма, которым японские политиканы под руководством Йосуке Матсуока придали форму империалистической догмы для оправдания экспансионистской политики Японии. По этой причине брошюра апеллирует ко всем религиозным, расовым и национальным представлениям и эмоциям, которые коренятся в глубинах японского характера. В этом смысле профессор Фудзисава представляет собой некую разновидность Ницше и Вагнера на японский лад, а его брошюра становится японским эквивалентом «Майн кампф» Адольфа Гитлера.

Как и в случае «Майн кампф», внешний мир мало уделил внимания этому направлению японской мысли, которое либо рассматривалось как чистый вымысел, либо относилось к сфере теологии. Тем не менее в течение ряда лет это направление создавало идеологический фон для экспансионистской политики Японии, которая привела к нынешней войне...

Несколько первых абзацев дают достаточное представление об общей тональности брошюры.

«На нашем поэтическом языке Японию нередко называют «Сумера Мякуни». Это название имеет, в частности, значение божественной, всеобъединяющей и всеобъемлющей страны. С учетом философских значений этого названия можно понять основную мысль императорского рескрипта, который был издан 27 сентября 1939 года во время заключения трехстороннего договора. В рескрипте милостивый Тенно торжественно возвещает, что дело великой справедливости должно простираться до самых удаленных уголков земли для того, чтобы превратить мир в единый дом и позволить всем народам занять подобающие им места. Этот знаменательный фрагмент рескрипта позволяет понять саму сущность нашего августейшего правителя, который всегда преисполнен горячего желания возглавить всеобщую единую семью, в лоне которой все народы займут соответствующие места в динамическом порядке гармонии и сотрудничества.

Священный долг нашего Тенно заключается в том, чтобы сделать все возможное для восстановления «центра абсолютной космической жизни» и исконного вертикального порядка, существовавшего среди народов в далекой древности. Таким образом, он собирается превратить современный мир беззакония и хаоса, где слабые брошены на растерзание сильным, в одну большую семью, в которой будут царить совершенное согласие и высшая гармония.

В этом состоит цель божественной миссии, которую Япония призвана выполнить с незапамятных времен. Иными словами, она должна распространить во всем мире космическую энергию, воплотившуюся в нашем божественном монархе; чтобы все разобщенные нации могли вновь духовно объединиться на основе искреннего чувства братьев, в жилах которых течет одна и та же кровь.

Только таким образом можно склонить все народы мира к отказу от индивидуалистического подхода, который в первую очередь проявляется в существующем международном праве».

Это, говорит профессор Фудзисава, «путь богов», и после мистического объяснения его сути продолжает:

«В свете сказанного нетрудно понять, что существующий в Соединенных Штатах капиталистический индивидуализм противоречит космической истине, ибо не обращает внимания на центр всеобъемлющей жизни, посвящая себя только разгулу и удовлетворению прихотей необузданного эго. Диктаторский коммунизм, возведенный в ранг официальной доктрины Советской России, также несовместим с космической истиной, поскольку пренебрегает личной инициативой и использует только жесткие методы государственно-бюрократического контроля.

Примечательно, что руководящий принцип национал-социалистической Германии и фашистской Италии имеет много общего с принципом Мусуби. Одним из многих принципов, отличающих эти страны от демократий и Советского Союза. Благодаря духовному единству Япония, Германия и Италия создали общий фронт против- держав, защищающих старый порядок».

В январе 1933 года в Берлине состоялась массовое собрание, на котором национал-социалист Отто Штрассер задал своему оппоненту, социологу и китаисту Витфогелю, настолько глубокий вопрос, что привел его в замешательство. У присутствующих составилось впечатление, что в ответе Витфогеля содержалось осуждение мистицизма. Штрассер обвинил марксистов в недооценке значения психической жизни и религиозных чувств. Его рассуждения сводились к следующему. Если религия, как полагает Маркс, служит лишь украшением системы эксплуатации трудящихся, тогда как объяснить ее тысячелетнее существование (христианство почти не претерпело изменений за два тысячелетия), учитывая, что на начальном этапе религии понадобилось для выживания принести больше жертв, чем всем вместе взятым революциям. Вопрос остался без ответа, хотя он вполне вписывался в контекст дискуссии. Следует признать его правомерность. Естественной науке пора определить степень адекватности своего подхода к осмыслению мистицизма и средств его укоренения в психологической структуре личности.

С самого начала своей политической деятельности Гитлер опирался на широкие слои населения, которым в принципе была чужда политика. Он привлек на свою сторону не менее пяти миллионов непроголосовавших, т. е. аполитичных, людей, когда в марте 1933 года сделал последний шаг на пути к завоеванию власти «в рамках закона». Левые партии делали все возможное, чтобы привлечь на свою сторону равнодушные массы, не учитывая значения «равнодушия или аполитичности».

При встрече с такой замкнутой личностью пропагандист, опирающийся в своей работе на веру и мистицизм, или фашист, использующий сексуально-либидозные методы, способен полностью овладеть ее вниманием. Объясняется это не тем, что фашистская программа производит на такого человека более сильное впечатление, чем либеральная программа, а тем, что в силу своей беззаветной преданности фюреру и фюрерской идеологии он в значительной мере освобождается от постоянного внутреннего напряжения. Он способен бессознательно придавать своим конфликтам иную форму, обеспечивая таким образом возможность их разрешения. И последнее. Такая ориентация позволяет человеку считать фашистов революционерами, а Гитлера — немецким Лениным. Не нужно быть психологом, чтобы понять, почему эротически соблазнительная форма фашизма доставляет, пусть искаженное, удовлетворение сексуально разочарованным женщинам из мелкобуржуазной среды, которые ни разу не задумывались о социальной ответственности, или молоденьким продавщицам, у которых социальное сознание не сформировалось в силу интеллектуальной неразвитости, обусловленной сексуальными конфликтами. Для того чтобы понять ту тайную роль, какую личная жизнь, т. е., по сути, половая жизнь, играет в сумятице социальной жизни, необходимо ознакомиться со скрытой от глаз людских жизнью вышеупомянутых «аполитичных», социально угнетенных мужчин и женщин. Это невозможно понять на основе статистических данных; да и мы не принадлежим к числу горячих поклонников ложной точности статистики, которая обходит стороной реальную жизнь. А между тем Гитлер завоевывает власть, отвергая статистику и используя сексуальную тревогу.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 11

Клянись на знамени весёлом

Однако радоваться рано -
и пусть орёт иной оракул,
что не болеть зажившим ранам,
что не вернуться злым оравам,
что труп врага уже не знамя,
что я рискую быть отсталым,
пусть он орёт, - а я-то знаю:
не умер Сталин.

Как будто дело всё в убитых,
в безвестно канувших на Север -
а разве веку не в убыток
то зло, что он в сердцах посеял?
Пока есть бедность и богатство,
пока мы лгать не перестанем
и не отучимся бояться, -
не умер Сталин.

Пока во лжи неукротимы
сидят холёные, как ханы,
антисемитские кретины
и государственные хамы,
покуда взяточник заносчив
и волокитчик беспечален,
пока добычи ждёт доносчик, -
не умер Сталин.

И не по старой ли привычке
невежды стали наготове -
навешать всяческие лычки
на свежее и молодое?
У славы путь неодинаков.
Пока на радость сытым стаям
подонки травят Пастернаков, -
не умер Сталин.

А в нас самих, труслив и хищен,
не дух ли сталинский таится,
когда мы истины не ищем,
а только нового боимся?
Я на неправду чёртом ринусь,
не уступлю в бою со старым,
но как тут быть, когда внутри нас

не умер Сталин?

Клянусь на знамени весёлом
сражаться праведно и честно,
что будет путь мой крут и солон,
пока исчадь не исчезло,
что не сверну, и не покаюсь,
и не скажусь в бою усталым,
пока дышу я и покамест
не умер Сталин!

Борис Чичибабин 1959

Пенза 2009-2010гг.

